

НЕМЦЫ СИБИРИ

Культура

№1 (20)
апрель
2011

**«Папа оставался моим наставником
на всем жизненном пути»**

Кто хочет, станет генералом!

Неизвестная Анна Герман

Мы должны сохранить особенность нашего района

Образ немца в русской литературе XIX века

Freu dich

Russlanddeutsche – Volk auf dem Weg

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА		К 20-ЛЕТИЮ ВОССОЗДАНИЯ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ	
О самом главном	1	Где родился, там и пригодился	76
ИЗ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ НЕМЦЕВ СИБИРИ		Мы должны сохранить особенность нашего района	80
Хозяйственная деятельность меннонитов Западной Сибири в конце XIX–начале XX в.: религиозно-этический аспект	3	ЛЮДИ И СУДЬБЫ	
Немцы в Тобольской губернии в период Первой мировой войны.....	8	Кто хочет, станет генералом!	83
Об опыте социокультурных трансформаций в Арктической зоне Сибири.....	12	«Там мы жили будущим, здесь живём прошлым» (окончание)	90
Семантика пищи в зимних обрядах и праздниках немецкого населения Западной Сибири.....	15	Моё родное поле.....	110
Трансформация традиционной модели воспитания немцев Западной Сибири в советский период	19	«Папа оставался моим наставником на всём жизненном пути»	117
Этюды деревенской жизни.....	21	Основатель династии.....	126
«Немцы России: послесловие»	25	Frau Катерина.....	129
Доклады Международной научно-практической конференции «Немцы России – прошлое, настоящее, перспективы становления»	25	Зарубки на память – V.....	133
К 70-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДЕПОРТАЦИИ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ		Erinnerungssplitter aus ihrer Kindheit und Jugend in Sibirien.....	141
Верность и недоверие.....	30	ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЧКА	
Десант (НКВД) и немцы (Поволжье)	32	Неизвестная Анна Герман.....	145
Поволжские немцы в Сибири в первые месяцы после депортации.....	43	Freu dich.....	165
«Страницы изломанных судеб»	45	«Schön ist die Jugend bei frohen Zeiten».....	172
РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ		Вилли Мунтаниолу – 80.....	174
Russlanddeutsche – Volk auf dem Weg	47	Есть на земле места... ..	179
Vermittler zwischen den Kulturen.....	50	Правдивая сказка о неуловимом зайце.....	181
Встреча с канцлером.....	53	«Der blaue Vogel».....	183
НАСЛЕДИЕ		Живое ожерелье	192
В отблеске праздничных костров.....	56	«Крепко держит меня этот северный край»	196
АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА		ПРАЗДНИКИ, СЦЕНАРИИ, КОНКУРСЫ	
Об историческом контексте национальных проблем российско-немецкого народа и его современное состояние	58	Под ярким светом Рождественской звезды.....	199
Некоторые результаты этносоциологического опроса немцев России.....	63	«Книгу жизни его листая...»	205
КАК ЭТО БЫЛО		Путешествие по сказочному переулку братьев Grimm	208
Немцы в окружении Колчака	71	ОБРАЗОВАНИЕ	
		Образ немца в русской литературе XIX века	211
		Трудности перевода. Культурологический аспект	222
		Семейные ценности в русской и немецкой культурах: сопоставительный аспект стереотипных представлений.....	224
		WIR LERNEN DEUTSCH	
		Тексты и задания по теме «Проблемы молодежи» в помощь учителю немецкого языка	227
		Valentinstag	235
		ПОЗДРАВЛЕНИЯ	237

Председатель редакционного совета – Б.Г. Рейтер

На первой обложке: дружная семья Тамары Яковлевны и Константина Александровича Леонгарт (слева направо: сын Константин с женой Ириной, сын Игорь с женой Оксаной и внуки – Игорь, Оля и Юлия; на последней обложке: памятные мгновения XIII Омского областного конкурса немецкой эстрадной песни «Weihnachtsstern – Рождественская звезда-2010».

Издатели: Немецкая национально-культурная автономия Омской области при содействии Правительства Германии в рамках межгосударственного Соглашения поддержки российских немцев.

Редакция не несет ответственности за достоверность опубликованных материалов. Перепечатка публикуемых материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Корректурa немецкого языка Валентины Заречневой.

Наш адрес: 644007, г. Омск, ул. Тарская, 13а, офис 612, представительство общественного фонда «Азово» в городе Омске.

Тел./факс (3812) 948-301. E-mail: eichwald_v@mail.ru

Электронная версия журнала: www/omskrusdeutsch.ru

Отпечатано в ООО «Омскбланкиздат», лауреат конкурса «100 лучших товаров России», лауреат конкурсов «GOLDEN STANDARD EUROPE», «EUROPEAN STANDARD». Тел. +7 3812 212 111, www.omskblankizdat.ru. Тираж 999 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Виктор ЭЙХВАЛЬД

Ответственный за выпуск журнала «Культура»

О САМОМ ГЛАВНОМ, ИЛИ ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ВАЖНЕЕ ВОПРОСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАНЕ

Всё смешалось в нашем общем доме под названием планета Земля. Двухполюсный мир распался, а однополюсный в американском исполнении так и не состоялся. Общественный процесс глобализации продолжается, но уже под барабанный бой парадов национальных суверенитетов. А что продолжает твориться в арабском многонационально-конфессиональном мире, одному Всевышнему известно. По крайней мере, востоковеды до сих пор пребывают в определённой прострации.

Но что там Ближний Восток и Северная Африка. Толерантная «старушка» Европа заговорила о начале конца мультикультурализма, или, как его нежно называют в Германии, «мульти-культи». Сравнительно недавнее признание канцлера ФРГ Ангелы Меркель, что многолетняя интеграционная политика Германии провалилась и настало время более жёсткого иммиграционного законодательства, ввергло многих в шок. Оказывается, «неблагодарные» переселенцы из разных уголков Земли хотят жить в богатой Европе, но при этом не готовы расстаться со своей национальной идентичностью. Вспомним некогда популярную и канувшую в века французскую идеологему: одна страна – одна культура. Кстати, в той же самой демократической Франции, вы не поверите, до 1951 года законодательно было запрещено использование иных языков, кроме французского. Примеров тому – тьма, а вывод один – мононациональная Европа, психологически не готовая стать полинациональной, загнала себя в определённый исторический тупик. Попытка выйти из него может стать началом судьбоносного этапа в мировой истории. Но при этом она может привести, с одной стороны, к укреплению всеобщего доверия между народами, а с другой, к столкновению цивилизаций (строго по Сэмюэлу Хантингтону). Так и хотелось бы посоветовать европейскому истеблишменту обратиться к опыту нашей страны. Ведь действительно, мультикультурность для России не предмет для дискуссий, а единственный способ существования. Но если бы не одно НО. К великому сожалению, мы умудрились за последние десятилетия растерять значительную часть основных ценностей мирного общежития народов России. Пройдя через многочисленные трагедии, преодолевая недоверие, невежество и откровенную глупость правящих элит, мы, казалось, наконец-то достигли определённого уровня цивилизованного сосуществования разных культур. Но в лихих 90-х Россия была отброшена в сфере национальной политики

на несколько десятилетий назад, а во взаимоотношениях с народами Северного Кавказа опустилась до уровня нравов первой половины XIX века. К слову, прочитав недавно интервью с первым заместителем председателя Совета Федерации Александром Торшиным, удивился, что только сейчас планируется создать на базе Ставропольского государственного университета центр по изучению Северного Кавказа. А я думал, что он существует уже минимум лет сто. Но скажите, пожалуйста, как можно «лезть в воду, не зная брода»? Теперь понятно, почему в роли самого авторитетного «кавказоведа» в первой чеченской войне выступил тогдашний «лучший министр обороны всех времён и народов».

В итоге, что имеем сегодня в «сухом остатке»? На мой взгляд, разовые и далеко не всегда удачные попытки решения серьёзных национальных проблем и крайне слабая законодательно-теоретическая база этнокультурного взаимодействия народов в многонациональном государстве. Подавляющая часть чиновников, депутатов и политиков разного уровня не выказывает особого желания заниматься данной «расстрельной» проблемой, если не считать таковым неуклюжие вмешательства во внутренние дела общественных организаций. Такое чувство, что они решили отсидеться, руководствуясь «страусиным» подходом: «Не будите лихо, пока тихо». Некоторые попытки упорядочить межнациональную жизнь через принятие законов «О национальной политике в РФ», «О национальных меньшинствах в РФ» и др. так и остались благими пожеланиями нескольких депутатов Государственной Думы и представителей национально-культурных объединений. Данная «политика» не могла не привести к известным последствиям. На вершину практически перестали системно заниматься вопросами этнического обустройства российских народов, сохранения и развития их культурной идентичности, толерантного воспитания детей и молодёжи. После печальных событий на Манежной площади, когда «лихо» в очередной раз проснулось, сложилось впечатление, что для некоторых управленцев-«технократов» стало полным откровением, что наша Россия, оказывается, многонациональна. Так и хочется не лишний раз напомнить им, что она богата не только нефтью и газом, но и культурами российских народов, требующими к себе, между прочим, постоянной государственной заботы и внимания. Любопытно, что Общественная палата Российской Федерации предлагает

проводить аттестацию полицейских на знание межэтнических проблем. Так, может, начинать надо не с них?

Все современные «культбиты» вокруг национальной политики хорошо прослеживаются через отношения к «много-страдальному» Министерству по делам национальностей. За десять лет существования оно десять раз подвергалось переустройству, пока окончательно не было упразднено. Сегодня некоторые общественные деятели вновь ставят вопрос о необходимости его воссоздания. В ответ определённая часть госчиновников утверждает, что нам не нужен бюрократический орган, подобный сталинскому Наркомнацу (Народный комиссариат по делам национальностей 1917–1924 гг.). Правильно, Сталин тоже так считал, утверждая в своё время, что «два года дрался за уничтожение Наркомнаца», а также, что ему «всё это надоело хуже горькой редьки» (В.Г. Чеботарёва «Наркомнац РСФСР...». М., 2003).

В результате всей этой неразберихи в стране сложилась классическая ситуация, когда «у семи нянек дитя без глаза». Пятнадцать федеральных министерств и ведомств, затрагивающих в своей деятельности в той или иной степени вопросы этнокультурного развития народов России, остались без должной координации. Известно, когда за решение определённой проблемы отвечают все – это значит никто. Совсем недавно Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев выступил с инициативой создания правительственной комиссии по вопросам межнациональных отношений во главе с премьером. Может, это и есть начало модернизации данной сферы? И в обществе будут созданы соответствующие условия для формирования современной политической культуры в области национальных отношений. Но это в будущем, а пока получается знаковая картина: государство не может, а гражданскому обществу не велит. Отсюда и перекосы: к генералу МВД больше доверия, чем к Председателю Ассамблеи Народов России. Между тем слепому видно, а глухому слышно, что силовые методы решения национальных проблем в стране исчерпаны. Государство не в состоянии искоренить ксенофобию. Это под силу современному и сильному гражданскому обществу. Круг замкнулся.

И что же делать? А ничего такого, чего бы мы не знали. Недавно с подобным вопросом я обратился к известному омскому учёному, этнографу Н.А. Томилову. Его ответ был краток: воспитывать со школьной скамьи уважение к великой русской культуре, уникальным культурам всех народов России, пропагандировать их и не жалеть на это ни сил, ни времени, ни денег. Наш Президент как-то высказал мысль, что в Америке мультикультуризм, в отличие от Европы, прижился. И я поинтересовался: а как в Америке? Да всё по Томилову: мультикультурное образование в школах, специальные центры по формированию межкультурного диалога, тренинги и т.д. И это в тех самых США, в которых каких-то 54 года назад в г. Литл-Роке штата Арканзас девять отважных подростков-афроамериканцев начали под усиленной охраной национальной гвардии посещать школу для белых. Так почему эти «отсталые» американцы за последние годы так далеко продвинулись в сфере национальных отношений? Может, потому что не экономят на самом главном? А у нас как? Позволю себе процитировать того же Александра Торшина: «...с 2002 по 2005 год существовала Федеральная целевая программа под названием «Толерантность» (учитель, американцы: «пятилетка за три года» вместо того, чтобы сделать программу постоянно действующей). То, что деньги, причём серьёзные, там освоили – это точно, а какой результат? Программу закрыли, но чтобы кто-нибудь отчитался, я не припомню». («РГ», № 42 от 01.03.11 г.) Обычно в таких случаях говорят: без комментариев. А я, позволю себе вставить свой пространственный, на первый взгляд, не к месту, комментарий. Коррупция по-английски «Соггирт» означает, в первую очередь, «портиль», «развращать» (добавлю: нацию), а потом только «давать взятку». Я к тому, что экономический ущерб восстановить можно через ту же конфискацию «подаренного»

имущества, а вот моральный не восстановишь. В данном случае конфисковать нечего, да и не у кого.

Советский человек-интернационалист уходит в историю. Кто приходит ему на смену? Как практик, занимающийся национальными проблемами, хочу коснуться трёх конкретных примеров из современной жизни реального воспитания молодой смены. Первый из опыта работы омского ежегодного молодёжного лингвистического лагеря, касающийся интереснейшей дискуссии между молодыми представителями России и Германии. Я был горд за россиян, за их умение вести цивилизованный разговор об общих человеческих ценностях и за неподдельную любовь к своей стране. Второй пример связан с лагерем т.н. молодых лидеров – «нашистов» – на озере Селигер и вопиющим случаем, когда молодые люди, насадив на длинные кольца манекены голов с фотографиями неугодных (интересно кому?) общественных и политических деятелей Российской Федерации и Запада, провели шествие по лагерю, выказав при этом своё отношение к ним и весь свой «патриотизм» к России (Вам, уважаемый читатель, это ничего не напоминает?). Третий известный случай произошёл в детском оздоровительном лагере «Дон» с массовой дракой с детьми из Чечни и их срочной эвакуацией по распоряжению Главы Республики Рамзана Кадырова. В последних двух случаях слышится отчаянный крик, адресованный взрослым: «Не губите наши души!»

Я ещё помню, как кавказцы помогали обустроить наше сибирское село. В домах, построенных ими, до сих пор живут мои земляки. Подрастающее поколение на это уже не способно. Кто виноват? Вот смотрю очередной репортаж по телевизору об уничтожении боевиков и молю об одном: только не показывайте убитых в полуспущенных штанах. Нет, показывают. Ребёнок, увидев страшную картину, никогда не будет разбираться, насколько его отец преступник. Он просто, когда вырастет, станет мстить. По понятным причинам, расхлёбывать это «славное наследие» отцов будут наши дети и внуки. Неужели надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять это? Невольно вспомнишь в очередной раз известное изречение Фёдора Михайловича Достоевского: чтобы быть умным, одного ума явно недостаточно. К великому сожалению, российское телевидение скорее вредит, чем помогает в развитии здоровых национальных отношений. Тому ещё одно подтверждение, устроенный с участием представителей некоторых парламентских партий, на одном из региональных каналов в передаче «Знак ответа», настоящий шабаш, взывающий к социальной, политической и национальной нетерпимости. Боюсь, что наше телевидение уже никогда не дорастёт в духовном плане до уровня «свинарки и пастуха». К слову, нельзя не согласиться с писателем Юрием Поляковым, утверждающим, что разве можно было плохо относиться к пастуху кавказской национальности, если его любила наша свинарка Глаша? Сегодняшнее насковзь коммерческое и безыдеальное телевидение не станет, как раньше, под Новый год показывать необычайно-уникальное искусство народов России, продемонстрированное на главной сцене страны. Ведь сцену и телевидение заплонили «галкины» в «кривых зеркалах». А лезгинку так и будут танцевать на лобном месте, за неимением другого.

Что делать? Ничего экстраординарного. Необходимо как можно быстрее наладить откровенный, цивилизованный диалог между властью и многонациональным сообществом, за плечами которого великие культуры и традиции. Согласитесь, было бы крайне неэффективно не использовать их во благо России. Надо помочь нашему государству преодолеть недоверие к собственному народу. Иного нам не дано.

Вспомним, что даже авторитарный Сталин в своё время не «постеснялся» обратиться за поддержкой к советскому многонациональному народу со словами: «Дорогие товарищи – братья и сёстры».

Правда, это было в июле 1941 года...

ИЗ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ НЕМЦЕВ СИБИРИ

Иван КРОТТ

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕННОНИТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ в конце XIX–начале XX в.: РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В последние годы отечественная историческая наука уделяет особое внимание социокультурным, этническим, этическим и религиозным аспектам развития российского общества. В полной мере сказанное относится к истории экономического развития страны, российского хозяйства в целом. Долгое время все эти проблемы оставались как бы в тени и не были предметом исследования ученых. В центре изучения все чаще оказываются сами субъекты экономики, а технико-экономический детерминизм сменяется системным анализом комплекса взаимодействующих факторов, среди которых важное место занимают социокультурные процессы и явления¹.

Думается, что такая перемена отнюдь не случайна. Есть по крайней мере одно обстоятельство, которое заставляет обратить внимание на изучение духовности российского общества. Упрощенное, одностороннее экономическое понимание социокультурных процессов искусственно разрывает сложнейшее переплетение и взаимовлияние экономических, политических, социокультурных, духовно-нравственных и иных форм жизнедеятельности общества. Такой подход лишает возможности дать целостную, хотя и внутренне противоречивую, картину происходивших в обществе процессов. Прорыв к новому, системному видению и делает необходимым глубокое изучение названных выше аспектов. Причём они выступают не как внешнее, чисто механическое «добавление» к экономике, а как ее имманентные свойства.

В настоящей работе затрагивается лишь часть большой и сложной проблемы целостного изучения социально-экономических процессов. Причём сделан определенный акцент на анализ ее религиозных аспектов. Этот шаг является оправданным в силу слабой изученности, а по существу, научного забвения проблемы влияния религиозно-культурных ценностей на хозяйственную деятельность людей.

Религия, экономика и социальная жизнь тесно связаны между собой. В свое время известный экономист и философ С.Н. Булгаков, обосновывая оправданность такой постановки вопроса, писал: «Если личность, играющая роль фактора экономического развития, развивается под влиянием своих этических и религиозных убеждений, то, стало быть, и то или иное религиозное самоопределение личности и вообще религия, как оказывающая влияние на все

области жизни, также относится к числу важных факторов развития народного хозяйства»². Изучая эти явления в совокупности, М. Вебер показал связь «протестантской этики» с «духом капитализма»³. Эти наблюдения М. Вебера чрезвычайно важны и для понимания того, что происходило в Западной Сибири в конце XIX–начале XX в., где в процессе экономической модернизации региона участвовали различные этнические группы, исповедовавшие различные религии и придерживавшиеся разных этических норм в своей хозяйственно-предпринимательской деятельности.

На территории Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. появляются сельские предпринимательские хозяйства. По национальному составу сельскохозяйственное предпринимательство региона было не однородным. Преобладали, в основном, предприниматели русской национальности. После строительства Сибирской железной дороги и массовых переселений начинается быстрое увеличение доли предпринимателей других национальностей, преимущественно немецкой.

Рубеж 90-х–900-х гг. стал первым этапом немецкой колонизации в Западной Сибири⁴. Наряду с крестьянской беднотой из ново- и малороссийских губерний и областей сюда приехали и первые состоятельные сельские хозяева – предприниматели. Сельскохозяйственные предприниматели немцы составляли существенную группу арендаторов и землевладельцев в Западной Сибири. По данным 1905 г., то есть в начале массовой аграрной колонизации Прииртышья, из 42 зарегистрированных на длительные сроки участков казачьих земель в Омском уезде Акмолинской области 9 участков (21,4%) взяли сельские хозяева немцы⁵.

А в 1912 г. из 115 крупных владений, названных в «Памятной книжке Акмолинской области» на этот год, немцам принадлежало 53 (46,0%) участка⁶. По данным Крестьянского поземельного банка, к началу мировой войны в Омском уезде у немцев уже было 73 участка с общей площадью 63 995 дес. земли, что составляло 44% всей частновладельческой земли в уезде. В Петропавловском уезде Акмолинской области они владели 17 участками общей площадью в 13 362 дес. земли (13% частновладельческой земли)⁷. В Тобольской губернии немцам принадлежало 37 участков площадью в 16 681 дес. земли, составлявшей 5% всех частных земель губернии. В Каинском уезде Томской губернии к 1916 г. немцы использовали в хозяйственных целях более 4 тыс. дес. земли⁸.

Основная масса немецких предпринимательских хозяйств Западной Сибири сформировалась на землях Сибирского казачьего войска. Численность немцев на этих землях выросла с 5 человек в 1895 г. до 7821 в 1914 г.⁹ К 1915 г. немцы на казачьих землях владели на правах собственности 73 840 дес. и на правах аренды – 83 039 дес. земли¹⁰. От всей площади земель Сибирского казачьего войска в 4 957 086 дес. немецкое землевладение и землепользование составляло 156 879 дес. (или 3,2%)¹¹.

Особый интерес представляет информация о конфессиональном составе немцев – сельских хозяев и их семей. По сведениям Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска, по вероисповеданию они распределялись следующим образом: представители лютеранства составляли примерно 56%, меннонитства – 22%, баптизма – % и других конфессий – 17%¹². По данным В.И. Бруля, на территории Западной Сибири от 50 до 70% немецкого населения составляли меннонитские и баптистские группы¹³. При этом каждая группа российских немцев сохраняла свои языковые и конфессиональные особенности. Браки, как правило, заключались только внутри конфессиональной группы, колонисты придерживались установившегося ранее порядка землепользования, наследования земли и имущества¹⁴.

На общем фоне развития немецких хозяйств в Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. ярко выделяется высокий уровень хозяйственного уклада у представителей такой этноконфессиональной группы немецкого населения, как меннониты. Именно для меннонитов были характерны значительные успехи в развитии земледелия и скотоводства в сибирских условиях. Представители меннонитов были родоначальниками и распространителями красно-немецкой (красно-степной) породы крупного рогатого скота. Ими применялись более совершенные и передовые способы обработки пашни и возделывания сельскохозяйственных культур. Исследователь переселенческого хозяйства Сибири В.Я. Нагнибеда, говоря о развитии хозяйства немецких колонистов, всегда особо подчеркивал, что именно «у немцев меннонитов мы видим лучший скот, лучшее сено, лучшие урожаи, лучшую пищу»¹⁵.

Наиболее крупные очаги меннонитской колонизации возникали в Кулундинской степи, в Барнаульском уезде Томской губернии, где меннониты водворялись на государственной земле, на переселенческих участках, а также вдоль транссибирской магистрали и вокруг Омска, где они селились на частновладельческой или арендованной земле, в большинстве случаев принадлежавшей ранее Сибирскому казачьему войску¹⁶.

В 1898 г. в Тюкалинском уезде Тобольской губернии, недалеко от железной дороги, меннониты Г.А. Браун и Эзау приобрели у бывшего владельца Кирьянова участок земли, на котором и основали одну из первых меннонитских колоний – Кирьяновку¹⁷. Помимо этих хозяев, в колонии позднее поселилась еще одна группа меннонитов-испольщиков, и в результате к 1916 г. в селении насчитывалось 77 человек¹⁸. Общая площадь этого частновладельческого участ-

ка равнялась 2525 дес., из которых 1500 принадлежали Г.А. Брауну. В предпринимательском хозяйстве Брауна, по данным на 1913 г., имелось 140 дес. посева, был маслобойный завод со стационарным нефтяным двигателем, маслодельный завод с конным приводом и сепаратором производительностью 55 ведер в час¹⁹.

В Кулачинской волости Тюкалинского уезда в конце XIX–начале XX в. возникло более десятка предпринимательских меннонитских хозяйств, многие из которых впоследствии превратились в крупные населенные пункты. Так, в 1900 г. меннонитами К.К. Эзау, И.К. Эзау, И.И. Зименс и другими было приобретено имение площадью 1400 дес. земли (Трусовский участок) за 24 тыс. руб. На этой земле они организовали товарищество. Дополнительно меннониты этой колонии арендовали участок казенной земли площадью 404 дес. В имении была мельница с нефтяным двигателем стоимостью 10 тыс. руб., принадлежавшая И.Ф. Фризену. От этой мельницы вся Трусовка была подключена к электричеству, что по тем временам в Сибири было большой редкостью. Кроме того, имелся маслодельный завод с сепаратором, перерабатывающим 57 ведер молока в час. Масло реализовывалось на экспорт. В предпринимательском хозяйстве насчитывалось 400 дес. пахотной земли, применялись усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия, имелось 100 рабочих лошадей, 100 коров, 30 свиней. Скот содержался в теплых помещениях²⁰.

В этом же районе имели свои предпринимательские хозяйства меннониты Д.И. Дик и Р.Г. Шпехт, которые приобрели значительные земельные участки в собственность. Р.Г. Шпехт купил в 1901 г. 350 дес. земли за 21 тыс. руб., а Д.И. Дик в 1906 г. 967 дес. за 50 тыс. руб.²¹

Одно из наиболее крупных предпринимательских меннонитских хозяйств Сибири находилось в Ишимском уезде Тобольской губернии и принадлежало И.Ф. Вибе. В 1909 г. участок земли площадью в 6000 (по другим данным 6400) дес. был куплен для него отцом Ф. Вибе, проживавшем в Бердянском уезде Таврической губернии. Ранее земля принадлежала известному в Сибири землевладельцу – предпринимателю из Кургана Л.Д. Смолину. В хозяйстве И.Ф. Вибе содержалось до 500 голов скота, разводились породистые лошади²². В Красноярской волости Ишимского уезда находилось еще одно меннонитское имение выходца из Таврической губернии И.Я. Энса. Земельный участок площадью 500 дес. был куплен в 1909 году его братом Я.Я. Энсом у Л.Д. Смолина и слан в аренду²³.

В Акмолинской области на землях Сибирского казачьего войска вдоль Транссибирской магистрали меннониты основали на купленной или арендованной ими земле несколько десятков хуторов и предпринимательских хозяйств. К 1910 г. немцами, главным образом меннонитами, арендовалось 54 участка войсковых запасных казачьих земель общей площадью 67 428 дес.²⁴ В каждом конкретном случае участки арендовались на специально оговоренных условиях. Как правило, договор аренды заключался на 3–5 или 9 лет, а при успешной деятельности арендатора мог продлеваться. Кроме того, отдельные участки сдавались на особых условиях – на 12 лет с правом переарендования еще на 12 лет²⁵. За право долгосрочной аренды арендаторы принимали «на себя обязательства вести не только обычное здесь хозяйство, но и такое, которое бы своими новшествами служило примером для других арендаторов и окрестных хозяев – казаков»²⁶. В 1903 г. из 26 сдаваемых на таких условиях участках 10 (38,5%) арендовались немцами, в основном меннонитами²⁷. Так, А.Ф. Гехтер, решивший перенести в Западную Сибирь свое скотоводческое хозяйство из Таврической губернии, получил в аренду два участка общей площадью около 8 тыс. дес. Согласно условиям аренды, он должен был «в течение первых четырех лет завести

600 каракулевых овец при десяти производителях и привезти один вагон крупного рогатого племенного скота»²⁸. В связи с этим снижалась арендная плата. За оба участка А.Ф. Гехтера последняя должна была составить 91 руб. с надбавкой в 10% каждые 3 года, плюс особая плата по 60 коп. за распашку десятины земли²⁹.

В Томской губернии меннонитские хозяйства, возникшие на бывших частновладельческих участках Сукачева и Михайлова, находились в Татарской волости Каинского уезда. Основная масса меннонитов покупала участки по 70–100 дес. земли, хотя у некоторых предпринимателей были и больше, как, например, у Я. Корниса – 493 дес., а некоторые объединенные семьи (отец и сыновья или зятья) имели до 700 дес.³⁰.

Для меннонитов, как уже выше отмечалось, был характерен значительный уровень развития хозяйства и его высокотоварная направленность. Они вели хозяйство не традиционным образом, а «по-капиталистически», с применением наемного труда, новых методов агротехники и современных машин, ориентируясь на потребности рынка³¹.

Главными приоритетами среди хозяйственных занятий у меннонитов были, прежде всего, высокодоходные отрасли: зерновое земледелие (выращивание яровой пшеницы), молочное скотоводство (содержание высокопродуктивного красно-немецкого скота с целью получения сливочного масла) и мукомольное производство. При этом, как отмечает А.Р. Бетхер, занятие скотоводством с целью получения молока и его переработки на сливочное масло имело для меннонитского населения большое значение, что подтверждается высокой долей дойных коров в поголовье животного стада в Западной Сибири и значительным процентом обеспеченности меннонитских хозяйств оборудованием для переработки молока и выработки сливочного масла – сепараторов и маслобоек³².

Большинство немецких колонистов приезжало в Западную Сибирь без скота, продав его при переезде. Поэтому на первых порах для обеспечения своего хозяйства мясомолочными продуктами меннониты приобретали местный скот сибирской или киргизкой породы. Однако местные породы для меннонитов, владевших в Европейской России породистым продуктивным скотом с высокой молочностью, являлись не совсем удовлетворительными. Так, оценивая рост, окраску, внешние формы местного скота, меннониты отмечали, что он «некрасив», малопродуктивен³³. Поэтому в своих хозяйствах они пытались улучшить местные породы, применив испытанный уже раньше в местах своего выхода метод поглощения производителями красно-немецкой породы серых степных коров. Меннониты старались приобретать уже выращиваемый ими на Украине красно-немецкий скот, выписывая его из Таврической и Екатеринославской губерний или покупая на железнодорожных станциях у едущих дальше на восток переселенцев-меннонитов. Со временем некоторые меннонитские предпринимательские хозяйства стали «рассадниками» племенного скота красно-немецкой породы. Так, хозяйство И. Матиса, основанное в 1900 г. недалеко от г. Омска, имело стадо крупного рогатого скота голландской, симментальской, шортгорнской, а также красно-немецкой пород. К середине 1920-х г. хозяйство выпустило с племенными целями большое количество коров, но главным образом быков-производителей. Скот продавался преимущественно меннонитам не только в соседние селения Омского уезда, но и в другие уезды Омской губернии³⁴. Продажа телок и бычков красно-немецкой породы на племя была для многих меннонитских хозяйств стабильным источником доходов. С хутора Г.Я. Дал, основанного в 1908 г. около г. Омска, к 1924 г. с племенными целями было продано 17 коров, 9 телок и 7 бычков. Хозяйство И.И. Варкентина реализовало 20 бычков в возрасте полутора лет, а также «порядочное

количество коров и телок»³⁵.

Красно-немецкая корова была породой молочной направленности и давала в меннонитских хозяйствах Западной Сибири в среднем 150–170 пуд. молока в год, а отдельные представители до 200 пуд. Молоко коров названной породы было довольно жирным. По результатам исследования А.П. Соколова, в меннонитских хозяйствах Омского уезда у 21% обследованных коров молоко имело процент жира ниже 4, а 72% имели жира в молоке от 4 до 6%³⁶. Поэтому был достаточно высокий выход масла – у красно-немецких коров с 150–170 пуд. годового удоя он составлял 20 пуд.³⁷.

Для меннонитов была характерна высокая степень оснащения современной техникой отдельных хозяйств, при этом доля специализированной техники у них была выше, чем у представителей других локальных групп немецкого населения Западной Сибири (поволжских и волынских немцев)³⁸. Сельскохозяйственные машины приобретали в Омске, Куломзено, Исилькуле. Почти в каждом хозяйстве были мастерские, где эти машины и орудия ремонтировали³⁹.

В меннонитских хозяйствах имелись мельницы для грубого помола зерна и помола белой муки. Особенно перерабатывающая промышленность, по воспоминаниям современников, была развита севернее Омска, где были сосредоточены паровые мельницы, заводы по переработке молока и другие предприятия⁴⁰. Приводимые нами выше примеры также свидетельствуют о высоком развитии хозяйства у немцев – меннонитов в Западной Сибири.

Многие особенности хозяйственного развития у меннонитов имеют свою основу в их религиозном учении. Религия всегда давала традиционное духовное обоснование экономических процессов, формировала духовные стимулы хозяйственной деятельности и нравственные критерии экономического поведения в обществе. В наибольшей степени данное положение относится к протестантизму, в свое время актуализировавшему проблему духовно-религиозных аспектов экономической деятельности.

Поразительную связь между религиозной регламентацией и интенсивным развитием способностей у меннонитов обнаружил М. Вебер, «чье неприятие мира», по его словам, «вошло в поговорку, как и их богатство»⁴¹. Причину этого явления он усматривал в набожности. М. Вебер подчеркивал, что профессиональный труд, мирская деятельность у меннонитов были подчинены идее спасения души. Исполнение профессиональных и мирских обязанностей у них рассматривалось как исполнение религиозных обязанностей, как служение Богу. В связи с этим одной из главных добродетелей в протестантизме, в том числе и у меннонитов, как раз и является трудовая деятельность. При этом особое значение придавалось результатам этой деятельности, тем прибылям, которые она приносила. Если официальный католицизм рассматривал необходимость трудиться, добывать хлеб «в поте лица своего» преимущественно как расплату за первородный грех, как своего рода наказание, то протестант видел в труде важнейшую жизненную ценность, священный долг перед Богом, обществом и самим собой⁴². Поведенческая, прежде всего, экономическая активность получала благословение свыше, и человек как бы вручал себя «надежному божественному партнеру». Превращение делового успеха в показатель избранности тех, кому даровано предопределение к спасению, послужило мощным стимулом эффективного, рационального хозяйствования, ориентированного на получение прибыли⁴³.

Как обращение к Богу в молитве не может иметь конца, так и служение Ему в миру не знает предела. Поэтому профессиональная деятельность протестанта, предпринимательская в том числе, не может прекратиться. Протестант-

предприниматель не может остановиться на достигнутом, удовлетвориться накопленным капиталом, он должен распоряжаться данным Богом богатством исключительно для приумножения славы Божьей, а не для удовлетворения собственных потребностей⁴⁴.

Протестантская этика отличается строгим аскетизмом и проповедует скромность в быту, отказ от роскоши и развлечений во имя подчинения всех сил, средств и помыслов служению Богу. Таким образом, протестантизм создает уникальные духовные стимулы для расширенного воспроизводства, для постоянного наращивания капитала, но не ради богатства, а ради умножения славы Божьей и собственной уверенности в спасении⁴⁵. Поэтому меннониты старались заниматься, прежде всего, высокодоходными отраслями сельского хозяйства. В условиях Западной Сибири, как мы видели выше, это были зерновое земледелие, молочное скотоводство, мукомольное производство.

Однако, как нам представляется, конфессиональный фактор, бесспорно, оказывал влияние на предпринимательство меннонитов в Западной Сибири, но следует помнить, что и экономическая составляющая в этот период также способствовала развитию земледелия и животноводства. Так, в начале XX в. на хлебном внутрисибирском и российском рынках происходил рост цен на зерновые культуры. В Западной Сибири цены выросли с 1901 по 1915 гг. на 22,6% за пуд пшеницы (с 84 до 103 коп.), в Центрально-земледельческом районе на 42,3% (с 78 до 111 коп.)⁴⁶. В этот же период как в самой России, так и за ее пределами существовал постоянный и очень устойчивый спрос на продукцию животноводства. Это отразилось на увеличении как объемов вывоза, так и цен на животноводческую продукцию в Западной Сибири⁴⁷. Следовательно, рост посевных площадей и поголовья скота в хозяйствах сельских предпринимателей меннонитов происходил в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры и отчасти был обусловлен ею. В данном случае мы вполне разделяем мнение В.Ф. Шаповалова, подчеркивающего, что «деловой материализм российского человека существовал как на безрелигиозной, так и на религиозной почве»⁴⁸. Да и сам М. Вебер указывал, что не ставил своей задачей «...заменить одностороннюю «материалистическую» интерпретацию казуальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической казуальной интерпретацией»⁴⁹.

Еще одним отличительным фактором развития хозяйства у меннонитов являлась общинная поддержка соплеменников в экономическом плане, финансовыми средствами в сочетании с индивидуалистическими способами ведения хозяйства⁵⁰. Так, именно в поддержке своих общин из мест выхода в Европейской России видел залог успешного развития меннонитов в Сибири В.Я. Нагнибеда. Исследователь отмечал, что для многих групп переселенцев в Кулундинской степи было характерно на первых порах после переселения «подавленное и угнетенное настроение», прежде всего, в силу «полной беспомощности» перед местными природными и климатическими условиями. Меннониты же, по его наблюдениям, «без страха смотрят в будущее, ибо знают, что в нужде всегда найдут себе поддержку»⁵¹.

Благодаря традициям общинной жизни и взаимопомощи немцы-меннониты, переселявшиеся в Сибирь, могли рассчитывать на помощь родительских общин. Например, переселенцы из Хортицкой волости Екатеринославской губернии для переселения в Сибирь получали безвозмездное пособие в размере 118 руб. и с возвратом по 115 руб. Кроме того, в первый год переселения в Сибирь они обычно получали ссуду в 50 руб. на обсеменение, при этом ссуду они должны были возвращать своему обществу не деньгами, а зерном, которое засыпалось в хлебозапасный магазин пе-

реселенческого общества в Сибири и должно было пойти на нужды общества в случае неурожая⁵².

Общинный фактор развития меннонитов, по мнению многих современных исследователей, также имел под собой конфессиональную основу⁵³. В церковном отношении каждая община меннонитов была автономной. Меннонитская община выступала как правовая и в то же время высшая инстанция, как законообразующая и контролирующая организация. Ее решения никем не отменялись, поскольку она никому не подчинялась.

Меннониты мыслили категориями «своей колонии», «своей общины» как некоей особой «богоизбранной» общности людей. В силу этого их чувство патриотизма было ограничено общиной. Это представление о родной земле превращалось в один из факторов формирования этнического самосознания. Таким образом, этническое самосознание меннонитов приобретало религиозную ориентацию, поскольку они рассматривали себя, как отмечает А.Н. Ипатов, в качестве «богоизбранного народа, объединенного богом в общину святых»⁵⁴.

Нередко чувства религиозной общности отодвигали у меннонитов на второй план экономическую выгоду и расчет. Так, Г.А. Браун, один из сподвижников Петерсовской общины из Крыма, в 1900 г. приобрел в Тюкалинском уезде Тобольской губернии 1500 дес. земли. Примечателен тот факт, что помимо 140 дес., засеваемых силами хозяйства Г.А. Брауна, еще 200 дес. земли из имения сдавалось издольщикам-меннонитам. За пользование землей они отдавали предпринимателю десятую часть урожая зерновых и пятую часть сена, что было существенно ниже принятых в то время расценок⁵⁵. Например, в хозяйстве А.П. Бодылевского при плохом урожае зерно делилось пополам, а при хорошем – все зерно оставалось у издольщиков, а Бодылевский получал обратно весь семенной материал и по 50 руб. с десятины посева⁵⁶. Современники отмечали, что Г.А. Браун в данном случае преследовал не экономические цели, а стремился «поддержать своих единоверцев»⁵⁷.

В заключение необходимо отметить, что участие человека в материальном производстве определяется не только его конкретными потребностями в материальных благах и существующим в обществе классовым делением и разделением труда, но также и сложившимися представлениями о смысле и достойном образе жизни, о социально значимых целях, о предназначении человека, то есть духовно-нравственными аспектами хозяйственной культуры.

Сегодня российской гуманитарной науке необходимо преодолеть узкоэкономический подход к изучению хозяйственной жизни, который является пережитком догматически-материалистического понимания общественного развития. Проявлением этого должно стать более интенсивное изучение духовности российского общества.

Религия всегда имеет активное воздействие на практические импульсы к действию, на жизненное поведение верующих в сфере экономики и производства, на хозяйственную этику народа, его отношение к труду. Ярким примером этого является хозяйственно-предпринимательская деятельность меннонитов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., в которой религия своими специфическими средствами оказывала воздействие на сознание и стимулы экономической деятельности человека, создавая соответствующий нравственный фон, формируя трудовую мораль.

(Endnotes)

1. См.: Бородай Ю. Почему православным не годится протестантский капитализм // Наш современник. 1990. № 10. С. 3–16; Давыдов Ю.Н. Вебер и Булгаков (Христианская аскеза и трудовая этика) // Вопросы философии. 1994.

- № 2. С. 54–73; Панарин А. Парадоксы истории // Вопросы экономики. 1995. № 7. С. 62–73; Зарубина Н.Н. Социокультурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998; Ананьич Б.В. Предпринимательство в России (религиозно-национальный аспект) // Экономическая история России XIX–XX в.: Современный взгляд. М., 2001. С. 243–253; Керов В.В. Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства // Там же. С. 254–264.
2. Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 125.
 3. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
 4. Немцы России. Энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 778.
 5. Государственное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее – ГУ ИСА). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2289, ЛЛ. 70–78 об.
 6. Памятная книжка Акмолинской области на 1912 год. Омск, 1912. С. 201–203; Зашибина Е.Л., Киселев А.Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь. Сборник статей. Омск, 1996. С. 65–66.
 7. Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь... С. 38.
 8. Там же.
 9. Там же. С. 38–39; Немцы России... С. 779.
 10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 430 об.
 11. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1913 г. Омск, 1914. Ч. 2 (Гражданская). С. 23–24. Подсчитано автором.
 12. ГУ ИСА. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2939. ЛЛ. 18, 27, 43. Подсчитано автором.
 13. Немцы России... С. 779.
 14. Там же. С. 778.
 15. Кулундинская степь // Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии, уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. / Под ред. В.Я. Нагнибеда. Томск, 1913. Вып. I. С. 186.
 16. Вибе П.П. К вопросу об истории меннонитских колоний в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Омск, 1999. Вып. III. С. 386; Бетхер А.Р. Землевание и землепользование в немецких поселениях Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. // Немцы в Омском Прииртышье. Материалы областных молодежных научных чтений. Омск, 2003. С. 33–54.
 17. Вибе П.П. К вопросу об истории меннонитских колоний в Западной Сибири... С. 386.
 18. Там же.
 19. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913. С. 217–220; Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив г. Тобольска (далее – ГУТО ГАТ). Ф. 580. Оп. 1. Д. 294. ЛЛ. 237 об. – 238.
 20. ГУТО ГАТ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 294. Л. 239 об.; Ф. 335. Оп. 1. (607). Д. 30. ЛЛ. 17–17 об.; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... С. 221–222; Вибе П.П. Указ. соч. С. 387.
 21. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... С. 220–223; Бетхер А.Р. Указ. соч. С. 38
 22. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... С. 210–211; Вибе П.П. Указ. соч. С. 387.
 23. Там же.
 24. Бетхер А.Р. Указ. соч. С. 36.
 25. Кротт И.И. Социально-экономическое содержание земельной аренды в немецких хозяйствах Омского Прииртышья в конце XIX–начале XX в. // Немцы в Омском Прииртышье... С. 59–60.
 26. ГУ ИСА. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2289. Л. 4.
 27. Там же. ЛЛ. 4–4 об., 5 об.-11.
 28. Там же. Л. 5 об.
 29. Там же.
 30. Там же. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 45. ЛЛ. 70 об-71; Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири... С. 45.
 31. Кротт И.И. К вопросу становления и функционирования немецкого сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. // Немцы Сибири: история и культура. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2003. С. 41–43.
 32. Бетхер А.Р. Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX–первой трети XX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Омск, 2003. С. 169.
 33. Соколов А.П. Красный немецкий скот в Омской губернии. Омск, 1926. С. 11.
 34. Там же. С. 47–48.
 35. Там же. С. 18–19.
 36. Там же. С. 42.
 37. Там же. С. 45.
 38. Бетхер А.Р. Указ. соч. С. 164.
 39. Вибе П.П. К вопросу об истории меннонитских колоний в Западной Сибири... С. 388.
 40. Rahn P. Mennoniten in der Umgebung von Omsk. Winnipeg, 1975. S. 37–38.
 41. Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Атеист. 1928. № 26. С. 25.
 42. Суперфин Л. Религия в индустриальном и постиндустриальном мире (тенденции западного опыта) // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 33.
 43. Вебер М. Избранные произведения. М., 1991. С. 190.
 44. Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 101.
 45. Вебер. М. Избранные произведения... С. 149; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития... С. 102.
 46. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год шестой. СПб., 1913. С. 456–457; Сборник статистико-экономических сведений... Год десятый. Пг., 1917. С. 482–483. Цены даны на весну, подсчитано автором.
 47. ГУ ИСА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 80. Л. 250 об.; Труды Второго Западно-Сибирского съезда представителей учреждений мелкого кредита в г. Томске. СПб., 1913. С. 118; Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914. С. 53–54; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 365.
 48. Шаповалов В.Ф. Россияведение: Учебное пособие для вузов. М., 2001. С. 280.
 49. Вебер. М. Избранные произведения. М., 1990. С. 208.
 50. Немцы России... С. 779.
 51. Кулундинская степь... С. 187.
 52. Там же. С. 186.
 53. Бетхер А.Р. Указ. соч. С. 166; Шпатов А.Н. Меннониты. М., 1978; Крестьянины В.Ф. Меннониты. М., 1967.
 54. Ипатов А.Н. Указ. соч. С. 64.
 55. ГУТО ГАТ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 294. Л. 239; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... С. 217, 220.
 56. ГУ ИСА. Ф. 209. Оп. 1. Д. 722. ЛЛ. 9 об.-10.
 57. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... С. 220.

Яков АДАМ

Директор МУК «Горьковский историко-краеведческий музей», директор Регионального Центра истории и краеведения российских немцев Омской области, мультипликатор ВIZ в области истории и краеведения российских немцев, член Омского отделения Русского географического общества, лауреат Немецкой национально-культурной автономии Омской области.

НЕМЦЫ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ТОБОЛЬСКОГО АРХИВА)

Первая мировая война вызвала взрыв патриотизма в России и послужила причиной крайнего обострения антигерманских и антиавстрийских настроений. Распространялись слухи, что германцы, взявшие под контроль многочисленные торговые и промышленные предприятия, представляют для русского народа реальную угрозу, так как, находясь в тылу, помогают своим соотечественникам. Всюду российский немец представлялся шпионом и предателем, складывался образ опасного внутреннего врага.

Не давал покоя антинемецки настроенной общественности и существовавший в Германии закон о двойном подданстве от 24 января (6 февраля) 1912 г., в котором в России видели «позорное убежище для изменников и клятвеннопреступников».

Повсюду началась спешная перекраска вывесок, исчезли «венские» булочные, «немецкие» колбасные. Запрещались переписка и разговоры в общественных местах на немецком языке. Закрывались издававшиеся на немецком языке газеты. Даже Петербург из-за своего слишком немецкого наименования 18 августа 1914 г. был переименован в Петроград.

С началом Первой мировой войны российское правительство было вынуждено вплотную заняться вопросом, касающимся судьбы подданных враждебных России государств, проживавших на ее территории. 28 июля 1914 г. Николаем II был подписан выработанный Особым совещанием при Министерстве иностранных дел указ Правительствующему Сенату, устанавливающий правила, которыми Россия должна была руководствоваться во время войны. По нему прекращалось «действие всяких льгот и преимуществ, предоставленных в свое время договорами или началами взаимности» подданным неприятельских государств, что влекло за собой подчинение этих лиц общим законам, в том числе постановлениям о натуральных повинностях (военно-конской, военно-автомобильной и т.п.). Согласно указу, тех из них, кто состоял на действительной военной службе или подлежал призыву, должны были задерживать в качестве военнопленных, за остальными же сохранялась свобода пребывания в России. Кроме того, властям предоставлялось право выселять «враждебных подданных» из пределов страны или ее отдельных местностей, а равно

подвергать задержанию и водворению в другие области и губернии. Начались аресты военнообязанных германских и австрийских подданных мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет.

Согласившись с тем, что принудительное выселение всех без разбора подданных враждующих с Россией держав идет вразрез с широкими государственными интересами по поддержанию нормального течения торгово-промышленной жизни страны и обеспечению заработка трудящихся, Совет министров признал необходимым применить к обращающимся с ходатайствами германским и австрийским подданным льготный порядок перехода в российское подданство. Однако подобный переход должен был допускаться только в отношении лиц, заслуживающих безусловного доверия, стремящихся «приобрести права русского гражданства по искреннему убеждению, а не по побуждениям выгоды и сознания безвыходности своего положения».

Законодательным актом от 22 сентября 1914 г. вводились временные ограничения прав неприятельских подданных на приобретение недвижимости, пользование и заведование ею, в том числе в качестве поверенных или управляющих. Данное правило не распространялось «на случай найма домов или квартир для временного пользования и личного жительство».

На основании пункта № 7 Высочайшего указа от 15 ноября 1914 г. «О некоторых мероприятиях, вызванных военным временем» было образовано Междуведомственное при Министерстве торговли и промышленности совещание по обследованию германских и австрийских акционерных компаний, председателем которого стал бывший товарищ министра торговли и промышленности С.Д. Ган. Для учреждения контроля за поступлением и расходованием денежных сумм совещание приняло решение установить надзор за деятельностью немецких и австрийских торговых домов и частных предприятий, а также русских обществ с немецкими капиталами, вследствие чего туда были направлены правительственные инспектора.

С 1915 г. правительственная борьба против засилья немцев усиливается. 2 февраля принимаются законы о правах подданных воюющих с Россией государств на недвижимое имущество. Первый закон касался лиц, состоящих подданными Австро-Венгрии, Германии и Турции, и указывал, что

им воспрещается «и притом навсегда... приобретение каких бы то ни было прав на недвижимое имущество на пространстве всей Империи, включая и Финляндию». Второй закон «О землевладении и землепользовании некоторых районов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев» запрещал мирским обществам (волостным, сельским), образованным из таких лиц, «всякие правоприобретения недвижимостей во всей Империи» в собственность, в залог, а также для владения и пользования. Аналогичный запрет распространялся и на отдельно взятых российских немцев при приобретении ими недвижимости в сельской местности. Третий закон «О прекращении землевладения или землепользования австрийских, венгерских и германских выходцев в приграничных местностях» предписывал российским немцам «отчуждить по добровольным соглашениям» всю свою недвижимость, если она находилась в сельской местности, расположенной в приграничной полосе шириной 100–150 верст, которая протянулась от Финляндии до Каспия. Имущество же нежелающих расстаться с ним «добровольно» было решено пустить на публичные торги на условиях, аналогичных тем, с помощью которых отчуждалась недвижимость подданных воевавших против России государств.

В Тобольском архиве отложились материалы периода Первой мировой войны, показывающие отношение к немецким и австрийским подданным, проживающим на территории Тобольской губернии.

Так в своем письме начальник штаба Омского военного округа мобилизационное отделение от 28 августа 1914 г. сообщает тобольскому губернатору «Военный министр телеграммой от 27 августа 1914 г. за № 5863 уведомил, что Высочайше повелено при производстве принудительного отобрания всех лошадей, повозок и упряжи у германских и австрийских подданных /по соглашению с губернаторами не применять означенные меры к тем из названных лиц, кои известны своею преданностью России или кои стоят во главе предприятий, обслуживаемых русскими подданными, причем само предприятие может от применения означенной меры прийти в расстройство./

Ввиду такого распоряжения прошу по всем вопросам относительно лиц, к которым не будет применяться конфискация, входить в соглашение со Штабом округа»¹.

В августе-сентябре 1914 г. в уездах Тобольской губернии проводилась конфискация лошадей, повозок и упряжи.

Так Тарский уездный исправник в своем рапорте тобольскому губернатору от 20 сентября 1914 г. сообщает: «Доношу Вашему Превосходительству, что у австрийских и германских подданных, проживающих во вверенном мне уезде, конфисковано 11 лошадей, 4 экипажа, 6 телег, 12 хомутов, 8 седелок, 5 возжей, 7 дуг, 8 уздечек, 1 скат колеса, 1 сани, 1 шорка и 1 веревка. Все эти лошади и вещи, как признанные комиссией не пригодными для военных целей, проданы мною с торгов, бывших 8 и 16 сентября, и вырученные от продажи деньги в сумме 996 рублей 87 копеек сданы в местное казначейство с зачислением в доход казны по параграфу 34 статьи 6 Сметы Главного Интендантского Управления под квитанцией от 10 и 17 сентября за № 6172 и 5296»².

Тюкалинский уездный исправник в своем рапорте от 18 сентября 1914 г. писал: «В дополнении телеграммой моей от 17 сентября доношу Вашему Превосходительству, что вырученные от продажи с аукционного торга признанных комиссией негодных лошадей и перевозочных средств, а также и шкуры с одной павшей лошади, отобранных у проживающих в Тюкалинском уезде германских и австрийских

подданных сданы в Тюкалинское уездное казначейство под квитанцией за № 7077 от 13 сентября на сумму 73 рубля; за № 7144 от 17 сентября на сумму 1297 рублей 25 копеек; за № 7190 от 18 сентября на сумму 29 рублей 65 копеек.

Всего сдано в казначейство 1399 рублей 87 копеек и записаны в доходы казны по параграфу 34 статьи 6 Сметы Главного Интендантского Управления за 1914 г.

К изложенному докладываю, что из вырученных от продажи суммы 4 рубля 40 копеек израсходовано на прокорм лошадей в пути их следования и в г. Тюкалинске, какова сумма в казначейство не сдавалась»³.

Тобольский губернатор сообщал 19 сентября 1914 г. в Штаб Омского военного округа «Вследствие телеграфного запроса от 14 сентября за № 13943 сообщая, что у австрийских и германских подданных всего отобрано 63 лошади, 49 повозок и 130 предметов упряжи. Имущество это, за исключением 3 лошадей, 5 повозок и 18 предметов упряжи, признанных годными и переданных военному ведомству, продано с торгов»⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что конфискации лошадей, повозок и упряжи у австрийских и германских подданных не принесли военному ведомству большого дохода, единственное выгоды данного мероприятия – это пополнение бюджета казны.

В материалах Тобольского архива отложились материалы о переписке между уездными исправниками Тобольской губернии и тобольским губернатором о военнообязанных иностранных подданных, в частности германских подданных. Все военнообязанные иностранные подданные находились под надзором полиции в специально разрешенных городах.

17 октября 1915 г. тобольский губернатор направил тюкалинскому уездному исправнику следующее письмо. Он пишет: «Крестьянка п. Семеновского Царицынской волости Роза Гендлер в прошении от 23 августа сего года ходатайствует о разрешении ее родственнику германскому подданному Генриху Ангеловскому переехать из г. Тобольска на жительство в указанный поселок.

Вследствие сего, предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить просительнице, что по существующим правилам подданным воюющих с Россией держав могут быть разрешены переезды из одного места в другое только тем из них, которые по происхождению своему славяне, а так как национальность Ангеловского установить не представляется возможным, то вышеприведенное ходатайство не может быть удовлетворено»⁵.

Здесь же прилагается «Расписка» Розы Гендлер, где отмечается: «1915 года ноября 14. Я, ниже подписавшаяся крестьянка поселка Семеновского Царицынской волости Тюкалинского уезда Роза Гендлер, даю настоящую подписку о том, что сего числа мне объявлено по ходатайству о разрешении родственнику германскому подданному Генриху Ангеловскому переехать из Тобольска на жительство в пос. Семеновский.

Оставить не представляется возможным. Ходатайство неудовлетворено, в том подписываюсь. За неграмотность Розы Гендлер и по ее личной просьбе расписался И.Я. Вилемсот»⁶.

Тюкалинский уездный исправник в своем рапорте от 7 мая 1916 г. за № 19627 сообщает: «Елизавета Францева Янки имеет на своем попечении больного отца Jогана (так написано в документе) Янки, 76 лет и детей: Розалия – 15 лет, Ольга – 2 года, Иогана – 12 лет, Андрея – 3 года. Занимается хлебопашеством, но из-за ухода мужа Бернгарда Янки хозяйство падает.

¹ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 20, л. 46.

² ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 20, л. 117.

³ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 20, л. 123.

⁴ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 20, л. 124.

⁵ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 10, л. 183, 183 об.

⁶ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 10, л. 182.

Елизавета Янки поведения хорошего и ни в чем предосудительном не замечалась, и ходатайство ее заслуживает уважения»⁷.

Здесь же прилагается информация о Бернгарде Янки, в которой отмечается: «Янки Бернгард Юганович, 44 года, германский подданный, родился в России, римско-католического вероисповедания, национальность не указана. В Сибири живет с 1906 г.

С августа 1914 г. выселен в г. Тобольск на жительство»⁸.

В июле 1916 г. председателю Тобольского отдела всероссийского попечительства о пленных славянах О.В. Гржегоржевскому Тобольское губернское управление сообщает: «Препровождаю при этом переписку по ходатайству Елизаветы Янки о разрешении ее мужу германскому подданному Бернгарду Янки возвратиться из г. Тобольска на жительство на участок Костельный Кулачинской волости Тюкалинского уезда. Просим сообщить, какой национальности муж просительницы»⁹.

В августе 1916 г. отмечается, что Бернгард Янки отбыл по проходному свидетельству на участок Костельный Кулачинской волости¹⁰.

В 14-м деле фонда 152 отложились списки проживающих в Тобольской губернии австро-венгерских и германских подданных.

Так, в именном списке проживающих в г. Таре и Тарском уезде австро-венгерских и германских подданных за 10 марта 1916 г. отмечено 17 человек. В списке отмечается фамилия, имя, отчество главы семьи, фамилия и имя членов семьи, возраст, пол.

Семья Шеффер: глава – Шеффер Карл-Давид-Оскар; 57 лет, жена – Шеффер Эмма, 58 лет; дети – Евгения-София-Оттилия, 30 лет, Ольга-София-Оттилия, 25 лет. Никаких занятий семейство Шеффер не имеет, живут на имеющиеся средства в с. Муромцевском Бергамаской волости.

Краевский Петр Иванович, 38 лет. Краевский П.И. – маслодельный мастер, живет в с. Такмакской Бергамаской волости. Прибыл из Омска с разрешения Акмолинского губернатора и как военнообязанный состоит под надзором полиции.

Семья Вержбо. Вержбо Людвиг, 46 лет, жена Вержбо Мария, 46 лет. Дети – Федор, 22 года, Эмиль, 21 год, Фриц, 9 лет, Густав, 7 лет, Отто, 2 года и Мария, 15 лет. Семейство Вержбо занимается хлебопашеством, семья проживает в пос. Федоровском Егоровской волости. Людвиг Вержбо возбудил ходатайство о принятии его с семьей в русское подданство.

Семья Гачик. Гачик Михаил Готлибович, 65 лет; жена Гачик Генриета, 58 лет. Дети – Герман, 17 лет, Ольга, 8 лет. Семья Гачик занимается хлебопашеством в пос. Скирлинском Егоровской волости. Семья Гачик принадлежит к беженцам, прибывшим сюда 30 августа 1915 г.¹¹

В данном же деле Тюкалинский уездный исправник сообщает, что на основании предписания от 26 января 1916 г. за № 3460 составлен именной список всех проживающих во вверенном ему уезде австро-венгерских и германских подданных на 16 марта 1916 г.

В списке германских подданных отмечаются следующие семьи.

Семья Гейнц Рудольфа Арнольдовича, 71 год (чернорабочий), дети – Андреас, 13 лет и Сарра, 11 лет. Проживают на участке Лукинский Кулачинской волости.

Семья Шникер: Петр, 17 лет, Василь, 15 лет, Артур, 12 лет, Николай, 9 лет, Фридрих, 7 лет, Роза, 5 лет, Екатерина, 3 года, Владимир, 7 месяцев. Проживают на участке Бородинский Кулачинской волости, чернорабочие.

Семья Томас Мартына, 58 лет, хлебопашец. Дети – Фераника, 19 лет, Анна, 19 лет. Проживают на участке Бородинском Кулачинской волости.

Семья Титте Франца, 66 лет, и Лизы, 61 год. Вместе с ними проживает Титте Тереза, 32 года, и дети – Мария, 4 года, Франц, 3 года, Андрей, 1,5 года. Проживают на участке Осиповском Кулачинской волости, чернорабочие.

Семья Райковского Франца Павловича, 67 лет, и Елизаветы, 62 года, ведет домашнее хозяйство. Сын Райковский Иван Францевич, 36 лет, содержит паровую мельницу, а сын Яков Францевич, 18 лет, работает машинистом на паровой мельнице. Дети – Иосиф, 15 лет, работает чернорабочим, а Фераника, 24 года, Цицилия, 22 года, Иван и Николай по 2 года, живут с родителями. Призывают на участок Костельном Кулачинской волости.

Семья Янке Ивана, 73 года. Сноха Янке Елизавета Францевна, 40 лет. Дети – Иван, 12 лет, Андрей, 5 лет, Розалия, 15 лет, Франциска, 14 лет, Марта, 8 лет, Анна, 2 года. Проживают на участке Костельном, ведут домашнее хозяйство.

Семья Кюньанфельд Иогана Адельбертовича, 52 года, и Екатерины, 48 лет. Иоган Адельбертович столярничает. Дети – Мария, 23 года, Вильгельмина, 20 лет, Анна, 15 лет. Проживают на участке Кирьяновском. Члены семьи работают чернорабочими.

Гейнц Елизавета Петровна, 68 лет. Проживает на участке Лукинском, чернорабочая.

Семья Шермахер Вильгельма, 49 лет, и Марии, 35 лет. Вильгельм является заведующим сельскохозяйственным складом на станции Кормиловская. Мария и дочь Вера, 15 лет, занимаются домашним хозяйством. Вместе с ними проживают Шермахер Адольф, 44 года, и Елена, 32 года. Адольф – чертежник, а Елена занимается домашним хозяйством.

Семья Квилич Каролины, 74 года, занимается домашним хозяйством. Вместе с ней проживают Квилич Каролина, 21 год, и Квилич Густав, 2 года. Проживают в поселке Семеновском Царицынской волости.

Семья Кремер Якова, 52 года, и Вильгельмины, 40 лет, проживает в поселке Макаркинский Андреевской волости. Кремер Яков занимается хлебопашеством. Вильгельмина и дети – Мария, 20 лет, Каролина, 18 лет, Елизавета, 16 лет, Фридрих, 13 лет, Иустина, 11 лет, и Иоган, 8 лет, ведут домашнее хозяйство.

Австро-венгерские подданные

Семья Кучинского Николая Климовича, 60 лет, занимается хлебопашеством в поселке Елизаветинский Покровской волости. Вместе с отцом хлебопашествует сын Кучинский Николай, 22 года. Домашнее хозяйство ведут София, 13 лет, и Константин, 7 лет¹².

Крестьянский начальник 8-го участка Тюкалинского уезда Тобольской губернии представил 2 апреля 1915 г. список лиц германского происхождения, проживающих во вверенном ему крестьянском участке Тюкалинского уезда. Крестьянский начальник представил список лиц германского происхождения, проживающих на переселенческих участках и арендованных участках в пределах волостей: Больше-Могильской, Любинской, Кулачинской, Густафьевской, Корниловской 8-го крестьянского участка. В своем списке крестьянский начальник представил список переселенческих поселков, арендованных участков, указав год возникновения, на каком участке возник, место выхода поселенцев, а также когда приняли русское подданство. Отмечено, что почти все лица – колонисты русского подданства, которое они приняли (большинство) более 100 лет назад.

⁷ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 10, л. 398, 398 об.

⁸ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 10, л. 400.

⁹ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 10, л. 397.

¹⁰ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 10, л. 406.

¹¹ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 14, л. 105, 105 об., 106, 106 об., 107.

¹² ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 14, л. 123, 124, 124 об., 125, 125 об., 126, 126 об., 127.

Также отмечается, с какого времени проживают на участках поселенцы, собственная или арендованная земля и откуда прибыли.

По Большемогильской волости отмечены немецкие поселения Смоляниковский (1907 г.), наделная земля, место выхода – Екатеринославская и Таврическая губернии; поселок Бабайловский (1908 г.), также наделная земля, выходцы из Екатеринославской, Волынской и Полтавской губернии; поселок Масляновский (1907 г.), наделная земля, выходцы из Екатеринославской и Таврической губернии; поселок Помогаевский (1907 г.), земля арендована у казны на 12 лет, выходцы из Самарской, Воронежской и Варшавской губернии.

По Любинской волости отмечены участок Казанцевский (1914 г.) в числе 17 домохозяев, арендован у казны на 12 лет, выходцы из Тобольской губернии, Тарского уезда, Егоровской волости; поселок при станции Любино (1910 г.) из трех домохозяев, арендованная земля, выходцы из Самарской и Воронежской губернии.

В Корниловской волости отмечен поселок Эйгельфельдский (1907 г.) на наделной земле, выходцы из Херсонской губернии, Тираспольского уезда, Гликстальской и Мало-Ярославской волостей.

В Кулачинской волости располагались на тот момент только участки: Кремлевский, Десятириковский, Халдеевский, Маиревский, Чучкинский, Ивашкевича, Осиповский.

На участке Кремлевском на собственной земле проживали: Изаак Петр Абрамович (1902 г.), Зиминс Иван Петрович (1899 г.), Готман Иван Осипович (1907 г.), Фризен Гергард Генрихович (1906 г.), Эзау Иоган Класович (1900 г.), Андриан Петр Францевич (1911 г.), Эзау Клас Класович (1900 г.), Зиминс Иоган Иоганович (1903 г.), Энс Яков Яковлевич (1900 г.), Энс Иоган Яковлевич (1910 г.), Зиминс Елизавета (1910 г.), Варкентин Иоган Иоганович (1900 г.), Зейферт Арвид Давыдович (1914 г.).

На участке Десятириковском на собственной земле проживали: Дик Гергард Иванович (1907 г.), Дик Яков Иванович (1907 г.), Дик Давыд Иванович (1907 г.), Буллер Иван Абрамович (1907 г.), Эпп Яков Ионович (1907 г.), Виск Николай Класович (1908 г.), Блешашдт Отто Фердинандович (1908 г.), Эпс Генрих Генрихович (1914 г.), Варкентин Борис Иванович (1905 г.), Эпс Петр Андрианович (1905 г.), Остремшиш Людвиг Егорович (1905 г.), Артес Федор Лукьянович (1907 г.), Рамм Иван Иванович (1908 г.), Рамм Емельян Андреевич (1908 г.), Лихтнер Готлиб Давыдович (1908 г.), Штарк Иван Андреевич (1912 г.), Штарк Генрих Андреевич (1907 г.), Шницкер Яков Яковлевич (1908 г.), Кливер Иоган Генрихович (1914 г.), Крекер Дитрих Дитрихович (1908 г.). На арендованной земле с 1908 г. проживал германский подданный Тумас Мартин Якубович, а на арендованной у Дика земли с 1907 г. проживал Гоген Иван Абрамович.

На участке Халдеевском на собственной земле проживали: Унре Давид Васильевич (1910 г.), Варнентин Генрих Иоганович (1910 г.), Унру Корнелиус Васильевич (1910 г.), Бекель Иван Лукиянович (1906 г.). На земле, арендованной у Эзау, проживал Мируа Корнелиус Карлович (1909 г.).

На участке Маиревском на арендованной земле проживали: Лятте Карл Савастьянович (1907 г.), Лихтнер Давыд Давыдович (1904 г.), Корб Егор Федорович (1910 г.), Асылтор Яков Яковлевич (1907 г.), Тильман Андрей Петрович (1907 г.), Пекк Карл Андреевич (1910 г.), Фанштиль Иван Иванович (1909 г.), Кетнер Иван Осипович (1907 г.), Фанштиль Михаил Осипович (1907 г.), Кетнер Михаил Осипович (1911 г.).

На участке Чучкинском на собственной земле прожи-

вали: Тринц Филипп Константинович (1906 г.), Шрейбер Андрей Яковлевич (1906 г.), Шперлинг Кондрат Кондратьевич (1906 г.), Тринц Кондрат Францевич (1906 г.), Шперлинг Кондратий (1906 г.), Шперлинг Яков Кондратьевич (1906 г.), Герр Иоган Валентинович (1906 г.), Герр Валентин Валентинович (1906 г.), Эйхвальд Иоган Михайлович (1906 г.), Ласперт Вильгельм (1906 г.), Шефнер Василий (1906 г.), Вольф Людвиг Филиппович (1900 г.) и германский подданный Ратковский Иоган Францевич (1900 г.).

На участке Ивашкевич проживали на собственной земле: Вагнер Готфрид Вильгельмович (1908 г.), Дейч Фридрих Яковлевич (1908 г.), Герр Валентин Андреевич (1900 г.), Шеффер Иван Иванович (1908 г.), Нец Федор Иванович (1910 г.), Лерих Андрей Христианович (1909 г.), Кальтенбергер Генрих Яковлевич (1912 г.), Энгельман Христиан Христианович (1908 г.). На арендованной земле проживали: Фабрициус Яков Андреевич (1909 г.), Фабрициус Генрих Генрихович (1909 г.), Крео Вильгельм Филиппович (1908 г.), Гофман Адольф Николаевич (1908 г.), Готфрид Фридрих Фридрихович (1909 г.).

На участке Осиповском на арендованной земле проживали: Франц Кондрат Егорович (1907 г.), Рорр Антон Яковлевич (1900 г.), Гептинг Генрих Иоганович (1907 г.), Гептинг Иоган Иоганович (1907 г.), Стесель Иван Михайлович (1907 г.), Ленешмидт Федор Яковлевич (1910 г.), Ленешмидт Федор Федорович (1910 г.), Ленешмидт Егор Федорович (1910 г.), Рорр Яков Осипович (1900 г.), Шефнер Александр Иоганович (1907 г.), Кунгер Вильгельм Адамович (1907 г.), Вал Густаф Готлибович (1906 г.), Титке Франц Густавович (1902 г.).

На собственной земле проживали: Берг Франц Корнелиусович (1907 г.), Классен Давыд Яковлевич (1907 г.), Классен Орон Класович (1907 г.), Шпехт Рихард Генрихович (1900 г.), Шпехт Эдгард Генрихович (1900 г.)¹³.

Транскрипция фамилий, имен и отчеств даны так, как они записаны в документах архива.

В апреле 1916 г. тобольский губернатор сообщает в Петроград: «Всего на территории губернии германских подданных Восточной Пруссии состоит 79 мужчин, из них 72 возраста от 17 до 52 лет»¹⁴.

Далее он отмечает: «Составлены два списка. Один из них – германских и австро-венгерских подданных, проживающих по всей губернии.

Второй же подданные, взятые нашими войсками в Галиции и Восточной Пруссии.

Первой категории иностранцев оказалось:

в г. Тобольске – 730 человек;
в г. Тюмени – 130 человек;
в Тобольском уезде – 40 человек;
в Туринском уезде – 2 человека;
в Тюкалинском уезде – 64 человека;
в Березовском уезде – 15 человек;
в Ишимском уезде – 3 человека;
в Курганском уезде – 43 человека;
в Тарском уезде – 17 человек;
в Сургутском уезде – 7 человек;
в Ялуторовском уезде – 2 человека.
Итого 1054 человека.

Второй категории оказалось в Тобольске – 6 человек, Тюмени – 144 человека. Итого 150 человек. А всего 1204 человека»¹⁵.

Таким образом, по данным Тобольского архива, складывается ситуация с немцами – германскими подданными и немцами – российскими подданными.

¹³ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 14, л. 132-143.

¹⁴ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 14, л. 146.

¹⁵ ГУТО «ГА в г. Тобольске» И.152, оп. 54, д. 14, л. 149-150.

Александр ЯРКОВ

Доктор исторических наук, профессор. Работает в институте гуманитарных исследований Тюменского государственного университета.

ОБ ОПЫТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ СИБИРИ

(к 65-летию Победы)

Активное строительство транспортных магистралей, в т. ч. железнодорожных и трубопроводных, не только способствует экономическому развитию Арктического региона Сибири, но и влечёт смену «социокультурных горизонтов», под которыми следует понимать: глокализацию (глобализация~локализация), вхождение в регион «нового населения» и пространственную ориентацию аборигенов; степень урбанизированности и отказа от традиционного ведения хозяйства; изменение культурных норм и внедрение новых ценностей, почти не совпадающих с прошлыми. И в этом отношении исторический опыт «Мёртвой» железной дороги, строившейся без учёта востребованности её населением региона, одиноково важно учесть при реализации Федеральной программы «Урал промышленный – Урал Полярный» и на строительстве Якутской железнодорожной ветки.

Малоизвестно, что север Сибири в 1942–1944 гг. оказался правым флангом Арктического фронта: сюда заходил крейсер «Адмирал Шеер», блуждали 11 подлодок Kriegsmarine. СССР осознал опасность ситуации (для себя и союзников) уже в 1941 г., когда Севморпуть стал стратегически важным: по нему шли грузы ленд-лиза, снимая напряжение с Транссибирской магистрали; Норильский комбинат обеспечивал сырьём и поставлял готовую продукцию; северные регионы получали уголь, продовольствие и оборудование для станций слежения и метеонаблюдения. СМП стал единственной «дорогой жизни», связывавшей и районы Северной Якутии с Большой землёй.

У противника были определены стратегические цели: в директиве германского ОКВ от 21 июля 1942 г. подчеркивалось, что наступление вермахта нацелено на то, чтобы отрезать

Советский Союз «от Кавказа и, следовательно, от основных источников нефти», находится в непосредственной связи с другой задачей – «отрезать также северную линию снабжения, соединяющую Советский Союз с англосаксонскими державами» [1]. Таким образом, важным условием быстрого сокрушения СССР нацистское командование считало установку транспортно-экономической блокады по всему периметру его границ, включая районы Крайнего Севера. Несмотря на ограниченность советских военных сил, попытки блокирования побережья Северного Ледовитого океана и высадки гитлеровского десанта на Диксон были отбиты, одна субмарина потоплена, а с разминированием Карского моря в 1945 г. война в Арктике закончилась.

Опыт, извлеченный из тех событий, имел последствия для дальнейшего развития Севера. Он показал уязвимость Арктического побережья, трудность его защиты при неразвитой инфраструктуре. В условиях начавшейся «холодной войны» это стало одной из сильнейших мотиваций при разработке проекта создания порта в Обской губе. Для этого планировалось протянуть нитку от Печорской магистрали и уже в апреле 1947 г. принято решение о строительстве порта в районе мыса Каменный. Арктику осваивали не только советские подданные: пленные немцы работали на лесоповале 501-й стройки на побережье р. Полуй, оставив в изданных в ФРГ и Австрии воспоминаниях живые свидетельства о природе, обстоятельствах отбывания плена в Арктике.

Созданное Главное (Северное) управление лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) и «Стройка № 501» были рассчитаны только на труд военнопленных и заключенных ГУЛАГа, но без учёта проблем их адаптации к условиям Севера. Аборигенное население (в тех районах малочисленное) не привлекалось даже для обслуживания, а его интересы (в т. ч. в кочевом скотоводстве) не учитывались. Неизвестно, предполагалось ли в будущем привлечь аборигенов к эксплуатации железной дороги, как и не выявлено изменения конкретных параметров их «социокультурного горизонта», хотя новых факторов было достаточно много.

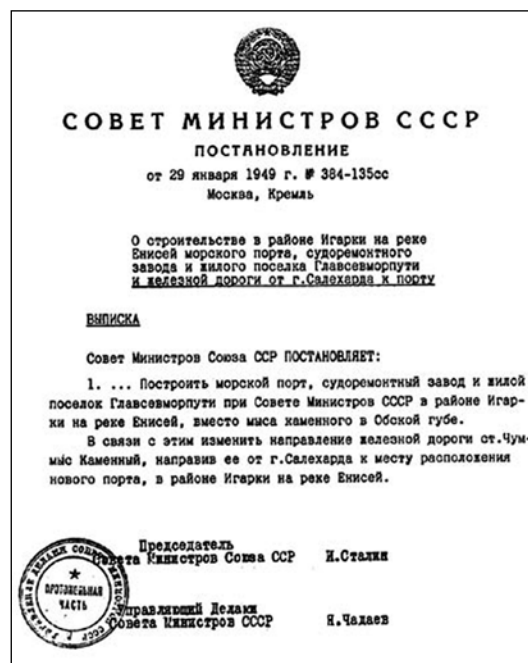
В 1949 г. выяснилось, что мыс Каменный не соответствует названию, а акватория непригодна для организации военно-морской базы. Порт стали строить в Игарке, развёрнутую «502-ю стройку» ликвидировали, но прокладка Полярной желдороги по линии Чум–Игарка длиной в 1263 км представлялась по-прежнему актуальной. ГУЛЖДС разукрупнили, а в его составе были образованы управления исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), строительства № 501 (обязывалось проложить западную часть трассы Чум–р. Пур в 900 км) и № 503 (возлагалось восточное направление: р. Пур–Игарка в 600 км) [2].

К 1951 г. все строители были заключенными и спецпоселенцами, 24% из них – осуждённые по статье 58 УК РСФСР, а 18% – женщины. Суровая природа, тяжёлая работа, неустроенный быт, издевательства уголовников и охраны, скудное питание вызывали протестные акции, хотя и преимущественно пассивные – невыходы на работу из-за отсут-

ствия тёплой одежды и обуви, членовредительство. При этом продолжительность рабочего дня составляла 12 часов с обязательным условием выполнения предельно высоких норм выработки [3]. Вводилась жёсткая система принуждения: на основании Постановления СНК № 35 от января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев» за каждый случай отказа от работы без уважительной причины, недобросовестное отношение к труду, а также за нарушения режима (побеги), самовольный уход виновные подлежали наказанию в судебном порядке на срок до 10 лет ИТЛ [4]. При систематических нарушениях виновные привлекались к уголовной ответственности на более высокие сроки. Денежное вознаграждение выплачивалось лишь спецпоселенцам, но в случае выполнения ими 100% нормы выработки за месяц, в размерах 85% от суммы заработка и не должна была превышать 200 руб. Если норма выработки или сменное задание не выполнялись, заработная плата не выплачивалась [5]. Отсутствие стимулов переводило труд людей в Арктике в тяжёлую повинность, а отношение к природе формировало варварство.

Случались побеги, особенно с прибытием на объекты «бендеровцев» и «власовцев», которые для оперативно-следственной разработки проходили через проверочно-фильтрационные лагеря [6]. Известно, что некоторые беглецы так и не были найдены, но вряд ли они рассчитывали на помощь в побеге от аборигенного населения, для которых любой человек из зоны строительства был «чужим». Между тем Арктика для «новых жителей» становилась «своей», поскольку рядовые власовцы и белоэмигранты вместе с семьями на спецпоселении и в ИТЛ находились там до 1952–1955 гг. Часть из них уже в ИТЛ за различные нарушения лагерного режима получили дополнительные сроки лишения свободы (от 10 до 25 лет ИТЛ).

Не все из строителей были осуждены по праву. Наиболее показательна судьба одного из казаков, волею судьбы оказавшегося в Сибири. Из материалов личного дела *F.* следует, что в плен он попал в 1943 г. и был в лагере завербован в легион, но в 1944 г. бежал и до окончания войны сражался с фашистами во французском Сопротивлении. Вернувшись на родину в СССР, по обвинению в предательстве и шпионаже *F.* задержан СМЕРШем, и после отбытия срока в исправительно-трудовом лагере в 1947 г. был направлен на 501-ю стройку, где

находился на спецпоселении «г. Салехард-Северная экспедиция» до 1952 г. Впоследствии он был реабилитирован [7].

Темпы работ снизились и по объективным причинам – из-за реорганизации летом 1952 г. аппарат управления «503-й стройкой» был переброшен на новое место, а объединённое строительство было возложено на Управление ИТЛ и строительства № 501 ГУЛЖДС МВД СССР. Смерть И.В. Сталина внесла коррективы – уже в ноябре 1953 г. строительство трассы Салехард–Игарка было прекращено. Спустя год МПС добилось ликвидации всех подразделений, кроме участка Чум–Лабитнанги, оконченого в 1955 г. Между тем на трассе Салехард–Игарка уже было уложено 848 км пути, построено 75 рабочих поселков, 35 станционных и 11 складских помещений. Самое удивительное, что осуществлялось движение поездов

Спустя полвека – с юга, от Транссиба пришла на Север железная дорога, став результатом обобщения опыта войны, который долгое время был не востребован. До сих пор в сознании жителей тундры зона «Мёртвой дороги» – «Мёртвая», вблизи которой нельзя пасти оленей, охотиться, разбирать постройки или жить вблизи. Заметим, что, напротив, известны случаи оседания в посёлках стройки бывших заключенных, для которых место каторги стало местом дальнейшей жизни.

Отчуждение территории, в 1940-1950-х гг. вызванное требованиями ГУЛЖДС МВД СССР, создало у аборигенного населения табуированное пространство «чужого», которое не может стать ресурсом и в перспективе. Это важно учесть при современном экономическом и социокультурном освоении Арктической зоны Сибири, предусматривая гарантированные законом зоны проживания и системы адаптации – для аборигенных жителей, переходы на традиционных путях движения – для животных.

(хотя и по временной схеме) до Надыма – более 300 км, но и оно вскоре замерло – остались бараки и вышки бывших лагерей, заброшенные кладбища, разрушенные посёлки, просевшие в тундру паровозы. Выпущенные из мест заключения вернулись, за редким исключением, в места прежнего проживания. Так закончился один из самых дорогих (более 4 млрд. руб.) транспортных проектов, нанёсших ущерб и социокультурному облику территории, его населению.

[1] *Радо Ш.* Под псевдонимом «Дора». Воспоминания советского разведчика. М., 1978. С. 100.

[2] *Ямал:* энциклопедия: [в 3 т.]. Т. 2. Тюмень; Салехард, 2004.

[3] *РГВА.* Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 2. Л. 112-116.

[4] *ИЦ ГУВД ТО.* – Информационный центр Главного управления внутренних дел Тюменской области. Ф. 2. Оп. 1. Арх. 44. Л. 1-12.

[5] *РГВА.* Ф. 1п. Оп. 37 а. Д. 1. Л. 114 об.-125 об.

[6] *ГА РФ.* Ф. 9401. Оп. 1. Д. 737. Л. 180-214.

[7] *ИЦ ГУВД ТО.* Ф. 2. Оп. 1. Арх. 10919. Л. 1-6.

Сулушаш КУРМАНОВА

Кандидат исторических наук (тема кандидатской диссертации: «Пища немцев Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI века»), сотрудник музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

СЕМАНТИКА ПИЩИ В ЗИМНИХ ОБРЯДАХ И ПРАЗДНИКАХ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Одним из важных разделов современной этнографии является изучение традиционного питания народов России. Пища, ее состав, способы приготовления повседневных, праздничных и обрядовых блюд, особенности приема пищи, застольный этикет – все это тесно связано с этническим и социальным мировоззрением того или иного народа. Не случайно изучение традиций питания во всем их многообразии привлекает все большее внимание ученых¹.

Источниковую базу данной работы составили материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, собранные в 1989–2009 гг. в сельских населенных пунктах Омской, Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края.

Из обрядов и праздников зимнего цикла у немцев Сибири особое место принадлежит Рождеству и Новому году, поэтому мы подробнее остановимся именно на них. В Сибири, как и во всем мире, немцы выделяют Рождество (*Weihnachten*) как главный праздник годового цикла. Обычай особо выделять праздник Рождества пришел в Россию из Германии, где бытовала пословица: «Нет праздника больше Рождества, как нет гнезда выше орлиного» («*Über Weihnacht kein Fest, über des Adlers kein Nest*»)².

Рождество отмечали два дня торжественными богослужениями. Подготовку к нему начинали заранее, стараясь закончить все работы по дому. В праздник же любой вид трудовой деятельности запрещен. Нарушившему запрет община определяла наказание, например, в с. Поповка Азовского Немецкого национального района Омской области такого человека штрафовали (0,5 ведра водки)³.

Рождеству предшествовал 4-недельный пост – Адвент (*Advent*). В понимании Адвента как религиозного обряда между католиками и протестантами существует определенная разница. Заключается она, прежде всего, в том, что в католицизме покаяние достигается путем воздержания от употребления в пищу продуктов животного происхождения. Поэтому немцы-католики на период Адвента отказывались от мяса. Протестантизм же не признает пищевых ограничений. Например, у лютеран пост выражался в за-

прете играть свадьбы, развлекаться⁴.

Адвент заканчивался 24 декабря. Вечером этого дня все жители деревни, дети и взрослые, шли в церковь на праздничную литургию. Праздничная рождественская месса у католиков проходила ночью. Обычно она начиналась около 10 часов вечера и заканчивалась уже после полуночи. Особенностью сочельника у католиков и лютеран было соблюдение поста до захода солнца, «до первой звезды». 25 декабря протестанты устраивали собрания утром (в 10 часов) и вечером (в 18 часов). У католиков Святая месса проходила также два раза в день (в 10 и 14 часов)⁵.

Праздник Рождества сопровождался множеством атрибутов, главным из которых была рождественская елка (*Weihnachtsbaum*). Она устраивалась накануне Рождества в доме, церкви или в школе и украшалась фигурными пряниками и конфетами собственного приготовления⁶.

Для всех немцев Рождество было самым любимым семейным праздником. Семейный характер Рождества проявлялся, прежде всего, в рождественском ужине – так называемом «Святом ужине» (*Heiliger Abend, Christabend*). За общей трапезой собиралась вся семья. Если кто-то из членов семьи был в отъезде, то обязательно должен был вернуться к этому дню домой. Отсутствие кого-либо из родственников за праздничным столом считалось для него плохой приметой. Ужин проходил в узком семейном кругу, посторонних в дом не приглашали⁷.

После того как вся семья усаживалась за стол, зажигали свечи. Их количество не было строго определенным, а зависело от достатка семьи. Так, в семье Елены Редих из с. Ротовка Русско-Полянского района Омской области за-

жигали четыре свечи – символ счастья в доме⁸. Затем хозяйин или хозяйка дома читали отрывок из Евангелия и после этого приглашали начать праздничную трапезу.

Набор рождественских блюд носил традиционный характер. Предки немцев были выходцами из разных земель Германии, отличаясь друг от друга не только разговорным языком (диалектами), религией, но и особенностями культуры, в частности, питанием. Например, на севере Германии «святой ужин» обычно состоял из семи или девяти блюд. Предпочитали рыбную икру или селедку и карпа, горох, бобы, мак, яйца, просынную кашу. В Гамбурге и Шлезвиг-Гольштейне главной рождественской едой был карп, в сельской местности свинина, в некоторых местах – свиная голова. В Рудных горах это был рождественский ужин из девяти блюд (Neunerlei). Обычай Neunerlei Essen очень древний. Ему приписывалось сверхъестественное воздействие⁹.

Немцы Сибири также придавали большое значение выбору и числу блюд: протестанты считали, что их должно быть 7 или 9, католики – 5, 7 или 9. Например, это могли быть такие блюда, как свинина, колбаса, запеченная курица, капуста и др. По поверью, если святой ужин будет обильным и сытным, то таким же будет и весь следующий год. Кроме того, большое значение имел и порядок потребления праздничных блюд (Speisefolge). В первую очередь подавали супы с лапшой домашнего приготовления на говяжьей (Rindprie) или курином бульоне (Hinnerprie, Hingelprie). Затем подавалось жаркое (Proud) из свинины, гусятины или утятинины или тушеная капуста со свиной (Kraut und Prei)¹⁰.

У германских народов свинья преимущественно служила символом солнца, и ее приносили в жертву солнечным богам. Обрядовое употребление немцами свинины на немецких праздниках, в том числе и на Рождество, весьма обширно. Во всех населенных пунктах к рождественскому столу подают жирную свинину. Как отмечалось выше, в некоторых местах Германии главной рождественской едой была свиная голова, в Сибири же ее заменили свиной окорок или колбаса¹¹.

Блюда из свинины, приготовленные к Рождеству, должны были способствовать магическим образом плодородию, хорошему приплоду скота, так как из всех животных именно свинья является наиболее плодородной. Кроме того, блюда из свинины отвечают более общей идее достижения счастья и благополучия. У немцев даже есть пословица: «Schwein haben», что переводится как «иметь свинью», а означает «иметь счастье»¹².

К Рождеству специально откармливали гуся, подавали его фаршированным яблоками или капустой¹³. Капусте (Sauerkohl, Sauerkraut) же немцы приписывали целебные

свойства и обязательно ставили ее на стол. По поверью, тот, кто ест кислую капусту в Рождество, весь год будет здоровым. Когда хотят пожелать кому-нибудь счастья, говорят «Leb wohl, ess Kohl» (живи хорошо, ешь капусту)¹⁴.

Яков Дитц, описывая традиции и обряды поволжских немцев, отмечал: «На Рождество в первый день мяса не едят по странному поверью, что иначе волки порвут скотину, и едят только сладкий суп; на второй день – жареная курица»¹⁵. Такое же поверье существовало у жителей с. Александровка Азовского немецкого национального района Омской области, предки которых были выходцами из Поволжья¹⁶. Также к рождественскому столу не готовили мясных блюд в двух селах Алтайского края – в с. Камышенка Табунского района и с. Орлово Немецкого национального района¹⁷.

Раньше распространенным рождественским блюдом была тушеная тыква, которую готовили утром 24 декабря. Сначала ее разрезали на кусочки, тушили до готовности, затем добавляли в нее сахар, корицу и выкладывали на блюдо¹⁸.

Для праздничного стола было характерно большое разнообразие булочных изделий (Sammel). В первую очередь, это были ривелькухе (Riewelkuche, Riewelplot, Streuselkuche, Zukerkuche), пирог с сыром (Käskuche), кребель (Kräbbel, Kröppeln, Schulzohren), «двойные» булочки (Twieback, Zwieback), фигурные пряники или печенье (Prenig, Niklus), рождественские пончики (Portzel), крендель¹⁹.

Среди различных изделий рождественского стола особое значение имело фигурное печенье (Schnetke). В разных областях Германии пекли изделия различной формы: так, в Оснабрюке – в форме зайца (символ плодородия) и коня, в Тюрингии – в виде женщины с колесом, в других местах – в форме кольца, звезды, колес, оленя, плетенки и т. д. Часть этих печеных изделий дарили, часть съедали сами, часть давали скоту²⁰.

В Сибири фигурные пряники (Prenig, Niklus) также пекли в форме зверей (коня, зайца), птиц, геометрических фигур, звезды, полумесяца, сердца, куклы и др. Католики с. Зазелетеновка Любинского района и с. Ротовка Русскополянского района Омской области такое печенье называли «Niklus» в честь св. Николая. Готовили его из слобного теста. Иногда в него добавляли домашний крахмал, который получали путем переработки картофеля²¹. В католических землях Германии фигурные пряники называли «Nikläse»²².

Печенье вырезали с помощью специальных жестяных формочек домашнего производства. Часто его красили белой и розовой глазурью, а сверху наносили разноцветные узоры. В с. Редкая Дубрава Немецкого национального района Алтайского края узоры на праздничное печенье наносили чернилами. Чтобы пряники получились румяными, их смазывали сладким чаем либо яичным желтком. Как уже было отмечено, традиционно немцы Сибири украшали ритуальным печеньем рождественскую елку – так магическая сила первого элемента соединялась с жизненной силой живого зеленого дерева.

Многие этнографы отмечали ярковыраженный символический характер обрядового печенья. Вопрос о его происхождении до сих пор остается неясным. По мнению Э.А. Рикмана, «печенье-дар в виде фигур растений, животных или птиц было средством повышения магическим путем плодородия полей и домашнего скота»²³. Немецкий этнограф В. Маннхард отмечал, что это связано с верованиями в хлебных демонов. Некоторые ученые рассматривали это печенье как замену приношения живых жертв. Так, Н.Ф. Сумцов отмечал, что «...с зарождением земледельческого труда жертвоприношение хлеба шло взамен жертвоприношения животных. Бедные люди, которые не в состоянии были принести богам в жертву быка, барана,

козла или свинью, приносили сделанное из теста изображение того или другого из этих животных»²⁴. Фигурное печенье в форме животных вполне можно считать магическим изображением будущего приплода скота.

У немцев Сибири раньше необходимую принадлежность праздничного стола, в том числе и рождественского, составляли каши из различных злаков, бобовых растений. Согласно народным представлениям, употребление в пищу на Рождество большого количества зерен должно способствовать хорошему богатому урожаю в наступающем году²⁵.

Каша – одно из самых древних блюд, известных человечеству. Само слово «каша» означает кушанье, приготовленное из растертого зерна (санскр. Каш – «тереть»). Первоначально каша – жидкая похлебка из муки; впоследствии с распространением гречихи, слово «каша» стало означать преимущественно гречневую кашу. Кашу приносили в жертву богам земледелия и скотоводства. Древние германцы в праздник Перахты готовили и ели кашу²⁶. Именно потому, что каша была предметом жертвоприношения в древности, обряды с кашей развивались и удерживались в народном быту долгое время. Впоследствии бытовое значение обрядового употребления и приготовления каши состояло в выражении пожелания урожая или плодородия. В настоящее время у немцев Сибири каша как обрядовое кушанье не встречается.

Цели изобилия и умножения пищи, помимо злаков и бобовых, служили и другие кушанья, отличающиеся множественностью: мак, орехи (Nüsse), рыбная икра и др., которые, согласно народным представлениям, являлись символами богатого урожая и, следовательно, достатка семьи.

Из традиционных сладостей обязательным был мед (Hönig). В древности мед являлся символом чистоты, Божьего слова, красноречия, поэзии, поэтому не случайно его называли пищей богов, бессмертных и поэтов. По представлениям же немцев, мед – символ счастливой, «сладкой» жизни.

Особое значение придавали в рождественский ужин хлебу. Хлеб для рождественской трапезы рано утром 24 декабря пекла из лучшей белой муки старшая женщина в семье. Обязательное использование в рождественском пищевом рационе хлеба было следствием отношения к нему как «божьей благодати». Например, меннониты подчеркивают свое уважение к хлебу как к святому продукту. Так, большим грехом считается разбрасывание в нечистоте даже крошек: «Крошка есть – отложи в сторону, приberi. Мама увидит, что хлеб валяется – поднимет, птичкам даст»²⁷.

Хлеб – сакральный предмет, обладающий многозначной символикой. У немцев хлеб во все времена был символом богатства и благополучия. У многих народов, занимающихся земледелием, хлеб считался наиболее сакральным продуктом. Так, по мнению А.К. Байбурина, хлеб у славян «как бы вмещал в себя счастье и благополучие дома»²⁸. Семантика хлеба включала в себя также представления о жизни, воскресении, живом существе. Хлебу приписывались также способности отгонять болезни, придавать силу, сохранять здоровье»²⁹.

В той или иной форме хлеб присутствовал во всех обрядах и праздниках немцев. К примеру, в свадебной обрядности он символизировал богатство и счастье будущей семьи. Необходимо отметить, что сакральными свойствами наделялись не только готовые изделия или зерно, но и все предметы, связанные с хлебом. Для благополучия скота приносили жертвы домашним животным. Так, в рождественскую ночь скоту давали ритуальную пищу – куски хлеба, посыпанные солью. Немцы считали, обрядовый хлеб может отвести от домашних животных болезни и обеспечить быстрый и хороший приплод скота³⁰.

В немецких семьях на Рождество готовили в основном

блюда, считавшиеся традиционно немецкими, а в смешанных семьях рождественское меню зависело от привычек и правил супруги. Немки-хозяйки готовили и блюда других национальных кухонь. В их меню пришли некоторые блюда из русской кухни, например, пельмени. Также на Рождество немцы готовили манты, плов, голубцы. Из заимствованных сладких блюд можно назвать татарский национальный торт «чак-чак» («сладкая горка»). Немцы, живущие в приграничных с Казахстаном районах, иногда готовили бешбармак. Его варили из говядины или мяса птицы. В Сибири обязательным блюдом, которое немцы готовят к Рождеству, становится холодец³¹.

Из напитков предпочитали кофе. Употребляли и алкогольные напитки. Перед едой взрослым членам семьи разрешалось выпить по рюмке водки. Но пили мало «наперстками», и бутылки обычно хватало на два дня. Во время рождественской трапезы пили вино собственного приготовления. В настоящее время у большинства немцев запреты или ограничения на употребление алкогольных напитков в праздничные дни ушли в прошлое³². После рождественского ужина вся семья собиралась у елки и пела песню, которую в Рождество поют немцы во всех странах мира: *Stille Nacht, Heilige Nacht!*

Следующим праздником календарного цикла, повсеместно отмечаемым немцами, был Новый год (Neujahr). П.К. Галлер писал: «Новый год особым почетом не пользуется. Это гражданский праздник. Тем не менее один день празднуется»³³. Однако полевые материалы противоречат этому утверждению. Конечно, по сравнению с Рождеством Новый год был менее значительным праздником, но все же его отмечали очень весело и не один день³⁴.

Как и в любой праздник, в этот день устраивался ужин, который проходил после молитвенного собрания. Новогодний ужин во многом напоминал рождественский. На стол ставили все, что производилось в домашнем хозяйстве. Обязательным элементом праздничного

Дубс Фрида Генриховна с приготовленными ею тушеной капустой и картофельным пюре (Kraut und Prei) (с. Звонарев Курт Азовского немецкого национального района Омской области)

стола была жирная свинина и свиные колбасы. Я. Дитц отмечал, что у поволжских немцев на Новый год жарится колбаса и сало, которые служат закуской при обильной выпивке³⁵.

Большим разнообразием отличались пироги (Kuchen) и булочные изделия (Sammel): пирог с пылкой (Riewelkuche, Riewelplot, Zuckerkuche), оладьи (Pannekuchen), кребель (Kräbbel, Kröppeln), фигурное печенье (Prenig, Niklus), новогодние пончики (Neujahrspörtzel) и др.³⁶

Было и много напитков: кофе (Kaffe), чай – степной (Stiepptee), солодовый (Sießholztee), черный (Schwarztee), квас (Quast). В настоящее время больше пьют покупные напитки: соки, газированную и минеральную воду. Употребляли и алкогольные напитки: самогон (Schnaps), домашнее пиво (Pier) и вино (Wein). Трапеза всегда начинается и завершается благодарственной молитвой.

Ужин 31 декабря был по преимуществу богатым и сытным, так как по изобилию, с которым встречается Новый год, немцу хотелось бы судить о довольстве в наступающем году. Сам признак обилия пищи трактуется в связи с «магией первого дня»: каким будет первый день, таким будет и весь год. Отличительной особенностью новогоднего ужина по сравнению с рождественским было отсутствие регламентации в количестве блюд и порядке подачи их на стол. При подготовке ужина рассчитывали не только на членов семьи, но и на многочисленных гостей, которые могли прийти в новогоднюю ночь.

1 января во всех немецких селах Сибири было принято ходить в гости к родственникам, друзьям и соседям с поздравлениями и подарками. Новогоднее пожелание произносили в стихотворной форме. Самым распространенным поздравлением было следующее:

Ich winsche euch ein runde Tisch,
In jeder Eck ein golden Fisch,
In die Mittel ein Kleshe Wein.
Das soll euer Neujahr sein³⁷.
Я желаю вам круглый стол,
В каждый угол по золотой рыбке,
В середине – стакан вина.
Пусть это все будет в Новый год.

Поздравления могли быть в прозе:
Ich wünsche euch viel Glück im neues Jahr, langes Leben, Gesundheit, Friede und Einigkeit, nach eurem Tod ewig Glück und Seligkeit!³⁸ – Поздравляю вас с Новым годом, желаю долгой жизни, здоровья, мира и согласия, вечного счастья и блаженства после смерти!

Одновременно с пожеланиями гости обсыпали хозяев зернами пшеницы, ячменя, гороха и др. Немцы считали, что рассыпанные зерна обеспечат в следующем году щедрый урожай³⁹. Во всех культурах зерно считалось древнейшим символом плодородия. Плодоносящая сила зерна, таившего в себе секрет произрастания и, соответственно, тайну круговорота жизни, диалектическую триаду «жизнь-смерть-жизнь», вызвала представления о его сакральных свойствах⁴⁰.

Итак, в зимних обрядах и праздниках сибирских немцев главную роль играли свинина, хлеб, зерно, зооморфные фигурки из теста, символизировавшие плодородие, богатство, благополучие и возрождение.

(Endnotes)

1. Арутюнов С.А., Воронина Т.А. Предисловие // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 5 – 9.
2. Курило О.В. Церковные праздники лютеранского населения России (XIX–XX вв.) // ЭО. – 1997. – № 2. – С. 99–111.
3. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (далее МАЭ ОмГУ). – Ф. I. 1993. Д. 83 – 2. Л. 1.

4. Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. – М.: Готика, 1999. – С. 20; Она же. Традиционные черты календарной обрядности немцев Западной Сибири // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М.: Готика, 1996. – С. 366 – 371.

5. Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Традиционная обрядность немцев Сибири. – Омск, 1998. – С. 17.

6. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. 1994. Д. 172 – 1. Л. 3; 1995. Д. 179 – 5. Л. 39, 44; 1998. Д. 147 – 1. Л. 6–8.

7. Рублевская С.А. Указ. соч. – С. 24–25.

8. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. 2004. Д. 167 – 1. Л. 70–72.

9. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2000. – С. 141.

10. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. 1993. Д. 83 – 2. Л. 1 – 3.

11. Там же.

12. Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Указ. соч. – С. 17–18.

13. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. 2005. Д. 182 – 1. Л. 7–8, 18–20, 35–36, 70–72; 2007. Д. 189 – 1. Л. 4–9, 13, 15.

14. Филимонова Т.Д. Немцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. – М., 1973. – С. 139–161.

15. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 1997. – С. 392.

16. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – 1998. – Д. 147 – 1. – Л. 21.

17. Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Указ. соч. – С. 18.

18. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – 1995. – Д. 179 – 5. – Л. 21.

19. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. 1993. Д. 83 – 2. Л. 3; 1997. Д. 179–4. Л. 35 – 36; 1998. Д. 147 – 1. Л. 1, 4, 8; 2005. Д. 182 – 1. Л. 3–4, 7–8, 23, 35–36; 2007. Д. 189 – 1. Л. 13, 15.

20. Филимонова Т.Д. Указ. соч. – С. 151–152.

21. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – 1998. – Д. 147 – 1. – Л. 10; 2004. Д. 167 – 1. Л. 70–72.

22. Филимонова Т.Д. Указ. соч. – С. 141.

23. Рикман Э.А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983. – С. 173–185.

24. Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. – М.: «Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 99.

25. Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Указ. соч. – С. 18.

26. Сумцов Н.Ф. Указ. соч. – С. 183.

27. Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды голландцев-меннонитов юга Западной Сибири в XX в. // Немцы Сибири: история и культура: материалы Третьей международной научно-практической конференции. – Омск, 2002. – С. 254–261.

28. Байбурун А.К., Топорков А. У истоков этикета: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – С. 141.

29. Рикман Э.А. Указ. соч. – С. 183.

30. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. 1995. Л. 34;

31. Там же. – Л. 52.

32. Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Указ. соч. – С. 18.

33. Галлер П.К. Воспоминания. Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX ст. – Саратов, 1927. - <http://wolgadeutsche.net/bibliothek/Haller.htm>

34. МАЭ ОмГУ. – Ф. I.

35. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 1997. – С. 392.

36. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. 1993. Д. 83 – 2. Л. 2.

37. Там же. 2008. Д. 206 – 1. Л. 40, 44.

38. Там же. 1994. Л. 31.

39. Там же. 1993. Д. 83 – 2. Л. 2; 1998. Л. 4.

40. Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983. – С. 67–90.

Анна БЛИНОВА

Старший преподаватель кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, младший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ МОДЕЛИ ВОСПИТАНИЯ НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Непрерывная связь времен осуществляется, главным образом, через смену поколений, а процесс передачи необходимой информации может происходить незаметно, спокойно и постепенно, а может – резко, меняя и ломая стиль жизни предыдущих поколений, изменяя прежние идеалы и ценности. Анализируя этническую историю немецкого населения с этой точки зрения, мы наблюдаем оба вида передачи этнически значимой информации. При этом важно отметить, что основными действующими лицами в этом процессе становятся дети, на которых во многом направлена активность взрослых и которые, в свою очередь, интерпретируют по-своему поступающую к ним информацию в ходе процесса социализации.

Для советского государства именно молодое поколение, которое вступает в жизнь в эпоху перемен и которому придется жить в новом обществе, стало объектом направленного действия. Опыт влияния государства на социально-психологический облик подрастающего поколения является во многом уникальным в отечественной истории. Уже в 1920-е начинается планомерное изучение детства в рамках педологии. Однако в середине 1930-х гг. подобные исследования прекратились. Под запретом оказались социология и педология. В последующие десятилетия изучение детства ограничивалось педагогическими исследованиями. В 1950–1960-е гг. проблематика советского детства представлена исследованиями по вопросам охраны и защиты детства, школьного образования в годы Великой Отечественной войны. В 1970–1980-е гг. наряду с историко-педагогическими исследованиями появляются работы, в которых представлены возможности междисциплинарного изучения отечественного детства. Пересмотр отношения к детству и детям как самой «защищенной и привилегированной социальной группе в Советском Союзе» начинается в середине 1980-х гг., когда появляются первые публицистические и художественные произведения о трагических

судьбах детей, ставших заложниками политических игр взрослых.

С распадом Советского Союза историки чаще стали применять концепцию тоталитаризма в объяснении сущности «советского детства». Детские государственные учреждения, пионерская организация, комсомол и семья представлялись вполне успешными лабораториями по созданию нового социального вида «*homo soveticus*» (М. Геллер)¹. При этом процесс «советизации», «формирования нового человека» взаимодействовал и с традиционными элементами культуры в области социализации ребенка. Довольно часто этнопедагогические установки семьи и государства вступали в острые противоречия (например, религиозность и атеизм, национальное и общегосударственное).

Естественно, что эти процессы не могли не затронуть и немецкое население Западной Сибири, что привело к значительной трансформации устоявшихся этнопедагогических норм. Система образования немецкого ребенка во многом была перестроена. Немецкая национальная школа была интегрирована в систему религиозного воспитания ребенка. Она закрепляла знания, полученные

* Работа выполнена в рамках реализации проекта по Лаврентьевскому конкурсу молодежных проектов СО РАН на 2010–2011 гг.

детьми в семье до поступления в школу, и продолжала их морально-нравственное ориентирование. Ситуация стала изменяться с ноября 1928 г., когда Центральный совет Союза безбожников СССР начал кампанию против религиозных учреждений, в том числе и религиозной пропаганды в школах. Из сельских школ стали изгонять старых учителей «за религиозный уклон в преподавании», общины лишались права бесплатно пользоваться молитвенными домами². В апреле 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК, которое вводило наказание за преподавание вероучения детям и подросткам, за религиозную и «антисоветскую» пропаганду. Таким образом, изменилась структура религиозной социализации ребенка. А значит, изменяется и структура этнической социализации, так как конфессия – очень мощный этнодифференцирующий компонент. Функция подробного изучения Писания переходит в семью. Планомерная антирелигиозная политика государства приводила к тому, что детей перестали брать на религиозные собрания. Единственным путем приобщения младшего поколения к религиозно-духовной жизни было общение со взрослыми родственниками. По воспоминаниям информаторов, взрослые продолжали молиться дома, иногда собирались группами для молитв, не рассказывая малышам, что они делают. В целом, хотя исполнение обрядов религиозного содержания не исчезло, была затруднена прямая трансляция духовных ценностей³. Конспиративный характер совершения обрядов в этот период привели к обеднению конфессионального опыта, среди немцев стала преобладающей упрощенная, семейная форма религиозного воспитания ребенка. Система семейного воспитания и школьного вступали в противоречие, с которым ребенку приходилось сталкиваться ежедневно.

Кроме того, построение советского общества в нашей стране, политика укрепления семьи и оказания помощи в исполнении социальных задач и воспитании детей, направленная на повышение роли семьи в «обеспечении экономического и социального прогресса общества», оказала косвенное воздействие на культуру, быт и семейные отношения советского общества в целом и российских немцев в частности. Несмотря на устойчивость семейного уклада и его составляющих элементов (отношений), происходили преобразования в образе жизни семьи и распределении семейных ролей. Менялись экономические основы семьи, росла самостоятельность женщин, вторичные агенты социализации (такие, как ясли, детский сад, школа) занимают все более значительную роль, давая возможность женщине выйти на работу через довольно незначительный срок после рождения ребенка. Все это вело к сокращению потока этнокультурной информации, воспринимаемой ребенком.

Для рассмотрения изменений в области немецкой народной педагогики 1941 год имеет принципиальное значение, он является переломным для всей истории немецкого народа и повлекшим значительные изменения во всех областях его жизни. С началом Великой Отечественной войны в отношении немецкого населения стали приниматься репрессивные законы. В связи с этим изменяются агенты социализации ребенка, если раньше основное место занимала мать, то в этот период эта роль переходит, в основном, к бабушкам, старшим детям. Тяжелые испытания, обрушившиеся на детей, привели к раннему социальному взрослению. В возрастной антропологии для определения этого явления принято использовать термин: «деформация возрастных границ детства». Если в «нормальных» условиях верхняя возрастная граница детства (когда за ребенком полностью признают его «взрослость») находится на уровне 16–18 лет, то в «экстремальные» периоды истории она резко деформируется и снижается до более низких отме-

ток. Например, на этапе войны не существовало периода юности, дети сразу становились взрослыми⁴. Это явление происходило в сознании людей, когда ребенка в 12–13 лет считали взрослым, в самосознании ребенка, когда он чувствовал, что может позаботиться о себе и своих младших братьях и сестрах сам, государственные органы также «сокращают» возрастные рамки детства. Это нашло отражение в снижении возрастных ограничений для призыва на производство, забота государства об осиротевших детях ограничивалась 14-летним возрастом. В соответствии с постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» в детские дома направлялись дети в возрасте до 14 лет, а старше 14 лет – на работу в промышленность или сельское хозяйство, если они не поступали в фабрично-заводские училища⁵. Война требовала использования всех возможных трудовых ресурсов, в том числе и детских. Например, на основании решений партии и правительства в феврале 1942 г. был установлен минимум трудодней для детей с 12 до 16 лет – 50 трудодней в год⁶. Большинство детей начинали свою трудовую жизнь в 10–12 лет.

Как одно из следствий политики государства следует отметить снижение уровня владения немцами родным языком. Родные диалекты перешли в сферу обслуживания бытовых нужд. Ребенок, живший в советской стране, получал образование высокого уровня, что давало ему возможность продолжить образование в средне-специальных и высших учебных заведениях. Хорошее владение русским языком позволяло легче выполнять свои производственные функции, продвигаться по карьерной лестнице. Более свободно налаживать личные контакты с представителями других национальностей. Но ценой этому были частичная потеря национальной специфики и национальной культуры, увеличение числа межнациональных браков.

При всей сложности ситуации, элементы национальной педагогики не могли быть исключены из процесса социализации, часто национальная принадлежность не декларировалась, но при этом ребенок из немецкой семьи осознавал себя немцем, при этом часто добавляя в формулировку своей национальной принадлежности слово советский.

(Endnotes)

1. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. 336 с.
2. Белковец Л.П. Политика советской власти в отношении немецкой национальной школы в Сибири в 20-е годы // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. Новосибирск, 1996. С. 101.
3. Безрогов В.Г. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива // Развитие личности. 2004. № 4. С. 115–136.
4. Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб, 2001. С. 12–16.
5. Черказьянова И.В. Судьба детей советских немцев в годы Великой Отечественной войны // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг. М., 2001. С. 85.
6. Она же. С. 94.

Егор ГАММ

Родился в 1937 году в Казахстане. С 1939 по 1942 г. жил в г. Исилькуле, а затем в д. Миролубовке Омской области. Окончил Омский автодорожный техникум и Московский автомобильно-дорожный институт. Работал директором Невинномысского шинного завода. С 1990 года живет в Германии. Автор нескольких книг, в том числе «Миролубовка – моя Родина». Женат, имеет шестерых детей и двенадцать внуков.

ЭТЮДЫ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ

Из книги автора «Миролубовка – моя Родина»

КАК В МИРОЛЮБОВКЕ КРУТИЛИ КИНО

Кино мне запомнилось где-то с конца 1944 года. Районное партийное руководство пеклось о культурном воспитании колхозников, пусть и немцев, и примерно раз в месяц присылало киномеханика крутить кино. Не помню, какие фильмы тогда показывали в деревне, но праздничность этого редкого мероприятия крепко сидит в памяти. Какой-то календарной систематичности не было, каждый приезд кино бывал совершенно неожиданным и сюрпризным. В какой-то день по деревне мигом распространялась весть: сегодня будет кино! Показывать можно было только, когда стемнеет, а летом это достаточно поздно, но нетерпения никто не проявлял. Как редкую сладость, его откладывали на попозже. К тому же многие работали допоздна, а их тоже нужно было дожидаться. Ожидание растягивалось, народ в зале собирался медленно, солидно. Скамеек на всех не хватало, и ребяташки с подростками рассаживались на полу. Клуб раньше, до раскулачивания, был домом какого-то богача. Перегородки убрали, поставили невысокую дощатую сцену – вот тебе и самодеятельность (только до войны), и приезжий цирк, и колхозные собрания, а потом и кино. Зал этот отдавал каким-то неуютом, захламлиенностью и брошенностью. Не помню, чтобы когда-нибудь в деревне был завклубом: из консервативных немцев такого человека трудно было подобрать. Собрания проводились очень редко, так что жизнь в клубе возникала только в редкие дни кино и не менее редких собраний.

Когда по деревне разносилось «кино привезли!», в первую очередь спрашивали, сколько частей. Кино делилось на части по числу коробок с лентой. Если привезли 12–13 частей – совершенно замечательно! Если 10 – лёгкое разочарование. А если 8 – наступало уныние. Но и это праздник, хотя и укороченный. И лишь потом уже спрашивали, как кино называется. Любое название мало о чём говорило, да и неважно это было. Важен был процесс, а не содержание. Народ потихоньку начинает собираться и рассаживаться на скамейках, а ребята заранее усаживаются на пол впереди скамеек. Припозднившиеся становятся у стенки. Курящие дымят самосадом, но их в деревне немного и женщины их терпят. Все громко делятся новостями, перекидываются шутками, щёлкают семечки, сплёвывая шелуху на пол. Все в умиротворённом ожидании опаздывающих и начала чудодействия киномеханика. Их, механиков, уважали

и чтили, они – кудесники, приносящие редкие праздники в серую жизнь. «Ну где же этот Петерс?» – восклицал, наконец, кто-нибудь. «А он уехал в район за запчастью, – отвечали компетентные люди, – должен вот-вот вернуться». Лёгкое возбуждение улеглось, и все опять вернулись к своим разговорам и семечкам. Но вот и самые поздние явились, а с ними Петерс. Кто-то всезнающий громко объявляет, что больше никого не будет, и механик начинает крутить своё кино. При слабом свете керосиновых ламп на стенах он достаёт большую круглую жестяную коробку с первой частью, достаёт оттуда катушку с лентой и закрепляет её на кинопроекторе. Конец ленты ловкими движениями фокусника киномеханик протаскивает по каким-то катушечкам, осям и щелям – и вот кино закрутилось! Сперва пробегают какие-то косые линии, мелькают световые пятна и появляются титры. Механик вручную крутит ленту, и от его ловкости и настроения зависит, как быстро герои будут двигаться по экрану. Иногда он на что-то отвлекается и движения на экране неестественно замедляются. В зале вскрикивают, и опять всё приходит в норму. Закачивается первая часть, и начинается процедура замены. Это минут на пять, но какие же они длинные! Действие ведь, как нарочно, обрывается на самом интригующем месте, и каждый обрыв воспринимается болезненно. Но все понимают неизбежность такой процедуры и молча терпят.

Первые кинофильмы привозили немые, и никто и не представлял, что может быть иначе. Герои на экране всей своей мимикой и движениями были исключительно выразительными. Это мешало и потешало невообразимо. В зале громко комментировали каждый эпизод, а в героях фильмов почти всегда находили сходство со своими жителями. «Ха, да это наш кладовщик Эннс!» – восклицал кто-то, и все дружно смеялись над героем и смущающимся Эннсом. Когда менялась очередная часть, спрашивали: это какая? Пока шли пятая, шестая – все радостно предвкушали ещё не скорый конец фильма. Но вот объявляется девятая, десятая и досада всё возрастает: чудо идёт к своему неизбежному концу и ничего с этим не поделаешь. Когда-то ещё будет следующее!

До конца войны или года до 1947 электроэнергия для демонстрации кино вырабатывалась динамомашинкой с ручным приводом. Его ставили на середине скамейки, закрепляли какими-то зажимами, и двое садились на эту же скамейку по краям лицами друг к другу. Рукоятка с длинной ручкой захватывалась обеими парнями и враща-

лась с определённой скоростью. На эту работу добровольцев находилось в избытке: кино они смотрели бесплатно! Но чтобы смотреть на экран, нужно было выворачивать шею, что в течение двух часов далеко не комфортно, да и ручку крутить совсем не легко. Набирались обычно две пары, которые менялись при замене частей. В самых захватывающих эпизодах крутильщики иногда забывались, и тогда свет на экране слабел до сумеречного состояния. В зале громко вскрикивали, ругали нерадивых крутильщиков, и те снова входили в нужный темп. Нерадивых или недотёпистых могли на следующем сеансе до сего занятия и не допустить – не оправдал доверия.

Позже появились звуковые кино и динамомашинки с маленьким движком внутреннего сгорания. И если у дверей клуба видели это динамо, значит, сегодня будет кино! А первым звуковым фильмом в деревне был «Валерий Чакалов». Помнится, звук был олушающе громким и вибрирующим. Восторг был полным! Один только существенный недостаток – во время такого фильма не поболтаешь. В восприятии фильмов что-то очень важное было утеряно.

Затем пошла серия американских фильмов. Появились трофейные фильмы, и среди них знаменитый «Тарзан». У нас демонстрировали всего два фильма из этого длинного сериала. Похождения мускулистого красавца, прыгающего по деревьям в джунглях Амазонки со своей почти обнажённой красавицей из джунглей нью-йоркских, производили сильное впечатление. В наших лесах подростки лазили по деревьям и выли тарзанскими воплями. Мне тогда было лет около 12, и, странное дело, фильм мне не понравился. Я тогда уже много читал и находился в определённой мере под влиянием русской классической литературы, а Тарзан в неё никак не вписывался. Такого святотатства мои сверстники не понимали и считали меня в этот момент блаженным полуидиотом.

То было время, когда Миролюбовка всё больше проникалась влиянием ренессанса баптизма, и большую или подавляющую часть населения охватывало это возрождающееся религиозное течение. Известное пуританство, строгость нравов, пришедшие в него во многом из традиционного меннонитства, буквально раскололи деревню на посетителей и отвергателей кино. Посетителей становилось всё меньше, и затем они почти совсем исчезли. Всё это гораздо глубже и сложнее, но и в этой области произошёл раскол. Я в то время переселился в город, регулярно посещал кинотеатры, замызганные и дешёвые, и то давнее трепетное отношение к кино во мне совершенно исчезло.

МАГАЗИН В ДЕРЕВНЕ

В середине деревни стоял небольшой дом из кирпича с железной крышей и клёпанными из жести водостоками, а под водостоками – железные бочки для сбора дождевой воды. В этом домике, в помещении на 20 кв. метров, размещался единственный в деревне магазин с маленькой кладовкой. Во дворе в небольшой конуре разместили ёмкость с керосином, который выкачивали в посуду покупателей каким-то странным жестяным насосом с длинной всасывающей трубой. В самом магазинчике торговали всеми мыслимыми тогда товарами, начиная от леденцов и пряников до резиновых сапог и хомутов. Липкие леденцы и твёрдые высохшие пряники взвешивали на тарелках рычажных весов и высыпали в бумажные кульки, которые продавец тут же сворачивал из старых пожелтевших газет. Во время войны, насколько помнится, никакого магазина в деревне не было, и редкие нищие покупки делались в городе Омске, когда туда выезжали торговать ягодами, маслом и сиропом. Из свекольного сиропа горожане успешно гнали самогон. Но уже году в 47-м магазинчики потребкооперации появились во всех средних и больших деревнях. Торговля обычно шла вяло, покупали редко и немного, но зато магазин стал местом общения мужиков, своеобразным клубом по интеле-

ресам. Религия тогда ещё не определяла нравственную атмосферу в деревне, и собравшиеся мужики позволяли себе вкладчину купить бутылку водки и сообща, врасстяжку и в удовольствие распить её. Потом, естественно, покупалась вторая, да и в розлив тогда торговали без ограничения, и мужики толковали о глобальных проблемах в рамках своего кругозора, ругали местную власть и обсуждали свои крестьянские проблемы, коих всегда хватало на поколение вперёд. Женщины при нужде в спичках или керосине проталкивались среди возбуждённых мужей к прилавку, и им немедленно и даже чуть испуганно уступали место. Когда нужно было отпустить керосин, всех выгоняли на улицу, магазин замыкался на висячий замок и продавец шёл с хозяйкой к конуре и качал в ведёрко керосин. Мужики же устраивались на деревянном крыльце и терпеливо ждали, когда женщина уйдёт домой. Потом возвращались вместе с продавцом в магазин, и здесь, в привычной обстановке, диспуты и просто общение продолжались. Работал в этом магазинчике в году в 53-м или 54-м и мой старший брат Иван после своего возвращения из Прокопьевска. Незадолго до этого он принял крещение в баптистскую веру, но в магазине соблазны оказались настолько смутительными, что он опять отошёл от принятого обета праведной жизни. К его чести нужно сказать, что проработал он в этой греховной должности недолго и опять вернулся в баптистскую общину. В ней он остался ревностным членом до конца своей жизни. Я в то время жил в городе, от религии совершенно отошёл, а «клубную» жизнь в магазине близко наблюдал только летом 55 года, когда проходил стажировку на водителе автомобиля. Меня прикрепили к колхозному шофёру – большому лихачу и любителю крепких напитков. В магазинном обществе он бывал часто, и я терпеливо дожидался его возвращения к работе. Мне было интересно наблюдать деревенские сценки, неторопливо разыгрываемые «артистами». Вот к прилавку подходит мой почти сверстник, чуть старше, и долго приглядывается к папиросам. Шевеля губами, с трудом прочитывает название и громко, с эдакой лихостью просит пачку папирос «Народ». Выяснилось, что это папиросы «Норд», в то время широко распространённые и популярные своей дешёвизной. Парень этот в начальной школе продвинулся не дальше второго класса и читал с трудом.

О СТРИЖКЕ И КОЕ О ЧЁМ ДРУГОМ

Летом, по воскресеньям, мужики стриглись у деревенского парикмахера прямо у него во дворе. Делалось это, наверное, и зимой, но мне запомнились стрижки именно летние, часов в 10 утра. Профессионального парикмахера, зарабатывающего на стрижке, в деревне не было, но кто-нибудь из мастеровых мужиков это умел, имел и машинку для ручной стрижки. В военные и первые послевоенные годы это было определённым богатством, и такого человека уважали. И вот утром, когда солнце ещё не слишком припекает, на бревне под кроной большого дерева усаживаются благодушные мужики. Сегодня выходной, и можно расслабиться, пообщаться. Один уже сидит на табуретке, и парикмахер, снисходительно поддерживая разговор ожидающих своей очереди, не торопясь скрипит машинкой. Над подстригаемым подтрунивают, курят, обсуждают свои и районного масштаба проблемы. Парикмахер умно усмехается и вставляет редкие реплики. Он тут самая значительная персона, и ему полагается быть сдержанным и многозначительным. Никто в долгой очереди никому не торопится и после стрижки не уходит. Это, как и баня, клуб общения. Но темы разговоров и стиль общения здесь другие. В бане темы более легкомысленные, тон язвительнее. При стрижке признаком хорошего тона считались сдержанность и умные речи. Мне нравилось улечься на траву неподалёку и наблюдать процесс общения отдыхающих мужчин, этот своеобразный интеллектуальный крестьян-

ский клуб. Как проходили такие стрижки в домах, я ни разу не видел. Тут вряд ли устанавливалась такая блаженная атмосфера: на глазах у хозяйки и др. домашних такой свободы и непринужденности не бывает. Здесь нужно быть вежливым и приличным и никакой тебе свободы духа.

БАНЯ В МИРОЛЮБОВКЕ

Меннониты, как и немцы в России в целом, своих бань не имели, и культ бани с вениками и сухим паром, который, как в русских деревнях на берегах рек и озёр, для них не был типичен. Да и жили они в Сибири в основном в местах маловодных, где вода в околковых степях залегала глубоко и та далеко не всегда пресная. Исторических корней такие традиции тоже не имели. Однако колхозная баня в Миролубовке, как и в окружающих немецких деревнях, была и затапливалась по субботам к концу дня. Регулярности в этом не было, но определённая торжественность чувствовалась.

Баня располагалась у берёзового леса «Деревенский». В большой бак на деревянных столбиках завозили воду из колхозного колодца и растапливали печь с огромной каменкой и большой ёмкостью воды. Веники заготавливались каждым по дороге в баню в лесочке. Любителей высоких температур не помню, и шиком это не считалось, однако температуру более или менее нагоняли. Всё делалось по-немецки обстоятельно, без присущей русскому человеку лихости. Но что несомненно – баня была местом общения, сплетен и вышучивания. Это особая черта менталитета миролубовцев того времени, когда мы там жили. Попасть на острый язык шутников означало, что тебя вывернут наизнанку со всеми твоими потрохами. Зла в этом особого не было, но и приятного – тоже. Штатные остряки задавали тон, тему. Без этого не обходилась ни одна баня, как и другие общественные сборы нерелигиозного характера.

Уже в годах 80-х, в редкий мой приезд в Миролубовку, я, большой любитель бани, в субботу пошёл туда с радостным чувством ожидания встречи с людьми, которых не видел лет тридцать и больше. Где в деревне можно разом встретить своих давних сверстников? Ну, конечно же, в бане! Так оно и случилось: там собрались мужики, которых я в полутьме, да еще и голыми, далеко не всех узнавал. Меня же узнавали лучше. Ну, восстановили знакомство, уточнили личности. А мои давние сверстники – все мужики кряжистые, тяжёлые, по-крестьянски обстоятельные. Только я среди них выглядел легкомысленно худым с впалым животом. Вот один из них по своей природной простоте и воскликнул: «А чё это ты, как гончий пёс?» А ведь прав он, шельма! Точно угадал мою сущность. Как гончий пёс, носился я по жизни в погоне за миражами, а они, мои давние друзья и товарищи детства, обстоятельно и много трудились на земле, и в этом, наверное, их мудрая правда.

ПЕЧАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О КОЛХОЗНЫХ БЫКАХ

Все работы, требующие тяговой силы, в колхозе выполнялись быками и в меньшей мере лошадьми. Бычков кастрировали и, когда они чуть подрастали, их обрезакали на пожизненный, нескончаемый труд. Эта бессловесная скотина, абсолютно безотказная, пахала и боронила огромные колхозные поля и огороды колхозников, перевозила и перетаскивала всё, что куда-либо перемещалось, возила с полей сено и солому, пшеницу на ток и на элеваторы, качала воду. Когда быки обессиленные останавливались, их нещадно били, и они снова находили силы двигаться и тянуть. С ярмом на шее они парами так и двигались к концу своей короткой жизни. Левый глаз у левого и правый у правого часто были выбиты кнутами, рога отбиты, на крестцах вечно кровоточащие раны. Лихие подростки устраивали гонки на быках, что этим животным абсолютно противопоказано

по их природе. Им нужно двигаться медленно, ровно, и тогда они могут много чего сработать. Двигаясь же бегом, они выдыхаются сразу, и тогда им конец.

Кормиться быков выгоняли ночью на луг. Только не хотела пастись эта загнанная смертным трудом скотина. Быки ложились и с трудом отходили от дневного измора. Как-то вечером отец, когда ещё был подвижен, выпросил пару быков вспахать огород. Один бык из пары лёг на землю и перестал реагировать на любые понукания. Тогда отец вытащил железную чеку из ярма и со всей силой ударил быка по рёбрам. Бык в ужасе вскочил и потянул плуг. Но не на долго. Стало ясно, что уже ничто не заставит его двигаться, ибо силы его действительно кончились.

КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД КАК МЕСТО ПЕРЕВОСПИТАНИЯ

Когда кончилась война и прошли несколько лет послевоенного времени, вместе с прошедшими годами возмужали вчерашние подростки. И постепенно бригадира Сафронова перестали бояться. Он ещё истерично демонстрировал свою власть, но она ускользала от него, как песок из ладони. Однажды после очередной истерики кто-то из парней ударил его кнутом. Неслыханное дело! Руководство, чтобы как-то среагировать на его жалобу и поддержать институт власти, наказало парня, отправив его на несколько месяцев на принудительную работу на кирпичный завод. Там рабочих вечно не хватало, и работала всякая шушера. Изрядно перепуганный парень отправился туда как на каторгу, но вскоре вернулся бодрым и уверенным в себе. Оказывается, там работали по 8 часов, а потом хоть что делай и живи в своё удовольствие. Для колхоза того времени невиданная роскошь! О нормированном рабочем дне никто и слыхом не слыхивал, а тут на тебе – работать по 8 часов, а в воскресенье вообще отдыхай. Руководители поняли, что дали маху и что такое наказание только ослабит дисциплину. Больше туда никого не отправляли.

А парни вскоре устроили фарсовый спектакль. В середине деревни на дереве висела вагонная букса, в которую изредка звонили ударами металлической палки, когда нужно было созывать народ на работу или на пожар. Так вот собралось несколько парней, колотят в эту буксу, и один актёр кричит голосом Сафронова: «На сивир отправлю, на кирпичный завод!», и затем он падает на землю, задирая вверх негнущуюся ногу. Сафронов был из сибирских чалдонов, и его произношение вовсю разыгрывалось артистами из народа. Спектакль имел и продолжение, но деталей не помню. Деревня тогда замерла в ожидании репрессий, однако ничего не случилось, а Сафронов куда-то уехал вместе с супругой учительницей, такой же крикливой и истеричной.

ПОЯВЛЕНИЕ ТРАКТОРОВ В ДЕРЕВНЕ

Не помню, чтобы во время войны пахали тракторами. В то же время мне трудно представить, чтобы огромные многокилометровые колхозные поля вспахивались и бороновались только быками. Тут какой-то провал в памяти, который надо бы восстановить, пока еще живы многие из поколения, что на 10 и больше лет старше меня. Но один эпизод хорошо запомнился. Как-то по разнарядке из МТС (районная машинно-тракторная станция) на один день прислали газогенераторный трактор с мужчиной-трактористом. Скорее всего это был гусеничный ЧТЗ (Челябинский тракторный завод) со странными стальными бочками по бокам. Бочки эти своей высотой и диаметром почти закрывали трактор, но боевого машиниста с лоснящимися от масла одеждой и лицом видно было хорошо. На своём кожаном сиденье с вылезшей ватой и пружинами он восседал императором, и все с восхищенным

почтением смотрели на этого редкостного волшебника. Было это в жаркий майский день, народу на заваленный и захламлённый ток нагнали множество. К косьбе пшеницы обвалившиеся за зиму края зернотока поднимут, почерневшее соломенное покрытие навеса заменят, глиняный пол выровняют и плотно укатают. А пока освободили большую часть площадки тока, завезли дров, нагнали народу с пилами и топорами. Толпа любопытных мальчишек усиливала впечатление вавилонского столпотворения. Женщины пилили дрова короткими чурочками и кололи их на мелкие полешки. С каждым кругом трактор полъезжал к току и две его бочки – его газогенераторы – загружали чурочками. После того, как эта масса хорошо разгоралась, трактор со страшным пыхтением разворачивался к полю, опускал пятилемешный плуг и с натужным рёвом вспахивал землю. Уходил он далеко, мимо Круглого леса к Аксёновскому, и почти исчезал из вида. Настроение у всех было праздничным, возбуждённым. С чего бы это? А от всего необычного и от мощи тракторной! Пахать поле костлявыми несчастными быками – занятие куда как невесёлое, на неделю хватит этой каторги, а тут за один долгий летний день вон какой массив взрыли! Радовались взрослые, а мы, ребяташки, просто онемели от восторга перед этим сказочным чудисцем.

После войны трактора постепенно стали явлением обыденным, но трактористы всегда были в почёте, и платили им значительно больше, чем другим колхозникам. Мужчины тогда были ещё относительной редкостью, а уж трактористы составляли особую, можно сказать, привилегированную касту. В то время как колхозницам за их труд платили 100 грамма пшеницы на трудодень, трактористам гарантированно выдавали по 2 кг, да и трудодней им записывалось больше. Но недоброжелательного отношения к ним не было – уважалась эта немногочисленная каста волшебников. Это уже позднее, когда у кормила власти прочно и надолго засел Хрущёв, тракторов стало много, и трактористы незаметно растворились в общей массе откуда-то вновь появившихся мужчин.

До начала пятидесятых годов существовала профессия плугаторов. На эту работу обычно ставили подростка или инвалида, ни на что путное непригодного. Сидел этот чело-

вечек на металлическом сиденье плуга прямо позади трактора и поднимал и опускал длинным рычагом лемеха при выходе трактора из границы поля и обратном входе. Работа в общем-то почти бессмысленная и примитивная, однако отсидеть 8–10 часов на этом жёстком стальном сиденье в облаке пыли от трактора, на палящем солнце или в нудный морозящий холодный дождь – занятие совсем не весёлое. От постоянного ровного гула трактора, особенно ночью, часто засыпали и даже сваливались с плуга. Миролубовку беда как-то обходила стороной, но часто бывало слышно, что где-то искорежило упавшего сонного плугатора. Уже значительно позже был выпущен документальный фильм о немце-подростке из Оренбургской области, в мирное время повторившем подвиг лётчика Маресьева. Упав с плуга, он лишился обеих ног, но сумел при поддержке, кажется, самого Маресьева закончить досаафовские курсы лётчиков и летать на самолетах сельхозавиации.

Потом эту идиотскую профессию ликвидировали. Кто-то из трактористов догадался протянуть в кабину верёвку от рычага подъёма лемехов и самому проделывать эту нечастую операцию. Нечастую в том смысле, что поля были длинными, в несколько километров, и времени от одного подъёма до другого уходило от 30 до 45 минут. Тут вспоминается легенда о великом изобретателе Уайте. Мальчишкой его поставили на появившиеся тогда тихоходные паровые двигатели, а реверсивный клапан ещё не был известен. Задача его состояла в том, чтобы перебрасывать рычаг клапана подачи пара в цилиндр с того или другого конца в момент, когда поршень подходил в одно из крайних положений в цилиндре. Работа нудная, и живому по характеру мальчишке она быстро надоела до чёртиков. И тут его озарила гениальная мысль: он привязал верёвкой рычаг к штоку цилиндра, и когда тот подходил к концу, он тянул за собой рычаг и переключал клапан. Также и при полном втягивании штока. Отсюда родились ресиверы, во многом определившие великий прогресс эры паровых машин. Теперь на тракторах эту функцию, во много раз более усложнённую, поручили гидравлике, и она это делает виртуозно. А началось всё с озарения какого-то чумазого мужика, который из жалости пустил плугатора поспать, а сам вот так управлялся с его работой.

Виктор ЭЙХВАЛЬД

НЕМЦЫ РОССИИ: ПОСЛЕСЛОВИЕ

Написание заключения к прошедшей год назад конференции, на наш взгляд, не должно обойти вниманием тот факт, что у познакомившихся с опубликованными в 18, 19 номерах нашего журнала статьями-докладами читателей, наверное, сформировалось полное представление о всех рассмотренных на прошедшем форуме вопросах. Поэтому сделанные ответственными редакторами аннотированные обзоры (проф. О.М. Рындиной и проф. В.Г. Чеботаревой) позволяют сформировать нашему читателю более цельное и, самое главное, предметное представление о рассматриваемой проблеме, связанной с возрождением российско-немецкого народа.

Будет справедливо выразить им за это большое спасибо. Несмотря на их плотный график собственной напряженной работы, Ольга Михайловна и Валентина Георгиевна проделали эту серьезную работу на общественных началах! Вместе с тем спасибо не только за это, но и за то, что теперь редакции журнала уже удастся расширить как спектр обсуждаемых тем, связанных с проблемой немцев России, так и увеличить число авторов, которые профессионально знают эту проблематику с научно-практической стороны. Аналитический подход ответственных редакторов к сделанному обзору позволяет обратить внимание редакции журнала и на те вопросы, которые требуют дальнейшего обсуждения и детальной разработки. В этом, пожалуй, одна из основных заслуг представленного Вашему вниманию, дорогой читатель, обзора.

Почему? Именно потому, что проблема возрождения российско-немецкого народа должна стать одним из краеугольных камней в фундаменте национальной политики России. Необходимо приветствовать и тот факт, что немцы России, являясь на сегодня до конца не реабилитированной нацией, как показывает жизнь, находят в себе силы – в контакте с нынешней властью – искать и иногда находить решение некоторых вопросов проблемы, связанной

с возрождением их как нации многонациональной Российской Федерации. Решение этой проблемы в нынешних социально-экономических и политико-правовых условиях можно отнести к числу архисложных. Однако немцы России, потеряв многое, не потеряли веру в то, что всё-таки для них пока потеряно не все!

В свете отмеченного научно-прикладные изыскания, которые ведутся творческим коллективом Кураториума по изучению проблем российских немцев (структурное подразделение автономии немцев Томской области), являются весьма актуальными. Эти работы направлены на то, чтобы не только понять, но и оценить наши потенциальные возможности для становления сообщества немцев России. В этом контексте предложены реальные подходы для выхода российско-немецкого народа из нынешнего критического состояния. В предлагаемой вниманию читателей новой публикации изложен материал выступления авторов на 2-этапной рабочей встрече, проведенной в конце 2010 и начале 2011 гг. в г. Томске. Озвученный на этой встрече материал оформлен в виде статьи и является продолжением НИР по обсуждаемым в обзоре проблемным вопросам.

Поиски подходов, путей и возможных вариантов решения в нынешних российских условиях нашей национальной проблемы важны не только для НАС – потомков наших подвергшихся репрессиям отцов и матерей, дедушек и бабушек, как правило, достойно вынесших выпавшие на их долю испытания, – но и во имя наших собственных детей и внуков, которых больше никогда не должны преследовать чувства вины и страха за своё немецкое происхождение.

Завершая, хочется выразить уверенность: немцы Российской Федерации всё-таки найдут своё достойное место на своей родной российской земле. Но для этого всем нам необходимо включиться в работу – созидательную и поднимающую престиж нашего народа.

Ольга РЫНДИНА

Родилась в Томской области. В 1981 г. окончила исторический факультет Томского государственного университета. Преподавала историю в школе. С 1984 г. работает в Томском государственном университете, с 2004 г. – профессор кафедры музеологии Института искусств и культуры. Защитила кандидатскую (1990) и докторскую (1997) диссертации по этнологии. Занимается изучением традиционной культуры народов Западной Сибири. Специализируется в сфере декоративно-прикладного искусства и современных этнокультурных процессов. Автор более 80 научных работ, включая 4 монографии.

ДОКЛАДЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НЕМЦЫ РОССИИ – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ». ТОМСК, 25–27 сентября 2009 г.

Доклады, посвященные этносу и этничности, составили представительный блок, что свидетельствует об особой актуальности указанной проблематики в современной рефлексии российских немцев. Не вдаваясь в подробности ожесточенной полемики в этнологии по поводу вышеназ-

ванных понятий и несколько упрощая существующие подходы, укажем, что под этносом понимается некая совокупность людей или группа, объединенная определенным набором признаков – язык, самосознание, культура, мировоззрение, ценностные ориентации и др., а под этнично-

стью – то, что объединяет людей в эту общность.

В статье **В.Г. Чеботаревой** ставится и решается сложнейший вопрос о формировании немцев России как этноса. Автор – доктор исторических наук, профессор, консультант Общественной академии наук российских немцев – хорошо знакома с теорией и практикой немецкого вопроса в России, что придает убедительность ее рассуждениям и выводам. Рассматривая этническую историю с точки зрения языка как одного из основных признаков этноса, В.Г. Чеботарева вскрывает связь между диалектным уровнем развития языка, дисперсностью проживания немцев в России и спецификой их этнической культуры и самосознания со второй половины XVIII в. вплоть до начала XX в. Следуя хронологии истории в своем анализе, автор приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу – формирование немцев России как этноса происходит в 1940–1960-е гг. на фоне утраты родного языка на диалектном и литературном уровне. Решающую роль в этнотрансформационном процессе сыграла актуализация в условиях депортации и пребывания в иноэтническом окружении самосознания, опирающаяся на исторические традиции в материальной и духовной сферах культуры, ценностные ориентации. Именно самосознание и наличие этнонима В.Г. Чеботарева определяет главными критериями «принадлежности к определенной национальности», т.е. в данном случае этнической идентичности. Предложенный подход к трактовке этногенетических процессов в среде российских немцев носит дискуссионный характер, но несомненно его не только научно-практическое, но и теоретическое значение. Работа В.Г. Чеботаревой показывает, что связь между этносом и языком носит не функциональный, а вероятностный характер и не следует как пренебрегать ею, так и абсолютизировать. Вызывает уважение и взвешенный, научный подход автора к определению перспектив этнического развития немцев России – «немцы России остаются немцами». И это положение, полемически заостренное по отношению к публицистике, опирается на представительные статистические выкладки, приведенные в докладе. В целом выступление В.Г. Чеботаревой задало высокую планку дискуссий, развернувшихся в докладах участников конференции и отраженную в ее материалах.

Представленный выше **Э.Л. Вольф** и председатель Томской немецкой национально-культурной автономии **Н.А. Минакова** на первый план в докладе выдвинули проблему этнической культуры немцев как важнейшего условия возрождения немецкости – «*Deutschtum*». Применительно к немцам России авторы отмечают нивелировку этнической культуры в современности. Подчеркнем, что указанный процесс в условиях модернизации носит универсальный характер, он фиксируется у всех народов. Вместе с тем авторы совершенно правы в том, что на деформацию немецкой культуры сильнее влияние оказали следующие «внешние», т.е. этнополитические факторы: депортационная политика советского правительства и ее последствия в виде изменения природной среды обитания, насильственного уничтожения материальной культуры в бытовой сфере, запрет на трансляцию этнических традиций в духовной сфере. Возрождение культуры немцев России как новой этнической общности, исторически связанной с немцами Германии, видится авторам через синтез традиций германских немцев, русской культуры и культуры российских немцев. В указанном подходе просматривается гибкая и глубоко продуманная позиция, учитывающая реалии исторического прошлого и современности немцев России. Более того, представляется, что предложенная трактовка этнической культуры немцев России более всего соответствует той характеристике, которой наделяют их авторы – новая этническая общность. Обоснованным выглядит и утверждение Э.Л. Вольфа и Н.А. Минаковой о том, что возрождение этнической культуры должно стать основной целью деятель-

ности национально-культурных автономий разного уровня, включая и федеральный. Особого внимания в деле возрождения заслуживают национальное образование и национальная интеллигенция. Последней отводится ведущая роль в консолидации российских немцев на основе «*Deutschtum*». Осознание спасительной миссии интеллигенции в трудные периоды истории народа отличает русскую ментальность, и в этом смысле позиция авторов как российских немцев демонстрирует синтез культур, о котором речь шла выше. Правда, современное состояние немецкой интеллигенции определено в статье, на наш взгляд, слишком критически, даже скептически. Результаты проведенной конференции свидетельствуют как раз об обратном.

«*Deutschtum*» посвящен и доклад **Г.Г. Гроута**, кандидата биологических наук, председателя Международного конвента российских немцев, и **В.А. Дехерта**, кандидата медицинских наук. Указанная категория рассматривается в ней сугубо в прагматическом аспекте. Анализируя законодательство ФРГ, Основной Закон ФРГ и Закон об изгнанных, авторы выделили признаки, по которым определяется принадлежность к немецкой нации. Это гражданство или немецкая самоидентификация, определяемая минимум по одному из родителей и служащая основанием для переселения в Германию вместе с супругом/супругой и детьми. Г.Г. Гроут и В.А. Дехерт пытаются разработать критерии, позволяющие перевести «немецкость» поздних переселенцев на язык статистики. Ими предлагаются методики для подсчета чистоты «немецкой крови» и силы «немецкого духа» с учетом национальности родителей, дедушек и бабушек. Определяются минимальные показатели в соответствии с действующим законодательством, с которыми сравниваются данные, рассчитанные на основе опроса 494 переселенцев, прибывших в Германию в 1990–2000-е гг. Сравнение красноречиво показывает, что по рассматриваемым показателям переселенцы «значительно превышают пороговые требования» к «немецкости», предъявляемые действующими законами. Таким образом авторы снимают с них необоснованные обвинения, внедряемые в общественное мнение, о «сирой немецкости» и «недостаточной национальной чистоте крови». Колонки цифр понадобились Г.Г. Гроуту и В.А. Дехерту для большей убедительности при доказательстве истинной «немецкости» переселенцев рубежа XX–XXI вв. Оставляя в стороне вопрос о самой возможности переложения на язык статистика такой тонкой и трудно уловимой субстанции, как этничность, т.е. «немецкость» в данном случае, отметим следующее. Этничность во многом сопряжена с ментальностью, т.е. мировосприятием, которая формируется в значительной степени на подсознательном уровне, но во многом коррелируется социальными установками, экономическими, политическими условиями, межэтническим окружением. Ментальность немцев, живущих в Германии и России, может значительно различаться, как и ментальность немцев ФРГ и бывшей ГДР. Вместе с тем авторы безусловно правы в том, что одну «немецкость» нельзя принимать за эталон по отношению к другой. Обе имеют равные права на существование.

Среди черт, объединяющих часть социума в этнос, этнопсихологии сегодня выделяют стереотипы восприятия, передаваемые и во многом функционирующие на уровне подсознательного. Среди них важное место занимают авто- и гетеростереотипы – представления народа о самом себе и о других народах, выраженные в образах. Проблема гетеростереотипа по отношению к немцам Кубани поставлена в докладе **Н.Ф. Бугая** – доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института российской истории РАН. Анализируя партийные документы, автор отметил «высокий», т.е. положительный стереотип восприятия немцев другими народами края на протяжении всего XX в., включая и период Великой Отечественной войны. Основу положительного образа немцев у окружаю-

шего населения Н.Ф. Бугай видит в трудолюбии, дополненном учтивым отношением к окружающим, коммуникативностью, развитым чувством гражданского долга.

В докладе **В.А. Аумана**, кандидата исторических наук, доцента, директора Федерального центра немецкой культуры (Москва), полемически заостренно прозвучала озабоченность пограничным состоянием немецкого этноса: в ФРГ по отношению к переселенцам создан искаженный образ «аусзидлера–тунеядца», а в РФ отсутствует должная государственная поддержка этнического и культурного развития немцев. Автор подчеркивает, что общественные организации – Координационный совет, Федеральная национально-культурная автономия и ассоциация «Гемайншафт» – многое делают для сохранения «немецких корней». Чтобы их работа стала еще более эффективной, В.А. Ауман предложил передать им Российско-немецкий дом в Москве. В этом случае он действительно станет центром возрождения этнической культуры немцев.

Существенную деформацию гетеростереотипа немцев вскрыли этносоциологические исследования, проведенные Институтом международного образования и языковой коммуникации Томского политехнического университета совместно с региональной общественной организацией «Югендблик». Об этом в докладе сообщила **А.И. Баловнева**, начальник отдела внеучебной и социальной работы вышеуказанного института. Согласно полученным в результате интервьюирования студентов и сотрудников данным, 30,3% опрошенных появление немцев в России связывают с Великой Отечественной войной; 15,1%, что совпадает с долей опрошенных преподавателей, – со временем Петра I и Екатерины II, а 35,4% вообще затруднились дать ответ. Статистика чрезвычайно красноречива: молодое поколение, обучающееся в вузе, не знает исторического прошлого немецкого народа. Организаторы опроса решили внести вклад в восстановление исторической истины, для чего реализовали 2 интересных проекта. Один был направлен на выяснение студентами-немцами своего происхождения на основе воспоминаний родителей, родственников. Второй заключался в участии летом 2008 г. в этнографической экспедиции по местам поселений депортированных немцев – Каргасок–Парабель–Нарым. Результатом проведенных исследований стала книга «Помни имя свое». Так наука воплотилась в практику краеведения, а последняя способствовала налаживанию мостов между прошлым народом и настоящим.

Язык специалисты определяют одним из ведущих признаков этноса, поэтому неудивительно, что этноязыковая ситуация рассматривалась в нескольких докладах.

Социальную функцию немецкого языка в условиях глобализации изучают лингвист-переводчик **П.С. Шамрицкая** и кандидат филологических наук, доцент Томского политехнического университета **Н.С. Жукова**. В своем докладе они проанализировали нарастающую тенденцию расширения словарного запаса немецкого языка за счет англо-американизмов. «Англизация» немецкого языка зашла настолько далеко, что речь идет о формировании «дэнглиша» – лингвистического немецко-английского симбиоза. Согласно выводам авторов, наиболее сильные позиции англо-американизмы занимают в сфере экономики и производства, а также искусства и науки. При этом 54% заимствований произошло в результате заполнения когнитивных (т.е. слово заимствовалось вместе с понятием) и семантических (т.е. слово объективировало существовавшее ранее понятие) лакун. Остальные 46% заимствований имели лексические аналоги в немецком языке, что способствовало развитию в нем явления синонимии, размывающего исконность немецкого языка. Ситуацию обостряет то обстоятельство, что к американским лексемам-аналогам наиболее восприимчива молодежь. В ФРГ защита немецкого языка стала делом социальной важности, создано обще-

ство для его сохранения и развития. П.С. Шамрицкая и Н.С. Жукова подчеркнули важность указанной проблемы и для российских немцев, так как их язык принято сегодня идентифицировать с литературным языком Германии.

История углубленного изучения немецкого языка в Томской области начинается с 1955 г. и связана со школой (ныне гимназией) № 6. С 2008 г. гимназия стала официальным партнером Министерства культуры и образования Германии и получила право выдачи международных сертификатов, предоставляющих возможность поступления в вузы ФРГ без сдачи экзамена по немецкому языку. В докладе Почетного работника общего образования РФ, директора гимназии № 6 **Н.Г. Шульги** и заслуженного учителя РФ, заместителя директора **Н.В. Тартыновой** оценен богатый опыт работы нескольких поколений высококвалифицированного коллектива гимназии по преподаванию немецкого языка и шире – приобщению учащихся к культуре, созданной немцами Германии и России. Гимназия всегда работала в режиме обучения, нацеленного на диалог культур, а в настоящее время он все больше превращается в диалог стран, способствующий выработке толерантности, формированию коммуникативных, лингвострановедческих и познавательных компетенций у гимназистов.

Гимназия № 6 входит в систему непрерывного образования на немецком языке, созданную в Томской области. Начальное звено образует прогимназия «Кристина», высшее – Русско-немецкий центр образования и научных исследований при Томском политехническом университете. В совместном докладе кандидата технических наук, доцента, директора означенного центра **А.А. Фриллера**, кандидата технических наук, доцента, заместителя директора **А.К. Майера**, заместителя директора **В.Н. Зиновьевой** представлены итоги изучения отечественного и зарубежного опыта обучения немецкому языку как родному и как иностранному в различных сферах – государственной, частной, общественной, профессиональной. В качестве примера разработки и внедрения метода, охватывающего различные возрастные и социальные группы, обеспечивающего преемственность обучения, учитывающего его различные формы (очную, заочную, комбинированную, самостоятельную), приведен опыт взаимодействия ученых, методистов и педагогов Томской области при координации Русско-немецкого центра. Авторами подчеркнута большая роль в апробации метода Томской городской экспериментальной площадки, объединившей 5 детских дошкольных учреждений, 17 городских и 10 сельских школ, 2 вуза, Институт учителя, Русско-немецкий центр.

При всей разногласии научных мнений об этносе и этничности общепризнанным остается следующее: существуют особые общности людей, объединяемых культурой в разных формах ее специфического проявления. Специфика определена особыми обстоятельствами и условиями формирования и функционирования этой общности – этноса. Этническая культура также получила освещение в докладах участников презентуемой конференции.

Факторы, способствовавшие изменению культуры российских немцев, вскрыты в докладе кандидата исторических наук, доцента кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета **Т.Б. Смирновой**. Она подчеркнула, что политика советской власти, реализованная через коллективизацию и депортации, способствовала уничтожению многих черт традиционной немецкой культуры. Результатом этой политики стала необходимость адаптации к новым природно-климатическим условиям Сибири, что трансформировало структуру хозяйственных занятий. Вместе с тем Т.Б. Смирнова показала, что в Сибири продолжали развиваться черты традиционной немецкой культуры. Лучше всего они сохранились в пище, особенно обрядовой. Изменение домостроительных традиций сосуществовало с сохранением специфики в планировке

усадебны и жилища. В семейной обрядности, свадебной и похоронной, немцы Сибири вплоть до недавнего времени сохранили немало черт этнолокальной специфики, особой консервативностью отличались лютеране и католики. Календарная обрядность, согласно исследованиям автора, отмечена влиянием русской культуры: все праздники немцы отмечают по «немецкому» и «русскому» календарю. В последние годы добавился еще один пласт – праздничная культура современной Германии.

В докладе доктора исторических наук, профессора кафедры музеологии Института искусств и культуры Томского государственного университета **О.М. Рындиной** рассмотрена проблема трансформации этнической культуры в современных условиях. На примере культуры немцев Томской области выявлены новационные черты в современной этнической культуре по сравнению с ее традиционным вариантом. Отмечена возросшая скорость внедрения новаций. Подчеркнуто изменение механизмов трансляции культуры, действовавших в традиционной культуре во многом подсознательно на семейном уровне, а сегодня проявляющихся осознанно через деятельность государственных и общественных структур. Отмечено, что бытовая и празднично-обрядовая сферы культуры перестали концентрировать этническую специфику, формой ее выражения стала деятельность национальных творческих коллективов профессионального и самодеятельного уровня, СМИ, музеев, воплощающаяся в национальных праздниках, днях культуры, фестивалях, музейных экспози-

циях, публикациях. Немцев Томской области сегодня презентует деятельность национально-культурной автономии, Российско-немецкого дома, Русско-немецкого центра, гимназии «Кристина», гимназии № 6, ансамблей «Moder», «Madelein» и многое другое.

Краткая историко-культурная характеристика немцев Крыма представлена в докладе **Ю.К. Гемпеля**, председателя республиканского общества немцев Крыма «Видергебурт». Докладчиком отмечено, что основной поток немцев-переселенцев в край пришелся на начало XIX в., а к концу указанного столетия можно вести речь о формировании относительно гомогенной культурно-языковой общности. Правда, последнее положение автора нуждается в дополнительной аргументации. В Крыму немцы сохранили черты традиционной культуры, например праздники. В годы Второй мировой войны из края было депортировано почти все немецкое население, включая и членов смешанных семей. В настоящее время в Автономной Республике Крым проживает примерно 3 тыс. «граждан Украины немецкого происхождения». Их интересы представляет общество «Видергебурт», которое стремится к возрождению культурно-языковой общности внутри диаспоры.

Как видим, конференция отразила широкий спектр мнений по поводу истории и культуры немцев России и одновременно выявила наиболее болезненные точки в их сегодняшнем самоощущении. Во многом на эмпирическом уровне были вскрыты проблемы, которые волнуют и научное сообщество историков, этнологов, лингвистов и политологов.

Валентина ЧЕБОТАРЕВА

Родилась в Ферганской области Узбекской ССР. Окончила восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (Ташкент). Работала преподавателем языка хинди в узбекской школе, затем старшим научным сотрудником в Институте истории АН УзССР. После защиты докторской диссертации – зам. директора по науке в Институте истории партии при ЦК КП Узбекистана (Ташкент). Специализируется по проблемам истории национальной политики СССР, РСФСР, Туркестанской АССР.

С 1988 г. – в Москве. Занимается историей национальной политики в автономиях Российской Федерации, при этом преимущественное внимание уделяет истории российских немцев. Изданы монографии: Государственная национальная политика в Республике Немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М., 1999; Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1918–1924 гг. М., 2003; Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938. М., 2006; Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений. 1922–1939 гг. Архивные документы. Комментарии. М., 2009 и др. Доктор ист. наук, профессор, консультант Общественной академии наук российских немцев.

Публикуемые ниже доклады охватывают широкий круг проблем истории немцев России. Существенное внимание уделено вопросам эволюции общественно-политического движения «Widergeburт». Ознакомление с отечественной историографией позволяет сделать вывод: до настоящего времени никто из ученых не отважился на написание основательной монографии по истории этого движения, создание монографии, в которой было бы отражено все многообразие национального общественно-политического движения в регионах СССР, а затем и на постсоветском пространстве. Интерес ученых к этой проблематике до настоящего времени ограничивался созданием научных и публицистических статей¹. Участники конференции «Немцы России – прошлое, настоящее, перспективы становления» в значительной степени дополнили формирующуюся историографию проблемы.

Э.Л. Вольф – один из основоположников общественно-политического движения «Widergeburт», неоднократно занимавший высокие посты в его организационной структуре, рассматривает тернистый путь движения немецкой общественности за восстановление национальной государственности по этапам. Автор не уходит от острых проблем, напротив, по отдельным сюжетам повествования дает оценки принципиального характера. В частности, анализируя причины снижения активности «Widergeburт» на одном из этапов – в конце 1993 г., Э.Л. Вольф пишет: «...обострившиеся отношения между ветвями российской власти свели на нет достигнутые успехи. Проблемы российско-немецкого народа утонули в хаосе политического противоборства: законодательная и президентская власть заняли непримиримые позиции». Э. Вольф, старейший участник движения, впервые за годы «съездовских

марафонов» понял: «попытки восстановить государственность безнадежны; восстановить историческую справедливость по отношению к нашему депортированному народу вряд ли удастся». Что касается перспектив движения, то автор убежден: на первый план должны выходить вопросы, связанные с функционированием всей системы объединений российских немцев как на территории РФ, так и на постсоветском пространстве.

И.Я. Шейрман посвятил свой доклад возрождению идей «Widergeburt» в деятельности Немецкой национально-культурной автономии Томской области. Он знакомит читателя с ценным наблюдением: среди членов Томского «Возрождения» были и активные сторонники восстановления немецкой автономии на Волге, и те, кто считал первостепенной задачей возрождение этнокультурной идентичности немцев вне притязаний на территориальную обособленность. В докладе излагаются основные позиции Комплексной программы становления и развития сообщества немцев Томской области, реализация которой, по мнению автора, создаст необходимые предпосылки для возрождения этнокультурной идентичности российских немцев через объединение интеллектуального, экономического и культурного потенциала.

Оригинальные сюжеты представлены в статье **Г.Г. Гроута**. Известный деятель «Widergeburt» выступил на конференции не с политическим докладом, а с материалом мемуарного характера. Это воспоминание о том, как автор, будучи студентом, разработал устав и программу общенациональной организации советских немцев, написал обращение к советскому немецкому народу и к немецкой молодежи. Для апробации своих идей студент выбрал родное село Андреевка, где ознакомил односельчан с политическими задачами немецкой общественности и призвал их подписаться под петицией в ЦК КПСС с просьбой о приеме 3-й делегации немцев-активистов в Москве. Сведения, аналогичные изложенным в докладе Г. Гроута, воспринимаются с неподдельным интересом – они дают читателю представление об атмосфере, которая господствовала в стране в 1950–1960-х гг., о незаурядном мужестве молодых немцев, которые после долгих лет политической изоляции репрессированного немецкого народа включились в борьбу за восстановление исторической справедливости.

Переселенческая политика правительства России получила освещение во многих научных трудах. **В.А. Рудель** представил на конференции свою трактовку предпосылок эмиграции немцев в Россию (XVIII–XIX вв.). В докладе характеризуются политические, экономические и религиозные причины массового исхода немецких крестьян из княжеств Германии. Отмечая первостепенное значение предпосылок социально-экономического порядка, автор указывает на господство крепостнических отношений, абсолютное бесправие крестьян в феодальных княжествах. Доклад завершается выводом: предпосылки для массовой эмиграции в течение столетия формировались не только в стране эмиграции – в германских курфюрствах, но и в стране иммиграции – в Российской империи.

Тема доклада **Е.Э. Казакова** – культурологическая деятельность немцев-декабристов в Сибири. Наказанные правительством за приверженность к демократическим идеям, они своим умом и талантом содействовали просвещению крестьянских детей, становлению профессионального образования, внедрению агротехнических знаний среди крестьян. Автор отмечает психологические особенности взаимоотношений немцев-декабристов и местных жителей: отношения эти строились на основе высоких нравственных принципов и морали.

Слабо изученная в историографии тема – трудовое использование интернированных и мобилизованных немцев в лагерях военнопленных Сибири – тема доклада

Н.М. Маркдорф. Основываясь на достоверном архивном материале, он характеризует организационную структуру лагерей, тяжелые материально-бытовые условия существования интернированных. Это исследование, несомненно, является вкладом в изучение истории политических репрессий в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. К сожалению, автор не считал нужным снабдить доклад ссылками на архивы, которыми пользовался, чем обеднил силу воздействия своего повествования на читателя.

Для практиков немецкого общественно-политического движения, несомненно, значительный интерес представляет выступление **А.А. Дульзона** на тему повышения результативности проектов национального развития. За последние двадцать лет, отмечается в докладе, выполнено много проектов по решению социально-экономических проблем российских немцев, но эффективность их зачастую неудовлетворительна. У каждого документа свои причины неуспеха, но имеются общие недостатки. Исследователь предлагает свои рекомендации по подготовке проектов, основанные на личном опыте. Привлекает внимание совет автора коллегам: при составлении проектов учитывать интересы не только участников проектов, но и интересы будущих поколений: «их еще нет, но их интересы необходимо учесть, чтобы не создать проблем вмешательством современников в перспективную реальность, как это сделали с нами предыдущие поколения»; учитывать «интересы» и прошлых поколений: «их уже нет, но их интересы представлены оставленной ими культурой. Мы не должны наносить ущерб материальной или духовной культуре». Этот социологический подход выглядит чрезвычайно привлекательным в трактовке данной проблемы.

Л.Э. Глок, практик образовательной системы Томской области, проанализировал особенности региональной образовательной политики в условиях глобализации. Он охарактеризовал систему образования Томской области, включающей в себя широкий спектр учебных заведений, международный обмен преподавателями и учащимися, зарубежные стажировки и т.д.

В.В. Эйхвальд посвятил свое выступление истории становления и перспективам развития журнала «Культура». Это издание было задумано руководством региональной культурной автономии Омской области как информационно-методический бюллетень. Но интенсивное взаимодействие немецких территориальных образований, российско-немецких домов и общественных организаций, структурирование межрегионального сотрудничества, создание Ассоциации немцев Сибири – все эти факторы потребовали преобразовать бюллетень в межрегиональный журнал немцев Сибири. Публикации журнала охватывают широкий спектр проблем, они отражают деятельность центров немецкой культуры и творческих коллективов Омского Прииртышья; обмен опытом работы по решению этнонациональных проблем между представителями немецких общественных и культурных организаций и творческих коллективов. Большой интерес читателей вызывают статьи по актуальным проблемам национальной истории и этнографии. Справедливо мнение автора: журнал «Культура», который пользуется широким признанием читателей не только в России, но и на постсоветском пространстве, фактически приобрел статус международного издания.

Резюмируя вышеизложенную информацию, считаю необходимым отметить: подавляющая часть докладов написана на достойном научном уровне. Но ряд текстов изобилует заимствованиями из докладных записок и прочих документов, предназначенных для местных администраций. Совершенно очевидно, что такой подход желательно избегать при подготовке доклада на научно-практическую конференцию.

К 70-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДЕПОРТАЦИИ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ

Альберт ОБГОЛЬЦ

Родился в 1936 году в с. Трусовка Кормиловского (ныне Омского) района. Окончил Омский медицинский институт им. М.И. Калинина. Доктор медицинских наук. 27 лет проработал на кафедре микробиологии Омского медицинского института, был заведующим кафедрой. Имеет около 100 научных публикаций, отдельные из которых стали классическими. Автор монографии «Микробиология и иммунология грудного молока». С 1993 по 1998 годы – президент Омского «Немецкого клуба им. Ф. Штумпфа». С 1998 года живёт в Германии.

ВЕРНОСТЬ И НЕДОВЕРИЕ

Как известно, российские немцы были осенью 1941 г. сняты со всех фронтов, однако некоторые из них в силу различных военных обстоятельств оставались в зоне боевых действий, сохраняя верность солдатскому долгу.

Изгибы человеческой судьбы напоминают порой петляющее русло равнинной реки, которая, сделав крутой поворот, возвращается на прежний курс. В отличие от движения реки, жизненный путь Якова Яковлевича Обгольца (1910–1973) был безупречно прямым. В 10 лет он потерял своего отца, Jakob'a Obholz'a (1870–1921), который стал безвинной жертвой красного террора в селе Мариенталь на Волге. Так Яков-младший стал сиротой. В 1925 г. он окончил пять классов сельской школы и через два года устроился на работу почтовым связистом. В 1929 г. добровольно вступил в колхоз. В этот период активно шло строительство Красной армии, в структуре которой появились национальные воинские части. Немцы Поволжья из-за незнания русского языка служили в основном в подразделениях 53-й стрелковой дивизии, которая дислоцировалась на территории Саратовской области. В 1932 г. Яков Яковлевич Обголец был призван в эту дивизию и направлен на курсы младших командиров. Через год от голода умерла его мать, Anna Elisabeth Rische (1870–1933). После окончания в 1934 г. курсов младших командиров Яков был тут же направлен на курсы старших командиров и после их завершения в 1938 г. получил звание лейтенанта.

Во время военной учебы в г. Энгельсе Яков познакомился со своей будущей женой Emm'ой Rohr, и в 1935 г. они поженились. Получив назначение в 416-й стрелковый полк 112-й стрелковой дивизии, Яков с семьей переезжает в г. Кунгур Молотовской (ныне Пермской) области. В течение года служит в должности командира взвода, а с сентября 1939 г. становится начальником химической службы полка. Эта должность потребовала специальных знаний, и Якова направляют в конце 1940 г. на учебу в г. Харьков. В свою часть он возвратился накануне войны и тут же, 14.06.1941 г., в составе 112-й дивизии отправился к западной границе в район Краславы (Латвия). Через две недели дивизия вступила передовым отрядом в первый бой, потеряв за несколько дней до 40% личного состава. В середине июля 1941 г. дивизия была окружена в районе г. Невеля Калининской области (ныне Псковская область). Несколько недель соединение вело кровопролитные бои, чтоб прорвать кольцо окружения, особенно на подступах к совхозу Репище Невельского района. 416-й стрелковый полк, в котором служил лейтенант Обголец, прикрывал

Курсант Я.Я. Обголец

отход дивизии и фактически весь погиб. Сам Обголец был 23.08.1941 г. с контузией и легким ранением вынесен солдатами с поля боя. Бойцы, оставшиеся в живых, двинулись во главе своих командиров лесами и болотами на восток в надежде вырваться из окружения. Группу однополчан возглавил и лейтенант Я.Я. Обголец, выбрав движение в северо-восточном направлении. Его расчет был верен: немецкие войска повернули на Москву, оставив в стороне Ярославскую область, куда двигался отряд Обгольца. По пути отряд наталкивался на позиции неприятеля, завязывались короткие бои, в результате которых гибли боевые товарищи. В лесах бойцы встречали одиночных военнослужащих и малые группы из других частей, тоже искавшие путь из окружения. Некоторые офицеры более высокого звания хотели переманить однополчан Обгольца, чтобы пополнить свои ряды. Однако все их попытки остались тщетными: группа лейтенанта Обгольца хранила верность своему командиру и продолжала путь.

Одной из сложнейших проблем было обеспечение отряда продуктами питания. Во время этих операций смельчаки погибали или попадали в плен. Иногда вообще не удавалось добыть пропитание. Местное население было недружелюбно к отступающим, обвиняло их, что они оставляют мирных жителей на произвол судьбы. Отправляясь лично на разведку, лейтенант Обголец дважды был на краю смерти. Первый раз они с товарищем залегли в укрытии, но их обнаружил немецкий снайпер и стал пристреливаться. Обгольца спас кирпич, оказавшийся у него под подбородком, а товарищ погиб. Второй раз, во время артиллерийского обстрела, Обголец с двумя солдатами залегли в кустах на опушке леса. Вдруг на них упало дерево, пораженное снарядом, и накрыло обширной кроной. Тут же они услышали немецкую речь. Подошли два немецких солдата, уселись на упавшее дерево и стали трапезничать. Сколько потребовалось выдержки и воли, чтобы пережить этот момент! Обголец взял в одну руку пистолет, а в другую гранату, чтобы в случае опасности взорвать себя и неприятельских солдат. Сдача в плен была равносильна смерти: как немца-офицера его бы расстреляли.

Отряд Обгольца находился в окружении около трех месяцев, с 22 августа по конец ноября 1941 г. Из г. Бежецка Калининской (Тверской) области Яков написал письмо жене, которой давно уже сообщили, что муж пропал без вести. Вот строки из этого письма в моем переводе. «Дорогие, простите, что я так долго заставил вас ждать. Не спрашивайте о том, где я был. Это не зависело от меня, я не имел никакой возможности сообщить вам о себе, так как был в тылу врага. Только не в плену, живым бы я в плен не сдался. Позднее, 22.11.1941 г., я добрался до частей Красной армии. Теперь нахожусь в г. Бежецке».

После тщательной проверки военной контрразведкой всех обстоятельств пребывания отряда Обгольца в окружении и перекрестных допросов его солдат всякие подозрения были сняты. Однако, несмотря на верность присяге и солдатскому долгу, Обголец за принадлежность к немецкой национальности был в январе 1942 г. отчислен из Красной армии и отправлен в Ташкент, где возглавил военно-строительный отряд, с которым прибыл в декабре 1942 г. в поселок Новотроицк Чкаловской (Оренбургской) области на строительство металлургии-

Лейтенант Я.Я. Обголец

ческого комбината. Сюда же из Новосибирской области переселили его семью. Вскоре Обголец перешел на работу электрослесарем на ремонтно-механический завод, где трудился до самой смерти. В период пребывания в Новотроицке пленных немцев Обголец исполнял обязанности переводчика. В начале 70-х годов был избран депутатом городского совета. О нем писала газета российских немцев «Neues Leben». После смерти Я.Я. Обгольца она напечатала некролог с его портретом. Сегодня дети, внуки и правнуки лейтенанта Обгольца живут в Германии. У них хранится богатый семейный архив, с которым они познакомили автора.

Послесловие. В 2009 г. я выставил в интернетовском портале «Die Geschichte der Wolgadeutschen» свою статью о роде Обголец, в которой поместил фотографию солдата в «буденовской» форме по фамилии Обголец. Снимок этот находился в архиве моих родственников. После того как внучка Якова Обгольца сообщила своему отцу, Виктору Обгольцу, что обнаружила в Интернете фотографию дедушки, начались поиски контакта со мной. Оказалось, что это мои родственники по линии отца. Наши деды были родными братьями. Их дед, Яков Обголец, был расстрелян в 1921 году, а мой, Антон Обголец (1866–1932), умер голодной смертью. Мы 74 года не знали о существовании друг друга. В начале июля 2010 г. состоялась первая моя встреча с родственниками, которая связала нас навсегда.

Генрих ГРОУТ

Один из лидеров советских немцев. В настоящее время Председатель Международного конвента российских немцев. Живет в Берлине.

Виктор ДЕХЕРТ

Кандидат медицинских наук, делегат III Съезда немцев бывшего СССР. С 2002 года живёт в Германии.

ДЕСАНТ (НКВД) И НЕМЦЫ (ПОВОЛЖЬЕ)

При анализе политических причин депортации российских немцев нельзя оставить без внимания и версию о десанте в Республику Немцев Поволжья бериевских «красноармейцев» под видом германоармейцев. «Слух» о результатах проверочного десантирования чекистов как о первопричине депортации немцев Поволжья, похоже, навечно поселился в «печатной краске». «Власть» не опровергает и не подтверждает эту информацию, чем и поддерживает выдвинутое против российских немцев обвинение. А заодно и усиливает демонизацию НКВД. Получается, что и жертва (российские немцы), и палач (НКВД) одинаково плохие. А те, из-за кого одних депортировали, а другим приказали депортировать, остались не замеченными «широкой общественностью». Данной работой мы в канун очередной годовщины Дня национального траура российских немцев пытаемся привлечь общественное внимание к национальной трагедии так и не реабилитированного народа Российской Федерации. Для чего вначале освежим в памяти особенности «саги» о поволжском десанте.

Прежде всего «сказ» о десантировании германоармейцев. Абсурдность этой версии столь очевидна, что сейчас ее не рассматривают даже последовательные противники всего немецкого. Какими бы ни были руководители Третьего рейха и его вооруженных сил, но в военном деле в то время они были «впереди планеты всей». Забрасывать десант в глубокий тыл (июль-август 1941 г.), да ещё и в сельскую местность?! Что ему там делать? Диверсии проводятся в промышленных районах против предприятий, имеющих оборонное значение. Может быть, десанту была поставлена задача разрушить средства коммуникации, например, полотно железной дороги в степном райцентре Палласовка? Так последствия такой диверсии ликвидируют в одночасье. А затем в этой же степи ликвидируют и самих «десантников». Остается только десантирование с задачей организовать немецкое население на «сидячую» (в масштабах своей деревни) партизанскую войну. По этой логике немцы должны были находиться в постоянной боевой готовности к ведению беспорядочной стрельбы из своих «окон и огородов». В случае, конечно, если мимо будет проходить кто-нибудь из Красной армии.

Но предположим невероятное – восстание. Немецкое население Поволжья составляло около 500 тысяч человек. Если взять за основу предположение Федорова (1), то «под ружьё» могли бы встать 13,6%, или 65 тысяч поволжских немцев. Это 4 пехотные дивизии вермахта. Собственно «па-

рашютистов» должно быть не менее 16 взводов. По одному на кантон. Плюс вдохновители, организаторы и руководители восстания. Иначе это не десант, а диверсионная группа. Десант должен быть именно «парашютным», так как готовых посадочных площадок для скрытого приема самолетов десанта ни при, ни после депортации немцев в Поволжье обнаружено не было. Переброска в глубокий тыл воюющей страны такого количества вооруженных «до зубов» десантников и вооружения для повстанцев потребовало бы не одного десятка самолето-вылетов. Скрытно, на расстояние более 900 километров по территории противника это совершить невозможно. Невозможно настолько, что даже тем, кто это утверждал ранее, «за себя стало стыдно».

И все жё, если предположить, что удалось и забросить батальон «парашютистов – фашистов», и перебросить вооружение для 65 тысяч повстанцев и взрывчатку для тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов. Максимум, что эта акция дала бы «заинтересованной стороне» – это задержать уборку урожая 1941 года на несколько дней. Десантный батальон рассчитан на 4 часа боя даже с обескураженным от такой наглости противником. А «повстанцы», вооруженные легким стрелковым оружием, на серьезного противника не похожи даже внешне. Тем более в степных районах, где от боя с регулярной армией, с её тяжелой артиллерией, самолетами и танками «ни спрятаться, ни скрыться».

Десант и гипотетическое вооруженное восстание логично было бы планировать на осень 1942 года, когда шла битва за Сталинград. А до этого, по крайней мере до середины октября 1941 года, поволжские немцы, будь они дважды диверсанты и трижды шпионы, должны были вначале убрать урожай и сдать его государству, столь нуждавшемуся в продовольствии. Тем более что урожай в 1941 году в Поволжье был рекордным, а с учетом оккупации Украины, и стратегическим. И ещё одна маленькая, но существенная деталь. Восстание с перспективой оказания помощи 6-й общевойсковой армии Паулюса и 4-й танковой армии Гота инициировать надлежало не вообще на территории АССР Немцев Поволжья, а в её правобережной части, в кантоне, что поближе к Сталинграду. И почти прав И. Федоров, когда утверждает, что: *«Большинство российских немцев – из Поволжья. Выслано было 367 тысяч и то не сразу, а в течение двух военных лет с 41 по 43 год. Конечно, это большая беда. Но что было делать в той обстановке? Фашисты подошли к Волге. Шла битва за Сталинград. Исход войны мог решить перевес в сотню человек. Набрали бы гитлеровцы из 367 тысяч хотя бы пятьдесят тысяч штыков? Десять дивизий! Думаю, что наскребли бы и прямо на месте»* (2).

Федоров прав только «почти», потому что:

а) выслано было из Поволжья не 367 тысяч, а на 152 тысячи 431 человека больше (3). Пятьдесят тысяч штыков – это не десять, а три дивизии;

б) выслали не в течение двух военных лет, а в период с 3 по 20 сентября 1941 года (4).

В последующем «довысылали» случайно оставшихся. Герхард Андреевич Вольтер (5), ссылаясь на архивные данные, пишет: *«На 21 сентября 1941 года в пределах бывшей республики осталось 1488 немцев: по болезни 371 чел., в командировке – 23 чел. и 1094 человека, главы семей которых являлись русскими»*;

в) вермахт к Волге подойдет только через год. Сталинградская битва началась 17 июля 1942 года, а ее исход был предрешен ещё осенью 1941 года (6). Перевес не только в сотню, но даже и в три сотни ничего не решал. Не те сотни. Это по силам было лишь тем трем сотням «неповолжских немцев», которые Вторую мировую войну спланировали и «запустили».

Страшную сказку для взрослых о немецко-фашистском десанте в АССР Немцев Поволжья ни Сталин и никто из его окружения не рассказывал даже своим домочадцам. Официальные документы также не содержат и намека на планирование вермахтом такого десанта. Соответственно, и о «проверочном» десантировании все того же неутомимого НКВД власть не упоминает. Но и версия о десанте чекистов в форме немецких парашютистов также не более чем слух. Зачем проводить такую операцию в самый напряженный период войны? Зачем искать знающих немецкий язык комсомольцев (не немецкой, разумеется, национальности), переодевать их в немецкую форму, проводить «заброс» десанта в АССР Немцев Поволжья и таким образом убеждать себя и немецкое население Советского Союза в нелояльности советских немцев к советской же власти и советскому народу? Ответ на этот вопрос стандартный и не выходит за рамки злодейства Сталина (режима) и зловредности Берия (НКВД). Но для НКВД успешно проведенная операция по установлению тотальной нелояльности немецкого населения Поволжья к советской власти была бы показателем качества его работы. Это нашло бы свое отражение и в директивных документах, и в спецлитературе для учебных заведений НКВД-МВД-КГБ. Ничего этого пока не обнаружено, и нет свидетелей, чьи показания можно было бы считать отправной точкой в поиске истины. Пока же и ученые, и заинтересованная в поисках доказательств немецкой зловредности «этаблированная» общественность довольствуются слухами в виде сплетен. Но даже такая информация позволяет идентифицировать их источник.

Так, например, в 2001 году центральная газета «Московские новости» опубликовала статью Ю. Песикова «Десант имени товарища Берии». Видимо, что-то в этой истории с десантом не дает товарищам в «Московском комсомольце» спать спокойно.

Тов. Песиков пишет: *«Шестьдесят лет назад (да, пожалуй, и в наши дни) ходил тайный слух (его передавали друг другу под большим секретом!) о «подлинной» причине выселения немцев Поволжья. Я давно собираю все, что связано с этой версией: рассказы старожилых, упоминания о ней в печати и т.д. Впервые я услышал о ней еще мальчиком от своего отца, который прошел всю войну от звонка до звонка. Он рассказал мне: когда Гитлер напал на СССР, к немцам-волжанам сбросили «особый» десант – парашютисты-фашисты в полной боевой форме. Жители их спрятали, никто не выдал. А парашютисты были переданы красноармейцами. После этого всех немцев с Волги и выселили. Отец мой никогда на Волге не бывал, тамошних немцев не знал, а про десант слышал от политрука. Как я сейчас понимаю, политрук рассказывал это, чтобы объяснить, почему бойцов и командиров немецкой национальности забирают из действующей армии и отправляют в ссылку»* (7).

Статья вышла в 2001 г., значит, с 1941 года и по наши дни «ходит ветер, бродит ветер, и возвращается ветер на круги своя». Слух тайный, то есть в газетах об этом не напечатали, по радио не объявили, на партсобраниях, даже закрытых, «письма» не зачитывали, коллективные выступления трудящихся с осуждением несоветской позиции советских немцев не инициировались. А слух откуда-то возник и не угасает до сих пор. И если при «тоталитарном режиме» его передавали под «большим» секретом, то сейчас тиражируют еще большими тиражами. Тов. Песиков давно интересуется историей слуха и кое-что может предъявить заинтересованной общественности. Так, например, впервые он услышал о десанте от своего отца. А почему не от постового сотрудника НКВД или его родственников? Откуда у фронтовика, провоевавшего всю войну, такие сведения? И спасибо солдату, он точно назвал сыну источник слуха – политрук. Надо полагать, что эта «информация» не была фантазией политрука, а получена им от начальства «по команде», то есть «сверху». Немцев из действующей армии «убрали» по директиве Наркомата обороны № 35105 от 8 сентября 1941 года. Но в ней ничего о «поволжском десанте» не говорилось. Стало быть, политруки заранее знали, *«почему бойцов и командиров немецкой национальности забирают из действующей армии и отправляют в ссылку»*. Все официально объяснили в Указе ПВС СССР от 28 августа. Тогда кто и зачем в армии «распустил» и кто допустил этот неофициальный слух об «особом десанте к немцам-волжанам»? Почему ложь не опровергли те же политорганы? И почему политруки сразу же после выхода директивы об отчислении военнслужащих-немцев из действующей армии начали говорить о десанте, а не о том, что написано в Указе. Структура, обязанная разъяснять бойцам политику партии и правительства, «толковать» их решения и всячески отмечать достижения армии, игнорирует исключительную роль «военных властей» и всю «заслугу» передает НКВД. Президиум Верховного Совета ясно написал: «военные власти». И если по каким-то соображениям «власть» скрыла участие в получении этих «достоверных данных» органов государственной безопасности, то не ротным и батальонным политработникам (кухаркам) решать, как управлять государством. А особые отделы куда смотрели? Во вверенным их чекистской заботе частям политруки опровергают сказанное «верховой» властью, а особысты прикидываются «неместными».

Информация о десанте была настолько засекречена, что о ней знали даже 6-летние дети. Так, Гинсбург Виталий Моисеевич, вспоминая своё военное детство, пишет: *«В на-*

чале июля 1941 года (кажется, 7-го), мы по Волге на теплоходе отправились в Саратов. Плыл целый караван, теплоходы с сотрудниками и их семьями и баржи с архивом. У нас была четырехместная каюта (нас было пятеро, так как дедушка и бабушка поехали вместе с нами).

Мой день рождения (11 июля 1941 года мне исполнилось 6 лет) отметили в дороге.

Мужчинам-сотрудникам выдавали оружие, и они по очереди дежурили на стоянках на сходнях теплоходов. В Горьком нас нагнала волна беженцев из Белоруссии, которые смяли оцепление и захватили теплоход. Естественно, что оружие никто применять не стал. Теперь в нашей каюте разместилось 8 человек, так как с нами была семья папиного друга, призванного на фронт.

Саратов был центром Республики Немцев Поволжья, и однажды разнесся слух, что где-то высадился десант в немецкой форме, а местные немцы его тепло встретили и показали заготовленный ими склад оружия. После этого началась депортация немцев. Выселили и соседей из нашего дома. Все это обсуждали дома и на улице, но ни какого возмущения или протеста не было. В августе маму отравили на трудовой фронт – на уборку урожая на полях опустевших немецких колхозов. Она убирала табак, арбузы и в конце сентября–начале октября возвратилась домой. Но ее предупредили, что предстоит отправка на заготовку дров. Стало ясно, что надо идти на работу, и она пошла работать экономистом в контору к деду. После этого трудовой фронт ей был не страшен» (8).

Свои «Воспоминания» тов. Гинсбург написал уже «в наши дни». Но хорошо помнит, что причиной выселения немцев Поволжья был не десант, а реакция местных немцев. Последние не только «тепло встретили» десантников, но и «показали заготовленный ими склад оружия». А почему только показали? Должны были вооружиться с намерением приступить вместе с десантом к выполнению поставленной задачи. И если 6-летний ребенок запомнил «слух» не только о факте, но и о причине депортации, значит, в его окружении эта тема периодически обсуждалась. И по времени проверочная операция десантирования датировалась как предшествующая депортации.

Но это «детско-мемуарные» воспоминания. Мы же имеем возможность привести и свидетельства другого рода. Григорий Иосифович Панченко во время войны вел дневник. 25 сентября 1942 года он записал: «В Паласовку я послан в командировку. Говорят, что Паласовка входила в состав Республики Немцев Поволжья и до этой войны была населена немцами. Немцев в начале войны выселили всех до одного. Вчера военинженер 1-го ранга Гольдфин, нач. нашей ФРС, рассказывал мне вечером, как проверяли преданность немцев нашей родине. Была произведена инсценировка высадки немецкого десанта. Все десантники хорошо говорили на немецком языке. Десант был встречен восторженно, ему были преподнесены торты и прочее. После этого началась корчевка» (9).

По крайней мере в сентябре 1942 года «в армии» даже среди старших офицеров устойчиво циркулировала информация об инсценировке немецкого десанта. Сам автор дневника, никак это событие не оценивая, принял как должное и торты, и прочее. А поэту Феликсу Чуеву не энкаведешник Сидоров, а «фронтовик Л.Д. Петров, друживший с зятем Молотова, рассказывал мне, как во время войны в Автономную Республику Немцев Поволжья наши выбросили десант, переодетый во вражескую форму. «Своих» встретили как своих – ожидали... Решением Государственного Комитета Обороны это автономное национальное образование выселили, а десантная часть получила звание гвардейской. Я не знаю, чтобы переселенные немцы так возмущались своей судьбой, как, скажем, чеченцы или крымские татары. На юбилее Расула Гамзатова в 1993 году я сидел в президиуме рядом с Джохаром Дудаевым и слышал, как он с гордостью

сообщил, что во время войны чеченцы поднесли Гитлеру белого коня. А ведь раньше отрицали!» (10).

Видите, фронтовик, а не болтливая жена молчаливого сотрудника «органов» говорит о десанте и даже о том, что это была «десантная часть», которая получила звание гвардейской. Но это даже для поэта чересчур. «Мало ли чего можно рассказать! Не всему же надо верить» (11). Сам же Песиков так комментирует сказанное Чуевым: «Сейчас, когда с немцев Поволжья сняты все ложные обвинения, когда известно, какие беды обрушились на них в ссылке, писать так может только человек, плохо знающий историю своей страны. Чуев комментирует свою запись: «Я не знаю, чтобы переселенные немцы так возмущались своей судьбой, как, скажем, чеченцы или крымские татары». Чуев, видимо, думает, что немцы Поволжья считают свою высылку справедливым возмездием за свою вину. Это чистое вранье. Немцы-волжане убеждены, что их депортация – геноцид, преступление против человечности. В сталинских лагерях ГУЛАГа (их лицемерно называли трудовыми армиями) от непосильного труда и голода погибло более половины русских немцев» (12).

Легенда о десанте по Интернету и по страницам печатных изданий «гуляет как кошка», то есть «сама по себе». Демократические авторы подают их по демократическому принципу «хотите верьте, хотите нет». Но обязательно с упоминанием о кровожадном НКВД. Иногда и со ссылками на высокопоставленных его сотрудников.

Например, с Михаилом Киришиным бывший заместитель наркома внутренних дел Серов даже в 1984 году не спешил делиться государственными тайнами. О десанте в Республику Немцев Поволжья бывший комиссар государственной безопасности 3-го ранга «стыдливо умолчал». Однако фарш в шуке не утаишь. И вот как об этом пишет сам автор статьи:

«Что же касается фальшивки, о которой стыдливо умолчал Серов, то она в самом деле имела место и была одобрена. Доверенные кинооператоры НКВД засняли якобы радужную встречу жителей Автономной Республики Немцев Поволжья с гитлеровскими парашютистами. На роль парашютистов были отобраны особо доверенные немецкие коммунисты из Коминтерна, которые бежали от преследований Гитлера и нашли общий язык со Сталиным. Первым, кто указал на эту фальшивку, был политзаключенный ГУЛАГа французский коммунист Жак Росси в своем знаменитом справочнике по ГУЛАГУ (издательство «Просвет», 1991 год).

Парашютистов-коммунистов, сброшенных с советских самолетов на территорию республики Поволжья, лично наставлял и консультировал Вильгельм Пик, доверенное лицо Сталина. Об этой гнусной фальшивке знал, безусловно, и Вальтер Ульбрихт, который впоследствии руководил ГДР» (13).

Возможно, но только не на киностудии «НКВД-фильм» был снят киноматериал под рабочим названием «Встреча на Волге». Но зачем на роль жителей Немреспублики приглашать местных немцев? А на роль парашютистов – немцев Германии, пусть даже и коммунистов? Зачем лишние свидетели, да еще известные в Германии как убежавшие от преследований самого Гитлера? Нужны были артисты со знанием немецкого языка? Но фильм озвучить можно было после съемок, и на любом языке. К тому же даже люди, далекие от тайных дел, понимают, что доверять что-либо тайное таким «артистам» нельзя. Что и подтвердил коммунист товарищ Росси, ведь кто-то же «сболтнул» этому разговорчивому французу «секретную» информацию. Да и осчастливленные незванным визитом жители автономной республики не обязаны были молчать. Полагаем, что реально был возможен лишь один вариант: постановочная сцена – «реконструкция событий» встречи «гитлеровских парашютистов» и «радушных жителей» из

числа местных жителей немецкой национальности. Иначе мы должны признать, что энкаведешники в режиме документальной съемки вначале зафиксировали факт десантирования «немецко-фашистского» десанта, а затем перед установленными заранее кинокамерами прошла встреча германских немцев с немцами советскими. Берия, а тем более Сталин мозговым плоскостопием не страдали, посему с их подачи выход в свет такой «киноэпопеи» был невозможен. Даже в виде слухов.

Не осталось в стороне от этой, как бы сказал «меченый» генсек, «слуховщины» и генеалогическое агентство «Семейный архив». Не вникая в подробности нашей истории, означенное ведомство в ноябре 2006 года опубликовало следующий текст (приводим его с небольшими комментариями):

«Как и следовало ожидать, с началом Великой Отечественной войны на немецких поселенцев обрушился целый шквал репрессий».

Репрессиям по национальному признаку «немецкие поселенцы» до 28 августа 1941 года не подвергались. Даже из Крыма немцы были не депортированы, а эвакуированы (официально) не в Сибирь и Казахстан, а в Ставропольский (Орджоникидзевский) край и Ростовскую область. И только после выхода Указа ими распорядились, как и всеми немцами.

«28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев из Саратовской, Сталинградской областей и территории бывшей Республики Немцев Поволжья в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии».

Указ назывался «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Территория АССР Немцев Поволжья стала «бывшей» не до, а после выхода Указа от 28 августа 1941 года. Мелочь, но неприятно.

«Но в СССР в дополнение ко всему распространилась легенда, будто бы для проверки лояльности немецкого населения Поволжья в один из их населенных пунктов был выброшен десант переодетых в гитлеровскую форму чекистов. Явившись к хозяевам, в первую очередь, к занимающим руководящие посты, и ссылаясь на скорый приход фашистских войск, они попросили спрятать их от советских властей. Колонисты якобы с удовольствием сделали это. Сигналов в советские органы от них не поступило. На следующее утро «спрятанные» арестовали своих хозяев и погнали их в Сибирь» (14).

Легенда подается как легенда, но обрастает подробностями. Опять все было сделано чекистами. Причем впервые упоминаются руководящие работники «одного из населенных пунктов» и четко отмечена дата вброса легенды или десанта – за день до депортации. То есть войска «инкогнито» уже были введены и рассредоточены на территории трех субъектов Российской Федерации – АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей – и напряженно ждали десанта и реакции местного немецкого населения на эту «напряженность».

О десанте, как об имевшем место факте (без указания населенных пунктов, действующих лиц и исполнителей), говорится в вышедшем в 1989 году «августовском номере журнала АПН». Набор стандартный: «Местные жители быстро переложили переодетых в фашистскую форму агентов НКВД, сброшенных с парашютами по приказу Берии» (15). Но и здесь нет конкретики: где производился «сброс»? Какие и кем по сему поводу отдавались приказы? То есть те же переодетые «агенты» НКВД и местные жители без указания местности их проживания, но «с топорами и с ружьем», быстро их переловившие.

Хотелось бы знать, как это себе представляют товарищи из АПН? Как можно переловить, да еще быстро, вооруженных «до зубов» профессионалов. Десантники, это же не участники детской игры «Зарница». Они должны были

играть роль немецких парашютистов не в момент приземления, а после и до получения устойчивого результата. При необходимости силою вверенного им оружия десантники могли и обязаны были объяснить негостеприимным хозяевам «кто есть ху». Действительно, представим, что немецкое население выбранного для десантирования населенного пункта не поддавалось на провокацию и попыталось «быстро переловить» десантников. Дальнейшие действия десанта зависят от поставленной задачи. Если решение планировалось принять по результатам этого «теста на лояльность», но лучшего и ожидать не приходится. Безоружное немецкое население все как один смело пошло в бой за власть Советов и не шадило живота своего в этом святом и правом деле. Десантники, видя такое развитие событий, начинают говорить по-русски, успокаивают наиболее разбушевавшихся (объясняя мотивы своего появления) и докладывают о результате операции по команде. «Суду ясно», что наши немцы за нашу же социалистическую родину все как один и без оружия готовы пойти даже в «последний смертный бой». Но дать себя «переловить», то есть разоружить и под конвоем сдать «куда надо», десантники не имеют права. Это же не кучка пьяных хулиганов. Да и товарищ Берия возглавлял не АПН и дураков в своем ведомстве не жаловал.

Ю.В. Песиков приводит и другие «свидетельства» о расширении слуха о десанте не только вширь («и словно мухи тут и там, слухи ходят по домам»), но и вглубь («а беззубые старухи их разносят по умам»): *«Еще одно свидетельство. Писатель Гуго Вормсбехер в сборнике «Откровенно говоря» (М., 1989 г.) пишет о событиях накануне депортации: «В немецких селах, где все знали друг друга из поколения в поколение, незнакомые люди не могли остаться незамеченными. Не остались незамеченными чекисты, заброшенные сюда в форме немецких парашютистов для проверки «лояльности» здешнего населения. По рассказам очевидцев, участникам этого провокационного маскарада был дан достойный отпор». Примечательно, что автор сборника не называет фамилий очевидцев, не указывает, в каких местах проводилась чекистская акция».*

«В 1991 году в январском номере журнала «Смена» доктор исторических наук Александр Галаган в статье «Знала бы Екатерина Вторая» вспоминает, как весной 1956 года студентом пединститута он слушал лекцию некоего Владимира Джинчарадзе, а тот обрушивал на студентов факты о преступлениях Сталина. История «десанта» обрастает новыми подробностями: «В августе 1941 года на территорию Республики Немцев Поволжья забрасывается группа комсомольцев. Все они прекрасно владеют немецким языком, одеты в форму гитлеровских десантников, вооружены немецкими имайсеками и вальтерами. Отряд имитирует вермахтовский десант. Но утром в органы НКВД поступает от колонистов несколько сигналов... Маневр повторяется в другом месте и с тем же результатом. Однако на этот раз с «захваченными в плен диверсантами» поступают иначе: их... привозят в Энгельс (или в Саратов) и расстреливают всех до единого. Чтобы не было свидетелей классической, в ежовско-бериевском стиле, провокации» (16).*

По этой версии всех незадачливых десантников, захваченных в плен, НКВД расстреливает (17). Десант-то ведь был тайный. Но кто же потом об этой тайне поведал «по секрету всему свету». Возможно, версия о расстреле десантников делала этот слух более «тайным». Чтобы даже у юных следопытов не появилось желания отыскать тех «героев былых времен».

Берия можно обвинить в чем угодно, но только не в отсутствии ума. И расстреливать идеологически выверенных (комсомольцы) и дефицитных профессионалов военного дела (десантники), прекрасно владеющих немецким языком, было себе дороже. Но слух был «сброшен», начал «успешно» работать. А для его закрепления добавили в эту

ложь ещё и расстрел десантников (забыв при этом расстрелять опасных свидетелей – колонистов, столь негостеприимно поступивших с десанниками). Хотя более эффективным была бы их самоликвидация (например, харакири) по приказу самого Берия, переданному им каждому десантнику мысленно, по каналам телепатической связи.

«Воспоминания Артура Карла опубликованы в сборнике «Когда мы были молодые» (Саратов, 1990 г.). Он пишет: «Весть о нападении Гитлера на СССР для большинства поволжских немцев была таким же потрясением, как и для других советских граждан. Не могу поручиться за каждого немца, но лично я не сталкивался ни с одним случаем проявления симпатии к стране-агрессору...»

Прошло два месяца. Немцы работали с удвоенной, утроенной энергией, и вдруг как обухом по голове – правительственный Указ о выселении. Из Москвы прибыли специальные уполномоченные НКВД по проведению выселения, сроку на всю акцию дали неделю. Уполномоченные ходили по домам, торопили: быстрее, быстрее... До сих пор существует версия, будто НКВД для проверки лояльности поволжских немцев выбросил ночью десант, одетый в фашистскую военную форму, и якобы местные жители попрятали десантников по домам. Убежден, что эта версия не имеет под собой никаких оснований... Скорее всего, эта версия была пущена по указанию руководителя НКВД, чтобы бросить тень на весь народ и тем самым оправдать его изгнание в глазах людей».

«Сопоставляя различные мнения и существующие документы, я пришел к выводу, что точка зрения Генриха Карла наиболее убедительна. Перед ведомством Берии была поставлена задача: опорочить целый народ. Как? Сбросить провокационный десант? Соблазнительная идея, но она требует тщательной подготовки. А время (Сталин?) поджимает. К тому же возможные неудачи и разоблачения грозят организаторам акции большими неприятностями. И вот изощренный чекистский ум рождает идею: вместо реального десанта сбросить «строго секретный» слух».

«В истории «секретного десанта» 1941 года нельзя поставить точку. В научном обороте нет соответствующих документов, а они, наверняка, были. Мы не знаем имен организаторов – кому-то они известны. А самое главное, эта история (слух, версия, легенда) ведет упорную и злую работу. Она мешала восстановлению Республики Немцев Поволжья после смерти Сталина, она заставляла многих немцев-волжан, считавших Россию своей Родиной, уезжать в эмиграцию, она и сейчас сеет недоброжелательство к тем немцам, кто еще сохранил веру в справедливость и здравый смысл российской власти» (18).

Мы согласны и с Ю.В. Песиковым, и с приведенными им воспоминаниями Артура Карла в том, что вместо десанта был «сброшен» слух о десанте. Но мы полагаем, что автором и исполнителем этого деяния было не кровожадное НКВД, а белые и пушистые «военные власти». НКВД всего лишь исполнительный орган. И какая ему разница, был десант или не был. Приказано депортировать – депортировали. Если бы НКВД проводил такой десант, об этом бы были написаны отчеты, эта «операция» вошла бы в «золотой фонд» специальных подразделений. Зачем НКВД из своей явной работы (проверили – подтвердилось – надо выселять) делать какие-то тайные слухи?

Мы также согласны с теми авторами, которые полагают, что «сказание о десанте» еще требует своего освещения. Но сомневаемся в наличие документов, позволивших бы поставить точку в этой истории. Возможно, что кое-какие документы были, но после убийства Сталина и Берия их уничтожили, уничтожая правду «ныне, присно и во век веков». В интересах все тех же «военных властей», с кем Сталин планировал «разобраться» за катастрофу начального периода войны.

Завершим мы «обозрение» высказываний о десанте в

Поволжье выдержкой одной из первых статей по этому вопросу. Подполковник КГБ А.Н. Кичихин в 1990 году написал следующее: *«В мемуарах польского генерала Андерса (отдельные части его армии в своё время располагались на территории республики) имеются не подтвержденные какими-либо иными свидетельствами указания, что в июле 1941 года некоторое количество парашютистов Красной армии, переодетых в фашистскую форму, якобы было сброшено на территорию АССР Немцев Поволжья. Население, по воспоминаниям Андерса, встретило парашютистов соответствующим образом, и только своевременное прибытие отряда сотрудников НКВД позволило десанту уцелеть от расправы» (19).*

Упоминает генерала Андерса и не менее осведомленный ученый исследователь, доктор и профессор Лариса Прокопьевна Белковец: *«Не находят подтверждения известные из западной литературы факты о провокациях, устроенных органами НКВД в немецких селах. Для проверки лояльности немцев они якобы сбрасывали с самолетов красноармейцев, переодетых в форму солдат вермахта. Легендой, призванной обосновать выводы о тысячах расстрелянных перед эвакуацией немецких жителей, следует признать и рассказы о находках в подвалах и на чердаках жилых домов флажков с фашистской свастикой, заготовленных в 1940 г. для предполагаемой встречи в республике Адольфа Гитлера. Они вошли в литературу с легкой руки польского генерала Андерса, который, как установил В. Хердт, никогда не бывал в Поволжье и не мог знать о таких вещах» (20).*

Утверждение тов. Белковец о легкой руке генерала тоже миф. Сравните две приведенные выше цитаты высокопоставленного офицера КГБ и высокоположенного деятеля исторической науки с тем, что написал в своих мемуарах офицер российской, а затем бригадный генерал польской армии В. Андерс.

«Советское правительство на основании декрета от 8 сентября 1941 года постановило вывезти в Сибирь около 300 000 немцев — советских граждан, проживавших в так называемой Автономной Республике Немцев Поволжья. Осенью 1941 года в этот район был сброшен батальон парашютистов НКВД в немецкой форме. Когда немцы проявили некую симпатию к «немецким солдатам», энкаведешники начали резню» (21).

Почему Кичихин, ссылаясь на Андерса, относит операцию десантирования на июль 1941 года? Андерс говорит, что десант был сброшен осенью (того же года). Причем говорит не о слухе, а как о свершившемся факте. И указывает точное количество и принадлежность задействованных войск (батальон парашютистов НКВД). Кто мог сообщить польскому генералу эту «секретную» информацию? Ответ на этот вопрос дает сам Андерс своим упоминанием о декрете «от 8 сентября». Почему в голове у генерала при написании мемуаров всплывает не 28 августа (день принятия Указа ПВС СССР), а 8 сентября. Видимо, потому, что 8 сентября вышла директива № 35105 Наркомата обороны, предписывавшая «изъять» всех военнослужащих РККА немецкой национальности из Красной армии... и послать их во внутренние округа для направления в строительные части». Указ о депортации немцев, проживающих в районах Поволжья, до генералов РККА не доводился, а вот сталинскую директиву от 8 сентября выполнять надо было армейскому начальству. Этой информацией они, видимо, поделились с генералом Андерсом. Он эту дату запомнил и при написании мемуаров не перепроверил и перенес принятие решения о депортации поволжских немцев на 8 сентября. Идея расправы местного населения с десантом (помешали опять же прибывшие спасать десант сотрудники НКВД) полностью на совести тов. Кичихина. А утверждение о том, что немцы «проявили некую симпатию к «немецким солдатам», уже на совести Андерса. Но

его тоже можно понять. Не мог же польский генерал, недоброжелатель всего русского и противник всего советского, написать в своих лондонских мемуарах, что «советские» немцы встретили немцев германских как классово чуждый элемент и продемонстрировали готовность защищать советскую власть и свою Россию «до последней капли крови». Не мог этого написать и Кичихин, не нарушив «обет молчания». И непонятно, где Андерс успел насплетничать о флажках с фашистской свастикой. Этого в мемуарах генерала мы не нашли. А в Поволжье Андерс был, и о том, где и зачем, он пишет все в тех же своих мемуарах.

«Немецкая республика играла немалую роль в экономике СССР: на ее территории находились крупнейшие фабрики мясных консервов. Немецкие поселения были самыми зажиточными и отличались относительно комфортабельными постройками. Я поехал в Саратов, чтобы на месте посмотреть, нельзя ли получить согласие властей на размещение там польских граждан, освобожденных из тюрем и концлагерей. Я вел переговоры с комиссией, во главе которой стоял генерал НКВД Серов. Поддавались, конечно, определенные надежды, но, как всегда, заслонялись объяснением, что все решает Москва» (22).

Польских граждан разместить в Немецкой республике и можно было, и нужно было (привлекли бы к обороне Сталинграда). Но, видимо, консервы с крупнейших мясных фабрик и все, что осталось в комфортабельных постройках зажиточных поселений, предназначалось для других. Андерс знал (губа не дура), о чем просить Серова. Но почему эту часть мемуаров Андерса не процитировал в 1990 году подполковник КГБ Кичихин? И почему через 18 лет, ссылаясь на того же Андерса, новосибирский доктор и профессор Л.П. Белковец не только не анализирует, но даже не упоминает об отказе «Москвы» разместить на освобожденной от немцев территории «освобожденных из тюрем и лагерей» поляков?

«Развезать» зловредный слух для государства не составляет труда. И это несмотря на то, что «тайный» слух о десанте должен быть действительно слухом тайным. Публиковать в печати такую информацию нельзя было. Официальная ложь, даже на государственном уровне, вещь неустойчивая. К тому же эффективность открытой информации весьма сомнительна. Народ в России привык (вернее, приучен) не доверять власти. А слух, как один из методов внедрения в массовое сознание «нужного» знания, работает по логике «нет дыма без огня». И надо отдать должное организаторам: слух не только сработал, но и работает до сего дня. Каждый желающий и сегодня может использовать эту информацию в границах своего желания. «Поволжский десант» не только основательно и надежно вошел составной частью в представление о враждебной сущности немецкого населения России, но и до сей поры принимает заметное участие в формировании антинемецкого информационного поля. Кроме того, при необходимости вину за содеянное с помощью «тайного» слуха можно возложить на предыдущего правителя (нанести кучу мусора). А при смене режима пришедшие во власть прошлое будут рисовать мрачными и грубыми мазками, и по принципу «любое лыко в строку» вспомнят и припомнят все, что было и особенно не было.

«Десантная» причина депортации российских немцев дает «правовому» государству возможность лишний раз подчеркнуть бесчеловечность сталинского режима. Но почему-то до сего дня слух о десанте остается слухом. Ни одно правительство не спешит этот факт «проверочного» десантирования подтвердить, и ни один правитель развеять слухи о десанте. Кого или что этим покрывают? Надо полагать, что не Берия с сотоварищи. Слух «не трогают» до настоящего времени. Телодвижений по его «разъяснению» со стороны теперь уже демократической власти России тоже не наблюдается. Вывод может быть только один:

правда об этом «тайном» слухе все еще неудобная «государственная» тайна управителей России. А может быть, и не только. Однако «оплачивать» чужие исторические «шалости» вынуждены все те же российские немцы. Причем не только своей историей, но и судьбой. Дабы нарушить стройное песнопение о виновности поволжских (понимай, всех российских) немцев, нами предлагается иное и, как мы полагаем, не лишнее оснований объяснение причины появления слухов о «поволжском десанте».

Давайте еще раз вернемся к Указу ПВС СССР от 28 августа 1941 года, вернее, к его началу. «По достоверным данным, полученным военными властями (выделено и подчеркнуто нами – авторы), среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья» (23).

Кому из российских немцев незнакома эта «преамбула» к документу, посланному наш народ на невидимый фронт борьбы интернационал-социализма с национал-социализмом? Но при чем тут военные власти? Даже когда Красная армия имела непосредственное отношение к происходившим событиям, то есть вела боевые действия на территории, где проживали подвергшиеся депортации народы, ей никто не приписывал несвойственных функций. Так, в Указах о депортации народов Кавказа (24, 25, 26), калмыков (27) и в постановлении ГКО «О крымских татарах» (28) говорится о конкретной вине этих народов. И не упомянуты даже те, кому по предназначению эту вину полагалось удостоверить (НКВД). В случае же с поволжскими немцами зачем-то «приплели» какие-то «военные власти».

Но, может быть, дела у военных на фронте, в отличие от «невоенных» в тылу, шли столь успешно, что на них, как на «студентку, спортсменку, комсомолку и просто красавицу», (29) возложили еще и «тыловую» общественную нагрузку? Нет, трагическая реальность тех дней говорит об обратном. И сейчас есть достаточно не только предположений, но и фактов, объясняющих, почему равная по силе силам вторжения вермахта «западная» группировка Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) в начальный период войны потерпела сокрушительное поражение. Суть их водится к следующему.

Политическая оппозиция и военное руководство Красной армии имело несанкционированные контакты с генералитетом вермахта. Обе стороны готовили в своих странах военные перевороты. В СССР заговор был раскрыт и во время «Великой чистки» часть заговорщиков была привлечена к ответственности (30, 31, 32). Оставшиеся «в тени» попытались все же реализовать спланированный еще Тухачевским и К^о план поражения Красной армии в военном конфликте с Германией. Генеральный штаб РККА и наркомат обороны практически так расположили войска, что избежать катастрофы в начальный период войны было невозможно. Плюс на основном, «белорусском», направлении войска не получили соответствующего приказа (командующий – генерал армии Павлов). Более того, некоторые высокопоставленные военачальники даже не привели свои войска в боевую готовность. «Блицкриг» в полосе Западного фронта был осуществлен, как и планировалось. Дорога на Москву была открыта. В случае поражения Советского Союза советские же тов. генералы полагали, что устроят Сталина, возьмут власть в свои руки и договорятся с Германией за счет определенных территориальных уступок.

Во избежание нареканий в необъективности проиллюстрируем выше сказанное.

«Из-за измены Павлова и, мягко скажем, непонятной нераспорядительности Генштаба РККА и Жукова план «Барбаросса» у немцев получился в Белоруссии только в полосе Западного фронта. Только здесь, проведя последовательно два стремительных окружения советских армий,

немцы смогли меньше чем за месяц, 16 июля 1941 года, ворваться в Смоленск.

А на юго-западном направлении, которым командовал маршал Буденный, немцы к этому времени не смогли окружить не только ни единой советской дивизии, но и оттеснили войска Красной армии только до старой границы СССР. На северо-западном направлении, которым командовал маршал Ворошилов, у немцев тоже не получилось окружений – советские войска отходили, ведя жестокие оборонительные бои и контратаки» (33).

«Но в Белоруссии, с ее обилием лесов, болот и рек, местность для обороны была намного выгоднее, нежели в Прибалтике или на Украине. И если бы не предательство Павлова, немцы бы здесь никогда не прорвались и не выжили бы на оперативный простор, позволивший им чуть позже окружить часть войск Юго-Западного фронта под Киевом и занять Украину.

В 1941 году Красная армия потеряла убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести почти 3,2 млн. человек. И большая часть их крови лежит на генеральских уродах «пятой колонны» в Красной армии.

Вот и спросите себя – эта кровь стоит того, чтобы сожалеть не о репрессиях 1937 года, а о том, что они были проведены недостаточно полно? Или этих солдат вам не жалко, а жалко подонков, пролезших на генеральские должности?» (34).

«В результате, обладая 44 дивизиями, громадным количеством танков, мощной артиллерией и авиацией, фронт под его командованием рухнул за четыре с небольшим дня. Никакой растерянностью или внезапностью нападения это не объяснить. Как могло случиться так, что менее чем за две недели боев потери в живой силе составили 417 729 чел., в том числе безвозвратные 341 012 человек? Чуть ли не весь наличный состав округа. Как могло случиться, что авиация округа была вдребезги разгромлена?»

«Как могло случиться, что практически три тысячи танков этого округа вообще не приняли никакого участия в боях и были просто брошены?»

«Наконец, как могло случиться такое, что гитлеровцы в соответствии с разработанным еще в конце 1936 г. графиком агрессии взяли Минск на пять суток? Ведь в 1936 году они добились такого немислимого успеха в картографической тогда агрессии только благодаря полученному от Тухачевского и К^о «Плану поражения СССР в войне с Германией». И через четыре с небольшим года уже на практике 100% повторили тот же успех. Что хотите думайте, но это ничем не объяснить, кроме как предательством. И за такие потери, за такой урон обороне, за такой ущерб стране – ведь то, что немцы в конце концов появились едва ли не у стен Кремля, вина, прежде всего, командования Западного фронта, прикрывавшего Белорусское направление, на котором разворачивалось главное направление удара вермахта, действительно необходим был самый суровый приговор» (35).

Приговор был действительно самый суровый. В словаре (36) написано, что Герой Советского Союза (1937) генерал армии Павлов был «необоснованно репрессирован». Но есть и другая точка зрения. «В действительности же никакой незаконной расправы над Павловым не было. За то, что он натворил, и десятка-то смертных приговоров было бы мало. За одно то, что не была выполнена санкционированная лично Сталиным директива Генштаба от 18 июня 1941 г. о приведении войск приграничных округов в боевую готовность в связи с возможным внезапным нападением Германии в ближайшие дни, уже расстрел полагался» (37).

Причем судить надлежало Павлова с «сотоварищи» по 58-й статье за измену Родине. Но «...суровый приговор был вынесен на основании ст.ст. 193-17/б и 193-20/б УК РСФСР. Формулировка обвинения в приговоре была такова: «за проявленную трусость, бездействие властей, нераспоряди-

тельность, допущение развала управления войсками, сдачу оружия противнику без боя, самовольное оставление боевых позиций частями Красной армии и создание противнику возможности для прорыва фронта Красной армии».

«Создание противнику возможности для прорыва фронта Красной армии» вменялось только самому Павлову как командующему Западным фронтом.

Конечно, не один Павлов был виноват, к ответу следовало бы призвать еще и наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова. Бардак в подготовке к отражению агрессии происходил с их ведома. Хуже того, именно на них лежит вся полнота ответственности за то, что Советский Союз вступил в войну с беспрецедентно безграмотным сценарием. Впоследствии Тимошенко открыто это признал.

«Сталин же поступил очень правильно, дав указание о переквалификации преступления командования Западным фронтом на другие статьи УК. Тем самым он ясно дал понять генералитету, что устраивать силовые разборки с ним он не намерен, но при необходимости спокойно может обойтись и без знаменитой 58-й статьи. С большим трудом, но генералы поняли, что пора и воевать» (38).

22 июля 1941 года Павлов с «сотоварищи» были расстреляны. Приказ по этому «делу», объявлявший приговор Верховного суда СССР, заканчивался предупреждением, что «...и впредь все нарушающие военную присягу, забывающие долг перед Родиной, порочащие высокое звание воина Красной армии, все трусы и паникеры, самовольно оставляющие боевые позиции и сдающие оружие противнику без боя, будут беспощадно караться по всем строгостям законов военного времени, не взирая на лица» (39).

Приказ, подписанный наркомом обороны И. Сталиным, был адресован «...всему начсоставу от командира полка и выше». То есть только тем «лицам», кто должен организовывать боевые действия. Но в июле 1941 года еще не все «...генералы поняли, что пора и воевать». И 16 августа Сталин отдает новый приказ (Приказ Ставки Верховного Командования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» (40). Это был не столько приказ, сколько крик о помощи, адресованный народу. Суть его сводилась к тому, чтобы армия даже силой оружия заставила воевать своих военачальников (не путать с Приказом № 227 от 28 июля 1942 г., получивший в армии название «Ни шагу назад»).

Прочитируем отдельные положения сего уникального документа.

После вводной части, подчеркивая и приводя примеры мужества и героизма, стойкости и высокого морального духа командиров и бойцов Красной армии, приказ переходит к констатации причины, его породившей. А именно: «Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам». Далее следует перечень военачальников и совершенных ими «плохих примеров».

Приказ полностью, а не только в части их касающейся, доводился до всех военнослужащих, от генерала до солдата. Он обязывал вышестоящих командиров расстреливать на месте «командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу». А в частях и подразделениях, попавших в окружение, каждый военнослужащий, независимо от его служебного положения и воинского звания должен был потребовать от вышестоящего начальника «...драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочитают сдать в плен, уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными». И повсеместно по действующей армии

вместо «несостоятельных» командиров батальонов и полков выдвигать «смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев».

Изложенное в приказе было актуальным даже на 55-е сутки вторжения. Кроме катастрофы первых дней войны, руководство РККА устроило еще одну. «Речь идет о том, что летом 1941 г. под «доблестным командованием» Тимошенко, как главнокомандующего западным направлением, Западный фронт подвергся повторному жутчайшему разгрому. В ходе продолжавшейся с 10 по 30 июля 1941 г. Смоленской операции имевший чуть ли не абсолютное превосходство над гитлеровцами западный фронт под обличьем «бравым командованием» Тимошенко потерпел еще более умопомрачительное поражение и разгром, параметры которых просто потрясают своей чудовищной, нет, не бездарностью, а именно преступностью командования. Наши потери многократно превосходили потери вермахта:

- в живой силе – 1:10, ибо у гитлеровцев 50 тыс. чел., у нас же 500 тыс. чел.;
- в танках – 1:9, ибо у гитлеровцев эти потери составили 220 единиц, у нас же 2000;
- в артиллерии – 1:14, ибо у противника эти потери составили 1 тыс. единиц, у нас же 14 тыс. единиц;
- в авиации – 1:15,33, ибо люфтваффе потерял 150 самолетов, наши же 2300 самолетов» (41).

И это в оборонительной операции, где наступающий имеет шансы на успех лишь при трехкратном превосходстве. Смоленское сражение 1941 года длилось два месяца (с 10 июля по 10 сентября 1941 г.). Командование, самое что ни на есть «лучшее», бывший нарком обороны СССР маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и бывший начальник Генерального Штаба, заместитель наркома обороны того же Союза генерал армии Г.К. Жуков. В словаре (42) эта битва представлена как ряд оборонительных и наступательных операций, остановивших наступление германской группы армий «Центр» на московском стратегическом направлении на рубеже Ярцево, Ельня, река Десна и сорвавших вражеский план безостановочного продвижения к Москве. Но цена этого «успеха» – предстоящая битва за Москву. Реакция Сталина была адекватной по направленности, но недостаточной по выраженности.

«Сталин в прямом смысле слова был вне себя от гнева и, как вы понимаете, более чем заслуженно снял Тимошенко с этого поста. А действительно, как же надо было командовать наиважнейшей стратегической оборонительной операцией, чтобы дать окаянным супостатам возможность устроить такой погром? Нынче у нас принято твердить, что-де бездарные у нас были полководцы в начале войны. Но это не так, совсем не так. Тимошенко еще до начала Смоленской операции вполне сознательно устраивал на этом направлении локальные контрблицкриги: 4 июля по его личному приказу 1400 танков без прикрытия с воздуха и без взаимодействия с пехотой ринулись в контрнаступление против всего-то ста немецких танков! И что? А ничего – при абсолютном превосходстве в танках и артиллерии едва смог остановить супостатов! А громадное количество техники было потеряно, в том числе и в болотах. 5 июля то же самое: по личному приказу Тимошенко 21-я армия наносила контрудар под Жлобином, дабы прикрыть Могилевское направление. И что же? А то же самое: контрудар наносился без прикрытия с воздуха, ну и результат соответствующий: супостаты тщательно выломбили все это контрнаступление! Громадное количество людей погибло... 6 июля по личному приказу Тимошенко (и во исполнение указания Ставки Главного Командования, где Сталин еще не был Верховным – это произойдет только с 10 июля) 20-я армия предприняла очередное контрнаступление. И что же, по-вашему, получилось? Да опять-таки то же самое – встречным ударом окаянные супостаты смяли наши мехкорпуса. И опять-таки большая

часть наших танков утонула в болотах...» (43).

Через полгода вступивший в войну в должности наркома обороны один из первых полководцев первого государства рабочих и крестьян теперь уже на пару со своим земляком снова повел вверенных ему рабочих и крестьян в бой, который для многих из них оказался последним. В зимне-весенний период 1942 года войска юго-западного направления под руководством Тимошенко и Хрущева провели три наступательные операции. Первые две из них окончились безуспешно. Поставленная задача не была выполнена, войска понесли большие потери, и часть из них оказалась в полуокружении. Третья «наступательная» операция вообще закончилась катастрофой.

«18 января 1942 г. началась Харьковская наступательная стратегическая операция, которая закончилась в конце января тем, что советские войска попали в полуокружение в районе Барвенково – Лозовая. В результате из стратегической наступательной прозванная Барвенково-Лозовой операция превратилась в оборонительную, которая продолжалась вплоть до марта. Поскольку «стратегии» на юго-западном направлении были еще те, то в марте практически без перерыва началась еще одна кровопролитная, но малоизвестная Харьковская операция» (44).

«Интенсивные, с большими потерями бои продолжались весь март и первую декаду апреля, однако расширить горло Барвенковского оперативного «мешка» (полуокружения) не удалось и часть войск ЮЗФ и ЮФ по-прежнему находились в полуокружении. «Полководческая» бездарность и полное пренебрежение командования ЮЗН к человеческим жизням привело к тому, что в течение этих операций войска ЮЗН ежемесячно теряли по 110–130 тысяч человек, и к середине марта, когда «доблестные стратеги» дезинформировали Сталина, некомплект личного состава только в стрелковых дивизиях ЮЗН уже составлял 370 888 человек!» (45).

Цитируемый нами Арсен Беникович Мартиросян, исследовав этот «вопрос», пришел к следующим выводам: «Ну и как прикажете расценивать подобное, если оно уже тогда носило явно системный характер, но именно тот системный характер, который только на бездарность ничего нового в стратегическом опыте вермахта не видевшего Тимошенко не спишишь. Тут явно о другом следует думать: ведь с маниакальным упорством, фактически же получается, что умышленно, делались одни и те же грубейшие ошибки, приводившие к еще более тяжелым последствиям! И всякий раз, обратите внимание, без прикрытия с воздуха, без взаимодействия с пехотой, без тщательного учета действий противника! И всякий же раз танки тонут в болотах... Как будто специально?! Что, Тимошенко ничего не знал о современной на тот момент войне, что поступал только так, как поступал?! Он что, вообще ничего не соображал, что специально забоял танки в болота, чтобы потом оправдываться подобной «объективной» причиной?! А ведь, напоминаю об этом вновь, до 10 июля 1941 г. Тимошенко был не только наркомом обороны СССР, но и председателем Ставки Главного Командования, то есть первым на войне Главнокомандующим! Что же прикажете думать обо всем этом, если оно носило столь явно злостно системный характер? Соответственно и выходит, что и второй жутчайший разгром Западного фронта был не только явно не случаен, но и закономерен, как, впрочем, и первый, устроенный Павловым! Разве не так? Хуже того. Как же теперь прикажете расценивать ситуацию с Харьковской операцией, если все это повторилось один к одному?! С той лишь разницей, что таких болот там не было, чтобы сотнями танки топить...» (46).

«Сладкая парочка», погубившая за 5 месяцев почти 600 тысяч человек, характеризуется А.Б. Мартиросяном вполне определенно. «18–20 дивизий, о которых говорил Сталин, это, по уточненным ныне данным, 207 047 человек, которые были убиты или попали в плен. Всего за три

недели?! Точнее, даже меньше, за 17 дней. Добавьте те 380 888 человек, которых они уже угробили в ходе предыдущих двух операций, и получится 587 935, или в месяц по 117 587 человек. Образно говоря, за пять месяцев они уничтожили примерно 5–7 (пять – семь!) армий!!! Ну разве не «стратегия»?!»

«В том-то все и дело, что даже «стратегам» их не зовешь. Единственные слова, которыми можно охарактеризовать их в данном случае, – предатели и изменники, злоумышленно сотворившие жуткую трагедию Харьковского «котла». Я не сгущаю краски и не пытаюсь бросить дополнительную черную тень на них. Потому как в этом нет, не было и быть не могло никакой нужды: несмываемое пятно подлого предательства и так лежит на них. Потому что Харьковская трагедия действительно была злоумышленно ими спровоцирована в предательских целях.

Дело в том, что когда Тимошенко и Хрущев убеждали Сталина в необходимости контрнаступления Юго-Западного фронта, а в действительности же злоумышленно его дезинформировали, начальник Особого отдела ЮЗФ полковник Владимир Рухле по своим каналам направил в Москву начальнику Особых отделов Виктору Абакумову секретное донесение, в котором категорически возражал против организации контрнаступления фронта. В основе его мотивировки лежали безупречные разведывательные данные (Особые отделы вели также и зафронтовую разведку) о том, что командование вермахта перебрасывает на Юго-Западное направление против ЮЗФ дополнительные танковые дивизии. В. Рухле просил доложить его информацию Сталину, дабы предотвратить уже запланированное контрнаступление, прямо указав, что результатом оно будет катастрофическое поражение фронта.

По неизвестным причинам Виктор Абакумов сообщил об этом донесении своего подчиненного Хрущеву, который, в свою очередь, неизвестными на сегодня аргументами убедил его не докладывать информацию Рухле Сталину. Конечный результат всего этого выше уже был описан: трагедия Харьковского «котла» стала фактом.

Надеюсь, теперь стало понятно, почему свои подлые и донельзя же гнусные оскорбления в адрес Сталина как полководца и гениального стратега Хрущев на XX съезде начал именно с публичной фальсификации причин Харьковской трагедии. Этот преступник, по которому ревмя ревела знаменитая 58-я статья Уголовного кодекса, именно таким образом и отмывал себя и своего поделчика Тимошенко от прямой уголовной ответственности за злоумышленно содеянное ими во время войны тяжкое государственное преступление. Скажу даже более того. Как известно, не смотря на то, что В. Абакумов был арестован еще при Сталине, осужден и расстрелян он был уже при Хрущеве в 1954 г. Все до сих пор гадают: зачем Никите Сергеевичу это понадобилось. Только ли в силу его природной подлости?! Ответ же прост. Абакумов был крайне опасным свидетелем, который мог документально доказать, что Хрущев и Тимошенко злоумышленно сотворили потрясшую страну и РККА трагедию Харьковского «котла», за что даже в мирное время заслуживают немедленного расстрела. И, судя по всему, Абакумов именно это-то и хотел рассказать в последние секунды своей жизни, но пуля палача оборвала его жизнь на полуслове. Впрочем, в какой-то мере это было и справедливо – не надо было утаивать тревожную информацию В. Рухле от Сталина...» (47). Немного подробнее о Владимирове Никифоровиче Рухле и его «участии» в третьей «наступательной» Харьковской операции.

«Рухле Владимир Никифорович (1899–1969), ур. с. Велікое Молодечевскаго району Мінскай вобласці Беларускай ССР. В указанный период войны – полковник. 21 июля 1942 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Однако в октябре 1942 г. был осужден на длительный тюремный срок. Освобожден и реабилитирован в июне 1953 г. Сразу же

был восстановлен в армии, назначен командиром корпуса. В 1962 году вышел в отставку. Чрезмерно крутые зигзаги в его военной судьбе, похоже, были обусловлены следующими обстоятельствами. После целенаправленно организованного Тимошенко и Хрущевым катастрофического провала Харьковской операции, Рухле попытались сначала заткнуть рот и представили к генеральскому званию. Однако поскольку он явно не успокаивался, тем более, если учесть, что по указанию Сталина велось тщательное расследование причин этой Харьковской катастрофы, то в целях недопущения продвижения его данных до сведения Сталина, явно по сговору между Абакумовым и Хрущевым, против Рухле было сфабриковано дело, дабы спрятать концы в воду. Потому что если бы его информация дошла до сведения Сталина, то Абакумов, Хрущев и Тимошенко пошли бы под расстрел, как поется в известной песне Виктора Цоя, «связанные одной цепью». В этом можно не сомневаться. Ведь полковник В.Н. Рухле официально предупреждал Абакумова – с просьбой довести до сведения Сталина, что нельзя разрешать Харьковскую операцию в виде контрнаступления, ибо оно кончится трагедией. А Абакумов мало того, что сообщил о данных Рухле Хрущеву, так еще ничего не доложил Сталину. В итоге те угробили 20 дивизий. О технике уж и не говорю. Но еще более крут послесталинский зигзаг в жизни Рухле. Чтобы в июне 1953 года освободить, да еще и реабилитировать и восстановить в армии в должности командира корпуса – это с какой же скоростью проворачивались по определению скрипучие шестеренки армейского механизма, в том числе и военной Фемиды?! Но самое-то главное состоит в том, что прежде чем он был освобожден и реабилитирован с восстановлением в рядах Вооруженных сил, надо было, чтобы кто-то о нем вспомнил. Но не просто вспомнил, а именно так, чтобы, освободив, реабилитировав и восстановив в армии, тем самым вновь заткнуть ему рот, дабы он не распространялся о том случае с Харьковской операцией. Именно для этого его срочно наградили несколькими орденами, в том числе и орденом Ленина. Чтобы лучше молчал. Вот как Хрущев и К° прятали концы в воду!» (48).

Созвучна с выводами А.Б. Мартиросяна и версия Н.Н. Гришина. «Ретроспективное изучение той обстановки, документов, воспоминаний и размышлений многих участников событий 1942 года наталкивает на следующую версию: Сталин вполне обоснованно опасался повторения немецкого наступления на Москву. Он совершенно справедливо считал, что только военно-политические факторы еще сулят Гитлеру какие-то надежды. Так как общее превосходство в силах все еще оставалось за немцами и, видимо, зная (из каких-то источников) о неоднозначности взглядов среди руководства Германии на характер военных действий летом 1942 года, Сталин принял единственно правильное в той обстановке решение – любыми путями направить основные силы немцев на юг. Вполне вероятно, этими мыслями и определенной имеющейся информацией он не делился ни с кем, даже с ближайшим окружением. Он допустил широкое обсуждение планов ведения войны на весенне-летний период 1942 года не только в Ставке, но и Военными советами направлений. Общеизвестно, что чем шире состав привлеченных к обсуждению, тем выше вероятность утечки информации.

Интересно также и то, что Сталин «признал» (сделал вид, что признал) наибольшую вероятность двух направлений немецкого наступления в 1942 году: западное и юго-западное, с предпочтением Московскому. И это не смотря на то, что разведывательные каналы доносили обратное, к тому же за два месяца до летнего наступления немцев была расшифрована дезинформация «Кремль». С большой уверенностью можно предположить, что и Директива ОКВ № 41 от 5.04.1942 года (стратегический план на 1942 г.) также нашла место в сейфе Иосифа Сталина. Мне ка-

жется, что Сталин очень тонко (в виде просчета) начал подыгрывать гитлеровской дезинформации... Все делалось для того, чтобы направить фашистские полчища в степные бескрайние просторы юга и в горы Кавказа. А там, измотав и обескровив их, путем неожиданного контрудара разгромить вклинившуюся группировку.

В этих же целях он разрешил Тимошенко и Хрущеву (по их настоятельной просьбе) частную операцию под Харьковом, безусловно, не предполагая, что они ее так бездарно проведут. Если бы не ошибки Главкомандования ЮЗН, эта частная операция могла бы значительно подпортить осуществление оперативных планов противника. После Харькова тактика наших войск полностью соответствовала предлагаемой версии. Приказы командования требовали, прежде всего, избегать окружения, отказываться от удержания позиции любой ценой, своевременно отходить в зависимости от обстановки. Важнее сохранить войска, а не цепляться за территорию» (49).

Мы же со своей стороны вынуждены предположить, что «кое-кто» из высшего командного состава еще рассчитывал на поражение своей же армии и безбедное бытие (бутылки, бабы, барахло) под цивилизованным руководством просвещенной Европы. Надо было только не очень обижать своим сопротивлением Гитлера. Но Гитлер как солдат, прошедший всю Первую мировую войну, и как вождь национально экзальтированной страны, не мог одобрительно относиться к предателям. В случае с «красными» генералами ему нужен был только формальный повод, чтобы после победы воздать всем «по заслугам». И Сталин такой повод Гитлеру предоставил. Вынужденный в силу ряда причин, к поволжским немцам отношения не имеющим, «очистить» от них Поволжье, Сталин «эксплуатирует ситуацию до конца». Он определил «военные власти», то есть генералитет Красной армии, главными виновниками депортации российских немцев. Возможно, это решение обсуждалось «в верхах» задолго до выхода Указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Возможно, «военные власти» пытались возложить «пальму первенства» по предназначению, то есть, как и положено в этом случае, на органы государственной безопасности. И даже рекомендовать НКВД провести провокационное десантирование. «Мелочь», но эта мелочь делала бы генералов РККА на «страшном суде» у Гитлера «белыми и пушистыми». Не получилось. Сталин методично и четко ставил их в один ряд с воюющей страной и её армией.

«Военные власти» не могли открыто возразить Сталину и заявить на всю Россию и Германию, что они к получению компромата на немцев Поволжья не имеют никакого отношения. Тем более к компромату столь высокой степени абсурдности (тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья). И как ответная реакция, как попытка противодействия навязанному обвинению немцев Поволжья, заинтересованные лица из числа «военных властей» предприняли ответные действия. Они «десантировали» слух о проведенном НКВД десанте в Поволжье, и что якобы по результатам этой «чекистской» акции было принято решение о депортации всех проживающих в районах Поволжья немцев. Что оставалось делать Сталину? Дать опровержение в «Правде», сказав правду о десантслухе и его причине? Это вызвало бы еще большее недоверие к высшему командованию РККА и к решению самого Сталина о переселении немцев из европейской части страны. Недоволен мог быть нарком внутренних дел Л.П. Берия. Получилось, что его ведомство не справилось со своими прямыми обязанностями. А «военные власти», вместо того чтобы сразу «просигнализировать кому надо», мелко пакостничая НКВД, «настучали» Сталину. Но что не «проглотить» для пользы дела. Тем более что запущенный военными «слух» усиливал версию о

зловредности всего немецкого.

В это прокрустово ложе укладывается и история с телеграммой командования Южного фронта. Сталин не случайно дал ход «треску» лишь 25 августа, когда решался вопрос о депортации немцев Поволжья. Военные, выставленные в несвойственной им разведывательно-информационной ипостаси, оказались загнанными в угол. Гитлер, как честный немецкий солдат, уже не стал бы вести на равных переговоры с нечестными русскоговорящими генералами. И последним после такой «подставы» Сталина оставалось только одно: честно исполнять свои обязанности. Иначе мало не показалось бы «кому от Сталина, кому от Гитлера».

Сталин не успел разобраться с генералами за катастрофу начального периода войны. Возможно, проживи он еще некоторое время, и генералы и их слух получили бы по заслугам. Но Сталин был убит, а слух о поволжском десанте продолжил своё «бытие». Лишить слух статуса слуха и его зловредной сущности можно только одним способом – раскрыть причины «вброса» в массовое сознание этой информации. Должны быть открыты документы (если еще не уничтожили), показано наличие отсутствия операции десантирования, донесения органов государственной безопасности о внедрении и циркулировании этих слухов и распоряжения по отношению службы госбезопасности к распространению этой информации. «Слух» был, и это не должно было пройти мимо профессиональных «слухачей». Им, надо полагать, не составило труда установить источник и причины, породившие слух о поволжском десанте. Тем более что дело касалось непосредственно НКВД и тогда еще товарища Берия. Дьявол страшен, когда его не видно, когда его боятся или не имеют о нем надлежащей информации. На свету он смешон и жалок. В противном случае, сколько слухи не опровергай, какие доказательства не используй, всё бесполезно. И этот «конечно, интересный» вопрос так и будет продолжать поддерживать еще не одно «свидетельство обвинения» против нашего народа.

Литература

1. Федоров И. О претензиях. Дуэль. № 51. 2007.
2. Там же.
3. Сводная таблица депортаций советских немцев (данные на 25 декабря 1941 г.). Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Полюбов, П.М. Полян – М.: МФД: Материк, 2005. С. 284.
4. Постановление СНК и ЦК ВКП (б) «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. 26 августа 1941 г. Там же. С. 290.
5. Вольгер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после неё / Свидетельства очевидцев / Издание 2-е, дополненное и исправленное / Под ред. В.Ф. Дидендорфа. – М., 1998. С. 55.
6. Мартиросян А.Б.. Трагедия 22 июня: Блицкриг или измена? Правда Сталина. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. Раздел III, глава II «Слава великих людей должна измеряться теми способами, которыми она была достигнута». С. 541–680.
7. Песиков Ю.В. Десант имени товарища Берии. Московские новости. 2001. № 35.
8. Гинсбург В.М. Воспоминания о войне. www.ginsburg.ru/putv/vointxt.htm.
9. Панченко Г.И. Из фронтового дневника. «Вестник» № 10 (27), 11 мая 1999. www.vestnik.com/issues/1999/0511/win/panch.htm
10. Чуев Ф.И. Ветер истории. Воспоминания о Сталине. www.pseudology.org
11. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Глава 8. Поединок между профессором и поэтом.
12. Песиков Ю.В. Десант имени товарища Берии. Московские новости. 2001. № 35.

13. Строев Л. Палач депортированных народов. *Deutsch-Russische Zeitung*. № 07 (31) 2008.
14. Генеалогическое агентство «Семейный архив». История немецких колонистов. www.genealogy.su/2006/08/11/istoriya-nemeckikh-kolonistov/7/.
15. Песиков Ю.В. Десант имени товарища Берии. *Московские новости*. 2001. № 35.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? *Военно-исторический журнал*. 1990, № 9. С. 33.
20. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. М.: Российская политическая энциклопедия; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 69–70.
21. Андерс В. Без последней главы. Иностранная литература. 1990. № 11. Раздел «Польская армия в СССР. Светская жизнь в Куйбышеве». См.: <http://www-sakharov-zenter.ru>
22. Андерс В. Без последней главы. Иностранная литература 1990. № 11. Раздел «Польская армия в СССР. Светская жизнь в Куйбышеве». См.: <http://www-sakharov-zenter.ru>
23. Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). Москва, 1993. С. 159–160.
24. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года «О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории». Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М.: МФД: Материк, 2005. С. 393–394.
25. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории». Там же. С. 458–459.
26. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР. Там же. С. 489.
27. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Там же. С. 412.
28. Постановление Государственного Комитета обороны от 11 мая 1944 года «О крымских татарах». Там же. С. 497–499.
29. К/ф: «Кавказская пленница».
30. Колпакиди А.И., Прудникова Е.А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 560 с.
31. Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. Научно-историческое расследование. Крымский Мост-9Д. Москва 2007. 731 с.
32. Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х годов. М.: Вече, 2008. 416 с.
33. Мухин Ю.И., Шабалов А.А. Почему врут учебники истории. М.: Алгоритм, 2008. С. 147.
34. Там же. С. 148.
35. Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х годов. М.: Вече, 2008. С. 394.
36. Новый энциклопедический словарь. Москва. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». 2001. С. 868.
37. Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х годов. М.: Вече, 2008. С. 393–394.
38. Там же. с. 395.
39. Приказ № 0250 от 28 июля 1941 г. velikvoy.narod.ru/dokument/dokumentcccp/prikaz.htm
40. Источник: CD «Битва за Москву». Познавательная коллекция.
41. Мартиросян А.Б. Харьковский «котел». Трагедия по вине Хрущева и Тимошенко. <http://delostalina.ru/?p=532>
42. Новый энциклопедический словарь. Москва. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». Издательство «Рипол Классик». 2001. с. 1126.
43. Мартиросян А.Б. Харьковский «котел». Трагедия по вине Хрущева и Тимошенко. <http://delostalina.ru/?p=532>
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же.
49. Гришин Н.Н. Харьковская катастрофа 1942 года. Великая оболганная война. <http://liewar.ru/content/view/55/11/>

Аркадий ГЕРМАН

Доктор исторических наук (1995 г.), профессор (1996 г.), заведующий кафедрой отечественной истории Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Автор свыше 100 публикаций (монографий, научных статей, источников, учебно-методических материалов). Председатель Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

ПОВОЛЖСКИЕ НЕМЦЫ В СИБИРИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ДЕПОРТАЦИИ (сентябрь–декабрь 1941 г.)

Осуществленная в сентябре 1941 г. депортация немцев в Сибирь и Казахстан из Поволжья, где они проживали почти 180 лет на территории площадью не более 27 тыс. кв. км в 22 кантонах своей республики, привела к коренному изменению их жизни. На новых местах они заселились в 224 района общей площадью до 3 млн. кв. км¹.

«Поколхозный» принцип расселения, заложенный в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» оказался нереализуемым, и уже с 12 сентября 1941 г. официально предписывалось расселять переселенцев группами семей². В результате в одно село попадало, как правило, лишь 3–4 семьи. Таким образом, произошло распыление немцев по огромной территории. Наряду с потрясениями выселения, появились ощущения одиночества, неизвестности, безысходности в новом, незнакомом, часто враждебном мире.

Обещанное при выселении «отдельное жильё» также оказалось блефом. Большинство немецких семей в порядке «уплотнения» подсаживали в местные семьи. Такое сожителство, как правило, негативно отражалось на взаимоотношениях между приезжими и хозяевами, поскольку, во-первых, причиняло последним существенные неудобства, а, во-вторых, незнание обычаев, традиций, уклада жизни друг друга нередко приводило к конфликтам. Тем же кому «посчастливилось» получить «отдельное жильё», получили его в заброшенных развалах, скотниках и т.п.

Местные жители встретили переселенных немцев настроенно, в основном без каких-либо эксцессов, хотя и были отдельные исключения. Так, в Алтайском крае председатель Травиновского сельсовета Перепечаева в присутствии немцев, только что прибывших в село, заявила сопровождавшим: «Зачем их прислали к нам сюда, они будут здесь шпионить и вредить»³. В дальнейшем отношение местных жителей к немцам менялось под воздействием поведения последних.

Наиболее быстро адаптировались колхозники, механизаторы МТС. Многие из них уже буквально на второй-третий день после прибытия включились в работу по уборке урожая, показывая свое высокое профессиональное мастерство. Комбайнер Я. Шандрер, вселенный в колхоз «Советская Сибирь» Залесовского района Алтайского края, исправил не работавший весь сезон комбайн и за полдня скошил 15 га хлеба. Тракторист Э. Вайс из того же колхоза за два часа исправил бездействовавший два месяца трактор⁴. После вселения немцев практически из всех районов пошла информация, что ход уборочной кампании существенно ускорился и большинство колхозников-немцев работает добросовестно и старательно.

Оказался невыполненным и пункт постановления о пере-

селении, предусматривавший дифференцированный подход к расселению жителей бывшей АССР НП («городских жителей расселять в районных центрах и других городах, кроме областных»)⁵. Подавляющее большинство горожан, жителей кантональных центров, попали в колхозы. Если в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях они составляли в колхозах 10–15%, то в Красноярском крае в ряде случаев 60%⁶. Естественно, что люди, никогда не занимавшиеся сельскохозяйственным трудом (учителя, врачи, ученые, служащие учреждений, железнодорожники и т. п.), не хотели ехать в колхозы, возражали, протестовали против такого решения. «Многие переселенцы из городского контингента стремятся совершенно уйти из колхоза. Их можно видеть в районных, городских и областных центрах, занимающимися поисками для себя работы по специальности»⁷. Основная масса горожан-переселенцев так и осталась в колхозах, что не могло не отражаться на их настроении и поведении.

Положение немцев-переселенцев усугублялось тем, что ввиду спешного выселения (график погрузки и перевозки был превыше всего) значительная часть из них при увольнении с работы не получила заработной платы и полного расчета и, следовательно, осталась без средств к существованию. В подавляющем большинстве колхозов, куда попали горожане бывшей АССР НП, какое-либо авансирование не производилось, а оплата труда должна была осуществляться в конце хозяйственного года, то есть фактически приезжие обрекались на голод и голодную смерть. Это был ещё один существенный фактор, заставлявший бывших горожан бежать из колхозов. К примеру, из колхоза «Знамя Ленина» Ельцовского района Алтайского края сбежала целая группа немцев-переселенцев. Они обратились в совхоз № 176 Тогульского района с просьбой принять их на работу. При этом свое бегство из колхоза мотивировали следующей причиной: «Нам в колхозе работать нельзя, потому что там ничего не дают, а купить продуктов питания нам не представляется возможным»⁸.

Переселенцы были самым бессовестным образом обмануты и в вопросе о компенсациях. Официально никто не отменял это положение постановления, однако поскольку Центр никаких разъясняющих документов не посылал, местные органы, не имея каких-либо полномочий, да и средств, принимать у немцев документы и выдавать взамен деньги и имущество отказывались. Лишь в некоторых местах переселенцам выдали по имевшимся у них обменным квитанциям хлеба, да и то в небольшом количестве (не более 3 центнеров на семью). Однако 30 октября заготовительное ведомство «Востокзаготзерно» телеграфно распорядилось «выдачу зерна переселенцам-немцам впредь до особого распоряжения прекратить»⁹.

По мере приближения зимы положение переселенцев становилось все хуже. Над всеми навис голод. «Начальник Чановского РО НКВД сообщил... что в их районе от плохого питания имеются случаи опухания детей немцев-переселенцев»; «В деревне Степановка Ижморского района несколько семей из-за отсутствия у них хлеба дошло до истощения»; «В Тогуцинском районе немцы-переселенцы, участвовавшие на общественных колхозных работах, пользовались колхозным общественным питанием. В связи с окончанием основных сельскохозяйственных работ эти семьи не работают, правления колхозов, потребкооперация хлебом их не снабжают»¹⁰. В других краях и областях ситуация была аналогичной.

Настоящая катастрофа постигла семьи, не имевшие взрослых мужчин. Это были, главным образом, семьи, главы которых находились в рядах Красной армии либо были арестованы. «Таких семей насчитывается значительное число в каждой области, – отмечалось в сводках НКВД. – Кроме того, имеется большая прослойка семей, растерявших при переселении своих родственников, глав семей и т. д. Сейчас эта категория переселенцев, находясь в затруднительном материальном положении, разыскивает утерянных и пишет заявления в различные советские организации и органы НКВД»¹¹.

Даже для тех, кто много и добросовестно работал, не делалось исключений. В колхозе «Путь пятилетки» Больше-Муртинского района Красноярского края комбайнер Яков Крикау уже на второй день после прибытия в колхоз вышел на работу и стал показывать невиданные в этих местах результаты: скашивал по 9–11 га хлеба в день, намного перекрывая все местные нормы. Тем не менее, в один из дней к нему прямо на поле прибежала рыдающая жена и стала говорить, что председатель не дает хлеба, детей кормить нечем. «Кончай работу, – потребовала она, – пошли искать хлеб!» Якову ничего не оставалось, как послушать жену. В дальнейшем он уже рвения к работе не проявлял¹². Иногда дело доходило и до издевательств над немцами. Так, председатель колхоза «Советская Сибирь» Тюхтетского района Красноярского края заставил вязать на поле снопы безрукою Эмму Вернер. Он же на просьбу Марии Ноль выдать ей теплую одежду грубо отказал, сказав: «Где хочешь, там и бери»¹³.

Вместе с тем было немало проявлений и человеческого, порядочного, участливого отношения к переселенным немцам со стороны ряда местных руководителей. Однако сотрудники НКВД зорко следили за ситуацией. В докладе начальника УНКВД по Алтайскому краю Волошенко приводились следующие факты: «В колхозе им. Калинина Ельцовского района ни одна женщина из переселенцев не работает, а их семьи продукты получают не из расчета заработанных трудовней, а по количеству членов семьи... В Шипуновском районе... заместитель председателя райисполкома Шапошников укомплектовал райбольницу и медпункты старшим и средним медсоставом из числа немцев-переселенцев, вследствие чего *всю медработу отдал на откуп немцам*. Председателем райисполкома Кошниковым был направлен на работу в качестве директора заготконторы райпотребсоюза беспартийный немец-переселенец Буссе, который при пуске овощесушильного завода укомплектовал аппарат последнего в своем большинстве немцами. В результате чего на резке и сушке картофеля для РККА работают немцы-переселенцы...».

Деяния руководителей Шипуновского района чекист Волошенко назвал «политической беспечностью партийно-советского руководства и неправильным отношением к трудоустройству немцев-переселенцев». Далее он сообщил своему начальству, что по всем отмеченным фактам «принять меру», в частности, «всех немцев, работающих на предприятиях райцентра (Шипуново – А.Г.), направляют по колхозам»¹⁴.

Естественно, что униженные, обманутые, обобранные и обреченные на вымирание в чужих краях немцы из Поволжья и других регионов европейской части СССР не могли испытывать каких-либо теплых чувств к советской власти.

Росло их отчаяние, а вместе с ним озлобленность и ненависть к режиму. Приведем некоторые высказывания, зафиксированные агентурой: К. Людвиг: «Советская власть нас обманула. Нам сказали, что мы все получим на месте, а сейчас и кормить не хотят. Мы же все оставили в Поволжье»; А. Генрихс: «Нас сюда загнали с голоду заморить. Чем сюда ехать, лучше было бы в Волге утопиться»; Н. Вейман: «Я хоть и партиец, но готов хоть сегодня бросить свой партбилет за ту обиду, которую нанесла нам советская власть»¹⁵.

Анализ поступавшей с мест в Центр оперативной информации НКВД, даже при существенной скидке на предвзятость, позволяет сделать вывод, что среди выселенных в Сибирь и Казахстан немцев к концу 1941 г. начал нарастать широкий стихийный протест против насилия и бесчинств, которые над ними совершались, против бесчеловечных условий жизни, на которые они были обречены. Этот протест выражался в «антисоветских проявлениях»: осуждении власти, переосмыслении своих коммунистических убеждений, отказе работать, «повстанческих разговорах».

Представляется, что опасения органов НКВД о возможном восстании немцев было небезосновательным. Отчаяние вполне могло толкнуть наиболее горячие головы на безрассудные действия. Последовала фабрикация дел о «фашистах». Только в одной Новосибирской области было сфабриковано 5 таких дел и арестовано до 50 человек¹⁶. Всего по приблизительным подсчетам автора до конца 1941 г. в местах расселения поволжских немцев было арестовано по политическим мотивам свыше четырехсот переселенцев.

Следует отметить, что к концу 1941 г. в Сибирь и Казахстан, кроме немцев из АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей, было переселено немецкое население из Москвы, Ленинграда, центральных областей РСФСР, Украины, Северного Кавказа, Закавказья и ряда других мест. Общее число переселенцев-немцев на 1 января 1942 г. составило 799,5 тыс. человек¹⁷. Все они влачили жалкое существование и находились на грани жизни и смерти.

По мнению центрального руководства НКВД, основанному на докладах с мест, к концу 1941 г. ситуация с немцами-переселенцами была такой напряженной и взрывоопасной, что обычными превентивными арестами положение спасти было нельзя, необходимы были радикальные меры. Такой мерой, как представляется, стало постановление Государственного Комитета Обороны ГКО-1123 от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет»¹⁸. Основной «горючий материал» – немецкие мужчины-переселенцы в массовом порядке были отправлены в «трудовую армию» – в лагерь НКВД.

(Endnotes)

1. Подсчитано автором.
2. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.
3. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 139–140.
4. См.: Там же. Л. 170.
5. Там же. Д. 85. Л. 2.
6. См.: Там же. Д. 83. Л. 169.
7. Там же. Л. 170, 171.
8. Там же. Д. 85. Л. 84.
9. Там же. Д. 84. Л. 137.
10. Там же. Д. 85. Л. 272.
11. Там же. Д. 84. Л. 78.
12. См.: Там же. Д. 85. Л. 120.
13. Там же. Л. 114.
14. Там же. Л. 93.
15. Там же. Д. 83. Л. 176; Д. 84. Л. 139; д. 85. Л. 271.
16. Там же. Д. 84. Л. 143.
17. См.: Там же. Д. 83. Л. 203.
18. См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в Трудовой армии. М.: Готика, 2000. С. 159–161.

Ольга СУНГУРОВА

Директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Таврический краеведческий музей» Таврического муниципального района Омской области.

«СТРАНИЦЫ ИЗЛОМАННЫХ СУДЕБ»

Минувшее столетие российской истории отмечено в нашей памяти великими свершениями предков. Они прославляли Россию своими подвигами, героическим трудом, выдающимися достижениями в науке и технике, культуре, образовании, медицине.

Но в исторической памяти поколений навсегда сохранились и мрачные страницы прошлого, судьбы людей, ставшие жертвами государственного террора, политических репрессий. Несмотря на то, что репрессии начались с 1919 года, мы знаем, что именно 1937 год вошел в историю как один из самых ее трагических периодов. Миллионы советских граждан стали жертвами произвола. Страна была превращена в огромный, опутанный колючей проволокой лагерь, где в угоду властям творились суд и расправа над невинными людьми. И информация об этих событиях долгое время была закрытой. Лишь после решения Верховного Совета Российской Федерации об увековечении памяти жертв политических репрессий в России, 30 октября объявляется национальным Днем памяти, приоткрывается завеса и появляется доступ к архивным материалам, а люди, прошедшие жернова репрессий, стали рассказывать о том времени, но хочу заметить, что и сегодня в сердцах многих людей еще «живет» страх.

На страницах центральных и областных газет публикуются статьи, затем выходят первые книжные издания. По решению Губернатора Омской области Леонида Константиновича Полежаева в Омском книжном издательстве выходит в свет многотомное издание «Забвению не подлежит» – Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области, куда были занесены 32 тысячи имен наших земляков, необоснованно подвергнутых аресту, сосланных из родных мест, заключенных в лагеря, расстрелянных...

Именно это издание дало начало краеведам Таврического района Константину Афанасьевичу Рябинину, Борису Александровичу Сеченову, сотрудникам краеведческого музея начать работу по изучению данной темы и комплектованию фондовых коллекций.

К.А. Рябинин публикует свои статьи в районной газете «Слава труду», а затем они объединяются, и создаются рукописное издание «Таврическое и тавричанцы в годы репрессий 1931–1937», «Россия. Репрессии 30-х, 50-х годов».

Б.А. Сеченов работает с фондами архива ФСБ, ГАОО, Областного Центра документации новейшей истории, делаются запросы в филиал ГАОО г. Тары, сотрудники музея встречаются с жителями Таврического, в результате чего собрано большое количество фотографического и документального материала, воспоминаний родственников. В 2005 году по инициативе Б.А. Сеченова и при поддержке Администрации Таврического района в Таврической типографии издается книга «Забвению не подлежит», куда вошли имена 400 (в том числе 200 расстрелянных) тавричанцев различных национальностей: украинцы, русские, казахи, немцы, эстонцы и др.

С 2008 года расширяется тематика исследовательской работы, уделяется большое внимание людям немецкой национальности. Ведется изучение не только темы политических репрессий, но и темы вынужденных переселенцев «Немцы Поволжья». В музее стали традиционными вечера воспоминания, которые позволяют более глубоко изучить тему, расширить круг респондентов. На одну из встреч были приглашены репрессированные и вынужденные переселенцы, а также их дети. На этой встрече Ренада Давыдовна Кальчицкая и Татьяна Ивановна Ларькова рассказали о своих мамах.

В судьбах Дубс Эрны Давыдовны и Маркер Фриды Филипповны много общего с тысячами вынужденных переселенцев, так как они прошли тяжелые испытания так называемых «врагов народа», лишения, унижения, непонимания.

Эрне Давыдовне, уроженке Крымской области, было 15 лет, когда ее вместе с родителями выслали в Пермский край как члена семьи немецкой национальности, а в 16 лет ее уже поставили на персональный учет спецпереселенца и в 1943 году мобилизовали в

Фрида Филипповна Маркер. Это фото было сделано в 1959 году для Доски почета

Дубс Эрна Давыдовна. Фото 1950-х г.

Эрна Давыдовна. Азовский район. Фото 1950-х г.

трудовую армию на угольную шахту в город Углеуральск. По 12 часов ей приходилось возить уголь в вагонетках, а вечером не хватало сил, чтобы подняться по 500 ступенькам, ведущим вверх из шахты. Ноги, одетые в жесткие литые колоши с портянками, опухали от тяжелой работы и голода, так как в бараках, где они жили, часто воровали продовольственные карточки. Но именно здесь Эрна Давыдовна встретила свою вторую половинку – трудармейца Давыда Крауса, который рубил в забое уголь. В 1946 году Эрну Давыдовну переводят на положение спецпереселенки как лицо немецкой национальности, а с 1948 года оставили навечно в местах обязательного поселения без права возврата к месту прежнего жительства.

Только в 1955 году семья Краус переезжает в Сибирь, сначала в Азовский, а затем в Таврический район Омской области, где Давыд Давыдович добросовестно работает ветеринаром, Эрна Давыдовна дояркой, почтальоном. В семье выросли две дочери и три сына, всем им родители дали образование.

На основании закона РФ от 18 октября 1991 года за № 1761-1 Давыд Давыдович и Эрна Давыдовна реабилитированы.

Сегодня Эрна Давыдовна живет в Германии с младшим сыном, несмотря на суровые испытания судьбы, она осталась добрым и отзывчивым человеком. Она окружена заботой детей, любовью 10 внуков и 7 правнуков.

Бабушка и дедушка Татьяны Ларьковой – Филипп Кондратович и Наталья Андреасовна Маркер – родились в Поволжской автономии в 1901 году и с детства были приучены к тяжелому крестьянскому труду. Судьба распорядилась так, что двое любящих друг друга молодых человека не смогли пожениться без согласия хозяина, у которого работала Наталья, так как ему не нужен был «лишний рот». Их первенец Фрида родилась в 1923 году, но только после окончания срока найма они смогли стать семьей, в которой позднее родилось еще пятеро детей. Но тиф, скарлатина и другие болезни унесли жизни 4 детей, в живых остались старшая Фрида и младший Виктор. Эти утраты тяжело переживали в семье, но судьба преподносила все новые испытания. Перед войной, когда жизнь потихоньку стала налаживаться, автономию расформировали, а в сентябре 1941 года немцам Поволжья объявили о переселении. О том, как и в каких условиях перевозили немцев из родных мест, сейчас много говорят и пишут. А те, кто это испытал на себе, не забудут никогда и вспо-

минать об этом им трудно и больно. До сих пор в семье Татьяны Ларьковой хранится справка, выданная правлением колхоза им. Сталина с. Гуссенбах Франского района АССР Немцев Поволжья Маркеру Ф. К. с перечнем имеющегося скота в хозяйстве. В то время все были убеждены, что по приезду на новое место жительства им вернут их хозяйство, согласно справке, но в реальной жизни все оказалось не так.

В Сибири их распределили в Азовский район, поселили в бедной, но очень доброй семье Остапенко, о которой вспоминали всегда с теплотой. Дедушку отправили в трудармию в Нижний Тагил, о его судьбе до сих пор родным ничего не известно. Бабушку направили работать прислугой в семью военкома Дроботэнко, которые относились к ней очень хорошо, жалели и хорошо кормили. А мама стала трактористкой, несмотря на все трудности и невзгоды, она, как учили родители, трудилась на совесть. За хорошую работу и высокие показатели ее фотография была размещена на Доске почета (1959), что для «врага народа» было редким явлением. Затем ее перевели работать дояркой. «Хоть и тяжелая работа, но зато среди девчат», – вспоминала Фрида Филипповна. Она полюбила русские песни, но так как плохо знала русский язык, то просила, чтобы ей писали песни немецкими буквами. И с того времени песня была спутницей ее жизни.

В семье Маркер уважительно относились к старшим, соблюдали традиции и национальные праздники, хранили память о своей родине и фруктовом саде, который был посажен их заботливыми руками.

Наталья Андреасовна прожила долгую жизнь, была трудолюбивой и очень справедливой, любила цветы и по немецким традициям делала их из воска для молодоженов. Она не расставалась с Библией, всегда читала молитвы перед едой и сном. Сегодня ее Библия хранится в семье как реликвия.

«Моя мама, – говорит Т.И. Ларькова, – была честным, порядочным и очень аккуратным человеком. Она награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», медалью Материнства II степени.

Фриды Филипповны не стало в 1983 году, но ее добрые дела и начинания продолжают ее дети, внуки и правнуки.

Судьбы этих женщин неразрывно связаны с историей нашей Родины, нашего края. Хотелось бы верить, что такие суровые годы не повторятся в жизни наших детей и внуков. А документы из личных архивов Фриды Маркер и Эрны Дубс, которые хранятся в фонде Таврического краеведческого музея, будут «живыми» свидетелями того времени.

Эрна Давыдовна с дочерьми Ренадой (справа) и Екатериной. Фото 2003 г.

РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**Иван ВИНДГОЛЬЦ**

Кандидат искусствоведения. Один из первых системных исследований песенного и инструментального фольклора российских немцев. Живет в Германии.

Russlanddeutsche – Volk auf dem Weg Немцы России – народ-скиталец

(Материал публикуется в сокращении)

С тех пор, как предки российских немцев в 1763–64-х годах, поверив Манифесту Екатерины II, покинули родину, они сами и их потомки стали объектом политической спекуляции и обмана. Среди прочих льгот и привилегий, обещанных императрицей, были свобода поселения и выбора рода занятий, освобождение на вечные времена от воинской повинности, внутреннее самоуправление, свобода от крепостного права. Но 21 тысяча эмигрантов, а среди них половина ремесленников, учителей, офицеров, священников, была отправлена в суровые степи Нижнего Поволжья. Горечью разочарования пронизано первое поэтическое произведение российских немцев, созданное участником многотрудного путешествия из Любека в Саратов офицером Платеном, жаждавшим своей шпагой верой и правдой служить российской короне – «Описание путешествия колонистов и русского быта» (1764–1770).

1. Ах, что это за боль,
С Германией проститься
И колонистом стать,
И горю предаваться:
Печаль и столько горя
На земле и воде,
И потому сердит я,
Не рад такой судьбе.
2. Теперь прощайте все
Вы, братья-колонисты,
Конец веселым песням,
Печальные пою.
3. Теперь один за другим
Вы стали (все равно что) крепостными.
4. Вот вам клочок земли,
Добывайте теперь свой хлеб,
Работать вы должны
До самой своей смерти.
А когда наработаетесь досыта,
Тогда – всему конец.
И тогда вы узнаете большую нужду,
Много работы – мало хлеба.

Итог его путешествия: «Оде радости конец, отныне – песнь печали». Судьба колонистов – невзгоды, рабский труд и вечная нищета. В 1871–1874-х годах было ликвидировано внутреннее самоуправление немецких колоний, введена обязательная воинская повинность. Это было воспринято как крушение основ их существования, грубое нарушение Манифеста Екатерины II, ущемление прав, необоснованные репрессии. Началась первая волна массо-

вой эмиграции немцев из России в Бразилию, Аргентину, США, Канаду. В народе это отозвалось «бразильскими», «американскими», «аргентинскими» рекрутскими песнями.

5. МАНИФЕСТ ЦАРИЦЫ

Царица в Манифесте
Подумала о немцах:
Растите хлеб и виноград
И будьте колонистами.
Оставили мы родину,
Подались мы в Россию.
Завидовали русские
Тому, что мы свободны.

Того добились хитростью,
Что мы уже не колонисты,
Не колонисты мы уже –
Поставили нас под ружье.
До чего же довела зависть!
Уничтожили Манифест!
Мы, родившиеся в Германии,
Теперь приравнены к русским.

6. Надула нас царица,
Не солгала ведь Сивилла.
И то, что она нам предсказала,
Уже все и случилось.
О, страх великий, злое слово!
Теперь забирают наших детей,
И страх, и горе, поверьте,
Преследовать станут до самой смерти.
7. Собирайтесь, братья, пустимся в путь,
Уже выписаны нам паспорта,
Уедем в далекую Бразилию,
Так как там нет зимы.
Можно бы и в России жить,
Если б только в солдатах не служить,
А нам не нужно ратниками быть,
Оттого-то нам в России не жить.

С приближением Первой мировой войны травля немцев резко обострилась. В 1915 году Николай II издал указ о ликвидации колонистского землевладения, по которому все немцы из европейской части России должны были быть депортированы в восточные регионы страны.

8. Наш царь Николай
Приказал по всей стране,
Вывести всех немцев,
Где когда-то жили мы так мирно.

К счастью, полностью реализовать указ не удалось. В Сибирь депортированы были только немцы Вольни. Судьба их была трагична: болезни, голод, смерть взрослых, стариков и детей. Приведенная ниже песня повествует об этой трагедии. Песня имела широкое хождение не только в колониях Украины, но и в других регионах.

9. ИЗ ВОЛЫНИ ДВИНУЛИСЬ

Из Вольни двинулись
Изгнанники – бедные и богатые,
Никто не шел по розам,
Все теперь были равны.

Как раз рано утром пятого июля
Ко времени жатвы
Должны были учить нас печали
Всех бедных и богатых людей.

Наготове, тяжело груженная
Стояла у дверей телега.
Ах, как же жалко,
Что все другое останется здесь.

А теперь – вперед сквозь бурю и непогоду
По приказу начальства,
Нет ни у кого теперь отца,
Который мог бы спасти его от беды.

И так мы отправились по лесам,
По холмам, горам и долинам,
И через города, и через поля,
И через множество деревень.

И реку с ее парохомом
Перерезали мы как-то ночью
На различных подводах
И одновременно по железной дороге.

Описать совершенно невозможно
Это время огромной тоски,
Теперь каждый должен страдать,
Ах, когда же кончится эта мука.

И в эти тяжелые времена
С нами рядом шагала смерть
Она забирала малых детей,
Стариков и молодые цветы.

Наконец, наконец окончен
Этот длинный и трудный рейс,
У добрых людей получили мы
Крышу над головой – Господи, тебе слава!

Под защитой
Мы, бедные, здесь,
Мы, твои любимые дети,
Приносим тебе за это благодарность.

Трагедия массового голода в Поволжье 1921–22-х годов широко известна. Однако мало кто знает, что главной его причиной была не засуха, а регулярное тотальное изъятие запасов хлеба, в том числе фуражного зерна и семенного фонда, в немецких колониях Поволжья советской властью и бандами. К моменту, когда разразилась засуха, все запасы были подчистую вывезены. Голод сразу принял масштабы всенародной трагедии. За короткий срок погибли сотни тысяч людей, почти весь скот; десятки тысяч людей разбрелись по стране, пытались эмигрировать в Америку и другие страны. Таких жертв стоила немцам Поволжья советская власть в центре и на местах. В эту суровую пору немцы Поволжья в Северной и Южной Америке оказали землякам неоценимую помощь продуктами питания и

одеждой. Песня «1921 – трудный год» широко бытовала в Поволжье и за его пределами.

10. 1921 – ТРУДНЫЙ ГОД

Тысяча девятьсот двадцать первый
Был для нас тяжелый год,
Многие люди умерли с голода
И от мороза – вот вам правда!

Зерно на поле сгорело
Еще до времени,
И остались без надежды
Вокруг все крестьяне.

Никто не хотел умирать от голода,
Каждый искал места спасения,
Все имущество промотано
И продано за копейку.

В Ташкент, на Кубань, Вольнь
Добирались пешком, по железной дороге, на лошадях,
По пути многие умерли,
Покоятся теперь глубоко в земле.

Правительство послало детей
В чужой, далекий мир,
Чтобы смягчить большую нужду,
Так как у нас поле было черным.

«Надежда, – говорили многие, –
Теперь только на Америку,
У кого есть деньги, пусть и едет,
И не остается в нужде».

А от Саратова до Двинска
Не помогал никакой совет,
Болезни и голод доставались на долю
Детей и родителей с утра до вечера.

Но через полгода после отъезда
Некоторые вернулись обратно,
Такие же оборванные, осиротевшие, обнищавшие,
Печальной была их судьба.

Без крыши над головой, без урожая,
И тогда полились их жалобы:
«Дорогие друзья, жальтесь,
Подумайте снова о нас».

«Не гордитесь тем, что Америка
Смягчила вашу нужду,
Хоть и малы были пакетики,
Но они отдалили от смерти!»

В это время правительство
Открыло несколько детских домов,
И многие сироты
Были спасены этим от смерти.

Правительство дало семена,
Быстро их посеяли,
Чтобы прекратить голод
Вокруг, по всей стране.

Массовая депортация российских немцев в районы Сибири, Средней Азии и Казахстана в 1941 году, в результате которой народ потерял в ГУЛАГе от голода, болезней, репрессий, непосильной работы четверть своей численности. Народ создавал песни, стихи, прозу. Но в условиях продолжавшихся до последнего времени репрессий собирать такой материал было чрезвычайно трудно. Неудивительно, что и публикация его возможна была только за рубежом.

11. ТЕПЕРЬ ПРИХОДИТСЯ ЕХАТЬ В СИБИРЬ

Теперь приходится ехать в Сибирь,
Оставить цветущий мир.
Под тяжестью рабских оков
Ждет меня лишь нужда и холод.
О, Сибирь, ледяная зона,
Куда ни один корабельщик не попадет по волнам,
Где не теплится ни искры человечности
И глаз не видит уже спасения.

От своих оторванный насильно,
От своих насильно отделен.
Почему теперь мне нельзя целовать губы
Той, кто любит меня, и назвала меня супругом?
О, кто осушит слезы моих близких,
Которые они, милые, проливают без вины,
Я теперь примирюсь с местью,
Судьба посылает мне только одного друга.

Если суждено мне уйти в ураган,
От солнца в темную ночь,
Если в тени древних дубов
Человечество взглянет само на себя,
О, тогда я с тоской
Вспомню о моей родине.
Мне осталась одна лишь надежда,
Лишь надежда – мое единственное счастье.

12. ИЗГНАННЫЕ

Мы, изгнанные советские немцы,
Рассеяны вдали от родины,
Где жили некогда наши отцы,
Где стояла и наша колыбель.

И на чужбине, изгнанные,
Далеко от родины
Остались нам лишь наши песни,
Что мы знали еще детьми.

Семьи разорваны:
Один здесь, другой – там.
Многие матери уже не знают,
Где теперь живут их дети.
Голод, нужда, страх и горе –
Это было нашей судьбой.
И очень многие мои братья
Покоятся теперь в объятиях земли.

Все это мы вынесли
Безропотно, терпеливо,
И кому нам было жаловаться,
Нам, изгнанным без вины?
Мы были бесправными и рабами,
Только и работали, как скот.
И в насмешку нас ругали дурными,
«Фрицами», «фашистами», там и сям.

Но мы больше не будем молчать!
Поднимайтесь, братья! Уже пора!
Пусть прозвучит наш голос –
Пока не победит справедливость.

13. ПЕСНЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

Дополна тоской по родине
Преисполнено здесь мое сердце,
И в дали, в дали далекой
Видится мне твой облик.

Поэтому позволь приветствовать тебя
Там, в далеком волжском краю!
С грустью оставили мы тебя когда-то,
Землю, где стояла наша колыбель.

И мы никогда не забудем
Этой немецкой волжской земли,
На которой отцы сидели,
Приложив старания свои.

Немецкое прилежание и немецкое усердие
Принесли богатые плоды;
Но потом нам пришлось бежать,
И родина осталась без нас.

Пусть мир никогда не забудет
Нашей трудной судьбы!
Пусть все народы знают
Винников наших несчастий!

Там, где Волги поворот,
И течет она, сверкая серебром,
Там была основана наша родина –
Горная и мирная сторона.

Там наши предки корчевали девственный лес
И удобряли степной песок,
И радостно несли знамя веры
Немцев крестьянского сословия.

Их язык, их обычаи
Верно они сохранили,
Хоть они и вынесли много страданий,
Никогда не теряли они своей нравственности.

Когда зарево войны
Загнало все народы преждевременно в гроб,
Те, кто еще остался,
Стали спасаться бегством.

От прохладных берегов Волги
И из надежного родительского дома
Мы через чужие земли
Снова отправились в широкий мир.

Но мечта о родине
Никогда не угаснет в сердцах,
На далекой, незнакомой чужбине
Видится мне твой облик.

Подстрочный перевод Б.Е. Чистовой

Тексты печатаются по следующим источникам:

1. «Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen» von einem Officier Plahten. 1764 – 1770. N 1.
2. Ibid, N 65.
3. Ibid, N 66
4. Ibid, N 67.
5. Das Manifest der Kaiserin. – V. Schirmunski. Das Kolonistische Lied in Russland. – In: Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 1928. H. 3-4. S. 193.
6. Ibid.
7. Kommt Ihr bruder, last uns ziehen. – Iris Barbara Graefe. Zur Volkskunde der Russlanddeutschen in Argentinien. 1971. Verlag A. Schendl. Wien. S. 70.
8. Unser Kaiser Nikolae. Из коллекции Оскара Гейльфуца.
9. Aus wolphynien sind gezogen. V. Schirmunski. Das Kolonistische Lied ... S. 202.
10. Neunzehnhundert einundzwanzig. V. Schirmunski. Das Kolonistische Lied in Russland... S. 204-205.
11. Nach Sibirien muss ich jetzt reisen. – Joseph S. Height. Folksongs of our Forefathers in Russia, America and Canada. – The North Dakota historical society of germans from Russia. Bismark, N.D. 1978. P. 102-103.
12. Die Vertriebenen. Text: Mathias Bossert. Melodie: Stenka Rasin. Ibid, p. 104-105.
13. Lied der Wolgadeutschen. – «Russlanddeutsches Liederbuch». – Ester Gehann Musik-verlag. 1991. N 144.
14. Die Abreise von Russland. Из коллекции И.П. Виндгольца.

V.A. ZARECHNEVA

Vermittler zwischen den Kulturen (zum runden 70. Geburtstag von Prof. Dr. phil. habil., Dr. h.c. mult. Hans-Christoph Graf von Nayhauss-Cormons-Holub)

Am 18. Dezember 2010 feierte der weltweit geschätzte Botschafter der deutschen Sprache und Literatur Professor von Nayhauss seinen 70. Geburtstag. Er wurde an diesem Tag danach gefragt, was die Kultur für sein Leben bedeutet. Als Antwort gab er: „Kultur ist der Gegensatz zur Natur, von Menschen gestaltet und gemacht, damit der Mensch sein Leben mit Anstand hinter sich bringen kann“.

Hans-Christoph wurde auf dem Gut seines

Großvaters mütterlicherseits Semmelwitz in Schlesien (heute Sembowice Polen) geboren. 1946 wurde seine Familie vertrieben und fand zunächst in Oldenburger Land (Niedersachsen), dann in Celle eine neue Heimat.

Der Junge studierte Germanistik und Geschichte in Göttingen und Freiburg.

Die Universität Göttingen. Altes Gebäude.

Er legte zwei Staatsexamina für das höhere Lehramt ab und kam durch sein Referendariat nach Karlsruhe. Er arbeitete als Gymnasiallehrer bis 1972, aber schon ab 1971 war er zugleich Dozent an der Pädagogischen Hochschule Karlsruhe. Nach der Promotion und Habilitation war er Professor für deutsche Literatur und Literaturdidaktik an derselben Hochschule seit 1976 bis zu seinem Ruhestand. Das Lehrgebiet: Deutsche Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart und Literaturdidaktik wurde zu seiner Lebensaufgabe. „Die Literatur eines Volkes ist wie ein Fenster, aus dem dieses Volk den Fremden ansieht, durch das der Fremde in den Lebensbereich dieses Volkes Einblick gewinnen kann. Unser Blick in das offene Fenster des Buches, in die geistige Wirklichkeit des Nachbarn ist notwendig und nützlich“ sagte Karl Dedecius, dessen Worte Professor von Nayhauss sehr nahe liegen. Aber er macht einen Blick nicht nur in die Welt des Nachbarn, er erforscht zum Beispiel die pol-

nische Literatur. In Sachen Literatur ist er ein Weltenbummler um mit den Worten von Irene Schneid-Horn zu sprechen. Mit seinen Gastvorlesungen und Vorträgen war er auf fünf Kontinenten dieser Erde, sein Beruf führte ihn in 28 Länder. Russland interessierte ihn besonders, denn sein Großvater, Mühlenbauingenieur, war mit einer südrussischen Frau verheiratet.

Für seine Entscheidung, die deutsche Staatsbürgerschaft nicht aufzugeben, wurde er nach Sibirien verbannt, wo er auch Mühlen baute.

Ich habe Professor von Nayhauss 1991 kennengelernt, als ich kurzweilig aus Mannheim nach Karlsruhe kam. Diese Bekanntschaft spielte eine große Rolle nicht nur für mich persönlich, sondern für unseren Lehrstuhl und die Uni Omsk überhaupt. 1992 kam der Gelehrte nach Omsk. Zum ersten Mal in Russland wollte er nach den Spuren seines Großvaters suchen. Wir fuhren mit ihm auf Transsibirischer Eisenbahn, das war sein Wunsch, nach Novosibirsk und dort fand er in der Staatlichen Bibliothek der Akademie der Wissenschaften, mit deren Direktor ich bekannt war, Bücher mit den Abbildern der Mühlen, die sein Großvater gebaut hatte.

Seit 1993 begann unsere Institutspartnerschaft, die durch DAAD unterstützt einige Jahre dauerte. Als Ergebnis waren neue Lehrpläne und – Programme, neue Literaturbücher entstanden. Die letzte Veröffentlichung „Deutsche Gegenwartsliteratur Prosa – Lyrik – Drama (1968 – 2000)“, auf die wir stolz sind, erfolgte 2010 im Bochumer Universitätsverlag.

Das Buch wurde als literaturwissenschaftliches Arbeitsbuch für deutschen Literaturunterricht im In- und Ausland konzipiert und konnte nur durch die enge Zusammenarbeit zwischen deutschen und russischen Germanisten entstehen. Professor von Nayhauss wurde der Dokortorehrentitel der Pädagogischen Universität verliehen, später kamen noch Michail A. Scholochow Pädagogische Universität Moskau und die Kuban-Universität in Krasnodar dazu.

Häufig vertritt Professor von Nayhauss die Gesellschaft für interkulturelle Germanistik auf Kongressen weltweit. In Istanbul sprachen er und wir mit meiner Kollegin aus Omsk an einem internationalen Symposium „Eine andere deutsche Literatur“ über die russlanddeutsche Literatur. Die Literatur der in der deutschen Sprache schreibenden Türken, Polen, Russen, Amerikaner gibt die Möglichkeit ihre Kultur besser zu verstehen, die Toleranz zwischen den Nationen zu festigen. Das war und ist das Bestreben des Jubilars.

Seit 1995 lebt Graf von Nayhauss mit seiner Frau Barbara-Uta von Nayhauss, Rektorin der Eberstein-Grundschule Selbach, in Gernsbach-Staufenberg. Seit fünf Jahren übt er das Amt des Vorsitzenden der Kulturgemeinde aus und ist außerdem für die Bereiche Literatur und Zeitgeschehen verantwortlich. Seine vielfältigen Kontakte zu großen Literaten und Kulturschaffenden

Граф и Графин von Nayhauss mit Omsker Kolleginnen

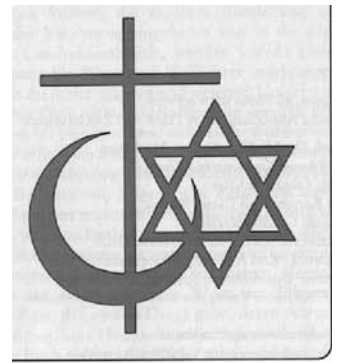
kommen der Region zugute. Er ist mit dieser Arbeit zufrieden und meint, dass sie gut gelaufen ist. Bekannte Autoren solche wie Günter Kunert, Martin Mosebach kamen mehrfach auf die Einladung des Professors nach Gernsbach.

Erich Kästner sagte: „Literatur schafft den zweiten Blick, die doppelte Optik“. Über Hans-Christoph Graf von Nayhauss können wir sagen, dass seine Tätigkeit die zehnfache Optik schafft. Seit drei Jahren ist er im Ruhestand, aber er hat zwei Lehraufträge an seinem ehemaligen Institut und betreut nach wie vor Doktoranden und ausländische Stipendiaten. Doktoren und Graduierte aus Omsk haben durch ihn einen offenen Blick auf das weite Feld der deutschen Literatur bekommen. Graf von Nayhauss ist nicht nur ein großer Literaturkenner,

sondern ein exzellenter toleranter Mensch. Wir waren öfters zu Besuch bei ihm (Russen, ein Chinese, ein Armenier) und können nur sagen, dass es in dieser adeligen Familie sehr gemütlich für alle ist und sehr einfach zugeht. Seine selige Mutter, die ältere Gräfin von Nayhauss, Halbbrussin, hatte ein warmes Gefühl zu uns „Sibirjaken“, legte ein lebhaftes Interesse für das Leben in Russland an den Tag und sprach stolz ein paar Worte Russisch.

Allem Anschein nach wurde die Liebe und Interesse zu unserem Land bei ihrem Sohn von ihr geweckt. Es ist zu ergänzen, dass ihn viele Kulturen interessieren.

Er ist Autor von einigen Reiseführern, für die er nicht nur interessante Texte schrieb, sondern auch ausgezeichnete Photos machte. Man kann sich nur wundern, was der Mensch in seinem Leben leisten kann, der sich von einem Grundsatz leiten lässt: „Unter den Menschen sind nur einzelne, die ohne an sich zu denken, die reinste Freude an dem haben, was Gott selbst im Kleinsten so schön geschaffen hat“ (Adalbert Stifter).

DER GROSSE GOLDSTADT

Reiseführer vom Prof. geschrieben

В.А. ЗАРЕЧНЕВА

Посредник между культурами (к круглой дате – 70-летию – профессора, доктора наук, почётного доктора многих университетов Ханса-Христофа графа фон Найхаусс-Кормонс-Холуба)

18 декабря 2010 года широко известный пропагандист немецкого языка и немецкой литературы профессор фон Найхаусс отметил своё 70-летие. В этот день его спросили, что значит культура для его жизни. Он ответил: «Культура в противовес природе создаётся и формируется людьми с тем, чтобы человек мог прилично прожить свою жизнь».

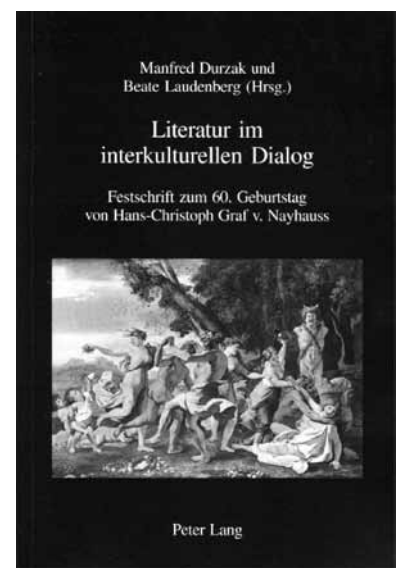
Ханс-Христоф родился в имении своего дедушки по материнской линии в Земмельвице (Силезия), в настоящее время Зембовице (Польша). В 1946 году семья была выслана и нашла свою новую родину сначала в районе Ольденбурга (Нижняя Саксония), затем в Целле.

Юноша изучал германистику и историю в Гёттингене и Фрейбурге. Он сдал два государственных экзамена и получил диплом учителя старших классов. Он приехал на практику в Карлсруэ. До 1972 года работал учителем в гимназии, а с 1971 года одновременно доцентом в пединституте. После защиты кандидатской и докторской диссертаций он стал профессором и преподавал немецкую литературу и методику её преподавания в том же институте. Эта область – немецкая литература с её возникновения до современности и методика преподавания литературы – стала делом всей его жизни. «Литература народа – это окно, из которого этот народ смотрит на чужого ему человека, но и чужак может заглянуть в жизнь этого народа. Наш взгляд в открытое окно книги, в духовный мир соседа необходим и полезен», – говорил Карл Дедедиус, чьи слова очень близки

профессору фон Найхауссу.

Но он бросает взгляд не только в мир соседа, занимаясь, например, проблемами польской литературы. В деле литературы он настоящий «бродяга» по всему миру, по словам Ирэны Шнейд-Хорн. Со своими лекциями и докладами он побывал на 5 континентах. Его профессия привела его в 28 стран. Особенно его интересовала Россия, так как его дедушка был инженером по строительству мельниц и был женат на русской южанке.

За то, что он не хотел отказаться от немецкого гражданства, он был сослан в Сибирь, где он тоже строил мельницы. Я познакомилась с профессором фон Найхауссом в

Обложка книги «Литература в межкультурном диалоге», посвящённой 60-летию проф. фон Найхаусса

1991 году, т.е. вскоре после падения Железного занавеса и Берлинской стены. Я приехала в Карлсруэ всего на несколько часов из Мангейма. Знакомство с профессором такого ранга сыграло большую роль не только для меня лично, но и для нашей кафедры и нашего университета. В 1992 году учёный приехал в Омск.

Переговоры с ректором университета проф. К.А. Чуркиным

Граф фон Найхаусс был впервые в России и хотел отыскать следы своего деда. Его желанием было проехать по Транссибирской магистрали до Новосибирска. Там, в Государственной библиотеке академии наук, с генеральным директором которой я была знакома, он нашел книги с фотографиями мельниц, построенных его дедом.

С директором библиотеки господином Елиповым

С 1993 года началось партнёрство между нашими кафедрами, которое поддерживалось Немецкой службой академических обменов, и продолжалось в течение нескольких лет. В результате этого были разработаны новые учебные планы, программы и учебники по современной немецкой литературе для нашего вуза. В 2010 году в издательстве университета Бохума была опубликована «Немецкая литература: проза – лирика – драма (1968–2000)», которой мы гордимся. Эта книга является по своей концепции научно-практической книгой для работы над немецкой литературой как в Германии, так и за рубежом и могла быть создана только благодаря тесному сотрудничеству между немецкими и русскими германистами. Профессору фон Найхауссу было присвоено звание почётного доктора Омского педагогического университета, позднее он получил это звание в Московском педагогическом университете им. М.А. Шолохова и Кубанском университете Краснодара.

Часто профессор фон Найхаусс представляет Общество межкультурной германистики на международных конгрессах. В Стамбуле он и мы с коллегой в 2003 году выступали на симпозиуме «Другая немецкая литература» с докладами о русско-немецкой литературе. Литература пишущих на немецком языке турок, поляков, русских, американцев даёт возможность лучше понять их культуру и специфику, укреплять толерантность друг к другу. Это было и есть стремление юбиляра.

С 1995 года граф фон Найхаусс живет со своей супругой Барбарой-Утой фон Найхаусс, ректором начальной школы им. Эберштейна Зельбаха, в Гернсбахе-Штауфенберге. Уже пять лет он является председателем комитета культуры общины и ответственным за вопросы литературы и актуальных событий. Его всесторонние контакты с деятелями культуры и литературы приносят большую пользу региону. Он доволен своей работой и думает, что она удаётся. Известные писатели, такие как Гюнтер Кунерт, Мартин Мозебах, много раз приезжали по приглашению профессора в Гернсбах.

Дом профессора фон Найхаусса в Гернсбахе

Эрих Кестнер говорил: «Литература открывает второй взгляд, создаёт двойную оптику». О Хансе-Христофе графе фон Найхауссе можно сказать, что его деятельность создаёт десятикратную оптику. Три года он на пенсии, но у него есть поручения в его бывшем институте. Он до сих пор руководит аспирантами и иностранными стипендиатами. Мы часто были у него в гостях и можем сказать, что в этой дворянской семье всё очень просто и уютно. Его покойная мама, старшая графиня фон Найхаусс, наполовину русская, тепло относилась к нам, сибирякам, проявляла живой интерес к жизни в России, с гордостью произносила несколько слов по-русски. Вероятно, именно от неё профессор фон Найхаусс унаследовал любовь и интерес к нашей стране.

Автор статьи празднует рождество в семье фон Найхаусс

Следует отметить, что профессору интересны многие культуры, он является автором нескольких путеводителей, для которых он сам не только написал интересные тексты, но и сделал фотографии. Можно только удивляться, как много может успеть сделать человек в своей жизни, который руководствуется принципом: «Среди людей есть только некоторые, которые не думают о себе, а находят радость в том, что бог так прекрасно создал в самом малом».

Литература

Dedecius, K. Botschaft der Bücher. In: Überall ist Polen. Frankfurt a. M. 1974. S.81-83. Hier: S 81.

Ein Leben für Literatur. [http://webattach.mail.yandef\[.net\]/message_part_real/20101218_BT...](http://webattach.mail.yandef[.net]/message_part_real/20101218_BT...)

Schneid-Horn, I. Weltenbumler in Sachen Literatur. [http://webattach.mail.yandef\[.net\]/message_part_real/20101218_BNN](http://webattach.mail.yandef[.net]/message_part_real/20101218_BNN)

Генрих ГРОУТ

ВСТРЕЧА С КАНЦЛЕРОМ

С канцлером ФРГ мне суждено было встретиться только один раз в жизни, хотя по роду и уровню моей общественно-политической деятельности таких встреч могло быть много. Но эта единственная и неповторимая состоялась в декабре 1992 года в германском посольстве в Москве персонально с Гельмутом Колем. В дальнейшем политики ФРГ тщательно отслеживали ситуацию, чтобы таких встреч больше не допустить. Видимо, наш разговор оставил у Коля горький осадок и он не желал повторения подобных встреч, где ему могли высказать в лицо сыроматную правду жизни относительно германо-советского, германо-российского или германо-украинского сотрудничества по реабилитации российских немцев.

Не знаю, что там записано в делопроизводстве данного посольства, министерств иностранных и внутренних дел ФРГ по поводу той официальной встречи. В германские СМИ, как, впрочем, и российские, на этот счет ничего не просочилось. Общественность могла об этом узнать только из самиздатовского выпуска газеты «Видергебурт», пару лет выходившей при Всесоюзном обществе советских немцев «Возрождение» (ВОСН «Возрождение») и Межгосударственном совете немцев бывшего СССР (МГСН) в Москве. Однако мизерный тираж этой газеты (менее 1 тыс. экз.), конечно же, не мог довести эту актуальную и важную информацию до широких кругов российских немцев, не говоря уже об обширности всех республик бывшего Союза.

За прошедшие годы я десятки раз пересказывал содержание уникальной встречи с канцлером Германии в узком кругу соратников по национальному движению «Видергебурт» и тем сохранил свежесть впечатлений о ней. Взявшись, наконец, за написание книги о борьбе российских (советских) немцев за свою реабилитацию, я решил детально описать и указанную конфликтную встречу с канцлером Германского государства.

До конца 1992 года лидеры ВОСН «Возрождение» и руководство высших представительных органов общенациональных съездов немцев СССР не могли жаловаться на отсутствие внимания со стороны германских политиков. Начиная с момента официального учреждения ВОСН «Возрождение»-«Видергебурт» (март 1989г.) их регулярно приглашали в посольства как ФРГ, так и в еще существовавшее дипломатическое ведомство ГДР. Весной 1990 г. представители руководства «Возрождения» были приняты в недавно созданном ведомстве Уполномоченного по делам переселенцев при МВД ФРГ; в Министерстве иностранных дел; в аппарате канцлера ФРГ; в комитетах Бундестага; а также в редакциях ведущих СМИ ФРГ. Далее в норму вошли встречи руководителей всех германских делегаций, посещавших СССР, РСФСР или Казахстан, с легитимными представителями немецкой общественности. Хорошо помню встречи в Москве весной 1991 г. с премьер-министром Баварии, председателем партии христианских демократов этой федеральной земли Эдмундом Штойбером, а осенью того же года с вице-канцлером ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером, лидером партии Свободных демократов. После 2-го этапа 1-го Чрезвычайного съезда немцев СССР, состоявшегося в октябре 1991 года, интенсивность подобных контактов возросла. Поэтому в программу первого визита канцлера ФРГ в новую Россию (после развала СССР) встреча с лидерами Межгосударственного совета российских немцев была включена как уже само собой разумеющееся мероприятие. Об этом мне задолго до той встречи сообщил

в Бонне Фридрих Боль – тогдашний глава администрации канцлера Коля. Однако по мере подготовки визита Коля в Москву деятельность МГСН и «Видергебурт», возглавляемых мною, все больше напрягали германскую сторону, которая воспринимала ее слишком радикальной.

Очевидно поэтому германские политики активизировали свои контакты с созданной оппозицией в немецком национальном движении. Видимая часть этих контактов осуществлялась через Клауса Блеха – тогдашнего посла ФРГ в России.

Исходя из горького опыта подмены легитимных представителей репрессированного народа подставными лицами из его среды для встреч с высшим руководством страны (встреча М.С. Горбачева с советскими немцами летом 1991 г.), я направил послу ФРГ письмо с озабоченностью на сей счет. Письмо заканчивалось заявлением, что в случае, если для встречи с канцлером Колем будут приглашены не представили, демократически избранные съездом немецкого народа, а искусственная оппозиция, то МГСН от такой встречи принципиально откажется. Вероятно, это была не лучшая формулировка в адрес дипломатического ведомства Германии. Мы тогда не отличались особым искусством в дипломатии. Письмо послу было отправлено в ответ на полученное приглашение на встречу с канцлером. Посол Блех как будто этого только и ждал. Он тут же прислал ответ, в котором говорилось, что германская сторона сама решает, кого приглашать, а если МГСН отказывается от приглашения, то это его право. Похоже было, что посол как бы играл на наших принципах и, скорее всего, был бы рад отсутствию МГСН на данной встрече.

Получив такой ответ, я не намерен был идти на встречу с канцлером Колем. Поскольку мой вахтовый метод работы в Москве предусматривал регулярное возвращение к семье и график уже требовал отбытия в Бердянск, то я так и сделал. Здесь надо отметить, что я не обязательно выдерживал график, часто ущемляя семейные интересы в пользу общественных..

По дороге домой мой водитель и сподвижник Владимир Шауэрман, не справившись ночью с управлением автомобилем, вылетел на участке гололеда в кювет и перевернул машину. В это время я дремал на переднем правом сиденье. К счастью, мы отделались легким испугом. Мне лишь поломало два пальца на ноге. На машине с выбитыми стеклами мы все же своим ходом добрались домой. Здесь мне ногу загипсовали.

Лежа на диване, я поддерживал телефонную связь с Москвой. Вдруг Яков Маурер, исполнявший обязанности руководителя МГСН в мое отсутствие, заявил, что он все же считает необходимым пойти на встречу с канцлером. Это меня несколько удивило, поскольку до моего отъезда Яков не высказывался против предложенного мною решения. При данных обстоятельствах я поручил ему срочно выявить коллегиальное мнение всего президиума МГСН. Для этого ему пришлось созвониться со многими коллегами в регионах. Не знаю, как он преподносил в разговоре с каждым сложившуюся ситуацию, но вскоре пришло сообщение, что большинство за обязательную встречу с главой Германского государства. Приверженность демократии вынудила меня согласиться с мнением большинства.

Встреча была намечена на 10 декабря 1992 года в резиденции посла ФРГ.

На диване в Бердянске я многократно прокручивал

в голове возможное поведение участников готовящейся встречи. К тому времени я уже хорошо знал расположение комнат и даже мягкой мебели в резиденции посла. Знал я и то, что многое зависит даже от одного только месторасположения человека во время официальных встреч. Не вызвало сомнений, что Блех готовит канцлеру Колю встречу, на которой приглашенный представитель МГСН будет обставлен подавляющим большинством лиц немецкой национальности, не имеющих права говорить от имени народа. При таком подборе участников возможные неугодные высказывания представителя МГСН можно заглушить или опровергнуть высказываниями подавляющего большинства. Всех фигурантов готовящейся встречи я хорошо знал. Это: Г.Г. Вормсбехер, П.П. Фальк, Б.Г. Рейтер, Г.Г. Мартенс и другие. Сильные и слабые стороны названных национальных общественных деятелей были известны. Поэтому у меня возникло опасение: сможет ли единственный представитель МГСН, конкретно Якоб Маурер, человек весьма мягкий и учтивый, донести до канцлера, к тому же через переводчика, нашу принципиальную позицию.

Поэтому я решил, несмотря ни на что, вернуться в Москву и пойти на встречу. Но сделать это решил так, чтоб об этом никто не узнал до момента моего появления в резиденции посла.

Пробыв дома всего три дня, я на костылях отправился в путь. Мы поехали поездом из Запорожья. Сопровождал меня давний верный друг Александр Гоппе, проживавший в поселке городского типа Кирилловка Запорожской области. В Москве нас поджидал на стареньких «Жигулях» столичный интеллигент Генрих Шмидт, еще не известный ни в МГСН, ни в оппозиции, что обеспечивало конфиденциальность задуманного.

Когда в назначенный день и час я в сопровождении Гоппе подошел к резиденции посла, то увидел перед входом одиноко стоящего Маурера. Не отвечая на его удивленный взгляд и не спрашивая его ни о чем, я вместе с ним вошел в здание. Там уже было полно народу. В большом зале собралась вся российская политическая элита, перед которой держал речь канцлер Коль. Не было только президента России, который ждал визита Коля к себе в тот же день.

Для встречи Коля с российскими немцами была отведена хорошо знакомая мне комната с двумя кожаными диванами и двумя креслами, стоящими друг против друга. В одном из последних мне уже несколько раз приходилось сидеть. Когда мы с Яковом вошли в резиденцию посла, вся наша «оппозиция» уже была в той комнате. Поскольку от МГСН был приглашен только председатель, то я вошел туда один. Встречавшая гостей госпожа Гертрамф при виде меня не могла скрыть какую-то растерянность и недоумение. Это лишь укрепило мои мысли в том, что МГСН там никто не ждал. Поприветствовав всех разом, я не стал присоединяться к группе оппозиционных соплеменников, а, недолго думая, уселся в кресло, стоящее ближе к входу, т.е. рассчитанное на гостей посла или, как в данном случае, против кресла, в которое сядет канцлер Коль. Других вариантов там не было. Эту ситуацию я оценил в одно мгновение. Тот факт, что я пришел на костылях, в данном случае как бы стал оправданием некорректного занятия мною кресла. Можно было, конечно, присесть и на один из диванов, но я намеренно уселся в кресло для главного партнера во время переговоров. Так я хотел разрушить подготовленный сценарий и создать ситуацию, когда канцлеру придется, пусть даже формально, лицеизреть перед собой в качестве партнера все-таки легитимного, а не подставного представителя российско-немецкого народа.

Гельмут Коль вошел в комнату в сопровождении большой свиты высокопоставленных чинов из ряда министерств и Бундестага ФРГ. Но, похоже, ему уже успели шепнуть на ухо, что в сценарии встречи появились нежелательные сбои. Поэтому он сухо поприветствовал всех разом и сел в кресло. Вопреки дипломатическим нормам, канцлеру Германии даже не представили приглашенных, хотя нас было не так уж много – всего 6 человек. Справа от канцлера, на большом диване сидел один только Гуго Вормсбехер (пред-

седатель Международного союза российских немцев), а слева, на точно таком же диване, плотно друг к другу, сидели: Петр Фальк (начальник Управления по российским немцам при Государственном комитете по делам национальностей), Бруно Рейтер (глава Азовского немецкого национального района в Омской области), Фридрих Эккерт (глава Немецкого национального района Алтайского края) и Генрих Мартенс (председатель Международного союза немецкой культуры, созданного «возрожденцами» для противовеса аналогичного «Союза» Г. Вормсбехера).

После приветствия Гельмут Коль стал пространно говорить о том, как много делается германской и российской властью по реабилитации российских немцев и сколько еще в этом плане будет сделано. Особый оптимизм он связывал с деятельностью тогдашнего президента России Бориса Ельцина. Закончив свой монолог, Коль остановил свой взгляд на персоне, сидевшей напротив. Он не назвал меня ни по имени, ни по должности, а просто молча как бы передал слово.

Должен отметить: пока Коль говорил, а это продолжалось минут десять, я внутренне весь кипел от возмущения, поскольку увиденного и услышанного было достаточно для этого. Я понял, что встреча спущена на формальные рельсы и ждать от нее нечего. Такого российские немцы от лидера германского государства ожидать не могли. Чего только стоил «винегрет» из представителей российских немцев?!. Однако вряд ли на моем лице можно было прочесть внутреннее негодование. Жизнь меня к тому времени уже на-учила управлять эмоциями и не давать им хода наружу. Поэтому, когда Коль дал мне возможность высказаться, я, как мне кажется, сумел совершенно спокойно это сделать. Говорил я на немецком и начал с того, что поблагодарил канцлера Германии от имени всего немецкого народа бывшего СССР и России за оказанную высокую честь официальной встречи и представительной возможности высказаться. Далее я подчеркнул, что если данное мероприятие заявлено как встреча канцлера Германии с представителями российских немцев, то надо бы изначально определиться с полномочиями здесь присутствующих. Окинув взглядом все пять персон, я заявил, что все эти уважаемые люди не обладают легитимностью говорить от имени российского немецкого народа, в особенности те, которые являются чиновниками российской власти. На том, что политика этой самой власти в отношении российских немцев не всегда соответствует интересам репрессированного народа, резюмировал я, видимо, останавливаться не надо.

Говоря это, я спокойно смотрел в глаза Гельмуту Колю, лицо которого медленно багровело.

Далее Коль буквально взорвался фразой: «Ja, was wollen wir hier, – streiten?!.»

(Мы, что здесь, собрались спорить?!.). После этого он резко повернулся в сторону Петра Фалька. Тот, к моему удивлению, впервые на моей памяти начал на древнем платдойче рассказывать о заслугах и планах российского правительства в сфере реабилитации российских немцев. Говорил ровно, спокойно и совсем немного. Но сомневаюсь, чтобы Коль, как и многие из его свиты, вполне поняли сказанное представителем Правительства России.

Затем на чистейшем русском говорил Бруно Рейтер. Говорил долго, останавливаясь на деталях о датах и номерах приказов по созданию Азовского немецкого национального района в Омской области. Слушая его, можно было подумать, что восстановление Немецкой Республики уже началось именно там, у Бруно Генриховича.

Вслед за первым главой Немецкого национального района, слово взял и второй его коллега из Алтайского края. Он говорил тихо, без всякого огня, излагая ряд проданных мер, без каких-либо запросов на особый статус.

Следующим говорил Генрих Мартенс о делах и планах своей культурологической организации. На тот момент на его счету еще не было впечатляющих успехов, но ему важно было обозначиться на высшем уровне.

Заслушав всех четверых без какого-либо блеска в глазах, Коль резко повернулся в другую сторону и весь засиял, уставившись на Гуго Вормсбехера.

Гуго Густавович начал, как всегда, спокойным, вкрадчивым голосом напоминанием о своей роли в немецком национальном движении и плавно описал существующую политическую ситуацию в России, не позволяющую в обозримом будущем возродить Немецкую Республику и восстановить народ в своих правах. Коль внимательно слушал. Но, завершая свою речь, Вормсбехер, неожиданно выдал новый рецепт решения немецкой проблемы, ошарашив всех. Он, оказываясь, увидел возможное решение проблемы путем переселения немцев из восточных регионов России, а в первую очередь из Казахстана и других среднеазиатских республик, в 17–18 западно-европейских областей Российской Федерации, где их трудолюбивые руки так бы пригодились в аграрном секторе.

Жаль, что на данной встрече не было журналистов с телекамерами, а также фотографов, кто мог бы запечатлеть реакцию канцлера Коля на эту, не побоюсь этого слова, подставу. В данном случае он не побагровел, а, скорее, побледнел и как-то враз обмяк. Какое-то время Коль, видимо, размышлял о том, как завершить это досадное общение то ли с русско-немецкими, то ли с немецко-русскими соотечественниками? Как тут не вспомнить о крылатом выражении о загадочной русской душе, которая, быть может, и здесь себя проявляет?

Самый простой вариант мог быть для Коля таким: встал, сухо, а, может, и наоборот – широко улыбаясь, распростился и был таков. Тем более, время встречи с Ельциным уже поджимало. Похоже, что Коль склонялся именно к такой развязке. Но что будет потом? Что он скажет германскому политикуму? Как это представить общественности? И как поведет себя скандальный «Видергебурт» и МГСН во главе с этим Гроутом, который уже своим недавним интервью в журнале «Шпигель» взбудоражил общественность заявлением о возможном сотрудничестве даже с германскими правыми радикалами, если правящая коалиция во главе с Колем не повернется лицом к российским немцам?..

Думаю, что все эти вопросы могли и должны были мгновенно возникнуть в голове канцлера. Но никто ему в данный момент на них не ответит. Впрочем, мог и должен был подумать канцлер. А ведь что-то можно прояснить напрямую, без посредников и советников, явно не отличившихся в подготовке данной встречи, у сидящего напротив ершистого гостя.

И канцлер, как бы осознал, что он стоит выше любых сценарных заготовок, а потому должен в случае их сбоя, как это только что произошло, сам докапываться до истины и находить ответы на актуальные вопросы. Уже почти встав для ухода, он опять сел в кресло и напрямую дал слово персоне напротив, которая, в отличии от остальных, все-таки наделена полномочиями почти тысячного делегатского корпуса российских немцев, говорить от имени всего двухмиллионного немецкого сообщества республик бывшего СССР.

Никто такого оборота уже не ожидал. Оппозиционеры, похоже, уже успели в очередной раз поставить на Гроуте политический крест. Я, право, и сам был близок к подобному выводу. Внутренне я весь кипел от досады за ход встречи с канцлером и мысленно готовил ему нелестную прощальную тираду. После того, как Коль вновь предложил мне слово, и то, как он это сделал, я мгновенно сконцентрировался на позитиве и начал говорить. Я отдавал себе полный отчет, что участвую в историческом событии, последствия которого могут быть совершенно диаметрально противоположными: или мы добьемся какого-то прорыва в решении наших кровных интересов, или же, наоборот, окончательно потеряем все надежды на их решение. Очень кратко охарактеризовав политическую ситуацию в России, как полностью бесперспективную в обозримом будущем, я тем самым также, как и Вормсбехер, развеял оптимизм относительно возможной позитивной роли Ельцина в решении нашей проблемы. Одновременно я назвал утопией идею переселения немцев в европейские регионы России для подъема сельского хозяйства.

Я сообщил канцлеру, что МГСН и «Видергебурт» заняты подготовкой очередного, по всей вероятности, послед-

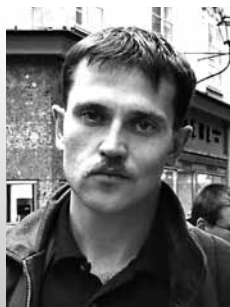
него общенационального съезда российских немцев, намеченного на конец февраля 1993 года. Что на этот съезд мы выйдем с программой, в которой цели, ставшие иллюзорными, уступят место более реальным, что в нашей прежней программе будут изменены приоритеты в пользу свободного, организованного переезда в ФРГ всех желающих немцев в течение 4–5 лет, что нам для этого нужна поддержка германского и российского правительств. При этом мне пришлось, в интересах дела, немного лукавить. Я представил ситуацию таким образом, что российская сторона против данного съезда не возражает, а германская, в лице господина Хорста Ваффеншмидта, Уполномоченного федерального правительства Германии по делам переселенцев, пока отмалчивается. Преподнес ситуацию именно так, когда решение зависало только на стороне Германии, мы, в случае положительной реакции Гельмута Коля, автоматически получали и российскую поддержку. При этом создавалась рискованная ситуация, когда сидящий рядом с Колем Петр Фальк мог бы как представитель российского правительства опровергнуть мое утверждение. Этого, однако, не произошло, на что я, собственно, и рассчитывал.

Выслушав это, Коль тут же повернулся всем корпусом к своей свите и распорядился зафиксировать дату намеченного съезда, поручив соответствующим чиновникам оказать необходимую поддержку МГСН для его качественной подготовки. Потом он опять занял основную позу и, ткнув пальцем в мою сторону, сказал: «Und Sie sollen dabei mitwirken!» (А Вы должны при этом сотрудничать!). Резко поднявшись, он заспешил на выход, крепко пожав мне на прощание руку. За ним поспешила и вся его свита, а приглашенная оппозиция еще некоторое время стояла возле своих диванов в оцепенении, видимо, сразу не оценив в полной мере результаты состоявшегося события.

Вечером того же дня в штаб-квартире МГСН и «Видергебурт» на Псковской улице, которую нам бесплатно выделил благодарный сподвижник Райнгольд Миллер, праздновали тактическую победу. Мы все понимали, что в России в обозримом будущем ничего не добиться. Нужно было через новый общенациональный съезд добиваться от германской стороны принятия программы по организованному и гарантированному приему всех желающих немцев из всех республик разрушенного СССР. К концу 1992 г. это становилось весьма актуальной задачей, поскольку в ФРГ все громче звучали популистские заявления из оппозиционных партий о прекращении или сокращении приема переселенцев из СССР.

Вернувшись в Бонн, канцлер Коль, судя по всему, устроил большой разгон Хорсту Ваффеншмидту, из-под контроля которого уже не в первый раз вышла ситуация с российскими немцами в Москве. После этого в Бонн в срочном порядке была приглашена большая группа лидеров из МГСН во главе с его председателем, а также представители оппозиции с целью их примирения. Во время этой поездки и переговоров с Уполномоченным по делам переселенцев, которые прошли в исключительно доброжелательной атмосфере, МГСН получил относительно солидное структурное финансирование. Более того, Коль сумел в срочном порядке за оставшиеся две недели до конца 1992 года достичь компромисса между правящей коалицией и оппозицией по вопросу о дальнейшем приеме немцев-переселенцев из бывшего СССР. Это нашло свое отражение в Законе об упорядочении правовой базы о последствиях 2-й мировой войны (Kriegsfolgenbereinigungsgesetz – KfbG), принятом конституционным большинством Бундестага в конце декабря 1992 года. Полагаю, что это надо рассматривать как самое важное позитивное следствие встречи канцлера Коля с российскими немцами в Москве. Именно этот закон, введенный в действие с 01.01.1993 г., гарантировал прием российских немцев до 01.01.2011 года, что по большому счету и выдерживалось, несмотря на целый ряд ужесточающих уловок, введенных против реэмиграции бывших советских немцев на свою историческую родину в последующие годы. А появился бы данный закон без участия МГСН на тогдашней встрече с канцлером Колем или нет, можно только гадать. Я лично склонен считать, навряд ли.

НАСЛЕДИЕ

Антон ШУЛЬЦ

Родился в 1975 году в г. Магадане, окончил историческое отделение гуманитарного факультета Магаданского государственного международного университета. Ведущий специалист комитета по образованию Азовского немецкого национального района Омской области, редактор вестника немецкой национально-культурной автономии Омской области «Einheit–Единство».

В ОТЪБЛЕСКЕ ПРАЗДНИЧНЫХ КОСТРОВ

Изучение религиозных календарных праздников является важной вехой в сохранении этнической истории каждого народа, в том числе и российских немцев. В настоящее время большая часть научного поиска современных учёных посвящена доскональному исследованию цикла христианских празднеств. Однако, по мнению многих исследователей, для того чтобы получить более полный психологический портрет того или иного этноса, необходимо совершить попытку заглянуть в его историю намного глубже того периода, который ограничивается христианством.

Это мнение обосновывается тем, что национальный характер выковывался на протяжении многих тысячелетий в начале исторического пути этноса. Христианство является важным, однако только одним из многих факторов такого понятия, как коллективное бессознательное. Чтобы лучше понять душу народа, важно иметь представление о его языческом прошлом.

Такое прошлое есть и у российских немцев как у носителей германской культуры и ментальности. Рассматриваемая тема становится особенно интересной, если мы примем во внимание наличие факта двоеверия, то есть переплетения религиозных традиций древних язычников и христиан.

В проблеме исследования древнейших языческих праздников древних германцев есть огромные белые пятна. С одной стороны, мы ясно представляем себе, что праздничные обычаи язычников в основном подчиняются календарному циклу земледельческих работ так же, как и цикл христианских праздников. С другой стороны, менталитет древних германцев, в том числе и северных, несёт на себе существенный фактор милитаризации, что, естественно, вносит свои штрихи в праздничный цикл, что отразилось в

праздновании памятных дней, посвящённых великим героям прошлого: королям и воинам.

Двоеверие делает цикл древнегерманских праздников во многом противоречивым. Например, 9 февраля отмечается как День Веры в Старых Богов, а в марте чтут память Олава Святого, норвежского конунга, который приложил максимальные усилия для христианизации Скандинавии и Древнегерманского Севера.

Искоренение языческого наследия древних германцев в ходе христианизации воздвигает серьёзные препятствия перед исследователями. Известно, что основными источниками по пантеону языческих богов, по религиозной истории Севера являются документы позднейших эпох. Среди них такие памятники, как «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда» исландского хрониста и поэта Снорри Стурлусона.

В этих произведениях, а также в древнегерманском эпосе мы можем почерпнуть некоторые скудные сведения о праздничном цикле германских народов до принятия христианства. Большую помощь в поиске оказывают исторически памятники античности, в частности, «История Галльской войны» Гая Юлия Цезаря и, конечно же, знаменитый трактат Тацита «Германия».

Однако интересующие нас сведения настолько разбросаны по страницам древних манускриптов, что работа над составлением самого общего перечня празднеств германцев дохристианской эпохи и попытка систематизировать обнаруженные крохи представляется нам достаточно ценным вкладом в изучение предмета.

Так или иначе, поднятая в данной статье проблема является темой всестороннего исследования и может оказать существенную помощь тем, кто желает лучше разобраться в «тайнах германской души».

ЗИМА

Мать Ночь (20 декабря)

Древнегерманский Новый год. Приветствуется возвращение Солнца и отход в мир иной Матери зимы. Принято чтить Тора и Фрея.

Двенадцатая ночь (31 декабря)

Главное событие из двенадцатидневного цикла Йоль (Yule). В этот период приносят клятву Священному Молоту Тора Мьельниру.

Снежная луна (3 января)

Принято обращаться к Отцу-небу и Матери-Земле. Молят о покровительстве Одина и Фригг.

День памяти Рауда Сильного (9 января)

Рауд был казнён норвежским конунгом Олафом Трюгвасоном за верность языческим богам.

Торраблот (20 января)

Старый Северный месяц Снорри, который проходит под покровительством Тора и Торри.

Барри (2 февраля)

Праздник сватовства Фрея и Герд, олицетворяющих Плодородие и Землю.

День поминовения Эйвинда Киннрифи (9 февраля)

День веры в Старых Богов.

Пир Вали (14 февраля)

Смерть Ходра от руки Вали, сына Одина.

День памяти Оливера Мученика (9 марта)

Поминовение умерших.

Высокий праздник Остары (21 марта)

Праздник весеннего равноденствия – сезон Возрождения.

ВЕСНА

День Рагнара Лодброка (28 марта)

День памяти выдающегося конунга древней истории северогерманских народов Рагнара Кожаные Штаны.

День памяти ярла Хакона (9 апреля)

День поклонения Старым Богам.

Летний день, Sigblot (22 апреля)

Празднование первого дня лета.

Остара, Walburg (30 апреля)

Вальпургиева ночь (Walpurgisnacht, May Eve). Период активной деятельности ведьм.

Блот, Blot (27 мая)

Праздник тепла и великолепия весны.

День Линдисфарна (8 июня)

Праздник великих воинов.

День памяти Зигфрида – Победителя Дракона (9 июня)

День обретения сокровища Нибелунгов и посвящения воинов в таинство Одина.

ЛЕТО

Мидсуммер, Midsummer (21 июня)

Канун летнего солнцестояния. В этот день принято сжигать на костре фигуру, изображающую человека (фигура изготавливалась из соломы). В этот день вождями древнегерманских племён проводились судебные заседания.

День памяти Унны Мудрой (9 июля)

День мудрейшей женщины.

День смерти Олафа Толстого (29 июля)

День Памяти убитых и замученных.

Хлебный праздник (1 августа)

День урожая и подготовки к Зиме.

День памяти короля Радбода (9 августа)

День преданных вере.

Осеннее равноденствие (21 сентября)

Праздник Земли и Моря (Нертхус и Ньёрда).

ОСЕНЬ

Зимние ночи (12–15 октября)

День благословения Фрея, период заключения мира и дружбы.

Эйндхейрхар (11 ноября)

Праздник павших воинов, пирующих в Валгалле.

День памяти Эгила Скальда (9 декабря)

День памяти Эгила Скаллаgrimссона, великого скальда, смелого воина и мудреца.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Эрнст ВОЛЬФ

Доцент Национального исследовательского Томского политехнического университета

Виктор РУДЕЛЬ

Сотрудник Генерального консульства ФРГ в г. Новосибирске

Александр БЕЛЛЕР

Аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета

Об историческом контексте национальных проблем российско-немецкого народа и его современное состояние

*«Если, обретя правильную теорию, ограничиваться лишь пустыми разговорами о ней, держать её под спудом и не осуществлять на практике, то от этой теории, как бы она ни была хороша, толку не будет».**

Возникновение этнического анклава «немцы Поволжья» было обусловлено, прежде всего, политико-экономическим интересом Российской империи к массовому заселению необжитых и, что немало важно, незащищенных от набегов «степняков» земель. Этой проблемой была озабочена ещё Елизавета Петровна (1709–1762 гг., императрица с 1741–1762 гг., дочь Петра I Великого), которая «приказала усилить приток иностранных «колонистов», чтобы обеспечить прирост населения в безлюдных доселе южных областях России» [1]. Она озадачивалась мыслью: «Разве хорошо, если она под предлогом русификации всего и вся в стране запретит использовать на благо России опытных людей, приехавших из-за рубежа?» И все же основанием для массового переселения с Запада послужили манифесты Екатерины II Великой: первый от 4 декабря 1762 г. и второй от 22 июля 1763 г. Эти манифесты давали переселенцам существенные привилегии при переселении в Россию. Однако не только привилегии были мотивацией для переселения, важным фактором являлись и те проблемы, которые были у них в это время на исторической Родине.

К числу основных следует отнести, прежде всего, политические – это многочисленные войны с их ужасающими последствиями для мирного населения: голод, болезни, высокие военные налоги, бесчинства и многое другое. В качестве примеров можно назвать опустошительную войну 1618–1648 гг., после которой обезлюдели обширные территории не только Германии, и помимо прочих семилетнюю войну 1756–1763 гг. Естественно, что военные действия обуславливали возникновение и тяжелого экономического положения. Кроме этого, часто население голодало также из-за аномальных природных явлений, влекших за собой неурожаи.

Нарушение влестствии войн экономических связей влекло за собой застой в производстве и, как следствие, массовое разорение ремесленного люда. Обнищание широких

слоев населения также являлось своеобразным стимулом к массовой эмиграции в Россию. Сказанное создавало в результате социальной нестабильности благоприятную почву для распространения в среде верующих различных мистико-религиозных учений. Поэтому многие из числа верующих рассматривали Россию как «пустыню, где должно спастись...», устроить на земле общество верующих, в котором не существовало бы условий для греховной жизни, но обитала бы правда Божия на земле». Например, крестьяне из Вюртемберга, искавшие защиты у Бога и конфликтовавшие с властью, также выбирали Россию.

Формирование этнической общности российских немцев на территории Нижнего Поволжья завершилось в основном после 1917 года. С позиции конституционного права в 1918 г. власти РСФСР наделили немецких колонистов относительной самостоятельностью, учредив область немцев Поволжья, которая в 1924 г. была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья, имевшую уже главный символ автономного национально-территориального образования: Конституцию АССР НП (Справка: 30 декабря 1922 провозглашено образование СССР).

Если говорить об общности, проживавшей на территории Автономии, то в период до депортации 1941 г. она представляла собой этнос, сформировавшийся, развившийся и функционировавший на территории России... При этом важно подчеркнуть, что этнос «немцы Поволжья» по этнообразующим признакам полностью соответствовал теории этносов академика Ю. Бромлея (в советские годы эта теория не подвергалась сомнению и применялась при описании национальной палитры Союза ССР).

Депортации немцев Поволжья в августе 1941 г., а до этого и из других регионов Союза, и персональные репрессии советских граждан немецкого происхождения по поли-

* См. Мао Цзэдун. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2000, с. 41 (Серия «Мудрость вождей»).

тическим мотивам (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 г. и от 7.09.1941 г.) повлекли за собой не эволюционный распад этноса: около 1 миллиона советских граждан немецкого происхождения было расселено в различных регионах Сибири, Казахстана, Средней Азии, т.е. одновременно лишено главного этнообразующего признака – компактного проживания.

При этом – и это следует особо отметить – насильственный распад российско-немецкого народа произошел в результате незаконного действия властей. Однако депортация некоторыми исследователями этой проблемы трактуется как превентивная (по законам военного времени) мера, но почему-то, как правило, умалчиваются драматические последствия, приведшие к нынешнему кризисному состоянию российско-немецкого народа. В этом контексте внимание авторов акцентируется на том, что репрессии в годы сталинского лихолетья подвели роковую черту под этнической историей сформировавшегося на протяжении 2 столетий на поволжской земле этнического образования российских (к моменту выселения уже советских) немцев. Именно этот факт в наших оценках нынешнего положения немцев России является базовым постулатом! Никакой диаспорой – в научном понимании этого термина, если следовать логике – немцы России не являлись и не являются сегодня. Российско-немецкий народ сформировался как этническое образование на российской (русской) земле. В то же время факты преступного беззакония сталинского режима не дают нам – ныне живущим – оснований для выдвижения неоправданных обвинений в адрес нынешнего руководства Российской Федерации. Россия сегодня – это государство, живущее по новой Конституции, в которой прописано: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» В контексте этой формулировки необходимо в рамках развивающегося в России гражданского общества сделать всё возможное, чтобы выявить научно обоснованные и практически (исходя из нынешних политических и социально-экономических условий) оправданные способы решения актуальных для российско-немецкого народа вопросов, связанных с достижением главной цели: «Возрождение российско-немецкого народа (этноса) как полноправной нации многонационального российского народа (суперэтноса)».

При восстановлении коллективных прав российских немцев, жизнедеятельность которых протекает в условиях полиэтничного государства, необходимо определиться, прежде всего, с политическим дискурсом относительно прежнего определения «этническая общность». Самоидентификация в условиях трансформации традиционалистского общества связана не столько с объективными характеристиками, сколько преимущественно с эмоциональными и субъективно значимыми представлениями индивида. Принимая во внимание, что в контексте выступлений В.В. Путина, главы Правительства России, понятие нации трактуется как категория политическая (прослеживается отход от определения этого понятия в этнокультурном смысле), нами введено понятие «сообщество российских немцев». Это понятие позволяет всю совокупность российских немцев, проживающих сегодня на постсоветском пространстве, рассматривать, независимо от их географической разобщенности (компактного или дисперсного расселения), как единую этнокультурную общность.

Общепризнанные этнообразующие признаки нации в условиях глобализации и взаимопроникновения культур не позволяют четко определить территориальные границы проживания общностей, выделить и определить конкретные «этнические» территории в Российской Федерации. Примером этому является и Азовский Немецкий национальный район Омской области, в котором насчитывается более 22 тыс. жителей, а в их числе всего 6 тыс. российских немцев. Если в национальных республиках РФ на

сохранение этнообразующих признаков титульных наций (язык, культура, традиции, обычаи и т.п.) направляются бюджетные ресурсы, то в «обычных» субъектах этого сделать практически невозможно. Поэтому особое значение в настоящее время приобретает наличие единого национального самосознания, которое у российских немцев формировалось на протяжении столетий и которое позволяет им сохранять этнообразующие признаки. Основу этого самосознания должно сформировать такое понятие, как «немецкость». Именно «немецкость» (один из признаков этничности) должна стать краеугольным камнем в фундаменте духовно-нравственного возрождения немцев России. Под «немецкостью» необходимо понимать, прежде всего, **духовно-нравственные ориентиры**, присущие этническому сообществу российских немцев, и **ярко выраженные (эксплицитные) черты характера** типичного российского немца. К духовно-нравственным ориентирам следует отнести: идеалы; установки и оценки; нормативы и запреты; цели и проекты; эталоны и стандарты; принципы действия, выраженные в форме нормативных представлений о благе, добре и зле, прекрасном и безобразном, справедливом и несправедливом, правомерном и противоправном; о смысле предназначения человека. Все сказанное должно стать базовым материалом для формирования духовно-нравственной парадигмы российско-немецкого народа. Вышеотмеченное позволяет выделить в первом приближении две основные группы духовных ценностей, характерных для немцев России:

Семья и семейные узы. Российские немцы всегда отличались крепкими семейными узами. Это было обусловлено, прежде всего, традиционным немецким воспитанием. Детям всегда старались дать хорошее – с точки зрения национальных традиций и обычаев – воспитание. Именно воспитанием закладывались те эксплицитные черты характера, которые раньше были присущи немцам России. С момента рождения ребенок начинал подражать своим родителям и перенимать те характерные черты характера и те ценности, которые в последующем формируют полноценную личность. Семья и семейные узы всегда являлись духовно-нравственной ценностью российских немцев! Именно через семью, через национальные традиции и семейные обычаи передаются и сохраняются ценностные ориентиры и нравственные идеалы.

Труд и отношение к труду. Трудолюбие во всех сферах деятельности также всегда отличало представителей российско-немецкого народа. Поэтому среди представителей российско-немецкого народа было так много лиц, добившихся значительных успехов. Этому способствовали как образ мыслей, так и такие их черты характера, как организованность и рациональность. В связи с этим можно выделить такие их черты, как практичность, организованность, дисциплинированность, серьезное отношение к порученному делу, бережливость, аккуратность, пунктуальность, хозяйственность, чистоплотность. Поэтому важно, чтобы эти черты характера немцев России не остались в прошлом.

Итак, под немецкостью следует понимать совокупность традиционных духовно-нравственных ценностей и ярко выраженных черт национального характера, которые сохранялись и передавались на историческом этапе становления и развития и были характерны для большинства представителей российско-немецкого народа.

Изложенное должно быть *верифицировано*, то есть научно обосновано, подтверждено этнологией – наукой, изучающей процессы формирования и развития различных этнических образований, их идентичность, формы их культурного *самоопределения*, закономерности их коллективного поведения и взаимодействия, взаимосвязи личности с социальной средой.

Механизмом, обеспечивающим жизнедеятельность общества российских немцев, является *самоорганизация*.

Но для того чтобы она стала эффективной, должен быть определен статус, обеспечивающий правосубъектность *этнообъектов*, являющихся элементами *этноструктуры* сообщества российских немцев.

Проблема придания сообществу российских немцев статуса субъекта, вступающего в правовые отношения с властью, – тема отдельной обстоятельной статьи, которая не входит в тот круг вопросов, которые затрагиваются в данной публикации. И все же для справки: прецедентом придания выборному органу, например, МГСН представительских функций является проведение четырех общенациональных съездов советских немцев в 1991–1993 гг.

К 1998 г. деятельность Межгосударственного совета немцев (к этому времени уже бывшего СССР) оказалась за рамками легитимного функционирования. Во-первых, сроки его деятельности выходили за временные границы: последний съезд состоялся в 1993 г. Более того, во вновь сформированном законодательном поле РФ роль и место МГСН не просматривались. Поэтому в декабре 1998 г. в Бишкеке был проведен форум, на котором МГСН трансформировался в МАООН «Видергебурт». В Уставе Международной ассоциации общественных объединений немцев «Видергебурт» (Возрождение) было записано: «Объединение усилий членов ассоциации для содействия сохранению и развитию этноса...» Минюстом РФ это объединение было зарегистрировано 23 апреля 1999 г. под № 3694.

Необходимо отметить, что к основным понятиям общесообщественного процесса, имеющего своей конечной целью возрождение немцев России как этно-национальной общности в семье многонационального российского народа, следует отнести: *сообщество, самоорганизация, реабилитация*. Рабочее определение указанным понятиям позволяет применить программно-целевой метод при разработке федеральных, региональных и муниципального уровня программ становления сообщества немцев России. Более того, ни административные, ни государственные границы не являются в данной ситуации препятствием для функционирования всего Сообщества, так как для обеспечения коммуникационных связей на первый план на данном этапе выступают в основном задачи *социокультурного* плана.

Уровень научной разработки понятийного аппарата в сфере национальной политики РФ на сегодняшнем этапе развития гражданского общества не позволяет адекватно описать существующее положение дел по проблеме немцев России, используя положения известной теории этносов академика Ю.В. Бромлея. Нынешний директор Института этнологии и антропологии РАН академик В.А. Тишков в принципе отошел от теории своего учителя Ю.В. Бромлея, о чем свидетельствует его книга «Реквием по этносу». Авторы данной статьи не намерены дискутировать с этнологами, но не учитывать вышесказанного нельзя.

В этой связи в терминологический оборот были введены понятия, которые позволяют в условиях сложившейся в РФ ситуации и, прежде всего, в сферах социально-экономической и политико-правовой:

- а) проанализировать нынешнее положение российских немцев;
- б) понять причины, которые могут породить противоречия и даже конфликты как в их среде, так и с внешним окружением;
- в) определить специфику восприятия российскими немцами окружающего мира;
- г) выявить тенденции, отражающие степень их адаптированности и устойчивости в плане самосохранения к инокультурному воздействию;
- д) выявить потенциальные возможности этнокультурного возрождения в эпоху трансформации устоев, оставшихся в наследие от советского общества.

Обратимся к *проблеме реабилитации российских немцев*. В сложившейся ситуации авторы исходят из того, что в

ходе научных дискуссий необходимо оперировать терминологией, которая адекватно и недвусмысленно трактует процессы, события и явления, отражающие существо проблемы, пути и подходы к ее решению. В настоящее время во многих статьях, особенно публицистических, оперируют терминологией, которая не только не позволяет создать модель решения проблемы российско-немецкого народа, в рамках которой только и возможен поиск практических шагов реабилитации немцев России, но и, по сути, подменяют сами понятия в ходе дискуссий. Таким образом, сознательной или по недомыслию заводят достижение реабилитационной цели в тупик.

Прежде всего, это связано с таким понятием, как «реабилитация российских немцев». Широко используется словосочетание «полная реабилитация», которое, несомненно, лишено содержательного смысла, потому что все утраченное никто и никогда не вернет. Но в силу того, что данный термин давно принят многими участниками дискуссий, используем его и мы, но только в качестве рабочей версии. С одной стороны, это возврат коллективных прав одной из национальностей, российско-немецкого народа, многонационального российского народа; с другой – восстановление прав немецких граждан России, признанных жертвами политических репрессий. В нашей статье-докладе внимание акцентируется только на реабилитации, связанной с возвратом коллективных прав «репрессированного народа» (термин ФЗ).

Комплексный анализ самого процесса реабилитации позволяет представить его в виде ряда до конца не раскрытых направлений и выявить на сегодняшний день приоритетные. К числу последних следует отнести социокультурное, специфика которого связана с особой моделью взаимоотношений личности российского немца, сообщества российско-немецкого народа и государства РФ. В результате этих отношений должна проявиться общественная (социальная) потребность возврата к национальным традициям, с которыми, прежде всего, связаны *национальная самобытность* российских немцев, богатство их *национальной культуры*, обращение к их *духовным истокам*.

Реабилитация как проблема, стоящая перед становлением и развитием сообщества российских немцев – нации многонационального российского народа, относится к числу актуальных в плане практической реализации положений концепции государственной национальной политики.

Конкретные вопросы, связанные с *этнокультурной* и *этносоциальной* реабилитацией, были рассмотрены на прошедшем в марте 2007 г. тринадцатом заседании Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев. В итоговом документе (коммюнике), в частности, записано: «Стороны... добиваются предоставления немецкому меньшинству (в российском законодательстве определение этому понятию не дано – Э.В.) возможности для сохранения и дальнейшего развития этнической и культурной самобытности»; «принята к сведению информация о состоянии дел по разработке и принятию новой федеральной целевой программы «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008–2012 гг.» (прежняя была со статусом президентской).

В свете сказанного с целью эффективного использования средств, выделяемых из федерального и региональных бюджетов, а также германской стороной, необходимо, прежде всего, ясно представлять реальное положение дел по рассматриваемой проблеме.

Что касается нынешней ситуации, то по основным позициям она такова:

- 1) дисперсное проживание на территории Российской Федерации при большой географической разобщенности (об относительной компактности можно говорить только по Алтайскому краю – 79 000 немцев и по Омской области – 76 000);

2) проживание значительной части российских немцев в диаспоре, в условиях иноэтничного, инокультурного окружения (к примеру, в Казахстане государственный язык – казахский, относящийся к тюркской группе алтайской языковой семьи; по последним данным на территории унитарного государства Казахстан проживает самая крупная диаспора российских немцев – немногим более 200 тыс.);

3) отмеченное в 1, 2-м пунктах привело к тому, что «пассивность» российских немцев в настоящее время крайне низка, и это, в свою очередь, приводит к ситуации практического отсутствия *этнофоров* национального становления; более того, о продуцирующей национальной элите практически можно говорить в прошедшем времени;

4) отсутствие у российских немцев собственной экономической базы (потенциальные возможности 2 Национальных районов не в счёт) приводит к нехватке ресурсов как для становления этнической (и уж тем более национальной) культуры, так и для возрождения и развития этносоциума (хотя бы в местах компактного проживания);

5) непрекращающаяся эмиграция, хоть и вялотекущая, также является неблагоприятным фактором (говорить об иммиграции российских немцев из ФРГ в РФ как о серьезном демографическом факторе вряд ли оправдано).

В контексте всего сказанного необходимо отметить и такой факт: по данным переписи населения 2002 года в РФ число владеющих родным немецким языком на разных уровнях освоения составляет около 30% (это при добровольном отнесении себя к сообществу российских немцев).

Какие же решения принимались властями России для исправления такого положения дел, при котором проблема реабилитации может быть снята автоматически с повестки самим фактом отсутствия российских немцев (как объекта, так и субъекта права)?

Характерным для анализируемой ситуации был 1992 г. Указом Президента РФ «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» (№ 231 от 21 февраля 1992 г.) предусматривалось создание российской части Межправительственной Российско-Германской комиссии. Первый состав ее был сформирован Постановлением Правительства РФ «Об образовании российской части Межправительственной Российско-Германской комиссии» (№ 187 от 21 марта 1992 г.) С российской стороны в качестве полноправных членов в комиссию входили представители общественных (и не только) объединений российских немцев. Таким образом, при обсуждении вопросов реабилитационного характера получали право высказываться о этнонациональных проблемах представители немецкого народа РФ!

Помощь, направляемая целевым назначением на решение реабилитационных вопросов, переводилась Распоряжением Правительства (от 22 сентября 1993 г. № 1676-Р) в категорию гуманитарной, что было важным при таможенном прохождении грузов. Все это явилось основой для разработки и отладки механизма целевой поддержки с германской стороны!

Для того чтобы выяснить, являлись ли принимавшиеся ранее решения эффективными, обратимся к фактам. Ярким свидетельством умонастроения российских немцев в этот период являются сведения по эмиграции. Динамика этого разрушительного для этносоциума и этнокультуры немцев России процесса выявляется из анализа имеющейся у авторов информации.

Если сгруппировать эту информацию по временным периодам, то количество выезжающих распределилось таким образом (довольно грубое приближение, но в то же время ярко отражающее динамику эмиграционного процесса):

1951–1985 гг. – в среднем по 2720 человек в год;

1986–1990 гг. ≈ 62 000 человек в год;

1991–1995 гг. ≈ 195 000 человек в год.

Вывод. Начиная с 1990-х гг. этносоциум российских немцев активно распался, а этнокультура несла невос-

полнимые потери (эмигрировали, прежде всего, носители родного языка и этнокультуры).

Для понимания цели и задач реабилитации необходимо охарактеризовать состояние российских немцев в период их проживания на российской территории:

– российские немцы как этническое образование сформировались на территории России по приглашению властей и исключительно для освоения необжитых степных пространств;

– положение российских немцев зависело от правовых рамок, которые устанавливались для них правителями России, и по этой причине они всегда были крайне уязвимы, особенно во времена репрессивного внутривластного курса;

– особую роль в формировании этносоциума российских немцев и их этнокультуры играла религия. Религиозностью были буквально пронизаны и этнокультура, и «национальное» образование. На христианской этике было сформировано отношение к трудовой деятельности и её результатам. С религиозностью связана и такая особенность, как законопослушание. Восстановление системы вероисповедания российских немцев должно стать отдельной темой в силу её актуальности, профессионального рассмотрения;

– важной особенностью жизни в колониях немцев Поволжья было *общинное самоуправление*, которое в своей основе определяло правила, обусловленные «внутренней юрисдикцией». Колонисты подчинялись своим органам управления, которые, в свою очередь, были подвластны непосредственно российскому правительству.

Проведенный анализ позволяет дать политико-социологическое определение понятию «сообщество российских немцев».

Сообщество российских немцев – это структурированная совокупность людей, которая проживает дисперсно или компактно на постсоветском пространстве в условиях многонациональной и поликонфессиональной среды при внутренней объединённости устойчивой информационной и коммуникативной связью, охватывающей сферу самобытной российско-немецкой культуры; это сообщество стремится к развитию самобытного этносоциума, функционирующего через самоорганизацию и самоуправление при государственной поддержке со стороны России и Германии.

В свете сформулированного определения необходимо выявить, а было ли, по существу, целевым финансирование процесса реабилитации? В этом плане весьма интересным является постатейный анализ бюджетной росписи финансового обеспечения обозначенных реабилитацией задач. Проанализируем бюджет 2005 г. – практически завершающий год действия «Президентской программы развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 гг.». Все предусмотренные по данной программе средства проходили через Министерство экономического развития и торговли (министр Г.О. Греф) и были распределены по следующим статьям расходов:

«Прочие учреждения и мероприятия в области социальной политики»;

«Государственные капитальные вложения на безвозмездной основе».

Каким образом относились эти бюджетные траты к категории целевых в рамках названной программы, является вопросом. Даже при большом желании эти финансовые траты вряд ли можно назвать целевыми. Передача программы в Министерство регионального развития оставляет без изменения концептуальный подход к решению реабилитационных задач – он остается локально-поселенческим?! В этой связи следует обратить внимание на то, что концептуальный подход и комплексный уровень решения данных вопросов предложен еще в середине 90-х годов прошлого столетия в Программе, получившей, в свое время, признание и поддержку на форумах российских немцев, в частности, на заседании Совета немцев России как представительного органа

немцев России и на Всероссийской конференции общества немцев «Видеребургт» от 8 октября 1995 г.

Вопросы, связанные с реабилитационным направлением в деле возрождения национальной культуры российских немцев, проживающих на постсоветском пространстве и стремящихся остаться в культурно-языковой среде российских немцев, можно сгруппировать следующим образом:

- культурно-профессиональная и культурно-самодетельная работа (к этому следует отнести создание культурных ценностей как материального, так и духовного характера);
- культурно-просветительская работа;
- культурно-организационная работа, связанная с решением задач по сохранению и развитию этнокультуры, созданию правовых, экономических, организационных предпосылок, раскрывающих потенциал всех, кто тяготеет к немецкой культуре;
- культурно-издательская работа;
- общекультурная работа, предусматривающая организацию и проведение дней немецкой культуры, фестивалей, участие в проведении праздников, посвященных многонациональной культуре России.

Вполне уместно предположить, что представленное разделение вопросов в определенной мере условно, однако является удобным при разработке перечня проектов и конкретных мероприятий рассматриваемого реабилитационного направления. Основная роль при этом в местах дисперсного проживания российских немцев должна отводиться российско-немецким домам, создаваемым как государственные учреждения культуры (на сегодняшний день РНД в г. Томске стал автономным).

Российско-немецкие дома должны иметь особый статус, в рамках которого предусматривается возможность размещения на их площадях общественных объединений российских немцев, имеющих полномочия юридического лица. Более того, профиль деятельности общественных объединений должен быть связан с этнокультурой и социальной работой. Только при таком положении дел становится эффективным такой механизм функционирования Сообщества, как *самоорганизация*.

Под самоорганизацией понимаются осуществляемые (без принуждения, но с самоконтролем) процессы регулирования отношений социальной природы как внутри структурного образования (этнообъекта), так и с другими объектами внутренней и внешней среды – разной иерархии и уровня (федерального, регионального и муниципального).

Конструктивная роль самоорганизации становится особенно существенной в случае совпадения интересов функционирующих этносоциумов со стратегией развития гражданского общества России. Сказанное пишется в действующее законодательство и, вместе с тем, позволяет продвигать решение задач, связанных с принятием федерального закона по реабилитации российских немцев. При этом решается одна из первоочередных задач, стоящих перед российскими немцами, – создание на первом этапе становления культурно-социальной среды внутри сообществ. Таким образом, становится задействованной коммуникативная форма функционирования сообщества российских немцев. Вопросы, связанные с созданием автономной информационной среды для сообщества российских немцев, – тема также отдельного профессионального обсуждения.

Места сравнительно компактного проживания (Азово, Гальштатт) могут стать центрами кристаллизации этносоциального образования, так как являются местами, где действуют территориальное самоуправление с национальной спецификой. По Конституции это управление относится к местному и гарантируется ее статьями. Именно в национальных районах могут быть установлены федеральные гарантии для создания особых экономических зон, чтобы появился западный инвестор, а также расширена законодательная основа для прямого взаимодействия между орга-

нами власти двух национальных районов, расположенных в разных субъектах Российской Федерации (в Алтайском крае и в Омской области). Только при таком эволюционном развитии реабилитационного процесса можно создать стабильно функционирующие этнообъекты, связанные с жизнедеятельностью всего сообщества российских немцев.

Исходя из имеющегося опыта у одного из авторов статьи разработки программ и реабилитационного законопроекта, следует отметить, что сегодняшний этап бесконечного законодательства по проблеме российско-немецкого народа ведет к тому, что все силы разработчиков направлены на сам законодательный процесс, тем самым порождается проблема достижения реального результата – практических подвижек в деле реабилитации российских немцев.

В заключение отметим, что ФЗ являются не рекомендательными документами, а имеют строго юридическое значение и по определению являются обязательными для исполнения. Что же касается нынешнего состояния дел по проблеме реабилитации российских немцев, то, по сути, принятые ранее реабилитационные законы имеют для них, скорее, символическое значение. Вместе с тем при реализации актов о реабилитации на первый план должна выступать проблема сохранения целостности возрождаемого российско-немецкого народа. Под этим подразумевается установление внутреннего единства в самом Сообществе с одновременной его относительной обособленностью проживания в многонациональном и многоконфессиональном гражданском обществе России.

Список используемой литературы

- Труайя А. Грозные царицы. М.: Изд-во Эксмо, 2006, с. 174–175.
- Савинский С.Н. История русско-украинского баптизма. Одесса, 1995, с. 21.
- Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования.-ж.: Социологические исследования. 1996, № 12, с. 33–42.
- Вольф Э.Л., Глок Л.Э., Гуринов В.В., Цильке Р.А. Немецкие корни на русской земле. Томск. 2005.
- Вольф Э.Л., Минакова К.Ю. Немецкость и самоидентификация немцев России.-ж.: Культура (немцы Сибири). Омск. 2009, № 17, с. 100–101.
- Вольф Э.Л., Дедерер А.Ф. Роль и место общенациональных съездов советских немцев в решении проблемы реабилитации.-ж.: Культура (немцы Сибири). Омск. 2010, № 19, с. 24–27.
- Вольф Э.Л. О некоторых проблемах реабилитации российских немцев/Социологическое исследование (СоцИс). 2007, № 1, с. 128–131.
- Вольф Э.Л. О социокультурном становлении сообщества российских немцев/DAZ (Алматы) 2007, № 35, с. 8.
- Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции государственной национальной политики РФ» от 15 июня 1996 г. № 909.
- Вольф Э.Л., Маурер Я.Г. // В сб: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: Материалы парламентских слушаний 19 марта 1996 г. М.: Изд. Государственной Думы, 1996. с. 45–47.
- Бельгер Г. Российские немецкие писатели. Алматы. 1996 г.
- Становление и развитие сообщества немцев Российской Федерации: Сб. материалов: Вып. 1. (Проект федеральной комплексной программы «Становление и развитие сообщества немцев Российской Федерации»)/Отв. за вып. В.Ф. Дидендорф. М.: Издание МГСН и СНР, 1996. 154 с.
- Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О результатах Учредительного съезда немцев России от 27 февраля 1993 г.» от 6 марта 1993 г. № 4614-1.
- Купцов В. Очень важен правильный диагноз. / Парламентская газета. 24.12.2010., с. 10.

Татьяна СМОРНОВА

Доктор исторических наук, доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Заведующая научно-исследовательской лабораторией этнографии и истории немцев Сибири. Лауреат премии Немецкой национально-культурной автономии Омской области.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА НЕМЦЕВ РОССИИ

В современном российском обществе актуальными являются задачи изучения современных этнических процессов, этнокультурных потребностей и запросов, определение тенденций этнического развития и эффективности осуществляемых мер в области этнокультурной политики. В связи с этим Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев был осуществлен совместный российско-германский проект «Организация и проведение в 2009 году этносоциологических исследований немецкого населения страны и мониторинга сети этнокультурных центров (центров встреч) российских немцев». Исследования проводились в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008–2012 гг.», при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации и Международного союза немецкой культуры. Необходимость реализации этого проекта была обусловлена многими, но в основном двумя актуальными на сегодняшний день обстоятельствами: во-первых, это значительные изменения этнической общности российских немцев за последние годы и, во-вторых, назревшая потребность принятия наиболее эффективных мер по развитию этнокультурного потенциала немецкого национального меньшинства.

Изменения коснулись буквально всех сторон жизни – резко снизилась численность немцев, компактный характер расселения сменился дисперсным, произошла трансформация культуры и идентичности, возникли новые формы самоорганизации, активизировались контакты с Германией. Поэтому было необходимо провести этносоциологический опрос российских немцев, чтобы изучить их собственное мнение по поводу своего прошлого, настоящего и будущего.

В ходе опроса выполнялись следующие задачи: были определены условия формирования и характер идентичности; основные параметры этноязыковых и этнокультурных процессов; проведен анализ межнациональных отношений и миграционной ситуации; изучены запросы и потребности в сфере языка и культуры. Всего было опрошено 1500 человек во всех федеральных округах пропорционально численности проживающих в этих округах немцев. Больше всего респондентов было опрошено в Сибирском федеральном округе, поскольку здесь проживает 51,7% немецкого населения страны. Всего было заполнено в Центральном округе 80 анкет, Северо-Западном – 90, Южном – 142, Приволжском – 165, Уральском – 181,

Сибирском – 808, Дальневосточном – 34 анкеты. В опросе участвовали немцы, живущие в Москве и Московской области, в Ивановской, Тульской и Ярославской областях, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в Республике Коми, в Калининградской области и Архангельске, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях, в Республике Татарстан, в Оренбургской, Пензенской, Самарской и Саратовской областях, в Пермском крае, в Свердловской, Тюменской и Челябинской областях, Алтайском и Красноярском краях, в Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Амурской областях, в Республике Саха-Якутия. Выборка при проведении опроса была пропорциональной по полу, возрасту, сельскому и городскому населению. В опросе принимали участие только те респонденты, чья этническая идентичность была выражена четко, то есть на вопрос «К какой национальности Вы себя относите?», все 1500 человек (100%) сказали «немцы». Из них 280 человек (18,7%) уточнили, что они являются именно «российским/русским немцем» или «российской/русской немкой». Подавляющее большинство (81,3%) просто используют этнонимы «немец» и «немка». Результаты опроса следующие.

Идентичность. При проведении исследования идентичности возникает вопрос о роли в ее формировании фактора происхождения, другими словами, сколько в настоящее время людей, считающих себя немцами, имеют исключительно немецкое происхождение и сколько – смешанное. Специального статистического учета национально-смешанной брачности в нашей стране не ведется, региональные исследования, проводимые этносоциологами, свидетельствуют о том, что число смешанных браков у немцев составляет 50–70% в разных регионах. Эти данные совпадают с результатами нашего опроса, согласно которым немецкое происхождение (когда оба родителя являются немцами) имеют 50,7% респондентов (761 из 1500 участвовавших в опросе). У этих людей не существует вариантов при ответе на вопрос об этнической принадлежности. У людей смешанного происхождения такие варианты существуют. Большинство людей смешанного происхождения на вопрос «Кто Вы по национальности?» отвечают: я наполовину – русский, наполовину – немец.

В обычной жизни люди смешанного происхождения довольно редко должны стоять перед выбором той или иной этнической принадлежности. И делать выбор в пользу какой-то одной национальности совсем необяза-

тельно. Но есть обстоятельства, когда государство ставит перед таким выбором. В советское время это происходило во время получения паспорта, когда человек должен был декларировать свою идентичность (национальность), причислить себя к определенной этнической общности. Кроме того, декларировать свою этническую принадлежность необходимо при заполнении различных документов и при проведении переписи населения. То есть государство настаивает до настоящего времени на том, что люди со смешанной идентичностью все-таки должны сделать выбор в пользу какой-либо одной этнической принадлежности.

И здесь встает вопрос о мотивах такого выбора. Вот как ответили респонденты на вопрос о том, почему они считают себя немцем (немкой), если их происхождение является смешанным: 53,6% считают себя немцами, потому что имеют немецкое происхождение (один из родителей или кто-то из дедушек или бабушек были немцами), 26,9% определяющим мотивом выбора считают свою близость к немецкой культуре. Это самые популярные ответы. Остальные варианты набрали минимум голосов (язык – 3,3%, интерес к российским немцам – 1,2%, желание уехать в Германию – 1,6%, другое – 13,4%).

Большинство опрошенных респондентов находятся в смешанных браках. В однонациональных браках находятся 35% респондентов, в национально-смешанных – 65% (от всех, состоящих в браке). Основным брачным партнером являются русские, они составляют 84,5% брачных партнеров немцев в национально-смешанных браках, а 15,5% – это представители практически всех народов нашей страны. Эти данные полностью совпадают с расчетами, сделанными на основе данных местных архивов ЗАГСов, согласно которым доля национально-смешанных браков в целом составляет 68%, в городах – 90%.

Респондентам, имеющим детей, задавался вопрос об их национальной принадлежности. Детей имеют чуть больше двух третей опрошенных (1058 чел.), причем те, у кого дети еще маленькие, часто затруднялись ответить на этот вопрос. Особенно это относится к тем респондентам, которые считают, что национальность ребенка должна определяться им самим, когда он вырастет. У половины респондентов, имеющих детей, они определяются, как русские (51,5%), 31,9% определяют национальность своих детей как «немцы» (здесь учитывались все – и состоящие в национально-смешанных браках, и в однонациональных), 1,9% указали другую национальность (украинцы и др.). Почти 8% не смогли выбрать между русскими и немцами и сказали, что их дети являются и теми, и другими, либо поделили детей символически пополам – половина русские (например, если мать русская, то и дочка русские, если отец – то сыновья), половина детей – немцы. Все это свидетельствует о подвижном, мобильном характере этнической идентичности, о значительном ситуативном воздействии на идентичность.

Блок вопросов, посвященных этнической идентичности, был нацелен на выяснение преимущественных типов идентичности, этническим символам и ориентирам, представлениям российских немцев о своем народе, знанию его истории, мнениям о прошлом, настоящем и будущем своего народа.

Насколько важна национальная принадлежность для немцев? При оценке степени важности национальной принадлежности по 10-балльной шкале, наиболее частым ответом был «10 баллов» – так ответили 36,3% респондентов. Индифферентный, неярко выраженный тип идентичности (5 баллов и ниже) характерен для четверти опрошенных (25,5%). Средняя оценка степени выраженности этнической идентичности – 7,5 балла.

При характеристике типов идентичности довольно важным представляется самоназвание народа (эндоэтно-

ним), особенно это относится к народам, проживающим вне страны своего происхождения и имеющим двойное название. В переписи населения указывается единое наименование народа «немцы», в обычной речи тоже чаще всего говорится просто «немцы», но при необходимости уточнения на вопрос «Какие немцы?», ответы распределились следующим образом: российские немцы – 50,1%, русские немцы – 18,2%, немцы России – 16,2%. Остальные варианты были весьма малочисленны, за исключением группы «поволжские» немцы (11%).

С целью выяснения соотношения таких видов национальной идентичности, как идентичность гражданская и идентичность этническая, респондентам предлагалось отдать какому-либо из этих видов предпочтение. Российские немцы, в первую очередь, россияне, а уж затем – немцы – так сказали 48,5% респондентов. В первую очередь немцы, а уж затем – россияне – так думают 39,3%. Затруднились ответить – 12,2% опрошенных.

При проведении этносоциологического опроса выявлялись представления немцев об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках. Представляется очень важным понимание того, что объединяет российских немцев в единую этническую общность и что, по их мнению, отличает от других народов. Наиболее значимыми для немцев признаками оказались историческая судьба (70,3% респондентов сказали, что главным объединяющим признаком является именно общая история) и общая культура (55%). На третьем по значимости месте находится немецкий язык (45,6%).

Объективно история, в основном политическая история, отношение государства к различным по происхождению, социальной структуре, культурным особенностям группам, политика протекционизма, затем – репрессий, а в последние десятилетия – миграционная политика, являлись важнейшим объединяющим фактором. В условиях распространения массовой культуры и когда более половины российских немцев признают родным не немецкий язык, а русский, эти признаки этничности (национальности) уже приобрели символическое значение. Это подтверждается тем, что при глубинных интервью большинство респондентов затруднились с характеристикой немецкой культуры, не могли назвать ее основные элементы, а по поводу немецкого языка не было общего мнения, что считать родным языком российских немцев – диалекты или литературный немецкий язык. Скорее, немецкая культура и немецкий язык являются символами, реальное наполнение этих символических характеристик может быть очень разным у разных людей.

Религия, психология, место проживания для респондентов имеют второстепенное значение (17–18%). Достаточно большое количество людей сказали, что главное, что их объединяет – это общественные организации российских немцев (МСНК, ФНКА, ЦНК и т.д.) – 15%. Но в целом при опросе складывалось впечатление, что респондентам легче ответить на вопрос об этнодифференцирующих признаках, то есть определить, что отличает их от людей других национальностей, чем найти признаки собственной общности.

Неоднозначными были ответы на вопрос о том, являются ли немцы, живущие в России, самостоятельным народом или нет. Единого мнения не существует, чуть больше респондентов (41,2%) считает, что «нет», что российские немцы являются частью немецкого народа вообще, диаспорой, что связи с Германией сейчас очень прочные и что много общего у немцев России и Германии. 38,3% опрошенных считает, что немцы в России – это самостоятельный народ. Во многом это мнение основано на том суждении, что немцы переселялись в Россию в то время, когда и единого Германского государства не существовало, что сложились немцы как

народ уже в России, что существуют очень большие различия между немцами Германии и России. Немаловажное значение для ответивших утвердительно имеет факт существования Республики Немцев Поволжья, которую, по их мнению, они могут опять получить, только если будут считаться самостоятельным народом (а значит, равным другим народам России, имеющим свою государственность). Очень большое количество респондентов, затруднившихся с ответом (20,5%), как и примерно равное количество противоположных ответов требуют дальнейшей проработки этой проблемы.

Основной средой актуализации идентичности является семья. Это отметили 53% респондентов при ответе на вопрос о том, в каких ситуациях они ощущают себя немцами в наибольшей степени. На втором месте после семьи стоят Центры немецкой культуры – так ответили 30% респондентов. Действительно, в условиях дисперсного проживания, в иноэтничном окружении, в русскоязычной среде Центр немецкой культуры часто является единственным местом, где можно почувствовать свою принадлежность к немецкому народу. Особенно это относится к городской среде. 18,5% ощущают себя немцами при поездках в Германию и 15% – при общении с друзьями (среди которых есть немцы, и, соответственно, общие «немецкие» темы).

Ответы на следующий вопрос имеют, на наш взгляд, большое практическое значение. Речь идет о возрасте, в котором происходит актуализация этнической идентичности. Так вот, на вопрос о том, в каком возрасте произошло осознание своей принадлежности к российским немцам, 43% респондентов сказали, что в очень раннем возрасте, до 7 лет, еще у 18% это произошло в возрасте от 8 до 13 лет, и у такого же количества – от 14 до 21 года. Это значительное превышение ответов об осознании себя немцами в юности и детстве, особенно в раннем детстве, подтверждает выводы психологов о ранней этнической социализации. На наш взгляд, ответы на последние два вопроса свидетельствуют о том, что роль семьи остается по-прежнему ведущей в формировании этнической идентичности.

Это подтверждают и ответы на вопрос «На какие сферы жизни влияет ваша национальная принадлежность?»; больше всего респондентов ответили, что это семейная сфера (36%). Меньше всего национальность влияет на политическую сферу. В то же время четверть респондентов (25%) ответили, что национальная принадлежность вообще никаким образом на их жизнь влияния не оказывает. Но в таком случае получается, что на жизнь 75% национальность влияет, при анализе этих сфер, оказывается, что это в основном сфера (в дополнение к семейной сфере) культуры (35,6%) и религии (15,9%).

Одним из главных факторов формирования и развития идентичности является статус этнической общности. Для выяснения статуса, вернее, ощущения этого статуса, мы задавали вопрос о том, как люди воспринимают свою принадлежность к немецкому национальному меньшинству. У большинства опрошенных (53,5%) принадлежность к немецкому народу вызывает чувство гордости. Негативные самооценки значительно уступают, но все же присутствуют. Так, ощущение неуверенности национальной принадлежность вызывает у 3,8% респондентов, а чувство обиды – у 5,9%. У значительной части опрошенных (31,1%) их национальность не вызывает никаких особенных чувств.

Эти данные свидетельствуют о формировании нормальной, позитивной этнической идентичности у российских немцев. Утверждать, что ощущения ущемленного статуса у немцев не было раньше совсем, было бы неверным. Государственная пропаганда и формирование образа врага в лице немцев сделали свое дело. Но в настоящее

время можно говорить о том, что те проблемы, которые были связаны с представлениями о немцах, как о врагах, ушли в прошлое.

На вопрос «Испытывали ли Вы когда-нибудь недоброжелательное отношение к себе из-за своей национальности?» более половины респондентов (53%) ответили, что нет, никогда не испытывали; 32,3% сказали, что испытывали, но редко, а 14,7% респондентов сказали, что недоброжелательное отношение проявлялось по отношению к ним часто. Подавляющее большинство из тех, кто испытывал недоброжелательное отношение, сказали, что это было в детстве. Самый частый ответ: «В школе называли фашистами». Также назывались факты ксенофобии в бытовом общении. О том, что они испытывали недоброжелательное отношение на работе, сказали 33 человека, в вузе – 20, при взаимодействии с госорганами – 9 человек. Это очень небольшая цифра для полутысяч опрошенных. Вообще, очень многие говорили, что это было, но было в прошлом.

Немцы (особенно старшее и среднее поколение) считают самой большой несправедливостью тот факт, что им не позволили сражаться на фронте, как всем, и посчитали предателями. Демобилизация с фронта и депортация послужили причиной последующего негативного отношения к немцам со стороны окружающего населения, так считают опрошенные. Показательным является еще один момент. Когда мы спрашивали немцев о том, существовали ли факты дискриминации по отношению к другим народам, то наличие таких фактов признавали немногие. Некоторые называли в основном дискриминацию евреев и депортацию чеченцев и калмыков. Остальные ничего не могли сказать по поводу дискриминации других народов, а некоторые вообще категорично заявляли, что дискриминации в Советском Союзе подвергались только немцы.

Как бы то ни было в прошлом, но в настоящее время подавляющее большинство немцев не испытывают никакого дискомфорта по поводу собственной этнической принадлежности. Таким образом, мы получили еще одно подтверждение повышения статуса этнической общности, а, следовательно, и связанного с этим роста этнического самосознания.

Этническая идентичность, находясь под воздействием многих факторов, сама оказывает влияние характер этнических процессов, и, в частности, на межэтнические отношения. В ходе опросов изучались установки на взаимодействие (положительное или отрицательное) в разных сферах общения, мы спрашивали респондентов, как складываются их отношения с людьми других национальностей. Например, задавался вопрос о том, каково отношение к межнациональным бракам. Подавляющее большинство опрошенных (77,4%) считают, что национальность при вступлении в брак не имеет значения, затруднились ответить 6,9% и 15,7% респондентов считают, что правильнее вступать в брак с людьми своей национальности. И в целом при оценке межнациональных отношений (и установок на межэтническое общение) значительно преобладают положительные ответы. На вопрос «Как Вы оцениваете отношения между представителями Вашей и других национальностей?» 79% респондентов оценили их положительно, 20% – как нейтральные и лишь 1% – как враждебные.

Следует сказать, что на формирование установок на межэтническое общение оказывают влияние многие факторы. Это и воспитание в семье, и образование, и социальная и этническая среда, и этническая политика государства, и микросреда в коллективе, и какие-то конкретные события в жизни людей. Но в целом для настоящего времени характерны нормальные, положительные оценки взаимоотношений немцев с другими народами нашей страны, и позитив-

ные тенденции в формировании и развитии этнического самосознания.

Язык. Из большого числа сфер проявления функций языка при проведении опроса мы выделили осознание немецкого языка в качестве родного, школьное обучение, издательскую продукцию и межличностное общение, так как именно они оказывают решающее влияние на развитие этнических процессов. По данным Всесоюзных переписей населения, немецкий язык считали родным для себя в 1959 г. 75,0% немцев СССР, в 1970 г. – 66,8%, в 1979 г. – 57,0%, в 1989 г. – 48,8%, т.е. за 30 лет произошло снижение доли считающих родным языком немецкий на 26,2%. Эти данные свидетельствуют о быстрой утрате немецким языком своих позиций. По данным нашего опроса, немецкий язык признали родным 30,6%, русский – 60%, оба языка (и русский, и немецкий) – 9,1%, другие языки – 0,3%.

Для немцев характерна высокая степень владения русским языком: по данным переписи населения 2002 г. владеют русским языком 99,8% немцев. Согласно данным нашего опроса, только 4 человека из 1500 опрошенных не владеют русским языком, 7 человек плохо понимают и говорят по-русски, 16 человек испытывают определенные трудности при разговоре на русском языке. Все остальные опрошенные владеют русским языком свободно. Но насколько хорошо немцы владеют своим национальным языком? Результаты опроса следующие: свободно владеют немецким языком – 30%; хорошо понимают, но плохо говорят – 32%; плохо понимают и плохо говорят – 18%; плохо понимают и не могут объясниться – 9%; не владеют совсем – 8%; не могут ответить на вопрос – 3%.

Низкая степень владения национальным языком вполне объяснима, если учитывать условия, в которых развивался немецкий язык в России: первоначальное существование в форме разнообразных диалектов и слабое распространение немецкого литературного (стандартного) языка; прекращение вне пределов республики школьного преподавания на немецком языке в 1938 г.; ликвидация АССР Немцев Поволжья и соответствующих структур преподавания и издания книг на немецком языке; признание немецкого языка в СССР только в качестве иностранного; последующая языковая ассимиляция.

Следует отметить следующие тенденции в области языковой компетенции: с одной стороны, растет доля немцев, не владеющих немецким языком совсем; но с другой стороны, увеличивается доля тех, кто владеет языком свободно. Эта тенденция, безусловно, связана с развитием в 1990–2000 гг. преподавания немецкого языка через различные формы (школы, языковые курсы). Важно также то, что языковая компетентность выше у представителей молодого поколения по сравнению со средним. Самую слабую степень владения немецким языком демонстрируют люди среднего поколения. Если у лиц старшего поколения достаточную языковую компетентность мы можем объяснить сохранением языка в их семьях, то у молодежи эта компетентность формируется в основном посредством образования.

Весьма значимой при характеристике этноязыковых процессов является сфера применения немецкого языка, ответ на вопрос о том, где и когда немцы говорят по-немецки. Если исключить употребление немецкого языка во время поездок в Германию (там вынуждены говорить по-немецки почти все), то чаще всего немецкий язык используется в Центрах немецкой культуры – так ответили 39,2% респондентов. Из других сфер общения немецкий язык почти исчезает: по-немецки с родителями говорят 17,6% респондентов, с супругами – 7,3%, с детьми – 4,7%. Еще реже немецкий язык употребляется в общении с друзьями (3,1%) и на работе (1,7%).

Следует подчеркнуть, что все без исключения сферы общения стали двуязычными, владеющие немецким языком

редко практикуют употребление только немецкого (или исключительно русского языка). Чаще всего респонденты отвечали: «Говорим и по-немецки, и по-русски», а выбор языка зависел от конкретной ситуации. Так, и по-русски, и по-немецки (без какого-либо предпочтения, в зависимости от ситуации) говорят с родителями 20,8% респондентов, с супругами – 14,7%, с детьми – 19,3%, на работе – 9,7%, с друзьями и соседями – 17,6%, в Центре немецкой культуры – 32%. Двуязычие всех сфер общения связано не только с ассимиляционными процессами – в этом случае зависимость прямая, но и с тем, что устаревшие диалектные формы, которые в основном употребляются немцами в обычной речи, не отвечают потребностям времени, например, в производственной сфере общения.

Исторические условия развития немецкого языка в России привели к тому, что позиции литературного немецкого языка хотя и укрепились значительно в последние годы, но пока они не являются однозначно преобладающими. Так, при ответе на вопрос, в какой форме, диалектной или литературной, владеющие немецким языком его знают, 43,6% сказали, что в форме литературного языка, 37,3% – в форме диалекта и 19,1% респондентов сказали, что владеют и диалектом, и литературным языком.

Чуть более половины респондентов (54,3%) знают язык с детства, на немецком говорили в их семьях (именно здесь – преимущественно на диалектах), остальные уже изучали немецкий язык в школе (в основном как иностранный) – 60,7%, в вузе (22,5%), на языковых курсах (16,9%), в национально-культурном центре (11,5%). Некоторые изучали язык самостоятельно, но, в принципе, очевидна роль образовательных структур в формировании языковой компетенции российских немцев. Школа и высшие учебные заведения – это те структуры, которые в наибольшей степени способствуют сохранению немецкого языка.

Частота употребления немецкого языка зависит от самой возможности этого употребления. Эта возможность выше в местах компактного проживания немцев, в сельской местности, в тех семьях, где сохраняется язык, в тех районах, где развита сеть национально-культурных центров, и эти центры активно функционируют и т.д. В целом, частота употребления немецкого языка следующая: каждый день используют в общении немецкий язык 21,3% респондентов, несколько раз в неделю – 26,5%, несколько раз в месяц – 16,7%, несколько раз в год – 18,3%. Совсем никогда не используют немецкий язык 17,2% респондентов. Читают литературу и периодические издания на русском языке практически все респонденты, а на немецком языке газеты и журналы читают 28,3% опрошенных, учебную и научную литературу – 22,5%, художественную литературу – 15,3%. При ответе на вопрос «Как Вы считаете, нужно ли детям российских немцев преподавать в школе немецкий язык?» утвердительно ответили 92,6%, затруднились ответить – 6,7%, отрицательно ответили лишь 0,7% респондентов. Таким образом, подавляющее большинство немцев считает, что в школах необходимо преподавать немецкий язык, причем наблюдается тенденция к росту осознания этой необходимости.

Ответившим утвердительно на этот вопрос предлагалось указать наиболее предпочтительную форму преподавания немецкого языка. Две наибольших и примерно равных группы респондентов считают, что преподавать немецкий язык нужно в качестве родного с первого класса и до окончания школы (37,6%) или что необходимо создавать классы с углубленным изучением немецкого языка (33%). Что нужно преподавать немецкий язык в качестве иностранного языка в обычном формате – считают 13,6% респондентов, что нужно создавать факультативы для желающих – 14,8%. На другие формы указал 1% респондентов. Таким образом, подавляющее большинство высказывается за расширение преподавания немецкого языка по

сравнению с существующей ситуацией. В условиях, когда место первого иностранного языка в преподавании прочно занял английский язык, ситуацию с преподаванием немецкого можно охарактеризовать как очень сложную. Явными являются негативные тенденции к сокращению преподавания немецкого языка.

Таким образом, необходимо констатировать, что дискриминационная политика по отношению к немецкому языку на протяжении всего XX века привела к значительной языковой ассимиляции. После значительного, но кратковременного успеха в деле развития преподавания немецкого языка в России в 1990-х гг., в настоящее время начинают преобладать негативные тенденции, что свидетельствует о необходимости принятия срочных мер по укреплению позиций немецкого языка и развития его преподавания.

История и культура. Для наиболее полного удовлетворения запросов немецкого меньшинства необходима планомерная работа по сохранению этнической культуры, по распространению знаний по истории немцев в России. Выяснению реальной ситуации в этой сфере был посвящен блок вопросов по истории и культуре. Один из вопросов звучал следующим образом: «Знаете ли Вы историю российских немцев?». Наибольшее количество полученных ответов – это «кое-что знаю» (45,1%). Как «хорошее» знание истории российских немцев оценили 25,7% респондентов, «очень хорошее» – 8,3%. Пятая часть опрошенных знает историю своего народа плохо (13,6%) или не знает ее совсем (7,3%).

Можно сказать, что реальная ситуация не соответствует потребностям немецкого населения, поскольку на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети изучали историю российских немцев?» утвердительно ответили 87,2% опрошенных, затруднились ответить 11,6% и лишь 1,2% ответили «нет». У многих людей стремление к изучению истории своего народа тесно связано с интересом к истории своей семьи. Так, на вопрос «Проявляете ли Вы интерес к истории своей семьи?», утвердительно ответили 76,9% респондентов, «не особенно» – 17,3% и отрицательно – 5,8%. Многие в ходе опроса говорили о том, что не хватает книг по истории российских немцев, написанных в доступной, популярной форме, рассчитанных на разные возрастные группы, по истории немцев разных регионов России. Очень большой интерес вызывают публикации биографического характера, рассказы об известных немцах, которые внесли значительный вклад в историю российского государства. Существует огромная потребность в генеалогических исследованиях, многие высказывали пожелания о создании базы данных по фамилиям, по созданию генеалогических схем. Интерес к истории собственной семьи вполне объясним, если учесть тот факт, что в ходе многочисленных миграций, депортации, эмиграции в другие страны как в прошлом, так и в настоящее время, многие потеряли своих родственников, связи были разорваны и большинство немцев стремится к их восстановлению, к налаживанию контактов с родными.

О том, что депортация до настоящего времени является ключевым моментом в истории российских немцев, свидетельствуют ответы на вопрос о наиболее важных датах. По мнению респондентов, депортация является наиболее важным моментом в истории (67,3%). На втором месте по значимости – Манифест Екатерины II о приглашении немцев в Россию (25,8%). Среди других важнейших дат назывались организация АССР НП, указы о частичной реабилитации 1955–1972 гг., движение за восстановление республики 1988–1992 гг. Таким образом, в коллективной памяти российских немцев преобладают даты, связанные с трагическими, драматическими событиями. На наш взгляд, для формирования позитивной идентичности необходимо распространение информации не только о трагедии

немецкого народа, но и о вкладе немцев в отечественную историю и культуру, о выдающихся достижениях в области экономики, культуры, науки, об успешном преодолении негативных последствий правовой и политической дискриминации. Преодоление образа «народа-жертвы» будет способствовать развитию нормальных, гармоничных отношений с другими народами.

Пока же тема депортации и ликвидации Республики занимает центральное место в историческом дискурсе. На вопрос «Знаете ли Вы, что с 1918 по 1941 год существовала Немецкая автономия на Волге?» утвердительно ответили 86,3% респондентов. Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к идее восстановления Республики Немцев Поволжья?» распределились следующим образом: положительно – 63,7%, безразлично – 27,3%, отрицательно – 9,0%. В то же время в случае восстановления Республики большинство не стало бы туда переезжать. Твердо «нет» сказали 40,1% респондентов. Сказали, что не уверены, сомневаются, что все будет зависеть от обстоятельств, от условий, которые будут там созданы для немцев – почти столько же (38,2%). И 21,7% респондентов заявили, что переехали бы в Республику в случае ее восстановления. Очевидное несоответствие между существующим желанием того, чтобы Республика была восстановлена и нежеланием большинства людей переезжать туда в случае ее организации, объясняется в основном стремлением к восстановлению исторической справедливости, полной реабилитации немецкого народа, отсутствием ясных перспектив национально-культурного развития там, где немцы живут сейчас, и надеждой на то, что такие перспективы будут созданы в рамках национально-территориальной автономии. Во многом это мнение связано с мифологизацией истории АССР НП и идеализацией прошлого, что в целом характерно для психологии этнического самосознания.

Несколько вопросов было посвящено реальному функционированию национальной культуры. Это вопросы о национальных праздниках, национальной кухне и религиозной жизни. Так, на вопрос о том, какие национальные праздники респонденты знают и отмечают, 76% назвали Рождество, 67,4% – Пасху. Блюда национальной кухни готовят 77% респондентов. Эти данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне бытования элементов национальной культуры в российско-немецкой среде.

На вопрос о вероисповедании ответы распределились следующим образом: лютеране – 32,5%, католики – 12,4%, баптисты – 2,2%, меннониты – 0,9%. Неверующими, не определившимися и относящимися к другим конфессиям назвали себя 22,7%. Отметим, что второй по численности конфессиональной группой среди опрошенных являются православные – 29,3%. Несомненно, это является результатом дисперсного проживания немцев, особенно в европейской части России, в городской среде.

В целом, ситуацию в развитии этнокультурных процессов следует признать хотя и не столь катастрофической, как в ситуации с языком, но весьма далекой от идеала. Для того чтобы этническая культура развивалась поступательно, необходима непрерывная работа по ее сохранению. В настоящее время представляется, что наиболее оптимальным вариантом развития является модернизация культуры российских немцев за счет культурного обмена с Германией при сохранении важнейших элементов и символов этнической культуры немцев России.

Миграционная ситуация. Эмиграция является одним из решающих факторов этнического развития российских немцев. Стремительный рост числа эмигрантов, достигнув своего пика к середине 1990-х гг., постепенно снизился и стабилизировался, но выезд немцев продолжается до настоящего времени. По данным опроса, большая часть респондентов относятся к выезду немцев в Германию ней-

трально (46,9%) или положительно (42,5%). Отрицательно относятся к эмиграции 10,6% респондентов. Большинство опрошенных считает, что люди могут жить там, где они хотят и имеют возможность, что они имеют право выбора – эмигрировать или нет, что это личное дело каждого человека.

Число немцев, желающих выехать на постоянное место жительства в Германию, хотя и значительно снизилось, по-прежнему велико. По данным опроса, хотят выехать в Германию 18,7% опрошенных, не исключают такую возможность 26,1%. Не хотят менять место жительства – 44,2%, затруднились ответить – 11%. Следует отметить следующие тенденции. Во-первых, миграционные настроения более выражены у молодых людей. Это можно объяснить как проблемами социально-экономического характера (обучение, трудоустройство, отсутствие социальных гарантий), так и более высокой мобильностью молодежи в целом. Во-вторых, по сравнению с предшествующими региональными опросами, проведенными в середине 1990-х и начале 2000-х гг., доля тех, кто не хочет эмигрировать, меняется незначительно, но значительно выросла доля тех, кто сомневается, не может пока принять решение, затрудняется дать ответ.

Ответы респондентов на вопрос о том, какие причины служат основным мотивом эмиграции, распределились следующим образом: экономические причины, низкий уровень жизни – 24%. Столько же респондентов (24,1%) могут эмигрировать ради будущего детей. На отсутствие стабильности в России как основную причину эмиграции указали 22,7% опрошенных. На отсутствие жилья указали 5,2% респондентов, на невозможность найти работу – 3,9%. Таким образом, социально-экономические причины эмиграции лидируют, на них указали в общей сложности 80% респондентов. Следует оговориться, что опрос проводился в условиях глобального экономического кризиса, который не мог не сказаться на миграционных настроениях респондентов. Поэтому доля экономических причин эмиграции резко возросла по сравнению с результатами тех опросов, которые проводились ранее, в условиях стабильного развития российской экономики.

В связи с тем, что подавляющее большинство немцев имеет родственников, в том числе близких родственников, в Германии, на втором месте среди причин эмиграции стоит воссоединение семей – 20%. Хотят продолжить образование за границей 12,8%. Почти 10% опрошенных сказали, что причиной эмиграции может стать тот факт, что в России нет условий для сохранения национальной культуры. В целом, процент думающих так людей может быть намного выше, просто для них экономические причины являются более важными, чем сохранение немецкой культуры. Другие причины (медицина, климат, желание посмотреть мир и т.д.) указали 4,7% респондентов, ответивших на вопрос о причинах эмиграции.

Большое количество не определившихся по вопросу эмигрировать им или нет, связано не только с конкретной ситуацией кризиса, но и с тем, что выехать в настоящее время в Германию стало значительно сложнее, чем раньше. На вопрос о том, существуют ли в настоящее время препятствия со стороны Германии для эмиграции, половина опрошенных сказали, что такие препятствия есть (24,2% назвали эти препятствия значительными и 23,9% сказали, что они незначительные, но есть). Еще 34,7% респондентов затруднились ответить, и только 17,2% сказали, что препятствий со стороны Германии нет. В то же время на то, что такие препятствия существуют со стороны России, указали всего 6,4% опрошенных. Как мы видим, ситуация по сравнению с недавним прошлым изменилась на противоположную. Если до конца 1980-х гг. выехать в Германию было практически невозможно из-за препятствий со стороны Советского государства, то за последние 20 лет эми-

грация приняла такие масштабы, что уже Германия была вынуждена вводить ограничения на въезд. Многие российские немцы воспринимают эту ситуацию как несправедливую, проявление дискриминации и настаивают на своем праве выезда в Германию.

Вопросы об эмиграции при проведении опроса практически всегда вызывали бурную дискуссию. Многие говорили, что никуда бы не поехали, но нужно в целом улучшить условия жизни в России, а конкретно – поднять зарплату, возможность приобрести жилье, содействовать развитию фермерства, совершенствовать местное самоуправление и т.д. Многие респонденты подчеркивали, что главной политической ошибкой был отказ от воссоздания Республики Немцев Поволжья, который лишил российских немцев веры в будущее и стимулировал миграционные настроения.

Наверное, нет ни одного российского немца, который в последние годы не задавался бы вопросом, эмигрировать или нет. Большинство отдает себе отчет в том, что Германия – страна хотя и с высоким жизненным уровнем, но проблемы там есть, просто это другие проблемы, это другая, для многих – чужая страна. Чтобы выяснить психологический настрой респондентов, их представления о своих корнях, о чувстве связи и общности с Россией, мы задавали вопрос «Что Вы считаете своей Родиной?» и получили следующие ответы: Россию – 73%, свой город или свое село – 19%, Германию – 4%, другое (обычно личные или символические варианты ответов) – 4%. Таким образом, подавляющее большинство респондентов, вне зависимости от того, планируют они выехать в Германию или нет, считают своей родиной Россию.

При социологических опросах российских немцев вопросы о причинах эмиграции задаются всегда, учитывая остроту этой проблемы. При проведении нашего опроса мы спрашивали и тех, кто не желает эмигрировать, несмотря ни на что, почему они хотят остаться в России. Варианты ответов были получены следующие: здесь моя семья – 24,3%, я здесь родился, здесь Родина – 20,5%, мне и тут хорошо – 14,9%. По различным причинам личного характера (высокий социальный статус, интересная работа, нежелание быть в Германии людьми «второго сорта», нежелание близких родственников уезжать, уже туда уезжал и вернулся, был в Германии в гостях – не понравилось и почему, собственно, я должен туда хотеть и т.д.) не хотят уезжать 31,5%. Сказали, что основной причиной является отсутствие знания немецкого языка 5,2% респондентов, что не смогут интегрироваться в Германии – 3,6%.

В настоящее время наблюдается тенденция роста числа реэмигрантов. Назвать реэмиграцию значительным явлением, пожалуй, нельзя, но, тем не менее, как уже отмечалось выше, если в 1997 г. доля прибывших из Германии в Россию составила 4,9% от выехавших, то в 2008 г. – уже 63,8%. Причины возвращения у всех, конечно, разные. Главными являются проблемы адаптации, разочарование, обманутые надежды, ностальгия. Несмотря на то, что интеграция в целом проходит успешно, проблем у мигрантов в Германии достаточно. Поэтому многие респонденты указывали на явно недостаточные меры по реализации Закона о поддержке соотечественников за рубежом и Программы содействия их возвращению, поскольку и для самой России весьма болезненной является потеря в результате немецкой эмиграции такого количества трудоспособных граждан, обладающих значительным демографическим, экономическим и культурным потенциалом.

Общественные организации и оценка эффективности мер по развитию этнокультурного потенциала. В последние годы на развитие этнической общности российских немцев большое влияние оказывают процессы самоорганизации. Для немцев характерна высокая степень самоорганизации.

Общественные организации российских немцев созданы во всех субъектах Российской Федерации и представлены различными формами. Среди них – Центры немецкой культуры (Центры встреч), национально-культурные автономии, отделения общества «Возрождение», молодежные объединения, Российско-немецкие дома, различные фонды и общества.

В связи с необходимостью оценить роль этих организаций в жизни российских немцев, ряд вопросов был посвящен именно их деятельности. По результатам опроса, в той или иной степени (от руководства организацией до простого участия в каких-либо мероприятиях) в общественных организациях участвуют 42,5% респондентов.

На вопрос «Что привлекло Вас в эти организации?» подавляющее большинство респондентов сказали, что это стремление участвовать в общественной жизни российских немцев (52,2%). Среди наиболее значимых причин также назывались общение и возможность познакомиться с новыми людьми (51,6%, можно было выбрать несколько вариантов ответов), возможность выучить немецкий язык (34%), возможность взаимодействия и обмена с Германией (23,3%).

На вопрос «Кого из лидеров федеральных организаций российских немцев Вы знаете?» больше всех респондентов назвали Г.Г. Мартенса (45,2%). Наивысший балл – 4,4 из 5 возможных баллов – при оценке респондентами деятельности лидеров общественных организаций также получил Г.Г. Мартенс. Деятельность других лидеров общественных организаций была оценена следующим образом (в порядке убывания): О. Штралер – 4,02 балла, А. Гриненвальд – 3,96, Г. Вормсбехер – 3,54, В. Баумгертнер – 3,45, И. Келлер – 3,3 балла.

Далее респондентам предлагалось оценить деятельность самих общественных организаций, оценка проводилась по 10-балльной шкале. Наивысшую оценку получила деятельность МСНК (7,07 балла). Второе место занимают местные центры немецкой культуры (7,05 балла). Следует отметить, что местные центры получили наибольшее количество оценок в 10 баллов, их, как правило, давали люди, которые активно участвуют в работе Центров, но средний балл у них оказался все же несколько ниже, чем у МСНК. Немецкое молодежное объединение получило оценку 6,98 балла. Самая низкая оценка была дана деятельности ФНКА – 5,55 балла. ФНКА также получила больше всего минимальных оценок в 1 балл.

Лидерство в оценках МСНК несомненно. Однако часть респондентов вообще ничего не знают о деятельности общественных организаций, что свидетельствует о необходимости большей информированности российских немцев об организациях, которые представляют их интересы. Например, на вопрос «Знакома ли Вам Московская немецкая газета/ Moskauer Deutsche Zeitung?» половина респондентов (54,4%) сказали, что нет, неизвестна.

Как уже говорилось выше, в общественных организациях в какой-то степени участвуют около 40% опрошенных. При составлении анкеты мы отдавали себе отчет, что можно вносить вклад в развитие культуры и без непосредственного участия в каких-либо организациях. Поэтому респондентам был задан вопрос «Как Вы оцениваете собственный вклад в развитие национальной культуры и немецкого языка?». Большинство (42,1%) сказали, что ничего для этого не делают, еще 37,1% сказали, что иногда принимают какое-то участие, например, ходят на мероприятия или занимаются на курсах. Активно участвуют в работе 16,3% респондентов, что в принципе нужно признать хорошим результатом для нашего общества. Для нашего общества вообще характерна проблема соотношения того, что граждане могут сделать сами и что, по их мнению, должно делать государство.

Поэтому особое внимание при проведении опроса уделялось проблеме эффективности тех мер, которые

предпринимают государственные структуры России и Германии по оказанию помощи российским немцам в этнокультурном развитии. Респондентам задавался вопрос «Как Вы оцениваете деятельность властей в удовлетворении национально-культурных запросов немецкого населения?». Предлагалось оценить деятельность государственных структур как местного, так и федерального уровня. Подавляющее большинство респондентов затруднилось ответить на этот вопрос (34,3% по поводу местных властей, 40% – по поводу федеральной власти). Как недостаточную оценили эту деятельность 31,1% и 28,6% соответственно. Что деятельность плохая, власти бездействуют – так сказали 19,3% и 18,2% респондентов. Высоко оценили деятельность властей и сказали, что они выполняют все обязательства только 2% респондентов по отношению к местным властям и 1,7% – по отношению к власти федеральной.

Дальнейшие вопросы предполагали конкретизацию проблемы и выяснение отношения респондентов к существующим государственным программам. Респондентам задавался вопрос «Знаете ли Вы о Федеральной целевой программе помощи российским немцам по сохранению их культуры?». Положительно, да, знаю – так ответили 57%, нет, ничего не знаю – так ответили 43%. Соотношение логичное, если учесть, что помощь в основном осуществляется через различные общественные организации, в которых участвуют чуть более 40% немцев, соответственно о программе знают они и еще некоторое количество людей. Те российские немцы, которые не охвачены никакими структурами, практически ничего и не знают о ФЦП. Тот факт, что о Программе не слышали 43% тех, на кого она, собственно, и направлена, свидетельствует о недостаточном информационном сопровождении данной Программы. В то же время большинство (61%) высказались за необходимость ее продления. Но и в этом случае мы видим большое количество неопределенных мнений (35%). Отрицательно ответили 2%.

Информация о помощи Германии российским немцам распространена лучше, но и в этом случае ситуация довольно тревожная. На вопрос «Знаете ли Вы о том, что Германия осуществляет специальные программы помощи российским немцам с целью сохранения их культуры?» сказали, что знают 67% и что не знают – 33%. И в этом случае большинство считает, что эту поддержку нужно оказывать в дальнейшем – 77%. Затруднились с ответом 19% и 4% ответили отрицательно. В ответах о помощи Германии неопределенных ответов меньше уже потому, что люди лучше информированы об этих программах, чем о ФЦП. И у большей части из них складывается определенное суждение, положительное или отрицательное.

Тех респондентов, которые знают о Программах помощи российским немцам, мы просили дать оценку их эффективности по 10-балльной шкале. Больше всего людей оценили эффективность Федеральной целевой программы на 5 баллов. Оценки ниже 5 баллов поставили 41,3% респондентов, выше 5 баллов – 37,7%. При этом наивысшую оценку в 10 баллов поставили 8,1% респондентов, а низшую, в 1 балл, – 14,5. Следует отметить большую полярированность мнений по этому вопросу, но есть и твердо зафиксированный средний результат в оценках. Средний результат – 5,01.

Оценка эффективности помощи Германии несколько отличается в положительную сторону. Наибольшее количество респондентов также оценило эффективность средней оценкой 5 баллов, но в ответах о помощи Германии было дано больше наивысших 10 баллов (13%) и меньше минимальных (10,9%). Средний балл – 5,69.

Так как одной из основных целей исследования было выяснение потребностей немецкого населения в области этнокультурного развития, его запросов и интересов, мы задавали вопрос «Что необходимо для сохранения нацио-

нальной самобытности немцев?» (можно было выбрать три наиболее важных ответа). Ответы распределились следующим образом. На первом месте по значимости стоят языковые курсы, их необходимость отметили 41,1% респондентов. Это еще раз свидетельствует об очень тревожной (если не сказать катастрофической) ситуации в области знания, преподавания и перспектив немецкого языка в России. Определенно, в области преподавания немецкого языка нужны срочные, скоординированные, максимально эффективные меры.

На втором месте по частоте ответов находится компактное проживание (36,9%). Это очень сложная проблема. Действительно, в условиях компактного проживания национальный язык и этническая культура имеют гораздо больше шансов для развития, поскольку они самовоспроизводятся в естественных условиях, без дополнительных усилий. Но создавать искусственно места компактного проживания, переселять куда-то людей совершенно бессмысленно. Вкладывать средства в экономическую и социальную сферу в местах компактного проживания, безусловно, важно, но это делает такие места притягательными для всех людей, независимо от национальности. Это объективно будет и в дальнейшем размывать этническую структуру таких мест, но запрещать всем, кроме немцев, жить там – значит, порождать национальную дискриминацию и сегрегацию по национальному признаку. Это в демократическом государстве совершенно невозможно. Реальным выходом является признание приоритета, в том числе и финансового, за сферой языка и культуры. Каким образом это сделать – вопрос, требующий всестороннего, компетентного и безотлагательного обсуждения.

На третьем месте по значимости находятся общественные объединения (35,8%). В плане развития общественных объединений, оказания им финансовой и методической помощи сделано очень много. Следует признать уровень самоорганизации достаточно высоким. Но и

проблем у общественных организаций достаточно. На четвертом месте по значимости находится литература по культуре и истории российских немцев. Следует сказать, что такой литературы в последние годы вышло немало количество. Среди этих книг есть исследования, соответствующие мировому научному уровню, содержащие богатейший исторический и культурный материал и подлинные открытия. С другой стороны, есть и псевдонаучные работы, некомпетентные и не выдерживающие никакой критики, поэтому следует наладить систему рецензирования публикаций и экспертизы издательских проектов. Еще одна важная задача – подготовка и публикация работ научно-популярного характера, хорошо иллюстрированных, которые можно было бы шире использовать в образовательной деятельности, в работе национально-культурных центров.

Это четыре приоритетных, наиболее значимых запроса в области удовлетворения национально-культурных потребностей немецкого населения. Далее (в порядке убывания) респонденты указывали на необходимость проведения фестивалей, национальных праздников (32,2%), восстановления Республики (25,4%), создания телевидения на немецком языке (20,3%), создания и поддержки национальных школ и вузов (16,9%), развития национальной прессы (16,4%), поддержки фольклорных коллективов (13,6%), развития национальных музеев (9,2%) и театров (4,3%). Эти мнения, полученные в результате массового опроса российских немцев, необходимо учитывать при составлении программ поддержки немецкого меньшинства в России, проведении конкурсов, проектов, при планировании конкретных мероприятий.

В целом следует отметить положительную реакцию людей на проведение опроса, заинтересованность и желание обсуждать обозначенные в анкете проблемы. Многие респонденты отмечали актуальность темы опроса и то, что на данную проблему уже давно следовало обратить внимание.

КАК ЭТО БЫЛО

Иван ШИХАТОВ

Член Союза журналистов России,
лауреат премии Немецкой культурной автономии Омской области,
лауреат премии генерала Г. Катанаева.

НЕМЦЫ В ОКРУЖЕНИИ КОЛЧАКА

БАРОН АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ФОН БУДБЕРГ

21 мая 1869 – 14 декабря 1945, Сан-Франциско, русский военный деятель, генерал-лейтенант. Управляющий военным министерством в правительстве А.В. Колчака. Из потомственных дворян Лифляндской губернии.

Окончил Пажеский корпус.

1884 – медаль «За спасение погибавших» на Владимирской ленте.

1889 – окончил 1-е Павловское военное училище. Выпущен в 3-ю гвардейскую гренадерскую артиллерийскую бригаду.

1895 – окончил Николаевскую академию Генерального штаба (по 1-му разряду). Произведен в штабс-капитаны гвардии и капитаны Генерального штаба. Выбрал назначение в Приамурский ВО.

1896–1897 – Цензовое командование ротой в 4-м Восточно-Сибирском линейном батальоне.

1897–1899 – обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа.

1899 – подполковник, штаб-офицер для поручений при командующем Южно-Уссурийского отдела Приамурского военного округа.

1900–1902 – старший адъютант штаба войск Приамурского военного округа. Руководил отправкой из Хабаровска в Харбин на пароходах отряда генерала Сахарова. Вместе с отрядом полковника Сервианова организовал оборону города Благовещенска. Участвовал во взятии Айгуня и наступлении на Цицикар с отрядом генерала Рененкампа. Заведовал перевозкой войск по Амуру и курировал военные пути сообщения.

Награждён медалью «За поход в Китай» и орденом Св. Станислава II степени с мечами.

1902 – штаб-офицер при управлении 6-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады.

1902–1905 – исполняющий должность начальника штаба Владивостокской крепости. Награждён японским Императо-

ром орденом Священного сокровища III степени.

1904 – полковник.

1905 – начальник штаба Владивостокской крепости. За отличия при работах по спешному усилению крепости награждён орденами Св. Анны II степени с мечами и Св.

Владимира IV степени, а также медалью «За войну с Японией».

6 декабря 1910 – генерал-майор.

1910 – орден Св. Станислава I степени.

1 марта 1913 – генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа.

Октябрь 1914 – генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии.

25 октября 1914 – получил наградное Георгиевское оружие за разработку плана охвата и прорыва немецкой обороны под Августовом.

23 декабря 1914 – начальник штаба 10-й армии.

13 февраля 1915 – отправлен в отпуск по болезни в Петроград, где состоял в резерве чинов.

19 августа 1915 – начальник 40-й пехотной дивизии.

21 октября 1915 – начальник 70-й пехотной дивизии.

1915 – получил мечи и бант к ордену Св. Анны III степени, мечи к ордену Св. Владимира III степени, орден Св. Анны I степени с мечами, был дважды ранен на передовой.

8 марта 1916 – генерал-лейтенант.

22 апреля 1917 – командующий XIV армейским корпусом 5-й армии Северного фронта.

Июль 1917 – корпус Будберга единственным среди корпусов 5-й армии пошёл в наступление под Якобштадтом.

Октябрь 1917 – видя полный развал русской армии, на совещании корпусных командиров 5-й армии изложил идею реорганизации русской армии на добровольческих началах, но его не поддержали.

Ноябрь 1917 – отказался от командования корпусом и выпросил через знакомых в Главном штабе командировку в Японию.

Барон Алексей Павлович фон Будберг (21.05.1869–14.12.1945, Сан-Франциско)

Баронесса Валентина Петровна Будберг – урожденная Назарова (?–13.03.1933)

23 января 1918 – выехал на Дальний Восток.

Февраль–апрель 1918 – жил в Японии.

Апрель 1918 – март 1919 – жил в Харбине.

Август 1918 – отклонил предложение генерала В.Е. Флуга занять пост помощника военного министра в правительстве генерала Д.Л. Хорвата, управляющего КВЖД.

29 марта 1919 – главный начальник снабжения Сибирской армии.

23 мая 1919 – помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего с правами военного министра по управлению военным министерством.

12 августа 1919 – третий помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего и управляющий военным министерством.

27 августа – 5 октября 1919 – военный министр правительства Колчака.

5 октября 1919 – в связи с болезнью был отчислен от занимаемой должности с назначением в распоряжение Верховного главнокомандующего. Вывезен в Харбин для лечения.

19 ноября 1919 – 31 января 1920 – начальник штаба Приамурского военного округа.

Апрель 1920 – командующий Владивостокской крепостью.

1921 – эмигрировал в Маньчжурию, затем во Францию, затем в США. Начальник 1-го Североамериканского отдела Русского Общевоинского Союза.

1924 – руководитель Общества Русских Ветеранов Великой Войны. Умер в Сан-Франциско.

Могила барона Алексея Павловича фон Будберга

Могила баронессы Валентины Петровны Будберг

РАДОЛА ГАЙДА-РУДОЛЬФ ГЕЙДЕЛЬ

(14.02.1892, Каттаро, Австро-Венгрия, 15.04.1948, Прага, Чехословакия).

Талантливый авантюрист, австрийский еврей по национальности, выдавал себя за чешского немца. В 1912 г. – участник 1-й Балканской войны против Турции, сражался у Скутари. Военный фельдшер австро-венгерской армии, присвоивший затем себе офицерское звание (прапорщик). Перешел 30 октября 1914 г. на сторону черногорских войск, выдавал в плену себя за капитана, вступил в ряды черногорских войск. Прodelал путь

Рудольф Гейдель (14.02.1892–15.04.1948)

отступления черногорских войск к морю через Албанию, сохранив боевой дух. Проехал в Петроград с санитарным поездом, выдавая себя за русского врача. Зачислен в сербскую дивизию с русским командованием, вернулся с ней на фронт. После сентября 1916 г. переведен младшим офицером во 2-й чехословацкий полк, вскоре стал командиром роты, потом – батальона. На Украине вступил в создаваемые там чехословацкие легионы, с весны 1917 г., после боя у Зборова, где Гайда проявил личное мужество и героизм, награжден за это офицерским Георгиевским крестом 4-й степени, получил командование 7-м полком Чехословацкого корпуса. Присутствовал 20 мая 1918 г. на Съезде делегатов всех частей корпуса в Челябинске, где был выбран в Военный Совет для координации действий разрозненных групп корпуса и установления связи с местными антибольшевистскими группами. Находясь в составе Чехословацкого корпуса, в ночь на 25 мая 1918 г. первым в Чехословацком корпусе в чине капитана поднял успешное восстание в Новониколаевске, окружив и арестовав местный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Достиг крупных успехов и совершил головокругительную карьеру, став одним из виднейших военачальников. Командующий войсками одной из частей Сибирской группировки Чехословацкого корпуса (4500 человек). Его войска участвовали в Марьяновских боях 24–28 мая 1918 г. под Омском, во время которых большевикам было нанесено серьезное поражение, предотвратившее падение Омска, взятого его войсками 7 июня 1918 г. Его силы 10 июня 1918 г. соединились в Омске с Челябинской группировкой Чехословацкого корпуса, а 11 июля 1918 г. встретились под Иркутском с Забайкальской группой Сибирской группировки Дитерихса. Сыграл заметную роль в захвате Транссибирской магистрали в июне–июле 1918 г. и способствовал установлению в Омске власти Западно-Сибирского Комиссариата. Разыграв свое отступление под Иркутском в июле–августе 1918 г., заманил превосходящие силы красных в засаду и разгромил их. Занял жизненно важные для белых Кругобайкальские тоннели, сохранил их нетронутыми, предотвратив уничтожение. Совершил быстрый маневр через Байкал, нанеся сокрушительный удар по большевикам в их тыл. 7 августа 1918 г. вместе с войсками Пепеляева разгромил крупный красный отряд на Прибайкальском фронте. Это событие вошло в историю под названием «катастрофа под Посольской». За победы в Восточной Сибири получил чин полковника, затем – генерал-майора. Сблизился с эсерами, примкнул к сторонникам Сибирской Областной Думы. В августе 1918 г. приказал Семенову и Хорвату явиться к нему, угрожая за невыполнение военно-полевым судом. Хорват выполнил его приказ, Семенов – нет, настояв на отзыве Гайды с поста командующего Сибирской армией, Вологодский обещал заменить его А. Пепеляевым. А. Пепеляев стал между Гайдой и Семеновым посредником в их примирении. Гайда пригласил Семенова и Пепеляева на обед, на который они явились. Семенов пригласил на ответный обед Гайду, на котором они устранили недоразумение между ними. Во многом это было из-за подхода к Семенову японской кавалерии. Гайда отрицал свою причастность к приказу, вызвавшему конфликт. Неудачно добивался в августе–сентябре 1918 г. своего назначения главнокомандующим антибольшевистскими войсками в Сибири. Его в этом поддерживала часть министров, надеявшихся через назначение Гайды вместо Иванова-Ринова получить поддержку США. В сентябре 1918 г. – генерал-майор, командующий 2-й Чехословацкой дивизией. Сыграл положительную роль в ликвидации СОД, приняв от А. Пепеляева арестованного за вмешательства в дела Сибири Глосса. Выдвигался на пост Главнокома Сибирской армией 21 сентября 1918 г. во Владивостоке Гинсом и Вологодским после убеждения их в этом

поручика Калашникова. С октября 1918 г. по январь 1919 г. во главе Екатеринбургской группы войск Сибирской армии (22 тысячи штыков и сабель). Являлся русофилом среди войск Чехословацкого корпуса. Во многом благодаря ему русские войска (Народная армия КОМУЧа и другие), бывшие под контролем чехов и словаков, перешли в ноябре 1918 г. на сторону Колчака. Странник диктатуры в борьбе против большевиков. Командующий Сибирской армии Колчака, генерал-лейтенант. Под его командованием взяты у большевиков в марте 1919 г. Оханск и Оса, достигнута связь с войсками Северной области, в апреле взяты Сарапул и Ижевск. Вступил в конфликт с начальником штаба Колчака Лебедевым, выражая общее недовольство им в Сибири за провал весеннего наступления 1919 г. Во время наступления Красной армии в мае-июне 1919 г. в центре фронта продолжал свое собственное наступление на севере, взял Глазов, но вскоре был вынужден также начать отступление, вина в этом Лебедева и Ханжина. Его разжалования и отъезда из Сибири как авантюриста требовал военный министр Чехословакии Стефанек (Штефанек) еще в конце 1918 г., но под давлением окружения Колчака отказался от этого, предсказав гибель Белого дела на востоке России из-за Гайды. За интриги и неподчинение приказам отстранен от командования, отправился на Дальний Восток «в заграничный отпуск» в июле 1919 г. особым поездом, получив от Колчака 70 тысяч франков золотом. По одной версии, пытался вывезти на нем колоссальные ценности. Прибыв в августе 1919 г. во Владивосток, стал одним из лидеров антиколчаковского движения, организованного эсерами, вступив в контакт с Медведевым, Моравским, Якушевым, Краковецким, Болдыревым, Хорватом. С Жернаковым, Захаровым, Юдиным и другими лидерами эсеров контактировал через своего ординарца Молотковского. Контакты эти осуществлялись редко. Гайда 17 ноября 1919 г. предпринял неудачную попытку захвата власти во Владивостоке, захвачен войсками генерала Розанова, но отпущен в распоряжение командования Чехословацкого корпуса под давлением «союзников». Во время переговоров о его освобождении Гайда был вынужден оставить в руках Розанова часть своих сподвижников, захваченных белогвардейцами. В декабре 1919 г. уехал в Чехословакию. В 1924 г. там вышли его мемуары. На золото, вывезенное из России, вместе с другими видными деятелями организовал Пражский Легиобанк. Готовил фашистский переворот, разоблачен, предан суду, разжалован. В период оккупации Чехословакии Германией – коллаборационист, чешский фашист. Арестован в 1945 г. СМЕРШем. Осужден за действия в 1918–1919 гг. на территории СССР, за поддержку войны Германии против СССР. Командовал 11-й дивизией в Кошице, занимал пост заместителя начальника Генштаба Чехословацкой армии. Уволен из армии 14.08.1926. Неоднократно предстал перед судом за коммерческие аферы, организацию нападения на казарму с еврейскими военнослужащими (1933), за политические антигосударственные выступления различного толка. Занимал профашистские позиции. По приказу Советского правительства арестован 12.05.1945 чехословацкой службой безопасности. Осужден за «прежние» преступления, профашистскую деятельность и поддержку Германии в войне против СССР. Умер в заключении.

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ДИТЕРИХС

5(17).04.1874 – 9.09.1937 – русский военачальник. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войны. Один из руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Правитель Приамурского земского края в 1922 году.

М.К. Дитерихс родился в большой семье офицера обрусевшего чешского немца и русской дворянки. Сре-

ди его сестёр была Анна (впоследствии жена толстовца В.Г. Черткова) и Елена (впоследствии супруга князя А.А. Оболенского), брат Иосиф был одним из секретарей Л.Н. Толстого. В 1894 году окончил Пажеский корпус, выпущен во 2-ю лейб-гвардии артиллерийскую бригаду. В 1900 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. С 1900 по 1903 гг. служил на штабных должностях в войсках Московского военного округа. В 1903 году назначен командиром эскадрона в 3-м Драгунском полку.

Русско-японская война. После начала войны был назначен обер-офицером для особых поручений при штабе 17-го Армейского корпуса. На фронт прибыл в августе 1904 года. Участвовал в сражениях под Ляояном, на реке Шахе, при Мукдене. Война завершилась для Дитерихса производством в подполковники и назначением на должность штаб-офицера для особых поручений при штабе корпуса.

1905–1914 – после Русско-японской войны вернулся в Московский военный округ. В 1906 году назначен штаб-офицером для особых поручений при штабе 7-го Армейского корпуса. В 1907 году переведён на аналогичную должность в штаб Киевского военного округа. В 1909 году произведён в полковники. В 1910 году назначен старшим адъютантом штаба округа. В 1913 году назначен начальником отделения в Мобилизационном отделе Главного управления Генерального штаба. В этой должности он встретил начало Первой мировой войны.

Первая мировая война. В 1914–1916 годах, во время Первой мировой войны, был назначен начальником штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, который в марте 1916 возглавил генерал Брусилов. Под его руководством вместе с другими стратегами Дитерихс разрабатывал Брусиловский прорыв. В начале сентября 1916-го он направился вместе с возглавляемой им 2-й Особой Бригадой и ещё двумя такими спецформированиями из Архангельска в Салоники в поддержку сербской армии (прибыл 28 сентября). В середине ноября 1916-го под его руководством были разбиты части болгарской армии, в результате чего союзники 19 ноября заняли город Монастир. На этом военные успехи закончились.

Гражданская война. После Февральской революции был отозван в Россию. С 24 августа по 6 сентября 1917 года был начальником штаба Особой Петроградской армии, с 6 сентября по 16 ноября – генерал-квартирмейстером Ставки, а с 16 ноября по 20 ноября – начальником штаба генерала Духонина. 21 ноября бежал на Украину, где он в марте 1918 года стал начальником штаба Чехословацкого корпуса, с которым он прошёл до Владивостока (июнь 1918). Поддержал Колчака, который назначил его 17 января 1919 года руководителем комиссии по расследованию убийства царской семьи (Дитерихс был активным монархистом), на должности которого он пребывал до 7 февраля того же года. С 1 июля по 22 июля 1919 года был командующим Сибирской армией, с 22 июля по 17 ноября – командующим Восточным фронтом и одновременно с 12 августа по 6 октября начальником штаба А.В. Колчака. Был инициатором создания летом-осенью 1919 года добровольческих формирований с идеоло-

*Михаил Константинович Дитерихс
(5(17).04.1874–9.09.1937)*

гией защиты Православной веры – «Дружин Святого Креста» и «Дружин Зелёного Знамени». В сентябре 1919 года разработал и успешно провел последнюю наступательную операцию Российской армии адмирала Колчака – Тобольский прорыв. После поражения белых в конце 1919 эмигрировал в Харбин. 23 июля 1922 года на Земском Соборе во Владивостоке Дитерихс избран Правителем Дальнего Востока и Земским Воеводой – командующим Земской ратью. Начал вводить разнообразные реформы с целью возродить общественный порядок допетровской эпохи (XVII век) и вновь воцарить династию Романовых. В октябре 1922 года выбит из Владивостока и был вынужден бежать в Китай, где он проживал в Шанхае. В 1930-м стал председателем Дальневосточного отдела Русского Общевоинского Союза. Умер 9 октября 1937 года, похоронен в Шанхае. Автор книги «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале».

Награды:

1902 – орден Святого Станислава 3-й степени.

1904 – орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (за сражение под Ляояном).

1905 – орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

1905 – орден Святого Станислава 2-й степени с мечами (за Мукленское сражение).

1905 – орден Святой Анны 2-й степени с мечами.

1915 – орден Святого Станислава 1-й степени с мечами.

1916 – французский Военный крест (Croix de Guerre) с пальмовой ветвью.

1917 – орден Святого Владимира 2-й степени с мечами.

1917 – французский Орден Почётного Легиона (офицерский крест).

ВЛАДИМИР ОСКАРОВИЧ КАППЕЛЬ

(15.04.1883–25.01.1920)

Генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель родился в г. Белев Тульской губернии. Потомок обрусевших шведов, он происходил из потомственных дворян Московской губернии.

Окончил 2-й кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в 1902 г.

Службу начинал в 54-м драгунском Малоархангельском полку.

В 1913 г. окончил Академию Генштаба. Участвовал в Первой мировой войне в рядах 5-й Донской казачьей и 14-й кавалерийской дивизий. Отличился в боях, был награжден несколькими орденами.

В начале 1917 г. – подполковник, помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

В 1917 г. был уволен из армии и проживал в Перми.

В 1918 г. как военный специалист был привлечен на службу большевиками. В Самаре поступил в распоряжение управления Поволжского военного округа. После захвата Самары чехословаками стал командиром 1-й добровольческой дружины Народной армии Комуча, затем командовал отдельной Симбирской бригадой 6-й стрелковой дивизии. Отличился в боях с красновардейскими частями в Поволжье, командуя соединениями Народной армии, которые взяли Симбирск и Казань.

С августа 1918 г. возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, был произведен в полковники.

После прихода к власти адмирала А.В. Колчака получил чин генерал-майора (ноябрь 1918 г.).

Командовал Сводным, а с мая 1919 г. – 1-м Волжским корпусом. После реорганизации войск Восточного фронта в июле 1919 г. – Волжской группой войск 3-й (бывшей Западной) армии, действовавшей в мае–июне 1919 г. под Белебеем и на р. Белой, а в июле–октябре – в районе Златоуста, Челябинска и на р. Тобол. Приказом Верховного правителя и верховного главнокомандующего от 14 февраля 1919 г. ему была объявлена благодарность. Награжден орденами Св. Георгия 4-й ст. (22 мая 1919 г.) за взятие в 1918 г. Сызрани, Симбирска, Казани и 3-й ст. (12 сентября 1919 г.). С 4 ноября 1919 г. – командующий Московской группой армий и 3-й армией Восточного фронта, был произведен в генерал-лейтенанты. 9 декабря 1919 г. в условиях тяжелого Сибирского Ледяного похода был назначен главнокомандующим Восточным фронтом вместо генерала К.В. Сахарова. Во время перехода войск по реке Кан провалился в полынь, но продолжал путь. 22 января 1920 год на совещании в Нижнеудинске было решено форсировать движение к Иркутску двумя колоннами, взять его с ходу, освободить адмирала А.В. Колчака и захватить золотой запас, а затем установить прочную связь с атаманом Г.М. Семеновым и создать новый боевой фронт. Обе колонны должны были соединиться в районе станции Зима для решающего броска к Иркутску. Но В.О. Каппель был уже тяжело болен. 25 января 1920 г. в 11 ч. 50 мин. недалеко от разъезда Утай под Тулуном он умер от воспаления легких, а войска повел дальше генерал С.Н. Войцеховский. Сначала тело В.О. Каппеля было погребено в Чите. Осенью 1920 г. в связи с приближением Красной армии к Чите прах был перевезен из Забайкалья.

ОТТОН ОТТОНОВИЧ БАРОН РИХТЕР, вице-адмирал, Цусима (14.05.1905), начальник Оперативного штаба Главнокомандующего морскими силами на Балтике (1911–1913). Навёл порядок на ст. Куломзино, Омск.

*Владимир Оскарович Каппель
(15.04.1883 – 25.01.1920)*

Каппелевы

Источники:

Князева В.В. Жизнь за всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Джорданвилль, 1971 г.

Клави́нг В. Гражданская война в России. Белые армии. Военно-историческая библиотека. М., 2003.

Сборник. Дневники и воспоминания: Каппель и каппельцы. М., 2003.

Волков Е.В. Колчаковские офицеры: Опыт исторического исследования. Челябинск, 2001.

Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003.

Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. Михаил Константинович Дитерихс. М., Эксмо-Пресс, 2002.

Сборник. Последние бои на Дальнем Востоке. М., Центрполиграф, 2005.

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. С.-П., Полигон, 2002.

Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале.

Цветков В.Ж. Разгромили атаманов, разогнали воевод. «Родина», 2000, № 11.

Цветков В.Ж. Генерал Дитерихс. М., 2004.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.

Из книги Мельгунова С.П. Судьба Императора Николая II после отречения: Дневники Императора Николая II. М., 1991.

Будберг А. Гумбинен – забытый день русской славы. Б.м., 1937.

Будберг А. Вооруженные силы Российской империи в исполнении общественных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. Сан-Франциско, 1939.

Будберг А. Воспоминания о войне 1914–1917 гг.

Алексей Павлович барон Будберг. Дневник белогвардейца Сан-Франциско, 1931.

Танеева А. (Вырубова) Страницы из моей жизни. Берлин, 1923.

Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

Шихатов И.П. Колчак Омский. Омск, 2006.

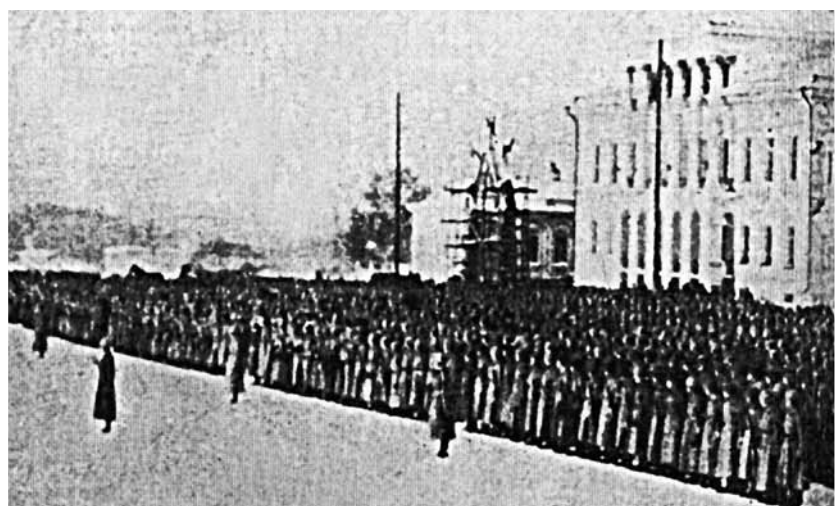
Роман Федорович Унгерн фон Штернберг (1885, Грац, Австрия – 1921, Новониколаевск)

Георгий Константинович Гинс (1887–1971)

Могила Георгия Константиновича Гинса

▲ Смотр войскам по приезду А. Колчака. Екатеринбург, 1918 г.

◀ Омск. Молебен, 1918 г.

К 20-ЛЕТИЮ ВОССОЗДАНИЯ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В год празднования 20-летия района редакция газеты «Новое время» записала для журнала немцев Сибири «Культура» два интервью: с первым главой администрации района Иосифом Иосифовичем Бернгардтом, возглавлявшим его с 1991 по 1995 гг., и главой администрации района Фёдором Эвальдовичем Эккертом.

ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ

Удивительно, но факт – первый глава администрации Немецкого национального района (воссозданного 1 июля 1991 года) родился в 1936 году, еще в том самом первом Немецком районе, который по приказу Сталина был расформирован в 1937 году. Кстати, и свидетельство о рождении Иосифа Иосифовича написано на двух языках – русском и немецком. И жизнь нашего героя складывалась по принципу: где родился, там и пригодился. Его трудовой путь начался с должности инженера-контролера на знаменитой по тем временам гальбштадтской Сельхозтехнике, куда он пришел работать сразу после института в день своего рождения 19 августа 1960 года, а уже через несколько месяцев стал заведовать мастерскими на этом же предприятии. В 1961 году возглавил Славгородский горком комсомола, затем был комсоргом крайкома комсомола в большом управлении сельского хозяйства (созданном на базе пяти районов). Он был главным инженером только что созданного совхоза Пограничный, непосредственно создавал совхоз Знаменский в должности директора в 1966 году (на тот момент И.И. Бернгардту еще не было и 30 лет). Затем была работа в должности председателя Славгородского райисполкома, далее – первым секретарем Табунского райкома партии. До избрания на должность главы администрации Немецкого национального района Иосиф Иосифович Бернгардт 6 лет работал в Хабаровском районе первым секретарем райкома партии. Имея колоссальный опыт орга-

низационной, партийной и хозяйственной работы, он, по сути, был главным кандидатом на пост руководителя вновь созданного района – из 31 депутата за него проголосовали 30, 1 воздержался.

Мы воссоздали район из лучших хозяйств края.

По словам Иосифа Иосифовича Бернгардта, поначалу идея создания района развивалась вяло, но имела бурное продолжение.

– Вопрос этот подняли наши старожилы, был такой Иван Яковлевич Буллер, он приехал ко мне и сказал: «Как ты смотришь на то, если мы поднимем вопрос о восстановлении района?» Я ответил, что смотрю на это положительно. После этого ко мне приехал Андрей Александрович Беккер, председатель колхоза в Редкой Дубраве, с тем же предложением. А уже после меня пригласил председатель крайисполкома Кулешов и говорит: «Старые немцы поднимают вопрос о воссоздании района. И они этот вопрос связывают с тобой». Я ответил, что не возражаю. В скором времени было создано специальное оргбюро по созданию района, в котором было два сопредседателя: я от Хабаровского района и Гаан Владимир Александрович от Славгородского района. Подключился, конечно, к воссозданию района крайисполком, орготдел, и, по сути, всю кропотливую работу по референдуму провел Георгий Петрович Классен. Должен сказать, что люди идею объединения встретили с энтузиазмом. Район восстанавливали исключительно в старых границах – объединяли 8 сельских советов Славгородского района и 4 Хабаровских сельсовета. Даже райцентр оставили тот же, который был, – Гальбштадт (он же Некрасово – прим. авт.). Некрасовцам терять было нечего, Сельхозтехника уже начала угасать, и, если бы не восстановление района, возможно, этого села бы уже не было. С опаской к объединению относились кусакцы, шумановцы и жители Редкой Дубравы, они боялись, что их люди побегут работать в районные организации. Жили эти села, можно сказать, жирно. Людей у них было в то время больше, чем достаточно. Вполне привычным было, что на каждую группу коров приходилось чуть ли не по три доярки. Самый малый процент проголосовавших за объединение района был в Кусаке – 52%, во всех остальных селах он доходил до 70–80. Так что, можно сказать, что район мы создали под аплодисменты. Безусловно, с людьми была проведена грамотная работа. Георгий Петрович Классен жил в тот период в районе безвылазно – надо было, чтобы все законы были соблюдены. Вопрос о воссоздании района решался еще и на уровне Москвы, туда поехал Юрий Степанович Жильцов, председатель крайисполкома. И в то время национальный вопрос был

Дом начала XX века

очень сложным, принципиальных противников района не было, были против того, что национальных образований было много, а вот, как говорится, ума им дать не могли. Жильцову тогда сказали буквально следующее: «Если бы Ленин меньше автономных областей создал – больше бы в России мира было». Но за нами стояло право – право на воссоздание района. По сути, мы объединили 11 лучших хозяйств края. Это был не район, а игрушка, только любоваться можно было. Правда, размеренной и спокойной жизни был всего год, а дальше нас накрыла волна эмиграции.

«Мы знали, чего хотим, а Германия была готова помочь».

– Иосиф Иосифович, а как в Германии отнеслись к созданию Немецкого национального района?

– Германия не принимала участия в непосредственном воссоздании Немецкого национального района, это не была их идея. Наши первые контакты с представителями ФРГ начались только тогда, когда я уже возглавил район. Узнав, что в России есть такой район, они предложили нам помощь, а мы в тот момент совершенно четко знали, что нам надо. Я тогда сказал Ваффеншмидту (Хорст Ваффеншмидт – в то время Уполномоченный Правительства ФРГ по делам переселенцев, парламентский секретарь МВД ФРГ – прим. авт.), что мы находимся в зоне рискованного земледелия и больше, чем мы имеем, из нашей земли уже не выжать. Поэтому нас интересует только экономика. Речь может идти только о том, чтобы производить и продавать собственную продукцию. «Гут», – сказали немцы, и через три года мы уже имели собственную переработку. Если бы не помощь Германии тогда... Ведь строить на российские деньги стали позже. А в тот период я даже мебель для здания администрации ездил выбирать в Германию. Глобальным проектом тогда была телефонизация – нигде в округе не было такого стекловолокна, который проложили мы. В последний год моей работы – 1995-й – помощь Германии району достигла колоссальной суммы – 32 миллиона марок. Возглавлявший в тот момент край Владимир Райфикешт открыто говорил мне: «Ты ко мне сам не ездил, присылай заместителя, мне тебе все равно дать нечего. Сам же безвылазно сиди в Германии, если там ничего не добьешься, района не будет!». И мне, действительно, приходилось каждые два месяца ездить в Германию и там решать финансовые вопросы. Германская сторона это приветствовала.

«В Германию ехали не только те, кто хотел воссоединиться с семьями, а все подряд. Это было что-то страшное»

Труженицы села Полевое

– Почему, на ваш взгляд, Германия так активно помогла району? Чтобы люди оставались здесь, в России?

– То, о чем не удалось договориться Хрущеву и Аде-науру в 1956 году (о воссоединении семей российских немцев), удалось сделать Колю и Горбачеву в 1988 году. На мой взгляд, ни Россия, ни Германия не предполагали, что эмиграция примет такие масштабы. В Германию ехали не только те, кто хотел воссоединиться с семьями, а все подряд. Это было что-то страшное. Я стал свидетелем момента, который ярко характеризовал тот период. Шло очередное заседание межправительственной комиссии, членом которой был и я. Председателем с нашей стороны был Сергей Шахрай (вице-премьер Сергей Михайлович Шахрай – прим. авт.), а со стороны Германии – Хорст Ваффеншмидт. От Ваффеншмидта поступило буквально следующее предложение: «Г-н Шайхрай, прикройте со своей стороны поток эмигрантов в Германию», на что Шахрай незамедлительно ответил: «Ну, нет. Вы нас кляли на весь мир, что мы не выпускаем людей в Германию. Теперь же, когда мы открыли границу, мы опять плохие. Так что, если хотите, прикрывайте поток со своей стороны». Больше Ваффеншмидт эту тему никогда не поднимал. Что касается фактов, то в только в 1993 году наш район в результате эмиграции потерял три с половиной тысячи жителей.

– Уходили главные специалисты? Как удавалось решать кадровые вопросы в тот момент?

– Уходили все без разбора, начиная с председателей колхоза. Люди ехали туда, где лучше жить. В нашем районе ведь не было бедных – мы были с деньгами, но купить ничего не могли. Когда наши мужики встречались, они не спрашивали, что ты нового купил, они спрашивали – сколько у тебя на книжке? Я как-то одного шофе-

Улица Менделеева в селе Гальбитадт

ра, собравшегося уезжать, убеждал, что деньги он и здесь заработает, и все у него будет. А он мне ответил: «Деньги у меня есть, только зачем их зарабатывать? Куда я их дену, не подскажите?» Как это ни обидно сейчас звучит, за колбасой туда люди поехали да за конфетами. А кадровые вопросы решали просто – один уехал, другого берем. Потому что у нас в то время был реальный резерв специалистов. Каждые полгода я ехал в крайком партии с амбарной книгой, где у меня был резерв кадров – по 5–6 человек на одно место, начиная с бригадиров. Это и помогло тогда выстоять.

В Кремль, к президенту

– *Наш район, хоть и называется Немецким национальным, но не имеет статуса национального. Говорят, этот вопрос вы поднимали у Ельцина, когда обсуждался вопрос о восстановлении Республики немцев на Волге? Расскажите об этом.*

– Борис Николаевич Ельцин в тот период готовился к своему первому визиту в ФРГ на правительственном уровне.

Я же в этот субботний день был на охоте недалеко от села. Стояла поздняя осень, но снега еще не было. Вдруг ко мне подъезжает посыльный и сообщает: «Иосиф Иосифович, завтра в 11.00 вы должны быть у Ельцина». «Интересно, президент хоть имеет представление, где я живу?» – в сердцах подумал я. Но – президент есть президент. Быстро сел в машину – «тревожный» чемодан у меня всегда был готов – и помчался в Барнаул. Там специально для меня держали рейсовый самолет целых 45 минут – это предельный срок, на который смогли отложить рейс. Пришлось лететь в Москву утренним рейсом. В Москву я прилетел в 9 утра и сразу же позвонил в Кремль – представился. И сообщил, что мне назначена встреча. «Так ты уже опоздал. Тут через два часа все уже начнется, а за это время из Домодедово до Кремля тебе не добраться», – ответили на том конце провода. «Ну, это уж мои проблемы», – подумал я и вышел на стоянку такси. Стоит заметить, что в Москве тогда все такси уже были только частными. Что сказать этим участникам, не знаю. Но точно знаю, что денег доехать до Кремля с моей зарплатой в 150 тысяч рублей не хватит. Говорю: «Мужики, мне надо в Кремль». Они засмеялись: «Ты депутат что ли?» «Нет, – говорю, – но мне надо в Кремль». «А кто ж ты тогда такой?» – продолжают

Губернатор края А.Б. Карлин в Гальштатдской школе – самой современной школе в Алтайском крае

они. «Да вроде бы и никто, но меня президент ждет». Тут уж таксисты и вовсе подшучивать начали. Но, мир, как говорится, не без добрых людей. Подходит ко мне мужчина и говорит: «Пойдем, я еду туда и тебя довезу». «А сколько это будет стоить? – спрашиваю. – У меня всего 150 тыс. рублей». «Вот и хватит как раз до Спасской башни доехать. Ладно, я тебя и так довезу», – усмехнулся он и слово свое сдержал. Возле Кремля я встретил одного из тогдашних деятелей немецкого движения – Фальке, полковника авиации (он летал на первых «мигах»). Он и сообщил мне о сути нашей встречи с президентом. Оказалось, Ельцин вечером улетал в Германию, а мы были включены в состав технической делегации, и что речь на встрече пойдет о немецкой республике на Волге. Нас было человек пять, Лейман и Гаар как раз были с Волги, был и руководитель аппарата президента – Петров, он и сказал, что будем обсуждать, где «садить» республику. Вошел Ельцин, поздоровался со всеми и спросил: «Так что там у нас на Волге было? Область или республика?» Волжане аж закашлялись. Помощники подсказали: «Борис Николаевич, там была республика». «Да какая республика, – сказал Ельцин, – область там была». Но убедили его. «Пусть республика», – наконец-то согласился президент. «Давайте карту сюда», – скомандовал Ельцин. Раскрывает он большую карту, а там одно место коричневым было закрашено. «Вот тут немцам будет республика», – отчеканил Борис Николаевич. Волжане сразу глазами уперлись туда, а это был полигон для испытания стратегических ракет в степях, там зимой минус сорок, а летом плюс сорок, и, кроме верблюжьей колючки, ничего не растет. Ветры такие, что валит телеграфные столбы. Волжане буквально взвыли, на что Ельцин сказал: «Да вы что, ребята, это же рай, здесь обогатиться можно. Да там на 4 метра вглубь металлолома запасы лежат. Немцы народ трудолюбивый, они его добудут и переработают». Не знаю, что подумали остальные, но я четко понял в тот момент, что приехал сюда зря. Волжане же сражались как львы. И, чтобы спасти ситуацию, представитель госкомнаца Прокофьев сказал: «У нас присутствует глава единственного пока в стране Немецкого национального района, может, послушаем его?» Ельцин обернулся ко мне вполоборота и спросил: «Вопросы есть?»

Славные ветераны

На центральном стадионе в селе Гальбитадт

«Есть», – ответил я. «Выкладывай», – сказал президент. «Борис Николаевич, – начал я, – непонятно, что мы создали. У нас создан, если быть точнее, восстановлен Немецкий национальный район. Если мы создали обычный административный район, тогда надо убрать слово национальный, а если у него другие права и возможности, тогда нужен статус». Ельцин сказал Прокофьеву: «Чтобы статус был!» «К вашему прилету, Борис Николаевич, статус будет», – сказал Прокофьев. На что Ельцин сказал: «До отлета». Несерьезность подхода и была в том, что до отлета оставалось всего два часа. На этом совещание закончилось. Когда мы вышли, у меня голова буквально кругом шла от злости. Прокофьев сказал: «Ну что, пойдем статус писать?» «Нет, – ответил я, – во Внуково меня ждет зафрахтованный немцами самолет, которому разрешили посадку в Славгороде». Вот и вся история. В районе, конечно же, все уже знали, что я был у Ельцина по поводу республики. Все спрашивают – что да как, а я и не знаю, что сказать. И я стал рассказывать, как оно было, не давая при этом своих оценок.

– Какой вы видите перспективу Немецкого национального района?

На мой взгляд, есть большая опасность, что Немецкий район останется без самого главного – без немцев. Ведь если говорить о коренных жителях района, то их осталось очень и очень мало. Обратного-то из Германии

едут только единицы. В Германии много недовольных российских немцев. Типичная картинка – сидит российский немец, пьет немецкое пиво и ругает на чем свет Германию на чистом русском языке, но при этом обратно не возвращается. Лично у меня нет знакомых, которые бы вернулись обратно в Россию. До сих пор уезжают люди – уезжают председатели хозяйств вместе с семьями. Район как административная единица вполне может остаться, почему бы и нет? В свое время мы создали уникальный район, настоящую изюминку – бери, владей, имей показатели! И что мы получили в результате эмиграции и непродуманных реформ в сельском хозяйстве? Думаю, судьба района напрямую будет зависеть от судьбы сельского хозяйства. Если государству вновь не понадобится, чтобы на этих землях что-то производилось, перспективы могут быть самыми печальными. У меня есть ощущение, что идет целенаправленное сокращение российского села. Я понимаю, что в такой огромной

стране, где столько сел, выдержать подобную финансовую нагрузку на бюджет просто невозможно. Невозможно содержать везде школу, магазин, баню, почту, больницу и так далее. Это возможно, лишь уменьшив

Вице-губернатор Алтайского края Б.В. Ларин на мясокомбинате ООО «Брюкке»

их количество. Процесс это длительный и болезненный. Никита Сергеевич был честнее, когда говорил: «Мы ликвидируем неперспективные села». Тогда в Славгородском районе ликвидировали 50 сел, но этого никто не почувствовал – людей свезли, им построили дома. А как мы гордились тремя котельными, которыми отапливались села Немецкого района. И все они, заметьте, были вполне рентабельными. Сейчас же все по-другому – котельные нерентабельны, дома культуры, спорткомплексы, бани и даже школы и амбулатории становятся лишними – все максимально стараются вывести из оборота, так, на мой взгляд, не развиваются перспективные объекты. Такое ощущение, что нерентабельным становится сам человек. Без нормальной государственной политики в области сельского хозяйства – степной части, к которой относимся и мы, просто не выжить по вполне объективным причинам – без воды и с одним нормальным урожаем раз в десять лет. Так что думаю, судьба района самым тесным образом связана с судьбой сибирской деревни и с судьбой российского сельского хозяйства.

Елена Вольф

Страусы живут в СХА ПЗ им. Карла Маркса

МЫ ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ ОСОБЕННОСТЬ НАШЕГО РАЙОНА

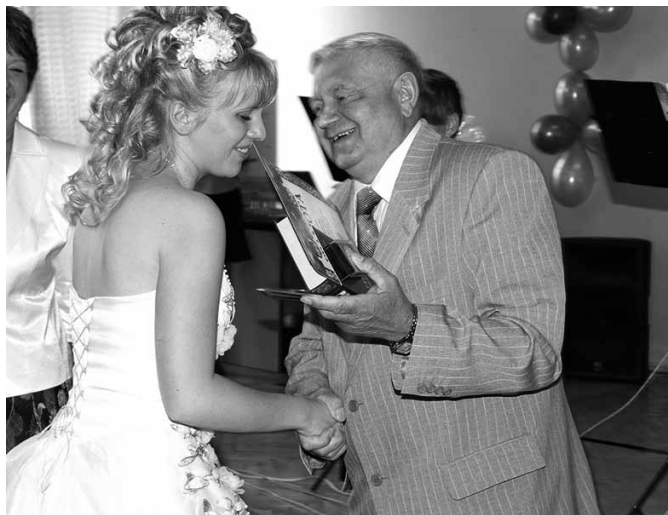
Дать оценку событий и изменений, происходивших в нашем районе на протяжении 20 лет его существования, редакция газеты «Новое время» Немецкого национального района попросила Федора Эвальдовича Эккерта, который руководит районом уже более 13 лет.

– Федор Эвальдович, как вы оцениваете идею о вторичном воссоздании Немецкого национального района? Ведь территориальные вопросы всегда были и остаются одними из самых сложных, но в то же время население наше 20 лет назад большинством голосов проголосовало за идею восстановления района.

– Я думаю, что идея о восстановлении района в его прежних границах была здоровой и правильной. Восторжествовала историческая справедливость. Российские немцы, в свое время, осваивали эти земли. А их в одночасье лишили и этой территории, и, самое главное, собственной истории – это был неверный шаг. Думаю, что определяющим тогда было решение жителей, многие из которых еще помнили, каким был тот, первый Немецкий район, и как там жили люди. Стремление, что мы должны жить лучше и быть лучшими, сидело в душах людей и нашло выход при принятии решения о восстановлении района. Кроме того, это решение поддержали и все вышестоящие органы вплоть до президента, который и подписал 1 июля 1991 года Указ о воссоздании района в его прежних границах.

– Раз мы заговорили о стремлении немецкого населения хорошо жить, так же, как когда-то жили их предки, то не грех вспомнить, что в 80-е годы бытовала шутка про «колхозы-миллионеры», которые миллион государству должны. А между тем немецкие колхозы были самыми настоящими миллионерами. Сыграл ли в этом роль национальный компонент?

– Безусловно, национальный компонент сыграл здесь свою роль. Чего не отнимешь у немецкого человека, так это его трудолюбия, аккуратности, стремления к порядку. Это способствовало формированию экономики того села, того хозяйства, в котором жили люди. Ведь условия того времени были равными для всех. Но на счетах наших колхозов в конце года лежало по три миллиона рублей, и деньги эти шли

В районе ежегодно проходит бал медалистов

на развитие хозяйства и села. Поэтому села нашего района по сей день отличаются внешним видом, который был создан еще в 80-е годы нашими колхозами-миллионерами. Мне пришлось в свое время работать и в совхозной, и в колхозной системе. Изначально совхозная система не была интересна никому – как бы ты ни работал весь год, а 1 января на твоём счету всегда был ноль. Все, что было на балансе хозяйства, забирало государство и с нового года вновь начинало финансировать нужды совхоза. По сути, работа теряла свой смысл и интерес – ради чего тебе надо было работать? Только ради зарплаты? А потом хозяйственную деятельность изменили по типу колхозной – посадили на расчет, но уже было много потеряно. Самое главное, у людей было утеряно понятие – это мое, и ради этого я работаю. Не происходило никаких внешних изменений – никто не пытался построить себе большой красивый дом. Все сидели и ждали, когда директор предоставит готовое жилье. Убыточные хозяйства строили небольшие камышитовые квартиры, и это были далеко не те добротные дома из кирпича и всех современных по тем временам материалов, которые строили в наших колхозах. Кстати, колхозная система сохранилась и в сегодняшних наших хозяйствах – принцип работать на себя, расширяться, вкладывать в производство действует, в том числе, и в крестьянско-фермерских хозяйствах. К сожалению, государство приравняло всех к одной ценовой политике. Так быть не должно, ценовая политика применялась даже на территории Алтайского края. Если, предположим, в Бийской зоне урожайность на порядок выше, чем в нашем районе, то, соответственно, в нашем засушливом районе на 1 центнер зерна и труда на порядок больше вложено, а, значит, и цена должна быть другой.

– В 1991 году руководству нашего района удалось сохранить колхозы, несмотря на то, что закон давал возможность разделить землю на паи. Сейчас наступила эпоха,

когда наши хозяйства стали входить в состав краевых агрохолдингов, которые являются их инвесторами. Это естественный или противоестественный путь развития коллективных хозяйств?

– Естественным его сегодня назвать трудно, но и противоестественным тоже нельзя. По пути вхождения в агрохолдинг пошли хозяйства, которые не смогли самостоятельно наладить эффективную работу своих предприятий. По моему убеждению, в большинстве своем это зависело от человеческого фактора – руководители и специалисты этих хозяйств не смогли идти в ногу со временем. Ведь все эти хозяйства были равно богатыми, однако одним удается до сих пор сохранить стабильность в работе, а другим, увы, нет. Нужно признать, что кадры, действительно, решают очень многое. Если наших тружеников правильно организовать – результат их работы будет не хуже, чем в передовых хозяйствах. Оценить, хороший или плохой инвестор пришел в наш район, сложно, ведь мы не знаем его внутреннюю экономику. Но то, что видно, так сказать, внешне, позволяет говорить, что хозяйства при нем работают не хуже, чем до него. Безусловно, у нас есть к инвестору вопросы, касающиеся в том числе и социальных обязательств. Но, в целом, это не худший вариант.

– Наш район носит название Немецкого национально-го, однако статуса национального у него все-таки нет. Давайте поговорим об этом.

– Если бы район имел статус национального, то он был бы автономным образованием с финансированием отдельной строкой в бюджете Администрации Алтайского края либо в федеральном бюджете – мы, в свое время, рассматривали и такой вариант. На мой взгляд, это было бы правильно. Вопрос о статусе района поднимался дважды на самом высоком уровне – у президента, однако дальнейший обещаний дело не пошло. Таким образом, на сегодняшний день мы – рядовой район Алтайского края, как и все остальные. Если бы в то время нам присвоили этот статус, то вкупе с поддержкой Германии можно было бы сделать намного больше. Ведь Германия вкладывала больше средств в социальную сферу, нежели в производство. Благо, что Германия помогла нам с переработкой собственного сырья, и мы можем выпускать собственную готовую продукцию. Но самые большие средства были вложены в строительство и приобретение жилья для переселенцев из Казахстана и Средней Азии, приехавших в наш район. В тот период это было очень актуально. Правда, организовать выезд за рубеж это не смогло – мы пережили три миграционные волны. Основная помощь Германии была направлена на развитие районного центра, села получили немного. И в то же время районный центр сегодня еще не состоялся, учитывая его население в две тысячи человек.

На новой технике и дело спорится. В хозяйствах района активно приобретают новую сельхозтехнику

Хотелось, чтобы на созданную здесь инфраструктуру приходилось не менее четырех – пяти тысяч человек.

– Если оценивать вклад Германии в поддержку района и в целом в развитие российских немцев, можем ли назвать эту помощь логичной? Или логичнее было бы создать в районе какое-нибудь базовое предприятие, вложить средства в производство?

– Если посмотреть с позиции сегодняшнего дня, конечно, было бы эффективнее построить в районе какое-нибудь производство на 2000 рабочих мест. Я был в составе делегации, изучавшей в Румынии деятельность Фонда, подобного Фонду «Алтай». Мы видели, как германская сторона построила там два небольших завода на 500 рабочих мест по производству простого электрооборудования на автомобили, которые выпускают в Германии. Вероятно, что-то подобное можно было бы построить и у нас (разумеется, с учетом расстояний и экономических условий), что бы решило проблему трудоустройства наших людей. Безусловно, помощь Германии району видна, и мы благодарны за это, но сделать можно было бы больше. Нам всегда казалось, что 10 лет со дня образования района – большой временной промежуток, а оказалось, и 20 лет – совсем немного. Это ощущается, когда смотришь на райцентр, и ясно ощущаешь разницу – каким он был и каким стал за эти двадцать лет. Я думаю, это могут оценить и наши жители.

– Миграция была той исторической вехой, которая разделила и судьбы, и семьи наших жителей. Как вы считаете, кто сделал правильный выбор – те, кто уехал в Германию, или те, кто остался здесь?

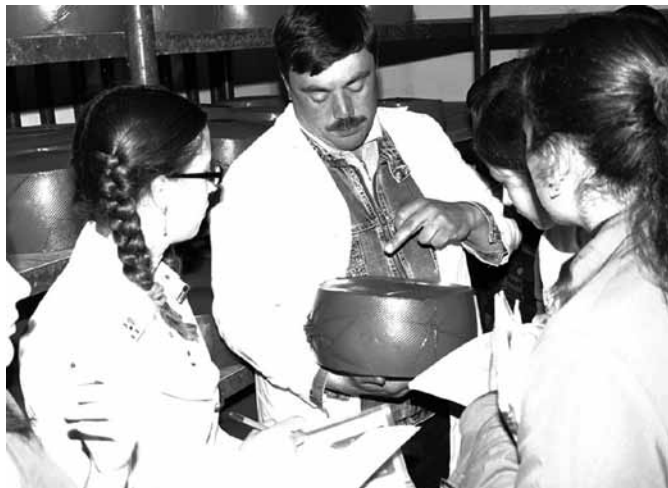
– Учитывая период перестройки и те экономические условия, в которых жила вся страна и наш район в том числе, люди принимали правильное решение. Приехав в Германию, они увидели совершенно другие условия жизни и труда. Часто можно было услышать – теперь я не хожу в резиновых сапогах, мне не надо в пять часов утра вставать, чтобы подоить корову. Не говорилось, правда, о том, что имеющаяся работа удовлетворяет гораздо меньше, чем та, что была в родном колхозе, но это было заметно. Если бы не тот сложный экономический момент, с которым совпало открытие границы, думаю, люди бы не уехали, а остались бы здесь. Тогда же люди ехали, можно сказать, в небытие – никто не знал, хорошо там или нет. А ведь интеграция нашего населения в Германии не состоялась до сих пор, вероятно, полностью интегрироваться сможет только поколение, родившееся там. Самый большой миграционный удар по району нанесли родственные связи. Типичная ситуация, когда дети уехали, а родители остались, оказалась самой непростой, и родители, по сути, вынуждены были уехать вслед за детьми. В такой ситуации не думали – плохо в Германии или хорошо – хотелось просто быть рядом с самыми близкими. Многие даже сегодня говорят о том, что готовы вернуться в Россию хоть сейчас, если бы не осевшие в Германии дети и внуки.

У памятника жертвам политических репрессий в Гальштадте. Установлен на пожертвования

– О языке и культуре хотелось бы еще поговорить. Одной из задач с момента образования района было сохранение языка, традиций и культуры российских немцев. Скажем прямо – язык практически ушел из обихода, но в школах мы его изучаем углубленно. Можно ли считать это достижением?

– Я думаю, можем. Более того, я бы не сказал, что язык совсем ушел из обихода. Часто на улицах нашего села я слышу, как на немецком между собой общаются учащиеся ПУ-69. На родном языке и я до сих пор общаюсь со многими специалистами нашего района. С первого дня, как только мы начали работать с правительством Германии, один из вопросов был о сохранении языка и культуры – для этого были созданы центры встреч, куда ходили и женщины, и дети, и в смысле интеграции переселенцев они сыграли большую роль. Языковые курсы были организованы в каждом селе, и они работали очень продуктивно. Отчасти, туда ходили те, кто собирался уехать, но были и те, кто хотел выучить язык либо повысить свой уровень знаний. Особенно популярными курсы были у молодежи, которой язык нужен был для дальнейшего образования. Языковых курсов впервые нет только в этом году. Что касается немецкой культуры, то она стала проследиваться гораздо сильнее с образованием района. В 80-е годы не звучали со сцен немецкие песни, бо-

На маслозаводе в с. Шумановка

лее того, наши люди, оказавшись за пределами района, по-немецки общались только шепотом, такая тогда была жизнь. А сейчас у нас есть и национальные костюмы, и коллективы, которые выезжают с концертами не только за пределы района, но и за пределы края, и их творчество на немецком языке принимают, понимают и приветствуют.

На районной олимпиаде

– Что для вас является самой большой гордостью из того, что удалось сделать в районе?

– То, что нам удалось сохранить все то, что досталось в наследство. Это и производство, и сельское хозяйство, и образование, и медицина. Облик района – это то, что приносит удовлетворение. Это все то, что ты визуально можешь оценить, когда выходишь на улицы райцентра. Чувство сопричастности к каждому построенному дому, зданию, производству, на котором созданы рабочие места, и ощущение, что ты что-то сделал и оставил после себя – и есть самая большая гордость.

– Какова, на ваш взгляд, перспектива Немецкого национального района, который, по сути, уже давно стал настоящим брендом, изюминкой Алтайского края? Удастся ли сохранить его особенность?

– Я уверен, что удастся. Наш район вновь на слуху с положительной стороны. У меня нет опасений на этот счет. Срок моих полномочий близится к концу, но я уверен, что придет руководитель с намерением сделать район лучше, не сократить наработанное, а, напротив, приумножить. Тем более, что в период объединений как федеральных, так и региональных, никто не посягает на наш район. Мы в районе еще пока с опаской даже относимся к идее объединения сельсоветов, хотя это сложный на сегодняшний день вопрос. Сегодня надо видеть перспективу в животноводстве – мы отстаем от лидера, Бийского района, всего на 200 голов коров. И в социальном плане мы не должны уступать. Уже традицией в районе стало каждые два года сдавать новую школу, будем строить еще одну – в Орлове. Нельзя допустить также и закрытия детских садов, спорткомплексов и Домов культуры, как бы тяжело ни было.

Парад мам на столетии села Кусак

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

КТО ХОЧЕТ, СТАНЕТ ГЕНЕРАЛОМ!

– Вспоминаю сенокосную пору, когда меня в детстве учили заготавливать корма для скота. Опытный наставник выстраивал нас, мальчишек, по росту, и так мы шли друг за другом, оставляя за собой прокосы свежей травы. Нечего было и думать, чтобы остановиться, утереть пот или отдохнуть, ведь сзади на пятки наступал другой косарь. Такое происходило со мной всю жизнь. Я всегда слышал за своей спиной чье-то дыхание, как будто посвист остро отточенной косы, а потому не оглядывался, а шел вперед.

Эту притчу из своей жизни Бруно Генрихович Рейтер поведал во время нашей встречи накануне его юбилея. Разговор, как обычно, протекал в откровенных воспоминаниях, радостных и грустных для моего собеседника.

– Семь десятков лет... Бруно Генрихович, хотели бы вы что-либо изменить в летописи своей жизни, а может быть, даже переписать ее заново?

– Никогда не жалею о том, чего уже не изменить. Всю жизнь самым строгим судьей над собой оставался я сам. Отдаю себе отчет за все прожитые годы, хотя в жизни было несколько крутых поворотов. Возьмем мой уход из науки, когда были отправлены уже все документы на присвоение звания члена-корреспондента, академика Российской академии наук. И такой резкий шаг не один. Я прожил очень интересную и бурную жизнь, в которой немало радостных и печальных событий. Все они легли на страницы истории моей жизни, и по большому счету мне не в чем себя упрекнуть.

– Тем не менее, вас угораздило родиться в несчастное для нашей страны время, тягостное национальной трагедией для населения Республики Немцев Поволжья?

– Да, практически являюсь ровесником депортации поволжских немцев. Родился 28 апреля 1941 года, а ровно четыре месяца спустя начался отчет черного периода в жизни советских немцев. Именно 28 августа того же года нам был вынесен несправедливый приговор.

– Вы в полной мере испытали на себе участь сиротства фактически с самого рождения...

– Родители отца похоронены в Поволжье еще до моего рождения. Нас привезли в Омскую область в октябре, всего неделю прожили в Трубецком Азовского района. Отец был назначен механиком Александровской МТС, размещенной в Цветнополе, где мы и поселились всей семьей. А в январе мобилизовали в трудовую армию отца, чуть позднее –

мать. Когда я научился разговаривать, то бабушку Екатерину звал мамой, деда Готфрида – папой. Так и продолжалось далее, а когда в конце войны вернулась из трудов армии моя мать, то обратился к ней «мамочка». Только отца мы не дождалась, он сгинул в трудовом лагере в Свердловской области. Такая участь постигла многих моих сверстников.

– Как в детстве восприняли Сибирь? Чужбиной, или все-таки она стала для вас родной землей? Как складывались отношения переселенцев с местным населением?

– В моей семье при любых серьезных разговорах звучало слово «Волга». Наверное, во мне генетически заложена тяга к Поволжью. Видимо, в этих подслушанных беседах старших закладывались основы моей будущей политической жизни. Я не мог помнить тот край, но исподволь мечтал о нем со всеми вместе, с теми, кто в нем родились и откуда были изгнаны. Мои самые первые воспоминания относятся примерно к тому времени, когда мне было года три. Эти случаи были в основном трагичны. В памяти пред-

Начало Азовского немецкого национального района. Справа налево: Л.К. Полежаев – Глава Администрации Омской области, Хорст Ваффеншмидт – полномочный Федерального Правительства Германии по вопросам переселенцев и национальных меньшинств и Б.Г. Рейтер

С.М. Шахрай. Без него район мог бы не состояться

стает картина: плеткой комендант выгоняет женщин на работу. Но считаю, что нам очень повезло, ведь в большинстве своем ссыльных размещали в немецких селах. Надо отдать должное мудрой политике тогдашнего областного руководства. Так, среди соплеменников оказались семьи Рейтеров с многочисленными близкими родственниками и семья Готфрида Цветчиха, дедушки по материнской линии. Более того, здесь мы встречали выходцев с того же Поволжья, основавших эти сибирские деревни. Между собой общались по-немецки, до школы я не знал русского языка. Представителями других национальностей в немецких селах Омской области являлись только семьи комендантов, руководителей хозяйств и некоторых учителей. Были попытки внести раскол между переселенцами и местными немцами, но они, к счастью, не прижились. С Волги дошла до сибиряков и более высокая культура, и более современные технологии ведения хозяйства.

– Жизнь воспринимается в детстве более радужной, нежели в зрелом возрасте. Не все ведь мрачно было и в ваши детские годы, особенно после окончания Великой Отечественной войны?

– Мы жили тихой деревенской жизнью, воспринимая все, как должное, со всеми заботами и маленькими радостями. В селах оставались в большинстве своем старики со старухами да малыми детьми. Поэтому все нам приходилось делать: и топор держать, и рубанком строгать, и землю копать, и сено косить, и скирдовать его. К крестьянскому труду я приучен с малолетства, мои сверстники рано выросли. Все мои родные имели достаточно высокое образование, поэтому я тоже рано пристрастился к грамоте. После войны стали возвращаться к семьям родители, мобилизованные в трудармию. Жить стало веселее, как любил говорить тогда советский вождь.

На первой районной спартакиаде в с. Цветнополе

– Кем, по-вашему, для народа, особенно для детей было то социалистическое государство, наша страна в недавнем прошлом – матерью или мачехой?

– Без сомнения, матерью. Невзгоды в те тяжелейшие годы испытало на себе не только немецкое население. Конечно, всего, в том числе и победы в войне, страна могла достичь меньшей кровью. Но все мы сильны задним умом. У нас была суровая, строгая, не всегда справедливая, но все-таки мать. Распорядители наших судеб, которые были рядом с нами, сами становились заложниками системы. А до виновников больших трагедий мы не могли достать, они были страшно далеко.

– Вам оказалось доступным школьное образование именно в том объеме, который желали получить?

– От школьного образования я взял все, что можно было получить в тех условиях. В начальных классах после войны учились без учебников, одна тонкая тетрадка на весь год для чистописания, остальное писали на обрывках обоев, между строчек газет. Я благодарен дедушке с бабушкой, которые вели меня по жизни и по учебе. «Бруно, запомни

Соратники: Б.Г. Рейтер, В.П. Леонтьев и А.Ф. Динкелакер

на всю жизнь: если в этой стране ты хочешь быть наравне со всеми, ты должен быть на голову выше остальных. А для этого надо учиться», – говаривал мой дед Готфрид Цветчих. Для меня эти слова стали заповедью. Учеба мне давалась легко. Об этом говорят отличные оценки в аттестате зрелости, кроме «тройки» по русскому языку, который только во время службы в армии усвоил по-настоящему.

– Но что оставалось деревенскому парню на потом, после получения аттестата? Звание «советского крепостного», как исподтишка именовали себя колхозники?

– Я сразу готовился продолжать учебу после школы, тем более, о моих способностях и задатках не уставали повторять взрослые. Мы не страдали в ту пору вольнодумством и воспринимали действительность, как она есть: я спецпереселенец, состоящий на учете, и должен регулярно отмечаться в комендатуре. Чувство несправедливости по отношению ко мне присутствовало, но стремился быть выше обид. Хотел получить образование и обрести профессию. Но тогда институт поступить сразу было невозможно, надо было отработать два года. И с армией не все было понятно: призывают – не призывают? Пока по линии военкомата в 1959 году привлекли на учебу в 21-е профессиональное училище. Готовили из нас киномехаников, хотя скрытно учили на военных радистов. Оставалось свободное время, поэтому заочно поступил еще на учебу в Омский сельхоз-институт. Правда, до первой сессии не доучился, призвали в армию.

Встреча двух глав немецких районов. Справа – глава Алтайского немецкого национального района Иосиф Бернгардт

– Как случайность восприняли повестку на армейскую службу? Вы стали одним из первых призывников из числа советских немцев, которым довелось служить в Советской армии после войны. Были рады, выполняя эту почетную обязанность гражданина СССР, как говорилось в прежние времена?

– Годом раньше, чем меня, советских немцев стали призывать в армию, но в стройбат. А призыв на службу в боевую часть считаю своим вторым днем рождения. Три с

половиной года армейской службы – самый светлый период за всю мою 70-летнюю жизнь. Я ощутил чувство справедливости и равноправия, познал настоящее воинское братство. По-настоящему мог проявить свои способности в военной выучке, теперь все зависело только от меня. Хотя многому обязан людям, которые меня окружали, в частности, генерал-майору Куприянову, бывшему фронтовику, выходцу из Томска. Я был начальником радиостанции, обслуживающей командира дивизии, а в моем экипаже, кроме телеграфиста Ананьева, служили немцы. Именно там я почувствовал уважительное отношение к немцам. Отправляя нас на сборные пункты для новобранцев, нам отцы-командиры советовали: набирай своих. Потому что знали про такие лучшие качества этих солдат из Сибири, как дисциплинированность, исполнительность, порядочность. Причем, моя служба проходила в Прибалтике, но довелось и пересекать территорию Польши, и стоять на границе с Германией.

– Можно было продолжить военную карьеру, но вы выбрали учебу в вузе. Что повлияло на выбор профессии?

– Мой командир генерал-майор Куприянов настойчиво предлагал мне военную карьеру. В ответ я твердо заявлял: «Хочу стать генералом!» Комдив понял, что с моей фамилией далеко в военном звании не взлечу, а вот на гражданской службе можно штурмовать высоты. И с профессией я определился давно. Всегда видел хлеб на столе у своего друга детства Анатолия Динкелакера, отец которого работал агрономом. У моих же родных хлеб долгое время считался лакомством. Потому я и мечтал о профессии агронома. Памятью и соображением меня Бог не обделил. Из-за того, что нам пришлось переслуживать в армии свой срок (не хватало замены, мало рожали детей в военные годы), дали возможность не только повысить военную квалификацию, но и подготовиться к поступлению в вузы. По сравнению с другими абитуриентами я был более «подкован» в знаниях. Многим на стипендию всерьез рассчитывать не приходилось. В вуз поступал сплошной солдатский гарнизон 40-41 года рождения, безотцовщина, по этажам мель-

С одной из многочисленных делегаций из Германии

На семинаре-совещании руководителей центров и филиалов немецкой культуры, общественных организаций российских немцев Омской области

С Ириной Родиной

Начало газификации района

кали одни зеленые гимнастерки, изредка – матросская роба. Школу эти «кузнечики» закончили давно, за время службы не каждый мог подержать в руках учебники. Бывало так: месяц-другой получаешь стипендию, а потом – «неуд», и стипендии не видать. Иногда шесть стипендий приходилось делить на группу из 25 человек. Нас было шестеро студентов в группе, которые «могли» тянуть за собой более слабых сокурсников. Зато всей группой зарабатывали на разгрузке барж, вагонов и прочих тяжелых работах. Так и учились с первого до последнего курса, объединенные студенческим братством.

– Могли бы пополнить ряды организаторов аграрного производства, но судьба «затянула» вас в науку. Вы деревенским мальчонкой могли мечтать о том, что станете ученым? Но почему стали работать в области генетики, еще не столь давно считавшейся в СССР лженаукой? Скучно не было?

– Когда после армии осуществил второй заход в сельхозинститут, вспомнил, что дома хранится книжка по генетике, случайно попавшаяся в груде макулатуры. Попросил, чтобы мне ее из деревни прислали. Стал самостоятельно изучать теорию Менделя, основателя генетики. Чем-то она меня задела. Подумал: да ведь это «высшая математика» в биологии. Проявил свои знания по генетике на занятиях, проводимых Серафимом Ивановичем Леонтьевым, и был замечен им, привлечен к исследовательской работе. А скучно мне никогда в жизни не было. Всегда увлеченно занимался тем, к чему имел прилежание – музыкой, спортом, охотой.

– Но как ученый переродился в политика? Что же заставило вас изменить науке, заслужив звание доктора биологических наук, профессора...

– ...без пяти минут члена-корреспондента Академии наук. Начинал в аспирантуре Омского сельхозинститута в 1968 году, а закончил в СибНИИСХозе в 1992 году. Это годы моего служения науке, если не брать в расчет учебу в вузе. Я уже говорил, что с юных лет, еще неосознанно, в моем мозгу отложились слова «дом», «Волга». Они имели одинаковое значение для изгнанников из Республики Немцев Поволжья. Провожая меня в армию, дед Готфрид Цветчих завещал на тот случай, если не дождется: «Тебя Бог наделил многим, в том числе умом и сердцем. Но не думай только о себе, таком везучем и умном. За тобой стоят те, кто не доучился, кто не вернулся из трудармии, кто ждет возвращения на родину. Справедливость должна восторжествовать. Возьми в соратники тех, кто образован и неравнодушен к своему народу. Вас немного, но вы способны защитить интересы обездоленных и несправедливо обвиненных». Следует сказать, что дедушка дождался, когда я демобилизовался и поступил в институт. Но я был обязан следовать его завету, поэтому в немецкое общественное движение входил постепенно, начиная примерно с 1987 года.

Оно не было однородным, но никогда мои сторонники не выдвигали экстремистских требований. А когда созрели исторические условия, я сознательно отдался политике. На выборах в областной совет с первого раза был избран депутатом. Правда, проиграл выборы в Верховный Совет России, но этот проигрыш был достойным. Так и входил в бурное русло политической жизни, прекрасно понимая, что ступил на нелегкую стезю. Я всегда был прагматиком: надо сегодня брать то, что можно получить. Не возродить в одночасье Республику Немцев Поволжья – можно создать немецкий национальный район в Сибири, в местах компактного проживания моих соплеменников.

– Нелегко было «пробить» решение о создании такого района в Омской области на федеральном и даже областном уровне. Но, видимо, труднее на собранных по кусочкам землях организовать всю районную структуру?

– На каждом этапе были свои трудности. Надо было учитывать историческую, психологическую и политическую ситуации, чтобы достичь цели. В какой-то мере это было похоже на авантюризм. Мы готовились отстаивать идею создания района узким кругом: моими единомышленниками были Анатолий Фридрихович Динкелакер и Эдуард Генрихович Кербер. Без лишней скромности скажу: эта тройка стояла у истоков образования района. У последнего был богатый опыт партийно-хозяйственной работы, который, несомненно, сыграл положительную роль в претворении наших замыслов. Я боялся проиграть в этом тайном предприятии, не делился даже со своим коллегой-депутатом, доктором медицины Альбертом Антоновичем Обгольцем, но помог случай. И на историческое заседание областного совета я шел, вооруженным продуманными действиями и вдохновленный моими соратниками: сейчас или никогда. Вопросы о создании национального района не было в повестке дня, только в конце ее утверждения я попросил дополнить повестку. Хотели перенести вопрос о районе на другое заседание, предло-

жив его подробно проработать. Если бы пошли на это, то дело бы окончательно провалили. Следующего заседания уже не было, вмешались события, вошедшие в историю под названием путча ГКЧП. И только благодаря позиции председателя облсовета А.П. Леонтьева вопрос был включен в повестку дня. Именно его по праву считаю одним из отцов-основателей района, как и Сергея Михайловича Шахрая, на федеральном уровне помогшего мне ходить по коридорам власти, преодолевая противостояние столичных чиновников. Если бы не эта помощь, то вопрос об Азово 17 февраля 1992 года не попал на заседание Президиума Верховного Совета Российской Федерации. Именно в этот день при отсутствии основных противников депутаты единогласно проголосовали «за» и Указом Президиума был официально утвержден Азовский немецкий национальный район в Омской области. И вот здесь хочу отметить еще одного человека, помогающего созданию района на региональном уровне, – главу областной администрации Леонида Константиновича Полежаева. Сразу после издания Указа он взял под личный контроль все основные вопросы строительства района. И все эти годы опекал его. Я не готовился руководить районом, считал своей задачей подвести политическую основу. Были более опытные партийно-хозяйственные руководители немецкой национальности, на которых я рассчитывал. Но, видя развал экономики в том переходном периоде, они не хотели участвовать в казавшемся им авантюрным проекте. Пришлось самому включиться в практическую работу. Для меня все весенние месяцы 1992 года оказались одним из тяжелейших периодов. Но, слава Богу, не препятствовали главы администраций районов, земли которых отходили к восстанавливаемому Азовскому району. Радостным оказалось, что 78 процентов населения разных национальностей на референдуме высказалось за создание района. И, конечно, громадное значение имеет то, что руку помощи в эти годы нам протянула Германия.

11. На празднике Великой Победы.

На волейбольном турнире на кубок М.А. Руденка в р.п. Полтавка

– За короткое время Азовский район стал занимать передовые позиции и в экономике, и в социальной сфере. Стал славен механизаторами и доярками, учителями и врачами, спортсменами и артистами... Гордитесь этим?

– Вижу в этом, прежде всего, заслуги самих азовчан. Замечательный народ живет в нашем многонациональном районе. В этом видится также заслуга моих соратников, профессионально подобранной команды руководителей и ведущих специалистов. Никто не сможет опосредовать достижений района, накопленных более чем за 18 лет. Осталось только сохранить их и преумножить дальше. По моему мнению, к глубочайшему сожалению, сегодня этого не происходит. На протяжении нескольких лет складывается предвзятое отношение к району. Вызывает недоумение кадровая политика, нарушившая принципы подбора кадров по компетенции, профессионализму.

– Почти все эти 20 лет вы совмещали посты руководителя района и председателя Немецкой национально-культурной автономии Омской области. Легче ли теперь живется вам, связавшему дальнейшую жизнь с общественной деятельностью?

– Я не разделял для себя эти должности по значимости. Был причастен к основанию того и другого – района и автономии. Закон о национально-культурной автономии – это один из истоков полугодовой работы на моем посту начальника департамента российских немцев Министерства национальностей России. А потом еще была Федеральная целевая программа поддержки российских немцев, к которой я тоже причастен. Ее началу способствовала наша встреча с первым Президентом России Борисом Ельциным, когда он приезжал в Омск. Менее чем через неделю по этому поводу состоялась встреча с ним уже в Кремле, разработка программы сдвинулась с мертвой точки. Увы, в последние годы государственная политика по национальным вопросам все более утрачивает свое назначение. Поэтому и для общественных национальных организаций наступают нелегкие времена.

С песней по жизни

– Немного отойдя от хозяйственных забот района, каким вам видится будущее немецкого национального образования на сибирской земле?

– В будущем году мы будем праздновать 20-летие со дня основания Азовского немецкого национального района. Мы стремились к тому, что укрепим в экономическом плане и постараемся привлечь побольше инвестиций со стороны исторической родины. Ждали, что к нам начнут возвращаться уехавшие из Азово в Германию, по крайней мере, бывшие наши соотечественники будут заинтересованы в деловом сотрудничестве с нашим районом. Мы хотели, чтобы наделами земли в районе владели переселенцы – российские немцы из Казахстана и других среднеазиатских стран, чтобы лучшие сельскохозяйственные земли имели настоящих хозяев и приносили весомую отдачу, используя по назначению. Судя по стилю нынешнего руководства, эти благим намерениям не суждено сбыться. Меня тревожит будущее нашего района.

– Бруно Генрихович, может ли сегодня мальчишка из Азовского района повторить ваш жизненный путь?

– Сегодняшние мальчишки грамотнее и талантливее нас. Но, мне кажется, у них нет того идеала, жизненного ориентира, к которому нужно стремиться. Я бы выразился, нет знамени, ведь наше общество до сих пор не объединено общенациональной идеей, размыта идеология. Да и не надо повторять то, что нами пройдено, есть другие высоты. Думаю, что возможностей у молодежи сегодня больше, чем было у нашего поколения. Другое дело, что расслоение общества по материальному обеспечению ограничивает желание многих. Одно из направлений работы нашей общественной организации – выявить молодую поросль, которой дорога идея сохранения и развития национальных традиций и культуры. Пусть молодежь знает свои истоки, стремится реализовать себя в этой жизни, потрудиться на благо общества, в свою очередь, оставить после себя достойное поколение. Буду счастлив, если удастся достичь этих целей!

– Спасибо за беседу! Бруно Генрихович, я поздравляю вас со знаменательным юбилеем! Пусть не подводит ваше здоровье, чтобы еще смогли на протяжении долгих лет претворять свои планы. Пусть не только наши современники, но и потомки по достоинству оценят ваши заслуги в деле

служения Родине. Желаю вам удачи во всех добрых делах и начинаниях, неиссякаемого оптимизма. Думаю, к этим пожеланиям присоединятся и многие читатели журнала «Культура».

Беседовал Николай ШОКУРОВ

Основные периоды и события в жизни Бруно Генриховича Рейтера

Гвардии майор, кавалер ордена Дружбы, Офицерского креста ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германией», медали «Екатерининская медаль» и медали Русской Православной Церкви «За возрождение Храма»

Родился 28 апреля 1941 г. в Саратовской области Франкского кантона, с. Гусенбах (АССР НП).

1941 г., сентябрь – депортация в Сибирь.

1948–1959 гг. – учёба в Александровской семилетней и Цветнопольской средней школах Азовского района Омской области.

1959–1960 гг. – тракторист с-за «Чеховский» Кокчетавской области (Казахстан).

1960–1963 гг. – служба в Советской армии.

1963–1968 гг. – учеба в Омском сельскохозяйственном институте.

1968–1971 гг. – учеба в аспирантуре.

1971 г. – кандидат биологических наук.

1971 г. – старший научный сотрудник Омского сельскохозяйственного института.

1971–1973 гг. – руководитель группы селекции института.

1973–1992 гг. – заведующий лабораторией нетрадиционных методов селекции Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства, г. Омск.

1985 г. – доктор биологических наук.

1989 г. – профессор.

1990–1994 гг. – депутат Областного Совета народных депутатов.

1994–1998 г. – депутат Законодательного Собрания Омской области.

1992–2010 г. – глава администрации Азовского немецкого национального района.

1995–1996 г. начальник Департамента по проблемам российских немцев Министерства по делам национальностей РФ (по совместительству).

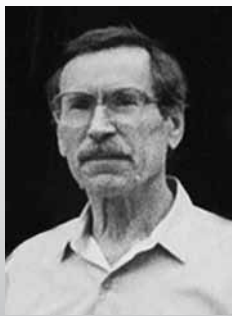
С декабря 1997 года – председатель Совета Немецкой национально-культурной автономии Омской области.

Правительственные награды: медаль «Ветеран труда» – 1987 г., орден Дружбы – 1999 г., Почётный знак «За развитие спорта, медаль РПЦ «За возрождение Храма» – 2007 г., Памятная медаль «Екатерины II», Офицерский крест ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германией» – 2008 г., памятная медаль «Патриот России» – 2009 г.

Женат: жена – Светлана Александровна. Дети: дочь Ирина, 1967 г.р., сын Анатолий, 1971 г.р., 7 внуков.

На праздновании 100-летия с. Азово

Александр МЕРК

Родился 12.02.1942 года в деревне Тарлык (Laub) Любинского района Омской области. После окончания в 1965 г. Сибирский автомобильно-дорожный институт, трудился на инженерных должностях в Зарафшане, Витебске и Рязани. С 1998 года живет в Берлине. Публикует свои статьи в русско-немецкой прессе (Heimat, Родина).

«ТАМ МЫ ЖИЛИ БУДУЩИМ, ЗДЕСЬ ЖИВЕМ ПРОШЛЫМ»

(ПОСЛАНИЕ ВНУЧКЕ)

Окончание, начало в журнале «Культура» № 18, 2010 г.

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Вся Россия – в муках великого передела...

М. Шолохов

К концу брежневского застоя страна напоминала дряхлого старика, такого же, как сам украшенный иконостасом больной венценосец. В науке и технике она очутилась на задворках мирового прогресса, экстенсивная экономика топталась на месте; её стали обходить передовые страны, а правящие круги трубили о свершениях. Кадровая стагнация (в 1966 году отменили ротацию кадров) создавала основу коррупции. Безудержно рос состав КПСС (с 2,5 миллиона в 1966-м до 19 миллионов в 1985-м), а авторитет партии падал. В области духовной общество оказалось в коллапсе, его рабедали потребительские настроения, лихоимство, скептицизм, воровство власть имущих, пьянство, рост преступности. Словом, «подгнили нравственные стропила», как сказал Михаил Шолохов. И всё негативное списывалось на пережитки прошлого, будто новая реаль-

ность ни при чём. Стержневой задачей государства, замечала твоя бабушка, было, чтобы народ не богател (тогда правящее сословие станет ему не нужно). Дабы быть востребованной, получать взятки, мафия в лице номенклатурных бонз всё сделала дефицитным. Западные радиоголоса не без оснований убеждали, что в СССР не диктатура пролетариата, а диктатура номенклатуры. Если чиновник из этой обоймы и провалит работу, его переведут руководить на другое место, независимо от компетентности. В теневой экономике, контролируемой мафией, было занято до 15 миллионов человек. К началу 80-х годов обуви выпускалось в несколько раз больше, чем в США, а хорошая обувь была дефицитом. Слова заграничной поездки, импорт обрели сакральный смысл. Не говорили, что купили, а с гордостью возвещали: «Достал!» Всё устраивалось, добывалось, утрясалось по знакомству. Дружили больше не по склонности души, а по потребности тела, из корыстных побуждений – с распорядителями дефицита, нужными людьми (завмаг, товаровед, декан, врач...)

Жили мы двойной моралью: дома слушали «голоса» и говорили своё, а публично – дозволенное (осторожно обходили рифы стукачества). Идейное брожение, эрозия морали, беспринципность пронизали все сословия, и тон в этом задавали верхи. На излёте жизни мой отец отказался от всякого чтения: «Всё равно это неправда». Честных людей в глаза называли дураками. Всех принуждали ходить на праздничные демонстрации – как выражение поддержки власть предержащим. Хрущёв провидчески писал: «Узнают люди, что партия обманывала, наступит партии конец». Такой, мафиозный, социализм зашёл в тупик.

А в это время... Брошенные в Тарлыке полуразваленные дома мрачными глазницами оконных проёмов словно предвещали его конец. Впечатление они производили удручающее и тягостное. Жители оставляли селение и переезжали в Омск, Любино, центр совхоза. Работоспособных становилось всё меньше, в деревне открыли детсад. Никто не соглашался уже идти в пастухи, и пришлось пасти частных коров по очереди. Вещизм затмил собой все доктрины и заветы. Строить, обставлять жильё, обустраивать дворы стали всё богаче и вычурнее. Жили кучеряво, безмятежно, но комфорт искушает, разлагает. Изменилось отношение к работе в совхозе, добросовестность тоже стала дефицитом. Характерный штрих: зимой в селении не оказалось сухих досок, и гробы сбивали из сырых.

Обеспеченные материально, некоторые «аристократы плуга», по выражению Мопассана, устроили борьбу мелочных амбиций, суетного тщеславия. Кое-кто надувался спесью, вёл себя заносчиво, точно свадебный генерал. Известен случай, когда женщина, придя в гости к подруге, с порога кинулась к её шкафу – проверить, сколько у той платьев. Выразительно замечено в мольеровском «Тартюфе»: «Завистники умрут, но зависть – никогда». Последняя сочеталась с доносом. В начале 80-х на похороны приехал Г. Форат и выступил у могилы. Власти по доносу запретили «оратору» приезжать в Тарлык. С завистью и чванством обнявшись, по закоулкам и подворотням крадась сплетня. Сейчас в отдалении беспристрастно анализируешь положение в общине тех лет и неизбежно приходишь к грустному выводу: она заведомо разрушалась изнутри и потому была обречена, в половодье разочарования её продолжали бы покидать. Как Рим пал не столько под натиском извне, от варваров, сколько от собственных пороков и роскоши, так и наше селение всё равно, без русских или исхода в Германию, само пришло бы в нынешнее плачевное состояние. От имущественного и социального расслоения, борьбы неукротимых честолюбий, воровства и эгоизма, утраты настроения на труд – как следствие духовной немощи и заражённости охватившим страну нигилизмом. Если наша насмешливая деревня несёт крест, то это гордыня, зависть, тщеславие.

Страна требовала перемен: социализма с человеческим лицом, без лжи, принуждения, унижающих народ привилегий. «Демократов-перестройщиков» одна власть уже не устраивала; под словоблудие о свободе они рвались в собственники. В 2003 году в интервью «Литературной газете» бывший член политбюро Александр Яковлев с гордостью поведал, как они с Михаилом Горбачёвым тихим сапом переводили страну на частнособственнические рельсы. Выверенную извне партию похорон социализма эти двурушники исполнили под аккомпанемент партийной лжи и цветистых фраз. Нерешительный и недалёкий «Горби», как сладкоголосая сирена, всех очаровал, вселил надежду, усыпил. На него надеялись, как на мессию, а он, выполняя заказ мировой закулисы, обманул весь народ. Кстати, пресса США сообщила, что российские «реформаторы» были на содержании ЦРУ. В те годы Вячеслав Добрынин пел: «Кто-то тихо играет на дудочке, под которую кружит Земля». Твоя бабушка по этому поводу обронила: «Это не кабацкая песня, а отражение нового миропорядка». Провозгласили гласность, перестройку. Объявили о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. Партия и народ это проглотили, по выражению того же Александра Яковлева. Объявили, что частная собственность – это и есть настоящий социализм, что он не поддаётся реформированию; непостижимо, но проглотили. Установили демократию, что привело к анархии, хаосу: допущенные творили, что хотели. Ангажированные СМИ, подобно стервятникам, наперебой кинулись ворошить белё прошлого, очернять и высмеивать историю страны, её достижения. Социализм сознательно дискредитировался, продукты прятались или уничтожались, чтобы вызвать недовольство, часто не хватало хлеба. При этом замалчивалась гуманизация социализма в его развитой фазе. Чем хуже, тем лучше. Вследствие милитаризации и авантюрной антиалкогольной кампании был подорван бюджет страны. В конце 80-х годов в швейцарские банки вывезли золота и ценностей на 50 миллиардов долларов и одновременно у Запада выпрашивали кредиты, которые разворачивались, страна оказалась в долговой кабале.

Разыграли и национальную карту, между народами сеяли вражду, разжигали сепаратистские настроения... Поражает лёгкость, с какой население поддавалось лживой пропаганде, что во всех бедах виноваты русские. Монолитное здание нерасторжимого братства народов, возведённое

на советском фундаменте и сцементированное в кровавых потрясениях, не выдержало напора местных элит, добивавшихся «самостийности» от старшего брата, и рухнуло. Один молдавский поэт до сих пор ненавидит берёзы, за которыми чудятся русские... Против социализма и русских настраивались и немцы. Вдруг ни с того ни с сего в Тарлыке пробудилось национальное самосознание. По областному телевидению выступил наш земляк Д. с нападениями на русских, эксплуатирующих-де нашу деревню. Стали требовать – вполне справедливо – строительства в селении новых зданий школы и клуба, вообще отделения от совхоза. Доверчивые деревенские люди! Не уразумели, что всё это им внушили и разрешили озвучить. Не понимали, что в неустроенности деревни русские не виноваты, что есть государственная ценовая политика: сельхозпродукцию государство принимает по низким ценам, а технику, топливо, стройматериалы и т.д. селу продаёт по высоким. Как бы сельчане ни старались, всё равно их хозяйства будут нерентабельными – так было задумано. «Убытки» охотно списывались, ведь в действительном ущербе оставалось село. Это отчуждение крестьян от земли, её опустынивание продолжается...

Пошли разговоры о немецкой автономии. Теперь выяснилось, что и это было инспирировано с целью возродить у немцев надежды и предотвратить их выезд из страны. Все иллюзии рассеялись, когда популист Борис Ельцин цинично предложил нам освоить испытательный полигон. По словице: на тебе, убоже, что нам негоже. Понятны и оправданы возмущение и отчаяние тарлычан, когда открылось, что расценки работ для их фермы относительно совхозных были занижены. Естественно, такое стало возможным только при участии руководства и бухгалтерии фермы. Они надёжно сидели на окладах, снижение расценок скрывали и этим предали земляков. На ферме (как в чьей-то вотчине) имели место случаи, когда поля засеивались только с краю, а неурожай списывались на непогоду. Значит, непосеянные семена и т.д. расхищались. Так эти проницательные чинуши из шкурного интереса не только преступили закон, но и выставили трудолюбивый Тарлык в неприглядном свете.

Общество само шло к пропасти, которая разверзлась в начале 90-х. Есть, есть промысел Божий! Захватив с согласия одуряченного панургова стада власть, сатанинские силы во главе с Ельциным, лишённые чувства Родины, чтобы никому не быть подотчётными, по заданию извне развалили Советский Союз и повели страну на голгофу. «...И такая боль стояла», как очень точно выразился писатель Валенин Распутин. В январе 1991 года ФРГ приняла решение о приёме евреев из СССР, значит, уже тогда мир знал о предстоящем разрушении державы. Расчленив труп колосса, столпы «демократии», оказавшиеся без совести и чести, задушили затем советские и социализм, и с ними ушёл целый мир. Опора и надежда простого человека рухнула, и поэтому на планете его ждёт ухудшение жизни, усиление эксплуатации.

Наглядный пример: реформы здесь, которые демонстранты называют узаконенной бедностью. Эти перемены постепенно превратят средний класс – основу общества – в сословие люмпенов. Уже кое-кто здесь стал по мусоркам собирать бутылки. Высокую безработицу вершители судеб оправдывают плохой деловой конъюнктурой, но почему-то при таком положении неостановимо растёт число миллиардеров.

А там в бурные 90-е годы возликовала криминальная вольница, подвластная пиратским понятиям. И взошли на Диком поле, удобренным беззаконием и беззаканностью, ядовитые сорняки: рэкет, заказные убийства, «крыша» (покровительство бандитов за плату), финансовые пирамиды, бронированные двери в квартирах, тонированные стёкла машин. Подобно религии, общество пронизал махровый дух наживы и стяжательства. Растоптанную страну отдали «на растерзание мародёрам», по мнению философа Александра Зиновьева, а Запад старался её, лежачую, добыть.

Это была пора, «когда делилось и разрушалось всё – государство, земля, вера, история, законы и взгляды», как определил то время Валентин Распутин. Коммунисты-оборотни, сомкнувшись с уголовниками, присвоили достоинства народа, которое продолжали проматывать. В одночасье люди потеряли также свои многолетние сбережения. Чтобы избежать гражданской войны, водку сделали дешёвой, стали народ спаивать и взахлёб кричать, что наконец-то он обрёл свободу. И учреждения, и народ, прирученный под угрозой репрессий не роптать, без борьбы покорились мафии и выпали из пространства своей истории. А сопротивление патриотов в Белом доме осенью 1993-го года по-бандитски было утоплено в крови. Александр Солженицын воззвал: «По стране свободно шествует преступность».

Как грибы после дождя оживились различные секты, месии, шаманы, колдуны.

И парадокс: эти антихристы со свечками поставили себе на службу церковь. Сбылось шекспировское: «Порвалась дней связующая нить». Произошла социальная поляризация населения. Чтобы в страну шёл поток закордонных товаров, отечественное производство сворачивалось до состояния комы. Не получая зарплату, «люди работы ранней» превращались в нищих. Их презрительно стали называть совками, то есть сохранившими черты советских людей. «А советский человек, – возражал Александр Зиновьев, – человек западноевропейской культуры». Разрушается русская историческая и культурная традиция. Воспользовавшись кризисом, либеральная интеллигенция нанесла подлый удар по больному обществу. «Литературная газета» писала: «Для неё не важно – гибнет страна или нет, главное, что нет тоталитаризма...» Нравственные законы перестали действовать, открылись шлюзы самым низменным инстинктам. «Жёлтые» перья и вульгарное телевидение в кураже оголтело чернили русский народ, отсюда понятно, чей это был переворот. Так было и в 1917-м, при первом разграблении страны. Стало быть, в мучительной борьбе за выживание, в мечтах о счастливой жизни для детей и внуков, отказывая себе во всём, народ создал неисчислимые богатства ради того, чтобы их присвоили отморозки и демоны ненасытности.

История повернулась вспять к тому, что уже было. Это положение в свое время обрисовал Антон Чехов: «Наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность, вырождение, пьянство...» И всё это возросло в небывалых масштабах. Вот краткая статистика по России за 1994 год:

- родилось 1,2 млн., умерло 2,4 млн. человек;
- смертность мужчин в 4–5 раз выше, чем женщин;
- зарегистрировано 5 млн. алкоголиков, отравилось алкоголем 56,3 тыс. человек;
- самоубийств 61,7 тыс. (в 1986 г. – 33,3 тыс.), убито 50 тыс. чел. (в 1986 г. – 15 тыс.). Это жуткие данные до преступной войны в Чечне, затеянной ради обогащения клики жадных пауков. С 1992 года население сократилось на 15 миллионов человек (чем это не тихая война на уничтожение русского народа?), чиновников же стало в 14 раз больше, чем в СССР. Смертность от наркотиков за 10 лет выросла в 42 раза и составила в 2004 году 112 тысяч человек, наркоманов стало 6 миллионов. Закрадывается мысль, что элита была заинтересована в вымирании старшего поколения, носителя советского мировоззрения. А молодёжь нетрудно повести на широкий шлях греха. Поневоле соглашались с Валентином Распутиным: «Может быть, раком страдают не только люди, но и города, государства...»

Народ убывает не только физически, но и деградирует духовно и нравственно. Смысл жизни сузился до животных инстинктов за выживание, растёт цинизм, агрессивность, недоверие. Вот по радио передают (1992 год): сейчас каждый что-то продаёт – талант, ремесло, тело(!) А телевидение просит терпимо относиться к содомизму, протитутции, наркома-

нии. Такая забота не остаётся втуне: родители из Воронежа везут в город «жёлтого дьявола», так Максим Горький мог бы назвать сейчас златоглавую Москву, и продают свою дочь. А заезжие «познеры» между тем с телеэкранов продолжают разлагать и развращать российский народ. Бессовестность стала «залогом здоровья», люди привыкли к криминализации языка, «к словарю публичных девок», по выражению Генриха Бёлля. С какой болью Лев Толстой писал, что такое «будет долго ещё совершаться над этим кротким, мудрым, святым и так жестоко и коварно обманутым русским народом». Да, простые люди не были в восторге от социализма, но в наши пасмурные дни они вспоминают то время, как добрую сказку. На этом фоне очевидно, что история – никакой не ход классовой борьбы, а нескончаемая череда насилия и схваток за власть и богатство. Свобода, равенство – лишь фиговые листки для вуалирования истинных замыслов и оболванивания масс. По логике, как правителям нужны подданные для властвования, так и богатым требуются бедные, чтобы было перед кем блистать и кичиться роскошью и показной щедростью. Красноречиво отношение Запада к российскому народу, как синдром патологической русофобии. Сколько слёз было им пролито по поводу диссидентов, боровшихся против советского строя, сколько лицемерных поучений о «правах человека». И под такие же стениания о демократии, несчастных акулах рынка вокруг России теперь всё ту же затягивают удавку военных баз. А до участи вымирающего народа и дела нет, не вспоминают даже о его праве на жизнь. В 1996-м году коммунист Геннадий Зюганов победил на президентских выборах, но их итоги «демократы» сфальсифицировали. Довольный же Запад, уже списавший Россию, хранил молчание. Вспомним, что пронизательный Александр Пушкин писал: «Европа в отношении к России всегда была столько же невежественна, как и неблагодарна».

Вернёмся к нашей насущной теме. Недруги переселенцев под видом радения о них многозначительно вещают, что мы приехали сюда лишь по экономическим мотивам.

Известно, судить по себе – не самая объективная метода. Желание жить хорошо свойственно всем и, прежде всего, им, более склонным к халяве. По крайней мере, переселенцы по приезду сюда не уточняют: «Правда, нам здесь можно не работать?» Помню, как и прежде, многие земляки мечтали о стране предков, но говорить об этом не решались открыто. И вот разрешили... У политиков в этом был свой интерес: СМИ сообщили, что выгода Германии от приезда советских немцев составит 84 миллиарда дойчмарков. Фактически за 1989–2000 годы прибыль страны составила 135,1 миллиарда дойчмарков. С развалом Советского Союза рухнули и устои бытия. Хаос, грабёж, криминал, коррупция, всплеск национализма не оставляли иного выбора, кроме выезда из перекипавшей в кошмарной смуте страны, в которой человек не защищён и ни во что его не ставят. Вся Россия – в кровавых кусках; жить в ней – расколоться сердцем, как писал когда-то Иннокентий Анненский. Все 90-е годы я жил с гнетущим ощущением, что нахожусь в краю, оккупированном бесами из преисподней. Предоставление немцам автономии, как выражение признания их равными со всеми, возможно, многих удержало бы от выезда. Это расценивалось бы и как официальное покаяние за геноцид в годы войны, за непрестанную дискриминацию. Но пока есть нефть и газ, элите не очень нужен и русский народ.

Сейчас в осиротевшем Тарлыке осталось только несколько семей с немецкими корнями. Место уехавших заняли русские и казахи; одного из них зовут Амар, поэтом нашу деревню из «Берлина» перекрестили в «Амаровку». Хозяйственная деятельность замерла: провели реколлеktivизацию, ферма перестала существовать, землю раздали жителям. В той сбродной и гиблой сумятице бесхозная деревня с маргинальным населением пришла в глухое запустение и помалу опустошается. Отдельные уцелевшие дома обросли бурьяном, улицы почти затравели. Немало домов

Федор Андреевич Шмидт, фермер с. Тарлык (Laub) Любинского района Омской области

(в том числе и наших родителей) превращено в руины, их сломали из-за дров. Наши пенаты медленно погружаются во мрак, их обращают в первобытное становище. Но жизнь продолжается. Из Германии возвращаются энергичные энтузиасты (например, Фёдор Шмидт) и с рачительностью и ретивостью отдаются фермерскому делу: споро обрабатывают поля, разводят коров, свиней; при этом нанимают работников. Поддаётся ли в исторической ретроспективе осмыслению столетняя история селения, можно ли из неё вынести уроки? Если да, то только в неразрывной связи с общей судьбой российских немцев, с социальными изменениями в разорённой стране. Со временем, возможно, кое-что возобновится и преобразится. Деревня в обозримом будущем, пожалуй, ещё сохранит свой внешний колорит, но уже без внутреннего стержня – угасшей тарлыкской души. И потому дальнейшее станет уже иной историей. Начало её может быть таким: «Здесь когда-то жили немцы, их сменили русские и казахи. Мы же, дети Поднебесной, обживём этот край навечно...»

МЫ – ДОМА?!

Всё не так, ребята!

В. Высоцкий

И вот мы здесь; правда, с учётом возраста, наше возвращение запоздало. По словам тургеневского героя, «ничего не может быть хуже и обиднее слишком поздно пришедшего счастья». Надо признать, что если бы немцы остались там, большинство постигла бы ассимиляция. Что же мы надеялись здесь увидеть, пережить, и насколько эти ожидания оправдались? Всё здесь нам было внове. Там мы думали, что едем к немцам, а здесь столько иностранцев; местами они преобладают, уже есть школы, в которых не учится ни один немецкий ребёнок. У них совсем другая духовная и культурная ориентация, иные жизненные ценности. Они игнорируют здешние исконные обычаи, культуру, но заседают в бундестаге, в европарламенте, требуют, чтобы нас сюда не принимали. А ООН настаивает, чтобы Германия впускала больше иностранцев. И всем им, как видим, послушно и благодушно внимают. В будущей активной фазе борьбы цивилизаций этот фактор может сказаться роковым образом.

Там мы не осознавали всей беспредельности державы, тут чувствуется ограниченность пространства, соседние государства – рядом. Думали, что Германия, как развитая

страна, сплошь урбанизирована: по статистике 90% населения – городское. На деле число жителей в крупных городах уменьшается, а большинство живёт в небольших городах и уютных посёлках. Каждое поселение имеет своё лицо, поскольку они развивались свободно, без тяготения над ними столицы. Думали, что вследствие перенаселённости всё чахнет, а тут каждый свободный клочок земли в зелени; поражает множество и разнообразие растений. Думали, что земля рачительно используется для выращивания сельскохозяйственных культур; на деле благоухающие дачные участки радуют газонами, цветами, деревьями. Когда мы приехали, город утопал в цветах, от них ломились балконы. Теперь цветов всё меньше – признак того, что жизнь становится прозаичнее, беднее. Думали, что в городе бетона и стали нет места живой природе, а здесь столько чудесных прудов, озёр, каналов с лебедями, утками, чайками, рыбой. В парках и лесах можно встретить кабанов, енотов, куниц, белок, лис, зайцев, ежей. В вольерах пасутся лошади, коровы, олени, козы, овцы, павлины, страусы. Страна – поэма! Думали, что улицы, согласно молве, моют шампунем, в действительности тротуары и газоны загаживаются собачьими кучами. Думали, у всех есть гаражи, а они не очень и нужны: машины паркуются под открытым небом, а ремонтируются в мастерских. Думали, из-за насыщенности транспортом нельзя и на дорогу ступить и дышать будет нечем, на деле водители к пешеходам предупредительны. Там женщина за рулём была почти что невидалью, здесь это – повседневность. Там к езде на велосипеде относились, как чеховский «человек в футляре» (неприлично, непрестижно), тут всеми слоями общества воспринимается как норма.

Летом в сырую погоду жильё отапливается, температуру можно регулировать; о таком там лишь мечтали. Не встретишь здесь разрытых теплотрасс, их попросту нет – каждый дом отапливается автономно. Улицы не обезображены свисающими со столбов проводами, все – в кабелях под землей. Ну а женщины ходят в обуви без шпилек, одеваются дорого, но просто, без мехов и пр., лицо не красят... Там друг к другу ходили запросто; здесь время «визита» принято предварительно обговаривать. Не ожидали мы увидеть так заботливо и с чародейской фантазией устроенные площадки для детей. Однако вместо детских колясок на улице всё больше встречаются инвалидные (население стареет). Там вид у нас был озабоченный. Тут от множества встречных улыбок жизнь казалась безоблачной, незыблемой; теперь лица всё более суровеют, растёт пессимизм. Нужно побыть в российском лесу, чтобы оценить отсутствие здесь комаров, то же – с мухами. С большим уважением относятся здесь к прошлому, более объективны в его освещении; по сиюминутным основаниям не переименовывают города, улицы. Нет ни Мольтекштадта, ни Аденауэрбурга. Несмотря на разор войны, тут сохранилось или воссоздано столько памятников старины: сказочные замки, роскошные дворцы, величественные соборы.

Частная жизнь тут под надёжной защитой, никто не суется с советами, замечаниями. В белорусском городе стою раз в очереди, за мной – малый, ест пирожок. Подошёл некто:

- С чем пирожок?
- С мясом.
- Где купил?
- Там, рядом с киоском.

Сейчас (мелькнула у меня ехидная мыслишка о приевшейся песне) спросит, сколько стоит. И точно...

– Сколько стоит?

Здесь чувствуется разумное отношение друг к другу, о праве локтей и удобстве обхода очереди даже не подозревают. Не хватает и воображения шепнуть: что, мол, от Herrn Schnapsmacher.... Там мы были немцами со всеми вытекающими последствиями, тут нас считают русскими. Слава богу, не фрицами...

Жизнь наша наполнилась новым содержанием: нам пришлось окунуться в иную социальную и культурную среду. По-моему, основное отличие её от советской (а мы воспитаны ею) в том, что тут надо всем доминируют деньги, и счастье связывают и тождествляют с ними. Там мы их не фетишизировали, а здесь усвоили, что без денег человек всего лишён: музыки, книг, возможности путешествовать, даже крова. Герой Эриха Ремарка по этому поводу заметил: «Деньги... не приносят счастья, но действуют... успокаивающе». В погоне за выгодой не существует нравственных барьеров: один житель, к примеру, ради экономии отапливает дом не дорогой соляжкой, а зерном, которое дешевле. В обществе, где мерой всему деньги, может ли медицина быть заинтересована, чтобы не было больных, чтобы меньше покупали лекарств, меньше курили? Неспроста благодарным переселенцам делают столько операций. «Человек, излечись сам», – утверждал мудрец, подразумевая, что лучше эскулапов свою душу и тело знает только сам человек. Там так называемого нарушителя угоняли, воспитывали; здесь и не предупреждают, но все знают, что наказание, по-ленински выражаясь, неотвратимо. Да, гены сильны, но и торжествующая жизнь влияет на формирование облика человека. Не уйти от факта, что в нас много русского, советского (компанейство, бесшабашность и тому подобное), мы недостаточно цивилизованы; напрмер, на публике громко говорим по-русски, а молодые наши зачастую два слова не свяжут без мамы. С тобой, внучка, проблем нет, ты адаптировалась; но мы, взрослые, никогда не станем такими, как *Einheimische* – живём замкнуто, словно на иной орбите. Нас они воспринимают как гримасу ненавистной им тоталитарной системы. Мы и есть продукт советского образа жизни, который, надо признать, имеет много положительных сторон: товарищество, взаимная выручка, неприятие эгоизма, корысти. Принципы воспитания там и здесь отличаются разительно, достаточно назвать здешнюю квазисвободу и эгоманию. Всё это находит отражение в искусстве, в СМИ, формирующих, в свою очередь, человека-потребителя, индивидуалиста, который может, не считаясь с интересами окружающих, заботиться лишь об удовлетворении своих прихотей.

Подобная эрозия общества сопровождается ухудшением социально-экономического климата. Какие только кризисы не разражались за последние полвека, а страна процветала. Теперь она должник, так как стала играть активную роль на международной арене, что влечёт за собой колоссальные затраты. Помимо расходов по подъёму новых земель, на Германию легло основное бремя по поддержанию стабильного Еуро. Другое внешнее обязательство – затраты по расширению ЕУ; в его бюджете доля, вносимая одной Германией, составляет 24,4%. В ЕУ уже 27 стран, а на очереди – остальные бедные страны Европы и Турция. Восстановление Ирака после войны 1991 года обошлось Германии в 16 миллиардов дойчмарок. Во сколько обойдётся ей далее Афганистан, снова Ирак, Палестина, Ливан, Африка и т.д.?

Бюджет государства несёт огромные потери из-за ухищрений монополий, их действительных или мнимых банкротств, искажений отчётности. Классический пример – сверхприбыльный Telekom, у которого за 9 месяцев 2002 года образовалось 25 миллиардов Еуро убытков и 64 миллиарда долга. Сообщая это, СМИ не поведали, куда и к кому ушли эти деньги. Когда сняли главу концерна, гражданина Израиля, положение стало выправляться. Эксперты пишут

о мнимых банкротствах: «Цель – уклониться от исполнения обязательств перед кредиторами, обогатиться, а порой сменить и собственника». Только в 2003 году по стране произошло около 40 тысяч *Figmenpleiten*. В свете этого следовало бы пересмотреть представление о так называемом кризисе перепроизводства в 1929 году. Скорее всего, кризис был следствием спекуляций банков и монополий, которые на нём нажились. Несколько десятилетий на Западе наблюдается перепроизводство (магазины и склады забиты товарами), а кризиса до сих пор нет. Потому что государство установило контроль над экономикой.

Огромные дыры в бюджете вынуждают власти искать панацею в реформах, охватывающих весь спектр жизнедеятельности человека, в результате которых уровень жизни населения неизменно снижается. Проводить их оказалось возможным благодаря развалу СССР: на Западе перестали опасаться социальных взрывов. От революции 1917 года выиграли не российские бедные массы, а рабочие капиталистических стран: чтобы избежать социальных коллизий, им стали улучшать условия жизни. Нынешние изменения имеют и свою внутреннюю логику: с глобализацией идёт постепенный демонтаж социального формата государства, перераспределение национального продукта в пользу богатых. Социальное расслоение усугубляется: заработок руководящих работников концернов в 300–500 раз превышает среднюю зарплату. Половина материальных благ в стране принадлежит 10 процентам населения, а каждый восьмой живёт за чертой бедности. Видный американский экономист Г. Беккер подчёркивает: «Социальное государство в Германии с 90-х годов функционирует только для тех, у кого есть работа, и оставляет за бортом благополучия растущую массу безработных». Рыночная экономическая система, бесспорно, очень эффективна, но бесчеловечна: одни лишены работы, другие безжалостно эксплуатируются до состояния инвалидности. От прессинга на рынке труда растёт число психически больных; неуверенность в будущем приводит немало потерявших работу к самоубийству. Парадокс: национальный продукт растёт, а люди беднеют. В семье так не бывает, даже при постоянных доходах живут, наоборот, с каждым годом обеспеченней.

СМИ сообщали, что раньше на 10 работающих приходился один пенсионер, теперь – 4 пенсионера. Но молчат о невиданном развитии производительных сил за столетие, о производствах, на которых за счёт автоматизации уже не заняты люди, о науке как непосредственной производительной силе, молчат об истинных причинах безработицы. Как сказал твой папа, то, о чём умалчивают, и есть правда. Известно, что природная рента (на землю, недра и т.д.) принадлежит всем гражданам страны, и каждый, вне зависимости от того, работает он или нет, имеет право на её долю. На этом и основано социальное государство, а не на альтруизме богатых, которые, якобы, делятся с обществом. Число пенсионеров (считается, что их сейчас 20 миллионов) и продолжительность их жизни растёт, а число работающих уменьшается, и в то же время всё большая доля продукта создаётся без участия людей (благодаря труду и творчеству теперешних пенсионеров). Значит, существующий порядок формирования пенсионного фонда (от всё уменьшающейся зарплаты) нелогичен. При его создании должен учитываться весь национальный продукт. Базовым параметром мог бы служить *Bruttosozialprodukt* (BSP); от его величины в процентном отношении следует создавать фонды, например, *Rentenversicherung* – 10% от BSP, *Krankenversicherung* – 7% и т.д.

С 1970 по 1980 годы BSP в стране возрос более чем в 2 раза, а число занятых (*Erwerbstätige*) снизилось с 27 миллионов до 25,7 миллиона. То же – в объединённой стране: с 1990 по 1998 годы среднегодовой рост BSP составил 1,4% при среднегодовом приросте за счёт иммиграционного потока населения 0,4%. С 1993 по 2003 годы число занятых также

снизилось: с 36,38 миллиона до 36,17 миллиона. Казалось бы, парадокс: BSP растёт, а число работающих сокращается. Но эти цифры убеждают, что рост BSP не обусловлен ростом числа занятых, и, соответственно, падением безработицы, так как для роста BSP есть другие средства:

- технический прогресс, определяющий производительность труда. Почему-то нет данных о числе высвобожденных работников благодаря вводу автоматизации, другой новой техники и технологий;

- рационализация и интенсификация труда (специализация, слияние, конвейеризация, совмещение, сокращение и т.п.);

- сверхурочные часы, в 2004-м они составили 1,4 миллиарда;

- работа «по-чёрному». В 2003-м число работающих «по-чёрному» превысило 9 миллионов, не внесённые социальные взносы от этого составили 70 миллиардов Еуро.

Известно, что безработица создаёт необходимую конкуренцию на рынке труда, но, к сожалению, удешевляет труд. Она была высокой и в годы наивысшего подъёма экономики. Обратимся к цифрам. В 1973 году пик числа *Gastarbeiter* достиг 2,6 миллиона. В 1974 году увеличение BSP составило 0,5%, безработных было около 1 миллиона. В 1976-м BSP увеличился на 5,5%, а безработных вопреки ожиданию меньше не стало, наоборот, их число достигло 1,1 миллиона. Итак, BSP растёт, экономика развивается, а безработица её опережает. Значит, разговоры о зависимости её от деловой конъюнктуры – это миф...

За период 1991–2002 годов абсолютный рост безработицы достиг 1,78 миллиона человек (4,38–2,60), в то время как прирост населения за счёт иммиграции составил 2,56 миллиона человек (82,54–79,98), то есть прирост населения опережал рост безработицы. Здесь просматривается прямое влияние на неё иммиграции, а цифры эти противоречат выдумке о нехватке рабочих рук. Но куда девать 4 миллиона безработных? (Согласно СМИ, их фактически намного больше). Кроме того, ежегодно на пенсию уходят 250 тысяч человек, то есть на столько минимально должна бы каждый год снижаться безработица. В последнее время её немного сбили (до уровня 4 миллионов), но это не должно вводить в заблуждение. «Успех» достигнут за счёт включения в отчётность тех, кто работает за 1 Еуро, и за счёт перевода на пенсию с 58 лет (с её снижением). Такой избыток рабочих рук – под хор СМИ и элиты об их нехватке. Потому что иностранные работники обходятся в несколько раз дешевле своих. И никакое оживление деловой активности не увеличит занятость, потому что безработица – это проблема не столько экономическая, сколько правовая, демографическая, социальная. Следовательно, при существующем положении нет надежды на снижение этого действенного инструмента обесценивания труда. Значит, неизбежно и далее снижение реальной оплаты труда и, таким образом, уровня жизни. Так, в 2005 году рост зарплаты составил 0,3% при уровне инфляции 1,9% (в 2006-м соответственно 1,2% и 1,7%). Кроме того, под угрозой перевода цехов на восток концерны снижают зарплату или вынуждают трудиться на несколько часов в неделю больше установленного за ту же зарплату. Это, в свою очередь, создаёт почву для дальнейших сокращений. Корпорации получают неслыханные доходы и, тем не менее, в погоне за сверхприбылью продолжают соращения. Telekom, например, в 2004 году получил прибыль 4,6 миллиарда Еуро, а наметил сокращение 32 000 рабочих мест. Там люди на работе были защищены: работника без согласия профкома не могли уволить. Теперь он беззащитен, в любое время хозяин может выкинуть его, как окуроч. Если вслушаться в историю, уже сейчас можно услышать тревожный гул из будущего, внутренним зрением увидеть толпы голодных.

Известно, при любой неудаче ищут козла отпущения. Вот и о нас измыслили, что мы стране в тягость. Однако

возрастная структура переселенцев почти вдвое моложе здешней, удельная численность наших пенсионеров значительно меньше. Более того, согласно данным «Institut der Deutsche Wirtschaft», за период 1989–2000 годов работающие переселенцы внесли в пенсионную кассу на 37,8 миллиардов DM больше, чем было выплачено всем нашим пенсионерам. Размер же пенсии переселенцам установлен на уровне 60% от пенсии местного населения. Кому-то очень нужно, чтобы Германия не принимала российских немцев. Поэтому СМИ создают в сознании граждан негативный образ *Aussiedler*, этого русского. Рассортировали нас по параграфам – как овец пометили. Кто здесь работал или работает, знает, как подчас неприязненно *wessi* относятся к нам. А ведь российские немцы – это свежая струя в застоявшееся, дряхлеющее общество. Их неоценимый опыт жизни в иной культурной среде, в многонациональной стране, при ином общественном строе неостребован, равно как и знание двух языков. Не представлены они во властных структурах, не видно их, замечательных певцов, артистов, на телеэкранах. Всё чаще они задаются вопросом: а дома ли мы? Если мы и дома, то чувствовать себя, внучка, как дома, можешь только ты.

ПО ПРАВУ ИЛИ ПО ПРАВДЕ?

Никто не знает настоящей правды.

А. Чехов

За этим простым вопросом стоят, в сущности, два мира со своими воззрениями, верованиями. Один представляют народы Запада, в том числе немцев, другой – русских. Немец издавна живёт по праву и закону, русский – по правде, справедливости и совести, по Христу; он ищет «не истину, а правду». Неслучайно Эжен Йонеско доверил бы возглавить мировое правительство одному лишь Чехову, писателю русскому. Чехов – тот камертон, с которым каждый землянин может свериться, по правде ли он чувствует, мыслит, живёт. Как проясняет «Литературная газета», в Европе главное – талант, в России – призвание, то есть направленность таланта. Человек, ограбивший здесь ближнего по заключённому договору, не чувствует угрызений совести – закон им не нарушен. И немногие жаждут слышать

Голос правды небесной

Против правды земной.

М. Цветаева

Евангелие остерегает: «Wenn die Gerechtigkeit durch das Gesetz kommt, so ist Christus vergeblich gestorben». Значит, в этом мире у большинства Бог умер. В России пытаются правовой нигилизм превозмочь диктатурой права; но вопреки всему элита и чиновничья гидра не ведают ни закона, ни совести. Коррупция, как ржа, разъела всё общество. И всё же история учит, что жизнь стабильнее там, где господствует закон, потому что не переводятся радетели, норовящие «облагодетельствовать» народы и войти во власть с чёрного хода (террором, революциями). 90-е годы там показали, до какой степени разнуданности, алчности, жестокости может дойти животное (жившее среди нас как советский человек), когда оно ничем не ограничено.

Чем ещё различаются натуры русская и немецкая? Если немец преимущественно руководится разумом, то русский – чувством, душой, даже настроением. Итак, немец – это рассудок, русский – эмоции, и потому первый развит более в техническом отношении, второй – в художественном. И, как следствие, в споре немец опирается на силу логики и аргументов, русский – на силу эмоций и слова: чем громче, тем убедительнее. Немец творит по плану и расчёту, русский – по интуиции и с находчивостью. С другой стороны, когда план не удаётся, немецкая дисциплинированность ведёт к потере инициативы, а русский её проявляет. Но важна и исполнительность. Никита Хрущёв вспоминал: «Немцы лезли, как могут это делать только они, люди вы-

сокой дисциплины». Немец живёт и действует самостоятельно, русский – всем миром. Немец полагается больше на себя, русский уповает на Божью волю да на «авось». Первый придаёт больше значения материальному, второй – духовному, душевному. Соответственно, и мир немец объясняет осязательными категориями, русский – духовными. «О вы, русские, – восхищается тургеневский Инсаров, – золотые у вас сердца!» Немец терпелив, хладнокровен, выдержан, законопослушен, педантичен; русский экспансивен, разудал, импульсивен, эмоционален, открыт. «Мы открыты, как рана», – говорит Венедикт Ерофеев. В отношении власти немец требователен: бастует, демонстрирует. Русский ко многому равнодушен (мол, плетью обуха не перешибёшь), невероятным образом бесконечно терпелив, чем и пользуются недостойные власти. Конечно, дело ещё и в общественном мнении; в Германии оно есть, в России – было притеснено всеохватной партийной цензурой. Немец не творит себе кумира, для него и канцлер – обыкновенный бюргер. Русскому свойственно обожествлять (царя, генсека, президента), но природа наделила его и даром веровать, он более других привержен христианским заповедям. Не потому ли считается, что легче быть святым, чем честным? Немец рационален, экономен; русский беспечен, щедр. Немец в деле обстоятелен, нетороплив, целеустремлён; русский – поскорее сделать и перекурить. Предусмотрительный немец, как правило, не пускается бездумно в авантюры, он загодя überlegt die Folgen. Отчаянному русскому – всё трын-трава: «Живы будем – не помрём», «Кто стогрит, тот не утонет», «Двум смертям не бывать...», «Волков бояться – в лес не ходить» и т.д. Достоевский, проникший в природу человеческой души, отозвался: «Широк русский человек!»

Немцу присуще чувство меры, русскому – фатализм, смерти он не боится. Во всём он безогляден: в горе безутешен, в радости безудержен, в щедрости безграничен, если пьёт – до низложения риз («Что пить – умирать...» и «Сколько той жизни!..») Это – одна из причин предубеждения здесь против переселенцев; для местных мы непредсказуемы. Немец любит Spass, genießen, sich amüsieren; русский, по выражению Достоевского, страдать и, пожалуй, жертвовать. «Что в русской душе такого, что жаждет она запустения?.. – недоумевает Валентин Распутин. – Почему так любим мы быть возле края жизни и заглядывать в могилу?» Немец, хоть там огнём всё горит, поступает строго по инструкции; русский войдёт в положение, отступит от правил. Насколько немец трудолюбив, добросовестен, честен, воспитан, аккуратен, надёжен, настолько же русский великодушен, отзывчив, отходчив, бескорыстен, добродушен, коммуникабелен. Из негативных сторон стоит отметить упрямство и проблемы с юмором у одного, некоторую бесцеремонность и неумелое обхождение с примиряющим напитком другого. Но это – расширительная трактовка, что называется, общепринятая схема, устоявшийся стереотип, вольные крайности; часто бывает наоборот. Русский

Сергей Гусев стал взаправдашним тарлычанином, а немцы братья М. (одно время жили в Тарлыке) – типичная карамазовщина: пленники своей необузданности, они и отца своего убийли. А в целом оба народа органично дополняют друг друга, их объединяет общая историческая судьба. И если бы в XX веке они следовали завету Бисмарка держаться заодно, карта мира выглядела бы совсем по-иному, и им не грозило бы исчезновение.

Неоценимый вклад в мировую науку внесли Ломоносов, Лобачевский, Пирогов, Менделеев, Столетов, Жуковский, Попов, Лебедев, Мечников, Павлов, Вернадский, Вавиловы, Капица, Колмогоров... Русский балет с триумфом шагает по земле благодаря художественной, пластичной натуре, магической силе таланта россиянина.

Зрители всех континентов рукоплескали легендам балета Павловой, Нижинскому, Ксешинской, Улановой, Максимовой и Васильеву, Лиэпа, Плисецкой!.. А какие в России рождались прославленные по всему миру голоса: Шаляпин, Собинов, Вишневецкая, Образцова, Биешу, Атлантов, Хворостовский, Басков, Нетребко! А звёзды циркового манежа Карандаш, Олег Попов, Вячеслав Полунин! О русских женщинах Валентин Распутин пишет: «Русь ...рождает дивную красоту. ...Но на Руси испокон веку почитается та красота, которая украшается душой». Их обаянием и романтическим флёрром, душевностью и терпеливостью восхищается весь свет. Каждый из нас может взглянуть в себя и решить, какие черты в нём русские и какие немецкие, и что преобладает, заодно убедиться в справедливости максимы: наши недостатки – это продолжение наших достоинств.

Пишут и говорят о загадочной русской душе, одном из мировых феноменов. Но загадочна и немецкая душа. Как совместить заоблачный полёт фантазии, романтизм немца (философия, музыка, поэзия, сказки и т.д.) с прозой его повседневности, с его изобретательностью, расчётливостью, деловой хваткой на грани меркантилизма? Недаром любящая Германию поэтесса Марина Цветаева заключила, что немец надёжно упирается ногами в землю, а головой – в небо. Критичный Генрих Гейне считал «первой добродетелью германцев известную верность, несколько неуклюжую, но трогательно великодушную...» Иван Тургенев высказался о немце, «одарённом живым воображением и той смелостью мысли, которая доступна одному германскому племени...»

Землячество тарлычан. Quakenbrück, 6 марта 2001 г.

Не без оснований астрологи называют Германию овенom, Россию водолеем, Францию скорпионом. Да, вектор культуры на Западе шире (в обыденной жизни, сфере труда). Но благодаря православию, соборности, великой литературе и искусству, своей самобытности и неповторимости русская культура является одной из самых развитых в области духа. Она обладает необычайным потенциалом, и потому духовное спасение человечества должно прийти из России.

И вот мы, воспитанные в русском окружении, погружены здесь в германскую культурную и языковую среду. Но не надо отождествлять культуру с цивилизацией.

Культура в широком смысле – это «совокупность достижений... в производственном, общественном и умственном отношении», а цивилизация – «ступень общественного развития и материальной культуры...» Последняя здесь, безусловно, выше, то есть тут живут цивилизованнее; высокий уровень жизни свидетельствует и о высокой культуре организации общества. В отношении же общепринятой культуры человечество отброшено назад. Раньше обращались: Fräulein, сударыня... Не видно, чтобы мужчины, как это было в пору расцвета культуры, при входе женщины в помещение вставали или при встрече приподнимали головные уборы... Всё это – плоды цивилизации, ускоренного темпа жизни. Если же говорить о повседневном, то всё проще: культура – это уважение (к чужому мнению, к себе, к окружающим, к делу, к природе, к прошлому, к чужой собственности...) «Воспитанные люди, – писал Чехов, – уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы».

Попробуем рассмотреть, как две культуры соотносятся между собой. Родиной европейской культуры считается Древняя Греция, её достижения перенял Древний Рим; греко-римская культура распространилась на Францию, от неё – на соседние Англию, Германию, Испанию и далее. Неспроста Франсуа Рабле, французский современник Мартина Лютера, в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» заметил об одном герое: он причёсывал волосы немецким гребнем, то есть пятернёй. Видимо, в средневековье Германия ещё отставала от соседки. С принятием Древней Русью христианства греко-римская культура передавалась ей через Византию. К европейской цивилизации Россия приобщалась непосредственно от передовых стран: Франции, Германии, Англии, Голландии, Италии, Швеции.

Согласно Евангелию, вначале было Слово. Не ведая границ, оно шагало по пространствам, проникая в самые отдалённые уголки земли. Каждый язык имеет значительную долю слов, понятных и испанцу, и якуту, и осетину. Они, как и музыка или цифры, понятны без словарей, для них нет преград. Раньше, по незнанию, представлялось, что, например, слова история, план, партия и другие не только русские, но что их советская власть изобрела. На деле: история – греческое, план – немецкое, партия – латино-французское и т.д. При таком богатстве общих слов быть полиглотом немудрено: тот же план, он, как говорят, и в Африке план. Когда здесь слышишь Instrument, Passagier, Resultat, Spezialist и прочее, трудно отделаться от впечатления, что говорят порусски. Вот отдельные слова, начинающиеся с А: академия – греч., актив – латинское, абзац – немецк., аванс – франц., аврал – англ., ария – итал., армада – испанск., анилин – португ., амок – малайское, адмирал – арабо-франко-голландское, аршин – тюркское, амбиция – польск., абрек – черкесское и т.д. Из немецкого языка русским заимствовано (по моим подсчётам) примерно 4000 слов. Считается, что международными являются 6000 немецких слов.

В свою очередь, и немецкий обогащается за счёт русского словарного запаса, но большинство их, из 200, здесь широкого употребления не находят: Arbuse, Artel, Baba, Burlak, Druschina, Kascha, Machorka, Naliwka, Pirogge, Prokuror, Stiljaga, Tarantas, Watruschki, Uschanka и т.д. А вот слова, встречающиеся в энциклопедиях, литературе

и печати, а то и в речи: Apparatschik, Balalaika, Bolschewik, Bolschoi Balett, Datscha, Dekabrist, Duma, Exponat, Glasnost, Gulag, Iwan!, Ikone, Kalaschnikow, Kalinka, Kasaken, Kreml, Kirilliza, Kolchos, Kwass, Mammut, Menschewik, Molotowkocktail, Nomenklatura, Narodniki, Perestroika, Politbüro, Pope, Pogrom, russifizieren, Rubel, Samowar, Sowchos, Sowjet, Sputnik, Steppe, Strelitze, Stalinorgel («Катюша»), Taiga, Troika, Tscheka, Tundra, Ukas, Wodka и т.д. Отто Бисмарк три года служил послом Пруссии в Петербурге и потом часто повторял: «Давай!»

А. Граф пишет, что русские чаще оживляют свою речь пословицами, чем современные немцы. Интересно эти пословицы сравнить, чтобы «выявить совпадение в утверждаемых ими истинах, а через них – в образе мысли и формах чувств людей». «Из сопоставления... видно, что оба народа при всём разнообразии и богатстве оценок, наблюдений, ...единодушны в своей оценке порока и добродетели». Из словника приведу лишь по десятку немецких и им соответствующих русских пословиц:

Anfang ist kein Meisterstück.

Первый блин комом.

Ein fauler Apfel macht zehn faule Äpfel.

Одна паршивая овца всё стадо испортит.

Wie die Aussat, so die Ernte.

Что посеешь, то и пожнёшь.

Erst besinn`s, dann beginn`s.

Семь раз примерь, один раз отрежь.

Was muss sein, das trifft ein.

Чему быть, того не миновать.

Viele Köche verderben den Brei.

У семи нянек дитя без глаза.

Wer Eile hat, der gehe langsam.

Тише едешь, дальше будешь.

Jung getollt, alt gezollt.

В чём молод похвалится, в том стар покается.

Auch unser Weizen wird einmal blühen.

Будет и на нашей улице праздник.

Über Nacht kommt guter Rat.

Утро вечера мудренее.

Но было бы странно обнаружить немецкие пословицы, сродные таким: «Работа дураков любит», «От работы кони дохнут», «Работа не волк...»

Истинно сказано: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся», как выразился Федор Тютчев. Голосистый русский петух кричит «ку-ка-ре-ку»; попади он в Германию, его песню воспримут за «ki-ki-ri-ki». Без проблем интегрировался. Наша же тарлыкская песня, то есть речь, не могла звучать там, не востребована и здесь. Такова судьба нашего заповеданного предками языка, которого ждёт забвение. Более того, здесь он иногда мешает. Надо сказать, к примеру: Leute. Разум уверен: лайте, а язык опережает: лайте. Или: языку не терпится сказать Euch, а разум спохватывается: Ihnen. Такое, сродни колебаниям буриданова осла, активизирует неуверенность в языке и даже в жизни. Если в деревне говорили на своём с примесью русских слов, то здесь мы, переселенцы, в своём кругу разговариваем на русском вперемешку с немецкими: «Berater назначил Termin на среду»...

Искусству в советское время уделялось большое внимание. Оно стремилось отражать духовный мир человека, волнения и борения его души, полёт мысли; от встреч с ним всегда оставалось тёплое, светлое чувство. Это жизнеподдерживающее искусство было носителем человечности, добра, надежды. Именно в советское время, подтверждает Даниил Гранин, литература, кино, театр, музыка оказались наиболее ценными и значимыми в истории русского и мирового искусства. Поэтому утверждать, что социализм себя исчерпал, преждевременно: у Бога впереди много дней. Русская литература с её высокими художественными совершенствами была по сути нашим ду-

ховным наставником. В ушедшем веке не было, пожалуй, композиторов, равных таким гигантам, как Рахманинов, Прокофьев, Шостакович, Стравинский, Свиридов. И в наши дни художник Александр Шилов считает, что в реалистическом искусстве есть мысль, чувство, содержание. Сейчас там коммерциализированная культура и лубочное искусство ориентированы на худшие образцы заокеанского китча (с притязаниями на большую крутость). По мнению русских художников, в немецком искусстве больше внимания уделяется содержанию, натурализму в гротескной форме, голому телу, извращениям. И какой-то нездоровый интерес к экзотическим животным, динозаврам, скелетам, вампирам, привидениям, подробностям интима. Такова и вульгарная реклама, которую хотя бы отнести к разряду искусства. Но как «впрячь в одну телегу коня и трепетную лань»? Зодчество же здесь отличается функциональной целесообразностью и достигло немалых высот, но и в нём больше мастерства: превалирует шаблон, недостаёт фантазии. Что же касается ещё одного «коня»... Если отвратную железную конструкцию на постаменте считают скульптурой, то что же такое безликая халтура и пошлость? Такое несуразное «искусство» извращает вкус, делает его примитивным.

Александр Мерк. Дрезден, 1999 г.

Зато здесь столько поистине бесценных сокровищ, созданных или приобретённых минувшими поколениями. В дрезденском Zwinger мы подолгу молча стояли у рафаэлевской «Сикстинской мадонны». У Марии простое лицо, но сколько в нём одухотворённости! Василий Жуковский писал: «...Это не картина, а видение: чем долее глядишь, тем живее уверяешься, что перед тобою что-то неесте-

ственное...» А сколько великолепных полотен в залах берлинской Gemäldegalerie: Кранах, Кристус, Гольбейн, Дюрер, Рафаэль, Тициан, Джотто, Боттичелли, Веласкес, Рембрандт, Брейгель, Пуссен, Гейнсборо. Берлин – один из крупнейших культурных и научных центров; в нём три университета, около 150 музеев, десятки театров и концертных залов, дюжина симфонических оркестров. Немало в городе всемирно известных памятников зодчества: Gendarmenmarkt, Museumsinsel, Zeichnhaus, дворцы и парки Charlottenburg, Babelsberg, Glienicke, парковый ансамбль Tiergarten и другие. Образцом современной архитектуры может служить застройка Potsdamerplatz. Исторически сложилось так, что здесь нет ярко выраженного, как в России, провинциализма, нет таких разительных контрастов между городами, между культурой города и села.

В России мы знали своих знаменитостей – актёров, писателей, композиторов, режиссёров, дирижёров – в лицо, потому что они были в центре внимания СМИ, для телезрителей устраивались их творческие вечера. А сколько по телевидению транслировалось театральных постановок! К театру могли приобщаться и в самой глухой глубинке. Здесь же проводят, как теперь и в России, пустые развлекательные телешоу. К сожалению, на земле, где родилась величайшая музыка, мне не известны (кроме М. Рegera) выдающиеся немецкие композиторы XX столетия. Но, к счастью, жива Volksmusik – эта неиссякаемая сокровищница, животворящий источник, вечно питающий музыкальное творчество великого народа, народа мыслителей, поэтов, музыкантов.

МАТЕРИ

Нет силы сильнее веры.

Н. Гоголь

«С кончиной отца, – неутешно, глубоко печалилась мама, – для нашей семьи закатилось солнце». Человек сильной воли, она стойко перенесла эту невосполнимую утрату. «Травой зарастают могилы – давностью зарастает боль», как говорил Михаил Шолохов. Во всём её поддерживали и наши лучшие соседи Отт, добрые и порядочные люди, с которыми родители столько лет прожили в дружбе и согласии. Мать, как и большинство поселян, сполна познала колхозную крепостную неволю, испытала беспросветную нужду; всегда она проявляла беспокойство о семье и непредсказуемом будущем. И в самом деле, верхи всячески осложняли людям жизнь; например, на рубеже 50–60-х годов было указание всем сдать коров в совхоз. Многие отвели их, а потом, после отмены этого ультра-революционного решения, на стороне опять приобретали. Преисполненная решимости мать была непреклонна: «Сдадим, когда все партийные сдадут». Так, в праве своём и отстаивали коровёнку родители; по-видимому, это был их первый открытый вызов власти. Об отношении к ней можно сказать так: до 1953 года был страх, после – опасения: как бы о ней лишнего не сказать, как бы не запретили что-нибудь на селе, не ввели ограничения. К концу 80-х правящая элита настолько себя дискредитировала (коррупция, ложь, привилегии), что и последние проблески уважения к ней улетучились.

Около родителей мы ощущали ауру спокойствия и надёжности. Но всякий диссонанс, несправедливость отец остро переживал, они вызывали душевный дискомфорт. Неожиданные сбои привычного хода жизни и её разлад приводили многих мужчин в такой неукротимый гнев, который, казалось, сокрушит и испепелит всё вокруг. Мать же была трезвой реалисткой; действительный мир она воспринимала таким, каков он есть: с грехами и чистыми помыслами, руганью и примирением, воровством и бескорыстной помощью, рождением человека и неизбежным его уходом.

Это был дар «видеть всякий свет и всякие тени лишь как грани бога», по выражению Фрэнсиса Фицджеральда. Собственно, такое отношение к бытию и проповедовал Иисус. Кроме того, мать была отходчиной. В то время, как жизненные коллизии тяготили, тревожили отца, наша мать, будучи глубоко верующей, принимала несовершенство жизни с терпеливым спокойствием.

Жизненной доминантой наших матерей всегда была семья, поэтому в 50-е годы они в большинстве перестали работать в колхозе и всецело посвятили себя своим семьям. Дети, дом, кухня, домашняя ферма, огород – такое требует повседневного труда и хозяйского догляда. С раннего утра, когда корову надо подоить и выпроводить к стаду, до вечерней зари, когда бурёнка возвращается домой. Вспоминается, как мать в знойные дни (в платке) пропалывала междурадя и окучивала кусты картофеля в огороде. И так по несколько раз за лето, попутно подхватываются другие неотложные и текущие дела. Ещё труднее картошку рыть; то и дело взрослые при этом силились выпрямиться, держась за поясницу.

И хотя мы, дети, дома помогали во многом, всё-таки доставляли родителям столько хлопот, беспокойства и огорчений. Мать не раз в сердцах, как заклинание, повторяла: «Ach, werd(et) ihr na mal gross». Родители с нами не хитрили, нас не обманывали и лгать не учили, поэтому выросли мы людьми тоже простыми, неискушёнными в хитросплетениях людских дебрей, в дипломатии жизни. В бурном житейском море оказались мы нерасчётливыми, неизворотливыми пловцами, без деловой хватки. Герой Джерома Джерома говорит: «Мать обучила меня лишь одной молитве: «Господи, помоги мне быть честным!» Подобное можно сказать и о родителях, которые честно прожили жизнь. Известная таёжная отшельница Анастасия считает: «Воспитание детей – это воспитание себя», потому что воспитывает образ жизни в семье. Слово – весомый фактор в этом процессе, но личный пример действеннее. Достоевский утверждал: «Какое-нибудь ...светлое воспоминание... с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть». О подлинной культуре мы имели смутное представление. Только в средней школе узнал я, к примеру, что невежливо предлагать женщине полный стакан воды. Когда твоя мама пошла в школу, мы за её отметки не озабочивались, так как духовная и этическая суть личности важнее знаний (компьютер вон сколько знает). Однажды она даже с бравадой сообщила, что получила двойку. А вот установка института им. Плана: интеллигентность важна, но решающим для достижения цели являются знания. То есть ради успеха следует жертвовать воспитанием; такое возможно только в обществе, где бал правят деньги.

В основном мы выросли на глазах у матери, под её влиянием и присмотром.

Становление личности возможно только при общении с себе подобными. Учёные одного раджи уверяли его в обратном. Он усомнился и повелел провести грубый эксперимент. Родившегося ребёнка поместили в изолированное помещение. Ему приносили еду и прочее, но никого к нему не допускали, никто не мог с ним общаться. Когда он стал юношей, его привели к правителю. Человека он напоминал только внешне. Говорить не мог, ничего не понимал, умственный пожиток был убог, осмысленно ничего не мог делать. Такова великая сила слова, общения, примера! И всё это человеку с рождения даётся в семье. Наш дом был, пожалуй, одним из самых доступных и гостеприимных в селении благодаря родителям. Никогда не выказывали они недовольство тем, что с друзьями и знакомыми мы часто у нас собирались, в том числе на пирушки. Были такие приятели, в домах которых я никогда не был. К нам же, в родительский дом, приезжали из Омска и мои однокурсники.

Неотвратимо пришло время, когда молодёжь неудержимо стала покидать деревню, остались и наши родители

одни. Многие из тех, кто уехал в город, по возможности приезжали, помогали родителям, в частности, во время страды. И, естественно, они считали, что действительно помогают; на деле же их эксплуатировали. В Рязани, на работе, одна женщина привозила из села даже молоко и говорила: «Мы с мужем помогаем родителям». С удивлением вопрошала: «Что же вы не возьмёте землю в деревне, там всё можно вырастить?!» Но вот отец её умер, «помогать» стало некому, и поездки прекратились. Сидела на шее у старых родителей и мнила, что им помогает.

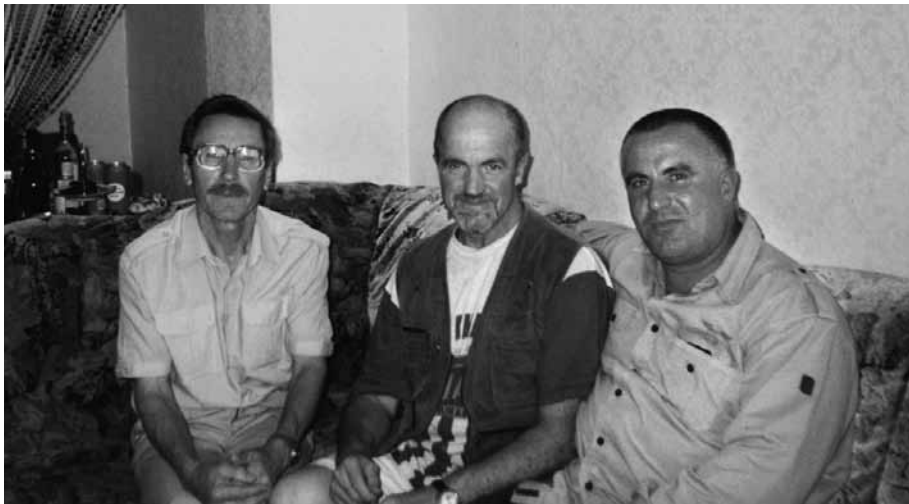
Да, смыслом жизни сельчан была работа, и выдерживали они благодаря своему от природы крепкому здоровью, своей терпеливости, выносливости. При этом старики заботились не только о хлебе насущном, но и о духовном, вечном. Они тоже могли быть причастными к определению В. Оверли: «Человек – это душа, у которой есть тело». Мать очень волновалась за состояние христианской веры в общине, огорчалась по поводу коррозии традиционных устоев. Например, об иеговистах заключила: «Они хоронят без креста на могиле – мол, вся жизнь крест. Но так захранивают лошадь».

«Молодые, – говорила мать ещё в 80-е, – нападают на принятые обычаи и обряды, скоро крестить и хоронить будет некому». После кончины П. Горна ей приходилось и обряды эти совершать, и проповедовать. Отец в последние годы тоже посещал Kirche. В Тарлыке появлялись бойкие ходоки и агитировали обитателей вступать в их секты. За этим, вероятнее всего, стоит не столько проблема выбора веры, сколько кормушка для организаторов сект. Рассказывают, что иеговисты втянутых в их общину обязывают продавать своё жильё в пользу секты. А мама таких вербовщиков в богословских спорах быстро обращала, что называется, в ретираду.

Издredка перебираю старые фотографии, подолгу всматриваюсь в лица родителей.

В природе нет, наверное, ничего прекраснее человека, когда привлекательное лицо отражает и внутреннюю красоту: благородство, доброту, одухотворённость, вдохновение, глубокие переживания. Есть и другая, телесно чувственная, красота; именно такую, судя по всему, имел в виду Джек Лондон, когда писал: «Красота ранит. Это непреходящая боль, неисцелимая рана, разящее пламя». М. Павич ещё радикальнее: «Красота – это болезнь!» Но речь о внутренней сути. Нет ничего безобразнее и отвратительнее лица, выражающего порочность, подлость, двуличие, коварство, цинизм, алчность, жестокость. Почти каждый из нас похож на какое-нибудь животное: лошадь (как я), собаку, крысу, льва, лису. С фотографий смотрят простые приветливые лица родителей, они хранят выражение открытости, скромности, добродушия. На отдельных снимках у отца вид мечтательный, у матери – властный. И почитаемая ими вера, и жизнь научили их терпеливости и уступчивости, однако, мать нельзя было бы назвать смиренной.

Когда мать уезжала сюда, в Германию, она со слезами на глазах сокрушалась: «Jetzt habe ich keine Heimat mehr!..» Это при том, что родина обращалась с ней, как мачеха. Зная ответственность и отзывчивость младшей дочери, мать здесь стала жить в её семье. Не раз она отзывалась с благодарностью: «Anja verdient sich an mir den Himmel». И очень томилась вынужденной бездеятельностью. А как скучала по Тарлыку и односельчанам, по земле: «Ach, hätte ich na mein Gärtchen hier!» Мать часто высказывала свою озабоченность негативными тенденциями в здешнем обществе, приходом христианства в упадок. «Здесь вера угасает ещё быстрее, – в огорчении размышляла она, – Божьему храму предпочитают зрелища, пивные, бордели, телевизор, Интернет...» Парализованные церкви нескончаемо закрываются или продаются, немало их перестраивается для других конфессий. Сами церкви, наперекор Библии, во-

Александр Мерк, Яков Крузе, Петер Шмидт. Berlin, 2002 г.

преки увещаниям Папы Римского, потекают однополым парам – детей нет, вместо них в страну пускают иноверцев. Церковь жалеет голубых, а исконной нации, выходит, ей не жаль. Да что немцам – всей европейской цивилизации грозит гибель. Да, мама, и Достоевский писал: кто сочувствует преступнику, тот не жалеет жертву. Мама здесь часто посещала церковь, была и в Berliner Dom, слушала с нами дома записи проповедей пасторов, духовных песен в исполнении тарлыкских женщин (с ними и мать). «Были мы в церкви, – посетовала она. – Но вот пастор начал танцевать, и мы ушли... Когда верование совсем иссякнет, наступит второе пришествие». С подобным переключается блоковское: «И храм открыт, как ресторан».

В другой раз мама с гордостью поделилась, что пастор сказал: «У вас, российских немцев, вера сильнее. Die Verfolgung in der Sowjetunion für den Glauben war nicht so schlimm, als die Versuchung – wegen Wohlstand – in Deutschland». Это, замечу кстати, одно из ключевых определений, вскрывающих и причины заката Тарлыка. Мать, умудрённая долгой жизнью, понимала быстротечность, взаимосвязанность, брэнность всего сущего: «Наша плоть вышла из земли, состоит из неё и снова обратится в прах. Мне умирать не тяжело. Я и крестила, и хоронила. Когда веруешь, тогда не страшно...» На износе своих дней она предостерегала, что придёт время, когда всем дадут номера: «Und man soll sie nicht annehmen». Кто эти номера примет, те для Творца потеряны. А ведь предвозвещение матери сбывается: в Японии всему населению присваивают номера – с ними будто легче бороться с преступностью. Здесь с июля 2007 года тоже всем намечено присвоить идентификационные номера. И выяснять не станут, согласны ли люди их принять. В сущности, каждый из Amt уже присвоил свои номера. Характерен и выразителен сон матери: Христос на кресте, в терновом венце. Мать на коленях обратилась к Спасителю: «Heiland, vergib mir die Sünde». Иисус безмолвно протянул правую руку...

Восточный календарь с 12- и 60-летним циклами имеет, как видно, свой непостижимый, астральный, иногда роковой смысл. Отец и мать родились в Год Змеи (1917), оба в Год Змеи, с разрывом в 12 лет (1989 и 2001), умерли. Накануне вечером мы были у матери в больнице. Она спокойно, но с невыразимой прочувзованностью и болью в голосе сказала: «Ich muss sterben... Wie der Herr Gott will...» Когда мать хоронили, приехавшие родственники по-христиански её отпели. Отец и мать были людьми малообразованными, но интеллектом и силой духа, разумом и душевностью превосходили нас, детей, были во всём порядочнее, мудрее в восприятии и постижении жизни. С несомненно огромным жизненным опытом они как личности оказались выше нас на целую голову, были натурами самодостаточными, цельными, гармоничны-

ми. Они «отличались той особой душевной высотой», как сказал Ги де Мопассан, которая присуща многим основательным тарлычанам. Конечно, во всём этом сказались их генетика и воспитание, основанное ещё на подлинной культуре и христианских заповедях. Они были выше нас «на несколько ступеней жизни и на неизмеримую высоту достоинства и... скромности», говоря словами Германа Гессе. Лежат теперь родители – как и немало других близких тарлычан – за тысячи вёрст друг от друга, и никто не скажет, встретятся ли когда ещё их искупительные души. Да ни-спошлёт Господь им и всем усопшим добрым тарлычанам вечное упокое-ние и Божеское обетование!

РАСКРАСИЛА БЫ МИР

Без меня народ неполный.

А. Платонов

В те далёкие годы грустные и светлые чувства навевала песня о «рязанских мадоннах – солдатках в двадцать лет»: о нелёгкой доле русской женщины, её любви к родной земле, верности, долгу. Рязань, как и Ока, на берегу которой раскинулся город, издревле символизирует Русь, являя собой её душу и одну из защитниц. Вошёл в легенду подвиг Евпатия Коловрата, который в 1237 году с полком разбил степняков и сам погиб. Под Рязанью родился гениальный Сергей Есенин, из этого края вышли учёные Павлов, Циолковский, поэт Полонский, генерал Скобелев, мореплаватель Головин, певцы Пириговы, географ Семёнов-Тян-Шанский, национальный герой Италии Федор Полетаев. В 30 км к югу от города стоит посёлок Старожилово. Лет сто назад один немец с приставкой von построил там коззавод (кладку стен поднимали на один кирпич в день). В каждом стойле для коня было зеркало; зимой там ходили в рубашках. Сам von в 30-е годы уехал в Германию, а нынче любоваться его творением приезжают туристы.

Природа края поистине русская: могучая, многообразная, былинная. Севернее Рязани тянутся бескрайние леса. Это – знаменитая Мещёра, сказочно живописная местность, называемая лёгкими Москвы. Туда мы ездили за черникой и грибами. В окрестностях города собирал я лесную землянику, целебные травы. Настоенную на зверобое, липовом цвете и душице водку многие считали самым вкусным зельем. А сколько там яблоневых садов! Алексей Толстой в романе о Петре I пишет, что к царскому столу подавали и рязанские яблоки. Но, как и всюду в стране, вся природа отравлена. Люди, в отличие от некоторых краёв, проще, добрее, совестливее.

Вот где январским воскресным днём 1996 года и родилась ты, внучка, – одна из «рязанских мадонн». Впрочем, в тебе смешано столько кровей, что впору называть тебя дитём мира. Родилась с выразительными чертами личика, с сильным бархатным голосом. С твоим рождением пришло неизъяснимое ощущение семьи, привязанности к ней; жизнь обрела новый смысл, новые грани. Инстинкт самосохранения выражен в тебе, внучка, с пелёнок. Когда тебя, двухмесячную, я впервые взял на руки, ты посмотрела мне в глаза, как взрослая: глубоко, пронизательно. Ты изучала меня: можно ли довериться? Взгляд твой проник прямо в душу. Тебе, солнышку нашему ясному, не исполнилось и годика, как ты оказалась в больнице с диагнозом дисбактериоз. На самом краю тебя коснулось крыло ангела-хранителя. Врачи советовали менять климат. Понятно, они не решались сказать, что дело не в климате (очень благо-

творном), а что отравлены вода, воздух, почва, продукты. И хотя я привозил воду из скважины, ты часто болела, приводя нас в уныние. Спас тебя переезд сюда: болезнь сразу прошла. Там личико от диатеза у тебя было в ранках, его смазывали облепиховым маслом, мыли тебя отваром чистотела. Ты переносила всё терпеливо, но во время болезни много плакала. Когда что-то делала, то наблюдала, как мы это воспринимаем. Очень радовалась купанию в ванночке. Улыбалась так мило, обезоруживающе. Мы играем с крышкой, потом с кружкой. Ты интересуешься: «М-м?» (что, мол, это?). – «Крышка». С недоумением переводишь взгляд на кружку: «М-м?» (может, дед, ты ошибся?). Когда уяснила, понимающе улыбнулась. Также лукаво, понятно улыбалась, когда играла со струйкой воды из крана.

В 10 месяцев ты, внучка, сказала первое слово: ма-ба (и мама, и бабушка). Когда я «кормлю» тебя из пустой ложечки, тебе смешно – понимала игру, шутку. В книжках любила картинки с детьми, а попозже – и с животными. В 11 месяцев безоглядно делала 3–4 шажка и медленно приседала. Потом – больница: пять капельниц по 6 часов, от крика ты охрипла. В год ты свободно ходила, но мы это не поощряли. Сама «кормила» игрушки и при этом причмокивала. Ты кашляешь, я похлопываю тебя по спинке; тогда ты стала кашлять нарочно. В магазине мама предложила тебе выбрать игрушку. Ты сразу пожелала обезьянку, ставшую твоей любимой. Здесь, в Берлине, когда у тебя набралось уже с десяток обезьянок, мы её назвали Бабушкой (она больше всех). В 13 месяцев сказала мне: «Деда». Во дворе огромного дома ты была всеобщей любимицей, с тобой играла вся детвора; тебе говорили «солнечные, милые слова», по выражению Эриха Ремарка.

Гуляем с тобой на улице, и ты всеми интересуешься: людьми, собаками, птицами. Веду тебя по выпавшему снегу и показываю назад: «Следы!» Тебе смешно. С детства ты обидчива. И ещё есть в тебе то, чему никто не учил: взяв что-нибудь ручонкой, оттопыривала мизинчик, когда кружилась – оттягивала в сторону штанишки (как юбку). Не мешанское это, как клеймили прежде, а врождённое. В 15 месяцев часто повторяла: Энь. От качелей во дворе тебя было не оторвать. Трогательно радовалась бабочкам, шмелям, жучкам, муравьям. Сама уже ела ложечкой кашу. От широты души охотно угощала меня конфетами. Говорила: «Моя мама». В полтора годика уже отвечала «да». Умилялась при виде всего маленького: детей в колясках, камешков в песке, воробьёв. В восторге целовала картинки со зверятами. Обезьянку называла «Обаяя». Сама взбиралась на железную горку и каталась с неё.

В 22 месяца ты говорила: бин (блин), абом (альбом), отдай, сама, сидит, сани, го (горка), один, сейча, оби (обиделся), ва-ва-ва (варежки), комари... Когда кончался мультик, просила всех зверей вернуть. Мы говорили: «Они, Ася, спать легли». В 2 годика сама научилась кататься на 3-колёсном велосипеде. Из кубиков собирала иллюстрации к сказкам, которые тебе читали. Говорила уже фразами: пасибо, деда; сидит на ковать (Ася сидит на кровати); деда идёт в комну (пусть дед идёт в комнату) и т.д. Сама придумывала: мамяка, бабяка, Асяка, дедака, обаяка. Хорошо понимала символику, условности: пуговицы – кот, лиса, дрозд, петушок; спички – топоры кота и дрозда. Заставляешь меня кричать, как ребёнок: деда – ляля. Если делала что-то не так, восклицала: мама: ай-ай-ай (мол, мама так скажет). Спросила 1998 года: рубаха твоя, дед, работная?

Когда летом 1998 года мы приехали сюда, и нас возили в Дранзе-лагерь, ты спросила: «Когда мы домой поедем?» А дома своего уже не стало, и неизвестно, где новый будет. Уже здесь, в Берлине, в 2,5 годика ты говорила: «У меня нет хвоста, потому что у людей не бывает хвоста». Стала серьёзней, не любила заигрываний: «Дед, я, наоборот, большая». Тебе не дали третьего мороженого: «Оно кончилось, его нет». Ты отреагировала: «Я хочу посмотреть, где его

нет». Твоя бабушка как-то сказала: «Это такая чистая радость – общаться с ребёнком, растить его, любить. Когда приходишь в первую очередь, топчешь себя». Того же взгляда придерживался и Лев Толстой: «В жизни есть только одно несомненное счастье – жить для другого».

В 3 годика ты, внучка, вспоминала: «Когда мы жили дома, там крокодил (деревянный) был, в детсаде...» Теперь – некоторые из твоих выражений и вопросов:

- Бабушка, вам с дедом лимон тоже кислый?
- Сегодня, Ася, ветер свежий!..
- А старый?
- Уйди, дед, ты мне надоел!
- Медведь, Ася, убегает от пчёл...
- А он успеет?
- А почему ты обезьянку без животика нарисовала?
- Да я так рисую!..
- А кто в море воду налил?

В парке у раненого дерева я сказал: «С дерева кору содрали, ему больно». – «Ты, дед, это серьёзно или как будто бы?» – «Серьёзно, Ася. Дерево не может кричать, но оно чувствует... У растений и память есть, они помнят, кто причинил зло или делал добро. Цветы могут от человека передавать другому настроение». С тех пор к растениям ты стала относиться бережнее, как к живым, каковыми они и являются. И когда видела увечное дерево, возмущалась: «Этих король должен бросить в темницу!..»

Физически, внучка, ты тоже развивалась нормально, на детских площадках везде лазила, даже по высоким камням. До сих пор любишь в бассейн ходить. Всё просила сказки рассказывать. Твои выражения в 3,5 – 4 года:

- Говорю тебе, дай хлебчика! (бабушке)
- Хорошо на траве лежать, прямо плывёшь на небе!
- Я хотела, а теперь перехотела.
- А женится только один раз?
- А ты скоро умрёшь? Я хочу, дед, чтобы вы с бабушкой никогда не умирали.
- Я, бабушка, страдаю...
- Окно закрой, дед, а то не дай бог ребёнок простудится.
- Я думаю новые игры.
- Мне приснился дом, который ходил.
- Давай: обезьяна до того глухая, что её в коляске возят.
- Мишутка (игрушка) залез туда для любопытства.
- А почему папа Золушки женился на плохой тётё?
- А вот как ты слова произносила или придумывала:
- Ты уже проснутый? Ты когда доспишься?
- Я научусь считать до седьмы.
- Почему хлеб не топнет (тонет)?
- Я тебе отдаваю, чтобы ты протрела (протёрла).
- Он загорел плохое.
- Принесли восьмёртого, он радый.
- Я руки сожмать не могу и пальцы разгибать.
- На горку будет залазивать, тригодний ребёнок.
- У них много мамов, они рассядываются.
- У куклов и дикарёв такая положенность (так положено).
- Кушечный (съестной) подарок.
- Обезьянку наряживать.
- Еённые ведры.

Снег здесь редкость. Каждый раз ты с удовольствием валяешься в снегу, играешь в снежки, делаешь снежные бабы, на санках носишься с горки.

В 4 года ты со вниманием слушала чтение детской Библии, говорила: «Я люблю Бога». Читаемые тебе сказки («Кошкин дом», «Дюймовочка», «Дед Мазай», «Серая шейка», «Аленький цветочек») ты сразу же в живой манере инсценировала, роли доставались и мне. В 4,5 года каталась на 2-колёсном велосипеде. Тогда же говорила:

- Я тебя, бабушка, больше всех люблю. А когда мама выздоровеет, больше всех буду её любить.
- Чертей не бывает. Их выдумали головой.
- Поешь – пить захочется, попьёшь – есть захочется.

- Включи свет, от темени мне жарко.
- Я могу каждой рукой всё делать. Зачем две руки?
- А Англия на каком острове? – «На Альбионе».
- Раскрасила бы я весь мир, если бы была великаном.
- Воду нельзя резать, она только помутится.
- Антошка сейчас хороший, а подрастёт – будет таким же драчливым, как все...

И продолжала необычно выговаривать слова или свои выдумывать:

- У мальчишков – дровульки (дровишки).
- С этой стороны Испанское море, с другой – Америчье.
- А к королю бежит Кай с доложением.
- Тебя, конь, стреножим, а тебя, Бармалей, стреголовим.
- Понемногу и я науеуюсь (научусь).
- Вот и любовайтесь: она очищает обгрызки.
- Еле я от бабушки урыскнула (убежала).

В 5 лет, внучка, ты уже сама звонила по телефону. К стихам была равнодушна, но тебе очень нравилось многое из Лермонтова, а песню о Калашникове и Кирибеевиче приходилось читать часто, потом ты отдельные сцены разыгрывала. Однажды сообщила: «Я придумала возвышающую игру!» И вечные твои вопросы:

- А что дальше космоса?
- А снег получается из снежных туч?
- А если царевич захочет на мне жениться, а царь не разрешит?

И серьёзное:

- У меня урок: сравнение кривых линий.
- Если ты, дед, такой умный, скажи...

Ты давала словам новое звучание:

- Перекуруивывливаться (перекувырнуться).
- Они вынырывают. Я их не обоплыву (вплавь обогнать).

- Без спрощения.
- Кукловодчик, ты покажи мне.
- А потом гипс расстучали (сняли, расколов).
- Хватит тебе, дед, гундориться, давай играть.
- Бабулька снова в ругательство вошла своё.

В это время ты сдала Test на способность учиться в школе. Смятение нас охватило уже после него, ведь из-за незнания языка тебя могли определить в плохой класс. В детсад мы тебя не водили: там болеют часто, да и для ребёнка это лишний стресс. И вот в 5,5 лет твоя звезда привела тебя в хороший класс Vorschule. Первое время было трудно: без языка не могла общаться. Мы не решались с тобой на немецком говорить, чтобы не передать тебе неправильное произношение. Из библиотеки носили тебе кассеты с уроками языка, с песнями, с мультфильмами. В школе тебе так нравилось, что ты прямо-таки рвалась туда, даже когда болела; досадовала: «Когда же будет завтра?..» И из класса уходить не хотела; я должен был приходиться за тобой на полчаса позже окончания занятий. Почти все в классе хотели с тобой играть и дружить. Ты радовалась, когда домой к тебе приходили одноклассницы (ты единственная в классе из России) и сама до сих пор с удовольствием ходишь к ним. Конечно, повезло с учительницей – пожилой, опытной, терпеливой. К весне ты сдала Test по языку и владела им уже наравне со сверстниками. Всем в классе помогала basteln. Учительница отзывалась о тебе, как об одной из самых способных и добавила однажды: „Sie lässt sich nicht kommandieren und auch recht“. Как видишь, внучка, вживаться в общество, стать полноценным его членом можно только в повседневном общении – учась или работая. Утверждение, что нас, переселенцев, не берут на работу из-за незнания языка, насквозь лукавое. Пример Gastarbeiter и иностранцев, работающих «по-чёрному», полностью это опровергает. Сделать молодёжь равноправной частью общества, увести её от наркотиков, от криминала так просто: надо молодёжи дать возможность учиться и работать.

Ты, внучка, учась, практически в 6–7 лет выросла в здеш-

нюю жизнь, в основном сохранив свою индивидуальность. Возникают заботы и тревоги противоположного характера. Там я печалился, что тебе уготовано никогда не говорить по-немецки. И здесь ты радовалась, когда тебе читали такие шедевры, как «Каштанка», «Капитанская дочка», «Руслан и Людмила», «Конёк-горбунок», «Тарас Бульба» и другие. Но в последнее время ты к этому охладела. Как и все в классе, глотаешь поделку о Гарри Поттере, ничего не дающую для воспитания чувств. И я тревожусь, что ты забудешь этот, «живой как жизнь», по выражению Николая Гоголя, язык; не будешь читать в оригинале лучших писателей земли, не приобщишься к этой богатой культуре. Знающий несколько языков и чувствует острее и всестороннее, и мыслит яснее и глубже, и кругозор его шире, и мечтает он выше и дальше. Осознать один язык можно только в сопоставлении с другими.

А пока... Ты продолжаешь свои опыты с этим выразительным, певучим, гибким языком (в 6–7 лет), они выражают широкую гамму твоих чувств и интересов:

- Мама на стол накапала, от этого корюльки.
- Это не урок языческих наук.
- Ленивый – лентяй, сидящий – сидяй, лежай, стой...
- Дед, оденься потеплее, ты такой мерзливый.

Спрашиваем: «Каков, Ася, сюжет твоей картины, что она выражает?»

- Она выражает чувства. Вот жёлтое – весёлое настроение.
- Достану на прыгу (в прыжке).
- Бордюр у ворот унизили, чтобы вровень с дорогой был.
- Сегодня я рисую не чувства, а для красоты.
- И снова размышления о бытии и мироздании:
- Давай не будем играть, а почитаем Библию, она важнее.

- Как быстро жизнь пролетает!..
- В классе говорили, кто с кем женится. Один мальчик хочет жениться на мальчике. А я решу, когда вырасту.
- Я думаю, что было в начале мира: день или ночь?

После 1-го класса ты стала совсем самостоятельной: сама решала, что тебе читать, слушать и смотреть, идти ли гулять. С кассеты диктуешь текст песни, я записываю. И говоришь, имея в виду знак восклицательный: «Поставь громкий знак».

В 8 лет ты озадачивалась заботами девичьими: «Что мне делать? В меня влюбился Jürgen». В классе ты утвердилась как личность. Тебя называют Blitz: ты легко и быстро всё схватываешь и делаешь. В 9 лет затеяла со мной замысловатую дискуссию:

- Правда, что человек произошёл не от обезьяны? Сейчас же из них не делаются люди.
- Есть мнение, что люди появились на Земле из других миров.
- А откуда они там взялись? Это нелогично...
- Вообще, всё сотворил Бог.
- А Бога кто создал?
- Он вечен, а мир бесконечен.
- Но по логике должны быть начало и конец.

– Одной мыслью невозможно охватить сложный мир, а логика тем более к нему неприменима. Много ещё не познано и лежит за пределами понимания, подавляет воображение. Можно руководствоваться лишь диалектикой, то есть воспринимать мир в неразрывной взаимосвязи, его бесконечности во времени и пространстве. Остаётся только верить, как и в Бога...

В первом классе ты ездила в Париж (в Диснейленд), позднее – в Будапешт, была уже в разных местах на море: Канары, Турция, Египет, Мальорка, Португалия, Греция. Видела больше на свете, чем я за всю жизнь. Уже намечены поездки с классом в sächsische Schweiz, в Англию. Как писал Пушкин, мне тлеть, тебе цвести, «мыслить и страдать».

Глубоко эту бездонную тему зачерпнул Валентин Распутин: «Глаза мои всё чаще обращаются вовнутрь, чтобы различить прощальный пейзаж». Все мы растворимся в безмолвной вечности; кто хоть однажды прощался с жизнью, тот понял, что «каждый день – подарок Бога», как подметил Дмитрий Лихачёв. Пусть же, внучка, впереди тебе будет открыта вся необъятная Вселенная! Пусть каждый новый день твой будет ясным, интересным и содержательным, радостным и удачным! Жаль только, что...

*Всё меньше сказок в мире нашем,
Всё громче формул торжество.*

В. Солоухин

Как было бы прекрасно, если бы люди продолжали видеть наш необычайный, многообразный мир глазами своего детства!

ES LOHNT SICH!

Время плакать, и время смеяться.

Екклесиаст (3, 4)

А теперь окупимся в омут преданий и сказаний о былом, баек и забавных или грустных происшествий и курьёзов. Богатая палитра устного творчества народа отражает дух и стиль его жизни, понятия о красоте, добре и зле, над чем смеётся, что осуждает. И в фольклоре, и в реальных событиях раскрываются особенности деревенской психологии, мировоззрение, нравы и интересы поселян, их черты и вкусы. Наши бабушки сохранили сказания о жизни на Волге – без хронологии, конкретных имён, в которых смешивались порой «необычайное с необъяснимым», как писал Эдгар По. Иносказательно выражаясь словами Бориса Пастернака, они «выковыривали изюм» примечательных случаев и явлений из булки седой старины. Рассказывали, что киргизы уводили колонистов и продавали в рабство – в Среднюю Азию и дальше. Вот канва повествования переселенца из Саратова: «Степняки нападали на немецкие сёла, угоняли людей, скот. Жертвам разрезали пятки и заталкивали мелко нарезанный конский волос, чтобы не сбежали. Однаж-

ды налетели на колонию в жатву. Все взрослые работали на поле, винтовки составлены в пирамиды. Узнав о налёте, мужчины поскакали в село, окружили разбойников. Шестеро спрятались в погребе. Немец в темноте прыгнул туда и всех перерезал. Колонисты объезжали степь и, если у кочевников находили белого человека, рабовладельцев убивали – набеги становились реже». И в наши дни рабство в Казахстане процветает: то и дело СМИ сообщают о русских, которым удался побег из неволи.

Напоминают былины и сказы о богатырях, на мельницах поднимавших по лестнице каждый по несколько мешков зерна, о лихих наездниках, мужественных гребцах, отчаянных пловцах и т.д. Как предание, передавался рассказ о том, что на Волге отдельные Lauber умели стоять в воде: «Die konnten das Wasser treten». Сохранились сказания в гротескной форме о геройстве и удачестве. Один замшелый дедуля в старинном вкусе бахвалился, что в Первую мировую войну он со всеми ходил в рукопашный бой: всадят штык в германца и перекинут через дом (über `s Dach). Естественно, в бою нет неотложней заботы, как перекидывать убитых через крыши.

Живы метафоричные предания о находчивости, сноровке и смекалке наших земляков. Вот сюжет для психологического рассказа с водевильной интригой. Нашёл на двух мужиков, молодого и старого, стих выпить, но то ли денег не было, то ли на приключения потянуло. Поехали в дальнее село, что в Тюкалинском районе. Разыграли гамбит с жертвой семейного положения: наторелый мэтр представил молодого женихом. За обильным столом пили, с шельмоватыми улыбками рисовали радужные виды будущего семейного гнёздышка, потом уехали. Можно только представить смущение и досаду «невесты», когда она поняла, что над ней посмеялись. Технически эту партию гроссмейстеры плутовства выиграли блестяще, но она же высветила их душевную глухоту.

Ещё о женитьбе. Из Schilling один импозантный и безупречный парень женился на красивой тарлычанке. Через год-другой она умерла от рака. Вдовец женился на её се-

Около 100–110 чел. из Германии и новых жителей Тарлыка присутствовали на юбилее. 28.06.2008 г.

стре, и с ней вскоре тот же трагический исход. Возможно, этот неудачливый человек был рождён с кармой, несущей смерть.

Вот фрагмент правдивой и грустной истории о созданных путём насилия колхозах и первом времени после обобществления домашнего скота. Сердобольные люди в душевном беспокойстве приходили на колхозный скотный двор, ругались и просили, чтобы их бывшую лошадь или корову не били, не обижали при раздаче корма. Это драма и людей, и животных. Не перевелись своенравные мизантропы, на животных глумливо вымещавшие зло или обиду на их бывших владельцев. Что тут добавить, кроме замечания Достоевского о «дикой, деревянной бессердечности»?

Ещё миниатюра о брутальной отношении к общественным животным. В лесу загрузил человек с косматым сердцем сани дровами. Лошади не в силах были стронуть их с места. Он часть дров скинул, результат тот же. Он ещё скинул – лошади ни с места. Тогда он все дрова снова погрузил и в пещерной ярости давай с бранью хлестать животных. Хрипя и налегая, они потащили. Сокрушающий довод дровосека был прост, как полено: «Если вы то не потянули, то и это не потянете!»

По 50-м годам могу судить, как тяжело приходилось животным. Кнутами и хворостинами, под ругательства и поноукания усталые люди нещадно хлестали измождённых, издёрганных лошадей и волов. Рассказывали, что один предколхоза с властными манерами, торопясь верхом в Любино, загнал коня. Ко всему жалких животных летом изводили несчётные рои насекомых, особенно в местах, стёртых хомутом или ярмом.

А вот ткань случая беспардонного паразитирования на детях. На одном участке летом работала группа школьников. В ежемесячную ведомость выдачи зарплаты бригадир всегда вписывал свою жену, которую на этой работе никто не видал. Её «зарплата» была в несколько раз больше, чем у каждого из тех, кто трудился.

Один любитель закладывать за воротник непрошено заявился на свадьбу. Занял у хозяина деньги, дал их невесте и, согласно свадебному ритуалу, потанцевал с ней. Когда спустя время озадаченный хозяин напомнил о долге, причудливый должник ответил: «Эти деньги в вашем же доме остались».

Жила в селе одна заурядная девочка моих лет по фамилии Бок. Её спонтанно, без личностной мотивации, поддевали и дразнили, язвительно приставивая к фамилии разные слова, чтобы звучало поехиднее, пообиднее. Каюсь, в этой постыдной и безжалостной стадной травле однажды участвовал и я, неуместно подгавкивая запевалам. Надо признать, что молодые в большинстве всё-таки неразумны и беззаботно жестоки; они не умеют ещё ставить себя в положение пострадавшего, не способны чувствовать чужую боль, чужое горе. Многие, на беду, в такой неразумности и бесчувственности доживают и до старости. «Сострадание, – писал Генрих Гейне, – высшее освящение любви, может быть – сама любовь». А семья Бок через несколько лет деревню покинула.

К дяде Пете зашёл сановитый приятель. обстоятельно и согласно обсудили текущий момент: как дальше жить, о выборах председателя. Осмотрительный гость вкрадчиво спросил: «Ja, wen wollen wir denn auf der собрание vorschlagen?»

– Ich meine, Honjar, den Simon.

– Über den ganzen колхоз?!

– Er ist der dummste... Und er will auch gern.

Дядя Петя с моим отцом оживлённо обсуждали перспективы коллективного ведения хозяйства на селе (в 70-е годы):

– Und das kann doch gar nicht gehen!

– Es geht doch aber!

Один некурящий местный философ с непреложной логичностью рассудил в озарении завзятых курильщиков:

«Если бы человек родился для курения, Господь наделил бы его трубой».

Умозаключение о мироустройстве наши предки компетентно излагали так:

– На чём держится Земля?

– На оси (Achse).

– А на чём ось?..

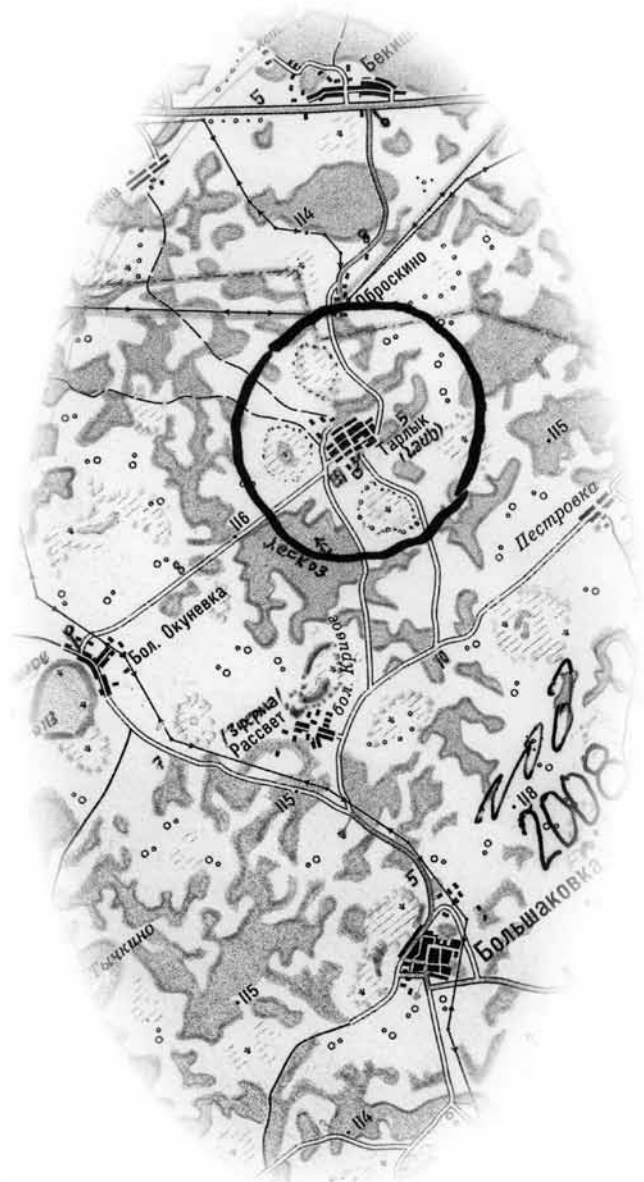
И ещё такая, альтернативная, версия – с позиции предметной:

– Земля крутится...

– Как это крутится?! Поставь здесь палку, завтра она всё так же будет стоять.

Как-то в деревне довелось участвовать в разговоре о познании всего сущего. Есть такие противоречия (антиномии) между двумя взаимоисключающими положениями, которые одинаково истинны и неопровержимы, например: Мир познаваем и Мир не познаваем. Многие в жизни и науке основывается не на точном знании, а на умозрительных построениях, допущениях. Взять электричество: ни один учёный не знает, что это такое. Выпускница школы укоризненно возразила: «Как не знают? Это направленное движение электронов». – «А кто их видел?»

Дошла притча, как невеста когда сыновья одного домовитого хозяина с деловой уверенностью ставили столбы. Они так старательно уплотняли трамбовками землю, что выкопанной земли не хватило.

Село Тарлык (Laub) Любинского района Омской области

Что же в то время находили смешным? В 50-е годы успех имела такая, например, побасёнка. С работы приходит муж и просит свою половину: «Наверно, я захворал. На ужин приготовь, пожалуйста, только 27 Klösse, а не 30, как обычно. Но... Лучше сделай их покрупнее». В 70-е юмореска с аналогичной фабулой публиковалась в печати как... габровский юмор. Подлинно: загляни в старое – узнаешь много нового.

Подшучивания разнообразили небогатый событиями быт, правда, не всегда отличались оригинальностью. Несколько тарлычан в другом селе – Бог ведь почему – заехали к кому-то на дом. Усадили их за стол. Шутник, указывая вальяжным жестом на застенчивого малого, предупредил хозяйку: «Ему мяса не давайте, он его терпеть ненавидит». Привередливый гурман, обделённый любимым яством, только и нашёлся: «Ach, du äggrer!» Говорят, схожими шутками пробавлялись и в ситуациях со спиртным: «Он у нас непьющий!..»

Один заведомый соглядатай заезжего разлива с удивлением рассуждал о переменчивости бытия, его сюрпризах: «Спишь, спишь! Утром проснёшься – новость!» Он же гугниво восторгался своим внуком: «У-у! Стёпка такой умственный!»

В перебранке с каким-то лысым наш хмурый земляк, не особенно совладавший с русским языком, от досады нелюбезно ответил своему визави: «Ух ты, голова без шерсти!»

Часов в 11 вечера гораздый на выдумки незаурядный Т. зашёл к натрелому хитрецу Г., разбудил его, предложил сыграть в карты и добавил: «Можно послать за дедом Гильбаухом, третьим будет».

Мартовская распутица, снег – как каша. Поздний вечер. На почту звонит бывший тарлычанин Т.: «Позовите срочно Г.» Прибежал, über Hals und Kopf запыхавшийся Г., оставляя на полу мокрые следы, припал к трубке: «Господи! Что случилось?» Из неё доносится бодрое: «Здорово! Ну как, к вам грачи уже прилетели?»

Строил один сельчанин дом из самана. Остановился прохожий:

– Gottlib, du kommst so weit raus. – «Ja? Тогда возьму немного внутрь».

Спустя время другой прохожий воззрился на кладку:

– Gottlib, du kommst so hart hinein. – «Ja? Тогда возьму чуть наружу».

Очередного земляка дезавуировал следующий... Сложил озадаченный строитель таким образом стены, накрыл крышей. Окинул он разочарованным взором творение рук своих и заключил: «Da stiehlt's jetzt!..»

Из самана возвёл строение и житель в Большаковке. Саманом же выложил вверху карниз. Наш честной народ не преминул дать определение: «Es (das Haus) steht, wie ein Mjashl (ступа)».

Жизнерадостные Иоганн и Егор договорились обменяться костюмами, иначе говоря, подправить свой имидж. Иоганн высокий и худой, ему понравился бежевый наряд Егора. Последний ростом ниже среднего и широк в плечах, он не мог отвести глаза от несравненного в красную полосу костюма Иоганна. И вот они обменялись. Егору, конечно, несложно было полосатый укоротить, но как Иоганн подогнал под свою высокую фигуру короткий бежевый, об этом история умалчивает.

О тех, кто самодовольно воображал о себе и кичливо важничал, бывало, скажут с иронией: «So stolz! Er bild (et) sich was ein! Und rechnet sich so hoch».

Фордыбачившегося или паясничавшего величали: «Die Sau, Abscheulicher! Der Verrückte!»

Возникавшего, кочевряжившегося безусого выскочку или забяку с вызывающими манерами более старшие осаживали: «Du Rotznas(e)! Hosenschisser!»

Тех, кто вёл себя эпатажно, нахраписто, осуждали: «Wie ein Narr, Der verfluchte Drach(e), Bösewicht...»

Если бурные споры вываливались из колеи до ругани и

обид или кто-то развязывал руки возмущению и угрозам, говорили: «Da ist ja wieder der Teufel los!»

О том, кто проявлял напористость, а подчас и бесцеремонность, или об изошрённом ловкаче нелестно отзывались: «Er hat so die Courage. Und so schlaue Kniffe».

А как остроумно и вычурно земляки шаржировали друг друга: «Давай, Manel, jetzt trinkst du die hundert Gramm, und dann machen wir uns an deine уроки» (!)

О человеке нерешительном, стеснительном, в какой-то мере и неумелом, бездеятельном или скукожившемся от холода говорили: «Da steht er, wie ein Putzmann (eine Pelzkapp)». Или: «Er ist so blöd» (здесь это слово имеет оудительный налёт).

Могли отозваться и так: «Der Traurige или Armselige».

О расторопном удалце, способном подъехать на деликатной ноге, расположить к себе собеседника, войти в доверительные отношения, договориться, одобрительно и с некоторой долей изумления высказывались: «Er kann sich immer so gut anbringen».

О том, кто был удал, смел, сообразителен (а таких выказывалось немало), замечали, что он fix или echt. Среди земляков были и очень проворные, дерзкие головы, для которых не существовало никаких табу. У меня симпатию вызывали такие, как Пётр Дермер – смекалистый, остроумный, знавший пределы лихости. В памяти он так и сохранился как своего рода местный Тёркин.

Эта тема уже затрагивалась. Если в селе о ком-то не сочинят байку, то прозвищем или кличкой наградят непременно. Даже фамилии обыгрывались в потугах придать им комический или ругательный вид. За этим стоят, по-моему, самозабвенное любопытство, жгучий интерес друг к другу, соперничество самолюбий, беспощадно придирчивая натура сельчанина. Однажды родственник в споре с моей матерью не затруднился ответом, имея в виду меня: «Скажите это лучше вашему РСФСР!»

Шутки, подтрунивание, розыгрыши, подковырки составляли неотъемлемую принадлежность нелёгкой и окостенелой сельской жизни. Малейшее отклонение от установленного шаблона осуждалось и высмеивалось. Иному ревностному воителю злословия в ощущении своей исключительности доставляло удовольствие кого-либо (иной раз под видом одобрения) с издёвкой высмеять, выставить в невыгодном свете. По-русски это называется: найти дурней себя. А в селении о таких говорили: «Er will jemanden abkappen» или «Er will der Allerklügste sein». Означает ли это, что на селе ум ценится выше доброты или порядочности?

Есть пословица: «Иной похвалит – хуже, чем обругает». В апреле, когда дороги развезло, издалека по срочному делу к одной семье приехал родственник. Пригласили по этому случаю и соседей. Один из них, предложив тост, стал лить «патоку слов»: «Да, Сергей смелый мужик. Такую дорогу осилил. Какое умение, хладнокровие!..» Сергей зарделся: его профессионализм оценили. Сосед плутовато усмехнулся и продолжил: «Это каким же отчаянным надо быть, чтобы отважиться в дорогу на таком раздолбанном мотоцикле? Вы же меня знаете, я не хвастун какой. Всем известна моя честность! Но и я не рискнул бы на таком драндулете допилить даже до Пестровки. Вот какой Серёга молодец!» Здесь, в Германии, сосед тот не подтвердил свои водительские права, а Сергей на новом Audi колесит по дорогам Европы.

Этому неуклюжему наскоку можно было бы не придавать значения, если бы не вспомнился обнажённо горделивый рассказ того соседа: «Зимой ехала наша бригада на север за строительным лесом. С нами в кузове находились и татары; мы затянули песню о Ермаке, а они злились...» Спели песню, а цель была – обидеть людей.

Носила земля и снобистского пошиба небожителей, надменно-ироничных, кои придавали себе «выраже-

ние скачающего превосходства и снисходительной насмешки», по определению Джеймса Фицджеральда. С отеческой, но неискренней ласковостью и изысканной вежливостью, барственно-покровительственным, а кто и елейно-вкрадчивым, тоном выставляли они скромняг (людей в трюме, по разумению местных вельмож) в смешном или беспомощном виде.

Мы, тарлычане, знанием русского языка никогда не отличались. Вот как это обернулось для одной нашей сельчанки, продававшей на рынке картофель. Она, как водится, нахваливала: «Хорошая, вкусная картошка, рассыпчатая!» Покупатель поинтересовался: «Наверно, и сладкая (не мёрзлая ли)?» – «Очень сладкая!»

Ранним утром отправился человек выкосить луг, что достался по жребью. В полдень жена принесла обед, а на лугу и конь ещё не валялся.

– Ты чего разлётся? Du Faulpelz! Ungeheuerlicher Taugenichts!

– Ну полно, Maria-Kathrin! Понимаешь, кошу я с охотой по росе, а птаха эта как запоёт! Я про всё и забыл. Слышишь, как она заливается! Шмакодявка, а поди ж ты!..

– А косить за тебя она будет, пустобрёх эволютивный?!

– Не горюй! Подумаешь, сено. Голос-то какой!..

После 2-летней службы из армии вернулся повзрослевший парень в родную обитель. Наш язык «забыл» и поэтому самонадеянно говорил по-русски.

– Ты, Витя, говорил бы по-немецки, а то тебя ни на каком не понять.

– Ну, пусть дядя Филипп переводит!

Очень не хотелось молодому шофёру в армию, поэтому на комиссии райвоенкомата опрометчиво сослался на слабое зрение.

– Как же ты тогда водителем работаешь? Отдавай права.

Военная служба оказалась не так ужасна, как её жупел.

У одного земляка полюбопытствовались:

– Над чем ты так смеёшься? Что за книгу клёвую без отрыва читаешь?

– Гоголевскую «Женитьбу».

– Ну, нашёл!.. Ты что, Гоголя ещё не читал?

– Песню тоже не единожды поют.

Дядя Петя доверительно делился воспоминаниями, как колчаковцы при отступлении по Тюкалинскому тракту прискакали со стороны Бекишева и заставили его, 16-летнего парнишку (воплощение третьей правды – ни за белых, ни за красных), на своей подводе отвезти их в Омск. Однажды вечером они устроили в одном селении попойку, и он не заставил себя просить: запряг лошадей и уехал. Рассказывал также о пережитом в 30-е годы. Один из племянников самоуверенно возразил, что в те годы было не так, он сам-де в книге читал.

– Ты когда родился? – убеждённо в рассказчике пересиливала оттенки иронии.

– В 1947-м...

Дядя Петя, чьи струны самоуважения задел кулак невесты, поднялся и, медленно ступая, молча вышел из комнаты. Такова дьявольская, неодолимая сила печатного слова – в условиях, когда к объективной информации граждане не допускались. Такая у нашего зазомбированного поколения была иступлённая вера в партийную печатную ложь.

Одной дебелиой и экспансивной матроне, которой за словом в карман лезть не доводилось, сказали, что балагура Конрада назначают механиком. Всезнающая особа пробасила: «Да что вы говорите?! Он же не грамантиж!»

Другая, незамужняя, общительного и бойкого нрава, с острым языком, в сердцах выплеснула: «Про меня в деревне рассказывают больше, чем про Ленина».

Третья, скромная, добросердечная, всегда в трудах и заботах, на вопрос о самочувствии в недомогании с усилием выдохнула: «Ich bin ganz daneben».

Учился один преуспевающий работник заочно в техникуме. На носу сессия, а он с компанией увлёкся ласковой бутылкой. Стала жена ругать, что он провалит экзамены.

И вот вскоре ей пришло якобы от директора техникума письмо: «Не переживай, Августа, dein Mann gibt ab, mach dir keine Sorge. Всё путём!»

Один словоохотливый семьянин при домочадцах с раздражением и обидой возмущался своим изворотливым приятелем, который его в чём-то объегорил. И вынес вердикт: «Ну ничего, будет праздник, я напьюсь и выскажу ему всё, что о нём думаю».

Не столько для удобства, сколько престижа ради строились дома-гиганты. Везде наводился строгий глянец, и хозяйка заходили внутрь робко, точно в Kölner Dom. Чтобы чувствовать себя свободно, переместились в летние кухни, но и их вскоре превратили в храмы порядка. Тогда кто-то перенёс газовую плиту в кладовку у курятника. Готовили там, а свыкшись, стали там и есть. Когда человек живёт не движениями души, а напоказ, он становится рабом вещей.

Бывало, кто-либо насолит знакомому или сделает какую-нибудь мерзопакость. Когда выпад повторялся, огорчённый потерпевший в праведном гневе свои неисполнимые угрозы сопровождал идиомой: «Er hat ja noch im Salz liegen!»

Бригадир проинструктировал комбайнера по правилам безопасности и занёс его данные в журнал.

– Год рождения? Сороковой? Хорошо...

– Да нет, я же с восьмьсот сорокового.

– Ах, да! Действительно... Это я по привычке.

Начальственная длань переправила 9 на 8, а 120-летний шутник расписался в журнале и пошёл запускать комбайн.

Как в любой общине, плелись в селении и разные интриги. Об одной, ещё не затуманенной временем, довелось услышать в таком изложении. С севера вернулась семья. Жена, будучи по специальности педагогом, разумеется, намеревалась устроиться на работу с умственным уклоном. Но в деревне её ждала фронда в лице влиятельного недруга. Обратилась она в школу – мест нет, попросилась в детсад – отказали, в контору – не взяли. Ларчик открывался просто: всех уже предостережёт служитель Немезиды. А о городе на селе отзываются: «У-у! Там мафия!»

Каждое лето между жителями по жребью распределяли покосы. На опушке леса делалась на дереве затесь и на ней писалась фамилия того, кому покос выпал. Один рукастый, не наделённый шепетильностью, чтобы расширить своё владение, недолго мудрствуя, торопливо срубил дерево и через полсотни метров сделал новую затесь.

Фридрих Ницше писал: «Факты не существуют – есть только интерпретация». В качестве примера, как по-разному видится одно и то же явление, приведу такой: в ГДР ели мало хлеба. Несколько земляков как туристы посетили ГДР, а по приезде рассказывали, что там не хватает хлеба. В 1985 году с туристской группой побыл там и мой приятель. Слов нет, здесь едят немного хлеба. Да и зачем много его употреблять, когда в достатке водятся продукты повкуснее: колбасы, сыры, фрукты, пиво? Если горчицу не едят ложками, это не значит, что её не хватает. Это в Союзе без хлеба пропали бы, потому и в песнях нам методично напоминали: «Хлеб – всему голова!» Чтобы на другие продукты (кроме картошки с капустой) не настраивались, не претендовали. А тогда в Ost наши всегда просили добавочного хлеба и получали его без ограничений. Ведь в России климат более суровый, соответственно, и едят основательнее.

Глава одной семьи, скептически восприняв очередной досужий разговор, предусмотрительно всем дома наказал: «Об этой каверзной сплетне никому не будем говорить. Мы даже не знаем, правда ли это».

В Тарлыке изредка бывал представительный шурин Николай: волевой, эрудированный и вдумчи-

вый, с мощной биоэнергетикой. Аналитический склад ума в нем удачно сочетался с глубоким знанием жизни, стремлением во всём «дойти до самой сути». Не о таких ли речено, что интеллигент – это тот, кто любое суждение «принимает не к сведению, а к размышлению». Обобщенно же интеллигентность – это обнаженная совесть, доброта, порядочность, забота о ближнем, высокое понятие о долге... О руках его, как и о нём самом, можно было сказать словами поэта Льва Ошанина: «В них молчит такая сила». Пожилая соседка моих родителей, глядя на эти ручища, как-то глубоко-мысленно заключила: «Ja, mit so eine Hand einen kriegten – das lohnt sich!»

ЖИВИ, СТРАНА!

Куда несёт нас рок событий?

С. Есенин

Российские авторы в 90-е годы писали о вынашивавшихся союзниками замыслах в отношении немецкого народа после войны. Было несколько вариантов:

- переселить всех немцев в Африку или стерилизовать;
- сделать Германию «зелёной» страной, то есть без индустрии, городов;
- раздробить её на мелкие государства.

Ни один из зловещих планов не удалось осуществить, вероятно, из-за начавшейся вскоре «холодной войны». Территорию страны урезали, разделили на оккупационные зоны и в западных с успехом претворили более изощрённый проект. Им предусматривалось ослабить её, как и СССР, изнутри, а именно (по Даллесу): «...Превратить немецкий народ в некую смешанную расу...» и «...вытравить национальные особенности, генетику...» И о России: «Мы наводним... низкопробной грязной литературой, мы введём вседозволенность, мы её разложим изнутри, и мы сделаем так, что Россия исчезнет». Прежде всего навязали немцам комплекс вины за войну (на неё их толкнул заокеанский капитал), от которого не дают избавиться по сей день. Более того, и в третьем тысячелетии Германия платит. С 1953 года выплачено компенсаций в сумме более 120 миллиардов долларов. При этом число претендентов на компенсацию за 60 лет выросло в 3 раза и составляет 3,5 миллиона. Поэтому многие, кто, по выражению А. Приба, из своей трагедии устроил гешефт, кровно заинтересованы, чтобы немцы посыпали головы пеплом и впредь.

Систему человеческих ценностей ориентировали на потребительскую сторону, чтобы немцы, как тот манкурт, думали лишь об уголении чрева и удовольствиях. С целью превратить их в бездуховных роботов насаживались феминизм, отрицание семьи, насилие, секс, извращения, пробуждались низменные животные инстинкты. По слову Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, замалчиваются духовные корни, на которых выросла христианская цивилизация. Немцы подвергаются мощной экспансии заокеанской поп-культуры. Американизируются дети, молодежь. Средствами служат СМИ, кино, реклама, всеведущая и всеобъемлющая паутина Интернета. И возможности их воздействия безграничны. Там к музам мы относились с пиететом, почтительно; за годы жизни здесь святое искусство стало для нас значить не более других сфер бытия. Потому что материальная компонента жизни здесь прекрасна, как искусство, а творения природы, её краски и голоса превосходят всё на свете. Гёте писал о ней: «Sie ist alles. ...Sie ist rauh und gelinde, lieblich und schrecklich, kraftlos und allgewaltig. Alles ist immer da in ihr. Vergangenheit und Zukunft kennt sie nicht. Gegenwart ist ihre Ewigkeit...» Но речь о Германии. Один раз она строптиво ослушалась большого дядю, не взяла под козырёк в иракской войне – и США на весь мир подняли антинемец-

кую истерию. Прозвучали призывы заодно с Ираком разбомбить и нас.

Только теперь, когда общество с его показной толерантностью поняло, что мусульмане здесь не хотят вписываться в европейский образ жизни, наступило отрезвление. Запоздало дошло, что сколько волка ни корми... Добро бы лишь в лес смотрел – акты террора готовит, избивает и убивает полицейских. Рост насилия в школах отражает драму мультикультурного общества, крах системы воспитания, кризис жизненных ценностей. Без духовной правды нация беззащитна. Оторпело и беспомощно стоят теперь прозревающие поводыры перед неразрешимой проблемой, но глухи к призывам вернуться к утраченным нравственным основам. Понадобилось 60 лет (после войны), чтобы закодированные на своей извечной исторической вине немцы дерзнули заговорить о своей культуре и патриотизме. А ведь человек ступил на Луну благодаря американским деньгам и немецкой мысли.

Житьё-бытьё здесь прекрасно, но есть ли у народа будущее? Тут очень высока культура общения, быта, но в атмосфере необузданности, проистекающей из соблюдения пресловутых прав человека (тоже навязанных), часть общества, придерживаясь формальных норм приличия, обернулась словно пещерным легионом: наркоманы, содомиты с лоснящимися космами, педофилы, нудисты. Но разве не должно быть наоборот, о чем говорил Эрнст Гофман: «Чем больше культура, тем меньше свободы»? Один из героев Василия Белова говорит: «Чтобы уничтожить... народ, вовсе не обязательно забрасывать его... бомбами. Достаточно поспорить детей с родителями, женщин противопоставить мужчинам». Уже сейчас в Берлине каждый второй живёт отдельно. Сами законы в части ответственности супругов препятствуют созданию семьи. По сообщениям СМИ, в стране зарегистрировано 4 миллиона гомосексуалистов и лесбиянок, а татуировки носят 4,2 миллиона человек. Вопреки библейским канонам, им покровительствуют и медики, и политики, и церковь. Интимные дела больных извращенцев выносятся на общественную арену (спектакли, фильмы, гей-парады, памятники), в сферу законодательства. Эту помойку пытаются экспортировать, в частности, в Россию, «переломить принципы русского общежития». Под маской защитника наших прав «русское» радио «Мульти-Культу» призывает переселенцев объявиться и вступать в общество швулей. А главным своим слушателем «в тылу врага» оно, понятно, не предлагает. Кроме морального, не менее значим и демографический фактор: миллионы пустоцветов отстранились от воспроизводства сокращающегося населения. А поводыры отстаивают безбожное: «У нас свобода. Они имеют такую склонность, нельзя их неволить». Тогда логичным будет и другое оправдание: «У убийц такой склад психики – убивать и грабить. Нельзя лишать их свободы». Похоже, кто-то настойчиво и утончённо направляет европейские нации к самоуничтожению.

С. Лазарев объясняет противоестественные явления феминизацией западного общества. На тонком плане зависимость мужчины от женщины почти в 2 раза выше. Поэтому, когда женщина добивается равенства и на житейском уровне, мужчина утрачивает свой статус. Отсюда и распад семьи, гомосексуализм, бесплодие. Да, это «противоречивое лицо женщины», по выражению Роберта Стивенсона, меняет и лицо народов, всей земли. Независимость, искушения цивилизации лишают женщину её природного инстинкта и долга – продолжения рода. 22% женщин страны не имеют детей, а каждый четвертый мужчина их не хочет: свобода и жизненные стандарты важнее. Германский аист тоже становится безработным: уже треть детей – иностранного происхождения. Одна переселенка прямо высказала женщинам по поводу собак: «Это ваши дети. Вместо детей вы их держите...» Брюки и сигарета – всего лишь внешняя, вещественная идентичность фемин-

низации, женщина во всём запохожилась на мужчину. Вместо равноправия (по возрасту, полу и т.д.) установилось равенство: старшим место не уступают, женщину с ребёнком никто не догадывается избавить от очереди. Равенство, при котором хранительница очага отрывается от Богом данного предназначения, – это вызов здравым жизненным представлениям. Безверие, прагматизм, агрессивность лишили европейскую женщину божественного дара – женственности, без которого, по убеждению О. Чиладзе, «мир раньше или позже, но всё-таки рухнет...»

Негативное методично внедряется в сознание, например, рекламируется ресторан с блюдами из тараканов. Так воспитываются и дети. У тебя, внучка, в словаре для 2-го класса изброжен мальчик с увесистой серьгой в ухе и большим кольцом в носу – чтобы дети воспринимали такое как норму. Христианскому учению противоречит и привитие с детства духа индивидуализма. Сколько горя в семьях и слёз матерей стоят за такими строками: «Immerhin 900 Minderjährige unter 14 gelten zurzeit als dauerhaft verschwunden». Неспроста тут озабочены тем, что переселенцы медленно врастают в здешнюю обстановку. Но применяться к такому – значит, превратиться в безбожников. Да и не можем же мы, как в политбюро, разом переменить свои взгляды на противоположные. Интеграция – это приобщение к богатой немецкой культуре и истории, народным традициям и обычаям, к пульсу общества. В условиях равенства и женщины не отягощают себя ответственностью, почти поголовно курят. Кого они родят? Такая сытая, неупорядоченная жизнь ведёт к вырождению нации. На чемпионате мира-2003 по лёгкой атлетике сборная Германии заняла 28 место. Вспомним: менее развитая ГДР одна всегда была среди первых! Сборную Берлина по боксу наполовину составляют переселенцы. По мнению тренера, они более мужественны, решительны, у них сильнее воля. Стало быть, и цивилизация должна иметь разумные пределы. Основу нации – культуру – размывают, вместо неё насаждают некую пластмассовую мультикультуру, посредством которой ведётся дебилизация населения. Но...

*Должны быть всё-таки святые
В любой значительной стране.*

Я. Смеляков

Иван Тургенев писал: «Вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет». Этот демонтаж культуры сопровождается экспансией английского языка. Даже повседневное Wiedersehen заменено чужим Tschüss. Между прочим, если, судя по медиа, в США только и слышно на людях sorry (извините), то у нас, в Германии, чаще всего, пожалуй, можно слышать danke.

Бескрылое искусство в обществе потребления выполняет, очевидно, социальный заказ: развлекать, воспевать картонные страстишки, растлевать и оглуплять молодёжь, чтобы никто не задумывался о злоте дня, о безотрадном будущем. «Художники, – беспокоен Илья Глазунов, – отвернулись от человека, от его бессмертной души, от морали». Ему вторит С. Лазарев: «Нынешнее искусство демонстрирует не душу, а тело». В наш циничный век оно игнорирует и христианские ценности, переставшие служить базой жизни, форсируется её декристианизация. Но ведь в основе всего лежит духовное начало, и задача искусства – возвышать человеческую душу, постигать и отражать жизнь, творить прекрасное, образно обобщать:

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка.*

У. Блейк

В театре, судя по прессе, озабочены по преимуществу поиском ярких сценических эффектов, а не глубиной воплощения замысла и образов. Из храма, из школы воспитания он превратился в подиум для увеселения. И клас-

сической музыке придали прикладное, развлекательное предназначение: Bleiben sie entspannt! А с экранов – потоки крови, смакование насилия и жестокости, Христос в клоунадах. И закон такое не возбраняет. От женщины не осталось никакой тайны, её непрерывное оголение оплошляет любовь, отвращает. И моду продвигают всё более обнажающую. Однако костюм Адама и Евы – не самое эстетичное зрелище. Вот мнение Жана Жироду: «Раздеваясь, эти женщины надевают свой самый безобразный наряд – наготу». Это поняли даже дикари и стали прикрываться. Вернуть искусству гражданское звучание, назначение воспитания – набатный императив наших дней.

Признаюсь, в первый год жизни здесь я с увлажнёнными глазами смотрел раз концерт ансамбля из России с лирическими песнями и задорными плясками. Это была минутная ностальгия по краю, где всё было близким. Позже я осознал, что там осталась другая страна, где царят произвол и цинизм самообогащения:

*Той России – нету –
Как и той меня.*

М. Цветаева

В отличие от некоторых, охаивающих свою прежнюю родину, мы, переселенцы, о ней и её талантливым народе не отзываемся плохо и желаем ему добра. Многие посещают родные места. От русской культуры мы не изолированы и здесь: книги, фильмы, музыка, телепрограммы. Есть в Берлине русские библиотеки. По телевидению и радио нередко передают музыку русских композиторов, спросом пользуются сочинения русских писателей. Стихи Пушкина, Есенина и других настолько органичны русской душе, что никакой искусный перевод не в состоянии передать исключительность и сокровенность, мелодику и лиризм их творений. Вот как выглядит перевод известной пушкинской строфы: Winter! Der Bauer erneuert mit seinen Kufen die Wege; sein Pferdchen, den Schnee witternd, tragt gemächlich vor sich hin... Оттого многие гениальные русские авторы на Западе малоизвестны. Что же касается культуры в наше время, она доступна лишь новоявленным господам с тугой мощной. А народ обречён выживать, культурная и духовная почва ушла из-под его ног.

Недавно во сне вспомнилась забытая песня нашей юности, есть в ней такие строки:

*Скажите, что нужно для счастья сегодня?
С друзьями увидеться снова!*

Что здесь может быть значительней встречи – с озарёнными лицами – друзей и знакомых, одноклассников и земляков? Каждый раз это неопишущий праздник души, неудержимый восторг, жадные расспросы, нескончаемые воспоминания, компанейский энтузиазм, фейерверк эмоций, радость и новые надежды. Лаконично это выразил Роберт Бёрнс:

*Гнетут меня беды весь год напролёт.
Но вечер с друзьями – и всё заживёт.*

Это и грусть по ушедшим годам и односельчанам, с которыми уходит генотип нашей деревни. Всё чаще встречаемся мы по поводу горестных событий и утрат, безжалостное время неостановимо. По здешним меркам, земляки уходят от нас в расцвете сил: это – отголосок тех лет. Здоровье – не одно лишь медицинское понятие, это слагаемое образа и условий нашей скоротечной жизни, восприимчивости к окружающему миру. Медленно и невозвратно «уходят наши годы», «каждый тянется долго, а проходит так скоро!», по словам Ги де Мопассана. «Жизнь однажды даётся, – отчаивается герой Достоевского, – и никогда её больше не будет...» И всё равно, как поётся, «вовек не состариться нам!», мы будем жить в потомках, в их памяти; ради их будущего большинство сюда и приехало. Здесь они учатся, трудятся, строят себе дома, разводят сады, служат музам, вживаются в общество. Многие родились вне Тарлыка, и с уходом нашего поколения о нём со вре-

менем забудут, он бесследно исчезнет в недрах здешней обыденности.

Российские немцы сполна исполнили свой долг перед Россией, верой и правдой ей служили и оставили в её истории немеркнущий след. Согласно медиа, это К. Минин, Ф. Врангель, Минихи, А. Остерман, Л. Эйлер, Гмелины, Екатерина II, Я. Сиверс, Д. Фонвизин, Ф. Шуберт, М. Барклай-де-Толли, П. Витгенштейн, И. Крузенштерн, Ф. Беллинсгаузен, И. Дибич-Забалканский, Ф. Литке, П. Пестель, А. Дельвиг, В. Кюхельбеккер, К. Брюллов, В. Даль (наполовину), Б. Якоби, Э. Ленц, К. Кауфман-Туркестанский, С. Витте, А. Фет (наполовину), Н. Эссен, Шмидты, Г. Манисер, З. Гиппиус, Книпперы, Н. Метнер, А. Блок, Л. Галлер, Ф. Цандер, Г. Нейгауз, Б. Пильняк, В. Энгельгардт, Р. Зорге, Г. Лангемак, Н. Гастело, Т. Пельтцер, Б. Раушенбах, С. Рихтер, А. Шнитке (наполовину), А. Герман, А. Фрейндлих, Р. Керер, В. Мейерхольд, А. Ферсман. Подвигом служения людям стала жизнь «святого доктора» Ф. Гааса, всю её посвятившего девизу: «Спешите делать добро!» Каждый школьник знал, что ненавистный фаворит Бирон был немцем, а происхождение немцев, прославивших Россию, и имена которых стали легендарными, замалчивались.

В своё время Франклин Рузвельт наряду со свободой слова и совести декларировал свободу от страха и свободу от бедности. Можно ли утверждать, что эти свободы нам гарантированы? Всё надо выстрадать, за всё расплачиваться. Там мы были уверены в своём будущем: рабочих рук всегда не хватало; образование, лечение, жильё были бесплатными; пенсия, хоть весьма скромная, гарантировалась. Там мы различались профессиями, условиями жизни. Здесь нас Божьим промыслом, как верно подмечено, всех уравнили: живём в сходном жильё, одинаково швах владеем Hochsgrache и... следим за новостями из России. Получаем ограниченную пенсию, дружно не посещаем театры, одинаково не жалуют нас, как русских, местные. И все скучаем по тому Тарлыку. Отличаемся разве лишь разным восприятием новой жизни, характером досуга, интересами да осмыслением прошлых ошибок: кто-то их осуждает, кто-то ими доволен. Обобщённо это выразил Герман Гессе: «Мы постоянно пребываем в грехе и в огне нашей совести». Может быть, различаемся ещё тем, что у каждого свой Тарлык. У кого-то он резко запечатлелся в памяти залитыми солнцем улицами и огородами, у кого-то – завораживающей элегией окрестных осенних околков и жнивья, у кого-то – симфонией летних лугов с благоухающей клубникой, звоном кузнечиков, пением жаворонка. Один хотел бы побыть там в грибную пору, вдыхать пряный, настоянный на травах и грибах воздух, другой – в морозный день пройтись по заснеженным улицам. Всегда и всюду, куда бы ни забросила судьба, мы, словно незримый дух, несём его в себе. Кто знает, свидимся ли ещё с тобой, сторона обетованная, забываемая, сторона, и поныне вселяющая в нас ясность духа, уверенность, надежду. Там мы жили будущим, здесь живём прошлым. Мы – как парусник, застигнутый безветрием. Альфред Шнитке отозвался о жизни в другой стране: «..Это гибель для одного поколения, которое не может прижиться там, но и шанс, что дети и внуки всё же войдут в ту жизнь».

С бедностью ясно: участь миллионера едва ли кому грозит. Для счастья сегодня нам не хватает свободы от затаённой тревоги за будущее наших Nachfahren, за их безопасность, образование и работу, от чего зависят благополучие и самоуважение.

На флаге страны чёрный цвет символизирует прошлое, красный – борьбу, жёлтый – будущее. Какими же вырисовываются контуры предстоящего в стареющей стране, где детей рождается всё меньше, а общество всё более исламизируется? Гложет опасение, что в среде, в которой всё позволено, наши потомки могут сбиться с тропы добра и

правды, что их принудят обратиться в ислам. Беспокоит, что они не будут владеть выразительным и богатым русским языком и забудут о своих российских началах. Для счастья сегодня нужно, чтобы страну уважали, не унижали назиданиями наркоманов от «русской мафии». Для счастья сегодня нужна уверенность, что с лица земли не исчезнут немцы и русские, их культуры и языки.

Родная сторона, отечество... Что это такое? Космополиты утверждают, что это та страна, где жить хорошо. В узком смысле, родина для нас – тот край, где мы родились. В широком смысле, внучка, родиной твоей является Германия. Здесь проходит твоё неповторимое детство, здесь ты пошла в школу, здесь твои подруги и друзья, здесь ты открываешь для себя мир, здесь ты встретишься со своей первой любовью, будешь жить и работать и приносить стране пользу. В твои годы мне нравилась песня со словами:

*Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовёт.*

Вот и твой настает уже черёд готовиться к своему призванию, к самостоятельной жизни. И о твоём поколении сказано:

*Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдёшь.*

Б. Пастернак

Как сказал М. Павич, «у ворот времени» тебя ожидает неизвестное будущее; пусть же оно будет безоблачным, добрым, счастливым!

Родина там, где свободный и полноправный гражданин сознаёт своё достоинство, на высокой ноте воспетое Шиллером, где человек не озабочен своей национальностью, живёт интересами общества, чувствует себя причастным и ответственным за страну и делит с ней её судьбу, где он с гордостью может сказать: «Это моя сборная по футболу, это мой город, это моя страна!» Валентин Распутин об отношении к Родине пишет: «...Это сверение, как сверяют часы, своего сердца с её страданиями и радостями». Вслед за графом Иваном Шуваловым национальную идею Александр Солженицын видит сегодня в сбережении народа. Еще конкретнее национальную идею выразил П. Столыпин: «...где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода». Все мы, тарлычане, были детьми своей страны, жили с ней одной судьбой под крышей общего дома, имя которому – Россия. «Живи, страна!» – эта взволнованная песня и посвящена тому разорённому дому, в котором силы добра на жертвенном пути ведут неравную борьбу с нечестивыми слугами мамоны за его очищение от скверны и скорое возрождение. Как отметил в 1856 году Александр Горчаков, «Россия сосредоточивается!» В этом ненастье остается надеяться на оптимизм Чехова: «Выдержим, и не такое выдерживали. Край громадных масштабов. Нельзя его судить и отпевать по событиям сегодняшним. Они пройдут, а Россия останется». Поверженная страна медленно, но решительно встанет на ноги – в стремлении превратить страдающее население опять в народ, вернуть ему «чувство света» и, невзирая на бедность его, в мировом контексте занять подходящее ей место среди ведущих держав. Одна из них – благодатная Германия, которая в раздумье стоит на пороге новых глобальных вызовов времени и с тревогой и осторожностью всматривается в грядущую неизвестность. Пожелаем же, внучка, и нашей новой родине, которую в этом неустойчивом и непредсказуемом мире впереди ждут ещё нелёгкие испытания: «Живи, страна!»

Berlin, 2007.

Литературная обработка Николая Шокурова.

Николай ШОКУРОВ

Родился 10 июня 1948 года в Омской области. Начал публиковаться в тевризской районной газете «Правда севера» с 14 лет. Любовь к немецкому языку привил ссыльный латыш Валдыс Вирпадж, преподаватель Журавлевской средней школы Тевризского района. После службы в армии окончил филологический факультет Омского пединститута им. А.М. Горького. Сотрудничал на Омском радио и телевидении, публикуется в центральной и областной прессе. Член Союза журналистов России. Является соавтором и редактором нескольких книг, решением Совета Российского Союза бывших несовершеннолетних узников фашистских лагерей за книги «Невыплаканные слезы» и «По следам пленного детства» награжден медалью «Непокоренные». Лауреат премии Немецкой национально-культурной автономии Омской области.

МОЕ РОДНОЕ ПОЛЕ

Майер Федор Александрович в Горьковском районе (80-е годы)

Прожив чуть более десятка лет в Омске, он не считает себя горожанином. И когда я добрался до его квартиры в СибНИИСХозе метельным февральским вечером, он искренне обрадовался непогоде: благодаря свежеснежавшему снегу на полях больше влаги задержится.

— Вся моя жизнь связана с селом, к нему более расположено мое сердце, — без тени сомнения заявил Федор Александрович. — Правда, однажды меня с 1973 по 1975 годы «выдернули» в город. То было время повального создания трестов по отраслям сельского хозяйства, вот и уговорили поработать заместителем директора по производству в тресте зерновых совхозов, объединившем восемь южных районов. Понял, что это не мое дело, и даже обрадовался, когда трест через три года ликвидировали. Рвался на свою агрономическую работу, однако тогда меня направили в Горьковский район начальником управления сельского хозяйства.

Федор Майер и не оставил бы этот район в зоне северной лесостепи даже после ухода на пенсию, если бы не семейные обстоятельства. После продолжительной болезни скончалась его супруга Маргарита Яковлевна, и дочери стали звать к себе в Омск. Не нравилась ему суматоха: всю жизнь на работу пешком ходил, а в городе надо добираться на забитом пассажирами до отказа автобусе, толочься в бесконечных очередях. Но душа болела, когда на заслуженном отдыхе наблюдал за развалом сельского хозяйства, выпавшем на лихие 90-е годы. Особо обидно это было таким людям, как Федор Александрович, собственными руками развивавшим отрасль, создававшим блага для сельских жителей. Вот и поддался на уговоры, уехал из села. Хотя Горьковский район до сих пор не теряет из виду, наезжает туда к друзьям, интересуется делами земляков-горьковчан.

ИХ СИБИРЬ ПРИНЯЛА...

Родился Федор Майер 1 марта 1929 года на Украине, в селе Высокое Поле Днепропетровской области, примерно в 30 км от райцентра Кривой Рог. Отца звали Александром Яковлевичем, мать — Бертой Васильевной (девичья фамилия Прицкау), оба 1904 года рождения. Мать домохозяйничала, но все равно несла трудовую крестьянскую повинность, а отец вел бухгалтерские дела в колхозе. Моему собеседнику помнится, что население села было чисто немецким, за исключением семей украинца Чирвы да одного грека. Преподавание в школе велось только на русском, но дома общались на родном языке. Скучные воспоминания сохранились о предках: похороны прабабушки, рассказы о смерти дедушки от тифа. Бабушку Христину Андреевну, которая прожила 101 год, семья похоронила в Омске. Вот голодомора, о котором не устают навязчиво «триндеть» украинские на-

Большая семья Майеров (бабушка Христина — сидит третья слева, тетя Оля Бракоская — стоит вторая слева, Федор — стоит второй справа)

С мамой (справа налево: сидят – Берта Васильевна и жена Эдуарда Зоя; стоят – трое братьев Эрвин, Эдуард и Федор)

ционалисты, Федор Александрович не помнит.

Особо памятен «черный» 1937-й, когда набрал обороты маховик репрессий. 1 ноября сотрудники НКВД забрали Александра Майера. За что – особо не распространялись, приписав ему антигосударственную деятельность. Арестанта лишили права переписки, семья так и не получила от Александра Яковлевича ни весточки. Позже, во время войны родных все же известили о его смерти от тифа, не указав адреса лагеря, места захоронения. Реабилитация безвинно осужденного, как обычно, оказалась посмертной...

Наполовину осиротевшая семья Майер помыкалась на Украине до 1939 года, живя за счет домашнего хозяйства да колхозного заработка матери и ребятишек. В Сибири проживали родственники по линии отца, прибывшие сюда как колонисты в результате столыпинской реформы начала XX века. Туда же в 20-х годах переехали отцовские брат и сестра, пригласившие на жительство свою мать, то есть бабушку Христину Андреевну. Вместе с ней из днепропетровщины выехала Берта Васильевна Майер с сыновьями. Поселились у овдовевшей тети Ольги Яковлевны Браковской, которая одно время работала председателем колхоза. В иськульском селе Гофнунгсталь жили весьма прилично, как и в других окружающих селах с немецким населением – Маргенау, Николай-Поль, Пучково. Колхоз «Сибирь», например, всегда числился в передовиках. Всю войну и приезжие с Украины, и сибирские Майеры держались вместе, за исключением отправленных в трудовую армию дяди Федора и брата Эдуарда. Сюда же были сосланы бывшие жители АССР немцев Поволжья, но

диалектные различия зачастую приводили к непониманию соплеменников.

– Конечно, страшное было время, – вспоминает Федор Александрович военное лихолетье, – но мы не голодали. Большого разнообразия в еде не было, но картошки вдоволь хватало. Тяжело было матери справляться с такой оравой – три пацана без отца росли. Как могли – помогали ей по домашнему хозяйству и с малых лет работали в колхозе. Большею частью мне приходилось работать с лошадьми: летом пас их, помогал заготавливать сено, зимой кормил. Нравилась забота об этих умных животных. В нашем селе Гофнунгсталь была всего лишь начальная школа, поэтому мы продолжили учиться в Боевом, на центральной усадьбе совхоза. В 1942 году я закончил 5 классов (потом был перерыв в три года, не было возможности учиться в другом селе), а старший брат Эдуард – 7 классов. Ему исполнилось 15 лет, и в ноябре вместе со сверстниками его отправили в трудовую армию. Работать брату довелось на шахте «Скальная» Молотовской (впоследствии Пермской) области.

По рассказам Эдуарда Майера, ему повезло, поскольку условия на той угольной шахте и дисциплина были совсем не лагерные, труд не столь изнурителен, как у взрослых трудармейцев. В пределах области разрешался свободный проезд, поэтому молодой трудармеец даже ездил по железной дороге на учебу в рабочекрестьянскую школу и таким образом получил среднее образование. В 1947 году он поступил на физико-математический факультет Молотовского (Пермского) государственного университета, после окончания которого в 1952 году получил направление

в Омск. Всю свою жизнь, до сих пор он работает в СибАДИ, несколько лет заведовал кафедрой.

– Бесконечно благодарен Эдику, поскольку он наставил меня на путь истинный, – искренне признается Федор Александрович. – В 1946 году, когда мне было уже 17 лет, я закончил 7 классов, а потом работал в колхозе им. Энгельса на разных работах – и заведующим конфермой, и даже заместителем председателя. Меня это устраивало, но брат постоянно подзуживал: «Учись дальше!» А что выбирать? Нельзя сказать, что с детства мечтал стать агрономом, но землю-то я знал. Можно сказать, и пахал, и сеял. Мой выбор в 1950 году пал на Омскую областную трехгодичную агрономическую школу, впоследствии она стала сельхозтехникумом. Но попал в точку, агрономия стала любимой профессией и делом всей жизни.

С КРАСНЫМ ДИПЛОМОМ – В ВУЗ

Нелегко пришлось сельскому юноше приживаться в городе. Продукты питания, включая и картошку, привозил из дома. Живя на квартире в частном доме «на Линиях», пищу с товарищами готовили себе сами. Стипендию выплачивали такую, что ее хватало на проезд по железной дороге до Иськуля и обратно, оставались какие-то крохи. А приятными остались впечатления от посещений театра музыкальной комедии, спектакли которого Федор особенно полюбил. Тем более, его «студент» никакие траты не нес, его снабжал контрамарками выпускник «Шебалянки», музыкант театрального оркестра, бывший трудармеец и земляк Борис Шрейдер. Бывало, те же бесплатные билеты доставались и на киносеансы в «Художку». Но выглядел завзятый театрал, по собственному признанию, не совсем презентабельно: ходил в старом ватнике без воротника, а зимой, конечно, в ушанке и валенках.

Надо сказать, учащиеся агрономической школы сразу «убивали двух зайцев» – получали среднее образование и профессиональные навыки специалиста-агронома. Практика велась с весны до осени, поэтому из школы выпускались не теоретики, а настоящие профессионалы. На Федора Майера посылали заявки из родной МТС: нужен он, мол, на работе здесь. С радостью «летел» домой на эту практику и сам молодой, пусть пока еще и недоученный, агроном. Знания давались широкие, кроме полеводства изучали животноводство, птицеводство и другие сельскохозяйственные отрасли. Выпускники стали хорошими специалистами, встречались и об-

В Иськуле, 1959 г. (Федор Александрович с женой Маргаритой Яковлевной, сыном Сашей, дочерьми Валей и Лидой)

щались друг с другом на протяжении долгих лет. Широко известен среди профессионалов Рейнгольд Цильке, обучавшийся вместе с Федором, а затем также окончивший сельхозинститут. Он стал доктором наук, работал в Новосибирске, внес значительный вклад в академическую науку.

Федор Майер после трех лет учебы получил красный диплом, а старший брат все не унимался: «Дуй без перерыва в институт, с твоим дипломом без экзаменов примут!» Так он попал на агрономический факультет Омского сельскохозяйственного института им. С.М. Кирова. Учился 6 лет заочно. Правда, еще до окончания вуза работал участковым агрономом в колхозе им. Энгельса, в общей сложности с 1953 по 1958 годы. Федор Александрович признается, что многому в жизни обязан своему наставнику – главному агроному совхоза «Боевой» Николаю Михайловичу Климанову, остававшемуся верным одному хозяйству от окончания института до конца своих дней. Этот человек был непререкаемым авторитетом для многих поколений специалистов-полеводов.

Страну потрясали разного рода политические события. Были среди них и яркие праздники, как Победа в Великой Отечественной войне. Позднее, со смертью Иосифа Сталина, Советский Союз погрузился в национальный траур. Все это касалось населения и крупных городов, и маленьких сел. Федор Александрович помнит митинги по поводу того или иного события, радостные и скорбные переживания сибиряков. Роднило чувство сопереживания. Даже страдания от утраты родственников, безвинно погибших в лагерях, на время притупились. Боль-

шинство нашего народа не склонно копить злобу, да и односторонне оценивать своих вождей. Вот и к Сталину у моего собеседника двойное отношение: надо анализировать кровавые последствия культа личности и не умалять достоинства государственного деятеля. К тому же, без приспешников на местах не могли бы твориться злодеяния в таких масштабах. Но политика – политикой, а что касается семейной жизни, то в это время произошли изменения: Федор Майер женился на своей односельчанке из Гофнунгстали Маргарите Энрих, бухгалтере колхозной бригады. В 1953 году родился первенец – сын Саша, через два года – дочь Валя, а в 1958 году – еще одна дочь Лида. Забегая вперед, стоит сказать, что с детьми у Майеров никаких проблем не было. Сын, с перерывом на службу в армии, окончил СибАДИ, дорабатывает до пенсии начальником Муромцевского ДРСУ. Дочь Валентина, окончив пединститут, работает директором школы в Омске, а Лидия получила медицинское образование.

ПАРТИИ МНЕНИЕ – САМОЕ ВЕРНОЕ?

– Меня всегда выручало в жизни то, что не кривил душой, говорил правду, – продолжил открывенничать Федор Александрович. – Вспоминаю военные годы – никаких притеснений и гонений на себе мы не чувствовали. Горе для всех советских людей было общее. Правда, там, в Иськульском районе, немцы жили, что называется, «в куче». Но и позже во время учебы и работы в разных местах я не чувствовал себя представителем «ущербной» нации. Может потому, что сам

не зазнавался, не вел себя заносчиво перед обществом. В Сибири больше людей ценят за деловые качества, за уживчивость со своими разноплеменными земляками. И хотя чувствовался партийный диктат, ведь партия тогда всем рулила, но мне удалось лавировать. Не вступал в резкие пререкания с партийным руководством, но и не поступался своими принципами: делал то, что требовалось по агрономической науке. Было поветрие, когда во главу всех дел ставили ранний сев: мол, чем раньше поседем, тем раньше хлеб вырастет, значит, и урожай соберем раньше. Помнится, на одном из заседаний научно-технического совета главный агроном Баррикадной МТС Лилия Архиповна Самсонова, женщина боевая, проинструктированная сверху, выразила мнение как бы от себя: надо сеять в первых числах мая. Первый секретарь тут же ее осадил: «Это мнение обкома партии, а не ваше». Но мы-то, руководители хозяйств и агрономы, знали, чем грозит этот волюнтаристский призыв, когда придется зарывать семена в мерзлую землю. Поэтому тянули с севом числа до 10 мая. Больше советовались с сельскими старожилами, опытными хлеборобами.

Оказывается, были и некоторые плюсы в озабоченности КПСС положением в сельском хозяйстве. Особенно это сказалось в начале кукурузной «эпопеи», начатой Никитой Хрущевым. По словам Федора Александровича, культура удачно прописалась в Иськульском районе. До этого в Сибири основной силосной культурой считался подсолнечник. А здесь подобрали механизаторов, увлеченных новым делом, расчертили 400 гектаров площадей квадратами, как того требовала агротехника. Боролись с сорняками не гербицидами, а с помощью культиваторов. В колхоз им. Энгельса направляли экскурсантов из других хозяйств, чтобы набирались опыта кукурузоводства. Урожай получали отменные, а коровы, отведавшие кукурузного силоса, заложенного из початков молочно-восковой спелости, стали доиться более продуктивно. Восхитившись колхозными урожаями, областное руководство в конце 50-х годов решило кукурузу Гофнунгстали отправить в Москву на ВДНХ СССР. Агроном Майер сначала сопротивлялся – не нужна нам эта показуха. Но раз партия приказала, что делать? Пришлось исполнять! Уговорили председателя колхоза, распорядился он упаковать более чем двухметровые кукурузные стебли в ящики и отправить на показ в столицу. А поздней осенью приходит известие: колхозу в награду предоставляется грузовик ЗИС-5, а председателю с агрономом –

по бронзовой медали ВДНХ.

Будучи исторически последовательным, стоит отметить, что в 1958 году в стране ликвидировали систему МТС. В районах появляются инспекции по сельскому хозяйству – аналоги будущих районных сельхозуправлений. К этому времени Федору Майеру оставался еще год учебы в сельхозинституте. Но его кандидатуру на пост главного агронома района выдвинул председатель Исилькульского райисполкома Степан Момот. Не помогли отговорки, пришлось молодому коммунисту согласиться на властный приказ. Кстати, по окончании комсомольского возраста Федор особо в партию не рвался, считая, что сам не вправе оценивать свою политическую зрелость. Но когда партторг стал ходить за ним по пятам, уговаривая пополнить ряды КПСС, на уговоры поддался. Так вот, кандидатура главного агронома района была утверждена в кадровом управлении облсельхоза. И сейчас Федор Александрович не кривит душой, когда заявляет, что его новое назначение особо не удовлетворило. Все же он предпочитал живую работу на полях, нежели кабинетную должность. Хотя много приходилось разъезжать по хозяйствам района. Правда, чувствовал себя назначенец неловко: не мог поучать своих старших коллег из тех же совхозов «Боевой», «Лесной», других, у которых сам набирался ума-разума. Поработал он так год-полтора и начал ходатайствовать перед первым секретарем Исилькульского райкома КПСС Петром Григорьевым: отпустите меня в любое хозяйство. Поплакался даже перед представителем областного управления сельского хозяйства. Тот пообещал посодействовать, даже место подыскал в новом совхозе, организуемом в Крутинском районе, но перебороть партийные власти не смог.

АГРОНОМА НА ЗЕМЛЮ ТЯНЕТ

Совсем было отчаялся Федор Александрович получить «вольную», но помог случай. Встретился со знакомой сотрудницей обкома партии Ольгой Петриной, бывшим агрономом совхоза «Краснодарский» Павлоградского района. Та, выслушав сетования коллеги, поинтересовалась: согласится ли Майер на Павлоградку? Тот не раздумывал: хоть куда, лишь бы живым делом опять заниматься. Накоротке встретился с первым секретарем Павлоградского райкома партии Федором Суворовым, на которого произвел благоприятное впечатление. Завертелась бюрократическая машина, и последовали следующие приказы: «освободить Ф.А. Майера от работы главного агронома Исилькульского

района» и «назначить Ф.А. Майера главным агрономом Краснодарского совхоза». Но районные власти сумели-таки заволокитить даже распоряжение вышестоящего руководства. Так, районный партийный лидер Петр Григорьев не хотел отпускать нужного, как он считал, специалиста. Даже грозился при снятии с партийного учета своевольного коммуниста перевести в кандидаты (была такая мера взыскания).

– Взмолился я: «Петр Михайлович, ведь не в Америку уезжаю и не в город бегу!» – переживает Федор Александрович те страдания. – Но партийный секретарь был неумолим, обещал разобраться на бюро райкома, «испортить кровь». А я уже загрузил в две машины и отправил в Павлоградский район весь свой домашний скарб, включая корову, так как постоянно держал домашнее хозяйство. Помог случай: Григорьева перевели председателем облисполкома, конфликт с исилькульским начальством был исчерпан. А с Петром Михайловичем мы потом по-доброму встречались в Краснодарском совхозе, позабыл он

Когда компьютеров не было (Федор Майер в Краснодарском совхозе, 1972 г.)

обиду из-за моего неподчинения. Хорошо я устроился в совхозе, семью поселили в добротную квартиру, и работа у меня спорилась.

В Краснодарский совхоз Федор Майер прибыл в 1960 году, а через два года в марте его пригласили в Новосибирск, на совещание передовиков сельского хозяйства Урала и Сибири. Значит, оказался достоин участвовать на столь представительном форуме в качестве делегата от Омской области с не менее знаменитыми сельскими тружениками. Летом рабочий день главного агронома начинался в 6 часов утра, и был он весьма напряженным. В кабинете не засидишься, когда стра-

да в разгаре и требуется отдача от каждого участника хлеборобского дела – от механизатора до полевода. При этом надо учитывать, что урожай зависит от умения специалистов ладить с коварной сибирской погодой, живем ведь в зоне рискованного земледелия. Но и в этих условиях у доброго хозяина богатый урожай родится, а у нерадивого – тощие нивы стоят. Ни разу Федор Александрович не пожалел, что выбрал хлопотную, но благодатную профессию, а в его трудовой книжке нет записей о приеме и увольнении, а только переводы с одного на другое место работы. Дважды уговаривали стать директором хозяйства – не соглашался изменить своей профессии. Бывало, и «шишки набивал» в какие-то моменты, но кто не ошибается, внося в спорную работу элементы риска? Но на протяжении многих лет сельское хозяйство нашей страны порой ввергалось в столь непродуманные реформы, что «чубы трещали» не у тех кабинетных мыслителей, которые задумывали перетряску основ отрасли, а у самих хлеборобов. Хорошо еще, что в хозяйствах находились трезвые, грамотные специалисты, которым удавалось не допустить перекосов на местах, организуя работу на основе многолетнего опыта. К таким труженикам принадлежал Федор Майер. Он сумел противостоять волюнтаристским требованиям ежегодного прибавления посевных площадей. Ведь для этого приходилось почти подрывать при вспашке корни берез в немногочисленных степных колках, которые служили надежной защитой от суховея и не давали выдуть снег с полей. Или какой смысл был распахивать солонцы, малопригодные для выращивания зерновых культур? Не лучше ли их оставить как пастбища для отар овец? А когда пыльные бури стали сметать плодородный слой с распаханых до глубины целинных земель, то одними из первых специалисты Краснодарского совхоза поняли, что лучше всего перейти на безотвальную вспашку. Они так отладили работу агрономического звена, что на основе селекции, отбора качественного семенного материала удалось увеличить среднегодовое производство зерна на 68% и повысить качество кормовых культур. Как следствие, улучшилась продуктивность животноводства.

Казалось бы, никто не в силах стронуть укоренившегося на любимом поприще Федора Александровича. Но в один из июльских выходных дней 1972 года нагрянул к нему Василий Озюменко, Герой Социалистического Труда, знакомый еще по работе главным агрономом Черлакского района. Гость признался, что его назначили директором только

что созданного областного треста зерновых совхозов, и первый секретарь обкома КПСС Сергей Манякин разрешил ему набирать в команду лучших специалистов из хозяйств области. Федор Майер поначалу прохладно отнесся к предложению новоиспеченного директора, но тот допекал: дескать, у тебя сын и дочь учатся в Омске, хватит им мыкаться по квартирам, а тебе в городе гарантирую квартиру в течение трех месяцев. Довод был вполне резонный, что и качнуло Федора Михайловича к согласию. Правда, отговаривал его первый секретарь Павлоградского райкома партии Михаил Гермизеев, пообещав присвоение звания заслуженного агронома. Только щедрые посулы никогда не останавливали целеустремленного Майера, не идущего на сделки с совестью. Перевод на новое место затянулся, но с января 1973 года его оформили заместителем директора зернотреста, объединяющего 26 совхозов из восьми районов.

– Откровенно признаться, не удовлетворяла меня эта работа: мотался по районам, контролировал работу хозяйств, а потом писал отчеты по итоговым результатам, – вздыхает собеседник. – Из нашего треста по совхозам распределялись все фонды: деньги, техника, зерно и все-все. Поэтому руководство хозяйств вынуждено было подчиняться тресту. А кроме того, в каждом районе существовали райком, райисполком, управление сельского хозяйства... И все эти ведомства также старались навязать совхозному начальству свои требования, поэтому у нас были трения с районами, наши распоряжения порой игнорировались на местах.

ДВАДЦАТЬ ГОРЬКОВСКИХ ЛЕТ

Областные тресты расформировали примерно в апреле 1975 года. Сотрудников пристроили – кого в обком, кого в райком, кого на хозяйство послали. Федору Майеру предлагали возглавить управление сельского хозяйства то Кормиловского, то Омского районов, а потом и Горьковского. Квартиру в городе оставляли за его детьми, что было совершенно справедливо. Снова он завел любимую песню: «Направьте в хозяйство, где я в полной мере могу проявить свои способности в агрономии». В то же время Федор Александрович знал, что из обоймы ведущих специалистов не выпадет. Он до сих пор высоко оценивает кадровую политику обкома. Из всех руководителей аграрной отрасли, которых немало повидал на своем веку, особо благодарен начальнику областного управления сельского хозяйства

Евгению Коновалову и его заместителю по животноводству Александру Мироненко.

– Снова меня стали уговаривать в управлении кадров облсельхоза: мол, надо, Федя! – шутит собеседник. – Но как же быть, Горьковский район я совершенно не знал, никогда там не бывал. Только слышал, как на заседании бюро обкома постоянно распекали горьковчан за плохие результаты работы. И все же меня убедили к началу уборки на переезд на новое место жительства и работы. Вскоре и новую добротную квартиру предоставили, в которую вселились с женой. Все трое детей остались в Омске, к этому времени и младшая дочь окончила среднюю школу. Также обзавелся в Горьковском своим хозяйством: от коровы отказался, но держал свиней, кур, гусей, а на пенсии даже кроликов разводил. Впервые в 1980 году купил там личный автомобиль «жигуленок», усовершенствованную модель «копейки», которая до сих пор стоит в моем гараже. До этого мне приходилось пользоваться только служебными машинами, на которых сам шоферил. Работая в районах, ездил на «УАЗике», а в тресте – отправлялся в командировки на «Москвиче».

В Горьковском за короткое время новый назначенец сумел сойтись с руководством района и специалистами, завоевал авторитет. Все трудные вопросы решались триумvirатом: первый секретарь райкома Виталий Карпов, председатель райисполкома Александр Нуждин и начальник районного управления сельского хозяйства Федор Майер. Подружились семьями со вторым секретарем райкома партии Эдуардом Кербером, приехавшим в район чуть позже.

– Вспоминаю свои отношения с секретарями партийных организаций совхозов и колхозов, – продолжает Федор Александрович. – Спору нет, были среди них карьеристы. Но в большинстве своем это были настоящие сельские «политруки», умевшие и словом вдохновить народ, и на деле организовать работу в коллективе. Взять, к примеру, Василия Ивановича Эйхвальда, который пользовался большим уважением в колхозе им. Романенко, партийную организацию которого он возглавлял, а колхозным председателем тогда был Василий Григорьевич Посажеников, заслуженный работник сельского хозяйства, кандидат сельскохозяйственных наук, депутат Верховного Совета России. Может, Эйхвальд где-нибудь и не дорабатывал в партийных делах, но в хозяйственных – отличался большими организаторскими способностями, что я отмечал, присутствуя на заседаниях партбюро района. В хозяйстве строили один из агрогородков,

находящихся под личным контролем первого секретаря обкома Сергея Иосифовича Манякина. Можете представить себе, какая ответственность лежала на председателе и парторге?

Но общее положение в Горьковском районе в то время сложилось тяжелейшее. Поголовье крупного рогатого скота было сильно заражено бруцеллезом и туберкулезом. Неблагополучных ферм оказалось столь много, что пришлось организовывать несколько изоляторов, хотя эпизоотическую ситуацию областные и районные власти старательно замалчивали. В хозяйствах дневали и ночевали специалисты ВНИИ бруцеллеза и туберкулеза животных, СибНИИСХоза, наезжали из Омска сотрудники ветеринарного и сельскохозяйственного институтов. Новому руководящему составу района с помощью ученых и практиков удалось совершить настоящую революцию в оздоровлении скота. На фермах велась масштабная реконструкция, тоннами вывозился зараженный грунт, монтировалось новое оборудование, ежегодно завозилось 1-1,5 тысячи племенных телок из других областей. Было заменено 60% маточного поголовья коров, построена межхозяйственная ферма по выращиванию телок с учетом выхода 2 тысяч нетелей в год. Конечно, ощущалась забота областного руководства, закупка скота велась через племобъединение. Результат не замедлил сказаться, в чем Федор Майер видит заслугу и районных специалистов. Горьковское стадо КРС по всем хозяйствам (5 совхозов и столько же колхозов) насчитывало 16 тысяч голов. Надо было развивать кормовую базу, поэтому площадь орошаемых земель достигала 10 тысяч гектаров, с них снимали два урожая кормов в год. Были освоены культуры донника и рапса. Урожайность порой достигала 40-45 центнеров с каждого гектара орошаемых площадей. Среднегодовое производство молока к концу 80-х годов увеличилось на 42%. Эти достижения горьковчан отмечены в книге «Агрономы. Элитный корпус земли Омской», составителем которой являлся Алексей Мороз, заслуженный агроном РСФСР, руководитель секции ветеранов Омского аграрного движения. В статье, посвященной Федору Майеру, он напомнил, что Горьковский район трижды был признан победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании. К сожалению, все это нынче в районе утрачено.

Начальником управления сельского хозяйства Горьковского района Федор Майер проработал 15 лет, а потом, оформившись на пенсию, еще 5 лет руководил тепличным комплексом – подсобным хозяйством районной сельхозтехники.

– Построили теплицу на 600-х квадратных метрах, возвели сви-нарник. Для меня это тоже было интересным делом, впервые стал заниматься выращиванием огурцов, помидоров, разведением цветов, – вдохновенно говорит Федор Александрович об очередном этапе своей жизни. – Учеников зимой ко мне на экскурсию водили, чтобы посмотреть, как среди сибирских морозов зреют овощи. Как агроному мне пришлось объездить омские тепличные хозяйства, изучить их опыт работы. Для себя поставил такую задачу: ежегодно дарить огурцы первого сбора женщинам к их празднику – 8 Марта. После сбора последних огурцов в мае заменяли почву, а на это место сажали помидоры, созревающие в декабре. Лично съездил в Ригу, привез оттуда два больших пакета черенков роз. Так что в теплице также на радость горьковчанкам благоухали розы, а вдобавок красные и белые гвоздики, тюльпаны. Вот так пришлось под старость лет по-настоящему стать цветоводом, что меня особо радовало.

«НИКАКОЙ Я НЕ ГЕРОЙ»

Девятый десяток лет живет он в стране, вернувшей старое название – Россия. Некоторые земляки-соплеменники покинули ее, пытаясь обрести счастье на исторической родине. По-разному сложились их судьбы в Германии: кто-то с ностальгией вспоминает Советский Союз, иные пытаются беречь зажившие раны. Когда у Федора Александровича спрашивают, почему он не меняет место жительства, он недоумевает: «Зачем? Я отдал все силы, свои знания этой стране, получил заслуженную персональную пенсию. Поэтому на старости лет пусть моя страна забо-

Потомки брата Эрвина (дочь Ирина (вторая слева) с мужем Сергеем Половковым, адъютантом начальника Санкт-Петербургского военно-морского института (крайний справа) и детьми Александром и Светланой)

тится обо мне, почему меня должен кто-то кормить в чужеземье?».

– Интересуются: есть ли какие обиды на советскую власть? – продолжает тему Федор Майер. – Да, у меня есть обиды. Одна из них – за 47-й год, когда нашу семью лишили отца. Но ведь тогда забирали и расстреливали не только немцев. Что, русских погибло меньше? Вторая обида, что в 47-м меня не взяли в армию. Это сейчас пытаются любыми способами «отмазаться» от армейской службы. А в наше время досадовали, что не позволяли исполнить почетную обязанность гражданина чисто по национальной принадлежности. Вот и все мои обиды–претензии к государству.

Дважды в своей жизни Федор Александрович побывал в Германии, куда переехал жить младший брат Эрвин. Он окончил Омский ветеринарный институт, по распределению был отправлен в Белогорский район Амурской области, где позднее пришлось служить срочную службу Александру Майеру-младшему, племяннику. А дядя Эрвин в это время переехал на станцию Брюховецкая Краснодарского края, где лет до 65 работал главным ветеринарным врачом, и в конце 90-х годов, будучи на пенсии, выехал вместе с женой в Германию. Сказалась близость к «горячим точкам» в республиках Северного Кавказа, опаска за свои жизни. Двое дочерей не одобрили выбор родителей, после окончания Краснодарского государственного университета вышли замуж: Татьяна – за юриста и живет в Туапсе, Ирина – за черноморского моряка, которого перевели на службу в Ленинград. Их сын, внук Эрвина, продолжил дело отца – окончил военно-морское училище, а теперь служит также в Севастополе. Так вот, в 1999 году Федор Александрович побывал у брата, а в 2000-м – у родственников жены. Пока работал, времени для путешествий по заграницам не было, во время отпуска позволял себе лишь поправить здоровье в лечебницах своей страны. Принимали в Германии хорошо, но российский гость своим зарубежным родственникам не завидует. Чувствуется у эмигрантов тоска по родине, сами себя они называют «русаками», также относятся к приезжим и коренные жители.

Трое братьев – Эрвин, Эдуард и Федор Майеры (слева направо)

Ф.А. Майер (во втором ряду крайний слева) на встрече с ветеранами аграрного движения 9 мая 2010 г.

В посиделках с друзьями, бывшими соратниками его часто пытаются, доволен ли всей своей жизнью. А он не скрывает, считая себя счастливым человеком: «Да, были трудные годы, но можно найти выход из любой ситуации, переломить трудности, достойно выйти из положения. Я не обижен ни на высоких руководителей, ни на подчиненных мне рабочих совхозов и колхозников. Карьеристом себя не считаю, но постепенно поднимался по служебной лестнице. Получил за свой труд заслуженные награды. Случались ошибки, но за всю жизнь я не получил ни одного партийного или административного взыскания.»

Свои награды – ордена Дружбы народов, «Знак почета», медали – Федор Александрович хранит в шкафу и никогда не надевает, даже на торжественных ветеранских встречах. «Никакой я не герой, – размышляет он. – Но посмотрю на награды и подумую, раз мне их вручили, таким образом оценив мой труд, значит, я честно исполнил свой долг на этой земле». Когда-то его «владениями» были тысячи гектаров полей в разных районах Омской области. Теперь родное поле агронома сузилось до размеров дачного участка, который

он возделывает с Ниной Васильевной Соболевой, ставшей спутницей жизни после смерти жены. Знакомы они были давно, еще со студенческой скамьи в сельхозинституте. Потом Нина Васильевна занималась селек-

цией кукурузы, всю жизнь работала в СибНИИСХозе. На старости лет они соединили свои судьбы. В их воспоминаниях по-прежнему сквозит любовь к земле, общему делу, своим соратникам.

Федор Александрович Майер и Нина Васильевна Соболева (февраль 2011 г.)

Тамара Леонгарт: «ПАПА ОСТАВАЛСЯ МОИМ НАСТАВНИКОМ НА ВСЕМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ»

Где бы ни встречался с Тамарой Яковлевной, видел ее в разных ипостасях. На самой первой областной выставке культуры она преподавала уроки рукоделия, демонстрируя мастерское владение вышивальным искусством. В Центре встреч она то собирает на посиделки земляков, то участвует в организационных делах Немецкой национально-культурной автономии. Знаю, что делится кулинарными рецептами и проводит конкурсы на лучшее национальное блюдо. Открыл для себя, что собственный сад с помощью супруга Константина Александровича в последние годы превратила в оазис ландшафтного дизайна, на который с восторгом взирают соседи и по достоинству оценили знатоки, наградив соответствующим дипломом. И всю жизнь выпускница Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького Тамара Леонгарт посвя-

тила себя преподавательской работе. Вот у этого разносторонне развитого человека я и захотел узнать об этапах ее жизни. Любопытство привело к тому, что в самом начале разговора поинтересовался у собеседницы, кем она мечтала стать в детстве, с тех пор, как помнит себя.

– Даже когда еще не умела читать и писать, я уже хотела быть учительницей, – окунулась в воспоминания Тамара Яковлевна. – Объясняется это просто, у меня перед глазами пример отца Якова Яковлевича Фриккеля – школьного учителя, который по жизни стал моим идеалом. До начала войны он был директором 7-летней школы в селе Крацке в Поволжье (бывший Франкский кантон, ныне Волгоградская область) и преподавал русский язык и литературу. С детства старалась походить на него, стремилась многое перенять от отца. Его реакцию на свое поведение я понимала без слов: легкий прищур глаз с потаенной улыбкой говорил об одобрении моих действий, а складка над переносицей свидетельствовала о его недовольстве моими поступками. Он происходил из семьи ремесленников по обработке дерева, эти умения передавались наследникам. Не только брату, но и мне. С малых лет научилась строгать, выпиливать лобзиком. Так обгесывала стволы деревьев, что наивысшей похвалой из уст односельчан звучало: «Ну надо же, как настоящий мужик работает!». Одновременно и женским рукоделием занималась: в шесть лет двоюродная сестра научила вязать крючком, а после семи лет, когда мы переехали в Князево, на место учительской работы отца в Называевском районе, сама обшивала платьями кукол. В этой науке уже мамина заслуга, поэтому в классах шестых-седьмых шила себе карнавальные костюмы из накрахмаленной марли.

– Вы упомянули Князево. Там родились, учились?

– Нет, я родилась на Волге. Нас с родителями выселили оттуда в 41-м году, когда мне было всего 1 год и 8 месяцев. Вспоминается одна драматическая особенность того времени. Времени на сборы давалось мало, но папа успел сколотить деревянный ящик, вложив в него энциклопедию – лексикон Мейера на немецком языке. Сделано это было с умыслом: если бы я по дороге умерла, то книжные тома

Семья до моего рождения: отец Яков Яковлевич Фриккель, мать Амалия Александровна, старшая сестра Ирма, брат Оттомар и сестра Эльвира. Примерно конец 20-х или начало 30-х гг.

Первое довоенное фото ▶

▼ Вместе с подругами на занятии в кружке «Умелые руки».

▲ Первое знакомство с сестрой после трудармии. Фото 1947 г.

можно было извлечь из ящика и в нем похоронить меня. Эти книги на всю жизнь остались одним из моих талисманов, ими я всю жизнь пользуюсь. Порой нигде не найдя значения какого-либо слова, обращалась к «Лексикону», находя там наиболее полный ответ. Однажды вновь общилась к изданию, когда делала перевод для Омской торгово-промышленной палаты. Эта энциклопедия подвигла меня заняться родословной. Выяснила этимологию своей девичьей фамилии Фриккель, происходившей от мужского имени Фрик, с добавлением уменьшительного суффикса. Потом установила, что мои предки, предположительно, но с большей долей вероятности, прибыли в Россию из Германии в 1764 году. Это был Георг Фриккель, как написано в документах – «из Изенбургских». Понятно, что он был не графом, не князем, а, скорее всего, подданным правителя Изенбургского княжества, которое располагалось на территории нынешней германской земли Гессен и части Пруссии. Сейчас продолжаю работать над родословной, привлекая в помощь книги, на которых выросла. Во время войны, когда отец, брат и сестры были в трудармии, мама мне разрешала потихоньку листать «Лексикон», ведь других книг не было. Укрепилось в сознании, что все мои представления о мире сложились на основе энциклопедии. Хотя она была трудна для восприятия, так как там готический шрифт соседствовал с латинским. Обращалась к матери, когда что-то не понимала, но, прежде всего, восхищалась картинками.

– В детстве у вас были хорошие знания родного языка?

– Когда была маленькой, вообще не умела говорить по-русски. Недавно нашла фотографию, которую подписывала своей сестре. Там в каждом слове – по три ошибки. Теперь анализирую, насколько мне было трудно осваивать русскую речь. Вспоминаю один эпизод из детства, когда мы с мамой жили в называемой деревне Ростовке. Стою в сапогах в луже, а на меня несется собака. С ужасом думаю, что должна кричать, чтобы меня спасли взрослые: «Сапоги!» или «Собаки!» Так от страха перепутала слова, что это

запомнилось на всю жизнь. А вот старших брата и сестер родители отправляли на лето в деревню, чтобы они в бытовой среде изучали русский язык. Лучше всех его усвоила в трудармии на Челябинском тракторном заводе сестра Эльвира, так как строгий начальник не терпел ошибок, там же оказалась и сестра Ирма. Брат Оттомар отбывал повинность в Ивделе на лесоповале, потом там же шоферил. Кстати, родные вспоминали, что отец очень хотел еще одного сына, но родилась я. Думаю, имя Тамара мне дали еще потому, что оно созвучно мужскому Оттомар. Хотя в конце 30-х – начале 40-х годов имя Тамара было модным в нашей стране.

– В каких местах в трудармии находился ваш отец?

– Он был в Богословлаге в Красногурьевске, а позднее в его подсобном хозяйстве. Оно располагалось в Омской области, на границе Называемского и Крутинского районов, близ деревни Старинка. В этом хозяйстве судьба свела отца с Генрихом Кербером, отцом Эдуарда Кербера, до ухода на заслуженный отдых работавшего заместителем главы администрации Азовского немецкого национального района. (Примечание: об эпизодах пребывания омских трудармейцев в подсобном хозяйстве Богословлага рассказывалось в публикации «Человек из обоймы» – журнал «Культура» № 9 за 2005 г., Н. Шокуров). С Эрной, женой Эдуарда Генриховича, мы – двоюродные сестры. Как только отца отправили познакомиться с будущим хозяйством, он воспользовался случаем навестить нас с мамой. Глубоко в память врезалось это событие, ставшее для меня великим счастьем. Со времен пребывания отца в Богословлаге сохранилась отцовская алюминиевая чернильница – баночка с завинчивающейся крышечкой, которую он всегда носил с собой, завернутую в промокашку, как и перьевую ручку с футляром для сохранности пера. В 1946 году нам с мамой разрешили на 2-3 дня приехать на свидание к отцу в Старинку. Помню, как старался приласкать меня каждый мужчина, оторванный от родных детей. Запомнился изумительный вкус того борща, в который трудармейцы опускали брикет пшенной

каши. Мы в деревне за время войны такого никогда не ели. Знаю, как тяжело все это переживала мама, работавшая в колхозе и одна содержавшая домашнее хозяйство. Кроме всего, она выращивала на огороде табак-самосад, который посылала отцу в лагерь, а тот был благодарен ей, ведь на курево можно было поменять продукты. Посылали отцу соленое сало или масло. Что самое удивительное – посылки доходили довольно быстро, продовольствие не портилось. А еще в памяти запечатлелось мамино бархатное платье. Когда родительницы не было дома, я наряжалась в него, становилась перед зеркалом на табуретку. В ниспадающем до полу платье сама себе казалась принцессой. Потом мама выменяла его на полную жестяную банку пшенки. Кормит ею меня, а у самой настолько печальные глаза, что у меня комок каши застрял в горле. Сколько я ни уговаривала, мать так и не стала есть пшенку. Думаю, ей не только хотелось накормить меня досыта, она в эти минуты вспоминала о старших детях и муже, отбывающих срок в лагерях. Нам еще в какой-то мере повезло, что маму не отправили в трудовую. Ведь мне в 43-м году шел четвертый год, а женщин оставляли только тех, у которых детям не исполнилось трех лет. Оставшихся без родителей ребятишек сдавали в детдом.

– *Где и когда вы пошли в школу?*

– В первый раз я пошла в школу в 1946 году в Старинке, куда нас перевез отец, а мне тогда еще не было и семи лет. Жили мы в доме по соседству с зернотоком, спала я на окованном сундуке, где хранилось наше имущество, а днями готовила на нем же уроки. Ходить от дома до школы было далеко, и с наступлением холодов меня решили больше не отпускать на учебу. К тому же, по природе я была левша, как и мой отец. С трудом мне давались попытки переучиться ПРАВОписанию, сказывалось слабое знание русского языка. В начале зимы 1947 года папу направили работать в Князевскую школу, восстановив в КПСС. Поначалу жили на квартире, свой дом приобрели, когда я училась примерно в 7 классе, отец его переделал потом на свой вкус, сложил из кирпича печь. Мне это жилище казалось большим и просторным. Учителям кроме зарплаты выдавали пайки, частью которых была мороженая картошка, она запомнилась отвратительной на вкус. Меня угораздило в это время заболеть малярией, всю трясло и знобило. Отец крепко обхватывал меня коленями, заставляя глотать горький хинин. Таким образом, я «прогуляла» весь этот год, зато довольно сносно научилась говорить на русском языке. Почему-то деревенские ребятишки не дразнили меня за исковерканную речь. Думаю, здесь сыграл роль непререкаемый авторитет моего отца. Была в нем какая-то харизма, да и в ту пору учитель был высоко уважаемым человеком на селе. Впрочем, и сама была девчонка «не промах»! Однажды «расквасила» нос обозвавшему меня мальчишке, когда ранее жили в Ростове.

– *Тамара Яковлевна, после трудармии ваш отец по-прежнему преподавал русский язык и литературу?*

– Нет, в Князево он преподавал немецкий язык и занимался трудовым воспитанием. Последнее связано с тем, что папа все мастерил собственными руками – мебель в доме от столов до шкафов, кадушки, ведра из жести. Когда еще мы жили в Поволжье, его, как одного из лучших директоров школ, посылали на ВДНХ, а там наградили патефоном. Кстати, в прошлом году с сестрой Эрной Кербер мы побывали в Саратове, заехали в родное село Крацке, исполнив заветную мечту моих родителей. Сохранилось здание школы, в которой директорствовал отец. По хранившейся у нас фотографии я узнала дом, в котором родилась. Но многое разрушено, в том числе лютеранская кирха, здание ткацкой фабрики, оборудование которой во время войны было демонтировано и перевезено в Называевск. Знамена-

▲ *10 класс. В центре классный руководитель Я.Я. Фриккель, мой отец, Я – четвертая во втором ряду слева. 1956 г.*

▲ *Студентка первого курса факультета иностранных языков Омского педагогического института им. М. Горького*

▲ *С первенцем Игорем. 1964 г.*

▲ *Выпускница института. 1962 г.*

▲ *В кругу семьи.
1974 г.*

▶ *Мама Амалия
Александровна за
любимым занятием*

▲ *Свекор Александр Давыдович, свекровь
Елизавета Лаврентьевна и муж Констан-
тин. Декабрь. 1966 г.*

тельно, что и нашу семью переправили в этот же район. Папа научил меня также переплетному делу, одну из моих первых выставочных наград за рукоделие я получила за самостоятельно переплетенный альбом. Отцовскую общую тетрадь, изготовленную из сброшюрованных тонких разрозненных школьных тетрадок, храню до сих пор.

– Таким образом, обучаясь в школе, где преподавал отец, вам нельзя было запятнать его репутацию даже мелкими детскими проделками?

– Старалась соответствовать! В начале мне было трудно из-за плохого знания русского языка. Но постепенно я даже превзошла в нем своих одноклассников, которые упорно склоняли местоимения на местных диалектах: «ейный», «евонный» и так дальше. Терялась, когда меня переучивали с левши на правшу: иду к классной доске и мучительно вспоминаю, в какой руке держать мел. Знаю, что ребяташки будут смеяться, если начну писать левой рукой. Привыкла действовать и в этом случае «правильно», избегая повода для насмешек. Потом нас, лучших учеников, прикрепляли к отстающим, чтобы мы их «подтягивали» по учебе. Хотя до сих пор стыдно за мою странную выходку в день выпускного школьного праздника. К нему все наши девчонки нарядились в белые платья. А мне накануне сестра прислала очень красивое темно-синее платье, и мама сказала, что на выпускной вечер пойду в нем. Взыграла обида: лучшая ученица в школе будет выделяться среди белоснежных подруг темным нарядом, к тому же дополненным красными туфлями. Поэтому и выкинула такой фортель: не пошла в школу, а бродила по берегу озера и ревел. Каково было отцу, к тому же классному руководителю нашего класса? Хотя истоки моего непослушания восходят к более раннему случаю. Накануне выпуска я должна была получить заработанное мною в колхозе зерно, которым в качестве натуроплаты рассчитывались за работу на току, где мы провеивали это зерно, вручную вращая веялку. Стыдилась получать заработанную пшеницу, поскольку мне досталось всего 18 кг, в то время, как к «заработку» одноклассников приплюсовывали «получку» их

родителей-колхозников, а там счет шел на мешки. Моя суровая мама решила меня за отказ от получения зерна лишить белого платья. Это сейчас я понимаю, что моим подругам шили такие платья из дешевого ситчика, а присланный мне сестрой наряд был побогаче. Но тогда я именно «уперлась». И все же, поборов чрезмерную гордость, вернулась в темно-синем платье в школу, повинившись перед отцом. Видимо, внутренние переживания из-за моего проступка еще долго будоражили его.

– А кто-то советовал вам совершить профессиональный выбор, настоятельно рекомендуя учебу в том или ином вузе?

– Нет, это был мой осознанный выбор. Когда я сказала папе, что буду сдавать экзамены в педагогический институт, он согласился, но намекнул, что все равно не поступлю. И вот тогда я твердо решила: наперекор всему я должна поступить. Правда, поначалу думала сдавать экзамены на физмат. Математика мне давалась легко, алгебру я очень любила, но у меня была четверка по тригонометрии. Решила, что она может негативно сказаться на оценочном балле, поэтому не рискнула сдавать экзамены на физико-математическом факультете. А в знании немецкого языка я была твердо уверена, хоть и на диалекте, но общалась на нем дома и учила с пятого класса в школе, поэтому устремилась в инъяз. Повезло, что с этих пор немецкий язык стал полноправным в вузе, а прежде преподавался как бы в качестве дополнительного. Поэтому по окончании учебы у меня в дипломе стояла запись: «учитель английского и немецкого языка».

– Стипендия была крохотная, ребята могли зарабатывать на погрузочно-разгрузочных работах. У вас этого дополнительного заработка не было. На что жили?

– Жила на частной квартире, общежитие в городке Нефтяников для нас построили, только когда училась на пятом курсе. Но вернусь немного назад, к печальным для семьи временам. Внезапно в 1958 году, когда я была на втором курсе пединститута, умер отец, которому шел всего

62-й год. Брат Оттомар забирает маму с собой в Ивдель, где остался жить после трудармии. Мы продали дом, корову и все домашнее хозяйство. Большая часть этих денег пошла на мою учебу. Каждый месяц мне перечисляли по 20 рублей, плюс моя стипендия – 24 рубля. Вот на эти деньги и жила. Зато помню, что моя первая учительская зарплата в 1962 году составляла 105 рублей.

– Вы начинали преподавание с сельской школы? Ведь в те времена действовало жесткое распределение выпускников вузов, особенно, если направлял райотдел народного образования?

– Но у меня не было направления никакого района, я поступала в пединститут самостоятельно. Всегда у меня складывалось впечатление, что всю мою жизнь незримо опекал папа, направлял и наставлял меня на жизненном пути. Еще до моего окончания вуза в 1961 году вышел указ о делении классов при изучении иностранных языков на две подгруппы, при этом сразу понадобилось в два раза больше учителей по этим дисциплинам. И нас уже на пятом курсе стали привлекать к преподаванию в городских школах. Впрочем, в школе на ул. Долгирева я даже подрабатывала примерно с третьего курса. До обеда занималась в институте, а после обеда давала уроки школьникам. Когда мне дали на это разрешение, я была безмерно счастлива, от нескрываемой радости забыла все на свете, а в таком «воздушном» состоянии чуть не попала под машину на городской улице. Хотя совмещать работу с учебой молодой девчонке было ой как трудно! А на последнем году обучения в институте уже преподавала в школе поселка Большая Островка на левом берегу. Учащиеся были разные, большинство из рабочих семей. Один парень, не зная, что немецким языком я владела как родным, даже мог грубо выругаться по-немецки.

Мне было не по себе, но хорошо, что он убедился в моем глубоком знании языка. Вскоре я сумела расположить к себе и педагогический коллектив, и учеников, а на Восьмое марта меня завалили цветами и скромными сувенирами, чем даже вызвала зависть у старших коллег. Директор школы готовился обратиться с ходатайством, чтобы меня после государственных экзаменов оставили преподавать здесь. В это же время познакомилась с Костей Леонгартом, студентом сельхозинститута, ставшего впоследствии моим мужем. У них в институте немецкий язык преподавала Анна Ивановна Керн, которая получила высшее образование в Саратове еще до войны. Мы довольно близко познакомилась с этой сердечной женщиной, которая рекомендовала меня заведующему вузовской кафедрой иностранных языков. Таким образом, меня приняли на работу, которой посвятила всю свою жизнь.

– Оттуда пошло ваше увлечение садоводством и особенно цветоводством, от близкого соседства с учеными сельхозинститута?

– В детстве я не любила сказки, не рассказывала их позднее своим детям. Видимо, во время войны сказочный период был утрачен, прошел мимо меня. Я говорила о пристрастии к энциклопедии, потом перешла к чтению научно-популярной литературы. В семь отец мне наглядно объяснил многие явления природы, поэтому я знала, отчего сверкает молния и гремит гром. Любила читать писателей-натуралистов Пришвина, Паустовского, Бианки, познала отличительные особенности многих растений. Уходя в лес или поле, сама отыскивала подмаренник северный, таволгу, кровохлебку, изучала корешки и стебельки. Этому не учили в школе на уроках биологии, но у меня была такая внутренняя потребность. Сравнивала черно-

▲ Прием экзаменов у студентов. 1983 г.

▲ На любимой даче с мужем

◀ На отдыхе с сыном Игорем и внуками Олей и Юлей. 2002 г.

◀ *Внук Игорь танцует хопса-польку*

▼ *Внучки Юля и Оля в национальных костюмах на выставке в «Континенте»*

▲ *Внучки Оля и Юля на выставке в Континенте*

белые иллюстрации в книгах с натуральными природными образцами. Ничуть не страшилась экстремальных ситуаций. На третьем курсе отправилась в поход по Уралу, наша группа из двух парней и пяти девчонок с одним туристским топориком смело пробиралась по таежным дебрям, чем немало удивляла местных жителей. В том походе сверстница, обучающаяся на естественно-географическом факультете пединститута, тоже удивлялась моим биологическим познаниям. Не могу сказать, что мне доставляло большое удовольствие копаться в земле, но огородом занималась с малых лет, для полива на коромысле носила воду из озера. Природные особенности меня притягивают и тогда, когда мои дети привозят заснятые видеочерез камеру моменты зарубежных путешествий. Прошу сделать «стоп-кадр», если притягивает очередной цветок. Едем на машине с мужем, он замечает марки машин, строительные сооружения, а я всматриваюсь в окружающий растительный мир.

– *А с каких пор, Тамара Яковлевна, вы занялись дачным участком?*

– В 1972 году, когда получили участок земли, отведенный под это. Но там раньше проходила дорога, поэтому земля была настолько «убитая» в прямом и переносном смысле, что с мужем натерли немало мозолей, пока вско-

пали ее лопатами. Обнесли участок забором, построили сарай для хранения инструмента. Уже через год возвели домик без фундамента. Но поскольку там грунтовые воды близки к поверхности, то наше здание перекошило, а затем вывалилась целая стена. Тем не менее, этот скромный домик из кирпича простоял около десятка лет. Размахнуться на более масштабное строительство не позволяли жесткие условия власти, да и наши средства не позволяли. А в 1979 году над нашим садоводческим товариществом пронесся мощный ураган, который побил все посадки, поломал фруктовые деревья. Пришлось многое пересаживать заново. Бывало, что посадки вымерзали. Одним словом, все время переживали природные катаклизмы. Одно время я вела журнал: иногда мы собирали с кустов смородины несколько ведер ягод, а, бывало, и 300 граммов. Пока работали, не было времени по-настоящему выполоть траву. А теперь у нас там сорняков нет. В 1995 году из белого кирпича построили новое здание, которое в округе так и называют «Белым домом». Через два года семенами травы засеяли большой газон, ограничили себя в посадках овощей: выращиваем столько, сколько надо в хозяйстве. Обустроили теплицу, теперь помидоры вызревают на корню до середины октября.

– *Ограничив себя в овощеводстве, вы и решили заняться садовым дизайном?*

– Занятие цветами, садовым дизайном сродни искусству. Это своеобразная натурная живопись. Бывает, подберешь какие-то образцы и получишь такое сочетание красок, что невозможно отвести глаз. Хожу и люблю, как все удачно взросло! Наблюдают, какое растение смотрится выигрышно в соседстве с другим. Как только наш розовый куст высотой под два метра вошел в силу, весь был усыпан бутонами, то проходящие вдоль забора люди запинались, засмотревшись на эту красоту. Собираю целые коллекции ирисов, пионов, роз. Меня узнают все продавцы цветов на рынках и в магазинах, приобретаю посадочный материал на выставках. Но скажу прямо: для меня в Омске очень бедная флора. Поэтому привозила цветы из Москвы и Санкт-Петербурга, поразило цветочное изобилие в Новосибирске, где специально побывала на выставке ландшафтного дизайнера. В 90-х годах, уже работая в Институте переподготовки кадров и агробизнеса, по два-три раза в год выезжала в командировки в Германию, откуда тоже доставляла материалы для посадки. Хорошо смотрятся нагромождения камней – розарий и альпийская горка, которые мы с мужем сформировали на участке. Камни – это тоже моя страсть!

– *Как вы познакомились с человеком, с которым на всю жизнь связали свою судьбу?*

– Через кусок сала. Поскольку наших соплеменников с берегов Волги рассеяли по разным местам Сибири, Казахстана и других краев Советского Союза, то при встрече они интересовались знакомством с тем или иным человеком, своими родственниками. В трудармии мой брат Отто-мар был вместе с братом Кости Владимиром Леонгардтом. Наши родственники с той и другой стороны проживали в

Челябинской области, так что от моей сестры с Володей, тогда студентом СибАДИ, переслали в качестве гостинца это сало. Видимо, в семье Леонгарт родители задумывались о будущем двух холостых сыновей, поскольку на 1 мая пригласили меня к себе в Оконешниково. В общем, отправилась я туда с братьями-студентами. Володя куда-то уехал выступать на концерте художественной самодеятельности, а мы с Костей пошли на танцы в районный Дом культуры. Эта встреча стала для нас судьбоносной, в конце августа 1962 года мы зарегистрировали свой брак. Торжество отметили с группой Костиных друзей из сельхозинститута, а свадьбу в Оконешниково сыграли только 7 октября. Помню, как мне, в ту пору робкой девушке, лишь месяц проработавшей на кафедре сельхозинститута, было совестно отпрашиваться. Но заведующий кафедрой разрешил отъезд, правда, распорядившись прежде провести все занятия по расписанию.

– Интересно отпраздновали деревенскую свадьбу?

– Свадьба была замечательна тем, что звучал аккомпанемент на всех музыкальных инструментах: на скрипке, цимбалах, оркестровом металлическом «треугольнике». Та памятная скрипка в нашей семье хранится до сих пор, как еще один талисман. В саманной мазанке было тесно, но очень весело. Наша семейная жизнь в Омске начиналась на съемной квартире. Правда, Костины родители нам очень помогали продуктами, присылая в город мясо и сало, домашнюю колбасу и другие деревенские деликатесы, само собой разумеется, картошку, которую ездили помогать им копать. Судя по всему, я особенно понравилась свекру Александру Давыдовичу, который преподавал в школе немецкий язык и музыке. В семье с невестками и зятьями был полный интернационал (чалдон, поляк, русские), мы с Костей были единственной чисто немецкой парой. Видимо, родителям это импонировало, к тому же свекровь не допускала меня к тяжелому труду, поручая какое-то шитье, вышивание.

– Вы ведь к этому были способны с детства?

– Мама довольно строго оценивала мои рукодельные способности. И это подстегивало: настойчиво буду делать так, чтобы получилось хорошо. Я рассказывала, что рано научилась шить и вязать. Главное, что имела к этому прилежание, как к изучению и определению растений. Мне хотелось творить что-то особенное. Увидела шкатулки с ракушками, привезенные с юга. А почему и мне такое не сделать? Насобирали на озере ракушек, накопили глины, и в эти глиняные изделия стала вдавливать ракушки. Мои шкатулки оказались непрочными, глина трескалась и осыпалась, но вдохновлял процесс творчества. Однажды попросила у своей учительницы привезенного откуда-то Деда Мороза, наклеенного на картонку: стоит потянуть за шнурок, как у новогоднего символа высовывался язык и открывались глаза. Меня это так заинтересовало, решила себя испытать в изготовлении игрушки. Тщательно обследовала ее, заглянув во все щелоч-

ки. Когда поняла механизм действия, обвела картинку, раскрасила ее и собрала по частям Деда Мороза. Изготовленную собственными руками игрушку подарила племяннице. Долго тренировалась вышивать, разглядывая добротную работу сестры. А потом вышла альбом с поздравлением «дорогому Иосифу Виссарионовичу», который с успехом демонстрировался на выставке школьных работ, приуроченных к юбилею Сталина. Были вышивки на кофточках, других нарядах, многие из которых шила сама. Как-то умиляет с высоты прожитых все это, когда разглядываю старые фотографии. В пединституте я была секретарем комсомольской организации, а потом организовала рукодельный кружок, в котором делали искусственные цветы из тканей. Мои попутчики восхищались, когда я в автобусе появлялась с ярким букетом таких цветов. Учиться рукоделию не переставала и в более зрелом возрасте: окончила курсы кройки и шитья, занималась электровыжиганием по ткани, участвовала в занятиях художественной студии, руководил которой Владимир Кудряцев, в то время работавший главным художником омской студии телевидения. В какой-то мере мои способности в декоративно-прикладном твор-

▲ На даче с активом Центра встреч немцев г. Омска

▲ Актив Центра встреч немцев г. Омска

▲ Любимая роза «Фламментанц» на даче

▲ Работа переводчиком с проф. Ляйбольдом

честве проявились у сыновей Игоря и Кости, которые оба закончили исторический факультет ОмГУ, отслужили в армии, а в трудные 90-е годы подрабатывали предпринимательством, изготавливая портмоне и дамские сумочки, успешно продаваемые в магазинах города. Дети выросли, обзавелись семьями. Теперь радуемся внукам, набрался целый «иконостас» их портретов. Старшая внучка Оля заканчивает учебу на экономическом факультете нашего «классического» университета. Она участвует в одном российско-германском проекте, по результатам которого возможно годичное обучение в ФРГ. Юлия после окончания школы в этом году намерена поступать на инъяз в педагогический университет. Игорь, до недавних пор младший внук, которому 10 лет, мечтает стать дизайнером и заниматься организацией праздников. Недавно, 3 января, родилась еще одна внучка – Алиса. А мы с мужем чувствуем приближение золотой свадьбы.

– По сути, активной общественницей в делах Немецкой национально-культурной автономии вы стали не так уж давно? К этому были предпосылки?

– Конечно, начинала с председателя совета пионерской дружины, потом была секретарем комсомольской организации школы и позднее, как уже сказала, факультета

иностранных языков пединститута, в профсоюзной организации сельхозинститута возглавляла культмассовую комиссию. Чудесной была наша школьная жизнь в Князево. Директор играл на баяне, поэтому на переменах мы нигде не бегали, а устраивали в коридорах танцы. Мы даже дружно участвовали в возведении пристройки к школьному зданию. А также в это время в школе большое внимание уделялось художественной самодеятельности. Помню, даже готовили сценки из жизни Ленина. А в ноябре 2006 года мне предложили руководство Центром встреч немцев города Омска, куда влились в большинстве своем люди, причастные к обществу «Возрождение». Первое время мы были заняты организационными вопросами, переживали стадию становления общественной организации. Исходя из моего жизненного опыта, с помощью единомышленников собрали актив, составили план работы. Встречаясь вместе, собираемся на экскурсии по музеям, причем не только в городе, но и в области. Посетили Большеречье, Горьковское, Азово, решили съездить в сельский музей Сосновки. Изучаем опыт работы национально-культурных центров в районах области. Слушаем концерты музыкантов и смотрим спектакли артистов из Германии, приезжающих в Омск на гастроли. Кроме того, принимаем участие в областных выставках и городских смотрах в Доме дружбы, на фестивалях национального творчества, кулинарного искусства, где рассказываем о культурных традициях и обычаях нашего народа. Кстати, в последнее время примерно раз в месяц проводим мастер-классы по приготовлению блюд национальной кухни, делимся разнообразными рецептами повседневных и изысканных блюд. В прошлом году организовали группу и съездили в Саратовскую область, побывали на малой родине наших предков, некоторые из нас тоже там родились.

– А вы помните самое первое блюдо, приготовленное своими руками?

– Конечно, помню, оно появилось в результате детских игр. Из чего оно было приготовлено? В нем были калачики (такие полевые растения), морковка и мак. Перемешав все вместе, я получила такое вкусное блюдо, что помнится до сих пор. Уверяю, его можно было есть! Правда, долгое время я серьезно кулинарией не увлекаюсь. Мама почти до конца своих дней, а умерла она на 99-м году жизни, это считала своей прерогативой, и к тесту меня близко не подпускала. После того, как ее не стало, пришлось готовить пищу самой. Не могу сказать, что это мне безумно нравится, но когда готовлю какое-то блюдо, то люблю импровизировать. Вношу изменения даже в традиционные блюда, добавляя в них какие-то приправы, как это делала мама. Кто их пробует, говорит, будто они напоминают кушанья, которые раньше готовили в их семьях.

– Пища телесная, пища духовная... Все у вас переплетается, во всем ощущаются родные национальные корни. Трудно давалось общение с зарубежными соплеменниками?

– Это была счастливая рабочая пора, когда наш Институт переподготовки кадров и областное главное управление сельского хозяйства и продовольствия участвовало в совместных проектах с Германией. Мы организовывали экскурсии за рубеж, в которых я выступала переводчицей. Я переводила книгу немецкого специалиста об инвестициях в агробизнесе, позднее переводила работы ученых Омского института ветеринарной медицины, сотрудничавших с институтом Ганновера, на немецкий язык, а также их немецких коллег – на русский язык. Последний раз мы с деловым визитом побывали в ФРГ в конце прошлого года. За все это время я прошла настоящую практику общения на международном уровне. Конечно, это помогает мне и в общественной работе, появилась раскованность, умение привлечь внимание собеседника. Хотя это бывает присуще большинству преподавателей, только прежде мы ограничивали себя внутренними рамками. Например, мне много дал семинар для специалистов восточных стран Европы по адаптации к международному рынку. На этом своеобразном семинаре, рабочими языками которого были немецкий и английский языки, выступали преподаватели из различных университетов Англии и Германии.

– А как вы относитесь к идее региональных властей о создании национальной деревни?

– Очень хорошая идея. Когда были в Саратове, мы познакомились с такой деревней, создаваемой из подворий в национальном духе. Не все они работают, на немецком подворье только закончили строительство зданий. Но место выбрано идеальное – Соколова гора, на которой и разместятся будущие строения. Пусть и у нас начнет создание чего-то подобного. Будем ходить друг к другу в гости, взаимно духовно обогащаясь. Хорошо, когда вместе собирается много друзей. Такое произошло у нас в Омске на праздновании 15-летия Дома дружбы. Там собрались члены совета этого теплого, гостеприимного дома, в который я также вхожу. В подарок по случаю юбилея я испекла пряничный домик. В своем выступлении сказала, что мы отличаемся только тем, что у нас разные родные языки. Но нас объединяет любовь к детям и внукам, соседям и друзьям, к нашему городу и нашему сибирскому краю. С деревенского детства, со школьной скамьи я воспитывалась в атмосфере дружбы. Пусть дальше мир и согласие царят в нашем общем доме!

Беседовал Николай ШОКУРОВ.

Фото из семейного архива Т.Я. и К.А. Леонгарт и автора

▲ Эта скрипка звучала на нашей свадьбе

▲ Учительский дом, в котором я родилась. Фото 2010 года

▲ Школа в с. Крацке, в которой работал отец до войны. Фото 2010 г.

Борис РЕЙС

Доктор медицинских наук, профессор, академик Академии медико-технических наук.

ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ

Мне довелось стать продолжателем профессиональной династии, родоначальником которой был мой отец Альберт Александрович Рейс. В далеком трагическом для нашей страны 1941 году он окончил Саратовский медицинский институт. Правда, вся его трудовая деятельность связана с Сибирью, в которой поволжский немец оказался не по своей воле. Здесь судьба оказалась благосклонной к нему: основал семью, вырастил и воспитал детей, получил заслуженное признание земляков и правительственные награды за самоотверженный труд. Впрочем, расскажу обо всем этом по порядку.

Альберт был младшим ребенком в семье Александра Ивановича и Павлины Карловны Рейс, родился 16 декабря 1915 года в районном центре Красный Кут Саратовской губернии. При советской власти село в составе области органично вписалось в АССР немцев Поволжья. Из справки сельского совета следует, что по социальному составу это была семья бедняка, хотя отец работал приказчиком, мать занималась воспитанием детей – Ирмы, Рейнгольда и Альберта. Отец умер рано, семья бедствовала, жила в постоянной нужде.

По окончании школы мой отец успел поработать в ней же учителем математики, а затем по примеру старшего брата Рейнгольда поступил на лечебный факультет Саратовского мединститута. Но в скорбно памятном 1938 году семью постигла беда: студента 4 курса Рейнгольда Рейса арестовали органы НКВД, истинные причины этого ареста не известны. По постановлению военного трибунала Приволжского военного округа от 27 сентября он был расстрелян. (Впоследствии постановление было отменено, и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления). Как близкий родственник «врага народа» был арестован и брат Альберт, но, к счастью, его освободили, спустя несколько месяцев. Учебу в вузе он закончил 24 июня 1941 года.

Молодой специалист лишь два месяца поработал в Изморской больнице Терновского кантона АССР немцев Поволжья, а в сентябре был выселен в Сибирь. Он устроился врачом в хирургическое отделение Тарской районной больницы, а через три месяца уже исполнял обязанности заведующего отделением, приняв пост от ушедшего на фронт коллеги. Одновременно Альберт Александрович стал преподавать в Тарской школе медсестер. Здесь и познакомился с будущей женой и моей мамой Эльвирой Книсс. К этому времени она закончила 1 курс Саратовского мединститута, но с началом войны была выслана вместе с родителями Давидом Ивановичем, матерью Эмилией Андреевной и двумя младшими сестрами также в старейший город Омской области. Давид Книсс всего лишь год проработал терапевтом в Тарской больнице и умер от инфаркта. Вслед за ним ушла из жизни заболевшая туберкулезом жена, работавшая учительницей. Опорой для осиротевшей семьи стал Альберт Александрович, женившись на Эльвире, которая обучалась в медучилище вместе с сестрой Евгенией. Младшая сестра Елена еще училась в школе, позднее после окончания Омского медицинского института она работала главным врачом СЭС, заместителем главного врача го-

родской больницы Нижневартовска, ей присвоено звание Почетного гражданина этого города в Тюменской области. Трагична судьба старших братьев моей матери. Один из них – Гаральд – служил в армии и пропал без вести в первые месяцы Великой Отечественной войны, Борис погиб от голода в трудармии.

Первенцем в нашей семье был я, родился в 1943 году, а вслед за мной через два года на свет появилась сестра Ирма. В марте 1946 года отец получил назначение возглавить Тевризскую районную больницу, куда он и отправился вместе с семьей и сестрами жены. Врачей в те годы было мало, по сути, они были земскими врачами, которым приходилось заниматься смежными специальностями. Альберт Алек-

Семья А.А. Рейса в полном составе (конец 50-х годов)

сандрович кроме хирургии тоже практиковался в акушерстве и гинекологии, урологии и рентгенологии, долгие годы работал судмедэкспертом, председателем районной ВТЭК. Машин не было, все хозяйственные работы выполнялись на лошадях и быках. Обслуживание вызовов на дому – прототип «скорой помощи» – также велось на лошадях. По словам Василия Маркова, в более поздние годы сменившего на посту главврача Альберта Рейса, старожилам-медикам остались памятли все трудности того периода: стационар больницы располагал всего 35 койками, 10 из которых отводились родильному отделению.

В сентябре 1949 года в Тевриз приехала новый главный врач, а моего отца отправили в участковую больницу села Кузнецово, обслуживающую ряд соседних поселений, разбросанных по тайге мест проживания лесозаготовителей. Пока семья оставалась в райцентре, моя мать навещала супруга, проходя пешком более десятка километров. К счастью, скоро руководство районной больницы сменилось. Альберта Александровича вернули в Тевриз, назначив районным хирургом и заведующим хирургическим отделением. К слову сказать, руководители главной районной лечебницы часто менялись. Молодые люди с медицинским образованием и партийными билетами в северном районе области задерживались недолго. Когда они увольнялись, то вспоминали о беспартийном Альберте Рейсе. Так, он работал с 1958 по 1963 годы главным врачом, с 1966 по 1969 годы заместителем главного врача по лечебной части, но всегда оставался хирургом. Коллеги подсчитали, что за это время он сделал более 5 тысяч операций. Благодаря заботам и стараниям Альберта Александровича укрепилась материально-техническая часть райбольницы, а коечная сеть выросла до 100 мест. Ему удалось сплотить коллектив медицинских работников, мобилизовать общественность на скорейшее решение неотложных медицинских задач. Он организовал лабораторную диагностику, открыл 10 изолаторов для наиболее эффективного лечения больных. За все это он снискал всеобщую признательность и уважение земляков. Кроме многочисленных наград отраслевого значения, отец удостоен медалей «За трудовую доблесть» (в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 декабря 1966 года говорится, что награда вручается «за большие заслуги в области охраны здоровья советского народа») и «Ветеран труда». На выборах тевризские избирали его депутатом районного совета.

В то время, вплоть до 1956 года, спецпоселенцы (немцы, латыши, украинцы, калмыки) должны были периодически отмечаться в комендатуре, чтобы, не дай Бог, не сбежали из урманного края. Это была унижительная процедура, которая во многом зависела от того, какой человек исполнял обязанности коменданта. Условия проживания на выселках в тайге были адскими, например, калмыки вымирала массово. Нашей семье повезло, что поселили в райцентре. Но тем, кто выжил, разрешено было вернуться на родину. Советским немцам, в том числе и моим родителям, в этом было отказано. Сибирь осталась их второй родиной до конца жизни.

Местная печать не забывала отмечать успехи тевризского здравоохранения тех лет. Особенно часто печатались отзывы излеченных пациентов, теплые слова благодарности в адрес врачей райбольницы, в том числе и моего отца. Сохранились фотографии, опубликованные в областной газете «Омская правда». Иногда районка «Правда севера» выдавала объемные публикации, посвященные ему. В моих архивах сохранился первый январский номер этой газеты за 1966 год. Накануне Альберт Александрович отметил полвека своей жизни, и корреспондент Анна Борисюк ведет прямой репортаж из операционной. Позволю себе процитировать несколько строк:

«Операция сложная. В эти ответственные минуты хирург не забывает взглянуть на лицо больного. И тогда на

Отец с сыном готовятся к операции (фото Александра Чепурко из газеты «Омская правда», 1967 г.)

его лицо появляется не улыбка, а, скорее всего, отражение состояния самого оперируемого. А тот уже приоткрыл глаза, глубоко вздохнул, и лицо у него порозовело.

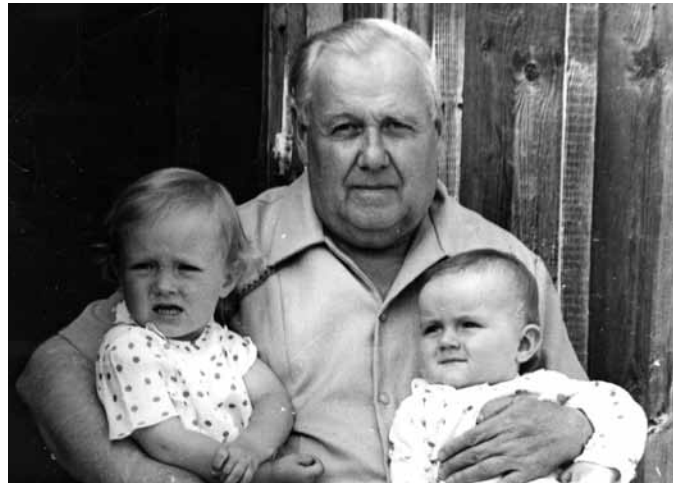
- Потерпи, голубчик, сейчас будет полегче. – Хирург низко наклоняется к больному.

Операция прошла успешно. Альберт Александрович несколько раз после этого заходил в палату, справлялся о состоянии больного. Видя, как тот слабо улыбается, сам веселел, осматривая шов, следя за общим состоянием пациен-

та. И давал указание медицинскому персоналу: все время наблюдать. Сам же не уходил домой до тех пор, пока не убеждался, что опасность миновала.

Сельской журналистке удалось передать напряженность того рабочего момента, который характерен для оперирующего хирурга, его душевной связи с пациентом. Она не лукавила, когда описывала встречу с врачом, которому порой приходилось в сутки отдыхать всего лишь три-четыре часа:

«Да что такого особенного я делаю, - Альберт Александрович даже обиделся, когда узнал о цели моего прихода. – Писать обо мне нечего. Я выполняю долг».

Альберт Александрович с внуками Олесей и Сергеем (80-е годы)

Хоть и в первом поколении, но мой отец был поистине интеллигентом. Он хранил богатую фонотеку с записями классической музыки, собрал обширную библиотеку, где кроме специальной медицинской литературы были представлены произведения русских и зарубежных классиков. По наследству эта книжная сокровищница перешла к нам, его детям. Кстати, он немного занимался и пчеловодством, пока мы жили на территории тевризского больничного комплекса, в окружении настоящей липовой рощи. Нелегкой была его жизнь, но он прожил ее достойно. До конца своих дней, а умер он в 1990 году и похоронен в Тевризе, как и моя матушка, Альберт Александрович оставался добрым и отзывчивым человеком.

Мы, наследники, свято храним о нем память. Свою любовь к профессии отец передал мне, в силу чего я окончил Омский государственный медицинский институт. Я счастлив, что Тевриз свел меня с будущей женой Гертрудой, мы с ней учились в параллельных классах одной школы, а поженились за год до моего окончания вуза. Она только что окончила Ленинградский педагогический институт и преподавала в Тевризской школе. Кстати, о судьбах Антонины Александровны Кейльман и Аркадия Васильевича Бирюкова, родителей моей жены, рассказано в очерке «Классная мама» (журнал «Культура» № 15 за 2008 год).

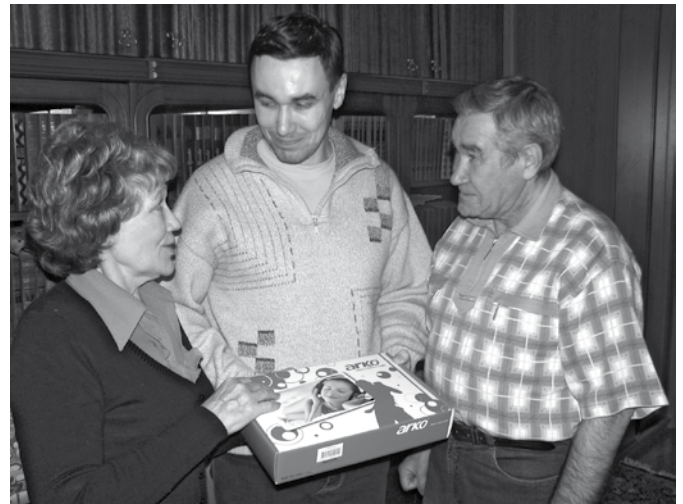
Борис и Гертруда Рейс с дочерью Ингой (1969 г.)

Несколько лет мне довелось работать с отцом в Тевризской больнице. Затем я закончил целевую аспирантуру в Москве, вернулся в Омск и до сих пор преподаю в медакадемии. По семейным стопам пошел мой сын Альберт, также окончивший Омский мединститут. Сейчас он работает врачом-хирургом в Омском клиническом медико-хирургическом центре (бывшая медсанчасть № 10). Правда, моя дочь Инга в профессиональном плане выбрала для себя педагогическую деятельность. Она окончила консерваторию, заведует филиалом музыкальной школы в Москаленском районе. У нее растут сын Аркадий, студент Омского государственного аграрного университета, и дочь Ольга, школьница. Сестра Лидия вместе с дочерью Ольгой живет

в Санкт-Петербурге. Младшая сестра Татьяна после окончания филологического факультета Омского пединститута преподает в Тевризской средней школе. Высшее образование получили ее дети: сын Сергей тоже работает в Тевризе, а дочь Олеся в Ханты-Мансийске. Думаю, на благодатной сибирской почве взойшли хорошие семена, которые посеял когда-то в этом мире мой отец Альберт Александрович Рейс.

Тевризский журналист Владимир Лаптев, полистав в 1995 году подшивки районной газеты «Правда севера» и подборки благодарностей в адрес Альберта Александровича от бывших пациентов, внес предложение присвоить райбольнице его имя или увековечить память об отце на мемориальной доске, размещенной на одном из зданий больничного комплекса, в котором он проработал более 30 лет. Знаю, что многие тевризские с пониманием восприняли эту идею. Правда, до сих пор она не воплотилась в жизнь. Впрочем, близкое родство не позволяет мне пенять им за это. Память благородством полнится...

От редакции: Тевризское землячество, образованное в Омске, в планах своей работы на 2011 год предусмотрело увековечение памяти А.А. Рейса в районном поселке.

Борис и Гертруда Рейс с сыном Альбертом (январь 2011 г.)

Николай ШОКУРОВ

ФРАУ КАТЕРИНА

Так уж повелось в жизни: начинаешь разматывать клубок чьей-нибудь судьбы, вдруг в нем обнаруживается еще одна ниточка, настолько тесно переплетенная с основной, что понимаешь – не зря она здесь оказалась. Существует теория, что все люди в мире знают друг друга. Конечно, эти знакомства проходят не в прямом контакте, а опосредованно, по цепочке косвенных связей. Например, уехал мой знакомый на жительство в Австралию, увез с собой газеты и журналы, в которых я о нем писал. Там он познакомил своих новых друзей с публикациями, может, и обо мне рассказал. Манией величия не страдаю, но становится приятно, когда осознаешь, что твои строки прочтет кто-нибудь в дальних странах. Впрочем, зачем забираться на далекий австралийский континент? Греет душу, когда получаешь письма из более близкой Германии, и там становится все больше знакомцев. К примеру, рассказал в журнале «Культура» (№ 16 за 2009 год, «Ссылный второго эшелона») о соседе моего отца Константине Вагнере из Тевриза, а через год случилась встреча с его сестрой Екатериной. Сейчас бывшая лучшая доярка Тевризского района, чей портрет наравне с портретом ее мужа – механизатора, фронтовика Великой Отечественной войны Петра Гербера – украсил районную Доску почета, проживает в Германии. Но для нее стало традицией ежегодно навещать к овдовевшему брату: помочь по хозяйству, обиходить огородные грядки, с картошкой управиться. К тому же, скучает Екатерина Иосифовна по родной Сибири.

КАК ЛЕНИНГРАДКА ОКАЗАЛАСЬ В СИБИРИ

Катя родилась 12 июля 1933 года в Ленинграде, куда беременная Мария Вагнер приехала по весне из голодающего Поволжья, чтобы сохранить двух малюток и будущего ребенка. Рискнула оставить мужа, крепко привязавшегося к родным местам. По совету знакомых устроилась работницей в состоятельную еврейскую семью, стирала и убирала в квартире хозяев, выделивших ей комнатку под

Родители Иосиф и Мария Вагнер (30-е годы)

жилье. Узнав о рождении еще одной дочери, отец Иосиф Францевич не вытерпел и воссоединился с семьей. В 1935 году семейство Вагнеров из Ленинграда вернулось в Поволжье, на станцию Безымянную, где через год у них родился

четвертый ребенок – сын Осип. (Он, до сих пор живущий в Тевризе, так и записан в документах – Осип Осипович, хотя все другие дети по отчеству Иосифовичи). А в 1937 году переехали в соседний со станцией колхоз «Заветы Ильича», здесь родители построили дом и работали до начала войны.

Их постигла та же участь, что и всех поволжских немцев в 1941 году. Депортированных жителей Поволжья до Омска везли на поезде 12 суток. По пути находчивый отец рисковал на станциях в поисках еды и питья, лишь бы его пятеро детей выжили (к тому времени родилась еще дочь Эльвира). Потом трое суток сплавлялись на пароходе до северного райцентра Тевриз. Прямо на тевризской пристани ссыльных загрузили на подводы и развозили по селам района. Вагнерам выпало поселение в Петелино, где обжили неказистый маленький домишко. Переносили лишения и голод, большую мать Марию Богдановну мучили частые обмороки. Отец до весны 1942 года работал в колхозе, пока не призвали в трудармию. Дети начинали учиться в школе, русский язык они неплохо освоили от своих поволжских сверстников. Но издевательства деревенских ребятишек (могли не только обзывать «фашистами», но и палками поколотить) заставили бросить учебу. Оставшись без кормильца, семья выживала за счет продажи вещей, привезенных с прежнего места жительства, поэтому милостыню не просили. Хотя в колхозе работали за трудодни, надеяться на денежное обеспечение не приходилось. Видимо, из-за перенесенного стресса у матери даже обмороки прекратились. Через год, когда и продавать было нечего, Мария Вагнер отправилась пешком за 25 км устраиваться на работу в Тевриз. Нашлось место на льнозаводе, где работникам выдавали в сутки по 500 г хлеба, а на детей – по 200 г. Пришлось перебраться в райцентр.

– Попрощались мы с Петелино, в котором осталась жить тетя Лена, мамина двоюродная сестра, ее сын Петр Гербер воевал с первых дней Великой Отечественной. Других детей – Ивана и Марию – забрали в трудармию, остался только инвалид Франц, который хоть и не мог ходить, но занимался сапожным ремеслом. Тем и зарабатывал на жизнь свою и матери.

Усадили маленьких Эльвиру и Осипа на саночки, которые тянули за собой мама и Костя, а мы с Ирой целый день тѣпали сзади, – говорит на сибирский манер, вспоминая долгий переход, Екатерина Иосифовна. – Хоть и подгаивало в это время, но все равно ранней весной было холодно. Добрались до Тевриза уже затемно, но директор льнозавода Владимир Петрович Сивицкий приказал техничке ждать нас, чтобы переночевать в конторе.

Хоромы для новоселов, понятно, директор не заготовил, но предложил посмотреть хатку на берегу речки. Правда, в этой однокомнатной хибарке с сенцами уже жили три семьи, а после Вагнеров поселилось еще одно семейство. В скученном немецком общежитии одних детей набралось больше десятка, спали в большинстве своем на полу. С одной нерадивой хозяйки сыпались вши, разбегаясь и по чистоplotным жильцам. Воевать приходилось не только со вшами, но также с клопами и тараканами. Вдобавок голодали, поэтому ребятишкам приходилось попрошайничать по всему райцентру. Отец Иосиф Францевич, доведенный в трудармии до полного истощения, был отпущен к семье, до которой так и не доехал – умер по дороге в 1943 году. Место его захоронения для родных до сих пор неизвестно.

ВТОРАЯ ССЫЛКА

Выдержав такую жизнь до весны 1944 года, Мария Вагнер решила обзавестись землянкой. Старший сын Костя к этому времени уже поработал на бойне, а затем устроился на рыбзавод, директор которого разрешил семейству пользоваться для «новостройки» горбылями – отходами стройчастка. Сами выкопали землянку, обложили ее горбылями, укрепив столбиками, которые мать переносила на собственных плечах. Когда жилище было готово, стали думать об огороде. Картошку на семена пришлось «зарабатывать» на чужих огородах, помогая тевризьянам ручной «вспашкой» земли. Лошадей-то для населения не было, во время войны все кони стали «военнообязанными». Поэтому обходились не плугами, а лопатами. Запасенными семенами Вагнеры смогли засадить сотки 4 около землянки на склоне горы. Костю с рыбзавода, который тоже в военное время был режимным предприятием, не отпускали. Он посылал домой выдаваемые рыбакам за работу сахар, мыло. Кое-какие излишки семья меняла на другие продукты. Вдобавок Мария Богдановна освоила кладку печей, выполняя заказы местных жителей, которые иногда платили небольшие деньги, а в большинстве своем расплачивались молоком, мукой и другой немудреной крестьянской снедью. А летом Эльвира с Катериной занимались сбором ягод – голубики, смородины, ежевики. Мать с ведрами ягод выходила на иртышскую пристань, где продавала лесные дары пассажирам причаливших пароходов. Немного заработанных средств тратили на одежду и обувь, а потом к 1946 году смогли купить корову, для которой к землянке пристроили хлев.

– Голоду у нас теперь не будет. Коровушка на дворе – еда на столе, – воспроизводит Екатерина Иосифовна слова матери. Ребятишки не гнушались оказывать помощь в уборке картошки односельчанам, которые за труды отсыпали трудолюбивым помощникам часть клубней. Вместе со своим урожаем картофельных запасов хватало на всю зиму.

В этом же году Катерина, на 14 году жизни, с младшим братом Осипом пошли в 1 класс тевризской школы. А через год семью Вагнеров сослали вторично, на сей раз в деревню Заборск. Немцы, украинцы и калмыки вновь пополнили таежный колхоз взван выехавших отсюда прежних сельнопоселенцев из числа раскулаченных в 30-х годах. Отъезжали 3 апреля 1947 года, погрузив в сани двух младших детей, нехитрый скарб и новорожденного теленка. Остальные члены семьи с коровой добирались трое суток пешком, ночуя по дороге в Екатериновке и Ермиловке. Ранняя оттепель залила водой лога, промокала обувь, корова плелась тоже по брюхо мокрая. Последствия этого мокрого перехода прежде всего сказались на корове. Пала животиная на ноги, пришлось ее сдать в колхоз на мясо. Взамен хозяйства выдавало семье молоко для выпойки теленка и предоставило нетель.

Приятным стало то, что Вагнеров в Заборске встретили их соседи Штаб по прежней жизни в поволжском селе Кров. Приготовили для новоселов баньку, продрогших за долгую дорогу ребятишек за ночь согрели на печке. А вот Мария Богдановна не убереглась, свалилась от воспаления легких на целый месяц, у нее распухли ноги. Костя весь покрывал чирьями (фурункулами), которые лечил местный медик, но больше помогло снадобье бабушки-знахарки.

Постепенно налаживалась жизнь в семье Вагнеров и здесь, на выселках в межевьем углу. Отелилась выданная колхозом молодая корова, подрастала телочка. Костя готов был жениться на оставшейся в Тевризе любимой подруге Екатерине, с которой вместе работал на рыбзаводе и которая ждала от него ребенка. Мать не хотела русской снохи и настояла на женитьбе с заборской девушкой Элой, выдав молодоженам подросткую нетель. Промаявшись с нелюбимой женой два года, Костя уговорил мать принять Катю, которая переехала из Тевриза вместе с двухлетним сыном

Юрой и стала его женой до скончания жизни. Смягчилось сердце Марии Богдановны при виде внука.

Учиться больше не пришлось, поэтому Катя Вагнер с 14 лет занималась самообразованием, тренировала себя в чтении и письменном русском языке. Поначалу ее трудоустроили няней в детский садик, но эту повинность она выдержала только одно лето. Ближе к осени в колхозе «Красный пахарь» пришлось убирать урожай зерновых, молотить снопы, а зимой рослая девушка всюю управляла быками, вывоза с полей сено и солому. Быки и были основной тягловой силой, на них также распахивали плодородные земли.

Следующей зимой 1948 года молодых жителей Заборска отправили на лесоразработки. Костя с мужчинами валил лес, а Катерина с подругами по глубокому снегу убирала за лесорубами сучья. Стеганные ватные брюки и фуфайка, валенки на ногах, платки на головах – вот и все обмундирование лесозаготовителей, прекращавших работы лишь тогда, когда мороз зашкаливал за 40 градусов. Так и повелось в деревнях Тевризского района: зимой – работы в лесу, а с весны до осени – посевная, сенокос, уборочная. Наряду с мужиками пахали и боронили, скирдовали сено и молотили хлеб девушки и женщины.

– Когда мне исполнилось 17 лет, стали учить валить лес, – вспоминает Екатерина Иосифовна. – Сначала отбрасывали снег от лесины. Затем подрубали ее с одной стороны, а с другой начинали пилить двуручной пилой. Выбирали мощные толстоствольные деревья, поэтому подпиливать приходилось долго. А когда дерево держалось, как говорится, на ниточке, то упирались слегами, чтобы свалить его в сторону подруба. И еще надо было побережиться, чтобы, не дай Бог, не попасть ненароком под падающую лесину.

Заготовки велись в Кузьяре, местечке неподалеку от леспромхозовского поселка Бородинка. Сюда свозили нас из Заборска, Комаринска, Ермиловки, Александровки. Жили в бараке, разделенном горбылями, обогреваемом двумя печками. Я спала наверху, а подо мной на топчане поселился пожилой конох дядя Петя Шефер, который звал меня дочкой. Я ему починяла одежду, а он мне валенки подшивал. Питались тем, что запасали из дома – картошкой, мясом, топили мороженое молоко. Утром, бывало, сварю картошку, позавтракаю, а вечером дядя Петя мне ее почистит и в кастрюльке на печку поставит: «Ешь, доченька».

ДОЯРКА – ПРИЗВАНИЕ НА ДВА ДЕСЯТКА ЛЕТ

До 1954 года прожила Екатерина Вагнер в Заборске, в зимнюю пору отправляясь на лесозаготовки. К этому времени брат Костя с женой Катей и сыном Юрой перебрались в Тевриз по уходу за престарелыми родителями жены. Другой брат Осип осваивал курсы трактористов в Петровской МТС. На Новый год Костя решил самовольно увезти Катю в Тевриз.

– Приехал брат будто в гости, погуляли мы, а он мне и говорит: «Собирайся!» А маме сказал, что по весне заберет и ее. Закутали меня в тулуп, положили в короб в санях, и в ночь мы рванули, по пути укрывшись у знакомых в деревне Александровке. Утром приходят давать наряд на работу, а меня уж нет, – рассказывает о своем похищении Екатерина Иосифовна. – Погнались за нами, но так и не нашли. В Александровском сельсовете сказали, что никаких беглецов не видели.

В Тевризе я сразу отправилась в колхоз, председателем которого в то время был Николай Петрович Миселёв. Он и говорит мне, чтобы шла на ферму и принимала группу коров. Я призналась, что доить не умею, даже сиськи в руках не держала. Председатель убедил, что женщины на ферме всему научат. И действительно, вскоре обучилась доить. Когда пожилая доярка сначала заболела, а потом ушла на пенсию, приняла ее группу. Ходить на работу было недале-

ко, жила в доме Кости, у которого в это время уже рос второй сын Володя. Но однажды председатель сказал, что его трясет райком партии из-за меня. Как, мол, принял беглянку? А какая разница – там колхоз и здесь колхоз. Жалко было, видно, Николаю Петровичу терять добросовестную работницу, вот он и отвоевал меня. Весной Костя привез из Заборска маму, вскоре нам выделили квартиру.

С братом Константином на уборке картофеля

Новый поворот в жизни Екатерины Вагнер пришлось на лето того же 1954 года, когда вернулся из советских лагерей Петр Гербер, отбыв 10-летний срок. Это наказание солдат Красной армии получил за неосторожно сказанные слова. Случилось, что при освобождении Украины в 1944 году он со всей ротой попал в германский плен. Загнали их фашисты в тесный сарай, в котором не то что сидеть, а дышать нельзя было. Командира, который обещал отважному разведчику Петру Герберу ходатайство о награждении его орденом Красного Знамени, сразу отделили от солдат и увели, видимо, на расстрел. Стали пленники голыми руками вести подкоп под стены сарая, договорившись, что первый выскочивший наружу набросится на часового. Так и произошло темной ночью: среди тройки первых солдат, заваливших охранника и спасшихся из фашистского плена, оказался Петр. Им удалось скрыться в ближайшем лесу, хотя беглецы слышали за собой стрельбу, а по окрестностям шарили лучи прожекторов. Потом они добрались до деревни, где переночевали на чердаке у испуганной старушки. Вышли к своим, чтобы доложить о побеге. По рассказам фронтовика, уселись около штаба в ожидании своей судьбы, а мимо ведут под конвоем таких же красноармейцев. Пособолезновал им вслух Петр Гербер, высказав мнение, что некоторых расстреляют: «Все ж, какие жестокие сталинские законы!» Эти слова услышал сидевший рядом грузин, тут же потихоньку удалившийся. Наутро на допросе Петра спросили, говорил ли он такие-то слова? Допрашиваемый не отрицался, считая, что ничего порочного не сказал. Тогда побоями стали добиваться от него признания, будто сдаться в плен решил заранее. Во внимание не при-

няли, что пленили не одного Гербера. Видимо, с издевкой намекали на национальность: мол, готовился поработать на немцев? А с какой целью бежал – тоже выглядит весьма подозрительно. И приговор: загремел разведчик в наши лагеря, сначала в казахстанском Джезказгане, а потом под Челябинском. Это вместо обещанного командиром ордена, бывшие военные заслуги на фронтах Великой Отечественной – не в счет.

Возвращали Петра Гербера из лагерей от Омска до Тары на «черном воронке», а до Тевриза его посадили на паром. В райцентре стал интересоваться, живут ли здесь немцы. Ему подсказали про Екатерину Вагнер, а также ее детей. «Так это же моя крестная», – обрадовался бывший лагерник. Его мать по-прежнему оставалась в Заборске, а Петр устроился на рыбзавод. Крестник стал «подбивать клинья» к Марии Богдановне, когда увидел, какой справной девкой стала ее дочка Катя. Мать поначалу отбивалась, ведь разница в возрасте между невестой, которая кроме дойки коров никаких развлечений не знала, и бывалым, пережившим войну и лагерную неволю женихом, – 13 лет. Но, пораздумав, согласилась: все ж таки свой, немец. И дочь уговорила: добрый он человек. Петр и впрямь был статным, красивым мужчиной, которого не сломили военные и лагерные передраги.

Молодые подали заявление о желании вступить в брак 1 января 1955 года, получив благословение от Марии Богдановны и матери жениха, а также вернувшихся трудармейцев Ивана и Марии, отправленных в Заборск. Николай, первенец в молодой семье, родился 25 ноября, когда она снимала квартиру. Петр Богданович теперь уже работал в МТС, выбираясь домой из Петрово только на выходной. Катерина по-прежнему доила колхозных коров, оставляя сына на попечение бабушки, прибегая накормить младенца.

Летом следующего года квартирантов Герберов стала выдворять хозяйка. Председатель колхоза посоветовал приспособить под жилье строение, в котором раньше содержали ягнят. Было оно до окошек забито навозом, но Катерина очистила избушку, обеспечив в ней летнее проживание. Под картошку она заняла 30 соток земли, на огородных грядках насажала овощей. Все успевала, несмотря на то, что доярки на основной работе заняты от зари до зари. Обзавелась поросенком, цыплятами. В эту пору Петр с братом из запасенных стройматериалов по вечерам после работы потихоньку возводили домик, в который семья перебралась осенью, наконец-то купив корову. На этом месте, где родился второй сын Виктор, они прожили 9 лет, пока не выстроили собственный большой дом.

Много лет Петр и Екатерина Гербер проработали в колхозе «40 лет Октября». Портреты знатной доярки и не менее заслуженного механизатора красовались на Доске почета Тевризского района, за добросовестный труд их награждали медалями, грамотами, дипломами. Готовились было наградить Екатерину Иосифовну орденом, но подвело ее правдолюбие, награда досталась более услужливой товарке.

– По осени 1972 года мы в загоне для коров плавали в грязи, – вспоминает она тот

Портрет Екатерины Гербер с Доски почета Тевризского района (конец 60-х годов)

скандал. – Стоим с доярками, а издали в резиновых сапогах, подобрав полы плаща, приближается явившийся из отпуска зоотехник Постных (даже имя и отчество его забыла). Я и говорю подругам: «Посмотрите, как наш «петух» выступает». Те в хохот. Когда начальник поинтересовался делами, я напрямую ему высказала: «У коров дойки по грязи таскаются, до того на ферме гадко, а ты, словно птица в полете, кружишь по загону». Остальные доярки поддержали мою критику. Сильно разозлило это зоотехника, он обещал припомнить мою дерзость. Что вскоре и произошло, когда из групп выбраковывали старых коров, которых у меня было две. Прибежала помощница Постных и говорит, что моих перестарок начальник приказал оставить, пусть, мол, мается. Одна из них – Зозуля – уже плохо передвигалась, зубы у нее повыпадали, сено жевать было нечем. Жалко мне было ее, доилась хорошо, но куда деваться! Я в сердцах написала заявление на увольнение и отнесла в колхозную контору. Председатель Миселёв ни в какую, не подпишу – и всё! Но тут председателя заменил, пришел руководить колхозом Василий Николаевич Семенов. Я с заявлением – к нему: «Руки болят, работать не могу». Он повертел бумажку: «Так до пенсии еще вроде далеко». Сказала, что найду другую работу. Заявление рассматривали на колхозном собрании, где зоотехник постарался облить меня грязью и сказал, что такую гнать надо. Подписали мое заявление, перед сдачей всех своих коров вычистила-вымыла. Мне всегда подружки говорили: «У тебя коровы стоят, будто шелковые». Заботилась я о них, как-никак почти два десятка лет дояркой работала. Подстилку меняла, кормушки чистила, ласкала животных. Ведь уход – большое дело, зато они мне и молоко хорошо давали. Оттого и первое место по надоям постоянно держала. Бывший председатель Николай Петрович, как услышал, что меня уволили, прибежал в контору, устроил шум: «Лучшую доярку отпустили, да вас судить всех надо». Однако в моей судьбе это ничего не изменило.

Она устроилась на почту, но через месяц начальник отделения Плюхина с горечью поведала: «Не знаю, что делать. Меня из партии хотят выгнать: зачем тебя приняла?» Вспомнила тут Гербер старую историю, когда молоденькой девчонкой из Заборска в тевризский колхоз сбежала. Но начальница придумала хитрый ход: на бумаге свою работницу уволила, но на деле Екатерина Иосифовна трудилась, исправно получая зарплату. Через пару месяцев, когда все понемногу улеглось, Гербер на почте вновь официально оформили на работу, на которой она пробыла до самого ухода на заслуженный отдых в 1978 году. Трудилась и еще несколько лет в другом месте, будучи на пенсии.

СЕРДЦА НА РАЗРЫВ

А в 1995 году Петр и Екатерина Гербер уехали в Германию вслед за семьей младшего сына Виктора. Собственно, инициатива по переселению принадлежала снохе Галине (ее девичья фамилия Мозылева). Хотя работоспособных людей, устремившихся за рубеж, можно было понять, ведь в это время рушились политические устои страны, а об экономических и говорить нечего. Была надежда, что в стабильной Германии сложится безмятежная жизнь. Стариков такая перспектива не сильно влекла, особенно противился Петр Богданович, уговаривал даже супругу отправиться одну. К тому же Екатерину Иосифовну в своем письме предостерегала сестра Эльвира, пере-

селившаяся на историческую родину раньше: «Не советовала бы тебе ехать, здесь манная каша с неба не валится. Трудновато с работой. Пока устроитесь на жительство, придется много вытерпеть». Но пересилила любовь к внукам: на своих руках бабушка их вынянчила, как же они там приживутся? Еле сдерживал слезы Виктор Гербер, когда его сын Димка прощался со школьной подругой...

Прежде чем осесть в Германии, пришлось поскитаться сначала в восточной части (бывшей ГДР), пожить и деревенской, и городской жизнью в лагерях для репатриантов. Стариков поселили отдельно от семьи сына, хоть и недалеко. Екатерина Иосифовна получала пенсию в 1200 дойчмарок, 700 из них платила за квартиру, были расходы на коммунальные услуги. На собственные траты оставалось всего 200 марок, приходилось экономить даже на скудном питании. Петру Богдановичу пенсия поначалу не выплачивалась, полтора года жил как иждивенец.

Петра Гербера в 2005 году пригласили в Тевриз на празднование 60-летия Великой Победы. Обрадованный фронтовик вместе с женой прибыл на торжества в Сибирь, встречался с земляками. Но, видимо, горькое чувство досады после этой поездки у него все же осталось: тевризским ветеранам выдавали единовременные пособия, а ему так ничего и не досталось. Через год советского солдата похоронили на германском кладбище.

Сейчас Екатерина Иосифовна квартирует одна в живописном городке Хасфурт, на берегу реки Майн. Здесь же, но отдельно от нее, проживает семья сына. Живут в относительном достатке. Старший внук Дмитрий овладел компьютерными технологиями настолько, что по приезду в Тевриз помогает отладить любые интернет-программы своим бывшим одноклассникам. Пообщался с двоюродным братом Константином, живущим в Омске, разведал о перспективах работы в городе на Иртыше. А сердце бабушки Кати, свободно говорящей на немецком языке, по-прежнему разрывается: в Сибири – братья и внуки рано умершего сына Николая, а в Германии – тоже внуки и могила мужа. На берегу Майна к ней привычно обращаются «Frau», а на картофельном огороде ее никто не отличит от тевризской крестьянки. До сих пор не решится на окончательный выбор. Но говорит, что в последнее время в семье сына Виктора ведутся разговоры о возвращении в Россию, особенно учитывая то, что родственники снохи Галины проживают в Краснодарском крае...

Фото из архива Е.И. Гербер и автора

С внуками Костей (слева) и Димой (Тевриз, осень 2010 г.)

Владимир КАЙКОВ

Родился в 1941 году в селе Кейзессе Седельниковского района Омской области. В 1970 году закончил филологический факультет Омского пединститута, в 1983 – журналистское отделение Новосибирской ВПШ. Служил в СА, работал на заводах, в АТП, был в поисковых экспедициях Восточного Казахстана. Учитель, зам. директора школы, журналист и редактор районной газеты. Это далеко не полный перечень трудовых вех биографии автора. Перед уходом на пенсию, в 2003 году, почти 15 лет проработал директором Побочинской средней школы Одесского района.

С 1980 года член Союза журналистов СССР, а затем и России.

ЗАРУБКИ НА ПАМЯТЬ – V

ЗАВЕЩАНИЕ ПОТОМКАМ

«В последние десятилетия XX века случилось так, что многие представители нашего рода оказались вдали друг от друга. Близкие родственники, столетиями жившие вместе, разъезжаются по миру. Со временем теряются родственные связи, корни, люди забывают свое происхождение.

Это натолкнуло меня на мысль написать книгу – родословную семьи – хотя бы за последние сто лет, восстановить то, что ещё в памяти осталось. Нельзя, чтобы потомки забывали родословную нашей семьи. Я писал книгу, чтобы они знали, в какие времена люди рождались и жили, работали и умирали, оставляя свой след в истории нашего рода.

Обращаюсь к внукам и внучкам, правнукам и правнучкам, которых мы знаем, любим и надеемся, что их жизнь будет лучше, счастливее и богаче.

Надеюсь также, что пройдет 30–40 лет, и кто-то из них продолжит эту книгу на примере судеб новых поколений.

Запомните, дети, что жизнь легкой никогда не бывает. Времена меняются, а самое главное – родственные связи – остаются. Всегда опирайтесь на близких, их поддержку и понимание, прислушивайтесь к их советам и равняйтесь на тех из них, кто является абсолютным авторитетом в кругу родственников.

Желаю всем здоровья, счастья, благополучия, больших семей, таких, какие были в нашем роду и описаны в этой книге.

С уважением, КАРЛ ИОГАН»

Карл Иоган. Времена и люди.

Родословная семей ИОГАН – БИТНЕР.

1906–2006 годы. Издательство

«Зауралье». г. Курган, 2006

ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

Держу эту книгу сейчас в руках и удивляюсь, насколько проникновенными были слова Карла Яковлевича. Так же, как и обращение его отца, Якова Самоиловича, к потомкам на собственной «золотой свадьбе». Но сейчас не об этом.

Сначала, в 1967 году, я познакомился с Виктором Иоганом. Он после 3 курса матфака, а я после первого – филфака встретились в студенческом стройотряде.

Были в хороших отношениях, но и только. Он уже студент 4 курса, я – второго.

Занимались в разных зданиях, жили в разных общежитиях, в спортивных секциях тоже не приходилось встречаться.

Однако судьбе было угодно, чтобы мы через 8 лет вновь встретились в Русской Поляне. Только в районной редакции я стал работать с ноября 1974 года, а Виктор переехал в совхоз «Сибиряк» этого же района летом 1975 года. Туда его

направили директором Сибирской средней школы. Совхоз «Сибиряк» был не просто одним из передовых хозяйств области. Специализацией его было развитие овцеводства и элитное зерновое производство. Наше давнее знакомство позволило нам успешно сотрудничать. Тем более, что через 2 года директор совхоза, будущий Герой Социалистического Труда, Алексей Сергеевич Петров «сосватал» Виктора секретарём парткома хозяйства, благо школу было кому передать. Новым её директором стала жена Виктора – Людмила Кузьминична.

Произошли изменения и в моей карьере: я возглавил отдел партийной жизни в редакции, а вскоре был переведён в кабинет политпросвещения райкома партии. Вот тогда-то я ближе и узнал старшего Иогана. Несмотря на небольшой стаж партийной работы, розовский парторг уже пользовался как среди своих коллег, так и рядовых работников хозяйства заслуженным уважением. И не только благодаря своему богатому жизненному опыту (об этом я скажу позднее), но и тому обстоятельству, что в его характере удивительным образом сочетались природная мягкость, доброта и человечность с высокой требовательностью к себе и другим.

Потом сложилось так, что наши пути разошлись: в 1981 году меня направили на журналистское отделение Новосибирской ВПШ, а Виктор с семьёй, успев поработать уже с

Карл Яковлевич Иоган

Наталья Викторовна Иоган

Героем Труда Петровым ещё 7 лет, перебрался в пригород Омска, в поселок Магистральный, где и возглавил местную среднюю школу.

Но наши встречи с ним возобновились только тогда, когда я в 1989 году тоже стал директором Побочинской средней школы. И мы встречались не только на областных совещаниях, но и в его школе, и его квартире. Позже, когда облоно прекратило собирать директоров школ области на совместные совещания, наши связи стали ослабевать. Да и мысль о том, что Иоганы могли эмигрировать на историческую родину, также способствовала этому ослаблению. А в 2003 году я ушел на пенсию, что не оставляло никакой надежды на скорую встречу. Однако судьба вновь свела нас.

Произошло это так. Обсуждая с Виктором Васильевичем Эйхвальдом свой план для написания материалов в журнал «Культура», я упомянул в разговоре о Русской Поляне, в том числе и о совхозе «Розовский», и тут же узнал, что в планах редакции было написание материала о Карле Яковлевиче Иогане. Кстати, редактор сообщил, что его приглашали в поселок Магистральный, в среднюю школу.

– Так там ведь и работал директором школы сын Карла Яковлевича – Виктор! – с жаром воскликнул я.

Так мне с младшим Иоганом снова удалось встретиться. Это случилось в конце прошлого года. Тогда же я узнал, что Карл Яковлевич ушел из жизни 8 декабря 2009 года.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТА НЕ ЗРЯ

Родословную семьи Карл Яковлевич начинает со своего деда по отцу, – Иогана Самоила Мартыновича, – который в апреле 1906 года был в числе переселенцев из Екатеринославской губернии Украины.

Поселились они с женой Марией и четырьмя детьми сначала в деревне Розовка (существует и теперь). Позднее, при получении земельного участка в 40 га в 4 км от деревни колонисты решили основать рядом с ним новое поселение, которое назвали в честь деревни с Украины – Ровнополь (теперь ее не существует). К ним присоединились и Иоганы. Здесь у супругов родилось еще 4 детей, а поскольку 3 из них были мальчиками, то поселенцы получили дополнительно 30 га положенного в таких случаях надела. Хозяйство пошло в гору. Однако и Первая мировая, и гражданская войны внесли свои коррективы в экономическое развитие сибирской деревни. Усугубил хаос и повсеместный неурожай 1921 года. А брюшной тиф довершил свое черное дело.

Коллективизация началась с раскулачивания зажиточных, как тогда говорили, справных, крестьян. В этот список попал и отец семейства Иоганов. Но наутро после

решения комитета бедноты дед умер, видимо, сказало не только волнение, но и длительная болезнь. Хозяйство раскулачили, но сыновей не тронули, так как двое жили отдельно и не успели ещё стать зажиточными, остальные же были несовершеннолетними.

Об отце Карл Яковлевич пишет, что тот родился на Украине и, когда ему исполнилось 2 года, его родители переехали в Сибирь. А когда Яков вырос, он создал семью, женившись на Шрейдер Эфелине. Это было в 1925 году. А уже с созданием колхозов в 1930 году все ровнопольцы переехали в Волотовку (деревня существует и в настоящее время).

В своем завещании автор родословной пишет, что легкой жизни не бывает. Действительно, и дед Самоил, и отец Карла Яков, как, впрочем, и сам автор, посвятили свои жизни созданию сносных условий для своих семей. И те трудности, с которыми им приходилось сталкиваться, не идут ни в какое сравнение с современными условиями существования. В семье отца, как, впрочем, и деда, было по 8 детей. Вообще-то, если быть точным, то у Якова родилось 9 детей, но первый ребенок умер, умер один и в семье Самоила, правда, из рожденных 8.

Самым старшим у Якова Иоганна был Карл. Он родился в 1927 году. В этом же году его отца забрали по призыву в Красную армию, но уже в 1929 году он вернулся домой. К его возвращению Эфелина имела уже 2 коровы, и хозяйство помаленьку начало становиться на ноги. Однако раскулачивание вновь свело все усилия семьи к нулю. Чтобы как-то поддержать семью, Яков и 3 его брата отправились было на Дальний Восток на заработки. Но уже все через год вернулись домой. Без семьи, в непривычных условиях не так-то просто было трудиться. Крестьянам, которые привыкли работать в поле, на свежем воздухе, воочию ощущать результаты своего труда, очень сложно было адаптироваться к новым условиям.

Вернувшись домой, братья вступили в колхоз, который образовался на базе всех хуторов.

Однако коллективные хозяйства вначале преследовали неудачи. Этому в том числе способствовала и жесточайшая засуха. Как результат ее – неурожай в 1931–1933 годах. Выжить тогда удалось только благодаря неустанному труду всех членов семьи и строжайшей экономии. Однако от болезни это не спасло. Сестра Карла Аня, заболев скарлатиной, потеряла речь и память.

В 1934–1939 годах в колхозах был выращен рекордный по тем временам урожай. Именно тогда был введен государственный закуп зерна под товары.

Карлу приходилось с 7 лет помогать родителям по дому,

поскольку те трудились в колхозе. Надо было присмотреть сначала за сестрой Аней, потом, по мере появления других братьев и сестёр, и за ними. Кроме того, в его обязанности входило не только выгнать рано утром корову в стадо, вынуть хлеб из печи, но и накормить как детей, так и всю имеющуюся живность.

В 1934 году в Волотовке была открыта школа, и Карл пошел в 1 класс. Через год отца семейства почти на год послали на учебу в Омск, где он осваивал профессию агронома.

Но вот наступили самые страшные для страны годы, начавшиеся с началом Великой Отечественной войны. Уже в марте 1942 года из всех соседних деревень мобилизовали в трудовую армию мужчин в возрасте от 17 и до 55 лет. Семилетнюю школу закрыли, приняв экзамены лишь у выпускников. Все лето молодой хозяин

Мои родители, братья, сестры, снохи и зятя

Сын Володя со своей женой Валентиной в молодые годы

работал бухгалтером в колхозе. Однако уже в сентябре 1942 мобилизовали и всех подростков с 14 лет и старше. Попал туда и Карл. Вслед за сыном ушел в трудармию и отец. Вскоре началась и мобилизация девушек, которым уже исполнилось 15 лет.

Карл Яковлевич не вдается в подробности всех тех невзгод, которые выпали на его долю наравне с другими трудармейцами. Но одно только предложение красноречиво говорит об этом: в декабре 1944 года наш герой вернулся из трудармии домой инвалидом 2 группы, которую он получил после аварии в шахте, где ему пришлось работать.

Нелегко жили люди по всей стране. В степных деревеньках, где все еще ютились в глиняных мазанках, печи нечем было топить. В мирные дни здесь топили кизяком (навозом, перемешанным с соломой и высушенным на солнце).

В военное время скота у людей было мало, мужчины и женщины с подростками были призваны в трудармию, а старики и матери с младшими детьми просто не успевали заготавливать топливо.

После возвращения домой вся основная работа легла на плечи 17-летнего паренька. Сначала трудился наравне со всеми в колхозе. Потом ему повезло: сметливому юноше предложили работу налогового агента.

В 19 лет Карл женился на девушке, с которой он 6 лет дружил, а в годы отсутствия состоял с любимой в переписке. Её звали Бертой, и она была из рода Битнеров.

После свадьбы молодые некоторое время жили в семье родителей вместе с семерыми братьями и сестрами. Но вскоре одна из сестер отца уступила им свою землянку.

Жизнь постепенно стала налаживаться. В 1946 году в молодой семье появился первенец, его назвали Виктором. А через 2 года родился Владимир. Карл работал заведующим сливкоотделения, а Берта была здесь же рабочей.

Чувствуя насущную потребность в продолжении образования, глава семейства поступает на заочные московские курсы иностранного языка и через 2 года успешно их заканчивает, что и дало ему возможность сразу же поступить в одно из омских педучилищ. В этом же году произошли в молодой семье еще два важнейших события. Студента-заочника приняли воспитателем интерната в кузнецовскую семилетку, и тогда же родилась дочь Полина, которая, заболев менингитом, умерла в годовалом возрасте.

Труд и терпение, основная работа по дому жены Берты помогли Иогану закончить не только педучилище, но и пединститут. А в 1955 году появилась на свет другая дочь – Ольга. В этом же году на базе села Бологое был организован совхоз «Розовский». Кузнецовская семилетка просуществовала еще год, а потом вместе с учителями была переведена в Бологое. Здесь наш герой уже стал работать учителем немецкого языка. Несколько позже, при открытии в Бологом интерната областного значения, главу семейства перевели в него ответственным воспитателем.

Ольга со своим мужем Анатолием и дочерью Юлией

Берта же стала здесь буфетчицей, потом – заведующей совхозной пекарней. Помнится, когда кто-либо из редакции ехал в командировку в Бологое, мы частенько заказывали, чтобы нам привезли оттуда хоть белого, хоть черного хлеба, таким вкусным и пышным его здесь выпекали.

В 1964 году Иоган получил диплом о высшем педагогическом образовании, а годом раньше стал директором школы. В этот же институт в тот год поступил и старший сын Виктор, только на математический факультет. Спустя год стал студентом Омского ветеринарного института сын Владимир. С семьей осталась дочь Ольга, но в доме у Иоганов пусто не было: здесь постоянно квартировали либо племянники, либо дети друзей.

В 1968, за год до окончания института, обзавелся семьей Виктор. Выбрал он себе спутницу жизни, тоже студентку пединститута с биологического факультета, Черноусову Людмилу. После окончания института молодые приехали работать в Крутинский район, на родину жены. Здесь у них рождается сын Юрий, а потом и дочь Наташа, отсюда призывают в Советскую Армию Виктора.

Обзаводится семьей и сын Владимир и тоже женится на студентке своего же института. В 1971 году они с женой получают дипломы и едут по распределению в Курганскую область.

1973 год для семьи старшего Иогана стал особенно памятным. Младшая дочь Ольга поступает в торговый техникум, а самого главу семьи коммунисты избирают секретарем парткома совхоза.

Своей книгой о родословной семьи Карл Яковлевич как бы подвел итог всей своей жизни. Получив образование, нашли свое призвание дети: Виктор с женой всю свою трудовую жизнь посвятили делу воспитания, а Людмила стала отличником просвещения и заслуженным учителем

Сын Виктор и внук Юра

Слева направо: сын Володя, Василий – брат Людмилы, Людмила – жена Виктора и сын Виктор

Карл Яковлевич на эстраде

Российской Федерации, Виктор – отличником просвещения. Владимир с женой Валентиной, начав карьеру в сельском хозяйстве, добились тоже значительных успехов. Владимир, например, пройдя путь от начальника районного управления сельского хозяйства, становится первым секретарем райкома партии, а потом и главой районной администрации. Оба они – заслуженные работники сельского хозяйства России.

У Виктора сын Юрий и дочь Наташа закончили Омский политехнический институт, а сыновья Владимира, все трое, получили высшее юридическое образование.

Причем, старший – Александр – трудится в Генеральной прокуратуре России.

Надо подчеркнуть, что и дети, и внуки Карла Яковлевича все в свое время отдали долг Родине, отслужив положенные сроки в рядах Советской и Российской Армии.

Карлу Яковлевичу еще при жизни было чем гордиться за своих детей и внуков. По крайней мере, они делали и делают все, чтобы выполнить наказы отца и деда. Как, впрочем, и сам Карл Яковлевич сделал все возможное, чтобы выполнить завещание своего отца Якова Самоиловича, с которым тот обратился к своим потомкам на праздновании своей «золотой свадьбы».

Более 30 лет прошло с тех пор, когда мы с Карлом Яковлевичем виделись последний раз. Много, разумеется, стерлось в памяти, однако в ней остался образ мягкого и требовательного, бескомпромиссного и понимающего людей, трудолюбивого и любящего человека. Таким, надеюсь, этот облик его останется со мной навсегда.

Снимки из архива семьи Иоган, сделанные самим Карлом Яковлевичем.

АМЕРИКАНЦЫ ИЗ ПОБОЧИНО

В начале 90-х годов прошлого века почтальон принес моему тестю, Николаю Антоновичу Дубелю, странное письмо. Странность заключалась в том, что оно было подписано также, как и у известного героя Чехова, Ваньки Жукова. Конечно же, не на деревню дедушке. На конверте адрес был указан такой: Побочино. Вручить старейшему жителю из семьи Шлегелей, Вагнеров или Поппов.

А поскольку к указанному периоду массовая эмиграция коренных жителей Побочино на историческую Родину еще не началась, и почту разносила местная жительница, она и принесла его Дубелю, так как доподлинно знала, что его мать была урожденная Шлегель.

Так у нас и завязалась переписка с американскими родственниками. Как гласит семейное предание Дубелей, часть немцев в 1906 году из колонии Побочная, что находилась в Саратовской губернии, выехала в Сибирь. Здесь 15

семей, среди которых были указанные на конверте из Америки фамилии, и обосновалась, назвав свое новое место жительства в честь колонии, откуда они приехали.

Другая часть (и среди них также были семьи с фамилиями Шлегелей, Вагнеров и Поппов) выехала в США еще в 1906 году.

А позднее, в 1918 году, несколько семей и из Сибири подалась за счастьем за океан. К какой из этих групп принадлежали вступившие с нами в переписку, поначалу мне выяснить не удалось.

Особенно часто писали нам супруги Соудвик Вилма и Джон. Они присылали нам свои семейные фото со всеми своими детьми и внуками. На фотографии среди них была и его мать. Ей тогда было далеко за девяносто.

Соудвики сразу загорелись посмотреть на сибирскую родину своих предков.

Однако без сопровождения на самолете лететь остерегались, а по Транссибирской магистрали по железной дороге на такое расстояние для их возраста путешествовать было слишком утомительно.

Когда же они из наших писем узнали, что в Германии проживает младший сын Николая Антоновича, Сергей, вылетели туда не раздумывая. Это было в 1997 году, а уже когда старший Дубель на следующий год переехал к сыну, они стали посещать Германию почти ежегодно.

Кстати, они все это время усиленно занимались поисками сестры матери Николая Антоновича не только в США, но и в Канаде. Сестра Юстины Шлегель выехала в США из Саратовской губернии в 1904 году. На снимке 1927 года, высланном сестре из Америки (см. фото в тексте – из архива Кайковых), изображены все члены семьи Вагнера Кондрата и Сусанны (Шлегель). Фото сделано в США. Однако поиски были тщетны. Хотя, если помните, Соудвики считали своими предками из России не только Шлегелей, но и Вагнеров и Поппов.

В одну из своих поездок в Германию к Дубелю Джон и Вилма узнали, что сибирские побочинцы собрались отмечать столетие села. К сожалению, в срок попасть на праздник гости не успели. Пришлось подождать Сергея, пока он оформит отпуск. И вот в августе 2006 года, когда были еще не сняты флаги и стенды, супруги вместе с семьей младшего Дубеля приехали на родину предков.

Высказывание Джона взято из интервью в районной газете Валерия Неверко (№ 77 за 22 августа 2006 года). Переводчиком с английского была Татьяна Васильевна Дубель (гости не знали ни русского, ни немецкого языков.)

«Когда мы вылезли из машины (встречал их старший сын Дубеля Владимир. Прим. автора) в Побочино, – рассказывает Джон, – и ступили на землю своих предков, мы заплакали. Побывали мы в домашнем музее им. Дубеля, посетили сельское кладбище, поклонившись до земли предкам и землякам. А в центре села увидели памятный комплекс с большим гранитным камнем, открытый в день столетия села в честь переселенцев».

Следует отметить, что эти спокойные и выдержанные, на первый взгляд, люди потрясены увиденным в Сибири. И не только как встретили и даже организовали большую экскурсию в Омск. Гость самокритично признается, что он, как и все американцы, считал Сибирь пустынным краем, где по поселкам чуть ли не ходят медведи. Однако, когда Владимир и Сергей Дубели вместе с женами провезли гостей по городу, те были в шоке и от органного зала, и от единственного в России музея кирпича, организованного ещё одним потомком из поволжской колонии Побочная И.Ф. Шлегелем, они в корне изменили свое мнение как о России, так и о сибиряках.

Удивлялись потоку машин и многолюдю красивых улиц, доброжелательным людям. Сами Соудвики – пенсионеры. Тогда им было под восемьдесят. Вилма – бывшая учительница, Джон – в прошлом геологоразведчик. Однако они не только путешествуют. Своих накоплений и получаемых пенсий им хватило, чтобы купить ферму общей площадью 65 га. Конечно, возраст уже не позволяет пенсионерам самим возделывать пашню. Они просто сдают землю в аренду, арендатор выращивает для них пшеницу.

Соудвики в Америке (в центре снимка)

Семья Вагнера Кондрата и Сусанны Шлегель в США (снимок 1927 года)

Американские предки гостей из США, являющиеся общими родственниками побочинским сибирякам

Обильное праздничное застолье как у побочинской, так и у одесской родни тоже поразило американцев. Словом, уезжая из Сибири, Джон и Вилма заявили: «Не знаем, сумеем ли мы посетить Сибирь еще раз, но уж всей своей многочисленной семье расскажем, как живут наши сибирские родственники».

Да, да, я не ошибся! Ибо, когда гости рассматривали родословные Н.А. Дубеля и И.Ф. Шлегеля, они нашли-таки родственные связи между своими предками и предками Дубеля и Шлегеля.

Снимки из архива Кайковых.

В кругу сибирской родни

ЗА СТРАНИЦАМИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «НЕМЦЫ РОССИИ»

ОТ АВТОРА

В 1999–2006 годах Общественная Академия наук российских немцев издала трехтомник названной энциклопедии с приложением к ней энциклопедического словаря «Немцы России. Населенные пункты и места поселения». Энциклопедия вышла тиражом 5500 экземпляров, а словарь – 3200.

Два года назад обладателями уникальнейших энциклопедий стали и центры встреч немецкой культуры. Однако это отнюдь не означает, что большинство кружковцев и слушателей курсов смогут насладиться чтением данных фолиантов. Хотя бы из-за объёма. Поэтому я и задался целью рассказать нашему читателю о наиболее знаменитых российских немцах.

Причем, у многих из нас эти фамилии, как говорится, на слуху. Однако, несмотря на явные немецкие фамилии, многие и предположить не смели, что эти люди, так много сделавшие для своего нового Отечества, являются немцами.

ДВА АБЕЛЯ И РОБЕРТ КЛЕЙН

Люди моего поколения наверняка помнят эпизод обмена разведчиками в фильме «Мертвый сезон». Как уверяли всех нас тогда, такой обмен происходил и в жизни. Только настоящими героями были не вымышленные персонажи из фильма, а легендарный наш разведчик полковник Рудольф Абель и американский летчик Ф. Пауэрс, сбитый 1 мая 1960 года во время разведывательного полета над СССР.

Однако тогда мы не знали, да и сейчас ещё не все бы узнали, не поведайте нам правду энциклопедия. Дело в том, что настоящая фамилия нашего разведчика была Фишер Вильям Август Генрихович. Но в историю мировой разведки он вошел как полковник Абель. И дело здесь не в прихоти преданного своим радистом резидента и его группы. Гораздо целесообразнее было назвать врагу чужую, но известную ему фамилию, чем раскрывать настоящую. Тем более, что к 1957 году настоящий Абель был уже два года как похоронен в Риге.

Итак, настоящий Рудольф Абель родился в 1900 году, в 1917 году ушел добровольцем на Северный Флот, а через 10 лет был направлен в Пекин, где работал радистом в нашем посольстве. Отсюда и началась его карьера разведчика, тогда же, надо полагать, Абель и Фишер и познакомились.

Не будем выяснять подробности карьерного роста нашего героя. Скажу только, что брат его Вольдемар был необоснованно осужден и расстрелян, сам Абель на время был уволен из органов. Однако с началом войны возвращен в разведку, где и благополучно прослужил вплоть до 1955 года.

Награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды.

А теперь о Фишере. Родился он в Великобритании в 1903 году в семье профессионального революционера, высланного из России в 1901 году. Через 20 лет после рождения Вильяма семья вернулась в Советскую Россию.

Учился наш герой в институте востоковедения, служил в Красной армии, а в 1927 году по рекомендации московского горкома комсомола поступил на работу в органы безопасности.

Когда же советский резидент А. Орлов, работавший в одной команде с Фишером за рубежом, стал перебежчиком, последнего в 1938 году уволили из разведки. С началом войны в органах восстановлен. И уже сам начал готовить разведчиков, хотя не раз приходилось выполнять оперативные задачи и за рубежом.

В 1948 году группа Фишера наладила поставку регулярной информации об американских ядерных исследованиях в Лос-Аламосе. В 1957 году вся группа была арестована, и суд приговорил «разведчика ниоткуда» (Фишер не сознался к принадлежности ни к одной стране) к 30 годам тюрьмы. Как уже говорилось, уже в 1962 году, после 4,5 лет тюрьмы, Абель-Фишер был обменен на американского летчика. Насколько помнится, если не ошибаюсь, тогда Болгария признала его своим разведчиком.

После возвращения в СССР резидент продолжил работу в разведке. Умер в 1971 году и похоронен в Москве на Донском кладбище. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

А теперь – о следующем герое, тоже разведчике, только партизанском. Я имею ввиду Роберта Клейна Роберта Александровича, который стал одним из первых советских немцев, удостоенных самой высокой награды Родины – звания Героя Советского Союза.

Уроженец Саратовской губернии (1913 г.р.), Клейн одно время проживал в городе Энгельсе Республики немцев Поволжья. Здесь закончил автомеханический техникум, начал работать механиком в одной из МТС.

После службы в Красной Армии закончил Ульяновскую бронетанковую школу. Войну Клейн встречает будучи командиром бронетанковой роты на Юго-Западном фронте. В августе 1941 года за успешно проведенную разведывательную операцию представлен к награждению орденом Ленина, но награду получить не успел: в сентябре был ранен и остался без сознания на поле боя. Спасен местными жителями г. Остер, которые выхаживали его до весны 1942 года. Затем работал в бывшей МТС в Переяславле. Через какое-то время гитлеровцы, узнав, что Клейн немец, назначили его начальником гаража гебитскомиссариата в городе. Там разведчик создал подпольную группу. Уничтожив гараж в июне 1943 года, он вместе с другими членами группы вывез весь автопарк к партизанам.

В Первой Украинской партизанской дивизии Роберт Александрович возглавил разведывательную роту. Дивизия оказала большую помощь наступавшим частям Красной Армии при форсировании Днепра в районе Черкасс. Клейн, переодевшись в форму гитлеровского полковника, приказал немецким охранникам моста сдатьсь, и уже вместе с разведчиками роты разминировал переправу, способствовав дальнейшему продвижению наших войск.

До конца войны Роберт Клейн служил в партизанских соединениях. Герой Советского Союза, кавалер орденов Ленина, Богдана Хмельницкого 3 степени, Отечественной войны 1 степени, Трудового Красного Знамени, Клейн стал не только живой легендой для жителей Орловской области и Украины, но и всего СССР.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Звания Героя Советского Союза за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны были удостоены лейтенант Вольдемар Венцель, рядовые Петер Миллер, Михаэль Генкель, генерал-майор Сергей Волкенштейн, полковник Николай Охман, партизан Эдуард Эрдман, участник Одесского подполья Николай Гефт (посмертно).

СЕРГЕЙ ЮЛЬЕВИЧ ВИТТЕ И ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШМИДТ (младший)

Дед выдающегося государственного деятеля России Сергея Юльевича Витте Иоганн Фридрих Вильгельм был курляндским лесничим, возведенным в потомственное дворянское достоинство Российской империи и внесенным со своими детьми в родословную книгу Псковской губернии.

Некоторые биографы в оценке личности Сергея Витте очень противоречивы. Но и противники его, как и приверженцы согласны в одном: это, пожалуй, единственный государственный деятель России конца XIX–начала XX века, который так много сделал для России. Судите сами.

Родился наш герой в семье крупного царского чиновника в Тифлисе в 1849 году. Женившись на дочери Саратовского губернатора А.М. Фадеева, Юлий Федорович Витте принял православие, что, в общем-то, было обычным делом для государственного служащего столь высокого ранга. Жена его и мать Сергея по женской линии принадлежала к роду князей Долгоруких.

Кстати, как известно, большинство военных статских специалистов, переходя на службу российскому престолу, уже были дворянами, либо в большинстве случаев получали титул потомственного дворянина за усердное служение Отечеству. Как мы видим, нечто подобное произошло и с нашим героем.

Так сложилось, что детство Сергея прошло в доме его дяди – генерала Р.А. Фадеева. Поскольку будущий российский премьер получил здесь домашнее образование, ему в 17 лет пришлось сдавать экстерном экзамены за гимназический курс.

Потом – физико-математический факультет Новочеркасского университета. Далее упорный и честолюбивый юноша прошел путь от канцелярского служащего при новороссийском и кишиневском генерал-губернаторе до директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, после чего и произведен в действительные статские советники (в военном ведомстве соответствовал первому генеральскому званию) в 1889 году.

Но уже в 1892 г. Витте становится министром путей сообщения, где он продолжил курс его предшественников на сосредоточение железных дорог в руках государства. Здесь он внёс значительный вклад в организацию строительства Великой Сибирской магистрали (Транссибирской). А уже в этом же году и до 1903 Витте занимал пост министра финансов, в ведении которого находились вопросы торговли, промышленности, строительства и эксплуатации железных дорог.

По инициативе министра введена государственная винная монополия, обеспечившая увеличение доходов казны; открыта широкая сеть коммерческих учебных заведений. В 1897 году силами команды Витте проведена денежная ре-

форма, вводившая золотое обращение и укрепившая внутренний и внешний курс рубля.

К несомненным заслугам финансиста биографы относят его активное участие в заключении российско-китайского соглашения о сооружении и совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги.

Реформатор, каким и был Сергей Юльевич, последовательно отстаивал идею развития национальной промышленности и сельского хозяйства страны, как основы сохранения и упрочения политической независимости России на международной арене.

Витте, возглавляя Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, выступал за ликвидацию особых привилегий дворянства и обеспечение свободного выхода крестьян из общины (эта идея была использована в ходе аграрной реформы, когда Столыпин в 1906 году сменил опального премьера), настоял на отмене принципа круговой поруки в общине в 1903 году. В этом же году назначен председателем Кабинета министров.

Летом 1905 года, как глава дипломатической делегации по выработке и заключению Портсмутского мирного договора с Японией, сыграл решающую роль. Поскольку Витте добился, как отмечают некоторые биографы, что и американцы, и представители других держав воочию увидели в членах комиссии не проигравшую войну Россию, а равноправного партнера, добившегося значительных уступок со стороны победившей Японии. Доволен был и царь Николай II. Именно за эту работу глава делегации был возведен в графское достоинство.

В период осеннего накала революции 1905 года Витте стал одним из инициаторов и составителей императорского Манифеста от 17 октября 1905 года о введении основ гражданских свобод и образовании законодательной Государственной думы.

После публикации в прессе императорского Манифеста (19 октября 1905 года) Витте был назначен, согласно этого документа, первым в истории председателем Совета Министров. Занимал этот пост до отставки 22 апреля 1906 года. Умер 22 апреля 1915 года в Санкт-Петербурге. Автор мемуаров, являющихся ценным источником по истории России последней трети XIX – начала XX веков.

А теперь о следующем герое нашего обзора. Им будет Шмидт Петр Петрович (младший). Не помните такого? Да, конечно, это лейтенант Шмидт, по предложению матросской комиссии после начала Севастопольского вооруженного восстания возглавивший революционные корабли. И, хотя Петр Петрович не верил в победу революции, он дал свое согласие. Конец вы знаете. 18 февраля 1906 года на острове Березань Шмидт и три матроса были расстреляны. После Февральской революции 1917 года перезахоронен в Севастополе. В 1962 году открыт музей Шмидта в Очакове, в 1980 г. – музей в Бердянске. В 1972 году на острове Березань установлен памятник так и не состоявшемуся флотоводцу. Ещё при его жизни революционные матросы и рабочие заочно избрали Петра Петровича пожизненным депутатом Севастопольского совета рабочих депутатов.

И ещё несколько скупых строчек из энциклопедии. Родился наш герой в семье адмирала Петра Петровича (старшего) в 1867 году. Род его происходил из дворян Херсонской губернии. Петр (младший) закончил морское училище в Санкт-Петербурге. Участвовал в Северной экспедиции на ледоколе «Ермак» под руководством С.О. Макарова. В 1889 г. вышел в отставку, однако через три года вернулся на Балтийский флот, и в 1894 г. переведен в Тихоокеанскую эскадру во Владивосток. В возрасте 31 года уволен в запас.

Работал на торговых судах в должностях ревизора, старшего помощника капитана и капитана парохода «Диана». Король Италии наградил Шмидта медалью за спасение команды итальянского судна.

С началом русско-японской войны Шмидт был мобилизован во флот, сначала в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, а потом и командиром миноносца в Севастополе.

К началу революции 1905–1907 гг., излагает энциклопедия, офицер не имел четких политических взглядов, называя себя внепартийным социалистом.

Однако он осуждал социал-демократов (будущих большевиков и меньшевиков) за недостаточное внимание к требованиям крестьян, а социалистов-революционеров (эсеров) – за террористические действия; высказывался в поддержку Учредительного собрания, избранного путём всеобщей подачи голосов.

А эта позиция четко говорит о политических взглядах нашего героя. А их он подтвердил в телеграмме царю, в которой потребовал созыва этого собрания. Так и в том, что флагманский крейсер «Очаков», на котором разместились штаб революционного командования, не отвечал огнем на огонь (как и остальные суда флотилии) штурмующих крейсеров верных царю офицеров и матросов.

А каким же был человеком сын адмирала? О четкой позиции Шмидта я уже писал. Дворянину и потомственному офицеру-моряку, думаю, не просто было определить слабые места программ социал-демократов и эсеров. Однако он это сделал.

Некоторые биографы, а также экспонаты музеев Шмидта, свидетельствуют о следующем. Петр с детства бредил морем, любил поэзию, музыку, увлекался романами Достоевского. С негодованием говорил о пошлости, грубости и возвращенности среды, в которой жил.

Тонкий, нежный, ранимый, он был далек от прозы жизни. Встретив девушку, он полюбил её. Ему казалось, что и она ответила на его чувства. Когда же он узнал, что та торгует своим телом, то, желая её вытащить из этого омата, подарил ей денежную сумму, равную 6-годовому офицерскому содержанию. Посчитав, что этого мало, Шмидт женился на ней. После такого экстравагантного поступка отец и дядя прокляли его, офицеры не только перестали замечать своего бывшего коллегу, но окружили его всеобщим презрением. И так все 18 лет их совместной с женой жизни. После этого супруги расстались. Сын остался с отцом.

После публикации в прессе царского Манифеста от 17 октября 1905 года, гарантирующего свободы на началах неприкосновенности личности, Шмидт, поверив царю, повел севастопольцев освобождать из тюрьмы политических заключенных. Их встретили залпами каратели. Через день мятежного лейтенанта арестовали. Но после всеобщих протестов освободили.

Дав согласие возглавить революционный флот, новый командующий, прибыв на «Очаков», обратился к матросам с речью: «Это не мятеж, мы поднялись за народную правду. И за эту правду я готов умереть».

А чуть раньше Петр Петрович познакомился с Зинаидой Ивановной Ризберг. Как пишет один из биографов: «40 минут ехали в поезде, 40 минут говорили, потом переписка, конец которой положила смерть».

Из писем Шмидта Зинаиде Ивановне: «Вам приходится рассматривать два вопроса. 1. Велика ли во мне сила убеждения и чувства? 2. Вынослив ли я? На первый вопрос отвечаю вам: да, силы убеждения и чувства во мне много, и я могу (я это знаю) охватить ими толпу и повести за собой».

«Дайте мне счастья! Дайте мне хоть немного счастья, чтобы я был силен и вами, и не дрогнул, не сдался в бою».

Зинаида Ивановна прожила долгую жизнь. Много лет на ее столе стоял портрет Петра Шмидта, написанный ее вторым мужем – В.А. Русецким. Сын Петра Петровича Евгений Октябрьскую революцию не принял, участвовал в Белом движении, бежал в Стамбул, бедствовал в лагерях, а в Чехословакии выпустил книгу об отце. Умер в бедности в Париже.

Margarita KUSNEZOWA

Geborene Kasanskaja (1898-1999)

Erinnerungssplitter aus ihrer Kindheit und Jugend in Sibirien

Vorbemerkung:

Margarita Kusnezowa war in Sibirien geboren und lebte dort bis 1922. Ihr Vater Georg Kasanskij war Arzt, bis 1912 Generalstabsarzt in Tjumen. Als der Erste Weltkrieg begann, wurde er wieder mobilisiert. Die Familie wohnte in den Städten, in denen der Vater eine Arbeitsstelle in einem Krankenhaus erhielt. Er starb in den Tagen des Bürgerkrieges 1919 in Krasnojarsk. Die Familie lebte in verschiedenen Städten Sibiriens. Die Mutter Aline, geborene Johansen, kam aus einem deutschen evangelischen Pastorhaus in Twer. Sie war eine begnadete Pianistin. Wo auch immer sie war – überall und zu jeder Zeit schenkte sie den Menschen die Musik, zumeist klassische Werke von Chopin, Schubert, Grieg, Beethoven. In dieser Atmosphäre wuchsen die Kinder – Margarita und ihr Bruder Boris – heran.

Im hohen Alter – in den Jahren 1981 bis 1986, als sie in Prag lebte – hat Margarita Kusnezowa ihre Erinnerungen an die Jahre in Sibirien niedergeschrieben. Diese Lebenszeit war fest verbunden mit dem damaligen Leben in der russischen Umgebung, daher hat sie den Text in russischer Sprache niedergeschrieben. Meine Übersetzung des Textes in die deutsche Sprache habe ich ihr zur Autorisierung zugeschickt. Sie war damit einverstanden.

Ich habe einige Skizzen aus den Erinnerungen ausgewählt. Vielleicht werden sich die Leser dafür interessieren.

*Erika Voigt
Berlin*

Reise auf dem Ob

Der Sommer 1915 und 1916 verlief wie gewöhnlich, wir verreisten mit dem Schiff «Sokolowski» von Tjumen aus auf der Tura, dem Tobol und dann den Ob entlang. Während des einen Sommers führen wir die Tour Tura – Tobol – Irtytsch bis Semipalatinsk, in der anderen Saison ging es weiter, die Tour führte uns hoch in den Norden, von Tjumen über Tobolsk, Chanti Mansiisk und den Ob entlang bis nach Tomsk.

Oh mein Gott, war das schön... du fährst und fährst, das heißt in Bezug auf das Schiff sagt man ja: es geht und geht, die Ufer werden breiter und breiter, je weiter man nach Norden kommt, umso mehr tritt der Wald zurück und geht in kurzes Gestrüpp über. Und in der Nähe von Tobolsk, wo der Tobol in den Irtytsch einmündet, kann man noch lange erkennen, dass der Tobol sein eigenes Wasser in den Irtytsch einbrachte und sich nicht mit den Wassern des Irtytsch vermengte. Vom Ufer aus und auch vom Schiff aus konnte man einen Streifen Wasser anderer Färbung erkennen. Im Hafen von Tobolsk machte uns Mamá auf die Gebäude der Stadt aufmerksam, sie zeichneten sich durch eine besondere Architektur aus: Man hatte den Eindruck, sie seien von gefangenen Schweden noch im 18. Jahrhundert erbaut worden.

Ich erzähle jetzt von einer langen Reise – insgesamt dauerte sie mehrere Wochen. Für uns war es sehr interessant, nach Norden zu reisen, und anschließend nach dem Süden zu fahren, bis nach Semipalatinsk. Das Schiff blieb dort eine Weile im Hafen, etwa eine Woche, es wurde gereinigt, mit Heizmaterial versorgt, und dann wandten wir uns wieder nach dem Norden, es brachte uns nach Tjumen, nach Hause.

Eine solche Reise war für uns immer von großem Interesse. Das Schiff bewegt sich gemächlich voran, und plötzlich ertönt ein lautes Signal. Was ist los? Wie uns der Kapitän später erklärte, war dies ein Signal für die Bewohner der umliegenden Siedlungen, sie sollten an den Hafen kommen und helfen, das vorher vorbereitete Holz auf das Schiff zu laden. Diese Prozedur dauerte gewöhnlich einige Stunden, und der Kapitän sagte uns dann immer sehr liebenswürdig: «Steigen Sie aus, gehen Sie spazieren, ruhen Sie sich aus, baden Sie, gehen Sie in den Wald nach Beeren und Pilzen, es gibt dort Moosbeeren und auch Brombeeren. Ich werde rechtzeitig signalisieren, wenn wir weiterfahren, ich gebe drei Mal ein Signal.» Und wir nahmen tatsächlich die Gelegenheit wahr und gingen baden, mit größtem Genuss schwamm unsere Mamá, sie konnte sehr gut schwimmen...

Einmal hatten wir ein recht ungewöhnliches Erlebnis. Wir saßen in den Korbstühlen auf Deck, da sahen wir am Ufer eine seltsame Figur, etwas Rotes hatte sie auf dem Kopf und wir nahmen an, es sei eine Frau. Sie löste ein Boot vom Ufer und setzte sich hinein. Und da bemerkten wir, dass sie in Richtung auf unser Schiff steuerte. Und was meinen Sie? Unser Kapitän hatte begriffen, was hier vorging, unser Schiff verlangsamte seine Fahrt, das Boot kam nahe an das Schiff heran und die Matrosen hievten das Boot mit der Frau darin in das untere Deck. Die Eintönigkeit der Fahrt veranlasste natürlich alle Passagiere unseres Schiffes, diese Prozedur genau zu beobachten. Diese Frau stammte aus dieser Gegend, war eine Einheimische, sie gestikuliert heftig mit den Händen, sprach schnell und undeutlich etwas vor sich hin und zeigte mit der Hand irgendwohin. Augenscheinlich hatte man sie an Deck gut verstanden, denn nach einiger Zeit, vielleicht nach einem Tage oder auch zwei verlangsamte unser Schiff wiederum die Fahrt, die Matrosen ließen das Boot zu Wasser und setzten die Frau in das Boot. Sie lachte fröhlich und griff energisch in die Ruder. Wir aber wunderten uns. Doch worüber wunderten wir uns eigentlich? Was war denn geschehen? Im Grunde genommen war sie doch genau so ein Passagier wie wir auch, nur dass sie auf eine nicht gewöhnliche Art und Weise an Bord gekommen war. Das war auch schon alles... Jeder Landstrich hat eben seine Besonderheiten, seine Gewohnheiten, ist es nicht so? Nur darin besteht doch der Unterschied.

Das Leben an Bord war auf seine Weise interessant. Wir hatten eine ganze Kajüte belegt, in einem riesigen Korb führten wir unseren Proviant mit uns, auch ein Petroleumkocher und Geschirr war dabei, obwohl wir oben im Salon zu Mittag aßen. Das war ein großer Saal, ein großer Esstisch stand dort und auch mehrere kleine Tische zum Kartenspiel standen dort. Vor allem aber – und das war für unsere Mutter das wichtigste – stand dort ein Klavier, und Mamá konnte dort spielen, so viel sie wollte und doch so ganz ihrem geliebten Spiel mit voller Seele hingegeben. Wie immer und überall hatte Mamá auch hier großen Erfolg.

Mamá brauchte nur zum Klavier zu gehen und den ersten Ton anzuschlagen, und schon versammelte sich das ganze Publikum des Schiffes im Saal, an den Fenstern, alle ließen sich in den Sesseln nieder und lauschten viele Stunden dem Spiel

Mamás. Und wie viel überschwengliche Dankbarkeit konnte Mamá dann erleben...

Manchmal kamen auch die Passagiere der unteren Decks, um das Spiel von Mamá zu hören. Ich besinne mich noch an eine Zigeunerfamilie, besonders an einen jungen Zigeuner, das Publikum liebte ihn sehr – nur selten konnte man so ein junges Talent und so einen schönen Menschen sehen und zudem in einer so schönen bunten Kleidung – und dies auf dem allgemeinen Hintergrund des Flusses, des Schiffes, der Ufer – das war eine Szene wie aus einer guten Oper.

An den Abenden, beim Sonnenuntergang, erklang aus den unteren Etagen des Schiffes Gesang, russische fröhliche Scherzlieder, melodische und schwermütige Lieder. Im unteren Deck führen ja auch Nichtrussen mit, Einheimische, Tungusen und andere. Sie hatten eine eigene Melodik, die für uns mitunter etwas fremd klang.

Die Speisen zum Mittag waren immer sehr schmackhaft, der Koch auf unserem Schiff konnte vorzüglich Fischgerichte zubereiten. Noch zu Hause erinnerten wir uns häufig, wie gemühtlich es war, an Deck an einem kleinen Tisch zu speisen.

Auf so einer Reise weit nach dem Norden, wo der Ob in den Irtytsch einmündet, weiß ich noch, wie einmal Mamá zu mir an Deck kam, mir die Hand auf die Schulter legte und indem sie auf die Umgebung wies, zu mir sagte:

«Margulinka, schau her, schau, wie unglaublich schön es hier ist, diese endlose Weite, dieser Fluss, wie breit und weit der Ob ist, nimm alles in dich auf, bewahre es gut in deinem Gedächtnis, denn es kann sein, dass du das alles nie wieder sehen wirst.»

Seither sind viele Jahrzehnte vergangen und ich wundere mich noch immer, wie Mamá damals meine Zukunft, mein Leben weit von der Heimat entfernt vorhersehen konnte.

Diese Worte Mamás stellte ich auch deshalb als Motto meinen Erinnerungen voran.

Dies hatte sich auf unserer zweiten Reise zur Stadt Chantimansijsk zugetragen, damals war die weite Wasseroberfläche so unüberschaubar, dass man sie kaum mit dem bloßen Auge umfassen konnte, die Ufer waren kaum zu sehen.

Auf dem Rückweg im Herbst – das war schon auf dem Irtytsch – war der Fluss so sehr versandet, dass wir auf ein kleineres Schiff umsteigen mussten, das uns bis nach Tjumen brachte. An Bord dieses Schiffes befand sich eine etwas eigenartige Gruppe von Passagieren, und wie uns der Kapitän später erklärte, handelte es sich um Petersburger Leute, unter ihnen befand sich auch Rasputin.

Interessant war folgender Umstand: Als wir nach dieser letzten Reise zu Hause in Tjumen angekommen waren, erhielt Mamá Besuch vom Stadtvorstand persönlich, der sehr vorsichtig, in delikaten Formulierungen unsere Mamá bat, ihren Bekannten in der Stadt nicht von der Gesellschaft auf dem Schiff zu erzählen, besonders nicht von der Begegnung mit Rasputin... Dieses Gespräch fand hinter geschlossenen Türen in Mamás Zimmer statt.

In der Tat, damals gab es zum Thema Rasputin vielerlei Gerüchte im Zusammenhang mit seiner Position bei Hofe und daher ist es nicht verwunderlich, dass die Machtorgane, so auch unser Stadtoberhaupt, nach höchsten Instruktionen handeln mussten.

Vielleicht stellt sich der Leser die Frage: Was machte Rasputin in Sibirien, am Irtytsch? Er stammte ja aus einem Dorf am Irtytsch, war am Ufer dieses Flusses aufgewachsen, und nun hatte er wohl seine Gäste aus der Petersburger Gesellschaft in seine heimatliche Gegend geführt.

Ostern in Sibirien

Das wichtigste Fest war in Russland das Osterfest, das Fest der Auferstehung Christi, daher wird auch der Siebente Tag der Woche als Tag der Auferstehung Christi – Voskresenje – bezeichnet. Die Orthodoxe Kirche feierte vor Ostern eine sechs-wöchige Fastenzeit, und unmittelbar vor den Fasten feierte man

die «Masleniza», die «Butterwoche». Eine ganze Woche lang war die Stadt erfüllt von Fröhlichkeit: Tanzabende, Bälle und Maskeraden wurden in den Familien veranstaltet, und die ganze Stadt buk Bliny.

Ja, das waren noch richtige Bliny! Und sie schmeckten köstlich, besonders, wenn sie aus Buchweizenmehl gebacken wurden, dann waren sie so richtig locker, und man buk sie auf mehreren Pfannen gleichzeitig, damit sie nicht einfallen. Auf dem Esstisch waren die angewärmten Teller schon vorbereitet, es gab dazu Sahne (Smetana) oder Kaviar, zerlassene Butter oder eingelegten Hering, Sprotten oder Anchiovise. Die Bliny wurden auf dem großen Teller aufeinander gestapelt, zu einem hohen Berg, und mit einem scharfen Messer schnitt man dann von oben nach unten einen Teil heraus, und alles schmeckte herrlich. Zu den Bliny reichte man heiße Boullion in der Tasse, und das Essen wurde mit einem Glas Wodka oder Wein beendet. Eigentlich gab es in dieser Woche kein richtiges Mittagessen, denn überall wurden von früh bis abends Bliny gebacken, die ganze Stadt duftete nach Bliny.

Nach dem Essen fuhr man in den Schlitten aus, die Pferde – zwei oder auch drei in einer echten Troika – hatte man mit bunten Bändern festlich geschmückt.

Ich besinne mich gut an diese Zeit, besonders an unsere Mutter, denn obwohl wir im Hause immer Diensthilfen hatten, – eine Köchin, ein Stubenmädchen, einen Knecht, – beteiligte sich unsere Mutter immer tatkräftig an den Vorbereitungen dieser Art, und die letzte Pfanne mit den heißen Bliny trug sie dann selbst auf den Tisch, und ihr Gesicht war ganz gerötet von der Ofenhitze in der Küche.

Ostern wird im Frühjahr gefeiert. Die Sonne wärmt schon spürbar, das Eis schmilzt, an den Dächern hängen Eiszapfen und scheinen zu klirren, die Winterrahmen werden aus den Fenstern herausgenommen, und schon lange vor dem Fest wird die Wohnung einer Generalsäuberung unterzogen. Alles wird gesäubert, geklopft, gewaschen, abgerückt, auch die Köchin und das Stubenmädchen sind beteiligt, um alles vorzubereiten, was für den Ostertisch benötigt wird.

Es ist nicht so leicht, das Osterfest so vorzubereiten, wie es nach alter Tradition geboten ist. Ostern – das war eine Zeremonie, eine heilige Handlung, und ich weiß, auch in den armen Familien legte man bescheidene Ersparnisse zurück, um für den Feiertag das nötige Geld zu haben.

Kulitsch – ein Topfkuchen aus Hefeteig, die Pas'cha – eine süße Speise aus Quark, und die bunten Eier.

Um den Kulitsch zu backen, bereitete man aus festem Papier eine zylindrische Form vor, etwa 40 cm hoch, die man in eine Backform stellte. Der Teig wurde sehr reichhaltig zubereitet, etwa 20–30 Eigelb wurden verwendet, er wurde in die Backform gegeben und in den russischen Ofen gestellt, nachdem das Brot darin gebacken worden war. Den gebackenen fertigen Kulitsch nahm man aus der Form und legte ihn auf ein sauberes Handtuch und dann auf ein Kissen, das auf dem Küchentisch vorbereitet lag, damit er seine Form nicht verändert. Und mit aller Sorgfalt wurde darauf geachtet, dass während dieser ganzen Prozedur um Gottes Willen nicht am Ende ein Fenster geöffnet oder die Tür kräftig zugeschlagen würde – der Kulitsch hätte zusammenfallen können!!! Der abgekühlte Kulitsch bekam dann eine weiße Glasur.

Und dann die Pas'cha. Verwendet wurde nur selbst gemachter Quark, vermischt mit Eigelb, Zucker, Butter, Rosinen, Vanille, Mandeln, und manchmal auch Schokolade nach einem besonderen Rezept, – all das wurde gut vermischt und in einer Serviette in eine speziell dafür angefertigte Pyramiden-ähnliche Form aus Holz gegeben, und unter dem Druck einer Presse stellte man die Form auf das Eis. Am nächsten Tag nahm man die Pas'cha heraus und placierte sie auf einem Teller, oben auf mit einem kleinen weißen Lämmchen verziert.

Die Eier färbten wir auf verschiedene Weise, ich glaube, dass in der ganzen christlichen Welt dieser Brauch verbreitet ist und bis zum heutigen Tage gewissenhaft eingehalten wird.

Besonders gern erinnere ich mich, wie man bei uns in den Ostertagen für die Kinder im Salon ein Spiel vorbereitete: Mit einer Decke befestigte man den Rand des Teppichs von drei Seiten, an der vierten Seite stellte man eine schmale, etwa 50 cm hohe Rutsche auf, von der die Eier auf den Teppich gerollt wurden, und jeder Spieler versuchte, mit seinem bunten Ei eines der auf dem Teppich liegenden Eier zu berühren, gelang dies, hatte er das berührte Ei dazu gewonnen. Mit besonderem Geschick musste man im Voraus erraten, welchen Weg das jeweilige Ei wohl nehmen werde – das Spiel hatte eine gewisse Ähnlichkeit mit dem Billard.

Bei uns stand auf dem Ostertisch ein Räucherschinken. War das ein köstlicher Schinken! So wurde er zubereitet:

Der rohe Schinken wurde gewaschen, gesäubert und gründlich gereinigt, dann im Ganzen in einem ganz besonderen Brotteig eingepackt, etwa 2 cm dick, und dann in den russischen Ofen geschoben, wo er drei bis vier Stunden buk. Dann wurde der Schinken herausgenommen, und wenn er etwas abgekühlt war, wurde die Kruste vom Schinken abgenommen. Das war eine seltene Köstlichkeit – der Teig war durchzogen vom Saft des Schinkens und schmeckte herrlich.

Schon bald erhielt ich die Aufgabe, den Ostertisch zu schmücken. Der Tisch wurde ausgezogen und mit einem besonderen hellblauen gestickten Ostertuch bedeckt. Ich verteilte das Geschirr und das Besteck, stellte den Kulitsch und die Pas'cha sowie die bunten Eier an ihren Platz, hinzu kamen der Wein, der Schinken, verschiedenen Konserven wie Sardinen und Kaviar, Käse, Geflügelrouladen und Brot – und Blumen, gewöhnlich waren es Azaleen. Ich weiß noch, den Schinken schmückte ich nach unserer Tradition mit einer bunten Manschette.

Der geschmückte Ostertisch steht mir lebendig vor Augen: Wir hatten spezielle Schüsseln und Bestecke für die eingelegten Fische, für Käse und für die anderen Zakuski, dies Geschirr und Besteck wurde nur zu festlichen Anlässen benutzt.

Am Sonnabend, vor Ostern, gegen Abend, musste der Tisch schon fertig gedeckt sein. Wir ruhten danach ein wenig aus und gingen dann in die Kirche, zur Mitternachtsmesse. Der Gesang faszinierte uns, Gesang nach der Leidenswoche und in der Osternacht, das war etwas Einmaliges. Die Orgelmusik ist wunderschön, – aber das ist etwas ganz anderes. Der Gesang in der Kirche hat mich immer bis in die Seele berührt. Zur Mitternachtsmesse wurde ich immer mitgenommen, alle Damen trugen weiße Kleider, waren festlich geschmückt und freudig erregt, in der Kirche beglückwünschten sich alle und bekreuzigten sich.

Am folgenden Tag erschienen wieder Gäste, manchmal kamen sie direkt aus der Kirche zu uns, direkt nach der Frühmesse, um mit den Bekannten die erste Malzeit nach dem Fasten einzunehmen.

Ostern feierte man bei uns drei Tage lang, während dieser drei Tage wurde kein gewöhnliches Mittagessen vorbereitet, denn mit den ständigen Gästen nahm man ein endloses «Gabelfrühstück» ein, das ein Mittagessen ersetzte, und den zahlreichen Besuchern, die nur für kurze Zeit erschienen, reichte man kalte Speisen.

Die inoffiziellen Feiertage nahmen die ganze Woche in Anspruch. Während dieser Woche hörte man überall in der Stadt Glockengeläut. Jeder, der es wollte, durfte in diesen Tagen den Glockenturm besteigen und alle Glocken läuten und in dieser Kunst sein Können unter Beweis stellen, gewöhnlich intonierte man kirchliche Lieder. Besonders eindrucksvoll erklang die große Glocke – sie dröhnte wie ein tiefer Bass.

Weihnachten in Sibirien

Hier im Westen ist das größte Fest des Jahres das Weihnachtsfest mit seinen poetischen Vorfeiertagen im Advent, mit der großen Tanne auf den Plätzen, und in den Kathedralen die Konzerte mit geistlicher Musik und Orgelklängen. Diese Adventszeit weckt in der Seele unbekannte Gefühle und Vorstellungen. In unserer Familie bereitete man das Weihnachtsfest

sehr feierlich vor und beging es sehr würdig. Im Dezember versammelten wir uns an den Abenden um den großen Tisch im Esszimmer und bastelten Schmuck für den Weihnachtsbaum. Große Bögen von Silber- und Goldpapier verwandelten sich unter unseren Händen zu glitzernden Ketten, indem wir einzelne Ringe herstellten und diese wurden ineinander verschlungen. Mamá konnte aus dünner Birkenrinde winzige Häuschen mit Fensterchen und Schornsteinen zaubern. Aus Watte entstanden Engel – damals konnten wir buntfarbene Engelköpfe und Flügelchen aus Papier kaufen. Auf die Watte klebten wir silberne und goldene Sternchen. In die Walnüsse steckten wir kleine Nägelchen und tauchten die Nüsse in heiße Milch, dann bestreuten wir die Nüsse mit goldenem und silbernem Staub.

Die große Tanne stand im Salon, die Türen waren geschlossen, wir hörten ein geheimnisvolles Rascheln, dann am Heiligabend die feierlichen Klänge, Mamá spielte am Flügel, die Türen wurden geöffnet und wir sahen die glänzende Tanne. Mamá las aus dem Evangelium, alle beglückwünschten sich, wir Kinder und die Dienstboten erhielten Geschenke. Am ersten Feiertag und am Neujahrstag erschienen bei und Gäste – die Männer aus befreundeten Familien, am zweiten Tag kamen die Damen. Auch andere Besucher stellten sich ein – der Postbote, der Schornsteinfeger, der Wasserträger, manchmal auch benachbarte Handwerker.

«Euer Hochwohlgeboren, gestatten Sie, ich erlaube mir, Sie zum Hohen Fest der Christi Geburt (oder zum Neuen Jahr) zu beglückwünschen!» – so hieß es dann und die Besucher drückten Papá die Hand, und sie erhielten zur Begrüßung ein vorher vorbereitetes Gläschen Wodka und einige Rubel; und der Postbote nach Beispiel, der von Wohnung zu Wohnung ging, konnte danach eine hübsche Summe nach Hause bringen, manches Mal in der Höhe seines Monatseinkommens.

Sibirien im Winter...

Ja, der Winter – nun lebe ich bereits einige Jahrzehnte in Europa, und dennoch kann ich mich an das Klima hier nicht gewöhnen, es gibt nicht genug Schnee. Die liebliche Winterluft und der Sonnenaufgang im Winter... Das Gymnasium war von einem großen Hof umgeben. Im Winter hatten wir hier eine Eisbahn; am Tor standen kleine Hütten, in denen wir uns umziehen konnten, wir zogen die Schlittschuhe an und dann ging es aufs Eis... Wir liefen einzeln und paarweise, zeichneten kunstvolle Figuren auf das Eis; die ältere Generation bevorzugte Holzsitze auf eisernen Kufen, die jungen Leute führten sie dann mit den alten Leutchen über das Eis. Gegen Abend, wenn es dämmerte, wurden um die ganze Eisbahn bunte elektrische Lampen angezündet, Lampions. An den Sonn- und Feiertagen spielte ein Militärblasorchester, das war wundervoll.

Unsere Mamá konnte wunderschön Schlittschuh laufen, sie zeichnete komplizierte und phantasievolle Figuren auf das Eis, sie lief so, als gestalte sie einen Wettbewerb, sie hatte einen relativ kleinen Körper und lange Beine – wie die Heldenfrauen in den alten Sagen. Ich weiß noch, wie unsere Bekannten dem Schlittschuhlauf unserer Mutter bewundernd zuschauten.

Auch auf den Straßen und besonders in den Vorhöfen richtete man den Schnee zu Haufen auf. Auf der Spitze dieser kleinen Berge entstand eine Plattform, von der aus eine Holztafel zur Erde geführt wurde. Mehrere Schichten Schnee wurden auf die Tafel aufgetragen, dann mehrmals mit Wasser übergossen. Ein Treppchen führte auf die Plattform, dies erkletterten wir mit einem kleinen Schlitten, und dann flogen wir in rasender Fahrt hinab auf die glatte Straße, manchmal einen halben Werst weit; mit einem kleinen Holzstab in der Hand dirigierte man die Fahrtrichtung. Manchmal stürzte der Schlitten um und die Rodler flogen in den flockigen Schnee oder in eine Schneewehe. Wir hatten einen riesigen Spaß, lachten und kamen mit roten Wangen erst in der Dämmerung nach Hause und stürzten uns mit Heißhunger auf das Abendessen und wollten nicht aufhören, von un-

seren Erlebnissen zu berichten. An den Feiertagen spielte auch dort die Militärkapelle.

Diese künstlichen Schneeberge boten eine Art Volksbelustigung, die Eisbahn im Gymnasium war eher ausgewähltem Publikum vorbehalten.

Musik

Tjumen war eine große Stadt mit etwa 70 000 Einwohnern, viele Tataren lebten hier, Kaufleute, Fabrikanten; es gab ein Theater, aber ohne ein ständiges Ensemble; im Klub stand ein großer Saal zur Verfügung; in der Stadt gab es eine Realschule für Knaben und ein Gymnasium für Mädchen sowie eine Handelsschule. Von Zeit zu Zeit gastierten Ensembles in der Stadt, besonders im Winter, sie führten Theaterstücke auf, auch Musiker reisten hierher – letztere schickte man immer zu uns. Unter Mamás Leitung repetierten sie ihr Programm, bevor sie im Klub ihre Konzerte gaben. Dann wurde Mamás Flügel in den Klub gebracht, denn der dortige war nicht so gut. Bis heute habe ich Plakate aufgehoben, auf denen Konzerte der Wohltätigkeitsgesellschaft angekündigt wurden, deren Veranstaltungen den kranken und verwundeten Soldaten aus dem Ersten Weltkrieg zugute kamen. In diesen Konzerten spielte Mamá immer den Klavierpart.

Ja, Mamás Musik hatte unser ganzes Leben in Tjumen erfüllt. Ich sehe mich noch, wie ich mich in Mamás Zimmer in die Ecke des Sofas gekuschelt habe und ihrem Spiel lausche – sie spielte Chopin oder auch Grieg, dann wieder Dvorak, und es schien mir, als werde ich in höchste geistige Sphären gehoben, und Mamá erfüllt, wie eine Hohepriesterin, unsere Wohnung mit all dem Erhabenen und Wundervollen, das nur ihr, unserer Mamá, gegeben war, nicht mir, und ich kann mich nur ein ganz

klein wenig dieser Welt annähern, in der und durch die unsere Mamá lebte und die ihr so nahe war...

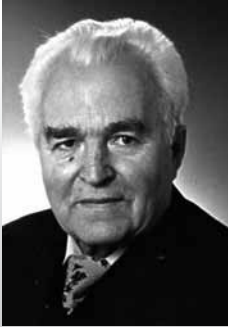
Und dann, nach dem Spiel, setzte sich Mamá zu mir auf das Sofa und wir führten wie zwei Schwestern unsere vertrauten innigen Gespräche. Damals wurde Mamás Zimmer nur von einer Azetylen-Lampe mit einem Docht unter einem rosafarbenen Schirm erhellt – Elektrizität gab es im Hause erst später -, und der Flügel, der Flügel blieb im Halbdunkel. Das war so gemütlich und wohligh. Jetzt denke ich daran wie an ein schönes Märchen, das sich in meinem Leben nicht mehr wiederholt hat...

Im Auditorium des Gymnasiums stand ein Flügel, und Mamá gab nach dem Unterricht den Mädchen, die es gern wollten, Klavierunterricht. Ich besinne mich, wie Mamá uns die verschiedenen musikalischen Formen erklärte. Zum Beispiel: Was ist eine Sonate? fragte sie, und sogleich setzte sie sich an den Flügel und spielte einige Takte verschiedener Komponisten. Auf diese Weise erfassten wir die unterschiedlichen musikalischen Formen an hand der Beispiele, die sie uns vorführte.

Die Musik war jedoch nicht das einzige Betätigungsfeld unserer Mutter: Häufig ging sie im Winter an den Sonntagen schon früh aus dem Hause, sie ging in die Sonntagsschule, um dort die Erwachsenen in Arithmetik und Geographie zu unterrichten. Diesen freiwillig übernommenen Verpflichtungen ging Mamá mit großer Hingabe nach und die Erfüllung dieser Aufgaben verlieh ihr eine große Befriedigung. Mamá liebte die einfachen Leute und sie verstand die Seele dieser Menschen, sie konnte gut mit ihnen umgehen. Dafür achte ich unsere Mamá sehr und ich bin ihr dafür zutiefst dankbar. Die geistige Größe unserer Mamá zeigte sich immer zur rechten Zeit und in dem Augenblick, in dem es nötig war...

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЧКА

Артур ГЕРМАН

Родился в 1920 году на Украине. После окончания немецкой школы в Спате (Крым) изучал германистику в Саратове. С 1939 по 1946 годы – арест, лагерь, затем на спецпоселении в Караганде (Казахстан).

С 1950 года работал учителем. 1974–1985 годы – сотрудник газеты «Фройндшафт» в Целинограде (Казахстан). Опубликовал ряд рассказов, юморесок, эссе и др. В 1989 году в альманахе «Heimatliche Weiten» (Москва) вышла автобиографическая повесть «Порядок», позже вошедшая в трилогию «А родина манила вдаль». В 2003 году опубликовал повесть «Легенда». С 1995 года живёт в Германии.

НЕИЗВЕСТНАЯ АННА ГЕРМАН

Документальная повесть

От издателя. Казалось, она, польская певица, известна и близка всем. И всё о ней известно. Однако мало кто и сегодня знает, что всю свою жизнь она вынуждена была скрывать своё происхождение. Так было нужно. Иначе не было бы у мира Анны Герман...

По-прежнему ярко «светит незнакомая звезда», но лишь после ухода её из притяженья Земли «компас надежды земной» привёл её к родным истокам, истокам ее нежности, чистоты и так надолго поруганной правды.

Настоящая книга, написанная дядей Анны Герман и изданная в Германии в 2003 году, вносит, наконец, ясность в происхождение певицы, почитаемой и любимой миллионами. Сегодня рассказать об этом оказалось возможным и в России.

Немецкий оригинал: Artur Hörmann.

Die unbekannte Anna German

Русский вариант: под редакцией Гуго Вормсбехера

1. ВНАЧАЛЕ БЫЛ ГОЛОС

С классным журналом подмышкой, учебником английского языка и поурочным планом на 11 сентября 1973 года я шёл на урок в Индустриальном техникуме города Караганды. Из репродуктора в коридоре негромко лилась какая-то мелодия. Звучал женский голос, и он мне вдруг показался таким знакомым, хотя песню я не знал. Я остановился как зачарованный: так пели мои старшие сёстры Берта и Ольга – те же интонации, та же мягкая задушевность.

Другие учителя уже разошлись по кабинетам, а я всё стоял и слушал. Пение прекратилось, и диктор объявил:

«Перед вами выступала польская певица Анна Герман, которая в настоящее время находится с гастролями в Москве».

Мозг пронзила мысль: «Это же дочь Ойгена!

Но почему польская певица?»

Незадолго до этого я получил письмо от старшего брата Вилли из Федеративной Республики Германии, где он жил. Вилли сообщал:

«Недавно мне Берта писала и снова упомянула эстрадную певицу Анну Герман. Удастся ли нам когда-нибудь выйти на след нашего исчезнувшего брата? И почему бы Анне Герман не приехать как-нибудь с гастролями и к нам в страну?»

Наш брат Ойген, родившийся в 1909 году в Лодзи, работал до войны бухгалтером на какой-то фабрике-кухне в Донбассе и в конце 1934 года бесследно исчез. Среди членов семьи ходили разные слухи о нём, кто-то даже утверждал, будто он был позже дирижёром в оперном театре в Варшаве. Однако это было явной фантазией: несмотря на свою исключительную музыкальность и прекрасный баритон, дирижёром симфонического оркестра он быть никак не мог – не было соответствующего образования; в конце двадцатых годов он был лишь регентом хора в молельном доме, где проповедовал отец.

Об Анне Герман написаны горы книг, исследований, газетных статей, интервью и просто восторженных отзывов. Самой правдивой из всех публикаций считаю её собственную книгу «Вернись в Сорренто?», охватывающую её жизнь и творчество до роковой катастрофы 27 августа 1967 года. Но и в этой книге Анна, как всегда, умалчивает об очень важном, что могло тогда ей повредить. Концерты, репетиции и снова концерты да гастроли – она будто сама себя подгоняет, чтобы не оставалось времени для размышлений.

Книга Александра Жигарева «Анна Герман» – самый полный источник информации о певице из всех мне известных. В каждой строчке ощущается искренняя любовь автора к певице и её искусству. Автор владеет материалом и в состоянии подробно осветить любую ситуацию в её жизни. И он не просто описывает, но и восторгается своей героиней.

Но в стремлении быть убедительным автор нередко заходит слишком далеко: даже в сценах, где свидетель невозможно, он как бы присутствует и сообщает нам, о чём говорилось и думалось. Это уже, как принято выражаться в журналистской среде, «оживляж». Встречаются и утверждения, просто не соответствующие истине, особенно касающиеся отца певицы и его происхождения.

Личность Александра Жигарева – журналиста, поэта, композитора, писателя и знатока польского языка, также рано погибшего, – мне чрезвычайно симпатична. И здесь я хочу лишь внести ясность в те места в книге, которые (теперь это можно, наконец, сказать!) не соответствуют истине. Вот одно из таких мест.

«Анну Герман часто спрашивали: «Откуда вы так хорошо знаете русский язык? Вы говорите почти без акцента, а поёте даже более «по-русски», чем иные из наших соотечественников».

Обычно она отшучивалась. Но иногда глаза её становились мечтательно-грустными, и она отвечала более конкретно: «А как же может быть иначе? Я родилась в Советском Союзе, там прошло моё детство. Мой родной язык – русский».

Каким образом далёкие предки Анны Герман, переселенцы из Голландии, в середине XVII века (!) очутились в России?.. (Здесь и далее выделено мной. – А. Г.)

Прапрадед Анны по отцовской линии, лет сорок проживший на хуторе, на юге Украины, отправился в предальний путь, в Среднюю Азию, где и поселился навсегда. Там, в маленьком городе Ургенче, познакомился, а спустя несколько месяцев поженился бухгалтер мукомольного завода Евгений Герман и учительница начальной школы Ирма Сименс». (А. Жигарев, «Анна Герман», стр. 7).

Долгие годы происхождение Анны Герман либо вообще замалчивалась, либо (вольно или невольно) фальсифицировалось, как в приведенной цитате. Жигарев писал свою книгу в условиях жесткой цензуры, и на что-то он мог только намекнуть, что-то «подправить», хотя сам, возможно, и думал, и чувствовал иначе. Однако книга его живёт со всеми своими малыми и большими неправдами, которые сегодня требуют уточнения или опровержения.

В пору гласности в различных интервью Ирма Мартенс, матери Анны, начал, наконец, упоминаться отец

Анны – Eugen (Ойген) Högtmann, на русский лад Евгений Герман. Эта фамилия закрепилась за Анной в польской транскрипции, где буква «h», правда, есть, но «ö» отсутствует. Этой формы фамилии Анны буду придерживаться в дальнейшем и я, ибо с нею она стала известна миллионам читателей. Кроме того, наша фамилия по-русски всегда так и писалась: Герман.

Сегодня, как это ни горько и странно звучит, можно быть искренне благодарным Анне и её матери за то, что они в тяжелейшие послевоенные годы смогли скрыть своё немецкое происхождение. Иначе никто и никогда бы не услышал и не узнал такой певицы – ни в Советском Союзе, ни в Польше. Но вряд ли можно считать нормальным, что до сих пор происхождение Анны Герман окутано плотным туманом. Рассеять этот туман я и хочу.

Ещё в декабре 1989 года Ирма Мартенс писала мне:

«Если ты теперь пишешь свои мемуары, не соверши непоправимую ошибку, которая очень повредила бы мне и Анне. Время у нас очень критическое, и всё я тебе не могу написать – я ведь тут живу. Обо мне и Анне что только ни пишут. Немцы как-то писали, что Анна – урождённая узбечка».

Почти тридцать лет, с той минуты, как я впервые услышал пение Анны, я медлил приступить к этой теме, однако моё время истекает, а после меня этого уже никто не сделает. Чтобы развеять туман, сложившийся вокруг происхождения Анны, мне придётся использовать и некоторые фрагменты из моей книги «А родина манила вдаль», опубликованной на немецком языке в 1999 году в ФРГ.

2. ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ ДЯДЯ!

...Придя домой после того урока 11 сентября, я тут же написал письмо в Москонцерт с просьбой сообщить мне некоторые биографические данные Анны Герман. Я не скрывал, что располагаю убедительными доказательствами, из которых следует, что певица могла бы быть моей близкой родственницей. Ответа я не получил. После этого Анна пела в Ленинграде, я написал туда с такой же просьбой и получил ответ: «Об артистах сведений не даём».

Тем временем я переехал из Караганды в Целиноград, где начал работать в редакции немецкоязычной газеты «Фройндшафт». Семья временно оставалась в Караганде, ожидая, пока я получу квартиру. В редакции уже работала моя сестра Луиза Герман.

В то время, в 1974 году, имелось уже достаточно грампластинок с краткими данными на конвертах о певице. Нам нужно было найти одно лишь слово: имя её отца. Если его звали Ойгеном или Евгением, было бы ясно, что Анна его дочь и что он, возможно, даже жив. Но этого имени мы не нашли нигде...

В мыслях мы давно уже похоронили Ойгена: ведь и наш отец, и мачеха, и брат Рудольф были расстреляны или погибли в лагерях. И Луиза, и я тоже прошли через сталинские лагеря и только чудом остались живы. Из братьев лишь Вилли смог спастись, перейдя с риском для жизни польскую границу и перебравшись в Германию. Может быть, и Ойген каким-то образом добрался до Варшавы? Но почему не в Германию к Вилли? Вопросы, вопросы...

А Анна снова и снова появляется то на радио, то на телеэкране, в «Голубом огоньке» на Новый год. И её черты, её голос становятся всё знакомей и родней. Тем не менее, всё остаётся загадкой.

Вдруг по Целинограду с быстротой молнии распространяется слух: приезжает Анна Герман!..

У касс Дворца целинников, зрительный зал которого насчитывал около 2500 мест, стояли громадные очереди.

Люди приезжали из отдалённых районов области, чтобы попытаться раздобыть билет. За короткое время все билеты на два концерта были распроданы, но у касс всё стояли люди и ждали чуда.

Это чудо свершилось, когда Анна Герман прибыла со своей концертной труппой: дирекция Дворца уговорила её на два дополнительных утренних концерта. На один из них удалось пробиться и мне.

– Мне было трудно давать по два концерта в день, но я была счастлива, что моя песня так нужна людям, – сказала Анна позже.

Словами невозможно передать пение Анны – надо слышать её голос, его уникальный тембр. Она не только пела на хорошем русском языке, она и говорила без всякого акцента. И в её манере говорить, в её шутках снова присутствовало нечто неуловимое, если и не относящееся к нашей семье, то всё же что-то немецкое.

После концерта меня к ней не пропустили – она устала, и ей предстоял ещё вечерний концерт. Так что мои вопросы остались без ответов.

– Какой же ты журналист, если не пробьёшься к ней? – сказала Луиза, когда я поведал ей о своей неудаче. – Нам представилась уникальная возможность узнать что-то о ней и о её отце. Когда она уедет, всё останется по-прежнему: польская певица – и точка. Давай-ка, пошевелись!

На другой день я положил в карман своё корреспондентское удостоверение и пошёл в самую престижную в городе гостиницу – «Ишим», где остановилась певица. Я нашёл коридор, в котором был её номер, но в коридоре, как тогда во всех советских гостиницах, была еще и коридорная, т.е. дежурная по этажу, которая цербером следила за порядком и за поведением своих жильцов.

Чтобы попасть к Анне, нужно было, в первую очередь, преодолеть этот барьер: ведь коридорная была полновластной хозяйкой и повелительницей. Когда я спросил её, могут ли попасть к Анне Герман, она грубо ответила:

– Тут много вашего брата шастает, она никого не принимает. И вообще, она сейчас сидит в ванной и, по всей вероятности, там ещё долго будет, не так, как наш брат. Подождите, может, вам и повезёт.

Вполне возможно, что Анна действительно попросила коридорную никого к ней не пускать, чтобы отдохнуть: ведь каждый концерт означал для неё полную самоотдачу.

– Посмотрите на моё удостоверение, – не унимался я.

В удостоверении на одной стороне моя фамилия А. Нётманн стояла по-немецки, на другой – по-русски: А. Герман.

Коридорная взяла удостоверение, в котором значилось, что я – корреспондент республиканской газеты «Фройндшафт», испытующе стала смотреть то на меня, то на фамилию в нём и спросила с подозрением:

– И что вы этим хотите сказать?

– А то, что вы думаете.

В этот момент пожилая женщина из команды Анны подошла к двери певицы и постучала, видимо, условным стуком: стук этот состоял из дважды повторённой триоли с последующей длинной нотой – как начальные звуки «Героической симфонии» Бетховена. Коридорная всколыхнулась, подошла к пожилой польке и шепнула ей что-то на ухо. Женщина скрылась в номере Анны, вскоре вышла опять и по-русски сказала: «Сейчас».

Моё сердце бурно застучало, и когда дверь открылась, я забыл все слова, которые приготовил: передо мною стояла Анна, почти на голову выше меня (как её отец, как Рудольф!), и с улыбкой смотрела на меня...

О чём мы говорили вначале, я не помню. Вероятно, о её концерте, о городе, о Дворце целинников и его хорошей акустике, о гостинице. И вдруг, с обычной, «бытовой» интонацией, она пожаловалась, что не может выспаться, так как кровать слишком коротка для её роста в 184 см.

– Обычно для меня устанавливают две кровати рядом, чтобы я могла лечь по диагонали. Здесь этого не сделали, а я забыла попросить об этом.

И я вспомнил брата Рудольфа, который гостил у меня в студенческом общежитии и ночью на мой вопрос, почему он ходит взад-вперёд по комнате (как в детстве, мы спали в одной кровати), он ответил:

– Ничего, я немного отдохну, потом опять лягу.

После этого обыденного замечания Анны я набрался духу и задал вопрос вопросов:

– Скажите, пожалуйста, как мне вас называть по отчеству? То есть, как звали Вашего отца?

И Анна, как мне показалось, скрывая некоторое смущение, сказала:

– Евгеньевна, Евгений...

Как долго мы ждали и искали этого ответа! Мои руки дрожали, и я не сразу попал в нагрудный карман. Когда я вынул семейную фотокарточку, на которой Ойген, всё еще предполагаемый отец Анны, сидит по правую руку нашего отца, я задал второй вопрос:

– Вам тут кто-нибудь знаком?

И она, как вспугнутая птичка, не раздумывая, на немецком языке:

– Wo ist er? Wir haben so ein Bild zu Hause. (Где он? У нас дома такая же фотография).

В мгновения душевных потрясений человек бессознательно возвращается к своему естеству, не размышляя над возможными последствиями. И мгновенно всё стало ясным. Свой импульсивный вопрос она задала на родном для неё языке, который она сама и мать так тщательно прятала и выдавали за изученный иностранный язык – как её итальянский или английский. Когда Анна гастролировала в Вене, интервьюеру она отвечала на польском языке через переводчика, хотя могла это сделать и на немецком. Сейчас она как бы сбросила маску, и наша дальнейшая беседа текла на нашем родном немецком языке.

– Я не знаю, это я хотел узнать от вас... от тебя... – сказал я. «От тебя...». Боже мой, кто бы мог подумать!

Объятия, слёзы.

– Мы ничего о нём не знаем, – сказала Анна. – Его арестовали в 1937, когда мне было полтора года. С тех пор ничего о нём не слышно. Я была ещё совсем маленькая, когда мама поселилась в Сибири, чтобы искать отца. Напрасно. Недавно я гастролировала там же, в Сибири. В Красноярске я задержалась дольше запланированного срока: я была уверена, что где-то там должны находиться ссыльные родственники отца. Никто не появился. Теперь, здесь, когда я уже никого не ожидала, ты пришёл и принёс мне печальный привет из моего сиротского детства. У нас есть и другие фотографии с ним, и ты похож на него.

И она робко провела рукой по моим щекам.

Дальше – сплошные вопросы:

– Расскажи мне о братьях и сёстрах моего отца... А девушка и бабушка... А...

Разговор обещал быть длинным, и я предложил Анне пойти к моей сестре Луизе, которая жила недалеко от гостиницы.

– Не улизнуть ли нам через чёрный ход? – спросил я. – Перед главным входом толпа молодых людей ждёт твоих автографов.

– Значит, напишем. Я не могу так просто уйти от них. Они – мои слушатели, моя публика, мои поклонники.

И она писала. Нередко она клала книгу на спину следующего в очереди ожидающих, и так, шаг за шагом, мы приближались к дому, в котором жила Луиза. При этом мне казалось, что Анна идёт по бордюру тротуара, настолько она возвышалась над своими почитателями...

Встреча с Луизой была сердечной, и снова текли слёзы. Слишком долго мы искали её. Луиза пригласила фотокорреспондента газеты «Фройндшафт» Давида Нойвирта, и

тот сделал ряд прекрасных фотографий, на которых Анна естественна, без грима и позирования. Эти фотографии позже пользовались большим спросом у целиноградских поклонников Анны.

Луиза приготовила скромный ужин с бутылкой хороше-го вина, но Анна почти ни к чему не притронулась. Она будто оправдывалась:

– Я не пью вина не из ложного пуританства, а потому что оно возбуждает аппетит. А его-то мне приходится постоянно держать в узде. Представьте себе, в какую бомбу вы бы могла превратиться, отпусти я эту узду! Daut jeit oba nich (так дело не пойдёт, – плятдойч. – А.Г.) Может, у тебя найдётся молоко? Я не стесняюсь просить молока даже на торжественных приёмах. Это звучит, может быть, странно, но я могу себе это позволить.

Анна была в великолепном настроении и много шутила. Я сказал, что после её гастролей в Целинограде Луиза и я потеряем свои имена и будем не Луизой и Артуром Герман, а только тётёй и дядей Анны Герман.

После её возвращения в Варшаву мы переписывались с её матерью Ирмой, которая нас через год навестила в Целинограде. Луиза их обеих посетила в Варшаве, когда Анна ожидала своего ребёнка, Збышека. В одном из своих писем я попросил Анну включить в свой репертуар «Аве, Мария» Баха-Гуно. Она это произведение пела и раньше, а теперь блестяще выполнила мою просьбу.

Будучи на очередных гастролях в Москве, Анна записала «Аве, Мария» на студии и отправила песню в подарок Папе Римскому. Иоанн Павел II любил песни Анны. Факт их личной дружбы почти никому не был известен, а Анна по присущей ей скромности её не афишировала.

После гастролей Анны в Целинограде газета «Фройндшафт» опубликовала мою статью под названием «**Самобытный талант. К гастролям Анны Герман в СССР**»:

«Тысячи почитателей таланта польской певицы Анны Герман на этих днях имели редкую возможность присутствовать на её концертах.

Москва и Рим, Торонто и Нью-Йорк, Неаполь и Париж, Ленинград и Чикаго, названия других городов мира можно прочитать на чемодане Анны. Теперь на нём появилась новая наклейка с именем Целинограда.

– Я счастлива быть гостем вашего прекрасного зелёного Целинограда. Мы вам всем привезли сердечный привет из Варшавы, – сказала знаменитая певица в своём обращении к слушателям на хорошем русском языке. Её сердечность и непосредственность сразу же завоевали симпатии зала...

Вокальное мастерство Анны Герман, как и её жизненный путь, хорошо известны поклонникам певицы в нашей стране. Однако всегда оставалось загадкой, как девушка, выросшая в скромной семье, без профессионального образования, смогла достичь таких вершин в музыкальном искусстве. Сама Анна раскрывает эту загадку очень просто:

– Музыкальную одарённость я унаследовала от моих родителей.

Её отец, Ойген Герман, вырос в музыкальной семье, в которой пел семейный хор и все празднества отмечались пением. Он играл на гитаре, фисгармонии, скрипке, а впоследствии и на фортепиано. В девятнадцать лет он создал неплохой хор в молельном доме, сам изучил нотную грамоту.

К сожалению, маленькая Анна потеряла его слишком рано. Его не стало, когда Анне не было ещё и двух...

На геологическом факультете университета во Вроцлаве в Польше, где родился её отец, она участвовала в художественной самодеятельности и вскоре стала известной в стране. Потом пришла и мировая слава, ибо её музыкальная одарённость, очарование её голоса были явлением незаурядным.

Маршрут Анны из Целинограда пролегает в Алма-

ту и другие города страны. Мы убеждены, что эта гастрольная поездка принесёт ей новых друзей, успех и много цветов».

Под этим текстом было напечатано факсимиле Анны:

«**Читателям «Фройндшафт» с сердечным приветом из Варшавы, Анна Герман**».

Из воспоминаний фотокорреспондента газеты «Фройндшафт» Давида Нойвирта:

«Достать билет на концерт Анны Герман было делом нелёгким: все были распроданы задолго до ее приезда. Но в день первого её концерта я представился администрации Дворца целинников как фотокорреспондент газеты «Фройндшафт», и мне было дано место во втором ряду зрительного зала, самого большого в республике. У входа на меня набросилась толпа почитателей Анны Герман, протягивая мне открытки с видами Целинограда, чтобы я их дал Анне Герман для автографов. Но я не мог взять интервью у неё, я собирался только фотографировать.

Про концерт я могу лишь сказать, что Анна буквально утонула в цветах. Был конец августа, и дачники опустошили свои цветочные грядки для любимой певицы.

В четверг 22 августа 1974 года у меня дома зазвонил телефон. Звонила моя коллега, Луиза Герман:

– Ты знаешь, Давид, у меня для тебя есть сюрприз. Приходи ко мне с фотоаппаратом, aber schnell (но побыстрее)! В её голосе я слышал те же мягкие и сердечные интонации, как у Анны Герман, когда она разговаривала с публикой на концерте. Наши отношения с Луизой были дружеские, и мы понимали друг друга с полуслова. Я не стал медлить, повесил фотоаппарат через плечо и пошёл к Германам, жившим по соседству.

Когда открылась дверь их квартиры, передо мной стояли Луиза и её брат Артур Герман, дочь Луизы Лиди и немного в стороне... – Анна Герман, стройная, высокая (ещё выше Луизы!), красивая, с вьющимися золотистыми волосами, улыбающаяся. Луиза меня поприветствовала и сказала:

– Моя племянница Анна Герман.

Мы подали друг другу руки, и я сразу почувствовал, будто мы давние знакомые. За столом царил приподнятое настроение, и я сделал несколько, как мне кажется, хороших снимков».

(5 августа 2003 г., Бонн)

Из воспоминаний Эрика Хватала, сотрудника газеты «Фройндшафт»:

«В то время, летом 1974 года, я был ответственным секретарём газеты «Фройндшафт» и знал, что вечером во Дворце целинников состоится концерт знаменитой певицы Анны Герман. Я зашёл в бюро переводов, где как раз находились Луиза и Артур Герман, и сказал:

– Напротив, в гостинице «Ишим», остановилась Анна Герман. Артур, вы же редактор отдела культуры, зайдите к ней – ведь для наших читателей было бы очень интересно узнать что-нибудь о её творческих планах. – и, скорее в шутку, добавил, – И спросите её, не родственницей ли она вам приходится.

После обеденного перерыва я опять зашёл в бюро переводов. Оба сидели взволнованные и в то же время, как мне показалось, грустные. Артур рассказал мне, что с певицей о её творческих планах не говорил, а, в первую очередь, хотел узнать её отчество. «Евгеньевна», – сказала Анна. После этого Артур сказал, что он её дядя. На старой семейной фотографии Анна сразу узнала своего отца – Евгения Германа.

Я попросил Артура добыть её автограф. На следующий день он мне принес фотографию Анны, сделанную нашим фотокорреспондентом Давидом Нойвиртом, с надписью: «Дорогому Эрику Хваталу на память. 23.08.74, Целиноград».

(23 августа 2003, Алматы, Казахстан)

3. ПРЕДКИ АННЫ

В воскресное утро 23 мая 1819 года 34-летний ткач, винодел и учитель Георг Фридрих Герман после проникновенной утренней молитвы поднялся со своей супругой Евой Розиной и пятью детьми в повозку, крытую тентом, взяв в руки вожжи и тронул лошадей оптимистическим «но-о-о!». Вскоре Винцерхаузен со своими виноградниками севернее Людвигсбурга в прекрасной долине Неккара навсегда скрылся за горизонтом.

В повозке всё было предусмотрено для многодневного утомительного путешествия: еда, постельные принадлежности, пелёнки для трёхнедельной Марии Якобины и прочее.

Четыре колонны переселенцев из земли Вюрттемберг следовали друг за другом на расстоянии однодневного пути. Они выбрали сухопутную дорогу, которую им предписало российское посольство в Штуттгарте. Маршрут лежал через Баварию, Саксонию, Силезию на Варшаву.

Эмиграция вюрттембергских швабов, к которым принадлежал и наш прапрадед, Георг Фридрих Герман, была вызвана как материальными (неурожаи, голод), так и религиозными причинами, причём последние были более вескими: лютеране-сепаратисты не были согласны с нововведениями в литургии, в школьном деле и в текстах духовных песен. Они подозревали, что их собираются вернуть в лоно ненавистной католической церкви. В памяти народа всё ещё не изгладились ужасы Тридцатилетней войны, связанной по религиозным причинам.

Переселенцы добрались до речки Молочная на Юге Украины, где они были расквартированы в немецких колониях, основанных там раньше. Так что наши предки прибыли в Россию, как мы видим, совсем не из Голландии, а из Германии.

Через три года после их прибытия им выделили землю – по 60 десятин на хозяйство. Вместе с другими переселенцами наши предки основали колонию (поселение) Нойхоффнунг («Новая надежда»), состоявшую из пятидесяти хозяйств. Она находилась в долине реки Берды, напротив казачьей станицы Новоспасская, на восточном берегу Берды. В Нойхоффнунге вплоть до 1941 года было три двора Германов. Село стоит и сегодня, но со времён войны носит наименование Ольгино.

Семьи были многодетны: Георг Фридрих, первый из Германов в России, имел десять детей, его сын Вильгельм Фридрих столько же, наш дед Эдуард – двенадцать, и наш отец – девять.

Наш дед (прадед Анны) Эдуард Герман, родившийся в 1852 году и выросший в Бердянске, был первым в нашей прямой родословной, кто родился в России. Его отец, т.е. прапрадед Анны, был привезён в Россию четырёхлетним ребёнком в той самой повозке, крытой тентом.

Таковы факты, касающиеся предков Анны по отцовской линии.

Проследим теперь предков Анны по материнской линии. Наш дед Эдуард Герман женился на Элеоноре Янцен, меннонитке по вероисповеданию, когда материально оба уже были подготовлены к семейной жизни. Элеонора приняла вероисповедание мужа и стала лютеранкой: муж и жена должны были ходить в один молельный дом.

Отца бабушки звали Абрахам Янцен (у меннонитов сплошь и рядом ветхозаветные имена: Давид, Абрахам, Исаак, Яков, Иосиф). Бабушка по материнской линии, Юлия Гёрцен, также была меннониткой. Предки нашей матери с отцовской стороны, Баллахи, происходят из Австрии.

Скоро для жителей Нойхоффнунга земли стало не хватать, и в 1905 году наш дед с семьёй покинул родное село и подался в Западную Сибирь (не в Среднюю Азию!), где десятина земли стоила пять рублей. Недалеко от Петропавловска Эдуард Герман основал свой хутор, который и сегодня,

через сто лет, называют Германовкой. На этом хуторе дед сначала построил ветряную мельницу, потом мельницу с мотором, единственную в округе (строительству мельниц он обучился у одного из своих дядей).

Так что Жигарев в своей книге кое-что перепутал: реальный хутор в Сибири с хутором, которого никогда не было на Украине, а действительный переезд в Сибирь с переездом в Среднюю Азию, где предки Анны с отцовской стороны якобы жили до встречи её матери с её отцом Ойгеном.

...У нашего будущего отца были голубые глаза, тёмные волосы, ростом он был два метра, и уже одним этим отличался от своих коренастых, крепко сложенных братьев. Чтобы не уступать им в физической силе, он ежедневно носил телёнка вокруг хутора. Телёнок с каждым днем тяжелеет, и мускулы отца крепели. Эту процедуру он продолжал бы и дальше, только она вскоре надоела подростку бычку.

К крестьянскому труду у него не было пристрастия: белая ворона среди своих братьев и соседей. Он был любознательным юношей и прочитал все книги, которые смог найти. Нередко его заставляли врасплох за чтением в каком-нибудь укромном месте: крестьянину не к лицу читать, он должен работать.

«Из него должен получиться пастор», – сказал однажды его отец, и этим судьба сына была решена. Отец отвёз его к своей тётке в Мариуполь, где Фридрих окончил центральную (центральную школу), что удавалось далеко не всем крестьянским детям.

Семья нашей матери Анны Баллах происходила из Западной Пруссии, из местности Данциг-Мариенвердер. В Россию Баллахи переселились в восьмидесятые годы XVIII века, то есть с первым потоком меннонитов из этих мест в Южную Украину. Баллахи участвовали в основании колонии Йозефсталь недалеко от Запорожья в 1787 году.

В 1904 году четверо братьев Баллах с семьями переселились в Западную Сибирь – тогдашнее Эльдorado для крестьян, которые там искали и находили дешёвую и плодородную землю. Когда завертели жернова мельницы Эдуарда Германа, Баллахи стали к нему приезжать, чтобы смолоть пшеницу или рожь. Потом они стали приглашать друг друга в гости на воскресенье, и во время одного такого визита наш будущий отец познакомился с Анной, дочерью Вильгельма Баллаха, которая была на три года моложе Фридриха. Она пленила его своим весёлым, открытым нравом, а еще больше своим красивым голосом и, не в последнюю очередь, – великолепной косой ниже пояса с белым шелковым бантом на конце.

Фридрих играл на скрипке, причем, будучи левшой, он смычок водил левой рукой, и струны приходилось натягивать в обратном порядке. При игре его мизинец то и дело цеплялся за струну «ми», производя неожиданные и странные звуки. Во время этих встреч было много веселья и песен...

Баллахи были очень музыкальны. Один из братьев, Вениамин, пятнадцать лет руководил сибирским хоровым объединением баптистских общин, устраивал хоровые праздники, в которых принимали участие многие хоры.

Под влиянием своих новых родственников семья нашего отца приняла баптистское вероисповедание. Когда Фридрих и Анна поженились, ему было 21, ей – 18 лет. В семье рассказывали, будто мать Фридриха на другой день после его свадьбы сняла ремень с гвоздя на стене, где было постоянное место для него, и на глазах у новоиспечённой жены отстегала «длинного Фритца», чисто символически – просто так, для порядка, чтобы Анна знала, кто в доме хозяйка.

После рождения старшей дочери Берты в 1906 году отцу предоставилась возможность стать проповедником. Он поехал в Лодзь (в то время этот город был, как и вся Польша, в составе Российской империи) и поступил в семинарию

по подготовке баптистских проповедников. Учеба длилась два или три года, и отец, конечно, не мог оставить молодую жену с дочкой в далёкой Сибири. Он взял их с собой и снял маленькую квартиру. Там, в Лодзи, во время учёбы нашего отца, Фридриха Германа, у них родился Вилли, а через полтора года и Ойген, будущий отец Анны Герман.

Через 37 лет этот факт сыграет важную роль для матери Анны: Ойген Герман, отец Анны, «родился в Польше», – государстве, которого в начале века не существовало.

После окончания семинарии Фридрих Герман вернулся домой в Сибирь, а через некоторое время он, молодой евангелист, объезжал немецкие колонии между Оренбургом и Ташкентом и посылал свои путевые заметки, написанные часто с юмором, в журнал «Christlicher Familienfreund» («Христианский друг семьи»), издававшийся в Одессе. Во время этих поездок он будто бы приобрёл 60 десятин земли под Ташкентом, которую, однако, никто из членов семьи не видел. Возможно, эти слухи и послужили позже основанием для утверждения о «переселении в Среднюю Азию», которого в действительности никогда не было.

4. ОТЕЦ АННЫ

Мать наша, т.е. бабушка Анны по отцовской линии, умерла от тифа летом 1923 года, когда моей младшей сестре Луизе был всего год. Нас осталось восемь полусирот, и в дом пришла мачеха. Старшие мои братья – Вилли, Ойген и Давид, а также сестра Берта, либо работали, либо ещё учились и редко появлялись дома. Как Вилли, так и Ойген выучились бухгалтерскому делу в Хальбштадте, культурном и учебном центре меннонитов на Украине на реке Молочная, но призванием Ойгена была музыка.

В последний раз я видел Ойгена во Фридрихсфельде на Северном Кавказе, когда мне было девять лет. Мой старший брат Вилли помнит его лучше, и в его воспоминаниях можно найти не одну строку, посвящённую Ойгену:

«Он был создан для более терпимого, доброго мира. Дитя солнца и муз, он пел, музицировал, сочинял стихи и музыку к ним, приступил даже к сочинению драмы. Весёлый общительный нрав, богатство фантазий (также и в придумывании проказ, которые никогда не были злыми, но за которые его всё же наказывали) – он был надёжным товарищем и заводилой сельской молодёжи.

Спортивный, атлетически сложенный, он выигрывал каждую борьбу, не вызывая при этом никакой зависти. Девушки любили его, а он – их (что у такого рода людей очень понятно). Даже многие годы спустя меня спрашивали, что делает Ойген? Где он?

Ойген был подобен молодому растению с огромными жизненными силами. Твёрдой руке опытного воспитателя следовало бы дисциплинировать его природные силы, подчинить их законам строгого труда над самим собой. Американская амплитуда возможностей, в том числе и в церковной сфере, со своими консерваториями и колледжами, могла бы обеспечить ему обширное образование.

– Я слышу хоры, каждую ночь я пою в хоре. И сейчас у меня в голове звучат могучие голоса хора «Как олень трубит».

Он учился музыке, где придётся. Полгода – у опытного хормейстера. Потом устраивал праздники песни. В один такой праздник у нас остановилась семья Браун, знакомых отца. Они привезли с собой арфу, которая тут же непреодолимо заинтересовала Ойгена. Арфа в селе! Тогда такое случалось, если это село было немецким.

Рано утром, когда в доме ещё все спали, Ойген бесшумно вынес арфу в сарай, разобрался в её разноцветных струнах и... к утренней молитве с обязательной песней перед завтраком Ойген эту песню сопровождал игрой на арфе. В то время ему было 19-20 лет».

В 1929 году наш отец был арестован как священник и осуждён на пять лет лагерей. Через полтора года он умер в лагере близ Плесеца в Архангельской области, где сегодня ракеты стартуют в космос. Вилли и Давид (третий брат) нелегально перешли польскую границу и направились в Восточную Пруссию. Прячась от пограничного разъезда, оба пролежали некоторое время во рву, наполненном холодной дождевой водой. Давид заболел, и Вилли дотащил его до германской границы буквально на себе. Давид умер от менингита, и Вилли похоронил его в Хайлигенбайле (Маммонове).

В это опасное предприятие Ойген не был посвящён, так как был уже женат. Он работал бухгалтером фабрики-кухни на одном угледобывающем комбинате в Донбассе. Хора общины уже не было, музыкальные способности Ойгена оказались невостребованными, жизнь становилась безрадостной. Иногда Ойген заходил в клуб комбината, слушал, как пели или играли участники самодеятельности: советская действительность властно проникала во все сферы жизни. Но это были не его песни, не его музыка.

Постепенно Ойген был втянут в попойки начала века. Нередко он появлялся домой подвыпившим, и его жена Альма, дочь того регента, у которого Ойген раньше учился, необыкновенно красивая и любящая женщина, с глубокой грустью ощущала, как муж всё больше удаляется от нее и от маленького сына. Но она не знала, что он нужен той компании главным образом, чтобы сводить дебет с кредитом. И он это делал. Внезапная ревизия вскрыла значительную недостачу, и Ойген оказался перед неминуемым арестом.

Придя домой, он, бледный и растерянный, собрал всё самое необходимое в портфель и сказал Альме, что должен немедленно уехать, но скоро вернётся. Он знал, что говорит неправду, но уйти нужно было как можно скорее. После этого она его никогда больше не видела.

Правонарушения, подобные тому, которое совершил Ойген, в то время наказывались двумя-тремя годами тюрьмы или лагерей. Но Ойген слишком хорошо знал, что его будут судить не как обычного растратчика: ведь его отец был арестован как враг народа (хотя эта формула в обиход вошла несколько позже), два брата «предали социалистическую родину», Вилли теперь жил в фашистской Гемании, так что арест означал бы для него верный конец. Поэтому он решил перейти через горные хребты Средней Азии, чтобы в конечном итоге перебраться к брату. Оттуда он надеялся помогать и семье.

Но всё сложилось иначе. До отрогов Тянь-Шаня в Узбекистане дорога была длинная и опасная. Если бы он находился в розыске, то мог бы в любой момент услышать роковые слова: «предъявите документы», после чего его бы отвезли туда, откуда он приехал, но уже в наручниках и под охраной... До Узбекистана он добрался, но граница для него осталась недоступной. Тогда он решил устроиться на работу, чтобы иметь время изучить окрестности.

И тут, на грани отчаяния, в полном одиночестве, среди чужих людей на краю света, он случайно встретил молодую немку Ирму, с которой мог говорить не только на родном немецком, но и «по-голландски», то есть на Plattdeutsch – нижненемецком диалекте, которым Ойген тоже владел с детства. И какие дуэты они пели под аккомпанемент Ойгена на гитаре!

«У меня был хороший голос, – вспоминает Ирма в одном интервью, – но мне было далеко до него».

Этому голосу суждено было воскреснуть в дочери Ойгена и Ирмы – Анне, которая пронесла его далеко за пределы своих обеих родин.

Здесь я предоставляю слово самой Ирме.

В письме от 7 декабря 1989 года она писала мне:

«Мы с мамой жили в Чимионе под Ферганой на нефтепромысле. Я работала в школе. Однажды появился Ойген

(она так и пишет: Eugen, не Евгений. – А.Г.), он работал в конторе. Мы познакомились и «поженились» (кавычки Ирмы. – А.Г.). Когда Киров был убит Сталиным, Ойген страшно запаниковал. Поговаривали, будто разыскивают убийцу (хотя убийца, Николаев, был известен. – А.Г.). Однажды местная телефонистка мне сказала: «Спрашивали вашего мужа». – «Зачем?» – «Так ведь Кирова убили!» – «Но что у моего мужа общего с этим делом?»

Затем мы решили бежать в Ургенч. Там Ойген работал в торговле, я в школе».

Город (или посёлок?) Чимион не упоминается ни в одном из известных мне интервью. Речь всегда идёт только об Ургенче. Однако в автобиографическом очерке «Воспоминания матери» Ирма подтверждает наименование этого посёлка, в котором она встретила с Ойгеном. О самом Ойгене она пишет следующее:

«Высокий, красивый, с серо-голубыми глазами и волнистыми волосами. Раньше был регентом хора. Он отлично говорил по-немецки, по-голландски (т.е. пляттдойч. – А.Г.) и по-русски. Он прочитал множество книг, знал наизусть массу стихов, пел, играл на гитаре и на скрипке. Узбеки его очень уважали».

Эти воспоминания Ирма написала на польском языке, и они были переведены на немецкий. Но свои письма ко мне она писала по-немецки, и я в них ничего не изменил. Немецкий был для неё не иностранным, а родным языком, на котором она говорила и писала дома, в немецкой школе села Великокняжеское, а также будучи студенткой немецкого отделения Одесского пединститута.

...Но какова же дальнейшая судьба Альмы, первой жены Ойгена, а также их сына Руди в далёком Казахстане, куда они были депортированы из Украины уже без него? Об этом я тоже должен написать, если хочу осветить всё, что связано с отцом Анны, моим родным братом.

Когда Руди, названный в честь младшего брата Ойгена, был ещё маленьким ребёнком, Альма после депортации сначала жила в ауле № 7, который сегодня является частью казахстанского города Павлодар на Иртыше. Умелая портниха, Альма шила для заказчиков часто у них дома, и ей приходилось брать ребёнка с собой. Он был красивым, хорошо воспитанным мальчиком, очень похожим на отца. Затем Альма переехала в Ермак, также на Иртыше, и, что называется, вкалывала, пока не смогла купить домик и корову. Только-только выбралась она из самой чёрной нужды, как её арестовали и осудили на семь лет лагерей. Причина мне не известна – по всей вероятности, из-за Ойгена.

Теперь мальчик снова оказался в ауле у бабушки и двух тёток с материнской стороны. Домик и корову пришлось продать, и когда Альма досрочно, через четыре года, освободилась, она опять оказалась у разбитого корыта. И опять швейная машинка «Зингер» строчила день и ночь.

В 1952 году Рудольф и ещё два немецких мальчика отлично закончили десятилетку, но золотых медалей им не дали – ведь они были немцами. Рудольф поехал в Семипалатинск, чтобы поступить в педагогический институт, но и там всем немцам сказали: «Спецпереселенцев не принимаем».

Фрида Вольф, соученица и подруга юности Руди, которая сегодня тоже проживает в Германии, в Рамштейне, вспоминает: «После этого удара судьбы Руди был так возмущён, что поклялся стать акушером и душить каждого новорождённого немецкого ребёнка, чтобы уберечь его от предстоящих унижений и издевательств. Разумеется, это был лишь крик отчаяния».

Районо разрешило ему работать учителем математики в отдалённой сельской школе. В следующем году, после смерти Сталина, он снова поехал в Семипалатинск и сдал вступительные экзамены без труда. Альма, его мать, поехала с ним:

– Здесь я одна, а шить могу и там, чтобы помогать ему и быть с ним. Отсюда это вряд ли возможно.

Там, в снятой крошечной комнате, они жили четыре года. Он в своём углу выполнял свои студенческие задания, она в своём шила и утирала слёзы, вспоминая то счастливое время, когда Ойген учился у её отца дирижированию и когда они полюбили друг друга. Они поженились, хотя родители были против ранней женитьбы – им было всего по двадцать лет.

Руди окончил институт и получил направление в среднюю школу городка Аягуз недалеко от китайской границы. Вскоре он стал заведующим учебной частью школы, а затем и её директором.

Альма всегда мечтала о том, чтобы женой Руди стала Фрида Вольф, так как знала её с детства, и с Руди они были хорошими друзьями. Но как это в жизни часто бывает, вышло всё иначе. Он познакомился с одной пьющей женщиной, русской, которая и его пристрастила к спиртному. Она же его и «окрутила».

Когда он женился, Альма не смогла жить в этой семье. Она вернулась к своим сёстрам, опять портняжничала, пока снова не смогла купить домик.

Следует заметить, что в то время труд портнихи неплохо оплачивался, так как в торговле готовой одежды почти не было, а заказчиками обычно были состоятельные люди, которые могли расплачиваться деньгами и продуктами из закрытых распределителей, отсутствовавшими в торговле.

Когда Руди со своей женой (у них было уже два сына и дочь) снова вернулся в «родной» посёлок, где жила мать, Альма вскоре умерла: пристрастие Рудольфа к алкоголю окончательно надорвало ей сердце. Это было в 1977 году, когда Руди в школе № 33 снова стал преподавать математику. Сам Руди умер в 1985 году в пятьдесят два года, пережив на три года свою сестру Анну Герман.

До самой смерти Альма была убеждена, что Ойген жив и что мы, его братья и сёстры, скрываем от неё его местонахождение. В действительности же никто из нас ничего не знал о нём. Если бы он прожил дольше, рано или поздно нам стало бы известно, где он находится. Во всяком случае, ни Ойген, ни Ирма за три года их совместной жизни не подавали никаких вестей о себе, что нетрудно понять. Правда и то, что он очень переживал за сына, но пути назад не было – это нам с Луизой рассказала Ирма во время своего приезда в Целиноград в 1975 году.

Берта и Ольга, мои старшие сёстры, которые придерживались традиционных христианских представлений о семье и браке, никогда не признавали Ирму женой Ойгена. «Его жена Альма», – говорили они.

Берта переписывалась с Альмой до самой её смерти. Альма, верующая женщина, была Берте гораздо ближе светски ориентированной, образованной и прагматичной Ирмы, с которой она почти не имела контактов. Но пение Анны Берта любила, особенно её лирические песни. Ведь Берта выросла под немецкие народные и духовные песни, которым осталась верна до конца жизни. В сибирском селе Солнцевка, куда война забросила её с семьёй из Украины, она организовала хор запрещённой общины евангельских христиан-баптистов и осталась его «матерью» до глубокой старости, даже когда подросли молодые, более образованные регенты.

То же самое делала и наша сестра Ольга в Луговом, в Казахстане. Она занималась с детьми в воскресной школе, какую сама когда-то посещала в далёком детстве. Её несколько раз вызывали в райком партии, предупреждали и угрожали, требовали, чтобы она прекратила свою «антисоветскую деятельность». Но Ольга не дала себя запугать. Времена изменились, и она уцелела.

Подобным же было отношение к Ирме у Вилли: после своего посещения Анны Герман и, надо полагать, Ирмы,

он не стал приглашать её к себе. Ирма не скрывала своей обиды:

«Вилли, этот великий проповедник... был нашим гостем, но меня он к себе не пригласил... От так называемых христиан не идёт ничего честного, ничего откровенного, ничего утешительного. Рай только для них. Я тебе пишу, как оно есть».

Об этом высказывании Ирмы Вилли ничего не знал, и я ему о нём тоже никогда не писал. В своём письме от 11 августа 1976 года он пишет Луизе, нашей младшей сестре:

«Я только что написал письмо Анне в Варшаву и думаю о том, что Ирма, её мать, сейчас, наверное, находится в Волгограде-Сталинграде – она мне об этом писала. Придет ли она снова к вам?»

По договорённости с Анной Ирма сделала нам щедрое предложение: чтобы мы, Германы, с востока и с запада встретились у неё в Варшаве, так как у вас из этого, по всей видимости, ничего не выйдет.

Я сердечно поблагодарил её за это, но тайне сомневаюсь в возможности такой встречи и в том, смогли бы мы, как мы этого хотим – без помех и от всей души, с глазу на глаз – выговориться. Ирма тебе уже писала об этом? Анне я на это ответил, что хотел бы, чтобы и ты, и Артур об этом подумали, что мы на 1977 год снова должны подать заявление о поездке».

(Луизе в 1977 году разрешили поехать в Варшаву только после четвёртого заявления, и я поэтому не осмелился подвергнуть себя таким мытарствам и унижениям. Мы были всё ещё людьми мечеными. – А. Г.)

«Из советского консульства вместе с отказом на предыдущее заявление пришёл ответ, что новое заявление на визу можно подавать лишь по истечении годичного срока. Что вы об этом думаете? Луиза, напиши мне, пожалуйста, считаете ли вы это дело перспективным?»

Ирма посетила своё родное село Великокняжеское и пролила слёзы. Невозможно снова найти то, что потеряно навсегда».

Как видно из письма, наши отношения с Ирмой в то время были вполне нормальными. Они начали меняться после смерти Анны, когда в средствах массовой информации стали появляться публикации с некоторыми высказываниями Ирмы, которые и дали толчок к написанию настоящей книги.

Кстати, из нашей встречи тогда ничего не вышло.

...В те годы, когда маленький Рудик так остро нуждался в помощи, Берта со своими тремя детьми сама прозябала в крайней нужде: её муж погиб в заключении, Луиза и я тоже находились в заключении или только вышли из него, брат Рудольф в лагере умер, Ольга со своим мужем и тремя детьми также жили в крайней нужде и нищете. Никто из нас не мог помогать Альме. Ольга в течение полугода собирала для умирающего в лагере брата Рудольфа топлёное масло от козы, отрывая его от собственных голодных детей, но опоздала и казнила себя потом за это всю свою жизнь.

Ирма знала о существовании Альмы, и когда была уже в Польше, узнала её адрес. Несколько раз она предлагала Альме свою помощь, но Рудольф, сын Ойгена, отклонил её, как и помощь от Анны Герман, которая, узнав о своём брате, очень обрадовалась. Анна такой холодности к себе не заслужила – на ней не было никакой вины в его судьбе.

5. ОПАСНАЯ ФАМИЛИЯ – ГЕРМАН

Следующие высказывания взяты из разных интервью того времени, когда всевидящая цензура уже отсутствовала, а германофобия сверху уже не подогревалась. Тем не менее, дух этих высказываний по главной для данной книжки теме не изменился...

С помощью средств массовой информации мать Анны многое сделала, чтобы максимально завуалировать проис-

хождение Анны, ее отца и свое собственное, и поначалу я был склонен приписать именно ей все фантазии в публикациях об Анне. Тем более, что когда Ирма в 1975 году гостила у нас в Целинограде, она в моё отсутствие сказала моей жене:

– Не думайте, что они (т.е. Луиза, я и Ойген. – А.Г.) немцы. У немцев нет таких красивых лиц. Они могут быть только поляками.

Из письма Ирмы в декабре 1989 г.:

«Луиза говорила, когда сёстры вашей матери к вам приезжали, вы, дети, их не понимали. Я думаю, это был польский язык. (На самом деле это был пляттдойч, нижне-немецкий. – А.Г.). Я часто говорила, если меня спрашивали, кто родственники Анны: тесть Герман (Hörmann) был немец, мать – полька. Они жили в Польше, и отец Анны родился в Польше».

Тут для несведущего читателя всё непонятно. Кто такой «тесть»? Что означает «родился в Польше»? И чья мать – полька?

За два-три года совместной жизни с Ойгеном Ирма, несомненно, имела достаточно возможностей узнать, кто он. Значит, у нее по-прежнему были основания скрывать правду? Или многолетняя боязнь так овладела ею, что она и теперь по инерции старалась всё завуалировать и дистанцироваться от всего немецкого – даже в разговоре с моей женой?

Совсем недавно я сам стал жертвой одной журналистской утки, и моя прежняя уверенность в какой-либо вине Ирмы основательно поколебалась. В апрельском номере 2003 года издания Землячества российских немцев в Германии „Volk auf dem Weg“ появилась статья Петера Винса «Вклад в интеграцию и взаимопонимание между народами» – о первом в Германии фестивале имени Анны Герман в Эверсвинкеле. В этой статье, между прочим, сказано:

«Интервью с Артуром Германом, братом живущей в Польше матери Анны Герман, объясняет, почему этот первый фестиваль песни носит её имя».

Во время фестиваля я познакомился с автором этой статьи и смог убедиться, что он – серьёзный и достаточно образованный человек, чтобы отличить брата отца от брата матери певички. Каким образом я стал братом матери Анны, я себе объяснить не могу – ведь я ношу свою фамилию вот уже 83 года, никогда не отрекался ни от неё, ни от моих предков, а Ирма, мать Анны, имеет совсем другую девичью фамилию. Ошибка ли это автора статьи или редакции, я не стал выяснять. К сожалению, эта статья была перепечатана в нескольких газетах.

Подобные истории могли, конечно, приключиться и с цитатами, которые я привожу ниже. Из них возникает очень неясный образ как певички, так и её матери и отца. Судите сами.

1. *«Анна-Виктория Герман происходила из древнего голландского рода, лет 300 тому назад осевшего в России».* (Лия Спадони, «Наша Анна», 1985).

В этой цитате не уточняется, чей «голландский род» это был – род отца или род матери Анны. Но мы уже знаем, кем были предки Анны со стороны отца. Если же имеется в виду род Ирмы, то должно бы присутствовать уточнение «по материнской линии». Оно, однако, отсутствует.

Такой же ошибкой являются и упоминаемые 300 лет: первые меннониты – а семья Ирмы была меннонитской – появились в России гораздо позже.

Полный сумбур и в вопросе о датах. Так, в журнале «Польша» в № 1 за 1988 г. Беата Гайда пишет:

«История семьи Ирмы Бернер восходит к началу 19 века, когда её прадед эмигрировал из Голландии в Россию».

С этим утверждением можно бы согласиться, так как в 1804-1806 гг. на Украину из области устья Вислы переселились более состоятельные меннониты – именно такими были предки Ирмы по её утверждениям. Однако в «Комсо-

мольской правде» от 30 октября 1993 года Виктор Шуткевич в интервью, взятом у Ирмы, пишет:

«Как известно, во времена Екатерины II в Среднюю Азию переселилось много немцев. Вместе с ними переехала большая группа меннонитов из Голландии, среди которых были и мои (т.е. Ирмы. – А. Г.) предки».

Как здесь сочетается несовместимое: Екатерина II, Средняя Азия и меннониты?

Так когда же эти предки всё-таки переселились – триста лет назад, двести сорок, или в начале 19 века? Столько лет в пути – не многовато ли?

2. *«В сталинские времена меня с мужем Евгением Мартенсом сослали в Ургенч. Муж был музыкантом. Его расстреляли. Там я случайно познакомилась с одним молодым поляком по фамилии Герман. Он был кадровым военным».* (Татьяна Гордеева, «СПИД-Инфо, 2000).

Как Ирма попала в Ургенч, она описала сама: *«Тогда мы решили бежать в Ургенч».*

На нефтепромыслы в Фергане, в Чимион, где служил ее брат Вильмар и работала мать, Ирма приехала после окончания немецкого отделения Одесского пединститута в качестве учительницы немецкого языка. То, что ни Ойген, ни Ирма не были сосланы в Ургенч злым Сталиным, я уже подробно описал, даже за счёт доброго имени брата. И мужа её звали не **Евгением Мартенсом, а Евгением Германом. А у молодого поляка Герман – это не фамилия, а имя**, что подтверждается несколькими другими интервью Ирмы.

Позже, после смерти Анны, появляются интервью, где у её отчима, оказывается, тоже фамилия Герман, то есть фамилия её родного отца...

Сколько же тумана может быть напущено в одном коротком абзаце!

3. *«Свою фамилию Анна-Виктория получила от своего отчима, поляка, с которым её мать заключила фиктивный брак ради эмиграции в Польшу, подальше от войны».* (О. Рябинина, «АиФ» № 8, февраль 2001).

«Одним из учителей оказался поляк по имени Герман». (Ю. Васильков, «Труд», 08.05.1988).

Но имя отчима Анна никак не могла унаследовать как фамилию.

Мой брат Вилли пишет в своём письме от 19 марта 1980 года:

«Ирма Бернер в книге записей браков и рождений в Лодзи (где наш отец посещал семинар проповедников. – А. Г.) нашла запись о рождении Ойгена от 1909 года и этим смогла доказать, что мы – «поляки»: прямая выгода для Анны».

В книге Жигарева я внимательно искал фамилию отчима Анны, но так и не нашёл. Между прочим, в этой книге, как утверждает и Ирма, Герман – польский кадровый военный, а вот в интервью Ирмы Татьяне Гордеевой он – учитель. Польский офицер в русско-узбекской школе, не зная русского языка, учит детей?!

Даже в официальных документах, которые Ирма получала, например, из Главного политического управления Войска Польского в ответ на её запросы о судьбе отчима Анны, он называется не по имени-фамилии, а «ваш муж», что не соответствует стилю документов такого рода. В справке о реабилитации Ойгена, которую мы получили, его полное имя Герман Евгений Фридрихович повторяется шесть раз, и ни разу он не упоминается как «ваш брат». Именно так, а не иначе, пишутся официальные документы, будь то в России или в Польше.

И в письме от некоего Ковальского, якобы фронтowego товарища отчима Анны, отсутствуют его имя и фамилия. Вряд ли это случайности. Ведь носила же Ирма фамилию Бернер! Откуда она?

По Жигареву, Герман, фиктивный муж Ирмы, пал геройской смертью под каким-то Ленино. Но под каким? Их ведь было наверняка не один десяток.

Еще одно облако тумана...

Я представляю себе всё следующим образом: в Ургенче в свидетельстве о рождении Анны Герман, несмотря на отсутствие регистрации брака у родителей, были внесены имя и фамилия её настоящего отца, Ойгена Германа, на русский лад Евгения Германа – это тогда не составляло проблемы. А когда Ирма нашла данные о рождении Ойгена в Лодзи, возникла удачная возможность документировать «польское происхождение» Анны...

Если у Ирмы брак с тем польским Германом был юридически оформлен, то вполне логично, что на основании этого брака она смогла в 1946 году выехать в Польшу, хотя сам Герман якобы погиб в 1943 году (по другой версии он остался жив, но к Ирме не вернулся).

Намёк, что Герман, может быть, жив, вновь и вновь повторяется в книге. И не удивительно, что возникают вопросы.

Сама Ирма выражается однозначно:

«Всё, что в книге написано, брехня. ...Ни одного интервью, ни одной рецензии, всё сам насочинял. Так что ты не зря удивляешься». (Из письма Ирмы в декабре 1989 г. – А.Г.).

По этой книге трудно судить и о том, был ли брак с поляком Германом для Ирмы с самого начала фиктивным, лишь с целью выехать в Польшу, «подальше от войны»:

«Ирма в упор взглянула на Аню, потом смущённо опустила глаза:

– Понимаешь, Анюта, я встретила одного человека, он полюбил меня и хочет, чтобы я стала его женой, а ты – его дочерью.

Мать ждала детских слёз, упрёков, но девочка улыбнулась...

– Это дядя Герман? Я всё понимаю, мама.

Свадьбу сыграли через месяц... Герман взял Аню на руки.

– Ну что ж, Аня Герман, вот ведь смешно – фамилия твоя Герман, а теперь у тебя новый отец по имени Герман...».

Отсюда, однако, подтверждается, что у Анны была фамилия Герман еще до того, как у неё появился отчим по имени Герман!

«...Позже (после письма Ковальского. – А.Г.) Ирма мучительно вспоминала, что же окончательно повлияло на её решение отправиться на родину мужа, в далёкую, чужую для неё Польшу. Наверное, письмо Ковальского. До него, говоря откровенно, она и не помышляла об этом». (Стр. 14 и 20–21).

Но это письмо пришло уже после «героической гибели» Германа, то есть, после «фиктивного брака» с целью выехать в Польшу.

Как видим, различные авторы весьма противоречат друг другу.

Послушаем, однако, что сама Ирма говорит в ранее упоминавшемся интервью Татьяне Гордеевой от 21 января 2000 года, которое Ирма собственноручно подписала фамилией Мартенс-Герман:

«Там (в Киргизии. – А.Г.) я случайно познакомилась с молодым поляком по фамилии Герман, он был кадровым военным. Этот парень очень нежно ко мне относился, но я не могла ответить на его чувства. Тогда он предложил мне оформить фиктивный брак и взять его фамилию. Таким образом он хотел спасти меня от ссылок. Мы оформили этот брак, и новый муж записал меня в группу поляков и евреев, которых должны были вывезти из Советского Союза в Польшу».

Какие новые факты содержит это высказывание?

То, что фамилия фиктивного супруга якобы Герман – эту «неточность» мы уже знаем.

То, что познакомилась Ирма с ним не в Ургенче, как у Жигарева, а в Киргизии – это разночтение я отношу на счёт Жигарева: после ареста Ойгена Ирма с семьёй больше не жила в Ургенче; об этом мне написала Ирма сама, и этому её утверждению у меня нет оснований не верить.

4. «*Не многим известно, что Анна Герман – дочь правнучки голландского сына польского эмигранта*». (В. Мастеров, «Московские Новости», 13-19 февраля, 2001).

Дочь правнучки голландского сына польского эмигранта... Кто бы мог растолковать всю эту тарабарщину?

5. «*Ирма Герман, мать некогда популярной у нас певицы Анны Герман, живёт ... в Варшаве*». (В. Шуткевич, «Комсомольская правда», 30 октября 1993).

Здесь уже принимается за факт то, что Ирма носит фамилию Герман. Не Бернер, не Мартенс и не Зименс, а – Герман.

Как видно из всех этих цитат, вокруг происхождения Анны существует путаница, которая поддерживалась годами, чтобы скрывать правду.

* * *

В своём интервью с Ирмой польская журналистка Беата Гайда в журнале «Польша», 1988, № 1 («С визитом у матери Анны Герман»), пишет:

«В 1946 году пани Ирма с дочерью и матерью поселились в городе Нова-Руда, куда должен был приехать её второй муж, **пан Бернер**, который ещё в Советском Союзе вступил в ряды Войска Польского, чтобы как можно быстрее вернуться на родину. Увы, она снова осталась одна – второй муж не вернулся с войны».

Итак, **пан Бернер**, то есть **Герман Бернер** – так зовут на деле отчима Анны? Как же выглядят после этого утверждения, будто Анна унаследовала фамилию своего отчима?..

Анна получила свою фамилию не от отчима пана Бернера, а от своего родного отца. И в её свидетельстве о рождении наверняка указана его национальность – немец, за которую он и был расстрелян не как польский, а как «немецкий шпион», и которую и Ирма, и Анна вынуждены были всю ее жизнь тщательно скрывать...

Дети рождаются не от отчимов, а от отцов. И в годы, когда правда перестала быть столь опасной, в средствах массовой информации появился, наконец, и родной отец Анны – Евгений Герман. Но всё ещё – «польского происхождения».

И вот вам, пожалуйста, пятый пункт в паспорте Анны, который для советских властей, несмотря на постоянно декларируемый «пролетарский интернационализм», служил важнейшим критерием для оценки личности. По этому критерию мгновенно и бесповоротно «узнавали» и врага, и «националиста», и кто чей шпион, и даже кому на ком нельзя жениться.

В том факте, что Ойген родился в Лодзи, когда там учился его отец, и заключается всё его «польское происхождение». Фридрих Герман, отец Ойгена и дед Анны, со своей женой Анной Герман и тремя детьми вернулся после учёбы домой на отцовский хутор в Омской губернии и вряд ли мог предвидеть, что когда-нибудь в его чисто немецкой семье, в которой все дети были принесены аистом, а не кукушкой, один его сын окажется вдруг поляком. Про другого сына, Вилли, который родился там же, этого никто никогда не говорил и не писал.

(Кстати, оба ребёнка Ойгена и Ирмы были названы в честь родителей Ойгена – Анной и Фридрихом. Фридрих умер в младенческом возрасте, и в одном интервью уже называется Фредериком, тоже на польский лад. Жигарев в своей книге назвал его даже... Игорем.

О времена! Даже мертвые не имели права сохранить своё собственное имя!)

6. «ГОЛЛАНДСКИЙ СЛЕД»

К пятой годовщине смерти Анны в Караганде, где я опять в то время жил, проводился региональный фестиваль польской песни, на который я был приглашён в качестве почётного гостя. Секретарь посольства Польской Народ-

ной Республики, приехавший на это событие из Москвы, открыл фестиваль речью на фоне чарующего голоса Анны. Она, Анна, считалась символом польской песни.

На фестивале были интересные и своеобразные выступления: казахские, узбекские, туркменские певцы и ансамбли, а также представители других народов региона пели песни из репертуара Анны и интерпретировали их на свой, национально окрашенный, лад. Это не было фальсификацией наследия певицы, а его обогащением. Об этом я и говорил в своём коротком выступлении.

Перед заключительным концертом мне позвонили из областного управления культуры и попросили сказать участникам фестиваля несколько слов... по-польски.

– Почему по-польски? – спросил я, изображая непонимание.

– Ну как же, ведь если вы действительно дядя Анны Герман, то должны быть поляком.

– Простите, но по-польски я не буду, не умею выступать...

– Почему?!

– Я не поляк, а немец, и мой родной язык, как и родной язык Анны Герман, немецкий, а не польский!

– Что за чушь вы тут... – и гудки в телефонной трубке.

«Дядя Анны Герман – немец» – это был, конечно, нонсенс. Ведь знал же весь мир, что её отец поляк, а мать голландка. То, что Анна и её мать в Польше и в Советском Союзе не хотели и не могли быть немцами, вполне понятно, и в этом не их вина. И что в Советском Союзе всё немецкое очернялось или в лучшем случае замалчивалось, также понятно: сказались война. Поэтому Анна Герман, которой восхищались и которую любили во всём мире, особенно в Советском Союзе, не могла себе позволить быть немкой, тем более, что мать была «голландского» происхождения.

Когда моя сестра Луиза гостила у Анны в Варшаве, она однажды вечером ждала на автобусной остановке Ирму. Та несколько опоздала и, приближаясь к остановке, громко, чтобы все ожидающие автобус могли слышать, спросила:

„*Waut es de Klock? (Который час?)*“

Луиза, также громко, ответила:

„*Sewen! (Семь!)*“

Этот короткий диалог на нижненемецком диалекте, который близок к голландскому, как и голландский близок к немецкому (одна языковая семья), должен был, наверное, создать впечатление, что они говорили на голландском. Но когда Луиза в Варшаве прощалась с Анной и Ирмой, Анна в какой-то связи сказала на том же «голландском» языке, то есть на пляттдойч:

– *De aula baste Mensch oppe Welt wea mine Oma* («Самым хорошим человеком на свете была моя бабушка»).

Они были втроём, и не было никого рядом, кому бы нужно было доказывать, что это «голландский язык».

Ирма на это ответила со слезами на глазах:

– *И это она считает необходимым говорить каждому, кого встречает...*

«Голландские предки» Ирмы приехали в Южную Россию **не 300 лет тому назад**, когда ещё не было никакой эмиграции в Россию – ни из Германии, ни тем более из Голландии. В Москве, правда, была Немецкая слобода, где во времена царей Алексея и Петра поселялись иностранные ремесленники, не обязательно немецкие. А в Новгороде немцы жили ещё раньше. При этом не надо забывать, что немцем назывался всякий инородец, не умевший говорить по-русски, то есть по-русски немой. Поэтому «немцем» мог быть и голландец, и швед, и итальянец.

Но в Средней Азии 300 лет тому назад, то есть в конце 17 века, не проживало ни одного немца, как и «голландца» (читай: меннонита). Они, меннониты, приехали на Украину, на остров Хортица при Екатерине II. Отвоёванные у Турции земли на Юге Украины нужно было осваивать. Русские помещики не спешили перемещаться туда со своими

крепостными, разве что Чичиков собирался поселить свои мёртвые души на Херсонщине, чтобы получить на них больше земли.

Огромные земельные угодья принадлежали генерал-фельдмаршалу Григорию Потёмкину, фавориту царицы, и ему нужны были не мёртвые души Чичикова, а трудолюбивые руки меннонитов. Он-то и был одним из инициаторов их переселения. Лет за двести до этого они из пограничных районов между Нижней Германией и Голландией перебрались в устье Вислы, и язык у них был тот же нижегерманский диалект, на котором они говорят сегодня. А после раздела Польши в 1772 году эти «польские» меннониты подпали под власть прусской короны.

И вот новое переселение – в конце 18 века они прибыли на остров Хортица на одноимённой речке – всего около 2000 человек в десяти колониях. Первый поток переселенцев в 1789 году состоял из более бедных меннонитов. Крестьяне побогаче переселились чуть позже, в 1804-1806 годах, но не на Хортицу, а на речку Молочную. Эти поселения получили у меннонитов обобщающее наименование «Молош».

В их семьях было помногу детей – до 16-18, – и скоро земли стало не хватать. Отсюда они уже распространились в Крым, на Кавказ и в Сибирь.

Родное село матери Анны, Ирмы, – Великокняжеское, возникло как одна из дочерних колоний на Кубани в 1862 году, а не при Екатерине II, как утверждается в некоторых интервью.

Колония Великокняжеское получила 4500 десятин земли и поначалу называлась Вольдемфюрст. В 1926 году в пяти здешних сёлах проживало 1374 переселенца-меннонита и 1514 немённонитов с 6186 га земли. Как видно из этих данных (взятых из «Меннонитского лексикона», т. IV, стр. 490), Великокняжеское было не одним селом, а конгломератом из пяти сёл, и немцы в них были разных вероисповеданий. К лютеранам, кстати, относилась семья моей мачехи Фриды Герман, родственницы отца в третьем поколении. Её дед, Готтлоб Фридрих Герман, переселился сюда из села Нойхоффнунг на Берде вскоре после основания Великокняжеского. Очевидно, семьи Зименс и Герман жили в разных сёлах, так что могли и не знать друг друга.

В 1989 году из Караганды и других городов Казахстана в Запорожье прибыло железной дорогой два вагона меннонитов, чтобы отметить двухсотлетие своего переселения в Россию. Первый секретарь тогда ещё действовавшего обкома партии тепло приветствовал гостей и устроил всех в гостиницы и на квартиры. Они приехали в Запорожье, потому что отсюда, с острова Хортица на Днепре, началось распространение меннонитов в другие регионы России, а впоследствии – в Канаду, США и Южную Америку.

Здесь не место рассматривать 500-летнюю историю меннонитов, полную лишений и страданий. Напомним только, что основатель их вероучения, меннонитства, Менно Симонс (1496-1561), действительно был голландцем. Он жил и трудился во времена Реформации в Германии, то есть в 15-16 веках. С тех пор меннонитам приходилось много раз менять как местожительство, так и подданство: согласно их вероучению, они не берут в руки оружие и не дают клятву, но всем королям и князьям нужны солдаты, поэтому они всячески притесняли меннонитов.

Когда российская царица в конце 18 века пригласила их из Германии (а не из Голландии!) в Россию, они давно были онемечены. Дома они говорили на своём диалекте, но во время богослужения и в школе говорили на Hochdeutsch, то есть на литературном немецком языке.

Среди меннонитов, которые в 1789 году прибыли на Хортицу, были такие фамилии, как Мартенс, Гизбрехт, Зименс, Пеннер, Гардер, Гайдебрехт и другие, по которым

бывшие российские меннониты, ныне живущие в Германии, узнали и меннонитские корни Анны Герман.

При этом не следует забывать, что понятие меннонит обозначает не национальную принадлежность, а вероисповедание. Среди меннонитов сегодня в Германии есть и швабы, и выходцы из Пфальца, и даже чехи. Однако главным образом меннониты – это выходцы из приграничных с Голландией областей и с Фризских островов, о чём свидетельствует и распространённая среди меннонитов фамилия Фризен. Со временем произошёл семантический сдвиг в содержании слова, и сегодня слово «меннонит» нередко употребляется для обозначения человека, говорящего на нижегерманском диалекте.

В России были десятки, если не сотни сёл, где говорили на этом диалекте. И в нашей семье тоже все знали этот «голландский» язык.

Во время войны многие меннониты снова стали называть себя голландцами, чтобы избежать трагической судьбы других российских немцев, на которых обрушились репрессии только из-за их немецкой национальности. Но сотрудники НКВД в вопросах национальности, очевидно, разбирались лучше, чем сегодня иные кандидаты наук и профессора: все меннониты были депортированы в Казахстан и Сибирь наравне с другими немцами и мобилизованы в трудовую армию, где гибли так же, как и другие российские немцы. Правда, отдельным меннонитам удавалось добиться признания их голландцами (напр., писатель Йоганн Варкентин), и хотя голландцы не значились в списках для депортации, это еще не значило, что им удастся избежать общей судьбы российских немцев.

Мать Анны, Ирма окончила в Великокняжеском немецкую школу и училась на немецком отделении Одесского пединститута, где студенты знали её как немку. И в её паспорте стояла отметка: немка. Об этом я узнал от женщины, которая в Одессе училась с Ирмой и даже жила с ней в одной комнате. Она же мне подарила фотографию тех времён.

Теперь, пожалуй, можно всё поставить на свои места: родители Анны, как отец, так и мать, были российскими немцами, которые наряду с немецким литературным языком владели также нижегерманским диалектом. Этому диалекту, как и немецкому языку, Анна выучилась у бабушки и матери, и её родным языком был немецкий, а не русский и тем более не польский. Окружение Ани, правда, было русско-узбекским, и вполне возможно, что в её семье говорили и по-русски. Но родной язык остаётся родным на всю жизнь.

7. «ОБВИНЕНИЕ НЕ ПОДТВЕРДИЛОСЬ...»

В своем письме от 7 ноября 1989 года Ирма пишет:

«Анна родилась 14 февраля 1936 года, и через год я с ней поехала в Ташкент – по всем данным, она была безнадежно больна. Ойген и моя мама тоже поехали с нами. У Ани были тиф и страшная дизентерия. От неё остались кожа да кости, и врачи не видели спасения. Один старый узбек дал нам кожуру граната, сказал, что в ней много солнца, и посоветовал, что нам с нею делать. Мы её отварили и дали Ане этот отвар вместе с виноградным соком. Наш ребёнок, слава Богу, поправился.»

Ойген и Вильмар, мой брат, вернулись в Ургенч, и после этого я их больше не видела.

В своей книге Жигарев пишет, что мы в Ургенче прожили десять лет. Это ложь.

Фридрих родился 26 февраля 1938 года, когда его отца уже не было. Мальчик, которого Жигарев в своей книге называет Игорем, умер в 1940 году. В своей книге Жигарев вообще много наврал, ни разу не встретившись со мной.»

Когда Ойген был арестован, Ане был год и семь месяцев. Ирма была беременна Фридрихом, и когда он родился, была привязана к нему, так как он был болезненный с самого рождения.

Разумеется, Ирма во всём могла рассчитывать на помощь своей матери, и несколько раз она сходила в прокуратуру, где вывешивались списки арестованных «врагов народа». Ойгена в них не было. Один из сотрудников прокуратуры «сжалился» над женщиной и сообщил ей, что Евгений Герман осуждён на десять лет «без права переписки». В то время она ещё не знала, что эта формула сотрудниками НКВД употреблялась вместо слова «расстрел».

Ирма не теряла надежды. Она доверила детей матери и подалась в Москву, чтобы узнать в НКВД что-нибудь об Ойгене и о своём брате. Немногие женщины отваживались тогда на такое: ведь вполне можно было и не вернуться.

Когда её пропустили к одному из сотрудников, тот, сидя за маленьким окошком, спросил, откуда она приехала.

– Из Ташкента.

Сколько же животной ненависти нужно было накопить в себе, чтобы ответить доведённой до отчаяния женщине:

– Из Ташкента? Так в Ташкенте и спрашивайте. Причём тут я?

Больше она ничего не могла узнать, и дальнейший путь оказался напрасным.

От кондукторши в вагоне по дороге домой она узнала, что в Новосибирской области, недалеко от станции Осинники, есть огромный лагерь, в котором 18 000 заключённых. Не найдёт ли она там Ойгена или брата?

Ирма не знала, что в стране сотни таких лагерей. Она поехала в Сибирь с матерью и детьми, стала работать в школе учительницей немецкого языка – их там, как и по всей стране, не хватало. При первой возможности она отправилась в Управление лагеря и стала спрашивать о муже и брате. У чиновников она встретила лишь удивление. Видимо, до Ирмы никто им таких странных вопросов не задавал. И тут всё было напрасно...

Позднее она узнала, что её брат погиб в одном из северных лагерей под Котласом. По другим сведениям, он находился в Кузбассе и погиб там. Официальных сообщений семьям погибших никто не посылал.

От Ойгена вообще не было никакого следа. А более чем через полвека я получил следующий документ:

*Прокуратура Республики Узбекистан,
ГСП-700047, 12.04.93 № 13/79-93*

Ответ на заявление

В дополнение к нашему письму от 18.03.93 года сообщая, что при ознакомлении с материалами архивного уголовного дела установлено, что Ваш брат Герман Евгений Фридрихович, 1909 года рождения, до ареста проживал в городе Ургенче Узбекской ССР и работал бухгалтером на хлебзаводе. Органами УНКВД Хорезмского округа (г. Ургенч) Герман Е.Ф. был арестован 26 сентября 1937 года. Ему вменялось в вину то, что, являясь агентом германской разведки, на протяжении ряда лет проводил шпионско-вредительскую деятельность.

Постановлением тройки НКВД Узбекской ССР от 21 сентября 1938 года Герман Евгений Фридрихович был осуждён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 11 октября 1938 года.

Военной прокуратурой Туркестанского военного округа по делу в 1957 году проведено дополнительное расследование, обвинение, выдвинутое против Германа Е.Ф., не подтвердилось. По протесту военного прокурора ТуркВО Военный трибунал ТуркВО своим определением от 15 ноября 1957 года постановление тройки при НКВД Узб. ССР отменил и уголовное дело в отношении Германа Евгения Фридриховича производством прекратил за недоказанностью.

Справка о реабилитации Германа Е.Ф. Военным трибуналом ТуркВО выслана 28 марта 1975 года его сестре Герман Луизе Фридриховне по адресу г. Целиноград, ул. Комсомольская 2, кв. 54.

Повторно справка о реабилитации не высылается.

Старший советник юстиции Т.В. Дерень.

Я знал человека, который в то же время, что и Ойген, находился под арестом в Ургенче и после отбытия срока вышел на свободу живым. Он рассказывал мне, что однажды видел Ойгена, когда его вели на допрос (или с допроса – он не мог сказать с точностью). Его нельзя было узнать. Его лицо представляло собой кровавое месиво. Из этого можно сделать вывод, что он отклонял выдвинутые против него обвинения. Ойген мог бы избежать истязаний, так как приговор был всё равно ясен.

Из присланного мне документа видно, что Ойген был реабилитирован не в 1956, как утверждает в книге Жигарева, а в 1957 году.

8. ПОЧЕМУ ПОЛЬША?

Анна Герман вполне могла бы избрать для себя и своего творчества «свободный мир» – во время гастролей по Соединённым Штатам ей предлагали такой вариант. Но она отказалась от него не из какого-то высокого чувства принадлежности к социалистическому лагерю, как это изображает Жигарев в своей книге, а по чисто личным причинам. Анна уже знала, что означает жить в чужой стране: ведь и в Польше она оказалась, будто неоперившийся птенец, выброшенной из родного, пусть и неприятного, гнезда. Ей остались песни первой и единственной родины, с которыми по амплитуде живущих в них чувств не могут сравниться другие песни мира и которые она пела с особым чувством светлой грусти.

Во время одной из гастрольных поездок по Советскому Союзу известный композитор Матвей Блантер попросил Анну спеть его «Катюшу». Эту песню любили и пели многие годы, и во время войны она постепенно превратилась в бодрую маршевую песню, и даже наводящие на врага ужас реактивные установки были названы её именем. Говорили, что и немецкие солдаты её пели; правда, со своими словами.

Анна вникла в лирический текст и в мелодию и нашла, что это – красивая лирическая песня. Такой она её и спела под аккомпанемент автора. После чего Блантер признался, что эту песню он так себе и представлял, и что без его желания она стала маршевой. Очарованный интерпретацией Анны, он предложил ей переехать в Советский Союз.

– Здесь у вас будут высшие звания и ордена, квартира в Москве. Слушатели и сегодня уже вас боготворят. Что там Польша, бедная страна?.. Подумайте о моём предложении, оно исходит не от меня одного. Мои друзья и я сможем помочь вам...

Анне не нужно было размышлять над этим предложением. Она помнила рассказы мамы об отце, трёх её братьях, сгинувших в подвалах НКВД и в советских лагерях; помнила о том, как мать сама пряталась от мобилизации в трудармию и от возможного ареста; помнила, что в Польше они нашли убежище, хотя поначалу там им и трудно было, особенно маме. Польша тоже была коммунистической страной, но политический климат тут был более мягкий, и такие зверства, какие были в СССР, тут вряд ли были возможны. В Польше она ходила в школу, окончила университет и во время волнений в стране она с другими студентами поднималась на баррикады, чтобы сражаться за свободу своей новой родины.

Эту подробность из своей биографии она рассказала Луизе и мне, когда мы были втроем, о ней не написано ни в одном интервью, ни в одной книге – в 1974 году всё ещё было опасно открыто говорить о таких «преступлениях»:

она легко могла последовать за своим отцом, будь она трижды Анной Герман.

Она хорошо помнила того солдата – ей было уже десять лет, – который проверял их документы, когда мать, бабушка и она с группой евреев, получивших разрешение вернуться в Польшу, стояли уже перед вагоном. С ехидной улыбкой он сказал:

– Не думайте, что там вам будет лучше.

Это должно было означать, что руки КГБ и там достанут, если нужно.

9. МУЖЕСТВО МАТЕРИ

В мою задачу не входит пересказывать биографию Анны Герман – это более или менее правдоподобно сделано другими авторами. Да для полной биографии у меня и нет исчерпывающей информации. Свою задачу я вижу лишь в том, чтобы осветить всё, что связано с отцом Анны, моим братом. В описании двух последних лет его жизни мне приходится опираться только на интервью и письма Ирмы. Но какими бы неполными ни были содержащиеся в них сведения, из них всё же вырисовывается, что после ареста Ойгена Ирма оказалась верной и бескорыстной женой и матерью.

В своей книге «Вернись в Сорренто?» Анна подробно описывает катастрофу в Италии, случившуюся 27 августа 1967 года.

Концерт в маленьком итальянском городе Форли длился до часа ночи. Анна очень устала, как и её двадцатилетний водитель Ренато, который, как он признался Анне, всю предшествующую ночь ездил по Швейцарии и не спал вовсе. Тем не менее, он хотел провести ночь не в Форли, а в Неаполе, где номера в комфортабельном отеле были уже оплачены.

Они ехали по скоростной дороге. По всей вероятности, Ренато заснул и при скорости в 160 километров в час съехал с дороги. Утром водитель проезжавшего там грузового автомобиля нашёл искорёженный красный «Фиат». Ренато сидел за рулём без сознания, но без значительных травм. Через несколько часов после того, как Ренато в больнице пришёл в себя, от него узнали, что он вёз Анну Герман, после чего поехали и нашли и её, отброшенную на двадцать метров от места катастрофы. (Следует заметить, что за эту аварию, причинившую Анне неимоверные страдания и, без сомнения, сократившую её жизнь, Ренато не понёс никакого наказания. Во всяком случае, в прессе не было сообщений по этому поводу.)

У Анны была опасная рана на голове, множество переломов, и она бы истекла кровью, если бы её нашли чуть позже. Она находилась в таком состоянии, что было не ясно, выживет ли она вообще.

Мать Анны и её жених, Збигнев, получили визу сразу. Официальное распоряжение гласило: «Визу выдать немедленно, состояние безнадежно».

Ирме предстояло дать жизнь своей дочери во второй раз. Конечно, хирурги творили чудеса – они собирали Анну буквально по кусочкам. Но та любовь, то самозабвение, с которыми Ирма ухаживала за ней, поистине поразительны. Анна узнала её лишь через двенадцать дней после катастрофы. От подбородка до пят она была закована в гипсовый панцирь. Профессор Дзанолли сам прооперировал *la cantanta polacca* (польскую певицу). Одна нога находилась на растяжке и тоже не могла двигаться. Одна рука неподвижно лежала на одеяле. Малейшее движение одного лишь пальца причиняло нестерпимую боль.

Пять месяцев неподвижности в панцире. Боли во всём теле невыносимые. Анне так хочется хотя бы изменить положение руки или ноги, но это невозможно. Она на грани безумия, она теряет сознание, плачет, умоляет снять с неё панцирь.

Всё это мать выдерживает со стоическим терпением. Она сидит у постели больной дочери, и трудно сказать, кто из них страдает больше. Когда Анне становится нестерпимо тяжело, Ирма берёт её руку и держит её, и силы матери перетекают в тело Анны и успокаивают её. Мать постоянно рядом с дочерью, угадывает все её желания и исполняет их. За эти пять месяцев и последующие шесть «вертикализации» Анны, Ирма сама превращается в медсестру. Она держит ей голову, которую Анна разучилась держать самостоятельно, водит её за руки и учит ходить, как когда она была ещё ребёнком...

...Когда после войны Ирма с Анной и матерью приехала в Польшу, Анна вскоре пошла в школу и очень быстро усвоила польский язык. Ирма была учительницей немецкого языка с высшим образованием, но в первое время должна была довольствоваться любой работой. Она устроилась в прачечной. Очень скоро она тоже справилась с польским языком и стала опять работать учительницей. Когда в 1975 году Ирма посетила нас в Целинограде, она писала учебник немецкого языка для польских школ.

Анна в своей жизни, наполненной концертами и гастрольными поездками по всей планете вплоть до Австралии, всегда находила в матери надёжную опору.

С 1978 года всё чувствительнее становились боли в ноге, где было «слишком много пластика». А через десять лет после катастрофы Анна была поставлена перед жестокой истиной: рак, несомненное следствие той катастрофы. Тогда она смогла преодолеть смерть, но оказалось, смерть из неё не уходила. Анна готовилась к ней мужественно.

В письме ко мне от 5 сентября 1982 года, то есть непосредственно после смерти Анны, мой брат Вилли писал мне:

«От Анны лично я получил последнее письмо шестнадцатого марта прошлого года, когда она уже почти два года была больна. «Это рак», – писала она. Анна очень хотела ещё пожить пару лет для своего мальчика. Её и мой день рождения совпали – 14 февраля. Она прожила 46 лет. Её последней песней, которую она сочинила и которую она, как пишет Ирма, часто пела, была «Отче наш»».

В одном из интервью убитая горем мать роптала на свою судьбу и в своём отчаянии воскликнула: «За что Господь послал моей семье и мне такие испытания? Почему он отнял у меня единственную дочь? Она не занимала чужого места на свете, она всегда была милой, доброжелательной к людям. Так почему же ей было суждено умереть так рано, оставив сиротой семилетнего сына? Спрашиваю и не могу найти ответа».

На гранитном постаменте на могиле Анны на варшавском кладбище выгравированы слова, которые можно считать *сгедо* Анны:

Господь – Пастырь мой (Псалом 22, 1).

После смерти Анны Ирма перенесла всю свою любовь на внука, семилетнего Збышека.

10. «ФИНАНСОВЫЙ РОМАН В ПИСЬМАХ»

Если бы советское правительство выплачивало, согласно законам морали и человечности, денежные компенсации «за моральный ущерб» родственникам всех невинно расстрелянных и погибших в лагерях и тюрьмах, финансовая система СССР рухнула бы задолго до его развала.

Ирма, конечно, знала, что такие компенсации, как правило, не выплачивались. И если она, тем не менее, обратилась к Ю.В. Андропову, то этот шаг объясним только тем, что она, как мать Анны Герман, всё же может рассчитывать на исключение из правил. И она не ошиблась, что явствует из переписки между ней и тогда уже генсеком ЦК КПСС Андроповым. Эти документы были найдены в кремлёвском архиве и опубликованы в журнале «ЧИП» («Чудеса и Приключения»), № 8, 2000, стр. 61 под рубрикой «Под

семью печатями» и под названием «Финансовый роман в письмах»:

«6.03.1983, Ирма Бернер Андропову:

Может быть, Вы знаете эстрадную певицу Анну Герман. Я – её мама. У нас в течение трёх лет после смерти Анечки собралось огромное количество долгов. Старый дом не совсем перестроен, даже не хватает стен. Сегодня я практически осталась одна, хотя в принципе есть внук и зять. Я слыхала, что за моральные травмы, связанные с несправедливым осуждением близких, делались соответствующие материальные компенсации. Если бы мой муж был с 1937 по 1955 год со мной, его зарплата составила бы значительную сумму, и моя семья жила бы неплохо. Понимаю, что моя просьба немного запоздала. Но нельзя ли её сегодня рассмотреть и по возможности удовлетворить? Денежная компенсация за мужа помогла бы мне в основном решить стоящие передо мной материальные проблемы.

8.07.1983. Главный военный прокурор А. Горный – в ЦК КПСС:

Проверкой установлено: Герман Евгений Фридрихович, родившийся в 1909 году в Лодзи (Польша), гражданин СССР, бухгалтер хлебозавода в г. Ургенч по обвинению в принадлежности к иностранной разведке и антисоветской деятельности приговорён к расстрелу и расстрелян 11.10.1937 г. (ошибка: 1938 г. – А. Г.). 15.11.1957 г. реабилитирован.

В деле имеются сведения, что в момент ареста на иждивении Германа Е.Ф. находилась жена Мартенс Ирма Давидовна и дочь Анна в возрасте 1,5 года. В годы Великой Отечественной войны Мартенс И.Д. вторично вышла замуж за польского гражданина, приняв фамилию мужа Бернера, погибшего впоследствии на фронте, а затем выехала на постоянное жительство в Польшу. Выдача денежной компенсации в размере зарплаты, которую осуждённый мог бы получить в период после необоснованного ареста до дня его посмертной реабилитации, о чём просит гр-ка Бернер, действующим законодательством не предусмотрена...

19.08.1983. Ю.В. Андропов – Н.А. Тихонову, предсовмина СССР:

Думаю, что нужно найти пути, чтобы помочь семье А. Герман.

31.08.1983. Н.А.Тихонов – Ю.В. Андропову:

Связывать предоставление помощи И. Бернер с реабилитацией её мужа нет оснований, а помощь целесообразно оказать в разовом порядке в сумме 4000 руб. (173,2 тысячи złotych) по линии Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

В деле есть завершающая его запись:

«Совпосольство в Варшаве о положительном решении данного вопроса проинформировано. Ответ И. Бернер будет дан одновременно с передачей материальной помощи. Царенко, 05.09.1983».

11. ЗАПРЕТНЫЕ КОНФЕТЫ

Как я и предсказывал в своей шутке, после гастролей Анны в Целинограде Луиза и я стали известны в городе как тётя и дядя Анны Герман. Слава Анны была уже велика – а это было в конце 70-х годов, то есть после возвращения Анны на эстраду – и она всё чаще появлялась на телевидении. Пожалуй, не было человека в Союзе, который бы её не знал.

Через год Ирма навестила нас в Целинограде. Муж Луизы незадолго до этого умер, и Ирма остановилась у неё. Она познакомилась с городом и тщательно готовилась к посещению местного театра. После Варшавы этот областной театр ей показался уж очень провинциальным, но на пару спектаклей она всё же сходилась – в свои шестьдесят пять она всё ещё интересовалась литературой, музыкой и театром.

Неожиданно у неё разболелся зуб, и надо было идти

к врачу. Когда Луиза привела её в поликлинику, где в коридоре на стульях и скамейках сидели ожидающие, Ирма решила идти домой – такой очереди она давно не видела. Надо было что-то предпринять, и Луиза пошла к главному врачу...

И вот Ирма уже сидит в зубоветеринарном кресле, и мать Анны Герман обслуживают самым внимательным образом.

Но ни о гастролях Анны Герман в Целинограде, ни о родственниках с отцовской стороны, которых она нашла в этом городе, не было речи ни в одном из последующих интервью Ирмы. Также и фотографии, которые сделал Давид Нойвирт и которые были переданы ей, никогда не упоминались и не публиковались. Мы, ближайшие родственники отца Анны, отодвигались в сторону, так как могли разрушить фундамент созданной защитной легенды...

Я подарил Ирме набор из пяти долгоиграющих пластинок с русскими народными песнями, романсами и оперными ариями в исполнении Шаляпина, которые Анна впоследствии неоднократно слушала. На этих пластинках была и песня «Из-за острова на стрежень», которую она позже стала петь сама.

В 1980 году я ушёл на пенсию, и мы с семьёй вернулись в Караганду, где жили раньше. Однажды я получил от Ирмы письмо, которое она отправила из Бреста, где гостила у подруги. Она писала, что экономическое положение в Польше драматически обострилось и что у них – я предполагал, что и у Анны – материальные трудности. Анна уже болела и не могла много зарабатывать.

Мы с женой собрали продовольственную посылку и побегали на почту, чтобы поскорее отправить её. Там нам дали длинный список запрещённых к вывозу товаров. В списке значились шоколад, конфеты, мясные продукты, то есть как раз самые ценные и питательные. Нам пришлось вынимать из фанерного ящичка один продукт за другим и слушать грубые замечания почтовых работников, которые, очевидно, привыкли рассматривать каждого, кто имеет дело с заграницей, как потенциального врага.

В конце концов, в ящике остались какие-то крупы и вермишель – позорище. Тогда мы попросили служащую разрешить хоть несколько конфет «Мишка на Севере» Карагандинской кондитерской фабрики – для маленького Збышека, что нам и было дозволено. Во время всей этой процедуры мы ни словом не обмолвились об Анне Герман – нам было неприятно упоминать её имя в связи с этой посылкой, да нам бы и не поверили. Затем последовало ещё несколько не очень любезных замечаний по поводу написания адреса за границу, и мы пошли домой.

Поздно ночью – было уже после двенадцати – зазвонил вдруг телефон. Это был звонок с почты. Очевидно, ночью ещё раз тщательно проверяли посылки, особенно те, что шли за границу.

– Извиняйте, что нарушили ваш сон, – услышал я в трубке ангельский голосок. – Почему Вы не сказали, что посылка для матери Анны Герман? Мы все её так любим – я имею в виду Анну! Мы только сейчас вспомнили имя матери. Пожалуйста, приходите хоть шас и ложьте всё обратно в посылку, и мы её тут же оформим... Значит, Вы и вправду её дядя?.. И кого только нету в этой Караганде!

– Спасибо, отправьте посылку такой, как есть.

Позже Ирма писала, что посылку она получила, поблагодарила нас и заметила вскользь, что понятие «трудности» в Польше имеет несколько иное содержание, чем в Советском Союзе...

Дни Анны были уже сочтены. Мы получили телеграмму от Ирмы в пятницу, а похороны должны были состояться в начале следующей недели. Весть о смерти Анны распространилась быстро – через работников телеграфа – и я получил несколько звонков соболезнования. Ещё долго друзья мне звонили, чтобы я переключил телевизор на телеграмму, по которой в этот момент пела Анна.

Но на похороны ни я, ни Луиза поехать не смогли – так быстро наши «органы» выдать визы были не в состоянии...

12. «ПОЛЬСКАЯ ПАННА...»

Збигнев Тухольский, муж Анны, для которого её смерть осталась незаживающей раной и который так больше и не женился, вспоминает их знакомство:

– Для видимости я поплавал, а потом мы сидели на берегу и разговаривали. Когда прощались, Аня меня пригласила на свой концерт. Я с удовольствием пошёл, и это был шок: просто не ожидал услышать голос такой потрясающей красоты.

Словами невозможно описать своеобразный, изумительный тембр, чарующую мягкость, поэзию её голоса, чистые интонации: всё это проявилось уже в «Танцующих Эвридиках», – песне, которая сделала Анну знаменитой. И, конечно же, именно лирические песни были вершиной репертуара Анны. Немногие шлягеры в её программе, в техническом отношении исполненные также безукоризненно, скорей были данью моде.

В своей статье «Анне Герман» («Звезда», № 3, 1984) Анастасия Цветаева, выдающийся мастер слова, пытается сделать невозможное: она описывает, как Анна поёт.

«Закрыв глаза, я вслушиваюсь в своеобразие интонаций, в тихое тонкое скольжение от низкого тона – в высокий, в грацию и печаль этого голосового полёта, перелёта через глубины и тишину, glissando через эту игру ей одной свойственных звуков, лёгких и длинных, ускользающих, догоняющих, встречающихся в теснотах смычка и широком разливе роля, вынырывающих из-под объятий аккомпаниатора и вновь овладевающих темой...»

Но всё это можно понять, осязать, лишь слушая Анну».

Питательная почва, из которой талант Анны черпал свои силы и развивался, интернациональна. С малых лет национальная ограниченность как в искусстве, так и в повседневной жизни, была ей чужда. Простота и гармоничная ясность немецкой народной песни, широчайшая амплитуда душевных переживаний в русской песне, гармоническое своеобразие восточной (узбекской) музыки с её едва заметными для европейского уха колебаниями основного тона, эмоциональная живость польской народной песни – всё это Анна слышала в детские и юношеские годы, и всё это позже создало тот уникальный сплав, который во многих странах был известен как манера пения Анны Герман. Имеет ли при этом решающее значение, какая кровь текла в жилах Анны?

Однако в той самой статье Анастасия Цветаева вновь и вновь возвращается к «польской» национальности Анны. Для неё это, кажется, потому так важно, что в её собственных венах – и она это точно вычислила – течёт одна четверть польской и лишь одна восьмая «германской» крови:

«В несравненном цвете природы, повелительном, пленительном, польской нации, польской панни – только Гоголя перо бы могло её описать...»

... не рассказывал – точно не было что рассказать, о пении на её родном языке (из контекста следует, что это – польский язык. – А. Г.)...»

Как коротки польские песенки!.. Но их щебет перепорхнул в голос Анны – это же её родной, её детства язык!».

...Анастасия Цветаева, на семь восьмых славянка, горда этим, называя свои немецкие корни «германскими». Но германскими могут быть и шведские, и голландские, и датские. Немецкие же – это ведь «фашистские», и можно ли обвинять Анастасию Цветаеву в том, что она избегала применять это слово по отношению к себе самой?

Марина Цветаева, знаменитая сестра Анастасии, в 1939 году писала: «...Я прощаюсь с тобой, моя Германия, с моим любимым языком, с моей любимой страной»,

причём последние два слова она написала по-немецки: «*Lieblingssprache*» и «*Lieblingsland*».

Не следует забывать, что тогда, в 1939, произошло разделение Польши между Германией и СССР и началась Вторая мировая война. В такое время признаться в любви к Германии было небезопасно, несмотря на все пакты о ненападении, хотя Марина Цветаева свою любовь и адресовала немецкой культуре и литературе, а не политическим условиям в стране.

При своём гуманистическом воспитании, образовании и своей, в лучшем смысле слова, космополитической культуре Анастасия не могла быть не только германо-, но и каким-либо другим фобом. Однако после возвращения на родину Марины произошло очень многое, и взгляды Анастасии могли измениться, особенно после войны.

Тут речь не о том, любила или не любила Анастасия Цветаева немцев, а о том, какая атмосфера царил в стране. Всё ещё потоком шли военные фильмы со зверствами немцев; всё ещё не был забыт призыв Ильи Эренбурга «*Убей немца!*» (не фашиста, не гитлеровца – немца!). Что ещё нужно, чтобы атмосфера ненависти в стране продолжала жить? Та же атмосфера, которая десятилетиями раньше заставила Максима Горького, этого великого гуманиста, изречь: «Если враг не сдаётся, его уничтожают», а Алексея Толстого – сравнить стиль своего великого родственника и однофамильца Льва Толстого со стилем Сталина в пользу последнего!

Правда, во времена Анны Герман как будто уже не расстреливали, а «лишь» сажали в «психушки», и не один интеллигент в них побывал...

Кстати, редактор газеты «Фройндшафт», Алексей Дебольский, из моей статьи об Анне Герман, которую я подготовил после её выступления в Целинограде для газеты, вычеркнул фразу о том, что отец Анны был моим братом: Дебольский должен был соблюдать пределы своих возможностей, или ему напомнили о них...

Могла ли не учитывать «нюансы» Анастасия Цветаева, сама прошедшая и тюрьму, и лагерь, и ссылку (она была сослана в г. Петропавловск в Казахстане).

В письме от 7 ноября 2003 года Лия Спадони, близкая подруга Анны Герман, писала мне о ней:

«Две Ахиллесовы пяты терзали её: рост и – о, ужас! – её происхождение».

Лия знала, что Анна «не отсюда».

Я уверен, что не одна Лия Спадони знала это. Анна Качалина, также подруга Анны и редактор всех её грампластинок, издававшихся фирмой «Мелодия», в телефонной беседе со мной в конце 2003 года призналась, что ей было известно происхождение Анны. Но она его тщательно скрывала... Подчёркивая и повторяя миф о польском происхождении Анны, Анастасия Цветаева, эта добрая и много испытывавшая женщина, может быть, даже не зная этого, убедительно – и талантливо! – оберегала любимую певицу.

Благодаря усилиям средств массовой информации, легенда о «славянских» (читай: польских) корнях Анны получила широкое распространение. На конверте пластинки «Танцующие Эвридики» фирмы Polskie Nagrania даётся краткая характеристика Анны на английском языке, в которой мы можем прочитать:

«Наряду с необычным своеобразием её голоса очевидно, что эта высокая голубоглазая девушка славянской внешности чрезвычайно музыкальна».

Как будто немка, российская немка, не может быть голубоглазой, высокой и иметь красивый голос!

В советские времена, особенно в годы войны и после неё, было престижно ссылаться на славянское происхождение. К счастью, сегодня можно гордиться и тем, что Анна была российская немка... Конечно, она нашла в Польше вторую родину и стала там всемирно известной певицей –

на её первой родине, в России, при её национальности это было бы невозможно...

Да, Анна Герман известна как польская певица. И не меньше как «посол русской и советской песни». Она пела и песни других народов, с не меньшим проникновением в их национальный характер. Речь не о том, что она без акцента пела на полдюжине языков – язык лишь внешняя форма песни. Гораздо важнее умение перенестись в менталитет, в мир чувств другого народа, органически усвоить необъяснимое и неподражаемое, иногда так трудно уловимое своеобразие интонаций.

Анна выросла в музыкальной семье. Мать ее много работала, но находила время для своего ребёнка. Она знала и пела много немецких и русских народных песен. С большой любовью Анна вспоминает свою бабушку, которая спела внучке не одну колыбельную и, в сущности, воспитала её. Отец из жизни Анны исчез слишком рано, чтобы она могла помнить его голос. Дома часто и охотно пели, и Анна – не первая из талантов, кто вырос в атмосфере домашнего музицирования или пения. Это та базисная школа, которая в душе человека оставляет глубокие следы на всю жизнь. Школа эта тем важнее, что музыкальные технические средства всё шире применяются в повседневной жизни, заменяя и подавляя активное самомузицирование.

Музыкальное ухо, как правило, легче воспринимает и звуки чужих языков, лучше контролирует правильность произношения. Уже школьницей в Узбекистане десятилетняя девочка довольно хорошо говорила по-немецки, по-русски, по-узбекски и на плятдойч, который настолько отличается от литературного немецкого языка, что его можно считать самостоятельным языком. Позже, после переезда в Польшу, добавились польский, английский и итальянский языки. После катастрофы в Италии, когда у Анны в теле буквально не было целой косточки, она воспользовалась пребыванием в клинике, чтобы усовершенствовать свои познания в итальянском. Вот уж поистине целеустремлённость: в то время, когда врачи сомневались в исходе лечения, она изучала очередную язык.

...Я листаю свою записную книжку. Много, что Анна тогда рассказывала, я записал позже, так как в те короткие совместные часы в 1974 г. для этого не было времени. Она вспоминала: *«На первом курсе во Вроцлаве моя подруга Богуся выходила замуж. По польскому обычаю, я, её подруга, должна была петь на её свадьбе. Это и было моим «боевым крещением» – моим первым публичным концертом. Этим всё и началось. Каких хвалебных слов мне тогда только ни наговорили, чего только мне ни напропорчили – не хочу вспоминать, однако многое осуществилось: я стала певицей.*

Годы прошли, я защитила свой диплом – я изучала географию и одновременно сдавала экзамен как эстрадная певица. В моём паспорте появилась однозначная запись: профессия – певица.

Больше всего люблю петь лирические песни, и мне нравятся, когда в оркестре звучат скрипки, хотя обычно меня сопровождают во время поездок эстрадные оркестры. Возможно, что эту любовь к скрипке я унаследовала от отца...».

Итак, лирические песни или эстрадные шлягеры, в которых человеческие чувства чаще лишь называются, а не выражаются? Конечно же, лирическая песня была ей больше по душе: в ней она могла полностью развернуть свой природный дар – свой голос, и говорить со слушателем от сердца к сердцу. Но не становится ли лирическая песня, мир чувств, анахронизмом в век ускоренных ритмов в искусстве и в жизни? Таких теорий ведь хоть отбавляй!

Это сомнение некоторое время сказывается на репертуаре Анны. Однако после известного концерта «Две Анны»

певица принимает решение в пользу лирической песни. К этому она пришла благодаря мнению огромного большинства слушателей.

Российский слушатель ценил, и сегодня ещё ценит, Анну Герман больше как исполнительницу русских песен: они ему ближе и понятнее. Не примечательно ли, что Анна, выросшая и как певица сложившаяся в другой стране, поёт русские песни так, будто никогда и не покидала свою первую родину, Советский Союз? Она вспоминает: *«В Варшаве я познакомилась с Валентином Лебедевым, корреспондентом московского телевидения. Он был раньше военным лётчиком и крайне интересным человеком. Однажды он мне показал стихи Риммы Казаковой. Одно стихотворение, о молодых парнях (о «тех парнях»!), которые только-только начали жить и не вернулись с войны, меня взволновало особенно. Я сочинила мелодию к нему и пела эту песню для советских слушателей. Мои личные переживания (ведь её отец тоже погиб молодым. – А. Г.) позволяли наполнить её настоящим чувством боли о потере».*

В этой связи я вспоминаю свою поездку в ГДР в 1985 году по приглашению моего друга Хайно Бекка, который с женой был у нас в Караганде в гостях. Как это было почти законом для приезжих в ГДР, меня повезли в Бухенвальд, где гид подробно рассказывал о зверствах нацистов. Случайно там присутствовала и группа советских солдат, которые, услышав, как я перевожу рассказ гида своей 11-летней дочери, попросили меня переводить и для них. Я это и стал делать, но у меня перед глазами при этом всё время были зверства и преступления сотрудников НКВД в советских тюрьмах и лагерях, которые мне самому пришлось пережить. И мой перевод становился таким эмоциональным (мне даже перехватило голос), что один из солдат меня спросил, не был ли я сам узником такого концлагеря.

– Был, только в другом месте.

Это было в самом начале гласности, и уточнять, в каком месте, было ещё нельзя. Точно так же могла чувствовать и Анна, исполняя песню о «тех парнях».

13. ГЕНЫ СКРОМНОСТИ

О скромности Анны много сказано и написано. Скромность и воздержание во всём, в том числе в одежде и за столом. Кто-то из её начальства говорил ей, что она перед публикой ведёт себя слишком скромно, что это не к лицу современной эстрадной артистке.

Именно эта её черта – её скромность, является более всего результатом её немецкого, точнее, меннонитского воспитания. Как Анна сама неоднократно подчёркивала, она воспитывалась бабушкой, глубоко верующей женщиной, что наложило отпечаток на её характер на всю жизнь.

Правда, бабушка Анна Мартенс (Фризен) была не меннониткой, а адвентисткой седьмого дня. Однако нужно иметь в виду, что адвентизм возник в Америке в тридцатые года XIX века, а в Россию пришёл в 80-е годы того же века. Поэтому вполне вероятно, что Анна Мартенс-Фризен, бывшая меннонитка, была адвентисткой лишь в первом или втором поколении, а меннонитские морально-этические принципы и правила, приобретённые за предыдущие столетия, продолжали в семье жить. Тем более, что адвентизм, также евангельское вероучение, от меннонитского мало чем отличается, особенно в части обычаев и правил поведения.

Меннониты в своей повседневной жизни почти аскетичны. Они не употребляют ни вино, ни табак, танцы запрещены, как и светская служебная карьера. Скромность и воздержание во всём. Девушки, словно по русскому домострою, готовятся исключительно к семейной жизни. Они учатся шить, чинить одежду, вязать, штопать, готовить пищу, элементарным навыкам ухода за больными, – то есть всему, что необходимо в семье.

Сама Анна пишет с явным оттенком самоиронии:

«Я не большая охотница до так называемых «крепких» словечек. Это явный просчёт в моём воспитании. Моя бабушка повинна в том, что я не умею (и, что ещё хуже – не люблю) пить, курить и употреблять сильные выражения».

Именно по причине этой скромности, я бы сказал, робости, Анна вступила на стезю певицы так поздно, почти в тридцать лет. Она стеснялась появляться перед публикой, она стеснялась и своего высокого роста и... своего голоса, который всё и всех отодвигал в тень и выделял её среди других людей. Со временем она частично преодолела эти комплексы, действовавшие как тормозные колодки для её таланта, но скромность, которую в ней так любили, осталась.

Ей не требовалось стимулирующих напитков. Сама музыка, песня были одновременно и целью, и средством её вдохновения. По-женски мягкая, домашняя, добрая и кроткая – такой она осталась в моей памяти. Но какая душевная, моральная сила скрывалась за этой кажущейся мягкостью! Физическое возрождение после катастрофы в Италии, возвращение на эстраду, рождение сына, связанное с хирургическим вмешательством, соединение обязанностей артистки, супруги, матери и дочери, страдания от недуга, который мучил Анну последние месяцы её жизни... Ни стон, ни жалоб. Она всё ещё надеялась, что сможет вернуться на эстраду, хотя и знала страшный диагноз. Она была самой Надеждой, которая пела одноимённую песню как никто другой, песню, которую миллионы любителей музыки могли представить себе только в её исполнении.

«...И кажется, что ты эту мелодию слышал давно, всегда, с детства, где-то она звучала в соседней комнате рядом с той, где ты засыпал, – где родился...» (А. Цветаева).

И если кто другой её поёт, невольно сравниваешь с Анной. И всё ещё не верится, что она никогда нам больше её не споёт.

Нет смысла перечислять все песни, которые она пела – они хорошо известны. Но нам, выросшим в России, ближе и понятнее именно ее русские песни. Она пела русские романсы («Гори, гори, моя звезда», «Выхожу один я на дорогу»), песни современных ей композиторов (Блантера, Птичкина, Пахмутовой, Бояджиева) и русские народные песни.

Большинство советских композиторов, которые писали для неё, – в высшей степени талантливые художники, которые в своём творчестве к созданию песни относились так же серьёзно, как и к произведениям больших форм. И текстами для их песен служили не бессодержательные вирши, состоящие из одной многократно повторяемой пустой фразы, как это нередко встречается сегодня в музыкальном шоу-бизнесе, а поэтические произведения выдающихся лириков, как Исаковский, Рождественский, Дементьев, не говоря уже о классиках. Нередко такие песни становились особенно известными и любимыми благодаря их исполнению Анной Герман («Надежда» – музыка Пахмутовой на стихи Добронравова; «Эхо любви» – музыка Птичкина на слова Рождественского).

Что касается русских народных песен, то я хотел бы назвать только одну, которая, по моему мнению, характерна для творческого подхода Анны к интерпретации песни. Это – русская народная песня о казацком атамане и бунтаре Степане (Стеньке) Разине, которая обычно исполняется мужчинами. Шаляпин её окончательно отшлифовал, и если кто-нибудь эту песню поёт после него, то невольно подпадает под влияние образа, созданного великим певцом.

В советское время многое идеализировалось из того, что было грубого, жестокого, бесчеловечного в русской

истории – Иван Грозный, Емельян Пугачёв, Степан Разин, сообщники которого бросили с колокольни губернатора Астрахани. Ведь эти и другие бунтовщики творили свои жестокости в царское время, и царская власть боролась с ними, а значит, они воспринимались как предтечи Великой Октябрьской революции с её миллионами расстрелянных, замученных и целыми баржами потопленных.

В своей трактовке песни Анна полемизирует – возможно, подсознательно, на основе своего врождённого чувства человеколюбия – с великим Шаляпиным, который создал привычный образ главаря разбойников, ставший эталоном для последующих поколений исполнителей.

«...Каждый раз при этой песне становилось горько, одиноко, оскорбительно, меня заливали тоска и негодование до самых краёв сердца. Я слушала... весёлые молодые мужские голоса, певшие так беспечно, так юно, так пошло-юно, ... и мне мнилось, что они сами таковы, все, до единого – беспечны, грубы, поверхностны, через край налиты своим мужским правом, гордостью, спесью, каждый из них бросит в воду «княжну», как только «друзья» станут на его дороге с насмешкой...» (А. Цветаева, «Апог»)

Разумеется, Анна не могла и не хотела подражать Шаляпину, тем более вступать с ним в состязание. Она избрала другой путь. Если Шаляпин поёт дикого, необузданного и жестокого атамана, то Анна поёт персидскую княжну – добычу Разина во время одного из его грабительских набегов: она испытывает ужас и смертельный страх несчастной жертвы. Даже после исчезновения её в тёмных волнах Волги, голос её будто продолжает звучать – в голосе Анны. В оркестре звучат, стонут скрипки, создавая осязаемую картину происходящего. (Кстати, оркестровую партитуру Анна сделала сама).

Одна из лучших песен, исполненных Анной, это, я убеждён, «Эхо любви». Анна пела её в начале фильма «Судьба» режиссёра Евгения Матвеева. И если поток зрителей к этому фильму не иссякает, то в этом, несомненно, заслуга и певицы. Евгений Матвеев, народный артист СССР, во время телевизионной передачи, посвящённой Анне Герман, воздал певце должное. Его слова я привожу без сокращений: *«Голос Ани меня преследовал даже во сне. Я хотел, чтобы в моём фильме пела Герман. Убедил Птичкина и Рождественского сочинить песню специально для нее. Послали телеграмму в Варшаву, особо не надеясь получить ответ. Но он пришёл мгновенно: «Пришлите ноты». А потом раздался её звонок: «Не спеть это невозможно». Аня прилетела в Москву, в студии стали записывать. Все знали, что в тот день Герман пела с температурой 39,7. И произошло невероятное.*

Как только Герман спела первую фразу, высокопрофессиональный оркестр вдруг заиграл вразнобой. Дирижёр Васильев в полной растерянности. Начали второй раз. Аня доходит до припева и – та же история. Оказалось, никто играть не может, женщины-скрипачки, виолончелистки – плачут. Герман пела так, будто прощалась с жизнью. Я наблюдал за этой сценой из-за стекла, – и у меня текли слёзы. У меня и сейчас комок в горле. Голос Герман – это за гранью нормального, божественный, её ни с кем нельзя сравнить. А песню мы записали за один день, и Аня сразу же улетела домой. Так что общаться с певицей не удалось: мы её не доставали, а я вообще смотрел на эту женщину как на икону».

Кажется, Чернышевский сказал, что прекрасной может быть только правда. Анна Герман не преподносила нам надуманных чувств. Её голос и она сама были самой чистой и высокой художественной и человеческой правдой, и потому её творчество прекрасно.

14. ВСПОМИНАЕТ ВИЛЛИ GERMAN, ДЯДЯ ANNY

«В середине 70-х годов я получил от сестры, жившей в Сибири, странное сообщение:

– По телевидению и по радио мы в последнее время слышим певицу Анну Герман. Не дочь ли она Ойгена?

Наш брат Ойген, одаренный красивым голосом, в 1934 году пропал без вести. В то время я жил уже здесь, в Германии, и получил от него ещё несколько писем, последние весточки. Он тоже намеревался бежать из СССР, но считал путь через Среднюю Азию и Иран более благоприятным. «На это мне нужен год», – писал он.

Эту затею я ему сразу отсоветовал. Советские границы стали непроходимы и на её восточных участках. Но моё письмо уже не дошло до него, и его след потерялся. Семья считала его погибшим.

Чтобы раскрыть тайну вокруг Анны Герман, я стал предпринимать всё возможное. Я узнал, что она с матерью вроде живёт в Варшаве. Польские друзья привезли мне её пластинки с записями песен на английском, русском и польском языках. Но о её месте жительства они ничего не смогли узнать. Свой адрес она держала в тайне. Русским друзьям её имя было известно, они также знали, что московская фирма звукозаписи «Мелодия» уже издала кое-что из её песен.

Затем, в 1975 году, от сестры Луизы, которая работала в редакции немецкой газеты «Фройндшафт» в Целинограде, пришло письмо, которое сняло покров тайны с Анны Герман.

– Она, – писала Луиза, – действительно дочь Ойгена.

Анна в Целинограде была на гастролях, и мой брат Артур, корреспондент «Фройндшафт», пошёл к ней и был допущен.

– Вам эта фотография о чём-нибудь говорит? – спросил он, положив перед ней фотографию Ойгена.

– Это мой отец! – воскликнула она невольно. – Где он?

На это Артур не смог ответить, но связь была установлена. Анна провела вечер с Артуром и Луизой и сообщила своей матери: «Наконец я нашла своих родственников».

В том же году я поехал в Варшаву и навестил Анну и её мать. Упала завеса тайны, сорок лет скрывавшая судьбу Ойгена.

С намерением бежать за границу он направился в Ургенч недалеко от иранской границы. Там он сначала устроился бухгалтером на хлебзаводе. Он познакомился с молодой учительницей Ирмай Зименс, которая была переведена с Северного Кавказа в Ургенч и там осталась.

Анна родилась 14 февраля 1936 года и воспитывалась её бабушкой, сильной духом и глубоко верующей женщиной. Через полтора года, 26 сентября 1937 г., Ойген был арестован и навсегда исчез из жизни Анны. После окончания войны они с матерью переехали в Бреслау (Вроцлав), теперь польский город. Она окончила гимназию, потом университет с дипломом магистра геологии и со временем овладела семью языками.

Уже в университете она начала петь, сначала в студенческих кружках, затем в польских городах Ополе, Сопоте, Кракове, Варшаве и всё чаще в восточном и западном зарубежье. Она имела уже многочисленные награды, когда ей в Остенде в 1965 году был преподнесён Лавровый венок международного фестиваля. Последовали выступления в Англии, США, Западном Берлине, Висбадене, несколько раз в СССР, в Париже, Италии, Швейцарии, Австралии. Среди наград, которые она мне позже показывала, был диплом «Самой популярной варшавянки», Золотой Крест Заслуги и грамота «Премии министерства культуры и искусства».

В 1967 году она на три года поехала в Италию для дальнейшего музыкального образования. В Виареджо ей должны

были вручить «Оскара симпатии», но ночная автомобильная поездка вследствие переутомления водителя, весь день занимавшегося напряжённым торговым бизнесом, окончилась тяжёлой катастрофой. Ранним утром водитель проходившего грузовика увидел потерпевший аварию автомобиль и отвёз потерявшего сознание водителя в ближайшую больницу.

– А где Анна Герман? – спросил он, придя в себя.

– Что значит Анна Герман?

– Она же была у меня в машине!

Санитарная машина срочно поехала на место происшествия, и там, через четыре часа после катастрофы, они нашли Анну Герман без сознания, выброшенную в кустарник. «С многочисленными костными переломами, от пят до ушей в гипсе», – писала она позже.

Анна долгие месяцы лежала в больницах и санаториях. И прошло четыре года, прежде чем она в 1971 году снова смогла выйти на эстраду. Пресса сообщила, что её выступление в зале съездов Дворца культуры в Варшаве превратилось в мощную манифестацию симпатии к этой талантливой и мужественной женщине.

По многочисленным приглашениям Анна возобновила свои гастрольные поездки как по стране, так и за рубежом. Но в глаза бросились некоторые перемены в ней. Если она раньше пела песни с лирическими текстами о природе и о любви, то теперь публика услышала нечто, относившееся к более глубокому смыслу жизни.

В январе 1975 года я навестил Анну Герман в Варшаве. Передо мной стояла высокая стройная женщина с золотистыми волосами и красивым лицом. Я искал и нашёл в ней сходство с её отцом, моим братом Ойгеном: его глаза, его полный, склонный к улыбке рот, его необыкновенно сильный голос. Всё лучшее он дал своей дочери в наследство. Для неё я сразу стал дядей Вилли, и я тоже почувствовал себя одаренным. Среди многочисленных фотографий, которые она мне показывала, я увидел своего брата вместе с его женой Ирмой, с маленькой дочкой на руках, почти счастливым. Пройдёт немного времени, и его, гонимого, выследят.

Я жил у её матери в комнатке недавно умершей бабушки. Среди зачитанных книг бабушки мне бросилась в глаза старая немецкая Библия, по которой видно было, что она часто читалась.

Ирма, мать Анны, много говорила об Ойгене. Даже через сорок лет она всё ещё надеялась на то, что он жив. Какой-то мрачный сотрудник НКВД тогда, после исчезновения Ойгена, немногословно сообщил ей, что Евгений Герман был осуждён на 10 лет лагерей и сослан к Японскому морю. Туда Ирма собиралась ехать, чтобы разыскать его. Она не знала того, что нам позже сообщили официально: что Ойген был арестован 26 сентября 1937 года, приговорён к смертной казни и расстрелян 11 октября 1938 года. Наша мать ещё до него прошла этот путь. Как жена проповедника, она была арестована за так называемую антисоветскую агитацию и расстреляна 23 апреля 1938 года.

Но вернёмся к Анне Герман. Мы разговаривали с ней на литературном немецком и на плытдойч. Так же легко она переходила на польский и русский. Она к тому времени вышла замуж и со своим мужем, Збигневом Тухольским, жила на 4 этаже жилого блока на окраине города.

– Анна так мечтает о собственном тихом доме, где бы она могла спокойно работать, – сказал он.

И ей удалось осуществить свою мечту. Концерты в США, особенно в Чикаго, где существует большая польская колония, принесли ей средства, на которые она смогла построить небольшой дом в Варшаве.

Однако время, ей отведённое, приближалось к концу. В 1981 г., из её концертной поездки по Монголии, её муж получил телеграмму: «Увези меня домой, я больна».

Мне она позже писала: «У меня рак».

Анна Герман – красивая яркая звезда. В эти последние недели перед ней открылись врата веры. Бабушкина зачитанная Библия теперь лежала на её столике.

«Она много молится и так счастлива, – писала её мать. – Она сочинила мелодию к «Отче наш», и когда самочувствие ей позволяет, она садится за фортепиано и поёт. Если бы я могла разделить её веру!».

Одна русская журналистка в некрологе на смерть Анны писала: «Пение Анны Герман после почти смертельной аварии стало глубже и серьёзнее. Я уверена, что все, кто побывал на её концертах, в эти вечера становились лучше и отвращались от всего тёмного и смутного».

27 декабря Анна вышла на огромную сцену театра имени Горького строгая, торжественная, в чёрном, обшитом золотым кантом платье, и без музыкального сопровождения спела «Ave, Maria» Шуберта. Зал вздрогнул от долго не смолкающих оваций. Однако всё, что она нам дала, было лишь частицей того, что унесла с собой».

Анна Герман умерла 25 августа 1982 года сорока шести лет. В возрасте тридцати девяти лет она ещё стала матерью. И вот муж с шестилетним сыном и безутешной матерью Анны стоял среди многочисленных друзей и прощался у её могилы.

Для нас Анна была дочерью Ойгена, пропавшей по небу звездой, которая, взойдя и опустившись за горизонт в вечность, покоится в руках Бога...

В одном из своих последних писем, незадолго до собственной смерти, Ойген писал – и это звучало как вскрик:

«Я хочу туда, где отец. Не в безымянную массовую могилу советских лагерей у Ледовитого океана, где наш отец 6 мая 1931 года закончил свой жизненный путь, а туда, где Бог вытрет все слёзы, и певичы у хрустального моря запоют песню жизни и вечной радости».

Вильгельм Герман
(Записано 5 июля 1996 года)

15. ИТАК – ANNA HÖRMANN,

или краткая биографическая справка

без прижизненного тумана и купюр страха

Анна Герман родилась 14 февраля 1936 года в Ургенче (Узбекистан), в семье российских немцев Ойгена Германа и Ирмы Бернер. До десяти лет жила в Советском Союзе, а после переезда с семьёй в Польшу – во Вроцлаве, где окончила геологический факультет университета.

Уже в студенческие годы её музыкальность и голос обращали на себя внимание. В 24 года Анна начала выступать в студенческом театре «Каламбур», откуда попала в профессиональные ансамбли. Госэкзамен для артистов эстрады сдала так успешно, что ей была выделена стипендия итальянского правительства для продолжения музыкального образования в Риме.

Карьера молодой эстрадной певицы была стремительной. На фестивалях в Ополе, Ольштыне и Сопоте она получила семь первых премий (1964–1965 гг.). Огромный успех принесло ей первое турне по СССР: 60 выступлений, быстрая популярность и первая пластинка большим тиражом. После этого – турне в Англию, США, Западный Берлин, снова в Москву и в Париж.

В 1966 г. Анна с успехом попробовала себя в классической музыке: она записала пластинку с ариями из оперы «Тетиды на острове Скирос» Доменико Скарлатти. В польском музыкальном мире это была сенсация.

В том же году Анна Герман подписала трёхлетний контракт с итальянской фирмой грамзаписи CDI. В 1967 году она была первой польской эстрадной певицей, которая выступила на международном фестивале в Сан-Ремо, затем в концерте «Съезд звёзд всего мира» в Виареджо, где жюри присудило ей награду „Oscar della sympatia 1967“.

С Доменико Модуньо она пела в телевизионных программах в Италии и Швейцарии, выступала в Висбадене и на фестивале «Золотой ключ» в Братиславе, записала свою первую итальянскую долгоиграющую пластинку; в Польше дебютировала в кинофильме «Морское приключение». В плане было ещё 20 концертов в Италии и большое представление в Виареджо, где ей должны были вручить «Оскар симпатии». Но случилась автомобильная катастрофа...

Анна Герман победила в трудном поединке со смертью. В годы вынужденного бездействия на подмостках она интенсивно трудилась, написав книгу «Вернись в Сорренто?», ряд песен и совершенствуя свой итальянский.

Через четыре года она вновь вернулась на эстраду. Её сольный концерт в зале съездов Дворца культуры и науки в Варшаве превратился в манифестацию огромной симпатии к талантливой певице и мужественному человеку. Концерт был повторён на сцене Большого театра в Варшаве и во время третьего турне по СССР.

Только в СССР вышло 8 долгоиграющих и дюжина маленьких пластинок. Последовали турне по СССР – в 1972, 1974, 1975, 1977 и 1978 годах, в некоторые годы – по два турне. В 1975 г. она дала 60 концертов. Она ещё успела побывать в США, во Франции, Англии, ГДР, Монголии и даже Австралии.

Её талант и труд отмечены многими польскими наградами – орденами, дипломами и премиями, в том числе правительственной наградой «Золотой крест заслуги».

16. ПОБЕДНОЕ ТУРНЕ

«Память о человеке мертвеет, если из него сделать икону. Чтить память – не значит умиляться, рассусоливать давно известное и повторять заученное. Не умеем мы помнить – активно, актуально, живо. Хотя Анна Герман заслуживает именно этого. Ей нужно устроить новую жизнь, а не шикарные поминки. Её нужно вернуть нашему отупевшему слушателю, чтобы он опять научился переживать, сочувствовать... И с этой – практической – точки зрения одна песня Герман способна, по-моему, сделать больше, чем десять благотворительных общественных организаций».

(Андрей Архангельский.

«Столичные Новости», № 35/2002)

После смерти Анны прошло больше двадцати лет. Но, как и прежде, её песни любимы и несколько раз переиздавались большими тиражами. Почитатели её искусства собирают записи этих песен, копируют их, если их нет в продаже. Непосредственно после её смерти, правда, казалось, что её личность и творчество начинают отходить в тень. И это было связано, возможно, с наступлением «смутного времени» – перестройки и развала не только СССР, но и всего «социалистического лагеря». До Анны ли тут было, когда всё рушилось? Но...

В 1996 году, к 60-му дню рождения Анны Герман, московский студент Иван Ильичёв основал клуб почитателей певицы, пока единственный в мире. Популярность этого клуба вскоре достигла Санкт-Петербурга, Самары, Одессы, Уфы, Зеленодольска, Таллина, Тюмени – городов, находящихся друг от друга на расстоянии тысяч километров. Сегодня в фонотеке клуба более 300 магнитофонных записей её песен. Иван Ильичёв и его клуб устраивают вечера памяти Анны и планируют издать антологию её песен, а вместе с мужем и сыном Анны – большую книгу о её жизни и творчестве.

* * *

В мартовском номере 2001 года московского ежемесячника «Истина и жизнь. Человек. Духовность. Культура» в рубрике «Память сердца» была опубликована большая статья под заглавием «Ave, Maria, gratia plena». Автор статьи

Александр Медведев из сибирского города Тюмень, большой почитатель и член общества памяти певицы, уже много сделал, чтобы поддержать память об Анне. Подзаголовок статьи гласит «Судьба и песни Анны Герман». Статья, правда, не лишена обычных неточностей о семье Анны, утвердившихся в СМИ прошлых лет, но, тем не менее, свидетельствует об искренней любви молодого учёного-литератора к певице и её наследию.

Александр Медведев пишет: *«Анна не возвышала себя на эстраде, она христиански преображала её. Она так доверялась всему лучшему в человеке, что не ответить взаимностью, не устремиться душой навстречу этой живой любви, обращённой лично к тебе, было невозможно. Она верила в богоподобие человека, в то, что Бог любит каждого. И воплощала в своём искусстве это христианское понимание драгоценности Личности».*

25 мая 2002 года, за три месяца до 20-й годовщины со дня смерти певицы, в Зелена Гура (Польша), в амфитеатре её имени состоялся всепольский фестиваль исполнителей песен из репертуара Анны Герман «Танцующие Эвридики».

26 августа 2002 года, в годовщину смерти Анны, в концертном зале курорта Тишково под Москвой, состоялся вечер памяти, посвящённый Анне Герман.

Появляются продолжатели исполнительской манеры Анны Герман. Одна из них – Галина Невара, заслуженная артистка Казахстана, которая в Зелена Гуре пела с большим успехом. Своим голосом, манерой исполнения она очень близка Анне, была знакома с ней и несколько раз встречалась с певицей. После смерти Анны она подготовила программу её памяти и постоянно выступает с ней.

В 2002 году в московском журнале «Библиография» была опубликована первая попытка составить перечень материалов (в основном – на русском языке) в советской и постсоветской периодике: публикации, книги, дискографии, посвящённые певице сайты в интернете с 1969 по 2001 годы. Основными источниками для составления указателя послужили летописи газетных и журнальных статей, каталоги библиотек, сообщения авторов публикаций.

Библиографию «Анна Герман» составил и написал к ней прекрасное предисловие Александр Медведев – молодой литературовед из Тюмени. Он намеревается в ближайшем будущем издать библиографию в полном объёме.

И нечто уж совсем неожиданное. 29 марта 2003 года в банкетном зале Эверсвинкеля близ Варендорфа в земле Северный Рейн-Вестфалия (Германия) на первом фестивале песен, посвящённом Анне Герман, встретились люди, говорящие на диалекте плятдойч, раньше жившие в России, Казахстане, Киргизии, даже в Бразилии и Парагвае, но сегодня живущие в разных частях Германии. Инициатором и организатором этого фестиваля была энергичная Татьяна Класснер, и у неё было много добровольных помощников. Этот фестиваль был пер-

вым праздником песни российских немцев-меннонитов. Многие песни Анны были переведены самодельными поэтами на плятдойч и на нём исполнены. В зале присутствовало более 500 поклонников Анны Герман. Среди них много молодых людей, самостоятельных, серьёзных, независимых, на своих автомобилях приехавших со всех концов Гемании, которым уже не нужно ничего опасаться, не нужно ничего скрывать – ни своей веры в Бога, ни своего родного языка. Организаторы этого праздника Татьяна Класснер и Петер Винс сказали, что это только начало, что за этой первой попыткой последуют другие фестивали.

Анна Герман начала своё посмертное турне. Победное турне, в котором ей уже больше не нужно ничего скрывать о себе...

Использованная литература:

- А. Жигарев.** «Анна Герман». Смоленск, Русич, 1988.
А. Герман. «Вернись в Сорренто?». М., Радуга, 1985.
А. Цветаева. «Анне Герман». «Звезда», 1984, № 3.
Ю. Васильков. «Ирма, мать Анны Герман». «Труд», 1988, 8 мая.
Е. Василькова. «Пленительный голос души». «Социалистическая индустрия», 12.02.1986.
Б. Гайда. «Голос чистый...». «Польша», 1988, № 1.
В. Мастеров. «Мы звёздная память друг друга». «Телевидение и радиовещание», 1990, № 1.
О. Рябинина. «Незнакомая звезда». АиФ, 2002, № 8.
Лия Спадони. Наша Анна. В сб.: А. Герман. «Вернись в Сорренто?». М., Радуга, 1985.
А.Архангельский. Наша Анна. «Столичные Новости», 2002, № 35.
 Письма **Ирмы Бернер**, матери Анны. Личный архив автора.
 Воспоминания бывших коллег автора, родственников первой жены Евгения Германа и др.

ОБ АВТОРЕ

Артур Герман, брат отца Анны Герман. Родился в 1920 г. на Украине. После окончания немецкой школы в Спате (Крым) изучал германистику в Саратове. С 1939 по 1946 г. – арест и лагеря, затем спецпоселение в Караганде (Казахстан).

С 1950 г. – учитель в различных учебных заведениях, заочная учеба в Учительском институте Караганды (славистика), затем в Институте иностранных языков в Алма-Ате (англистика).

С 1974 по 1985 г. – сотрудник немецкоязычной газеты «Фройндшафт» в Целинограде (Казахстан). Опубликовал ряд рассказов, юморесок, эссе и др. В 1989 г. в альманахе «Heimatliche Weiten» (Москва) вышла автобиографическая повесть «Порядок», позже вошедшая в трилогию «А родина манила вдаль». В 2003 г. опубликовал повесть о талантливом юноше Рольфе Баллахе «Легенда» в издательстве Бурау (Германия).

С 1995 г. проживает в Германии. Пишет на немецком языке, ряд своих произведений сам перевёл на русский язык.

Настоящая книга является первой публикацией о происхождении Анны Герман, о судьбе её отца и о родственниках Анны с отцовской стороны.

Любое использование материала данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Alina BRONSKY

(* 1978 in Jekaterinburg, Russland; Pseudonym [1], Geburtsname nicht bekannt) ist eine deutsche Schriftstellerin.

Алина БРОНСКИ – немецкая писательница (родилась в 1978 г. в Екатеринбурге, в России; пишет под псевдонимом, настоящая фамилия неизвестна).

Aufgewachsen ist Bronsky nach eigenen Angaben auf der asiatischen Seite des Uralgebirges sowie in Marburg und Darmstadt. Nach abgebrochenem Medizinstudium arbeitete sie als Werbetexterin und Redakteurin bei einer Tageszeitung. Sie lebt in Frankfurt am Main.

Ihr Debütroman Scherbenpark erregte großes öffentliches Interesse.[2] Der Roman war in der Sparte «Jugendbuch» (Kritikerjury) zum Deutschen Jugendliteraturpreis 2009 sowie für den Aspekte-Literaturpreis nominiert. Ihr zweites Werk «Die schärfsten Gerichte aus der tatarischen Küche» stand auf der Longlist zum Deutschen Buchpreis 2010.

In ihrem neuen Roman «Die schärfsten Gerichte der tatarischen Küche» erzählt Alina Bronsky von drei Frauen zwischen Russland und Deutschland – vor allem aber unter Großmutterns Fuchtel. Drei Frauen stehen im Zentrum dieses Romans und mit ihnen drei Kulturen: Rosalinda, die unverbesserliche, unverbwüsthche und unerschrockene Tatarin, ihre Tochter Sulfia, Geschöpf der sowjetischen Trostlosigkeit zwischen Lebensmittelknappheit und Plattenbau, und Aminat, die vielversprechende Enkelin, die schneller und gründlicher in Westdeutschland ankommt, als es ihrer Großmutter recht ist. Und deren Urteil gilt nun mal alles. Denn Rosalinda ist die alles beherrschende, alles bestimmende und alles kommentierende Erzählerin in Alina Bronskys heute erscheinendem Roman «Die schärfsten Gerichte der tatarischen Küche», der soeben für den Deutschen Buchpreis nominiert wurde.

Freu dich!

Ja, da waren wir nun in Deutschland, in Dieters Dreizimmerwohnung. Ich hatte eine befristete Aufenthaltserlaubnis bekommen. Als Erstes nahm ich Aminat alle russischen Bücher weg, damit sie ab jetzt nur noch auf Deutsch las, als Zweites sagte ich Dieter, er soll sie in einer Schule anmelden. Ein Kind gehörte in die Schule. Ich merkte schon: Dieter machte die Dinge gern so, wie sie sein mussten. Er wich schon von seiner Einstellung her zu weit vom richtigen Weg ab, um noch mehr Abzweigungen zu riskieren. Allmählich gewann ich mehr Klarheit darüber, wo wir uns gerade befanden. Dieter lebte im Vorort einer Stadt, die nicht sehr groß und nicht sehr schön war. In diese Stadt fuhr ein Bus, und zwar einmal die Stunde, auf die Minute genau pünktlich. An der Bushaltestelle hing ein Fahrplan. Die Deutschen hatten solche Sachen gut geregelt.

Die Fahrt in die Stadt kostete 3,40 Mark. Viel zu teuer, wie Dieter mir erklärte. Vor allem, wenn man auch noch zurück fahren wollte. Ab und zu fuhr er selbst mit dem Auto in die Stadt und da nahm er Aminat und mich mit. In der zweiten Woche nach Sulfias Abreise ging Aminat in die Schule. Sie musste mit dem Bus in die Stadt fahren und noch mal in die Straßenbahn umsteigen.

Wir kauften Hefte und Stifte, und Dieter holte einen grauen Rucksack vom Dachboden. Damit, erklärte er uns, gingen die Kinder hier in die Schule. Wir blätterten die Hochglanzseiten der Hefte durch und rochen an dem neuen Radiergummi, der wie eine Erdbeere aussah.

»Freu dich«, sagte ich zu Aminat. Aminat sah an mir vorbei.

Ab und zu holte ich Aminat von der Schule ab, um zu se-

Rosla A. Bronsky, как она сама рассказывает, за Уралом, а также в Марбурге и Дармштадте. Бросив учебу в медицинском университете, она работала составителем рекламных текстов и редактором в ежедневной газете. Она живет во Франкфурте на Майне.

Ее дебютный роман «Парк осколков» вызвал большой общественный интерес. Роман был номинирован в Германии в категории «Молодежная книга» на премию в области молодежной литературы в 2009 г., а также на литературную премию «Аспекты». Ее второе произведение «Самые острые блюда татарской кухни» было включено в лонг-лист литературной премии Германии в 2010 г.

В своем новом романе «Самые острые блюда татарской кухни» Алина Бронски повествует о трех женщинах, оказавшихся между Россией и Германией – но прежде всего под бабушкиной плетью. Три женщины стоят в центре этого романа, а с ними три культуры: Розалинда, несправимая, несокрушимая и бесстрашная татарка, ее дочь Зульфья, плод советской безнадежности между нехваткой продуктов питания и панельным строительством, и Аминат, многообещающая внучка, которая быстрее и прочнее интегрируется в западной Германии, чем хотелось бы ее бабушке. А слово последней решает все. Ведь Розалинда – все определяющая и все комментирующая рассказчица в вышедшем в свет романе Алины Бронски «Самые острые блюда татарской кухни».

Радуйся!

И вот мы были в Германии, в трехкомнатной квартире Дитера. Я получила разрешение проживания на ограниченный срок. Во-первых, я забрала у Аминат все русские книги, чтобы с этих пор она читала только на немецком языке. Во-вторых, я сказала Дитеру, что он должен устроить ее в школу. Ребенок должен ходить в школу. Я уже заметила: Дитер делал дела так, как следует. Уже в своих взглядах он отклонялся далеко от правильного пути, чтобы рисковать еще чем-то. Постепенно мне становилось более понятно, где именно мы находились. Дитер жил в пригородном местечке, которое было не очень большое и не очень красивое. Туда ходил автобус, причем каждый час, с точностью до минуты. На остановке висело расписание. Такие вещи немцы регулировали хорошо.

Поездка в город стоила 3 марки 40 пфеннигов. Слишком дорого, как объяснил мне Дитер. Прежде всего, если еще надо было ехать обратно. Время от времени он сам ездил на машине в город и тогда брал с собой меня и Аминат. На второй неделе после отъезда Зульфьи Аминат пошла в школу. Ей приходилось ездить в город на автобусе и еще раз пересаживаться на трамвай.

Мы купили тетради и карандаши, и Дитер достал серый рюкзак с чердака. С этим, сказал он, дети ходят здесь в школу. Мы пролистали глянцево-страницы тетрадей и понюхали новый ластик, который пах земляникой.

«Радуйся», – сказала я Аминат. Аминат смотрела мимо меня.

Иногда я забирала Аминат из школы, чтобы посмотреть, как она привыкает. Я сразу нашла школу, так как

hen, wie sie sich einlebte. Ich fand die Schule sofort, weil mir ein Strom schreiender Kinder entgegenkam. Die deutschen Kinder, um das einmal festzustellen, waren sehr laut. Das fiel mir schon in der Straßenbahn auf. Sie brüllten durch den ganzen Waggon. Erst dachte ich, sie würden sich gleich prügeln, aber sie lachten dabei. Ich stellte fest, dass die meisten Kinder sehr unordentlich gekleidet waren. Ich achtete immer darauf, dass Aminat mit geflochtenen Zöpfen und in einer gebügelten Hose mit einem gebügelten Pullover aus dem Haus ging. Damit fiel sie auf.

Es war einfach, Aminat aus dieser Schülerflut herauszufiltern. Sie war nicht nur die Einzige mit gebügelten Kleidern, sondern auch immer allein, und sie bewegte sich in einem anderen Tempo als die Kinder um sie herum. Ihr Gesicht warnte jeden davor, sie anzusprechen.

Ich fragte mich, was sie eigentlich noch wollte. Da war sie schon in Deutschland. Da hatte sie schon neue Stifte und T-Shirts. Sie wurde fast jeden Morgen mit dem Auto zur Schule gebracht. Und trotzdem guckte sie so.

Ich nahm sie zur Seite und sagte, so geht das nicht. Dieter hatte Sulfia noch nicht geheiratet. Zwar waren sie gemeinsam auf dem Standesamt gewesen, aber nur, um die Liste mit den nötigen Dokumenten abzuholen. Er konnte noch locker abspringen, denn noch war er nicht gebunden, außer durch sein Wort, und das galt bei einem Mann weniger als gar nichts. Wenn Aminat sich weiter so verhielt, dann würde uns Dieter womöglich noch zurückschicken und sich irgendwo anders ein liebes, anhängliches kleines Mädchen suchen.

Das alles erklärte ich Aminat an einem Abend in unserem gemeinsamen Zimmer. Ich schlief auf der Couch und sie weiter auf der Luftmatratze. Ich hatte ihr angeboten, neben mir zu schlafen, aber sie wollte nicht. Sie wollte nicht in meine Nähe. In Dieters natürlich noch weniger. Aber sie gab sich auch Mühe – denn ich hatte ihr gesagt, ohne Dieter darf ihre Mama nicht nach Deutschland zurück. Und dann kann sie nie gesund werden, sagte ich. Kurz vor unserer Abreise hatten wir nämlich erfahren, dass Sulfia krank war. Ihr Körper zerstörte einige Organe von innen. Deswegen war sie so oft müde und musste Medikamente nehmen. Ich sagte Aminat, dass Sulfias Gesundheit jetzt nur von ihr abhing.

Ich erlaubte Aminat nicht, an ihre Freunde zu schreiben. Wer weiß, vielleicht müssten wir ja doch noch zurückkehren. Die Freunde sollten lieber nicht erfahren, dass wir im reichen Deutschland gewesen waren. Anrufen ging schon gar nicht, weil es zu teuer war.

Aminat schrieb Briefe an Sulfia. Ich las sie, bevor ich sie in den Umschlag steckte. Aminat schrieb viele Briefe, jeder begann mit den Worten: »Liebe Mama, wie geht's dir? Mir geht's gut.« Ich sammelte sie und verschickte mehrere zusammen in einem Umschlag, um Porto zu sparen.

Dieter sagte, dass er nicht in der Lage sei, uns zu ernähren. Er ging ja auch nicht zur Arbeit, sondern schrieb immer an seinem Computer und wälzte irgendwelche Bücher. Er schrieb wohl auch selber welche: Ich hatte im Schrank einige entdeckt, auf denen sein Name stand. Aber wahrscheinlich wollte sie niemand kaufen.

Ich sollte auch mal was tun, sagte Dieter. Aber gerne, antwortete ich, ich habe mein Leben lang hochqualifiziert gearbeitet. Dieter sollte seine neue Familie ernähren, also Aminat und Sulfia, ich würde es schon irgendwie ohne ihn schaffen. Hier gab es sicher auch pädagogische Berufsschulen.

Als ich das Dieter sagte, lachte er sehr. Ich dachte sogar, er hätte so eine Art Nervenkrankheit, so schrecklich lachte er. Ein paar Ticks waren mir nämlich bei ihm schon früher aufgefallen. Jetzt sagte er: »Du kannst doch gar kein Deutsch.« Natürlich konnte ich Deutsch. Ich versuchte es Dieter in seiner Sprache zu erklären, aber er wollte mich nicht verstehen, so wie ich ihn auch oft nicht verstehen wollte. Dann erzählte er mir etwas von meiner Aufenthaltserlaubnis ohne Arbeitserlaubnis und sagte, er habe eine großartige Idee für mich.

mne навстречу двигался поток кричащих детей. Немецкие дети, нужно сказать, были очень шумные. Это бросилось мне в глаза еще в трамвае. Они кричали на весь вагон. Сначала я подумала, они сейчас раздерутся, но они при этом смеялись. Я отметила, что большинство детей были очень неопрятно одеты. Я всегда следила за тем, чтобы Аминат выходила из дома с заплетенными косичками, в выглаженных брюках и свитере. Этим она выделялась.

Было не трудно увидеть Аминат в этом школьном потоке. Она не только была единственной в выглаженной одежде, но и всегда держалась отдельно, она и двигалась с другой скоростью, чем дети вокруг нее. Выражение ее лица предостерегало каждого от попытки заговорить с ней.

Я спрашивала себя, чего же еще она хотела. Ведь она уже находилась в Германии. У нее уже были новые карандаши и футболки. Ее почти каждое утро подвозили к школе на машине. И, тем не менее, у нее был такой взгляд.

Я отвела ее в сторону и сказала, что так не пойдет. Дитер еще не женился на Зульфие. Хотя они и были вместе в загсе, но только за тем, чтобы взять список необходимых документов. Он еще мог запросто спрыгнуть, ведь он еще не был связан, кроме как своим словом, а для мужчины это значит меньше, чем совсем ничего. Если Аминат будет и дальше так себя вести, то Дитер еще чего доброго отправит нас назад и найдет себе где-нибудь миленькую послушную девочку.

Я объяснила это все Аминат однажды вечером, когда мы были в нашей общей комнате. Я спала на диване, а она по-прежнему на надувном матрасе. Я ей предложила спать рядом со мной, но она не захотела. Она не хотела быть рядом со мной. Рядом с Дитером, конечно, еще меньше. Но она все-таки старалась, так как я ей сказала, что без Дитера ее мама не сможет вернуться в Германию. И тогда она никогда не сможет поправиться, сказала я. Дело в том, что незадолго до нашего отъезда мы узнали, что Зульфия была больна. Ее организм разрушал некоторые органы изнутри. Поэтому она часто была уставшая и должна была принимать лекарства. Я сказала Аминат, что здоровье Зульфии теперь зависело только от нее.

Я не разрешала Аминат писать своим друзьям. Кто знает, может, нам еще придется все же вернуться. Другим не следовало знать, что мы были в богатой Германии. О том, чтобы звонить, речи вообще не было, так как это было слишком дорого.

Аминат писала письма Зульфие. Прежде чем положить их в конверт, я их читала. Аминат писала много писем, каждое начиналось словами: «Дорогая мама, как у тебя дела? У меня все хорошо». Я их собирала и отправляла несколько в одном конверте, чтоб сэкономить на почтовых расходах.

Дитер сказал, что он не в состоянии нас прокормить. Он ведь тоже не ходил на работу, а работал все время за своим компьютером и перебирал какие-то книги. Он, вероятно, и сам писал: я в шкафу обнаружила несколько книг, на которых стояло его имя. Но, возможно, их никто не хотел покупать.

Мне следовало бы тоже чем-нибудь заняться, сказал Дитер. Я охотно согласилась, я работала достойно всю свою жизнь. Дитер должен был кормить свою новую семью, то есть Аминат и Зульфию, я же справилась бы как-нибудь уж без него. Здесь, наверняка, тоже были педагогические училища.

Когда я сказала это Дитеру, он очень смеялся. Я даже подумала, что у него какая-то нервная болезнь, так жутко он смеялся. Нервный тик, кстати, я уже раньше у него подмечала. Тут он сказал: «Ты же совсем не знаешь немецкого». Конечно же, я знала немецкий. Я попыталась объяснить это Дитеру на его языке, но он не хотел меня понимать, как и я часто не хотела понимать его. Потом он рассказал мне что-то о моем виде на жительство без разрешения на трудоустройство и сказал, что у него есть для меня отличная идея.

Зwei Tage später hatte ich Arbeit.

Dieter drückte mir einen Zettel mit einer Adresse in die Hand, einen Stadtplan und 6,80 Mark für den Bus. Ich fuhr zwei Stunden vor dem eigentlichen Termin los. Ich kam schließlich niemals zu spät, zumindest nicht zu einer wichtigen Arbeit. Und es sollte meine erste Arbeit in Deutschland werden. Ich zog mich gut an, eine enge Hose, eine cremefarbene Bluse, Netzstrümpfe, Sommerschuhe mit hohen Absätzen. Ich steckte mein Haar hoch und betonte meine Gesichtszüge vor teilhaft mit Puder, Rouge und Lidschatten.

Ich hatte ein wenig Schwierigkeiten mit der Adresse. Ich fragte mehrere Leute auf der Straße. Was sie mir sagten, war schwer zu verstehen, sie redeten viel zu schnell und undeutlich. Ich zeigte ihnen meinen Stadtplan, und sie fuhren mit ihren Zeigefingern die Straßen auf und ab und stießen den Nagel dort hinein, wo mein Ziel sein sollte. Dabei sahen sie mir nicht in die Augen. Es war sehr klug von mir, rechtzeitig losgefahren zu sein.

Irgendwann stand ich vor einem Zaun mit einer kleinen Pforte. Ich verglich den Namen unter dem Klingelknopf mit dem Namen auf meinem Zettel – Schmidtbauer. Komischer Name, aber so hießen in Deutschland wohl viele. Die Wiese vor dem Haus war ordentlich, jeder Grashalm genauso lang wie die anderen. Die Deutschen hatten ihre Wiesen im Griff.

Weiter hinten standen eine Rutsche aus buntem Plastik und ein Sandkasten mit Förmchen und Schippen. Das war wohl ein Kindergarten. Gut, ich war zwar keine Kindergärtnerin, dafür aber Pädagogin.

Eine Frau erschien in der Tür. Ich hoffte als Erstes, dass sie nicht meine Chefin sein würde. Das war ja inzwischen durchaus üblich, dass Vorgesetzte jünger waren als ihre Mitarbeiter. Die Frau ließ mich ins Haus. Sie hatte einen kurzen Haarschnitt und Ringe unter den Augen. Ich konnte auch den Träger ihres BH im Ausschnitt hervorblitzen sehen, das war ein wenig schlampig. Sie winkte mich in einen großen Raum, in dem eine weiße Couch, mehrere Sessel standen. Ein Raum für Besprechungen? Sie deutete auf einen Sessel, ich setzte mich.

Dann verstand ich, dass sie mich fragte, ob ich etwas zu trinken haben wollte. »Kaffee«, sagte ich. »Mit Milch und Zucker.«

Die Frau brachte mir einen Kaffee mit einer weißen Schaumkrone. Ich probierte: Den Zucker hatte sie vergessen.

«Zucker», wiederholte ich.

«Oh, Verzeihung», sagte sie, stand auf und brachte mir einen Metallpott und einen Löffel.

Es war leise, die Kinder waren wahrscheinlich bereits alle abgeholt. Mir war klar, dass dies hier kein normaler Kindergarten sein konnte. Er war offenbar sehr exklusiv – das bedeutete in der Regel schlimme Kinder, das wusste ich als Pädagogin.

Ich versuchte zu verstehen, was mir die Frau sagte. Sie machte eine Handbewegung: eine Aufforderung, ihr zu folgen. Ich erhob mich elegant. Nicht jeder besitzt die Fähigkeit, sich ansehnlich aus einem weichen Sessel zu schälen. Ich schon.

Ich folgte dieser Frau, die mir jetzt die Räume zeigte und dazu kreisende Handbewegungen machte. Sie war ein wenig unruhig. In der Küche öffnete sie die Mikrowelle und machte wieder kreisende Bewegungen. Dann gingen wir weiter, sie zeigte mir die Toilette und sogar die Toilettenbürste. Wir stiegen eine Marmortreppe hoch, und ich war erstaunt: Der Raum, den sie mir zeigte, war eindeutig ein Schlafzimmer. Dachte sie, ich wollte hier gleich einziehen?

Dann riss sie eine Tür auf, drückte auf den Lichtschalter und trat beiseite. Ich sah neugierig hinein.

Es war ein sehr kleiner Raum, der hauptsächlich aus Regalen bestand. Auf den Regalen standen Flaschen und Tuben. Ich hatte sie oft in Supermärkten gesehen: Es waren Putzmittel.

Die Frau machte eine einladende Handbewegung.

Dann ging sie weg. Ich blieb stehen und schaute weiter auf die vielen bunten Flaschen. So eine Pracht an chemischen Hilfsmitteln hatte ich noch nie gesehen. Die Frau kam zurück,

Через два дня у меня была работа.

Дитер сунул мне в руку записку с адресом, карту города и 6,80 марок на автобус. Я выехала за два часа до назначенного времени. В конце концов, я никогда не опаздывала, по меньшей мере, на важную работу. А эта работа должна была стать моей первой в Германии. Я хорошо оделась, узкие брюки, кремовая блузка, чулки в сеточку, летние туфли на высоких каблуках. Я сделала высокую прическу и подчеркнула выразительно свои черты лица пудрой, румянами и тенями.

С адресом вышло несколько затруднительно. Я спрашивала многих людей на улице. Что они мне отвечали, было трудно понять, они говорили слишком быстро и не четко. Я показывала им свою карту, и они водили указательным пальцем туда-сюда по улицам и тыкали ногтем туда, где должна была быть моя цель. При этом они не смотрели мне в глаза. С моей стороны было мудро отправиться заблаговременно.

В какой-то момент я стояла перед забором с маленькой калиткой. Я сравнила имя под кнопкой звонка с именем на моем листочке – Шмидтбауэр. Странное имя, но так звались в Германии, пожалуй, многие. Лужайка перед домом была аккуратная, все травинки одинаковой длины. Немцы умели обращаться со своими газонами.

Вдалеке позади дома стояла горка из цветного пластика и песочница с формочками и совочками. Похоже, это был детский сад. Хорошо, хотя я и не была воспитательницей, но зато педагогом.

В проеме двери показалась женщина. Первое, на что я надеялась, что она не будет моей начальницей. Между тем, было в порядке – Шмидтбауэр. Странное имя, но так звались в Германии, пожалуй, многие. Лужайка перед домом была аккуратная, все травинки одинаковой длины. Немцы умели обращаться со своими газонами.

Потом я поняла, что она спросила, не хочу ли я что-нибудь выпить. «Кофе», – сказала я. «С молоком и сахаром».

Женщина принесла мне кофе с белой шапкой из пены. Я попробовала: сахар она забыла.

«Сахар», – повторила я.

«О, извините», – сказала она, встала и принесла мне металлическую баночку и ложку. Было тихо, детей, вероятно, уже всех забрали. Мне было ясно, что это не мог быть обычный детский сад. Он был, очевидно, очень эксклюзивный – как правило, это означало плохих детей, я знала это как педагог.

Я пыталась понять, что мне говорила женщина. Она сделала движение рукой, чтобы я следовала за ней. Я элегантно поднялась. Не каждый обладает способностью достойно встать из мягкого кресла. А я могу.

Я последовала за этой женщиной, которая теперь показывала мне помещения и совершала при этом круговые движения руками. Она была немного беспокойна. На кухне она открыла микроволновую печь и снова сделала круговые движения. Потом мы пошли дальше, она показала мне туалет и даже туалетную щетку. Мы поднялись по мраморной лестнице, и я была удивлена: комната, которую она мне показала, однозначно была спальней. Может она думала, что я собиралась сюда везжать?

Потом она распахнула какую-то дверь, нажала на выключатель и отошла в сторону. Я с любопытством заглянула внутрь.

Это было очень маленькое помещение с полками. На полках стояли бутылки и тюбики. Я часто их видела в супермаркетах: это были чистящие средства.

Женщина сделала приглашающий жест рукой. Потом она ушла. Я осталась стоять и продолжала смотреть на многочисленные разноцветные бутылки. Такое изобилие

sie reichte mir ein Paar Gummihandschuhe. In der anderen Hand hielt sie orangefarbene Schlappen. Diese stellte sie vor meine Füße und ließ mich allein.

Es lag offenbar ein Missverständnis vor. Ich überlegte, was ich jetzt tun sollte. Dann zog ich meine Schuhe aus und steckte die Füße in die Schlappen. Meine Netzstrümpfe behielt ich an – man wusste ja nie, wer die Schuhe vorher angehabt hatte, und das Letzte, was ich brauchte, war deutscher Fußpilz an meinen Zehen. Ich stellte meine Schuhe an einen freien Platz im Regal der Putzkammer.

Ich zog mir die Handschuhe über und sah an mir hinunter. Ich war nicht sehr passend angezogen, konnte aber zum Glück gut arbeiten, ohne mich dreckig zu machen. Ich füllte Wasser in den Eimer, tropfte etwas Azurblaues hinein und begann, den Boden zu wischen.

Ich wischte drei Stunden lang. Es gab viel Boden in diesem Haus. Allerdings war er ziemlich sauber. Mir wurde schnell langweilig. Also ließ ich den Boden in Ruhe und begann an anderen Stellen nach Dreck zu suchen. Ich schaute in der Küche unter den Tisch, dort lagen Krümel. Diese beseitigte ich sofort. Ich sah auf den Herd. Der bestand aus einer einzigen glatten Fläche, die aber voller Flecken war. Ich nahm gerade einen Schwamm vom Spülbecken, als die Frau hinter meinem Rücken auftauchte und wild zu gestikulieren begann.

«Ceranfeld empfindlich! Ceranfeld empfindlich!» sagte sie.

Ich zuckte mit den Schultern und widmete mich weiter dem Fußboden.

Jetzt blieb sie in meiner Nähe. Als ich ins Schlafzimmer ging, brachte sie mir den Staubsauger. Ich stöpselte ihn ein und begann, unter dem Bett zu saugen. Jetzt verstand ich, dass es ihr Bett war. Ich verstand bloß nicht, warum sie mich hierher gelockt hatte. Ich hätte keine fremden Leute in meinem Schlafzimmer geduldet, selbst wenn ich zu faul gewesen wäre, dort aufzuräumen.

Es knisterte in der Röhre – der Staubsauger war auf Dreck gestoßen. Ich fuhr damit um die Frau herum und saugte in den Ecken. Dann blickte ich zur Decke und entdeckte ein paar Spinnweben. Die saugte ich ebenfalls ein. Ich vergaß die Zeit und hielt erst inne, als sie mir von hinten mit dem Zeigefinger auf die Schulter klopfte und »Genug! Genug!« sagte. Offenbar sagte sie immer alles doppelt. Mich störte es nicht, wenn es ihr half.

Ich nickte, streifte mir die Gummihandschuhe von den Händen, wusch sie aus und hängte sie über den Rand des Putzweimers. Ich zog meine schönen Schuhe wieder an, ging ins Bad, das ich eben geputzt hatte, und machte wieder frisch. Als ich herauskam, stand die Frau mit einem Umschlag da.

»Vielen Dank! Vielen Dank!« sagte sie.

Ich nahm den Umschlag, nickte und steckte ihn ein. Dann ging ich zur Eingangstür. Die Frau holte mich ein. »Nächsten Dienstag wieder? Nächsten Dienstag wieder?« fragte sie. Ich sah sie über die Schulter an. »Okay. Okay«, sagte ich.

Auf der Straße öffnete ich den Umschlag und sah hinein. Dort waren drei Zehnmarkscheine. Zehn Mark für eine Stunde Arbeit. Ich begann zu rechnen. 80 Mark bei acht Stunden Arbeit am Tag. 560 Mark in der Woche – das war ein Anfang.

Ich fuhr mit dem Bus nach Hause. Meine Fahrkarte zahlte ich selber. Ich fühlte mich wie eine Königin.

Dieter sagte, mein Beruf hieß jetzt »Putzfrau«. Ich fand, das Wort hatte etwas Fürstliches. Dieter sagte, er werde schauen, dass ich noch mehr Aufträge bekomme. Ich nickte majestätisch.

Er sagte, ich solle möglichst meinen Mund halten, weil ich keine Steuern zahlte. Aber ich wusste sowieso nicht, wem ich irgendwas hätte erzählen sollen. Ich kannte ja niemanden.

Was schon immer meine Eigenart war: Ich glänzte in allem, was ich tat.

Sauber machen konnte ich natürlich. Ich hatte allerdings noch niemals Geld dafür bekommen. Mir wurde klar, dass

бытовой химии я еще никогда не видела. Женщина вернулась, она протянула мне пару резиновых перчаток. В другой руке она держала оранжевого цвета шлепанцы. Она поставила их перед моими ногами и оставила меня одну.

Очевидно, это было недоразумение. Я прикинула, что мне теперь делать. Потом я сняла свои туфли и сунула ноги в шлепанцы. Свои чулки в сеточку я оставила – ведь никогда не знаешь, кто перед этим надевал обувь, и последнее, что мне было нужно, так это немецкий грибок на моих пальцах ног. Я поставила свои туфли на свободное место на полке в этом чулане.

Я натянула себе на руки перчатки и посмотрела на себя сверху вниз. Я была не совсем подходяще одета, но к счастью могла хорошо работать, не пачкаясь. Я наполнила ведро водой, накапала туда что-то лазурного цвета и начала мыть пол.

Я мыла три часа. В этом доме почти не было ковров на полу. Однако пол был довольно чистый. Мне быстро стало скучно. Так, я оставила пол в покое и начала искать грязь в других местах. Я посмотрела на кухне под стол, там лежали крошки. Я их тотчас убрала. Я посмотрела на плиту. Она состояла из единственной гладкой поверхности, которая, однако, была вся в пятнах. Я как раз взяла тряпку с раковины, когда женщина появилась за моей спиной и начала отчаянно жестикулировать.

«Керамическая поверхность чувствительна! Керамическая поверхность чувствительна!», – говорила она.

Я пожала плечами и вновь занялась полом.

Теперь она оставалась рядом со мной. Когда я пошла в спальню, она принесла мне пылесос. Я включила его и начала пылесосить под кроватью. Теперь я поняла, что это была ее кровать. Я просто не понимала, почему она меня сюда пустила. Я бы не стала терпеть чужих людей в своей спальне, даже если бы мне было очень лень убирать там.

В трубке затрещало – пылесос наткнулся на грязь. Я обошла с ним вокруг женщины и пропылесосила в углах. Потом я взглянула на потолок и обнаружила несколько паутинок. Их я тоже убрала пылесосом. Я забыла о времени и пришла в себя только, когда она сзади постучала мне по плечу указательным пальцем и сказала: «Хватит! Хватит!». Похоже, она всегда все говорила по два раза. Мне это не мешало, если ей это помогало.

Я кивнула, стянула с рук резиновые перчатки, вымыла их и повесила на край ведра, из которого мыла пол. Я снова надела свои красивые туфли, пошла в ванную комнату, которую я перед этим вымыла, и подправила макияж. Когда я вышла в комнату, хозяйка стояла там с конвертом.

«Большое спасибо! Большое спасибо!», – сказала она.

Я взяла конверт, кивнула и засунула его в карман. Затем я пошла к входной двери. Хозяйка окликнула меня. «В следующий вторник снова? В следующий вторник снова?» – спросила она. Я повернулась к ней и сказала: «Окей, окей».

На улице я открыла конверт и заглянула в него. Там было три купюры по десять марок. Десять марок за час работы. Я начала считать. 80 марок за восьмичасовой рабочий день. 560 марок в неделю – и это только начало.

Я поехала на автобусе домой. И билет оплатила сама. Я чувствовала себя королевой.

Дитер сказал, моя профессия называется «Путцфрау» (уборщица). Мне показалось, что в этом слове есть что-то царское. Дитер сказал, что постарается найти для меня еще заказы. Я величественно кивнула.

Он сказал, что я должна стараться держать рот на замке, потому что не плачу налогов. Но я и так не знала, кому я что-то могла бы рассказать. Я же никого не знала.

Я всегда отличалась тем, что с блеском выполняла все, за что бралась.

Убираться я, конечно, умела. По правде говоря, я никогда не получала за это деньги. Для меня было ясно, что

man auch zum Putzen Talent brauchte. Ich hatte es zweifelsohne.

Man brauchte sich nur anzusehen, wie ich arbeitete. Ich betrat ein Haus, und ich freute mich, wenn es dreckig war. Ich betrat inzwischen viele Häuser. Die erste Frau, die mich um die Reinigung ihres Hauses gebeten hatte, gab meine Nummer nämlich sehr schnell an ihre Freundinnen weiter, die auch nicht selber aufräumen konnten. Ich lernte mehr Häuser und Wohnungen kennen. Ich hatte inzwischen einen Stadtplan im Kopf. Ich orientierte mich daran: Da war die Toilette, in der es so schlecht roch, und da war die Küche, in der ich rote Spritzer von der Wand wischte.

Ich hatte das Gefühl, diese ganzen Wohnungen und Häuser gehörten mir. Sie warteten darauf, dass ich kam und sie endlich sauber machte. Ich freute mich über Spinnweben, Brotkrümel und Schlieren auf den Spiegeln. Ich besaß inzwischen richtige Arbeitskleidung: Gummihandschuhe, Gummischuhe und einen figurbetonten blauen Overall, den mir einer der Wohnungsbesitzer geschenkt hatte, um meine Stretchhose zu schützen.

Die Leute, für die ich sauber machte, taten mir ein bisschen leid. Sie waren wie die Kinder – nicht in der Lage, sich um sich selber zu kümmern. Ohne mich wären sie nämlich gezwungen, in einer Badewanne zu baden, in der das Wasser stand, weil der Abfluss mit lauter Haaren verstopft war.

Ich begann, meinen Wirkungskreis ausdehnen. Ich putzte nämlich nicht nur brillant, sondern auch sehr schnell. Dann hatte ich Zeit für ein paar Extras. Ich wischte nicht nur den Kühlschrank aus, sondern sortierte auch die Lebensmittel. Das, was bald verfallen würde, stellte ich nach vorn. Das Verschimmelte und Verdorbene warf ich weg. Wenn ich eine geöffnete Flasche Wein im Kühlschrank fand, dann kippte ich sie aus.

Manchmal nahm ich ein paar Lebensmittel mit, wenn ich das Gefühl hatte, sie waren gerade noch gut, würden hier aber sowieso nicht mehr gegessen werden. Ich nahm Äpfel aus Obstschalen mit, Tütchen mit Studentenfutter, wenn sie kurz vor dem Verfallsdatum waren, Vitamintabletten auch.

Das liebte ich nämlich an Deutschland: Dass man hier so viele Vitamine kaufen konnte und sogar Spurenelemente. Ich fand viele davon in den Küchen- und Badezimmerschränken. Ich füllte mir etwas ab in leere Plastikröhrchen, die ich jetzt immer dabei hatte. Wenn ich Aspirintabletten fand oder Zäpfchen gegen Übelkeit oder andere sinnvolle Sachen, dann nahm ich auch davon welche mit. So sammelte sich bei mir eine kleine Hausapotheke an, und ich fühlte mich noch zufriedener.

Eine junge Frau

Ich stellte fest, dass ich für Deutschland eine ziemlich junge Frau war. Es war, als hätte ich aufgehört zu altern. Zwar hatte ich mein wirkliches Alter nicht vergessen. In Russland wusste ich, dass ich zwar jung war, aber dass andere Frauen in meinem Alter das längst nicht mehr waren. Hier stellte ich fest: Die Frauen meines Alters waren wirklich jung, auch wenn sie schlechter aussahen als ich.

Auch viel ältere Frauen waren noch jung. Der ersten Greisin, die mich mit ihrem violetten Haar auf dem Fahrrad überholt hatte, hatte ich lange hinterher geschaut. Eine zweite hatte ich fotografiert, bei der dritten wurde ich nachdenklich. Dann kaufte ich mir ein gebrauchtes Fahrrad über eine Anzeige in der Zeitung.

Ich saß zum ersten Mal auf dem Fahrrad. Das war nicht einfach. Aber was diese Oma konnte, das wollte ich auch können. Erst probierte ich es alleine. Das Fahrrad kippte um. Ich erinnerte mich daran, wie Kinder Rad fahren lernten. Sie hatten immer einen Erwachsenen, der sie ansah.

Ich verpflichtete Dieter. Er hatte ja sonst nichts zu tun. Abends gingen wir zusammen auf einen leeren Supermarktparkplatz, und ich trat in die Pedale, während Dieter mein Fahrrad stützte. Am Anfang musste er sich sehr anstrengen,

и для уборки необходимо иметь талант. Он, без сомнения, у меня был.

Нужно было только видеть, как я работала. Когда я переступала порог дома и видела, что там грязно, я радовалась. А я, между тем, переступала пороги многих домов. Первая хозяйка, которая попросила сделать уборку в ее доме, очень быстро раздала мой номер телефона своим подругам, которые тоже сами не могли наводить порядок. Я теперь бывала во многих квартирах и домах. План города стал оформляться у меня в голове. Я ориентировалась следующим образом: там был туалет, где очень плохо пахло, а там была кухня, где я со стены счищала красные брызги.

У меня было чувство, что все эти квартиры и дома принадлежат мне. Они ждали, когда я приду и наконец-то вычищу их. Я радовалась паутинам, крошкам хлеба и пятнам на зеркалах. У меня появилась настоящая рабочая одежда: резиновые перчатки, резиновая обувь и подчеркивающий фигуру синий комбинезон, который мне подарил один владелец квартиры, чтобы я не пачкала свои брюки.

Люди, у которых я убирала, слегка вызывали у меня жалость. Они были как дети – не в состоянии самостоятельно о себе позаботиться. Без меня они были бы вынуждены купаться в ванне, в которой вода застоялась, потому что слив забит волосами.

Я начала расширять сферу своей деятельности. Я убиралась не только блестяще, но и очень быстро. Поэтому у меня оставалось время и на некоторые дополнительные вещи. Я не только мыла холодильник, но и сортировала продукты в нем. Те продукты, у которых скоро истекал срок годности, я выставляла вперед. Заплесневевшие и испорченные я выкидывала. Если в холодильнике была открытая бутылка вина, я из нее все выливала.

Иногда некоторые продукты я забирала с собой, если я видела, что они еще хорошие, но их наверняка не съедят. Я брала яблоки из ваз с фруктами, пакетики со смешанными сухофруктами, если у них почти заканчивался срок годности, а также витамины в таблетках.

Именно это я любила в Германии: здесь можно было купить так много витаминов, а также микроэлементов. Многие из них я обнаруживала в шкафах в кухнях и в ванн-ных комнатах. Я немножко отсыпала в пустые пакетики, которые теперь все время имела при себе. Если там были таблетки аспирина, свечки от тошноты или другие полезные вещи, я тоже тогда брала несколько. Так у меня собралась небольшая домашняя аптечка, и я чувствовала себя еще более довольной.

Молодая женщина

Я заметила, что я в Германии считаю еще молодой женщиной. Казалось, я перестала стареть. Хотя свой настоящий возраст я не забыла. Будучи в России, я знала, что я еще молодая, но что другие женщины в моем возрасте уже давно таковыми не являлись. Здесь я выяснила: женщины моего возраста были действительно молоды, если даже и выглядели хуже меня.

Даже женщины намного старше были еще молодые. Первой старушке с фиолетовыми волосами, обогнавшей меня на велосипеде, я долго смотрела в след. Вторую я сфотографировала, увидев третью, я призадумалась. Затем я купила себе подержанный велосипед по объявлению в газете.

Я в первый раз сидела на велосипеде. Это было непросто. Но то, что умела эта бабуля, я хотела тоже уметь делать. Сначала я попробовала сама. Велосипед упал. Я вспомнила, как дети учились кататься на велосипеде. С ними всегда был кто-нибудь из взрослых, кто их подталкивал.

Я обязала Дитера. Ему все равно нечего было делать. По вечерам мы выходили вместе на парковку перед супермаркетом, и я крутила педали, в то время как Дитер поддерживал велосипед. Вначале ему надо было напрягать все силы, я

ich schrie ihn an, wenn das Fahrrad zur Seite zu kippen begann. Wir trainierten einige Wochen, und ich schwöre, Dieter bekam in dieser Zeit eine gesündere Gesichtsfarbe.

Ich schaffte es schnell, das Gleichgewicht zu halten. Nach wenigen Wochen konnte ich einige Meter ohne Stütze fahren. Ich entband Dieter von seiner Pflicht, er hatte bereits angefangen anzudeuten, dass ich für ihn zu schwer war und er einen schwachen Rücken hatte. Jedenfalls übte ich allein weiter. Ich drehte meine Runden auf dem Parkplatz und bald auch auf den Bürgersteigen.

Ich fuhr immer auf dem Bürgersteig, egal wie voll er war. Den Autofahrern vertraute ich nicht.

Als Nächstes lernte ich nämlich Autofahren.

Ich kannte ja schon einen Fahrlehrer, denjenigen, dessen Frau das Kind inzwischen zur Welt gebracht hatte und den ich nicht mehr zu Gesicht bekam, seit sie rund um die Uhr zu Hause saß und als beständiges Accessoire ein sauer riechendes Spucktuch auf der Schulter trug. Ihr Kind vertrug wohl die Milch nicht so gut, und das ganze Haus war jetzt voller Flecken.

Am Abend ging ich in die Fahrschule. Das war für eine berufstätige Frau wie mich sehr praktisch, dass die Fahrschule abends aufhatte. Es gab hier in Deutschland viele Frauen, die nicht arbeiteten, und die Welt drehte sich um sie. Jedenfalls fand ich in der Fahrschule den Mann vor, dessen Frau mich fürs Saubermachen bezahlte, er füllte irgendwelche Zettel an einem Tisch aus. Als er mich sah, sagte er nur: »Ah! Und jetzt?«

»Ich will Auto fahren«, sagte ich.

»Schon mal probiert?«, fragte er.

»Nein«, sagte ich.

Er holte eine Anmeldung hervor und begann sie auszufüllen. Ich kam näher und beugte mich zu ihm hinunter.

»Zum Sonderpreis«, sagte ich vertrauensvoll in sein haariges Ohr.

Wir sahen uns in die Augen. Ich war mir sicher, dass er mich nicht umbringen würde. In Deutschland kam man dafür ins Gefängnis. Er schob mir einen Zettel zum Unterschreiben hin und gab mir einige Broschüren. Zwei Tage später sollte ich zum theoretischen Unterricht erscheinen.

So saß ich bald zwischen zehn Siebzehnjährigen auf einem Plastikstuhl und hörte mir die Vorfahrtsregeln an. Der Besitzer der Fahrschule stand vor einer Tafel und verschob Magnete in unterschiedlicher Farbe und kritzelte Pfeile dazu. Ich las die Regeln lieber in meinen Büchern nach, ich war mir nicht sicher, ob er mir das Richtige erzählte.

Ich bestand die theoretische Prüfung mit wenigen Fehlern (Aminat hatte mich vorher mehrmals abfragen müssen), und dann hatte ich meine erste praktische Fahrstunde.

Mein Fahrlehrer war ein kleines Onkelchen mit großen Ohren und traurigen Augen hinter dicken Brillengläsern. Ich setzte mich ans Steuer und er sich neben mich. Er zeigte mir die Spiegel und die Pedale und den Blinker. Ich wollte aber losfahren und drehte den Zündschlüssel. Das Auto hüpfte. Der Fahrlehrer zog den Schlüssel heraus und steckte ihn in die Tasche und begann alles von vorn. Aber ich war hier Kunde, wir waren hier in Deutschland, und ich sagte: »Ich bin hier, um zu fahren.«

Der Fahrlehrer erzählte mir, dass ausgerechnet ältere Frauen große Probleme beim Erlernen des Autofahrens hatten. Selbst diejenigen, die in der Lage waren, den Prozess intellektuell zu begreifen, waren meist viel zu ängstlich. Sie konnten nicht Auto fahren, weil sie dabei zuviel fühlten. Deswegen musste man die Vorgänge mehrmals durchsprechen, dann lange auf einem Parkplatz üben, bis eine ältere Frau sich für nervenstark genug hielt, sich in den echten Straßenverkehr einer verkehrsberuhigten Zone zu wagen.

„Schlüssel her, du Besserwisser“, sagte ich und deutete mit dem Finger auf die Tasche, in der er den Schlüssel hatte.

Daraufhin hatten wir ein kurzes Gerangel. Er war leider schwer von Begriff. Aber ich bekam den Schlüssel, steckte ihn

krichala на него, если велосипед начинал клониться на бок. Мы тренировались несколько недель, и я могу поклясться, Дитер приобрел за это время более здоровый цвет лица.

Я быстро научилась держать равновесие. Через несколько недель я могла проехать пару метров без поддержки. Я освободила Дитера от этой обязанности, так как он как раз начал намекать, что я для него слишком тяжелая, а у него слабая спина. В любом случае, я продолжала тренироваться дальше сама. Я колесила кругами на парковке, а в скором времени и на пешеходных дорожках. Я ездила только по тротуарам, несмотря на то, сколько пешеходов там было. Водителям автомобилей я не доверяла.

Следующим моим решением было научиться водить автомобиль. Я знала уже одного инструктора, того самого, чья жена недавно родила ребенка и кого я больше не встречала с тех пор, как она круглые сутки сидела дома и как бессменное украшение носила на своем плече пахнущий кислым слюнявчик. Ее ребенок плохо переносил молоко, и поэтому все в доме было теперь в пятнах.

Вечером я шла в автошколу. Это было для такой занятой на работе женщины, как я, очень практично, что в автошколе занятия проводились по вечерам. Здесь, в Германии, было много женщин, которые не работали, и весь мир вертелся вокруг них. Я все же нашла в автошколе того мужчину, чья жена платила мне за уборку, он заполнял какие-то листочки за столом. Когда он меня увидел, он только произнес: «А сейчас что?»

«Я хочу водить машину», – сказала я.

«Уже есть опыт?», – спросил он.

«Нет», – сказала я.

Он достал бланк заявления и начал его заполнять. Я подошла поближе и наклонилась к нему.

«По льготной цене», – сказала я ему доверительно прямо в волосатое ухо.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Я была уверена, что он меня не приберет. В Германии за это попадают в тюрьму. Он пододвинул мне листок, чтобы я подписала, и дал несколько брошюрок. Через два дня я должна была прийти на теоретическое занятие.

Итак, я в скором времени сидела среди десяти семнадцатилетних на пластиковом стуле и слушала правила дорожного движения. Владелец автошколы стоял у доски, двигал магниты различных цветов и рисовал стрелочки к ним. Правила мне больше нравилось учить по учебникам, я была не уверена, что он правильно рассказывал. Я сдала теоретический экзамен с несколькими ошибками (Aminat перед этим много раз опрашивала меня), и затем был мой первый урок вождения.

Моим инструктором был маленький дядечка с большими ушами и грустными глазами за толстыми стеклами очков. Я села за руль, а он сел рядом со мной. Он показал мне зеркала, педали и указатель поворота. Я хотела поехать и повернула ключ зажигания. Машина прыгнула. Инструктор вытащил ключ, засунул его себе в карман и начал все заново объяснять. Но здесь клиентом была я, мы были в Германии, и я сказала: «Я здесь, чтобы ездить».

Инструктор пояснил мне, что как раз пожилые женщины имели большие проблемы при обучении вождению. Даже те, которые были в состоянии понять весь процесс интеллектуально, часто сильно боялись. Они не могли вести машину, потому что были перевозбуждены. Поэтому приходилось весь процесс объяснять много раз, потом долго тренироваться на автодроме до тех пор, пока пожилая дама не почувствует себя достаточно уверенной, чтобы отважиться выехать на спокойную автомобильную трассу.

«Ключ сюда, ты, всезнайка», – сказала я и показала пальцем на карман, в который он положил ключ.

После этого у нас была короткая потасовка. Он, к сожалению, туго соображал. Но я получила ключ, вставила его, нажала на педаль, отпустила сцепление. Наверное,

rein, trat in die Pedale, zerrte an der Kupplung. Das Auto war vermutlich etwas kaputt, es bewegte sich nur in Hüpfen, bevor es hustete und ausging.

Ich probierte es weiter, mit einem Ellbogen den Fahrlehrer abwehrend, der versuchte, an den Schlüssel zu kommen. Er jammerte und schimpfte mit seinem leisen Stimmchen.

»Psst Opa«, bat ich, »sag mir lieber noch mal die Reihenfolge«.

Er trocknete sich mit einem Stofftaschentuch die Stirn ab. Seine Knie waren etwas verkrampft. Er hatte auch Pedale auf seiner Seite, auf denen er die ganze Zeit stand -wahrscheinlich kam ich deswegen nicht vom Fleck.

Er war sehr erstaunt, als es mir gelang, das Auto über den Parkplatz zu steuern. Ich streichelte das Lenkrad, trat fester in die Pedale, spürte am eigenen Leib, was nun die Bremse und was Gas war, und ich fuhr. Ich fuhr vom Parkplatz auf die Straße. Hier war es laut, viele Autos hupten. Der Fahrlehrer neben mir zuckte immer wieder zusammen und griff mir ins Lenkrad. Ich ließ ihn, wenn es ihm damit besser ging. Hauptsache, ich fuhr.

Ich lernte schnell. Meine Nerven waren wie Drahtseile. Leider fiel ich bei der praktischen Prüfung zweimal durch, was verständlich war: Auch in Deutschland gab es Mafia, der Prüfer wollte vermutlich Geld und ich hatte es nicht verstanden. Ich meldete mich wieder an, machte erneut die vorgeschriebene Anzahl der Stunden und hielt bald einen Führerschein in den Händen. Als ich mir später die Rechnungen noch mal durchsah, stellte ich fest, dass ich nur die Prüfungsgebühren gezahlt hatte.

Alles Geld, das ich verdiente, legte ich in Umschläge und steckte sie zwischen meine Unterwäsche. Gelegentlich zählte ich nach, aber meist hatte ich den jeweiligen Betrag im Kopf. Ich verdiente sehr viel Geld, weil ich so gut war. Ich brauchte nur ein Wort zu sagen, und die Arbeitgeber erhöhten meinen Lohn um ein paar Mark. Ich gab nicht sehr viel aus.

Zum Haarschneiden ging ich nicht in einen Salon weil die Preise dort horrend waren. Eine meiner Arbeitgeberinnen ließ eine Friseurin nach Hause kommen, die der ganzen Familie die Haare schnitt, und ich durfte auch kommen. Ich hatte ausgezeichnetes Haar, sehr gute Gene, nichts war grau. Bei einer anderen Kundin ließ ich mir nach dem gleichen Prinzip die Nägel machen. An den Fingern ging es leider nicht, die brauchte ich zum Arbeiten. Aber meine Fußnägel waren perfekt. In Form gefeilt und kirschrot lackiert. Überhaupt hatte ich schöne Füße, schmal, nicht zu groß, nicht zu klein, sehr gepflegt, zum Liebhaben.

Dieter wollte mich nicht ans Steuer seines Autos lassen. Inzwischen war mir klar, wie alt und hässlich er war – ich hatte schon ganz andere gesehen. Jedenfalls fing ich an, es einfach zu nehmen. Er war meistens zu Hause, und wenn ich das Auto brauchte, dann nahm ich mir den Schlüssel aus der Schublade und fuhr weg.

Ich holte Sulfia mit Dieters Auto vom Flughafen ab. Ich fuhr zum ersten Mal allein eine solche Strecke. Streng genommen war ich zum ersten Mal allein auf der Autobahn. Mein Herz pochte vor Stolz und Aufregung. Ich verfuhr mich ein paar Mal, kam aber rechtzeitig an.

Ich hatte Sulfia nicht vermisst, ich war so beschäftigt gewesen. Trotzdem war es sehr gut, dass sie jetzt da war. Sulfia hatte Sehnsucht nach uns gehabt. Ich konnte nicht zu ihr, weil ich Aminat nicht mit Dieter allein lassen wollte, und ich konnte nicht mit Aminat hin, weil ich sie nicht aus dem Eingewöhnungsprozess, in dem sie mir so hinterherhinkte, rausreißen wollte. Jetzt stand Sulfia vor mir, mit einem Koffer, mit dem ich sie damals zur Abreise ausgestattet hatte. Er hatte Rollen, aber sie konnte ihn trotzdem kaum ziehen. Ihr Gesicht war aufgedunsen, die Haut teigig, und unter den Augen lagen tiefe Schatten.

Ich sah Sulfia an und spürte einen heftigen Hass auf Kalganow.

машина была немного неисправна. Она двигалась только рывками, затем чихнула и остановилась.

Я начала вторую попытку, одновременно оттесняя локтем инструктора, который пытался добраться до ключа. Он ныл и ругался своим тихим голосочком.

«Тшш, дедуля, – попросила я, – повтори лучше мне еще раз порядок действий».

Он промокнул носовым платком лоб. Его колени слегка свело судорогой. У него были тоже педали под ногами, на которые он все время нажимал, может, поэтому я не могла стронуться с места.

Он очень удивился, когда мне удалось проехать на машине по автодрому. Я погладила руль, нажала сильнее на педаль, почувствовала на себе, что такое тормоз и газ, и поехала. Я выехала с автодрома на проезжую часть. Здесь было шумно, многие машины сигналили. Инструктор вздрагивал возле меня все время и хватался у меня под руками за руль. Я оставила его, раз ему от этого было лучше. Главное, я ехала.

Я быстро училась. Мои нервы были как канаты. К сожалению, я два раза провалилась на практическом экзамене, что было понятно: в Германии тоже была мафия, экзаменатор, наверно, хотел денег, а я этого не поняла. Я снова записалась в автошколу, отзанималась еще раз предписанное количество часов и скоро держала в руках водительские права. Когда я позже еще раз просмотрела счета, я заметила, что заплатила только за экзамен.

Все деньги, что я зарабатывала, я складывала в конверты и прятала в свое белье. Иногда я пересчитывала, но обычно данную сумму я держала в голове. Я зарабатывала очень много денег, потому что так хорошо работала. Мне достаточно было сказать лишь слово, и работодатели повышали мне зарплату на пару марок. А тратила я не очень много.

На стрижку я ходила не в салон, так как цены там были огромными. Одна из моих хозяек приглашала парикмахера на дом, которая стригла всю семью, и я могла тоже подстригаться. У меня были отличные волосы, очень хорошие гены, ни одного седого волоска. У другой хозяйки я по этому же принципу делала педикюр. О руках, к сожалению, не могло быть речи, они мне были нужны для работы. Но мои ногти на ногах были в отличном состоянии. Обработанные пилкой, выкрашенные вишневым лаком. Вообще у меня были красивые ступни, узкие, не очень большие, не слишком маленькие, очень ухоженные, как будто созданные для любви.

Дитер не хотел пускать меня за руль своего автомобиля. За это время мне стало ясно, какой старый и страшный он был – я уже видела совсем других мужчин. В конце концов, я начала просто сама брать его машину. Он был почти все время дома, и если мне нужна была машина, я брала ключ из шкафчика и уезжала.

Я встретила Зульфю в аэропорту на машине Дитера. Я в первый раз проехала такое расстояние одна. Строго говоря, я в первый раз была одна на скоростной автотрассе. Мое сердце громко стучало от гордости и волнения. Я пару раз перепутала направление, но все же приехала вовремя.

По Зульфю я не скучала, у меня было столько дел. Несмотря на это, было очень хорошо, что она была сейчас здесь. Зульфя скучала по нам. Я не могла поехать к ней, чтобы не оставлять Aminat одну с Дитером, и с Aminat я не могла уехать назад, чтобы не перебивать ей процесс привыкания к Германии, в котором она и так плелась позади меня. Сейчас Зульфя стояла передо мной, с чемоданом, который я собирала тогда перед ее отъездом. У него были колесики, но она, тем не менее, едва могла тащить его. Ее лицо отекло, кожа была бледная, под глазами лежали глубокие тени.

Я смотрела на Зульфю и чувствовала сильную ненависть к Калганову, ее отцу.

*Перевод Юлии Баах и Натальи Евтуговой.
Омский государственный университет*

Ида БЕНДЕР

Ida Bender

«Schön ist die Jugend bei frohen Zeiten»

(Вступительное слово к книге Иды Бендер)

Чем дальше мы уходим в нашей российской истории от времен сокрушительных социальных, политических, цивилизационных катаклизмов – Первой мировой войны, Октябрьской революции, Гражданской войны, репрессий 1930-х годов, от времени Великой Отечественной войны и тяжелых послевоенных десятилетий, – тем больше перед нами предстает как подвиг само выживание и сохранение страны, выживание в ней ее народов, и даже просто жизнь каждого честного, порядочного человека в тех условиях.

Еще больше предстает подвигом жизненный путь российских немцев в те годы. Потому что вдобавок к общим трагедиям, выпавшим в стране на долю всех, на их долю выпала еще и трагедия несправедливых обвинений в пособничестве врагу в годы войны, трагедия депортации в Сибирь и Казахстан, ликвидация их государственности и лишение их всех условий, необходимых для выживания любого народа: условий для совместного проживания, для сохранения культуры, родного языка, условий для физического выживания вообще после конфискации их домов и личной собственности при депортации.

Мало этого: на российских немцев была обрушена еще и трагедия трудармии, когда все они, от 15 до 55 лет, оставив беспомощных детей и стариков на произвол судьбы и без средств к существованию в новых чуждых суровых условиях, были направлены в лагеря, где работали под конвоем, погибая тысячами от голода, сибирских морозов и издевательств над ними как «предателями».

А после войны для них ввели еще и режим спецкомендатуры, надолго закрепивший распыленность их проживания и разрушенность семей. И на десятилетия установили дискриминацию по национальному признаку, не позволившую народу – до сих пор! – иметь ни одной национальной школы, ни одного национального культурного учреждения, ни одного национального органа самоуправления, ни даже своих представителей в органах власти. Дискриминацию, закрывшую для тысяч и тысяч российских немцев не только продвижение по службе, отвечающее их способностям, талантам и труду на благо своей страны, но и путь к высшему образованию, что отбросило народ, занимавший до войны

Vorwort

Je weiter wir uns von unserer Geschichte in Russland, von der Zeit der zerschmetternden sozialen, politischen, Zivilisationskataklismen entfernen – dem Ersten Weltkrieg, der Oktoberrevolution, dem Bürgerkrieg, den Repressalien der 1930er Jahre, der Zeit des Großen Vaterländischen Krieges und der schweren Nachkriegszeit – desto mehr erscheint selbst das Überleben des Landes, seiner Völker und sogar eines einzelnen ehrlichen Menschen unter jenen Bedingungen als Heldentat.

Als eine noch größere Heldentat erscheint der Lebensweg unseres russlanddeutschen Volkes in jenen Jahren. Weil zu den Tragödien, die allen im Lande zuteil waren, noch die Tragödie ungerechter Beschuldigungen kam, die Tragödie der Deportation, der Zerstörung unserer autonomen Republik und dadurch die Aufhebung aller notwendigen Bedingungen zum Erhalt der Kultur, der Muttersprache, zum physischen Überleben des Volkes überhaupt. Mehr noch: alle Russlanddeutschen, ab 15 bis 55 Jahre, wurden in die Trudarmee, die Zwangsarbeitslager gesteckt, wo Tausende und Abertausende durch schwere Arbeit, Hunger und sibirische Fröste für immer blieben.

Und nach dem Krieg wurde für sie noch die Sonderkommandantur eingeführt, wodurch die Zerstreuung des Volkes, Zerstörung der Familien strafzugemessen gesichert wurde. Jahrzehnte wurden sie, ihrer deutschen Volkszugehörigkeit wegen, diskriminiert, so dass ein ganzes Volk bis auf den heutigen Tag keine einzige nationale Schule hat, keine einzige nationale Kulturstätte, kein einziges nationales Verwaltungsorgan, nicht mal einen Vertreter in den Regierungsorganen. Diese Diskriminierung ermöglichte den Russlanddeutschen auch nicht, im Berufsleben entsprechend ihrer Talente und Arbeitsleistungen vorzurücken, und warf unser Volk, vor dem Krieg seinem Bildungsgrad nach an einer der ersten Stellen im Lande, faktisch auf die letzte Stelle zurück.

All das hat unser Volk durchgemacht.

Ehrlich über so einen Weg zu schreiben, fordert viel Mut. Da ich die Autorin als Person kenne, der das Schicksal ihres Volkes sehr zu Herzen geht, kann ich mir gut vorstellen, was es sie gekostet hat, dieses Buch, mit Schmerz und Leid überfüllt, zu schreiben.

Ich verneige mich vor der Autorin und danke ihr auch dafür, dass einer der besten Vertreter unseres Volkes – der

по уровню образования одно из первых мест в стране, практически на последнее место.

Через всё это прошёл наш народ. О том, как это было, и благодаря чему этот подвиг выживания нашему народу удалось совершить, и каких сил он потребовал, и как российские немцы, стиснув зубы, в любых обстоятельствах самоотверженно делали, что могли для своего народа – читайте в этой книге-документе, книге-свидетельстве. Книге, само написание которой тоже воспринимается как подвиг.

*Гуго Вормсбежер
1 декабря 2009 г., Москва*

wahre Volkslehrer und Volksschriftsteller der Russlanddeutschen, Dominik Hollmann, – in diesem Buch so lebendig, so unzertrennlich vom Schicksal seines Volkes gezeigt wird.

Darüber, wie alles war, wie die Heldentat des Überlebens unserem Volke gelungen ist und wie die Russlanddeutschen, in beliebigen Lebensbedingungen, selbstlos alles Mögliche für den Erhalt ihres Volkes geleistet haben, kann der Leser in diesem Buch lesen. Im Buch, das zu schreiben allein schon eine Heldentat ist.

*Hugo Wormsbecher 16 Moskau,
den 13. April 2010*

Man kann seiner Vergangenheit nicht entfliehen – Ein Wort zum Leser

Viele Jahre habe ich die Idee in mir getragen, solch ein Buch zu schreiben. Viele Jahre habe ich daran gearbeitet. Endlich habe ich es geschafft.

Viele Schwierigkeiten habe ich erlebt, auch viel negatives Verhalten mir gegenüber. Aber immer schickte mir Gott Auswege, gute Menschen – Deutsche, Russen, Juden, Kasachen, die mir mit Rat und Tat geholfen haben. Ich habe gelernt, dass nicht die Zugehörigkeit zu einer bestimmten Volksgruppe, Nationalität, sondern die Einstellung eines jeden Menschen, sein Verhalten zu den Mitmenschen entscheidend ist.

Ich habe bei der Arbeit an diesem Buch jene schweren Ereignisse meines Lebens immer wieder erlebt, bin davon nachts mit einem Schrei aus dem Schlaf gefahren, oder am Tag haben sich beim Schreiben meine Augen mit Tränen gefüllt, und ich musste Pausen einlegen, manchmal für einige Tage. Dann ging ich aus dem Haus, gleichsam weg von den Erinnerungen, fort, weg in eine andere Umgebung. Oft in Blumengeschäfte, um beim Bewundern der Blumen meine Seelenruhe wieder zu erlangen.

Vor über 200 Jahren waren unsere Vorfahren, dem Ruf der Zarin Katharina der Zweiten folgend, nach Russland gekommen. Nicht auf Abenteuersuche, die Not hatte sie getrieben. Wie viel Not, Elend hatte unser Volk zu ertragen in all der Zeit ihrer Siedlung an der Wolga! Mit wie viel Schweiß und Blut ihrer schwielen Hände haben sie das Steppenland getränkt, haben es bearbeitet, gepflegt, verschönert, fruchtbar, nutzbringend gemacht und die unbearbeiteten Ländereien zu einer ‚Perle an der Wolga‘ (so hatte Stalin die Wolgadeutsche Republik kurz vor dem Krieg genannt), verwandelt – nicht nur zum eigenen, sondern auch zum Wohle des ganzen Russlands.

Als ich über das Schicksal meiner Vorfahren, meiner Großeltern, Eltern und schließlich mein eigenes, meiner Generation nachdachte, sah ich, dass es alles andere als schön war. Doch wir haben nicht aufgegeben, fleißig die Hände gerührt, gearbeitet und unsere Kultur gepflegt. Auch in Zeiten totalen Verbots ...

Von klein auf hörte ich viele deutsche Volkslieder und

immer wieder dieses Lied ‚Schön ist die Jugend‘, das sehr beliebt war bei unserem Volk. Später, in der Trudarmee-Baracke im hohen Norden in dem sibirischen Taiga-Urwald, fernab von jeglicher Zivilisation, stillten wir hungrigen und erniedrigten russlanddeutschen Mädchen unsere Trauer und Sehnsucht nach den teuren Lieben und nach unserer Kultur dadurch, dass wir unsere deutschen Volkslieder sangen, und unbedingt jedes Mal das Lied ‚Schön ist die Jugend‘. Damit schöpften wir Mut zum Weiterleben, Nichtverzagen, schöpften Hoffnung auf bessere Zeiten.

Auch viele Jahre später in den 80er-Jahren in unserem ‚Neues-Leben‘-Leserklub haben wir bejahrte Russland-Deutschen unsere deutschen Volks-

lieder gesungen und immer wieder dieses Lied: ‚Schön ist die Jugend bei frohen Zeiten ...‘

Möge es in Zukunft immer frohe Zeiten geben ohne Kriege und Missverständnisse zwischen Völkern, Nationen und Staaten, damit die Jugend, und nicht nur die Jugend, jegliche Generation jedes Landes, jedes Volkes frohe Zeiten leben kann.

Bei der Arbeit an diesem Buch habe ich ausgewertet:

1. Einige Angaben aus dem Buch „David Schmidt. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Erster Teil. Seit der Einwanderung bis zum Imperialistischen Weltkrieg.“ Herausgegeben vom Zentral-Völkerverlag der Union der Soz. Räte-Republik. Abteilung in Pokrowsk, ASSR der Wolgadeutschen. Pokrowsk. 1930. Charkow.

2. Das Buch von Dr. Igor Pleve „Deutsche Kolonien an der Wolga in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts“, Verlag Gotika, 1998.

3. Vieles aus den Erzählungen meiner Großmutter Susanna Hollmann und meiner Eltern Emilia (Appelhans) und Dominik Hollmann.

4. Und noch mehr meine eigenen Erlebnisse, Gefühle, Gedanken.

*Ida Bender (geb. Hollmann)
Dezember 2008, Hamburg*

Генрих ГРОУТ

ВИЛЛИ МУНТАНИОЛУ – 80

Вилли (урожденный Василий) Мунтаниол родился 23 февраля 1931 года в немецком селе Воскресенка Кустанайской области.

После средней школы рабочей молодёжи с 1962 по 1963-й работал литсотрудником районной прессы и зав. отделом межрайонной газеты. В 1969-м окончил отделение работников печати заочной высшей партшколы при ЦК КПСС. С 1968 по 1992-й был собкором областных газет в Кызылорде, Актюбинске и в Информационном агентстве при Совмине Каз. ССР (КазТАГ–ТАСС).

Печатал статьи, репортажи, очерки и фельетоны на разные темы в газетах «Нойес Лебен», «Кустанайский комсомолец», «Ленинская смена», «Молодой целинник», «Казахстанская правда», «Комсомолец Киргизии», «Советская Киргизия», «Неделя», «Правда», «Комсомольская правда», «Экономическая газета», в сатирических журналах «Шмель» и «Чалкан».

Предок по отцу – Joseph Jakob's Muntaniol был гугенотом и произошёл во французской провинции Montanjol. После изгнания гугенотов из Франции, он попал в Württemberg и в 1789 году по зову Екатерины Великой переехал в Россию, поселившись с семьёй в немецкой колонии Josefstal Днепропетровской губернии. В годы столыпинской реформы Мунтаниолы перебрались на земли Южного Урала. Там в 1903 году на хуторе Доможирово Челябинской области родился отец Вилли – Василий Иванович Мунтаниол. Дед Вилли по отцу – Иван Данилович с многодетной семьёй и своими земляками перебрался к целинным землям Кустанайщины, построив там посёлок Александрополь. Он был

средняком, имел мельницу, в хозяйстве работали всей семьёй из 11 человек. Раскулачить деда не успели. Он умер в декабре 1925 года.

В Гражданскую войну один из его сыновей – Иван был командиром партизанского отряда, вернулся домой невредимым. А в 1937-м его расстреляли как врага народа. Александр воевал на стороне Колчака и был убит красными. Однорукого Якова бросили в Карлаг на 10 лет без права переписки. Там он и погиб.

С 1936 года до начала войны отец Вилли – Василий Иванович Мунтаниол работал в Актюбинском обкоме партии. В начале декабря 1941-го его вместе с семьёй – женой и тремя детьми – выселили из города в далёкий казахский аул Жолман совхоза «Копинский». В начале 1942-го отца отправили в концлагерь Молотовской области и Днепропетровска на лесосплав и строительство гидростанций.

После начальной казахской школы и 6-го класса русской сельской школы Вилли (которого до переезда на историческую родину звали Васей, Василием и Василием Васильевичем) учился в актюбинском железнодорожном училище. В 1947-м В.И. Мунтаниола списали из трудармии едва живым. Все эти трудные годы, при поддержке казачков, особенно Кабиры Есжановой, детей растила мать – Екатерина Даниловна Мунтаниол.

Она родилась в 1913 году в большой семье католика Данила Петровича Таубергера, который построил село Воскресенку в Кустанайской области, имел водяную мельницу, крупное хозяйство. В 1930-е годы был раскулачен, а в 1937-м расстрелян как враг, который тайно оформлял документы на выезд в Германию недовольным коллективизацией немцам.

Ещё в училище, до Указа 1948 года, Василий был принят в комсомол и теперь копинская молодёжь избрала его своим вожаком. С этого момента начинается его борьба за справедливость. В 1952-м, в обход районной комендатуры, он едет в Актюбинск и при поддержке обкома комсомола добивается разрешения на выезд в Алма-Ату учиться музыке.

В 1954-м Мунтаниол добивается снятия его со спецучёта и уходит в армию. Там, в Оренбурге, при клубе части он создаёт полковой хор, который под его управлением выходит на 1-е место в Южно-Уральском военном округе. Но подводит здоровье на третьем году службы – туберкулёз лёгких свалил его в военный госпиталь.

Возвратившись к родителям инвалидом 2-й группы, теперь уже на целинные земли Кустанайщины, он создаёт в совхозе «Московский» самодеятельный коллектив с хором и выводит его на 1-е место в Кустанайском районе. Так он заработал деньги на дорожную путёвку в тубсанаторий.

В 1959-м Мунтаниол – лауреат областного конкурса вокалистов, а в 1960-м – солист Всесоюзного немецкого эстрадного ансамбля «Hand in Hand» при Кустанайской филармонии. Там его впервые назовут по-немецки – Willi. И там он будет обласкан зрителем своего народа, со слезами радости принявшего свои родные песни. Но через год ансамбль закрыли за то, что посмел разбудить национальное самосознание немцев.

В начале 1962-го Мунтаниол уезжает в Киргизию. В Таласе работает заведующим отделом культуры и быта межрайонной газеты. Его резкие критические материалы выводят из терпения покровителей махинаторов. Он попа-

дает под сокращение штатов. Но продолжает печататься в центральных газетах республики.

Весной 1964-го его принимают инспектором Таласского горисполкома по культпросветработе и худруком городского дома культуры. С появлением в 1964 году половинчатого Указа Верховного Совета СССР о реабилитации немцев, Василий включается в борьбу за права своего народа: писал письма в Москву, выступил с резкой критикой в адрес руководителей Киргизии на республиканском совещании общества «Знание», потребовав претворения в жизнь положений Указа.

За его спиной секретарь ЦК партии Киргизии Б.Т. Мураталиев проводит в Таласе закрытое собрание партийно-хозяйственного актива Таласской долины. Там за «тенденциозное выступление во Фрунзе» он шельмует «революционера и подстрекателя Мунтаниола, которому срочно нужна немецкая автономия».

В итоге 21.12.1964-го Василия освобождают от работы в Таласском горисполкоме, а 1.03.1965-го – от должности худрука дома культуры. Коллеги по перу пытались пристроить его в прессу. Мунтаниол уже оформлялся на работу в редакцию последних известий республиканского радио, имея в запасе телеграмму с приглашением в районную газету близ города Фрунзе. Но, выследив попытки автономиста «проникнуть» в средства массовой информации, тот же секретарь ЦК наложил запрет на его профессию журналиста.

Весной 1965-го Василия назначают директором и худруком Пржевальского городского дома культуры. Он добивается перестройки здания бывшего драмтеатра под дом культуры, строительства современного танцевального зала, создаёт народный театр, творческий коллектив самодеятельности, который становится лауреатом республиканского смотра.

Между тем он продолжает быть одним из организаторов, и, как считали кагебисты, идейным руководителем автономистского движения в Киргизии. По заданию органов КГБ за Мунтаниолом постоянно присматривал прикомандированный в Пржевальск специальный уполномоченный, который в период работы в Москве XXIII съезда партии вернул Василия из командировки в Министерство культуры под домашний арест.

31 октября 1965-го в посёлке городского типа Кант состоялся форум немецкой молодёжи Казахстана и Киргизии с участием в нём более 30 человек. Решали вопрос о задачах немецкой молодёжи в движении за восстановление политической автономии. Участники форума единогласно приняли и подписали единственный и важнейший документ того времени – личное письмо Мунтаниола в адрес главного идеолога ЦК КПСС М.А. Сулова и председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР А.Я. Пейве. Официальный донос об этом событии отправил в Москву Б.Т. Мураталиев.

По предложению руководителя первых делегаций Фридриха Шесслера, трудармеец и участник первой поездки немцев в Москву И.К. Бруг готовил Мунтаниола к участию в работе 3-й делегации в качестве руководителя. Но 27.06.1967-го его на пути в аэропорт города Фрунзе для вылета в Москву задержали сотрудники КГБ, посадив под домашний арест в гостинице города Токмак.

Уехать из Пржевальска Василию позволили только после того, как он оставил подписку в горкоме партии о временном прекращении борьбы за восстановление немецкой автономии.

В Казахстане Василий прошёл по журналистским тропам Приаралья, лет 6 проработал в актюбинской газете, отсюда его на три года перевели в КазТАГ с московской стажировкой в ТАСС. После такой профессиональной переподготовки редактор актюбинской газеты принял его старшим корреспондентом, посулив через месяц оформить заведующим отделом.

И вдруг однажды коллега по работе шепнул Василию, что шеф провёл закрытое заседание редколлегии, сообщив, что в Киргизии Мунтаниол был автономистом, требовал вернуть немцам республику на Волге. Теперь велено присматривать за ним и никуда не выдвигать. Сразу же все его критические материалы, подготовленные по заданию редактора, шеф молча отправлял на проверку покровителям тех, о ком писал Василий.

Мунтаниол расстроился: в глаза говорят одно, а за спиной – другое. Собрался и пошёл к начальнику управления Василия «провели» через бюро обкома, а взволнованный редактор «по-дружески» жал руку, поздравляя нового зав. отделом.

Вскоре после этого газету принял молодой, энергичный редактор Евгений Кулагин. Наладил работу, заметно поднял тираж. Поддерживал Василия во всех его начинаниях. И тут Мунтаниол пишет стихи и вместе со своим братом Эрнстом (московским композитором) выпускает на фирме «Мелодия» сувенирную пластинку с песней об Актюбинске «Мой город на белом холме» в исполнении солиста Московской филармонии Анатолия Сафиулина, хора и эстрадно-симфонического оркестра Всесоюзного радио и Центрального телевидения под управлением А. Петухова. Песня становится гимном города, звучит в позывных радио и телевидения, на торжественных праздниках.

Новый редактор Кулагин, по сути, разбудил Мунтаниола, сообщив, что немцы в Москве целую революцию устроили – республику требуют вернуть. По всей стране возникают немецкие общества «Возрождение». «Вот тебе журнал «Новое время». Читай, изучай обстановку, готовь учредительную конференцию, создавай немецкое общество, принимай в него и меня. Если что – я помогу. Действуй!»

13.07.1990 г. на первой учредительной конференции создано Актюбинское областное общество немцев «Возрождение». Его председателем единогласно избран Василий Мунтаниол. Материалы конференции опубликованы в 1-м выпуске специальной страницы «Unsere Hoffnung» – «Наша надежда», которая стала постоянной. Газета с этой полосой шла нарасхват. Изголодавшиеся по правде жизни, люди всех национальностей с интересом открывали для себя тайны судеб советских немцев.

Актюбинский председатель со своей делегацией побывал на всех немецких съездах и конференциях СССР, СНГ и Казахстана. Мунтаниол всегда придерживался активной и принципиальной позиции, направленной на безотлагательное восстановление довоенного статуса российских немцев, с возрождением их республики в Поволжье. Только такие меры, по его глубокому убеждению, были бы восприняты немцами как полная реабилитация и восстановление их национальных и социальных прав. Только такие меры могли бы сохранить российско-немецкий народ от насильственной ассимиляции, проводившейся в СССР с 1941 года, лишь видоизменившейся в постсоветской России.

Потеряв все надежды на возрождение справедливости по отношению к своему народу в Российской Федерации, куда он готов был переехать, Василий Мунтаниол на одном из партсобраний редакции заявил, что покидает ее ряды. Вслед за Мунтаниолом молча положили на стол свои партбилеты секретарь партбюро, заместитель редактора, ещё два журналиста. Все молча разошлись по домам. А Василий ушёл на пенсию, подготовил немецкое общество к передаче наследнику, а в декабре 1995-го уехал с семьёй на историческую родину предков.

В Германии Вилли Мунтаниол основательно занялся литературой. Печатался в газетах «Восточный экспресс», «Дипломатический Курьер». С 2004 года постоянно публикуется в журнале «Ost-West-Panorama». За эти годы вышла огромная серия его художественных очерков о судьбах российских немцев.

В 2002 году Мунтаниол был среди тех, кто в Берлине учредил Международный конвент российских немцев, который он рассматривает как общественное объединение, сохраняющее идейные ценности бывшего Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение», позже известное как Международное общество российских немцев (МОН) «Видергебурт». Как постоянный спецкор и член форштанда Конвента Вилли пользуется непререкаемым авторитетом среди своих соратников и широких кругов аусзидлеров в Германии.

В 2006 г. Мунтаниол награжден «Екатерининской медалью» Совета федеральной национально-культурной Автономии российских немцев за активную общественную деятельность и в связи с 75-летием со дня рождения.

В конце 2008 г. вышел в свет 1-й том в двух книгах его романа-трилогии «Ты виноват уж тем, что немец». В этой книге маститый журналист и писатель на биографической

основе осветил драматическую судьбу российских (советских) немцев, чем существенно пополнил и обогатил пока еще не столь богатую литературную библиотеку по данному вопросу.

3 февраля 2009 года в Берлине на торжественном концерте по случаю открытия Года Казахстана в Германии – Нурсултан Назарбаев не забыл упомянуть об этнических немцах, проживающих сегодня в Казахстане, и немцах, выехавших оттуда в Германию. При этом Президент независимой республики вспомнил и о Вилли Мунтаниоле и его книге, в которой с большой теплотой описывается роль простой казашки Кабиры в спасении семьи Мунтаниол во время ее депортации в Казахстан.

А сейчас, несмотря на свой преклонный возраст, он продолжает работу над 2-м томом романа, чтоб охватить события последних 40 лет жизненного пути.

Писатель об авторе

ХРОНИКА ЖИЗНИ ВИЛЛИ МУНТАНИОЛА

(Из рецензии Герольда Бельгера)

поисках вожденного счастья и свободы с германскими, французскими, итальянскими, шведскими, датскими, бельгийскими, шотландскими, швейцарскими, голландскими и так далее корнями, и на немеренных просторах России со временем все они стали числиться немцами. Мунтаниолы, видимо, происходили из французских гугенотов. Но это было слишком давно.

Вилли (точнее Василий Васильевич) Мунтаниол, о котором здесь пойдет речь, подлинный российский немец, более того, казахстанец по рождению, ныне проживающий на родине далеких предков, испытавший как немец все тяготы и превратности своих соплеменников в сталинскую и постсталинскую эпоху, то есть ссылку, бесправие, унижение, беззаконие, гонение, беспредел, с детства активно сопротивлявшийся «свинцовым мерзостям» большевистской национальной политики, боровшийся на всех этапах и участках своей бурной жизни за справедливость и достоинство своего оболганного и измытаренного народа, изо всех сил талантливый человек – активиста, певца, журналиста, музыканта, организатора, деятеля и сеятеля культуры – ратовавший за сохранение живой души и ментальности, чести и достоинства горячо любимого народа.

Такова самая краткая характеристика автора нестандартно увесистой книги под названием «ТЫ ВИНОВАТ УЖ ТЕМ, ЧТО НЕМЕЦ». Заглавие – парафраз известной крыловской басни – может показаться несколько лобовым, но те люди, которые прошли через все долгие этапы анти-немецкой истерии XX века вплоть до недавнего времени, прочитав все трагические коллизии данного повествования, поневоле согласятся, что это наиболее емкая, обобщающая и точная формула. Увы, именно так это было. Априорно виновато было даже дитя, рожденное от родителей-немцев в ссылке. И мое поколение (разумеется, и я в том числе) тому живой свидетель. Свою Lebenschronik Мунтаниол опеределил так: «Автобиографический документально-

Полагаю, нынешний читатель «DAZ» (издающейся в Казахстане «Deutsche Allgemeine Zeitung». Прим. ред.) прежде всего спросит: «А кто такой Вилли Мунтаниол? И что за фамилия чудная? Итальянец, что ли?» Вокруг этой фамилии много странностей-несуразностей-недоразумений происходит и в его пространным повествовании. Некогда в Россию (особенно после памятного манифеста Екатерины Великой) валом повалил пестрый западный люд в

художественный роман-трилогия о российских немцах». Около 500 страниц убористого текста большого формата составляют две первые книги трилогии. Третья – тоже в объеме 500 страниц – как я понял, уже написана, но пока еще не опубликована.

С автором я немного знаком. Встречался с ним на съездах и конференциях российских немцев в Москве и Алматы. Помню, обменивались короткими репликами. А значительно раньше слышал о нем много хорошего от моих друзей – неистового бунтаря-диссидента, талантливого экономиста Вениамина Гинца, импульсивного, обаятельного композитора Оскара Гейльфуза, осторожного, бдительного Иоахима Кунца, знавал немецкий ансамбль, в котором заводилами были Вилли Мунтаниол и Эльвира Мут, был слышан об успехах и мытарствах первого в соседней Киргизии, о его стычках с властями, о его энергичном участии в автономистском движении российских немцев на самых ранних его этапах. В наших судьбах много схожего. Мы оба пронизаны и немецкой болью, и казахской аурой. Оба часто печатаемся и – судя по всему – друг друга читаем. Словом, бываем и функционируем в схожих, близких координатах. Но поскольку автор на три-четыре года старше меня, его жизненный опыт более крут, излучист и богат. Он дольше находился под коммандатурским игом.

Получив из Берлина неожиданно увесистый пакет, я тут же полистал его книгу, написал ему, что читать ее смогу лишь в зимнюю пору, когда, надеюсь, образуется большой досуг. Но потом меня что-то зацепило, и я едва ли не залпом одолел этот «кирпич». Все в этом повествовании мне оказалось близко, знакомо, соприродно; знакомы мне многие коллизии и типы (немецкие, русские, казахские), судьбы людей, быт, обстановка послевоенных десятилетий, природа, стереотип манер, языковая сфера, воздух эпохи, все перипетии борьбы за восстановление немецкой автономии, все конспирации, нелепости, подлости, двурушничества и коварства властей и мелких людишек на этом тернистом пути. Все эти обстоятельства, о которых так подробно и местами азартно, вдохновенно, с точными реалиями пишет Мунтаниол, я испытал в немалой степени, как говорится, на собственной шкуре. И могу со своей колокольни все подтвердить: да, это правда. Так оно в сущности все и было.

Мунтаниол – опытный журналист. Пером владеет. Тонко чувствует казахский, немецкий, русский, украинский речевой колорит. То и дело вкрапывает в свое повествование слова и фразы разных языков, искусно имитирует акценты иноязычных персонажей. С натуры лепит своих героев, характеризует их психологически достоверно. У него чуткий слух, он мастерски подражает, воспроизводит, все подмечает. Он, главным образом, документалист. Верен натуре. Пишет о том, что увидел, пережил, переживал, услышал. Он страдает чужому горю. У него доброе, отзывчивое сердце. В нем сильно развито чувство справедливости. Он максималист, правдив, равнодушен, порою вспыльчив, порывист; активная, деятельная, поэтическая, музыкальная, коллективная натура; увлекающийся, мобильный, темпераментный, чувственный, легко ранимый, склонный к решительным действиям, крупным поступкам, гражданским порывам. Об этих достойных нравственных качествах и гранях таланта свидетельствует ярко и убедительно все его повествование, и все сказанное выше нетрудно доказать конкретными примерами. Но я этого делать здесь не буду, дабы моя рецензия не превратилась в нудное литературоведческое исследование. Жаль, что данная добротная изданная книга, скорей всего, мало доступна российским немцам, живущим на территории СНГ, а читают ее, главным образом, те, что ныне обитают в благословенной Германии.

Считаю нужным еще отметить, что сильная сторона писательского дара Мунтаниола – очерковость и публицистичность. Он знает свой предмет, что называется, изнутри и говорит о нем страстно и убежденно. Это, несомненно,

привлекает читателя. Уместны и выразительны фотографии, подобранные в приложении к разным главам.

Особое внимание обратил на заключительную часть первой книги, озаглавленную «Вместо эпилога». В ней судьба, летопись семьи, история предков, родни автора и мимоходом приводятся факты, о которых нынешнему поколению российских немцев надо бы знать. Приведу два-три важных, на мой взгляд, примера. Вот факты из книги военного историка и писателя О.С. Смылова «Пятая колонна Гитлера. От Кутепова до Власова». Автор не испытывает сочувствия к трагической судьбе российских немцев, считает, что их депортация была вынужденной превентивной мерой в условиях войны, то есть он оправдывает сталинскую репрессию народов. Что ж... пусть он останется при своем мнении, важны конкретные сведения, которые он приводит. «На начало 1939 года немцев в СССР насчитывалось 1 427 222 человека, в том числе в Российской Федерации – 700 231 человек. Первое решение о депортации немцев Поволжья было принято 12 августа 1941 года. Их предполагалось выселить в районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР и в другие соседние области.

27 августа появился приказ НКВД СССР «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». В республику были направлены 1 200 сотрудников НКВД, 2 000 работников милиции, 7 350 красноармейцев. Руководство операцией было поручено замнаркома внутренних дел СССР Серову» (стр. 439).

И еще одна цитата из газеты «Deutsch-Russische Zeitung» (№ 7, 2008 г.) – статья Леонида Строева под заголовком «Палач депортированных народов». Я должен здесь привести длинную цитату:

«С июля 1941 года по декабрь 1944 года в Советском Союзе было репрессировано и депортировано 67 народов и национальностей. Людей хватили и, ограбив до нитки, везли в не приспособленных для длительного путешествия скотовозах в отдаленные края. Депортацию проводили войска НКВД СССР. Их насчитывалось в эти годы больше 150 тысяч человек. Полностью укомплектованная солдатами и офицерами армия, ни дня не воевавшая на фронте. Тем не менее, наград и ценных подарков от партии и правительства она получила больше, чем любая другая из армий. По данным исследователей, каждый из переселенных народов потерял при транспортировке и устройстве на новом месте проживания до 30 процентов своей численности. От попавших в трудовую армию в живых осталось меньше половины... Самым крупным контингентом из переселенных были российские немцы. От остальных депортированных народов российские немцы отличались зажиточностью, усиленной тягой к знаниям, исключительным трудолюбием и самым высоким процентом наград за доблестный труд на благо социализма.

Переселены были также чеченцы, калмыки, крымские татары, ингуши, балкарцы с кабардинцами, турки-месхетинцы, турки-османы и прочие. Самым крошечным народом в этом позорном списке были убыхи. Маленькое племя, веками жившее в районе города-курорта Сочи, оно так надоело Сталину, большому любителю сочинского курорта, что он приказал чекистам присовокупить убыхов к врагам народа. Уже вскоре после депортации эта редкая народность прекратила свое существование.

Первым, кто приказал объявить эти народы вне закона, был сам «отец народов». План скоропалительно разработал заместитель Председателя Совнаркома СССР, куратор НКВД Лаврентий Берия. Осуществлял контроль по линии наркомата за проведением депортации нарком НКВД, комиссар госбезопасности первого ранга Меркулов. Четвертым, главным исполнителем депортации и всех тайных сталинских поручений, был первый заместитель наркома НКВД СССР, комиссар госбезопасности второго ранга Иван

Александрович Серов. Выходец из крестьянской семьи, он сделал быструю и головокружительную карьеру в госбезопасности. Был сталинским любимчиком. Дослужился до звания генерала армии... Лишен в 1961 году звезды Героя Советского Союза за жестокости при проведении операции по депортации репрессированных народов».

Вот об этом на конкретных примерах, на фоне судьбы одной семьи и ведет свой длинный сказ Вилли Мунтаниол...

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Книгу Мунтаниола «Ты виноват уж тем, что немец» я прочла на одном дыхании, за три дня. Она меня сильно тронула. Это словно обо мне, о моей жизни в Союзе, настолько всё правдиво описано. Я и заплакала, и насмеялась. В книге столько юмора. Она точно отражает название. В ней вся суть нашей жизни в той «счастливой тюрьме». В книге мои тревоги и переживания, хотя Willi Muntaniol писал о своей жизни. Книга легко читается, такой хороший слог. Она нужна нам и здесь. Тут нам тоже надо стоять за свои права.

*Тамара Пантелеева,
51518 Reichshof-Mittelage.*

Очень я обрадовался, когда Василий Васильевич, с которым меня связывает многолетняя дружба, предложил мне прочитать его книгу. Для меня его труд особенно дорог, потому что я прожил в Казахстане 40 лет и в основном в Актюбинске. Углубившись в чтение, невольно вспоминаешь добродушный, гостеприимный и неторопливый народ, с которым жил вместе, учился и учил – был преподавателем, переживал удачи и неудачи.

Автор по-своему умеет любоваться природой и этим заражает читателя. Я вижу себя у тех самых рек – Урал, Илек, Эмба, Ор, Хобда, Иргиз... Во многих местах мы были с ним вместе. Он ведёт нас в неповторимые казахские степи, где путников приветствуют поклонами серебристые ковыли. Я вижу поле знаменитого просовода с мировым именем лауреата Сталинской премии Чаганак Берсиева. Того самого Чаганак, которому Бертольд Брехт в 1955 году посвятил поэму.

Забегая немного вперёд, открою маленький секрет: во втором томе своей трилогии автор расскажет читателям о малоизвестном Актюбинске, который дал миру хромиты для создания космических кораблей и выпуска экологически чистой посуды. На тех рудниках, на заводах ферросплавов и хромовых соединений трудилось много наших немцев. О их судьбах, об экологических катаклизмах и его борьбе за чистый воздух и чистую воду, за судьбы Арала и Каспия, степных озёр и речек с их обитателями пишет мой земляк.

С болью в сердце отзываются прочитанные воспоминания его героев о бесчинствах большевиков: «Всё это делали карьеристы, а точнее комиссары!.. Это же бывшие голодранцы, бездельники и пьяницы. Надели кожаные тужурки с кепками, на бок прицепили маузер в фанерной кобуре и комиссар готов». От этих комиссаров пострадали не только российские немцы, но и все народы бывшего СССР. Издательства этих комиссаров я испытал на своей шкуре не только в Якутии, Казахстане, но ещё и в Запорожье в 1972 году. Ценность книги Мунтаниола в том, что он честно и ярко показал жизнь своего народа под комендатурой в годы войны и после неё.

*Антон Тренкеншу,
Майнц.*

Гордость и боль – вот те чувства, которые я испытала, перевернув последнюю страницу романа. Гордость, что есть такие неравнодушные, чистые, светлые, не ожесточённые всеми ужасами и трудностями, выпавшими на долю нашего народа, люди, которые смогли об этом так правдиво рассказать.

Я не читала это как роман, я переживала страницы моего детства. Настолько ярко и правдиво переданы сцены из жизни, что я порой забывала, что это написал кто-то другой, а не я. Будто он жил вместе со мной в нашем «интернациональном» бараке (люди 8 национальностей, выселенные в Сибирь). Я по возрасту младше автора почти на 20 лет. Видимо поэтому в детстве не могла себе объяснить множество странных, обидных моментов по отношению к нашей семье и ко мне в частности. В нашем большом сибирском селе жила только одна немецкая семья – наша, и мы были «фашисты».

Я не читала эту книгу – я жила ею вместе с автором, а он был моим старшим братом Сашей. Таким же гордым, но униженным, таким же честным патриотом, но связанным ограничениями, таким же «фашистом».

Willi, я очень благодарна судьбе, которая свела меня с вашей книгой. Меня как бичём хлестнуло её название «Ты виноват уж тем, что немец» – точнее обо всём пережитом не скажешь. Думаю, что ещё не один, читающий вашу хронику, будет смеяться, плакать, радоваться и гордиться, что принадлежит нашей нации, нашему народу.

С нетерпением жду выхода в свет продолжения книги.

*Ирма Шваб,
Берлин.*

Когда я в разговоре с писателем и моим старшим другом Е.А. Варкентином узнала, что он читает роман В. Мунтаниола «Ты виноват уж тем, что немец», мне очень захотелось познакомиться с творчеством этого человека. Робко и настороженно я позвонила ему, чтоб заказать книгу. Если я скажу, что у нас состоялась интересная беседа – это будет неверно. Мы проговорили час, мы читали друг другу свои стихи, мы с ним говорили о судьбе нашего народа, о той родине. И я всё больше и больше удивлялась, как удалось этому человеку, столько пережившему и в таком возрасте сохранить в себе столько энергии, оптимизма, такое горячее, я бы сказала, до сих пор пылкое сердце и такой удивительно молодой и приятный голос?..

Говорят, мы, немцы, – холодный народ. Ничего подобного. Читая роман Мунтаниола, убеждаешься в обратном. Какой народ выдержал бы с таким достоинством всё то, что выпало на долю нашей нации? Ведь не сломался, не спился, не ожесточился, а вновь и вновь поднимался с колен и сеял добро и благо вокруг себя. Весь роман пронизан какой-то щемящей любовью к природе и людям Казахстана. Читая это произведение, я узнала о казахском народе больше, чем знала за все те 48 лет, что сама прожила в этой стране.

Я четверть века проработала старшим библиотекарем, и мне по-привычке хочется предложить молодёжи прочитать эту книжку. Вот где можно научиться упорству, целеустремлённости, любви к своей нации и уважению к представителям других народов.

*Амалия Шляйнинг,
Ганновер.*

Многоуважаемый Вилли, огромное спасибо вам за книгу «Ты виноват уж тем, что немец». В правом нижнем углу обложки романа я увидела на снимке изображение деревянной наблюдательной вышки. Такие вот вышки, словно страшные скелеты, продолжают торчать в память о бесчеловечном прошлом. Местные жители-сибиряки их не замечают. Но у меня эта вышка вызвала сильное впечатление.

Я, как учитель, знала историю России из учебников, но как немка, лишь поверхностно знала другую версию истории – от своих родных. Имя «Сталин» слышала от своей бабушки ещё в раннем детстве. Она говорила: «Сталин сожрал моих старших сыновей». И я, будучи ещё ребёнком, представляла себе в полном смысле людоеда, поедающего людей. Страх и ужас вызывало во мне это имя. Таким он остался во мне до сих пор.

*Лидия Шульц,
Санкт-Аугустин.*

Евгения ЛУКИНА

Родилась в селе Надеждино. Студентка 4-го курса Государственного университета Министерства финансов.

ЕСТЬ НА ЗЕМЛЕ МЕСТА...

*Здесь неба синь и даль просторов тает,
И русский храм гостей своих встречает
Особой прелестью отеческой тиши.
Звонят колокола на окраине села,
И хочется воды из родника напиться,
Нет в мыслях суеты, и взвешены слова,
И тянется рука креститься.*

Павел Плюхин

Наше село, на первый взгляд, ничем не отличается от сотен других сибирских сел, которые расположились по берегам могучего Иртыша. В далеком 1852 году воронежские крестьяне-переселенцы облюбовали место для новой деревни недалеко от старицы седого Иртыша, построили дома-пятитенки и стали обживать в суровом сибирском краю, который поначалу принял их неприветливо. Но выходцам из «Расеи» некуда было деваться, они терпеливо сносили нелюбовь чужой стороны, потом привыкли друг к другу, и для детишек, родившихся здесь, Надеждино стало родиной.

Человек, как дерево, имеет «корни», которые, чтобы не засохнуть, должны питаться соками родной земли. Родину, как и родителей, не выбирают и любят такой, какая есть.

«Жить надо у своих корней», – часто повторяла моя прабабушка. Сама-то она по пальцам могла посчитать, сколько раз была в областном центре. Уклад жизни в деревне мудрый, здоровый. Деревня ближе к природе, чем город, деревенский житель тесно связан с ней: не только собственный огород кормит, но и недалеко расположенное озеро со смешным названием Калач, и окрестные леса всегда могут порадовать сладкой запашистой земляникой, костянкой, неповторимой по вкусу лесной малиной и, конечно же, грибами.

В жизни каждого человека происходит множество событий, некоторые забываются сразу, а другие врезаются в память, и даже спустя годы помнишь все до мельчайших деталей.

Мне было семь лет. Лето в тот год выдалось дождливым и теплым. Откуда ни возьмись, налетят грозовые тучи, сверкнет молния, хлынет дождь, и, кажется, это надолго. Но вдруг также неожиданно засияют на небе солнечные лучи, обогревая своим теплом каждое деревце, кустик, травинку. Казалось, Ярило и Перун устроили в то лето между собой нескончаемое состязание.

А грибники радовались: чем больше дождей, тепла, тем больше грибов в лесу. В грибную пору почти все жители села устремлялись в ближайшие леса, чтобы вернуться домой с полными корзинами или просто побродить по лесу, полюбоваться березками, осинами, подышать лесным воздухом, особенно ясным и прозрачным после дождя.

Натянув резиновые сапоги, самую удобную обувь в такую погоду, прихватив небольшие корзины, мы с мамой

отправились в ближайший лог, чтобы не отстать от других грибников и побывать на роднике, о котором я много слышала. Говорили, будто вода в нем особенная, что он не замерзает даже в самую суровую зиму. В этот лог мало кто заглядывал: неподручно лазить с корзинкой и ножом по склонам оврага.

Только мы прошли несколько шагов, как появились сыроежки. А уж если они есть, то и другие грибы неподалеку прячутся, тихонько посмеиваясь над грибниками. Сыроежки вкусные, но очень хрупкие, легко ломаются, белая гребеночка снизу осыпается и припорошивает другие грибы. Подберезовики, или по-деревенски обабки, очень страдают от такого соседства. Этим любимцам берез нравятся, чтобы в корзине они одни были.

Да вот они: выстроились, как на параде, в темно-коричневых шляпах и белых мундирах. Жалко нарушать их строй, но уж больно они вкусные жаренные с картошкой. Волнушки, или волвяночки, тоже не успели спрятаться. А они соседки сырых груздей, которые растут под осинами. Нужно быть внимательнее. Но как мы ни старались их отыскать, ничего не получилось. Зато за одной осинкой важно стоял подосиновик. В нашем селе их называют красными или богатыми грибами. Не каждому грибнику покажется сразу красный гриб, сначала поиграет с ним в прятки, кажется, только что облазил это место вдоль и поперек, ничего не было, а вскинешь глаза: вот он, красавец, стоит и самодовольно усмехается над тобой, проверит на терпение, только лишь после этого разрешит водрузить себя в корзину. Корзинки быстро заполнялись грибами.

Увлеченная тихой охотой, заглядывая под каждый кустик и осматривая старые пеньки, я как-то не заметила, что пруд возле дороги превратился в маленький тонкий ручеек. И вдруг я остановилась от неожиданности: передо мной бил ключ, из которого, весело журча, бежала вода. Медленно опустившись на колени, боясь потерять из виду живительную струйку, я почерпнула в сложенные лодочкой ладони воду. Вода была, действительно, особенной, холодной, но не обжигающей и прозрачной, с еле уловимым запахом чего-то необыкновенно близкого и родного. В логу было душно, как, оказывается, здорово попить родниковой воды!

Место тут, действительно, удивительное, на самом вершине глубокого оврага важно стоят тополя, словно охранники этого великолепия. Затянутые в темно-зеленую униформу, чуть покачиваясь от легкого ветерка, они, казалось, любуются сами собой. Под стать им и осины: вот они в изумрудных нарядах, а чуть подует, листья красавиц, словно сговариваясь, незаметно меняют зелень на серебро. Лишь белоствольные березки снисходительно поглядывают на ненужную суету своих соседей.

Сколько раз я бывала в лесу, но сейчас видела все будто в первый раз и задохнулась от восторга. Мне кажется, что тогда я впервые поняла, что никогда не смогу забыть ни этот овраг, ни эти деревья, ни этот ключ, потому что я их частица.

Окунувшись в прозрачную тишину и какую-то первозданную роскошь, я не заметила, как подошла с полной корзиной сырых груздей мама. Она молча встала на колени, почерпнула воды из родника, сполоснула лицо, а затем, устремив свой взгляд ввысь, начала шепотом произносить слова. Удивленная, я смотрела на нее, но через несколько секунд мне стало ясно – да это она молится. И неземная тишь проникла в мою душу. Слов молитвы я не знала, но слова восторга и восхищения сами собой тонким звенящим ручейком побежали откуда-то из меня. Кому были предназначены слова благодарности, мне самой до сих пор непонятно, начала негромко, почти про себя, но все-таки вслух шептать: «Спасибо, спасибо, спасибо...»

Потом, присев на поваленную ветром березу, боясь пропустить что-то важное, слушала рассказ об этом чуде, сотворенном самым искусным умельцем – Природой.

– Наши далекие предки, – начала мама, – были людьми мудрыми; места для своих сел они выбирали с умом, понимая, что жить им здесь века. Старики рассказывали, что будто бы зимой из Омской крепости приехали на лошадях в будущее Большекулаче казаки. Увидев в заснеженном

логу тонкий ручей, единогласно решили: здесь будем жить. Воду для скота, стирки, полива брали в озере, а для чая только на роднике. Зимой и летом, навесив на расписные коромысла ведра, по нескольку раз на день кулачинские бабы, спускаясь по крутой тропинке в лог, носили воду из родника.

– Надежинцы, – продолжала мама, – тоже не ленились, приходили к роднику, чтобы не чувствовать себя обделенными. Для людей прохожих на березовом колышке всегда висел ковшик. Никто не помнит, с каких пор это пошло, но разговаривали на роднике вполголоса, точно боялись громким словом разрушить что-то невидимо хрупкое, за чистотой источника следили сами жители деревень.

С горечью мама сказала о том, что для одних родник – это место, где душа находит успокоение, а для других – просто место праздного любопытства.

Но должны же когда-нибудь все понять, что есть на свете и не где-то в далеких краях, а совсем рядом святыни, возле которых душа очищается и наполняется светом и надеждой.

Наверное, но не тогда, а только после, повзрослев, и я смогла по-настоящему понять, какую необыкновенную силу таит в себе наш родник: он впитал в себя заветы предков: любить свой родной край, беречь его, чтобы мы, где бы ни были, могли искренне сказать: «Есть на Земле места, святые для нас, как родители, бывают и краше, но без этих мы сироты!»

Елена ГУЦУ

Родилась в Казахстане, а сейчас живет с семьей в Германии.

ПРАВДИВАЯ СКАЗКА О НЕУЛОВИМОМ ЗАЙЦЕ

Пасха ассоциируется с крашеными яйцами и вкусными пирогами.

Наша мама накануне праздника всегда пекла пышный «ривель кухе» и сладкие булочки. А заяц к нам приходил ночью, чтобы мы его случайно не спугнули, ведь орава у нас была большая – пятеро ребятшек. Мама приоткрывала форточку и помогала нам поставить шапки у кроватей. Тогда нам казалось, что чем огромнее и красивее наши шапки, тем больше гостинцев принесёт в неё заяц на рассвете. Мы даже частенько просили у папы его глубокую шапку-ушанку, надеясь обмануть зайчика. Но зверёк был умён, и гостинцы раскладывал поровну, как полагается.

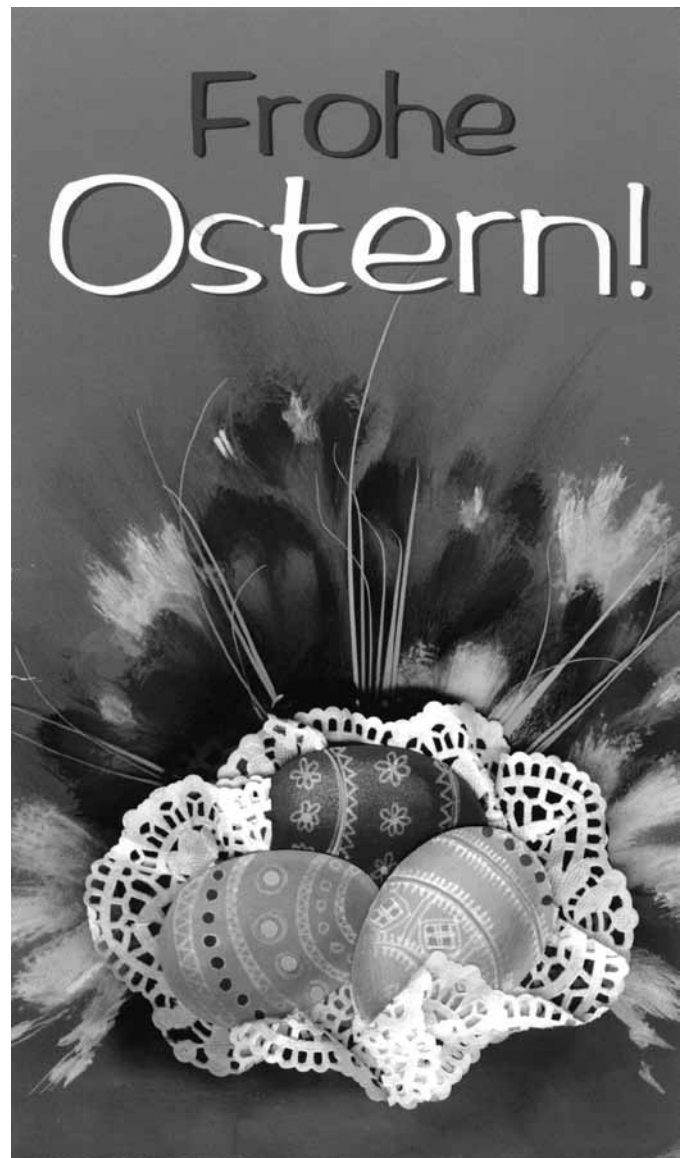
Однажды мы решили подкараулить зайца и отобрать у него всю корзину с яйцами. План был таков: все дети спят, кроме одного, а когда караулящий захочет спать, он должен разбудить следующего, и так далее. Когда кто-нибудь заметит влезającego в форточку зайца, то мы тут же поймаем его или напугаем, и он от страха оставит нам все гостинцы.

План мы разрабатывали неделю; предупредили соседских мальчишек: если что, мол, прибегайте на помощь, яйца поделим поровну. Но только не получилось у нас ничего, охотники из нас вышли никудышные – первый же наш сторож заснул на своём посту, и мы проспали до утра. Пришлось радоваться лишь тому, что заяц не разгадал наших преступных намерений и всё-таки принёс нам кое-что. Было стыдно рассказывать мальчишкам, что мы впятером упустили зверька, поэтому мы сочинили правдивую сказку о взятии зайца в плен и его добровольной сдаче яиц. И, хотя нам пришлось поделиться с мальчишками «отобраным имуществом», мы стали героями в их глазах. Многие после нас пытались совершить этот подвиг.

Неуловимого зайца мы вскоре все-таки рассекретили: проснувшись случайно ночью, сестра увидела, как мама красит яйца и раскладывает их в приготовленные шапки. Вымышленной сказке настал конец, но мы несколько не удивились, что волшебницей в этой сказке была мама. Она для нас до сих пор творит чудеса и в глазах своих внучат выглядит доброй феей.

Лично для меня пасхальные праздники имели большое значение ещё и потому, что мой день рождения всегда выпадал на пасхальную неделю. Мы обязательно отмечали его или в русскую, или в немецкую Пасху, и я с нетерпением ждала приближения весны.

Ежегодно мы продолжаем красить яйца и печь пироги, но теперь уже рассказываем сказки о волшебных зайцах своим детям и радуемся, что они до сих пор пребывают в сказочном неведении. Хочется, чтобы оно продолжалось как можно дольше, ведь в мире так мало происходит чудес. К сожалению, нам уже не вернуть детства и того непойманного зайца, но мы не унываем и сами себе устраиваем праздники.

Земля дрожит под нашими ногами,
Мир рушится буквально на глазах:
Те истины, что предки чли веками
Мы сами разбиваем в пух и прах.

Скажите, что для нас осталось свято?
Что не порочно, не осквернено?
Любовь, рождение, правда, вера в брата...
Растоптано всё, предано давно.

Нам всё твердят, что миром правят Боги,
Что волю свыше смертным не сломить.
Пусть каждый искупит свои пороки
И мы сумеем землю возродить.

ТРЕВОГИ МАТЕРИ

Уснула Настенька – малышка –
Реснички рыжие дрожат;
Сынок в обнимку с серым мишкой
Уже тихонечко сопят.

Дочурке сны цветные снятся:
Врачом малютка хочет быть.
Пусть баба с дедом не старятся –
Свой доктор будет их лечить.

А у Сашули сны иные;
Он слесарем мечтает стать:
Чинить колёса у машины,
Ключом, отвёрткой управлять.

Не знают дети жизни взрослой,
Проблем житейских не понять.
Для них так ясно всё и просто
(Как на бумаге рисовать).

И лишь родителей тревожит:
Что ждёт сынишку впереди?
И хватит сил ли у дочурки
Все испытания пройти?!

А нам уж многого не нужно:
Счастливых видеть бы детей,
Здоровых и равнодушных
К тревогам близких им людей.

Светлана КАЧЕРОВСКАЯ

Учитель немецкого языка, поэтесса.

Живет в с. Новоскатовка Шербакульского района Омской области.

Swetlana KATSCHEROWSKAJA

Der blaue Vogel

Vielleicht ist es richtig so, wie es ist?
Wir verlassen in aller Frühe das Elternhaus,
um den blauen Vogel des Glückes zu finden.

Wir wandern über die Berge
und verletzen an Steinen und Felsen
unsre Füße und Herzen.
Wir schleichen durch dunkle Wälder
und sind manchmal so einsam und verloren darin.
Wir gehen die Wege bis zu Ende
und entdecken neue Länder und Meere.

Abends kehren wir zurück,
um den Staub ferner Wege
mit klarem Brunnenwasser abzuwaschen.
Wir schlafen süß ein und spüren auf der Stirn
die Wärme der lieben Mutterhände...

Früh am Morgen, wenn wir wieder erwachen
und durch das offene Fenster schauen,
sehen wir plötzlich
den wunderbaren blauen Vogel!
Er wiegt sich auf dem Ast des alten Apfelbaumes,
worauf wir so oft geklettert sind...

Vielleicht ist es richtig so,
dass wir diese Wahrheit
nur am Abend des Lebens verstehen.

* * *

In meinen kalten Händen
ertrinkt der Deine Wärme.
Schon konnte ich mein Glück berühren.
So nahe an meinen Türen
rauschten die blauen Flügel.

Nun ist alles vorbei!
Nacht im Herzen, die Seele entzwei...

Gedankensplitter

* * *

Der Februar schweigt plötzlich!
Langsam zieht in den Nebel der Abschiedstag.
Der Winter stirbt.

* * *

Die Grenze
zwischen Leben und Tod –
Betrug und Unbestimmtheit!
Kannst du sagen, ob es das Ende
oder der Anfang ist?

* * *

Sie sind so nah
und doch nicht zu erreichen,
Ihr Blick so freundlich, aber reserviert...
Fremder Geliebte!

* * *

Feuer unter der Asche.
Das Haus unter dem Schnee.
Ich würde mein Haus bis auf Asche verbrennen,
Um dein Feuer unter dem Schnee zu sein.

* * *

Stolzer Jäger.
Getöteter Wolf.
In den Augen – kein Schmerz,
kein Tod,
keine Angst –
nur ewiges Erstaunen...

* * *

In gerosteten Flammen stehen die Eichen,
Die Tannen verbergen die Blitze der Espen,
Der Birkenhain sprüht glühende Funken –
Goldherbst!

* * *

Es vereinen sich manchmal im Chor
Regenrauschen und Seelenruhe,
Ruf des Glückes und Schrei des Unglücks –
Menschenleben!

* * *

Im Morgengrau
sticht aus der Finsternis ein goldner Strahl,
flammt über dem Wald und durch das Laub.
So hat der bunte Herbst
mit Schönheit mich gebrannt!

* * *

Die Sternentränen fließen
auf das weiße Leichentuch des Schnees.
Winternacht!

* * *

Die matte Laterne erblich und erlosch.
Wie Sonnensprossen
glänzen auf den Dächern die Tautropfen,
und die Morgenröte
feuchten die rothaarigen Apfelbäume an.
Frühlingmorgen!

* * *

Es weinen die Winde,
tropfen die Regen.
Die Wolken bewegen sich
und löschen die Sterne am Himmel.
Später Abend...

Цикл «LICENTIA POETICA» («Поэтическая вольность»)

*Посвящается ансамблю «Nachtigall»
(к 10-летнему и 20-летнему юбилеям 2000, 2010)*

CHRYSANTEMUM

* С.К.

В ней сотни лепестков нежнейших.
Хрупка и царственна, подобна гейше.
Ты горькой радости роскошная эмблема,
Полынно-грустна и медово-сладка хризантема.

DAHLIA VARIABILIS

* Н.Л.

О, величавый, яркий георгин!
Он любит временами быть один.
Упрямец, побори свою строптивость!
В букете праздничном намного ты красивей.

NARCISSUS

* М.Т.

Изящно бледен, нарочито хрупок,
Ты формой напоминаешь кубок.
Фарфоров, неприсупен твой абрис.
Слегка влюблён в себя пленительный нарцисс.

NIMPHEA ALBA

* Л.Н.

На длинном стебле водная царица –
Кувшинка белая на озере таится.
Любой потянет, ближе подплывает,
О чём ни просят, тут же уступает.

PLEIONE BULBOCODIOIDES

* А.Т.

Цветок экзотический в нашем венке
Прекрасно поёт на чужом языке.
Пой, веселись и люби, не старея,
Живи на земле и цвети, орхидея.

PULSATILLA PATENS

* Е.Г.

Всегда тиха и молчалива,
Она обманно-боязлива,
Загадочная сон-трава,
Как в тихом омуте вода.

TULIPA

* Л.В.

Строг и изящен алый тюльпан.
Прямолинеен, не любит обман.
Если же солнце к нему прикоснётся,
Он душу раскроет и улыбнётся.

VIOLA TRICOLOR

* Э.Б.

На вид цветочек скромный и изящный,
А загляни вовнутрь – бушуют страсти.
Там буйство красок как в волшебной сказке, –
Трёхцветная фиалка – чьи-то глазки.

HELIANTHUS ANNUUS

* Т.Р.

Улыбчивый подсолнух – солнца тень,
Так статен, крепок, шляпка набекрень.
Сияешь ты и днём, и ночью тёмной
И радуешь людей краскою скромной.

NELUMBO NUCIFERA (LOTOS)

* Р.Ш.

Загадочный восток в тебе живёт
И в имени таинственно поёт.
Ворвался запад – всё переменял,
На свой манер тебя он окрестил.

CONVALLARIA MAJALIS

* А.А.

Весной в траве тенистой расцветает
И запахом сладчайшим одаряет
Нежнейший ландыш – радость майских дней.
Душе поэта нет цветка милей.

ROSA MAJALIS

* М.Р.

Душистый, яркий и на глаз приятный,
Цветёт шиповник пышно и нарядно.
Но не пытайся вольно иль неволью
Его задеть – уколет очень больно.

PAEONIA

* М. Е.

Хрустальной красотой расцвёл пион.
В роскошной вазе тут же вянет он.
Вы не срезайте трепетный цветок:
Пусть с лепестком играет ветерок.

Übersetzungen aus dem Russischen ins Deutsche

Herbstblätter

(«Осенние листья»)

Es rauschen und rauschen
Die Herbstblätter in dem Park.
Der Pfad ist vertraulich,
Da geh` ich an deiner Seit`.
Und glücklich ist der,
Dem leicht um das Herz,
Und Liebe geht neben ihm her.

Die Jahre vergehen,
Die Liebe doch ewig weilt.
Und wo wir uns trennen,
Da treffen wir uns erneut.
Die Handwärme bleibt,
Den Abschied vertreibt
Mein treuer und einziger Freund.

Im leeren Obstgarten
Da sieht man den Pfad so weit.
Der Herbst ist so herrlich,
Wenn Frühling im Herzen weilt.
Die Jahre sind schnell,
Der Blick ist noch hell,
Und Blätter bedecken die Welt.

(Mark Lissjanskij)

Blumen

(«Цветы»)

Die Blumen entfalten sich bei Abendrot,
Der Himmel kommt rein in die offenen Fenster.
Es schmiegen sich Lippen an Lippen verliebt,
So einfach verliebt, die Gedanken vergessen.
Du kommst herbei, und wird die Welt zu Blumen,
Nimmst meine Hand und führst mich in die Fern`.
Schläft unsre Stadt, doch über ihren Lichtern
Unsere Augen finden ihren Stern.

So lange hab` ich dich in Häusern gesucht,
In einsamen, öden, vergess`nen Alleen.
Ich schenkte die Träume dem eiskalten Wind
Und denen, die leider die Liebe nicht kennen.
Du kommst herbei, und wird die Welt zu Blumen,
Nimmst meine Hand und führst mich in die Fern`.
Schläft unsre Stadt, doch über ihre Lichter
Schlägt hoffnungsvoll von uns vereintes Herz.

(Olga Kissner)

Alexander ZIELKE

«Diese zwei handgeschriebene Gedichte habe ich in den Archiven des Vaters gefunden. Ich nehme mal an, dass sie noch nicht früher veröffentlicht worden sind. Obwohl der Autor auf der linken Ecke des Originaltextes den Vermerk „Eingeschrieben“ angegeben hat. In seinem Sammelbändchen, so wie in den deutschen Zeitungen konnte ich sie allerdings nicht finden».

Reinhold Zielke, 31.05.2010, Neuberg

* * *

Ich träumte, ich war zuhause
und stand an Vaters Tor,
dort unter der lispelnden Pappel,
und blickte zur Sonne empor.

Und als ich erwachte, wie bitter
enttäuscht schaute ich umher,
sah wieder die schmutzigen Fenster,
und draußen war's neblig und leer.

Ich träumte, ich war zuhause
am Öfchen, wo's immer so warm.
Die Mutter strich mir die Haare
und hielt mich in ihrem Arm.

Und als ich erwachte, wie immer
rings alles um mich sich befand:
im Zimmer vor meinem Bette
die zankende Hauswirtin stand.

Meine Bitte

Habt Geduld und habt Erbarmen
Mit dem Fremdling an der Tür.
Lasst ihn ziehen frei den Armen,
Denn er hat kein Bleiben hier.

Einsam pilgert er hienieden,
Ihn trifft hart des Schicksals Hand.
Angst und Unruh ist ihm beschieden.
Er kennt nicht den Heimatbann.
(bzw.: Er kennt nicht das Heimatland)

Gerhard ZIELKE

Über den Autor:

Gerhard Zielke, geboren 1940 in Nowoskatowka, Gebiet Omsk, in der Familie eines Dorfschullehrers. Beendete eine Berufsschule und arbeitete eine Zeitlang im Binnenhafen als Schiffer. Später Bauarbeiter und Hochspannungselektriker in Omsk. Seit 1987 in Deutschland. Lebt zur Zeit in Kassel. Schreibt Gedichte und Kurzgeschichten in deutscher und russischer Sprachen. 2007 ist von ihm ein Buch erschienen: «Wanderwege» (Gedichte, Reminiszenzen, Überlegungen).

Ein Herbstmotiv

Wenn du kommst, ist schon alles bereit.
Das Kaminfeuer wird uns umfächeln.
Durch das Fensterchen sieht man vielleicht
einer Aster verspätetes Lächeln.

Auch der Herbst ist zuweilen noch licht.
Er verscheucht dann den Nebel, den matten,
und ein strahlender Sonnenschein bricht
durch der Wolkenwand finsternen Schatten.

Wollen hoffen, es wird alles gut.
Lass uns nochmals Vergangnes erhaschen.
Du wirst sehen, die lodernde Glut
Knistert immer noch unter der Asche.

Auf der Krim

Nein, wie könnt' ich die Stunden vergessen,
die wir damals zusammen genossen?
Deine Schultern, in Bronze gegossen,
unter Zedern, Platanen, Zypressen.
Und die Mattigkeit unserer Schritte.
Und die Milchstraße in deinen Augen.
Und die Segel, die wie weiße Tauben,
die so leicht übers Meeresblau glitten.
1997

* * *

Ein Mann küsst eine Frau spätabends.
Er zaubert wieder, will sie haben,
er schließt sie immer enger ein.

Und draußen tobt ein Sturmgewitter,
verschlingt die Finsternis erbittert
und wirft ans Fenster Höllenschein.
1984

Das ferne Vertraute

Sibirien, du machst mir jetzt noch Sorgen.
Das Dorf am Irtyshufer, Wellengang mit Eis.
Wir waren jung, huldigten dem Morgen,
zufrieden, hoffnungsschwanger, sehnsuchtsheiß.

Man zog uns groß – beflissen, leidenschaftlich.
Das gab dem weitrein Schicksal einen Wink.
Wer denkt daran noch nach den Machenschaften?
Wer denkt noch an das böse Schreckensding?

Vergessen sind die fernen Augenblicke,
verwelkte Saaten, wo der Zeitgeist ruht?
An wüsten Stellen bauten wir Fabriken
Aus Backsteinen, die rot waren wie Blut.

Ich sah dich jüngst auf völlig andre Weise.
Das Elendsbild versetzte mich in Angst.
Geduckte Hütten – schwache Jammergreise,
über den Dächern zogen Raben Kreise –
die Vorboten des nahen Untergangs.

An den Ruinen dann – beim Weiterfahren –
Verstand ich augenblicklich voller Gram,
wie „zarentreu“, wie armselig wir waren,
wie teuer uns der Trug zu stehen kam.
2001

* * *

Отшумели мои тополя.
Как печален их вид, их покой!
За лихими ветрами, звеня,
Наше буйство умчалось долой...
1970

* * *

Не улеглась метель к утру,
Не улеглась моя тревога!
На срывающем ветру
Уже завьюжена дорога!
Снега кружатся нарасхват,
Хлыстом хлеща то в дверь, то в окна,
Змеясь вдоль улиц наугад,
Из обалдевшего потока!
1972

* * *

Рано утром на восходе солнца
Посидим на розовом крыльце!
Там ровные квадратики оконца
Польхают в золотом венце.
1974

Накануне

Кажется, сегодня воскресенье –
Дети дома, и надраены полы,
Дома и улицы в смятении
И детской радостью полны.

До праздника ещё четыре дня,
А в магазинах нарасхват уж ёлки!
Бугрят дорогу за селом позёмки,
Закладывая наглухо поля.
1980

Моему поколению

Всё растеряно, всё потеряно!
Ничего не сумели сберечь!
И жить не сумели уверенно,
И душу, умеючи, сжечь!..
1983

Далёкое близкое

Я всё ещё скучаю по Сибири,
По тем родным иртышским берегам,
Где мы с тобой, такие молодые,
Надеждами делились пополам.

Где нас учили пафосу и рвению
И без нужды загадывать Судьбу...
Теперь в пути к всеобщему смятению,
Кто вспомнит эту жалкую игру?!

Кто помнит те безрадостные всходы
Бескрайних обездоленных полей?
На тёмных улицах мы строили заводы
Из ярко-красных кирпичей.

Я побывал там ровно год назад.
Унижен был безмерным оскудением!
Кружение птиц над бедным поселеньем
И жуткая печаль с безропотным растленьем
Пророчат им невиданный закат...

Я видел вас! Руины вдоль дороги,
Хребты коровников между бугров и ям.
И осознал, как жили мы убого,
Какой ценой платили за обман!..
2001

Сергей ИГНАТЕНКО

Боль

О, боль твоя! Она понятна мне,
В ней перемешана слепая сила жизни,
И призрачная радужность во сне,
И горький плач зауспокойной тризны.

Но, маленькая девочка моя!
Все впереди, и стоит побороться.
Ведь только необузданно горя,
Душа над миром гордо разметнется.

Накроет мир неслышанным стихом,
 Как первой правдой и последней болью,
 Как первым и пленительным грехом,
 Как первой, неосознанной любовью.

Деревня, вечер, одиночество

Что за жизнь, будто проклят я.
 В деревенской моей глуши
 Смолкли треньканья соловья,
 Рядом нету родной души.

Только сплетни – гнилая дрянь.
 Да в замочную скважину взгляд.
 Так и хочется плюнуть вслед.
 Да отсыпать по матери брань.

Отвяжитесь, не вам судить.
 Жизнь поэта вольна всегда.
 Вправе он и любить, и смешить.
 Не поймете вы никогда.

У поэта больна душа.
 Кто позволил с душой шутить?
 За душой у него ни гроша,
 Ну, а он продолжает жить.

Не востребован, не у дел –
 Стал бы крестиком вышивать.
 Боже, это не мой удел,
 Не умею я выживать.

Осторожность

Умыкнуть ее, что ль? Умыкну!
 Став разбойником от любви,
 Я в седло ее затаю
 На коня горячей крови.

По степи, рвать туман ковыля,
 В звонкой речке запрятать следы.
 Пусть поможет мне в этом земля,
 Пусть помогут шальные цветы.

И чтоб встреченный путник помог,
 Вслед глядя, за спиною шепча:
 «Поспеши! Да рассудит вас Бог!
 Поспеши, коль любовь горяча».

Умыкнуть ее, что ль? Умыкну!
 По степи расписной полечу.

Да боюсь, что обижу жену...
 И... от мужа ее получу...

* * *

Ночью часы длиннее,
 И не могу уснуть.
 Чувствую, что темнеет
 Светлый вначале путь.

Где-то мечты в остатке.
 Где-то любовь вдали.
 Жизнь протекла украдкой,
 Я забывал шалить.

И опускает шторы
 Черная круговерть.
 В сердце вонзает шпоры
 Добрая моя Смерть.

Анна ШМИДТ

* * *

Сквозь рисунок на окне
 Солнце ярче, небо ближе.
 Ненароком о весне
 Намекает зайчик рыжий.
 Снова сердце пополам,
 И опять болею морем,
 А до моря – океан
 Километров под прибором.
 Здесь вот-вот осядет снег,
 Там, глядишь, уже и лето...
 Я к мечте своей побег
 Подготовлю и уеду
 к морю.

Автопортрет

Как стеклянный медвежонок
 (сувенир из детства) –
 Все открыто, без заслонок
 и душа, и сердце.
 Немудреная игрушка:
 шарики в водичке.
 А еще внутри послушно
 притаилась птица.

* * *

Снег последний, рядом лужи.
 Не обманешь, не воротишь.
 Ветер хлопья нежно кружит,
 Ты прощаешься. Уходишь.
 А завтра день весенний:
 Небо, солнце, счастье даже.
 Хорошо, назад не сможешь, –
 Не хожу по распродажам.

* * *

Пусть не все и не сразу
 Я теперь понимаю –
 Только в нужную фазу
 Месяц облик меняет.
 Не сегодня, не скоро.
 Может, к лету или в осень
 Будет день, тот, который
 О задуманном спросит.

* * *

Год кончается, и не верится.
 Зимним вечером вяжут варежки.
 Получается. Пряжа вертится,
 Счастье видится глаза краешком.
 Нитки яркие, все с узорами.
 Вечер к вечеру, ночь захватится,
 Чтоб с подарками те, с которыми
 Все наладится, все наладится.

* * *

Шумно ссорятся синицы
 За окном в кормушке.
 Хорошо зимуют птицы,
 Набивают брюшки
 Беззаботно, смело слишком
 По соседству с кошкой.
 И растет добрей сынишка,
 Им готова крошки.

* * *

Под лед деревья спрятались
И каждая травиночка.
А тут глаза расплакались,
Гляжу, как спит кровиночка.

Вновь свежий снег уляжется,
Следы метель развеяла.
А мне и нынче кажется –
Не до конца поверила.

Чужая боль далекая,
Но сердце разрывается.
А эта жизнь жестокая
Упрямо продолжается.

Татьяна ГИЛЬДЕНБРАНД

Разбитое зеркало

Жизнь мою окружает стекло: все прозрачное и пустое,
Что меня к тебе привлекло? Нет морали и нет устоев...
Я не была никогда одна, меня всегда окружали люди.
А теперь оказалась у дна, но не боюсь человеческих судей...

Под ногами хрусталики льда, разбиваю их каблуками,
Не хочу быть одна и в прозрачные стены стучу кулаками.
На шумных улицах нет ни души, хоть устала
от навязчивых глаз,
Покажи мне их, покажи, покажи хоть в последний раз...

Провожу по витринам рукой, что глазам прохожих
раскрыта.
Захотела войти, но вдруг натолкнулась на надпись:
«Закррито».
Голова сразу кругом пошла, на щеках появились слезы,
Это капли косога дождя, пусть бы он меня заморозил!

Поплелась в свой тихий приют, оглядела красивые стены.
Для чего весь этот уют, если слышны вопли сирены?

* * *

Опять твои усталые глаза,
Они меня преследуют повсюду.
Не то чтобы я против (только за!),
Когда вот только с ними рядом буду?
Все эти переезды, поезда...
Ведь не успел привыкнуть к месту даже,
Когда тебя увижу я, когда?
Мир так меняется, но я все та же...

Как глупо, по щеке бежит слеза...
Письмо... Нет, ничего не получается.
Целую твои милые глаза...
А поезд все гремит, а путь все не кончается...

Грусть

И почему такая грусть находит,
А раньше мама заплетала бантики...
Ну почему так странно жизнь проходит,
Я требую романтики, романтики...

Хочу поэзии в любви, в друзьях, в тебе.
Хочу на звезды вместе любоваться...
Романтики, ну где же вы, вы где?
Хочу с улыбкой счастья просыпаться!

* * *

Я преклонялась перед Господом,
Моля простить мои грехи.
Ничто так душу не тревожило,
Как звуки песен и псалмы.

Нет, не скажу, что понимала их,
Не всем, наверное, дано...
Но сердце, видно, что-то знало,
Ведь так не билось оно давно.

Мое незнание Слова Божия,
Моя святая простота!..
Но все когда-нибудь кончается,
И остается... пустота.

* * *

Ты странный... Не могу понять,
Чего от жизни ждешь, чего в ней ищешь?
Так странно: хочется тебя обнять,
Услышать, что живой, что дышишь.

И я боюсь. Да, страшно от того,
Что неизвестно, как с тобою дальше...
Мне удивительно, как я жила,
Когда не знала тебя раньше.

* * *

Мне просто нужно писать стихи,
Они, как исповедь, которую не слышат,
Они, как жизни уходящие шаги...
Нет, нет, не то – они душою дышат.
Здесь все найдешь – и муку, и любовь,
Желанье смерти – возрождение жизни,
Потерянной надежды возвращенье вновь,
И быстрое биенье сердца –
Слышишь?

Reinhold ZEITLER

Mein selbst

In deinen Gedichten
sind alle tot, die tot sind.
Darum sind deine Gedichte so hart,
wie die Lebenden.

So hart, wie die Steine,
gegen die du noch anbebst,
und die so hart sind,
wie die Steine der Mauer.

Was du noch hast an Liebe,
das lügt nicht,
aber ich weiß nicht,
ob es noch wärmt.
Vielleicht erfriert man an dir.

Mich könnten deine Gedichte Theorie lehren,
wenn sie nicht so bitter wären
vom wirklichen Leben,
und wenn deine Toten
nicht meine Toten wären.
So aber bleibe ich immer
An dem, was sie sagen, kleben.

Ich beichte

Ich beichte.
 Ich habe gesagt: „Ich hoffe noch!“
 Doch ich meine,
 ich habe Angst mich zu fragen,
 ob ich noch hoffe.
 Ich beichte.
 Ich habe gesagt: „Ich hasse nicht!“
 Doch ich meine,
 ich habe Angst mich wirklich zu fragen,
 ob ich nicht zu viel Angst habe,
 um zu hassen.

Ich habe gesagt:
 „Die Dinge sehen mich an,
 sie spotten und drohen
 und stellen mich auf die Probe“.
 Doch ich meine,
 mich tötet das Totsein der Dinge.
 Drum dichte ich ihnen
 ein Leben an, das sie nicht haben.
 Ein furchtbares Leben,
 aber Leben – nicht Tod!

* * *

Zurücknehmen,
 mehr, immer mehr,
 immer weiter zurück.
 Warum?
 Vielleicht, weil ich
 immer mehr hinnehmen muss.
 Es gilt
 als vornehm,
 sich so zurückzunehmen.
 Doch
 was bleibt übrig von dem,
 was ich mir vornahm?

Wettkampf

*Für meine Cousine
 Helena Helwer.*

Da ist eine tot,
 und da ist einer lebendig.
 Je länger sie schweigt,
 desto mehr gibt er sich geständig.

Die Tote wird nie wieder sprechen.
 Eher verstummt er, der Lebendige.
 Die eine ist die Unbewegte,
 der andre daher der Wendige.

Dieser Wendige schlägt Haken um Haken.
 Er läuft ganz einfach um sein Leben.
 Solange da solch ein Igel ist,
 muss es solche Hasen geben.

Wie er sich abmüht, der Hase!
 Gehetzt blickt er in den Spiegel.
 Doch wie hoffnungsvoll er auch hineinschaut,
 heraus schaut immer der Igel.

Ihr, die ihr diese Zeilen lest,
 ergreift Partei für den Hasen!
 Wir Verlierer müssen zusammenhalten,
 bis unter den Rasen.

Александр ВАЙЦ

Вместо предисловия

«Живёт среди нас, российских немцев, скромный и тихий, но убеждённый и упорный в своём деле человек, который занимается собиранием словесного духовного наследия российских немцев. Зовут его Александр Вайц, и живёт он в городе Вуппертале.

Наш журнал уже рассказывал о нём и поместил его обращение к землякам, в котором автор призывал их, особенно старшее поколение, собирать жемчужины народной мысли, описание обычаев, традиций и обрядов российских немцев, а также рассказал о некоторых из них, которые сохранились ещё в жизни его родного немецкого села Новоскатовка в Омской области («OWP», № 4 – 142, 2009).

... Чтобы народ жил, должны жить и его мудрые мысли. Их надо бережно собирать и передавать из поколения в поколение. К этому призывает Александр Вайц своих земляков и сам, по мере своих сил и способностей, старается эти мысли собирать и даже приумножать. Пусть плоды его труда пока ещё невелики. Пусть скромны результаты, и собственные сочинения не всегда профессиональны, а порой и наивны».

*Роберт Гайгер, доктор фил. наук
 Генрих Дауб, редактор газеты «Ost-West-Panorama»*

Die böse Quelle

Der Böse zeigt nur Hass und Neid
 Und verursacht immer nur Streit.
 Er steht überall herum
 Und macht keinen Finger krumm.

Der Böse auf dieser Erde bekommt immer Recht.
 Dem Guten auf dieser Erde geht's immer schlecht.

Der Böse treibt immer Betrug und Verrat
 Und gibt einem anderen nie guten Rat.
 Er gräbt eine Grube für viele bei Mondschein
 Und fällt in die Grube dann selbst hinein.

Bei jedem Menschenschritt
 Blickt Gottes Auge mit.
 Er schließt dem Bösen die Augen zu
 Und lässt ihm keine Ruh.
 «Verdammt sollst du sein
 Bis in die Ewigkeit hinein!»

Der Pfarrer steht an seinem Grab
 Und spricht aus der Bibel ein Zitat:
 «Von Erde bis du gekommen,
 Zu Erde sollst du wieder werden».

Die schwarze Seele steigt aus dem Grab herauf ...
 Und plötzlich erscheint eine Welle
 Und stürzt sie hinab in die Hölle,
 in aller Bosheiten Quelle.

Красный лист клёна

(Сказка)

Давным-давно, когда в мире ещё были короли, королевы, принцессы и принцы, на земле жил могущественный волшебник Нэнабожо, который превращал непослушных и злых людей в какое-нибудь существо или предмет.

В это же время в далёкой Белоруссии жил граф, который посадил возле своего замка много-много клёнов. По народной легенде клёны приносят благополучие и защищают от стихии и зла. У графа и графини рос сын по имени Василий. Был он очень вредным и непослушным ребёнком.

На дворе был тёплый осенний день. Стояли в красивом красном наряде кленовые деревья в графских угодьях. Могущественный волшебник Нэнабожо решил навестить страну Белоруссию и графский дворец, где вырос непослушный и вредный Василий, которому исполнилось восемнадцать лет.

Волшебнику Нэнабожо нужен был красный кленовый лист, сорванный рукой графского сына. Но Василий наотрез отказался сорвать волшебнику красный кленовый лист.

– Сорви его сам и унеси в твою страну!

Рассердился волшебник и сказал ему:

– Ах, так! Раз ты не хочешь сорвать мне красный кленовый лист, сам будешь им и от ураганного ветра, который я вызову, полетишь в мою страну. И только три часа ночью ты будешь человеком. Всё остальное время ты будешь валяться на земле, и все люди и звери будут по тебе ходить. Моему колдовству придёт конец только тогда, когда хоть один человек тебя полюбит в образе кленового листа.

Кликнул волшебник Нэнабожо ветер, тот подхватил принца, закружил и унёс его через моря и океаны в страну Канаду.

Как раз в это время на солнечной поляне красивая и добрая девушка Луиза собирала гербарий для своей коллекции. Красный кленовый лист упал на эту солнечную поляну, начал кружиться возле её ног, лхнуть к её рукам и носиться перед ней.

Как только Луиза увидела красный кленовый лист, она глаз не могла оторвать от этой красоты, и на сердце у неё стало светлее и радостнее оттого, что в её коллекции стало на один лист больше. Она бережно положила его туда, где хранились другие листья. И теперь каждую ночь, с двенадцати до трёх часов, Василий выходил из гербария и целовал прекрасную Луизу.

Однажды ей приснился сон, что у неё осталось открытым окно, и ветер унёс её любимый лист. Глянула Луиза утром в свой гербарий, а кленового листа и в самом деле нет. Села она и заплакала:

– Где сейчас мой красный кленовый лист?

А Василий отвечает ей:

– Я тут, у тебя за дверью стою, ты только не испугайся меня, Луиза.

Девушка увидела красивого, статного юношу и спросила, как его зовут.

Он сказал:

– Я твой кленовый лист, а зовут меня Василий. Меня заколдовал волшебник Нэнабожо за то, что я не послушал его, он превратил меня в красный лист клёна. Если меня кто-нибудь полюбит, я опять стану человеком. Мне остался ещё один час, потом я снова стану красным листом клёна и буду лежать в твоём гербарии.

Луиза подошла к Василию, обняла его и сказала:

– Мне не хочется, чтобы всю свою жизнь ты у меня лежал в гербарии, как лист.

И с этого момента они полюбили друг друга и остались на всю жизнь вместе. Василий привёз со своей родины саженцы клёна. И клён теперь стал расти и в Канаде. Канадцы очень полюбили это дерево с красными листьями. И красный кленовый лист теперь украшает их государственный флаг.

Тут и сказке конец. Кто читал и слушал, тот – молодец.

«ШКОЛА СТИХОВЕДЕНИЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВЫЕ РАБОТЫ

Ольга НИКОНОВА

Мама

1

В первый класс меня с бантами
Ты за ручку привела.
Переживала за меня
Родная мамочка моя.

2

Непокорная твоя седина, ноги,
Которые прошагали так много.
Руки, которые узнают из тысяч меня –
Это, конечно, мама родная моя.

3

Сердце твоё болит за нас всех.
Мамочка милая, ты лучше всех!

* * *

Школа за руку нас вела
Девять лет по дороге,
И наконец-то привела
Нас к своему порогу.
Дальняя дорога
Будет нелегка –
Взрослая и строгая,
Жизнь у нас одна!

* * *

Учителя, учителя,
Хорошие и добрые!
В школьной нашей жизни –
Вы лучшие друзья.
Вы, силы не жалея,
Проводите урок,
Чтобы мы, взрослея,
Увидели в жизни толк.
Учителя все разные,
Но вы у нас одни.
С шутками и ласками
Проводите с нами дни.
И седина вам не помеха,
И годы тоже не беда.
Для вас одна лишь есть утеха –
Чтоб были мы умными всегда.

Sommer

Ich male ein Bild,
Ein schönes Bild –
Ich male den Sommer.

Alles ist grün:
Die Felder, die Wiesen,
Grün ist der große Baum.

Klar ist der Himmel,
Blau ist das Meer,
Bunt sind die Blumenbeete.

So viele Tauben im Himmel,
So viele Fische im Meer,
So viele Blumen im Garten!

Девушка и Лебедь (Баллада)

Сидит на берегу девушка,
Плывёт к ней лебедь белый
И спрашивает девушку:
– Что ты грустишь одна?
Горюешь аль печалишься?
– Нет! – отвечает девица, –
Душа моя болит.
Болит за брата Ивушку.
Ушёл он в лес по ягоды
Да потерялся там.
Слеза скатилась горькая
По девичьей щеке.
– Меня послала матушка,
Меня послал и батюшка
За бедным братом Ивушкой:
Должна его найти!
Утешил лебедь девицу,
Сказал: – Коли понадобится,
Ты позови меня!
Бредёт по лесу девушка,
Кричит: «Ау! Ау!»
Пришла до дому вечером,
Слезам обливаешься,
А братец её Ивушка
Уж под окном сидит.
Обрадовалась девушка
И больше брата младшего
Не отпускала в лес.

Эдуард АРХИПОВ

Баллада о Ване и Васе

Жил-был мальчик Ваня.
Учился Ваня в школе.
Мальчик был ленивый –
Лишь двойки в дневнике.
Зато был Ваня мастер,
Умел он мастерить.
Вот утро наступило:
С трудом поднялся Ваня,
И в школу он пошёл.
Сначала был немецкий,
И Ваня сел за парту,
Уселся возле Васи.
А Вася умным был!
Вот Ваня Васю просит:
– Списать задание дай!
А Вася: «Нет!» – в ответ.
– Я сделаю машину,
Машину из железа.
А Вася снова: «Нет!»

– Я сделаю большую
С верёвкой впереди.
Ну, дай списать задание!
– А сделаешь «КАМАЗ»?
Чтоб на песке играть мне,
На улице и в доме.
– Давай уже тетрадь!
– Уговорил, бери!
И Ваня быстро пишет,
Но вдруг конец урока,
Учитель говорит:
– Сдавайте все тетради!
Тут Ваня рассердился
И Васе говорит:
– Я не списал задание
Из-за тебя, Василий!
Тебя я пол-урока
Всё об одном просил.
Ты будешь без машины,
Ты сам в том виноват!

Олжас АБУЛГАЗИН

* * *

Я люблю людей, что с детства меня окружают.
Куда приведёт моя дорога, я не знаю.
Но знаю точно, что они меня не бросят.
Многих из нас разбросает врозь. Я
Стараюсь их не забывать,
И они стараются тоже.
Я в этом уверен – дрожь по коже.
Склеены наши детства одним клеем,
Их разорвать мы уже не сумеем.
Поддерживаем общение...
Мы пытаемся держаться вместе,
Но, увы, иногда приходят плохие вести.
Время беспощадно. Не понимаю,
Для чего так быстро идёт – не прощаю.
Возвращая воспоминания,
Я хотел вернуть многое.
Помню лицо друга строгое.
Но теперь, конечно, если честно,
Бывали идеи вечерами поздно:
Смотрел на звёзды, на Млечный Путь.
Помню, ставили мы в клубе спектакли,
Помню, смотрели «Черепашек ниндзя»,
С магнитофоном с кассетами,
Помню, летом мы
Ходили в походы, там веселились.
Как это было давно,
И мы с этим смирились.
Повзрослевшие, но ещё не взрослые.
Поумневшие, но ещё не студенты.
Поразъехались кто куда,
И, кто знает,
Как сведёт нас наша судьба.
Раз и навсегда
Оно одно наше детство.
Дальше интересно,
Что будет с нами. Неуместно
Говорить о плохом.
У каждого есть свои секреты,
И, главное, что мы ценим это.
Где-то кто-то слышит мои строки
И понимает, о чём пишу

Светлана ОЗЕРЕД

Заведующая Солнцевским центром немецкой культуры Исилькульского района Омской области.

ЖИВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Тигровый витязь
В тигровой шкуре
Лежит, забывшись
Тяжелым сном.
В глазах закрытых –
Сражений бури
Доспехов лязг
Да орудий гром.

Барханы мелькают,
Пустынные крепости,
Обжигающий душу
Горячий песок.
Глядишь в небеса,
Миражи завлекают.
Тряхнешь головой:
«Эх, воды бы глоток!»

Мелькают барханы,
Сыпучие лестницы.
Песок пред ними,
Как вечный изгой,
То замком гротескным
Летит в неизвестность,
В миг исчезая
Волнистой тропой.

Казалось, в покое
Пребывает наш воин,
Но дрожь пробежала
На усталом лице.
Что ж взволновало
Младого героя,
То ли во сне,
То ль в забытье?

В багряном кольце
Заходящего солнца
Гонимые ветром
Песчаных дорог
Наложницы шли
В проклятьях и воплях,
Схоронивших надежду
И пламень тревог.

Разорваны в клочья
Шелка их одежды,
Бросавшие вызов
Непокорным ветрам,
А ножкам, обутым
В стальные оковы,
Уж лучше парить

По персидским коврам.
Блестать бы красавицам
В отблесках солнца,
Млея под взорами
Грозных мужей.
Радовать сердце их
Танца узором,
Нежиться б жаром
Их страстных очей.

Но демон судьбы,
Склонивший им голову,
Раз лишний напомнил
Небесным богам,
Что блажь и страдания
Свой шаг мерят поровну,
Испил рай до дна,
Предстань же
Пред «Ада вратам!»

Вдруг витязь тигровый
Очнулся от сна,
И вот уж стоит он
На крепких ногах.
Ночь мглою глядела
В оконце шатра,
Темнотой застилая
Свет тусклый в глазах.

Месяц в златом ореоле песка
Звездами сыпал
Цветы на коврах.
Витязь смотрел
В темноту ошалело,
Ломило все тело,
Душа в нем горела.
«Что ж случилось со мной?
Что привиделось мне?
На яву ли это или во сне?»
Да, да... нет, да...
Нет, нет... да, шла...
Да, да, шла... да.
Поодаль она шла одна.
Нет, шла не пленница,
То царица плыла,
Стройная, сильная,
Как морская волна.

Царица, гордая
Мрачным весельем.
Она любовалась
Живым ожерельем.

Вот сорвала его
Со смуглой шеи,
Крутила, вертела,
От радости млея.

Браслетом обвило
Оно ее руку,
Сверкая золотом и изумрудом.
И вновь прижав его
К округлой груди,
Шептала нежно
Слова о любви.
Витязь качнулся
Под магией слов.
«Ре-о-же-релье, жео-ле-режье...»
Его лихорадкой бил
Зверский озноб...
Мысль летела,
Как с неба звезда...
«Не оре-ле-жье, нет, не о-же-релье...
То королевская кобра была...»

Воспылал он любовью
К гордой царице, похожей
На грозную рыжую львицу.
Сорвал с себя витязь
Тигровые шкуры и...
Пораженный стрелами Амура,
Вскочил на коня,
Поскакал звездной ночью,
Чтобы увидеть царицу воочию.

Летит на коне
У страсти во власти.
Из-под копыт
Рвутся искр горсти.
Летит на коне
За барханом бархан.
Разум опутал
Любовный дурман.
Летит на коне
В объятиях тумана,
Конь путает след
В пелене барханов.

Но вот уже близок
Наложниц шатер.
У шатра пылает
Яркий костер.
В огненных отблесках
Звездной вуали
Царица стояла
В тоске и печали.

Царица, гордая
Мрачным весельем.
Она любовалась
Живым ожерельем.
Вот сорвала его
Со смуглой шеи.
Крутила, вертела,
От радости млея.
Браслетом обвило
Оно ее руку,
Сверкая золотом и изумрудом.
И вновь прижав его
К округлой груди,
Шептала нежно
Слова о любви.

Витязь меж тем
Спешился с коня.
Смотрел на царицу,
Улыбкой дразня.
Заметил он поздно
Взмах нежной руки и...
Ожерелье сверкнуло
На широкой груди.
Змея уж ползла
По его сильной шее,
В ожидании ласк царских,
Что будут лелеять...

И вот уж злой отблеск
Маленьких глаз
Враз пронзил
Витязя острый взгляд.
Не прятал его он
Ни вправо, ни влево.
Впился в глаза змеи
Жестко и гневно.

Схватив ожерелье
В мгновение ока,
Швырнул в костер его
Злым деянием рока.
Заискрился огонь
Бедовым кругом,
Сверкая золотом и изумрудом.

Но что ж за сюрприз
Нам готовит судьба...
Царица в костре?...
Но подругу спасла.
Змея от испуга
Внимать перестала,
Где враг, где друг,
И вонзила жало
В сердце царицы,
Та оземь упала
С удивлением
В открытых глазах и лежала,
Прижав любимицу
К округлой груди,
Успев шепнуть ей
Слова о любви.

Витязь стоял,
Словно громом сраженный.
Свет помутился
В глазах его томных.
Лишь месяц
В златом ореоле песка
Звездами сыпал
Цветы у костра.

Рыдая неистово,
Он к царице припал.
Нежно ее обнимал, целовал.
Просил вернуться
Из царства теней,
Страдая в неистовстве все сильней.
«За барханами вскоре
Забрезжит рассвет,
А любимой моей...
Нет, нет, нет, нет...»
В этот миг
Пески разорвал вдруг

Звериный крик.
Кинжал блеснул
Отблеском красной зари и...
Кровь уж струилась
По могучей груди.
Струилась кольцом и
Стекала вниз...
Венчая погибших...
О, боже мой, боже...
Вот так сюрприз.

Вы знаете, больно,
Ах, как сердцу больно,
Не смог я распутать
Любви треугольник.

Как зарождается любовь...

Как зарождается любовь,
Изюминка которой есть тайна,
Истина же непостижимость раскрыть ее,
Как невозможно открыть ларец,
Наполненный до края
Драгоценными камнями,
Златом да серебром,
А ключ его недостижимый
Хранит Нептун на дне морском.
«Любовь, как нервов ком,
Не таинство, скорее беда
Да страсти застывшей поползновение,
А коль она еще и зла,
Так не извечный спор ли это
Беды со злом,
Где побежденного не подвергают козням,
А победителя не награждают песнопением...»
«Постой, постой,
Любовь не перевяжешь равнодушия узлом.
Терпение, мой друг, терпение!
Все это рассказы и бредни циника,
Не испытавшего любовной страсти дерзновения.
Душа его черства, как высохшие дерева.
Слова же полый ствол,
Просто слова, слова, слова...
Прав был великий гений,
Достигший апогея в духовном откровении,
Изрекший «Рожденья тайна и любовь –
Одно мгновение,
В стремлении же к любви высокой,
Уверен гений был,
Есть жизни нашей обездоленной спасение».
«Коллега, циника не уладили вы
Одухотворением мыслей ваших.
В своем высокомерии стена,
Он масло льет в огонь.
Примеривая сказанное вами,
Он спрашивает вновь,
Возможно ль отыскать любовь,
Коль в твоих жилах уж давно застыла кровь?»
«Ответ таков, мой друг,
В дебрях невезения, утерав любовь,
Ты обретишь ее не угрызением совести
И черной завистью,
А только чрез любовь...»
«Так как же зарождается любовь, коллега?
Забудьте циника упрек и страх, ответьте.
Взрождается любовь на небесах?
В волнении магнитном энергий солнечных?
В стремительном полете в бездну падающих звезд?
В разрывах молний огненных,

В разгуле громовом вселенских гроз,
Иль в бесконечной круговерти страсти
Меж черных пропастей крутящихся галактик?
А может, здесь,
На страждущей земле,
Искринкой, вспыхнувшей в угаснувшем костре,
Хрустальной капелькой, мерцающей в росе,
Дрожанием лепестка в объятиях дождя,
В игривом вздохе ветра на утренней заре,
О, аллилуйя! А может, в трав шелковых нежном поцелуе
Иль в шепоте осеннем ласки листьев золотых?
Как зарождается любовь?
Чувств всплеском страсти пылким,
Прикосновением рук горячих зыбким,
Проникновенным жгучим взглядом
Иль градом нежности, бьющим радостно и больно,
А может, пламенем сердец,
Звонящих биением септаккорда сладостным?»
«Мой друг, довольно трепетать, довольно!
Как зарождается любовь, не ведаю я этого,
Не знаю, одно лишь ясно мне,
Любовь пусть остается тайной,
А тайна эта неизведанная
Пусть никогда не исчезает!!»

Постой, остановись, о время!

Музыка, дивная музыка
Гармонией ветров звучит.
Постой, остановись, о время,
Ты слышишь звуки в ночи.
В вышине меж колонн серебряных
Звезды гимны вселенной поют.
Месяц, маэстро ветряный,
Лишь вечности и пространству преданный,
Оркестру небесному щедро
Почести раздает.

Музыка, дивная музыка
 Богиней в пространстве парит.
 Созвучия бездонной вселенной
 Россыпью звезд нам дарит.
 Величием тишины околдованная,
 Стремится волнами вниз,
 Но тут же взлетает лебедем
 Ввысь, ввысь, ввысь...
 А я иду зачарованная
 Гармонией небесной волны,
 Сердце бьется отчаянно,
 Глаза слезами полны,
 О, музыка, дива вселенская,
 Из кольца страстей отпусти!
 Пусть буду я девой безгрешною!
 Прости за грехи меня, господи,
 Прости, прости, прости!
 Vater unser im Himmel,
 Geheiligt werde dein Name.
 Dein Reich komme .
 Dein Wille geschehen,
 Wie im Himmel so auf Erde.
 Vater unser im Himmel,
 Verzeih' mir und
 Erloese mich von dem Boesen,
 Denn dein ist das Reich und die Kraft
 Und die Herrlichkeit in Ewigkeit.
 Amen...Amen...Amm..
 Музыка, дивная музыка
 К нам ниспустилась с небес.
 Проникновением в вечность,
 Душевный чарующий всплеск...

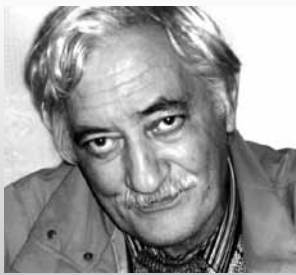
Das Gespräch mit dem zweiten Ich

Ich weiss, das ich nichts weiss.
 Der Gedanke erschöpfende dieser
 Bringt mich in Erschütterung tiefe.
 Sogleich mein zweites Ich,
 Oder die Seele unverweslich meine
 Griff schmerzlich mich ans Herz,
 In Ralität des menschlichen Daseins
 Dabei durchführend,

In Auseinandersetzung strittiger
 Die Innenwelt meine stark berührend,
 Verhönt mich hochmutig
 Echönd stöhnend.
 «Hey, besitzest niemals die Erkenntniskraft
 In das Geheimnis grosszügige
 Des Weltalls einzudringen, du...»
 «Sei ruhig ,Seele! Hast du'nen Groll auf mich?
 Ich hoere nie'nen winzigen Gesang!...»
 «Begreifst nie und nimmer den Erkenntnisdrang
 Die Himmelshöhen mysteriösen
 Des Universums zu erfassen. du,
 Das geringfügige Sandteilchen,
 Das draussen sich ein geraumes Weilchen,
 Auf einmal vom Wind und wildem Schicksal verfolgend,
 Allseits herumgetrieben ist,
 Wie Sohn des lieben Gottes Yesus Christ»
 «Du irrst dich ,Seele, schweige !
 Ich bin erfasst von deiner Worte Grausen
 Denk nur darüber nach,
 Warum ist's nicht in meiner Macht
 Geheimniswelle dieses zu erkennen?
 Der liebe Gott ist ja

Mein Himmelsvater heiliger,
 Die Allhimmelshöhe ist Mutter meine seelige,
 Wär es wohl unmöglich Ihnen,
 Den Schoepfern,
 Wahrhaft allgewaltigen, sogar allwissenden,
 Die Bitte meine nicht abzulehnen
 Und mich wenigstens mit Kästchen gold'nem
 Von Körnchen Wissens zu beschenken.
 Dann könnte ich mich wagen,
 Im weiten Firmament wie stolzer Vogel
 Auf Flügeln schwebend
 Die Gotteskrone denkwürdig mitzutragen...»
 «Hey, Jammerlappen»,
 Mir sagt das zweite Ich verachtend,
 «Wie bist du misepeterig und kläglich
 In deinen Strebenschritten
 Nach Unterwerfung
 Des triumphierenden Beginnes
 In Daseinersterschaffungeindringes/
 Meinetwegen
 Sollst du dich still ergeben,
 Kannst deine Leidenschaften dämpfen
 Und fuer deinen Wissensdrang nicht kämpfen.
 Aufwärts dringend,
 Sollst vorwärts sehen.
 Um Gottes Gnade ja inständig flehen.
 In Mondscheinlichten und Sonnenstrahlen schwimmend,
 Vom Sinn der Lebensausbleiblichkeit besinnend
 Sollst du deine Gedanken der Ewigkeit
 Von Wasser-, Winde-, Feuerelementen widmen.
 An Todesunvermeidlichkeit dabei streng trauend,
 Sollst du am späten Abend
 Oder frühen Morgenau
 Ins Innere deines Labirintendaseins
 Nachdenklich schauen.»
 «Gelobt sei Gott, Seele!

Ich bitte dich um ein geringes,
 Um ein klein bisschen
 Des allbesiegenden Weltallwissens
 Oder auf deines Willen Drängens
 Ratest du mir minder
 Von dem Fatum die Gnade finden?»
 «Hey, Verachtungswürdiger,
 Bist du nicht recht bei Sinnen?
 Du, Schmälicher, ja
 Dir ist's gelungen, mich
 Von deinen Wortenwunden
 In Harnisch einzubringen.
 Die Gnade Teufels ist meist
 Der Menschenseele wert,
 Der Seele unverweslichen,
 Die von dir verachtet wird.
 Doch ,wenn dir die Seele deine nicht mehr
 Am Herzen liegt,
 Verkauf'sie, begeh' an sie Verrat,
 Nein ,um so entsetzlicher ver Hundertfach,
 Füg' ihr Demütigung,
 Wirf' zur Erniedrigung zu Diensten Satans,
 Bis deiner Seele Lebenslicht
 Davon ermatten und erloschen wird.
 Zu deinen Sinnen mahnend,
 Sag' ich ohne Flachs,
 Wenn du es machst,
 Denk' darüber nach,
 Dein Ende wird schrecklicher
 Als der, die, das Schrecklichste
 Zwiefach, zwiefach, zwiefach.

Виталий ЧЕРНУХОВ

Заместитель главного редактора газеты «Сибирский труженик» Седельниковского района Омской области. Член Союза журналистов России с 1979 года.

Свой день рождения, пришедшийся на скорбную дату 22 июня, Виталий Чернухов отмечает всегда позже. Он родился в послевоенном 1946 году в Нарымском крае, куда его мать Елизавета Гельдер была выслана из Поволжья. История вынужденного переселения и замужества с Андреем Чернуховым под названием «Заложница немецкой фамилии» поведена в журнале «Культура» № 14 за 2008 год. Деревня с красивым названием Светлая Протока в Томской области оказалась для Виталия малой родиной. После школы он стал профессиональным журналистом, окончив Иркутский государственный университет. Коллеги отмечают его острую реакцию на актуальные темы и «плодовитость» в любых жанрах, начиная с омских заводских и районных газет. Журналистское дело он продолжил в «Вечернем Омске» и «Омской правде», сотрудничал в газетах «Крестьянское слово», «Коммерческие вести» и «Вся губерния». Замещая редакторов газет, он брал на себя больше забот, чем требовали его обязанности. И до сих пор Виталий Чернухов вдоль и поперек «пашет» словесную ниву в газете «Сибирский труженик» Седельниковского района, пожиная на ней добрые плоды. Добровольно отправившись несколько лет назад в этот урманый край, столь похожий на родную томскую сторонку, он влюбился в него. Именно в Седельникове родились поэтические строки, с которыми предлагаем познакомиться читателям. Некоторые стихи принесли поэту победу в областном конкурсе, другие стали песнями, душевно исполняемыми местными певуньями. Эта подборка выходит в канун 65-летия автора. С днем рождения вас, Виталий Андреевич! Новых творческих удач!

От редакции «Культуры»

Вместо эпиграфа

Во мне кровей намешано немало,
Как и у многих, кто живет в России.
Как и они, я – сын интернационала,
И в этом – моя жизненная сила.

Мне немка ссыльная с донским полуцыганом
Путевку в жизнь в Сибири подарили,
Хантыйка колыбель мою качала,
И в этом – моя жизненная сила.

Я в детстве босоножил с татарчонком,
Хохлушки в гопаке меня кружили,
Влюбился в белорусскую девчонку,
И в этом – моя жизненная сила.

И чем бы я потом ни занимался,
Куда бы меня ноги ни носили,
Я дружбой всех народностей питался,
И в этом – моя жизненная сила.

Сегодня кто-то требует очистить
Россию от мигрантов и нацменов,
Со злобным улюлюканьем и свистом
Растя в моей стране подонкам смену.

Но кто тогда останется в России,
Где многие века все – братья, сестры?
Кто будет ей давать для жизни силы,
И храмы освящать в ней, и погосты?

Во мне кровей намешано немало,
В моих потомках – еще больше будет.
И тем себя Россия собирала,
И этого никто в ней не погубит!

Крепко держит меня этот северный край

К нам нынче самолеты не летают,
И путь до Омска долог и тернист.
В Седельникове нефть не добывают,
Столичный нас не жалует артист.

Привет:

Но не стану грустить я о розовых далях –
Крепко держит меня этот северный край.
Апельсиновый юг мое сердце не манит,
И не нужен мне запад, где мерещится рай.

Реки могучей нет в урмане нашем,
Лишь змейкой Уй* петляет из болот.
Но берегов его милей и краше
Наш взор нигде на свете не найдет.
Прпев.

Большим рублем здесь избалован редкий,
Зато в сердцах богатств не сосчитать.
Заветы чтя далеких наших предков,
Мы всё другим готовы отдавать.
Прпев.

Не все имеем, чтобы жить красиво, –
Не пощадил нас ветер перемен.
Но снова набираем с верой силы,
Чтоб к лучшей жизни сделать точный крен.
Прпев.

Играет, играет в урмане гармошка

Свадьбы новые играют,
Стонет пол от каблуков.
Всех гармошка в пляс бросает –
И невест, и женихов.
Только не хватает нам
Насте Заволокиной.
Увезём её в урман
С кедрами высокими.

Дом деревня «обмывает»,
Поселив в нём молодых.
Всех гармошка в пляс бросает –
Новосёлов и родных.
Только не хватает нам
Насте Заволокиной.
Увезём её в урман
С клюквой и осокою.

День рождения справляет
Самый юный наш сосед.
Всех гармошка в пляс бросает –
Кто рождает и кто нет.
Только не хватает нам
Насте Заволокиной.
Увезём её в урман
С речками глубокими.

По субботам поднимает
Нас с постели не петух,
А опять гармонь родная
В нас вселяет бодрый дух.
Только мал телеэкран
Насте Заволокиной.
Увезём её в урман
Где сердца широкие.

Сибирские мадонны Окно моей памяти

Года летят, а память остается,
И седине мешать ей не дано –
Пока дышу и сердце мое бьется,
Я буду помнить милое окно.

Я буду помнить силуэт желанный,
Что в нем мелькал по зимним вечерам.
Он не питал надеждой – только ранил
И не давал уснуть моим ночам.

Давно уж нет окна того и дома,
Порос травой мой робкий к нему след.
Давно ушла ты под венец к другому,
Оставив призрачный мне свет.

Но чем белей мой талисман – березка,
Тем чаще мне грустится о былом,
И снова вижу я себя подростком
С ромашкой скромной под твоим окном.

* * *

Если женщина в женщине спит долгим сном –
Нет трагедии больше и глубже печали.
Если женщину в женщине видно во всем –
Нет счастливей мужчины, который с ней в паре.
Только должен всегда помнить спутник ее:
Лишь тогда он бесспорно в счастливицах будет,
Когда сам сердце строящее счастье свое,
Когда сам сердце спящее милой разбудит.
Не словами, конечно, хотя и они
Волновать уши женщины тоже способны.
Ты построй крепкий дом и родную внеси
На руках в терем светлый и добрый.

В одиночестве

Над Китюпкой** сегодня опять тишина:
В ней луна не рябит, не колышется тина.
В этот вечер у речки я снова одна –
Без дружка и надежды быть парнем любимой.
Одного жениха Дальний Север увел,
В яркий город другого мечта поманила,
Третий в рюмке хмельной невесту нашел,
А четвертого мохом зеленым покрыло.
Пусть и первенцам всем щедрый наш президент
Капитал материнский назначит указом –
И они без любви не родятся на свет.
Только к ней для меня путь надолго заказан.

А мы себя к осенним не относим

Осенним называется возраст наш,
Но мы еще не склонны к увяданью,
Еще в такой войти способны раж,
Такое выдать юным в назиданье!
Да, в наших пальцах гибкости той нет,
Какую мы вчера еще имели.
Но женщине преподносить букет
По-рыцарски мы и сейчас умеем.
На головах у нас белеет снег,
Морщины лица многих испещрили.
В глазах же – тот же юный блеск и свет,
И души наши вовсе не седые.
И даже если золотой сентябрь
Себя увидит в нашем отраженьи,
Не верьте в нашу осень: у внучат –
Весеннее для дедов продолженье.

Где и лось не ходил

(песня седельниковских туристов)

С рюкзаком за спиной и с мечтой об открытиях
Мы шагаем тропой, где лишь лось проходил.
У речушки глухой, под черемухой скрытой,
Бивуак разбиваем – запастись свежих сил.

Кто лежит на печи, в кабаке пропадает,
Толстый зад свой не хочет с дивана поднять,
Чудаками свихнутыми нас называет
И не может порыв наш понять и принять.

Даже в сказочном сне он не видит туманов
На Шаталовском*** озере, где звездопад,
Словно рой светлячков над палаточным станом,
Для нас ночью устроил свой волшебный парад.

Не пьянеет, как мы, он от хвойных дурманов
И не знает о связках на маршрутах крутых,
И не манят его тайны древних курганов
И окопы с останками сороковых.

Мы же этим живем, этим дышим и грезим,
И всегда будут с нами котелок и костер.
С рюкзаком за спиной мы шагаем и лезем
Даже там, где до нас гордый лось не прошел.

Мой последний форпост

Все реже за столом поем мы песни,
Здесь чаще – лишь бокалов перезвон.
И серенады для любимых женщин
По вечерам мы тоже не поем.

Такой же нам настрой телеэкраны
Несут от безголосых юных «звезд»,
Что вперемешку с похотью и бранью
Убогость выдают за шелест грез.

И лишь одно меня сейчас спасает
И сердце наполняет добротой –
Мой сельский клуб, где все еще летают
Мелодии земли моей родной.

От них я становлюсь светлей и чище
И мысли убегают от тоски.

Ведь все они дают не скуке пищу,
Но каждая зовет к делам благим.

И дай же Бог, чтоб огонек отрады,
Что греет сельский клуб сердца людей,
Не угасал, но верую и правдой
Служил душе России и моей.

Мой якорь

Село моё, надежду сохраняя,
Опять стремится голову поднять,
От нового Мамаю очищая,
Поля готово снова засеять.

Только в ком те поля крепким якорем станут?
Кто от предков своих эстафету возьмёт?
Город сельских парней, зазывая, дурманит,
А селу очень редко кого отдаёт.

Село моё, спорткомплекс создавая,
Опять зовет к мячу и на лыжню.
И женщины, любовью наполняясь,
В роддом спешат торить свою тропу.

Только в ком их любовь крепким якорем станет?
Кто от предков своих эстафету возьмёт?
Город сельских девчат, зазывая, дурманит,
А селу очень редко кого отдаёт.

Село моё, таланты открывая,
Вновь возвращает нотам добрый свет
И в каждой песне к верности взывает
Родной сторонке с самых малых лет.

Только в ком их слова крепким якорем станут?
Кто от предков своих эстафету возьмёт?
Город сельских певцов, зазывая, дурманит,
А селу очень редко кого отдаёт.

Село моё вновь крест оберегает,
В селе моём вновь строятся дома,
И храм, над речкой куполом сияя,
Опять во здравие звонит в колокола.

Пусть же звон этот вечный крепким якорем станет
Всем, кто в жизнь на земле в нашем крае пришёл.
Пусть не город – село души юных дурманит
И даёт их мечтам и твореньям простор.

Примечания:

- * Уй – река, протекающая в Седельниковском районе, приток Иртыша.
- ** Китюпка – маленькая речка в селе Седельникове.
- *** Шаталовское озеро – водоем в Седельниковском районе.

ПРАЗДНИКИ, СЦЕНАРИИ, КОНКУРСЫ

Ольга ПРУДНИКОВА

Корреспондент газеты
«Тарское Прииртышье»
Тарского муниципального
района Омской области.

ПОД ЯРКИМ СВЕТОМ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЗВЕЗДЫ

*В г. Таре Омской области впервые
прошел XIII фестиваль эстрадной
немецкой песни «Рождественская звезда».*

*Выбор на старинный сибирский городок
пал не случайно: по традиции
фестиваль проводится на родине
победителя предыдущего конкурса.*

*В конце 2009 года им стала тарчанка
Ирина Криницына, и переходящий символ –
Рождественская звезда –
на целый год получил тарскую прописку.*

Немецкий праздник, что впервые принимала тарская земля, оказался щедр на приятные впечатления. Полный зал зрителей словно подтверждал: фестиваль, рожденный 13 лет назад в Азовском немецком национальном районе, интересен не только немцам, но всем, кто умеет ценить творчество и талант. Шагнув за пределы одного района Омской области, сумев привлечь внимание соседних регионов, фестиваль стал серьезным культурным событием. О его уровне можно судить по обширному списку именитых гостей из 10 районов Омской области, Омска, Москвы и Германии. Среди них – министр культуры Омской области Владимир Телевной, директор Омского Дома Дружбы Наталья Степанова, главный дирижер ансамбля песни и пляски УВД по Омской области Виктор Закиров, председатель Ассоциации общественных объединений «Международный союз немецкой культуры» Генрих Мартенс, генеральный директор ЗАО «Общество развития Новосибирск» Дитер Фрик, председатель Совета Немецкой национально-культурной автономии Омской области Бруно Рейтер и другие.

За три часа до начала конкурсной программы весь второй этаж Городского Дома культуры превратился в ярмарочный городок: картины, тряпичные куклы, шкатулки, игрушки и другие изделия, выполненные в традиционных немецких техниках, удивляли разнообразием. Горячий чай с выпечкой

и выступления тарских артистов и соседей из поселка Больше-речье окончательно расположили зрительские сердца. В положенное время в зрительном зале погас свет. И вдруг в темноте зажглась звезда, следом еще одна, и еще... Фестиваль начался. На сцене, стилизованной под зимнюю деревушку, один за другим выступили 8 конкурсантов. Оказалось, немецкий язык вполне певуч, а резкий для русского уха звукоряд, положенный на музыку, звучит самобытно. Симпатии зрителей вызвал Санта-Клаус из Москаленок, даже школьных знаний немецкого языка вполне хватило, чтобы понять, о чем поет смешной толстячок в новогоднем кафтани: «Гутен таг, их хайсе Николаус!» Жаль, жюри так и не отметило исполнительского и актерского мастерства Александра Хамзина, прятавшегося за бородой Санты, но зато зрители наградили его аплодисментами сполна. Гораздо больше жюри приглянулась землячка Санты Ольга Мусена – артистичная и смелая девушка взяла сразу несколько призов, в том числе за профессионализм и волю к победе. Тарской исполнительнице Елене Буровой достался приз «За удачный дебют», Игоря Вольтера из немецкого села Литковка Тарского района

отметили в номинации «За создание праздничного настроения». Третье и второе призовые места распределили между собой Марина Тарасова из Шербакульского и Антон Иванов из Азовского районов. Первое место не присудили никому и переходящую звезду фестиваля отправили в Азово, чтобы в следующем году вновь собрать участников на родине конкурса.

Зато среди семи коллективов, вышедших в финал фестивальной программы, лидеров определить было нетрудно. Хрустальные голоса тарского квартета «Кантилена» под руководством Веры Шнитко заставили слушателей затаить дыхание. Композиция «Тиха рождественская ночь», исполненная четырьмя участницами коллектива а-капелла, сорвала овации и не оставила тени сомнения, что этим чистым голосам достанется первый приз. Второе место разделили между дуэтом

Ларисы Брейзе и Миры Вайс из Азовского района и большереченским трио «Цветущий край». Диплом третьей степени присужден участникам ансамбля «Rosine – Изюминка» Омского Дома дружбы.

А еще было множество спецпризов, которым, казалось, нет конца. Мягкие игрушки, картины, сувениры участники уносили большими охапками. «Цветущему краю» из Большеречья в доверок к диплому II степени вручили приглашение в Москву на запись диска, а Антонину Ренью из Азовского района снабдили путевкой в Германию.

Выступления конкурсантов сопровождали творческие номера большереченских и тарских артистов. «Школьные годы», «Весна», «Фиеста», оркестр русских народных инструментов, «Небылицы», «Вдохновение», «Шанс», «Балагуры» –

целое созвездие талантов, чьи успехи уже признаны на областном, российском и даже международном уровнях.

Не привыкшие к параду такого количества талантов, тарчане не уставали благодарить артистов и участников фестиваля бурными аплодисментами. Полный зрителей зал не скупился на крики «браво». Такую теплую встречу с удивлением для себя отметили участники фестиваля, приехавшие из 10 районов области и Омска. По их словам, даже в немецких округах, где подобный конкурс более привычен и понятен, их не встречали так горячо. Зрительный зал КДЦ «Север», рассчитанный на 650 мест, не смог вместить всех желающих, и часть людей стояла в проходах, приветствуя аплодисментами каждого участника. Четыре часа гала-концерта пролетели как миг, но уже очень хочется, чтобы в следующем году победителем в номинации «Сольное пение» стал тарский участник. Тогда нам можно будет рассчитывать на новую встречу с талантами на XV фестивале немецкой песни «Рождественская звезда» в 2012 году.

Фото: Алексея Мальгавко и Люции Годенчук

Марина ТАРАСОВА

Заведующая Новоскатовским центром немецкой культуры Шербакульского муниципального района, библиотекарь. Лауреат премии Немецкой национально-культурной автономии Омской области.

«Книгу жизни его листая...» «Im Buch seines Lebens blättern...»

Сценарий вечера памяти поэта Александра Цильке (к 100-летию со дня рождения)

Оформление зала: в центре внимания – экран для проецирования мультимедийной презентации, столик для ведущих, на нём – подсвечник с зажжёнными свечами; по периметру зала стоят небольшие столики для приглашённых, вазы с цветами; вдоль стены – место для сидения участников мероприятия (чтецов, вокалистов).

Пока собираются гости, звучит музыка; на экране – портрет А. Цильке и название вечера; на столиках разложены сборники со стихами и переводами А. Цильке, а также сборники немецких песен (в том числе и на стихи А. Цильке).

Звучит музыка № 1 (см. приложение № 1).

Выходят ведущие. Говорят на фоне приглушённой музыки.

1-й вед.: Guten Abend, liebe Gäste!

2-й вед.: Добрый вечер, уважаемые гости, которые смогли к нам сегодня приехать! Добрый вечер, дорогие новоскатовцы!

Сегодня необычный день – мы отмечаем 100-летие со дня рождения нашего земляка, советского немецкого поэта Александра Цильке. Он был и остаётся первым новоскатовским поэтом. Судьба его трагична, как трагичны судьбы поколения, пережившего войны и репрессии. Давайте почтим его память стоя (*минута молчания*).

1-й вед.: Sei mir gegrüßt,
mein liebes Dörfchen,
mein Schöntal,
umkränzt von grünenden Hainen.
Ich liebe dich
Und das Trillern der Lerchen,
des Feldes Wogen
im sonnigen Scheine...

...Ich grüße dich
wieder und wieder,
mein Schöntal.
Dein bin ich immer gewesen.
Ich sing' mit dir
deine lieblichen Lieder.

Dir gilt auch mein Herzschlag,
dir gilt meine Stimme!

2-й вед.: Эти строчки из стихотворения Александра Цильке, посвящённого Новоскатовке, которой он остался верен до конца жизни. И это замечательно, что сегодня, спустя почти 30 лет после смерти поэта, мы читаем его стихи и поём песни. На протяжении всего вечера будет звучать любимая классическая музыка Александра Цильке (*ведущие садятся за столики*).

Звучит музыка № 2.

1-й вед.: Alexander Zielke wurde am 24. Juni 1910 im weißrusslandischen Dörfchen Chatki, in der kinderreichen Familie des armen Bauern Emil Zielke geboren. Der Vater, Emil Zielke, war mit seinem Leben immer unzufrieden und suchte ständig nach etwas Besserem. Mit seiner Frau Emilia musste er viel reisen, ob er wollte oder nicht.

1915 wurde das Ehepaar Zielke und fünf seiner Kinder aus Weißrussland nach Sibirien deportiert. Unterwegs sind drei Kinder gestorben. 1918 kehrte Emil Zielke ins heimische Waldland zurück. Doch dort tobte der Erste Weltkrieg und die Deutschen schlugen der Familie die Übersiedlung nach Deutschland vor. Die Zielkes ließen sich im Ort Teingrim, in Mecklenburg-Vorpommern, nieder und arbeiteten dort als Tagelöhner auf einem Gut. Emil war als Zimmermann tätig, Emilia arbeitete als Waschfrau. Der kleine Alexander besuchte das Gymnasium.

1922 fuhr die Familie zurück nach Weißrussland. Die Eltern verdienten ihren Lebensunterhalt mit Beschaffung von Holz. Die Entbehrungen, die sie zu ertragen hatten, beschrieb der Dichter später in seinem Gedicht «Anfang meiner Biographie»:

Стихотворение «Начало моей биографии»

Звучит музыка № 2.

1-й вед.: Elend und Not verschlugen sie 1926 nach Sibirien ins Dorf Krasnojarka im Omsker Gebiet.

Dieser Weg, oft an der Grenze zwischen Leben und Tod, hinterließ in der Seele des jungen Alexanders tiefe Spuren. Der 16-jährige musste sein Geld als Batrak bei einem Großbauern verdienen. Gleichzeitig besuchte er die Dorfschule und bereicherte mit Eifer sein Wissen durch Selbstunterricht.

1928 zog er ins Dorf Nowoskatowka um. Ab dieser Zeit bis zu seinem Ruhestand war er als Lehrer tätig.

Hier lernte Alexander Regina Zeitler kennen. Sie wurde eine gute Freundin, und später seine Frau und Mutter seiner sieben Kinder.

2-й вед.: Любовь к Новоскатовке, в которой он прожил до конца жизни, Александр Цильке отразил в своём творчестве. Не одно стихотворение поэт посвятил своей деревне (*выходят участницы вокального ансамбля*).

Сегодня весь вечер для вас поёт вокальный ансамбль «Нахтигаль» (*под аккомпанемент баяниста В.Э.Гертнера*). Вы можете петь вместе с нами – тексты песен есть в сборниках.

Песня «Mein Schöntal» (стихи А. Цильке)

Звучит музыка № 3.

2-й вед.: Волна репрессий конца 30-х годов докатилась и до Новоскатовки. С 1937 года начались аресты. Сталинский ярлык «враг народа» приклеивался не только отдельным личностям, но и целым народам.

22 марта 1938 года Александра Цильке арестовали и отправили в тюрьму. Этот день навсегда остался в памяти сына поэта, Регинальда Александровича Цильке. В своих воспоминаниях он до мелочей описал события того страшного дня:

«До сих пор не стёрся из памяти мартовский день 1938 года. Утро. Родители уже давно встали. Мать доит корову, а отец на дворе убирает навоз. Бабушка чистит картошку и попутно нас, двоих внуков, меня и Райнгольда, поторапливает убирать комнату и присматривать за маленькой сестрёнкой Лили...

И тут резко открывается дверь. На пороге появляются двое мужчин в кожаных плащах. Один спрашивает у бабушки: «Где гражданин Цильке?» Бабушка плохо знала русский язык, но поняла, что речь идёт о её сыне.

Через несколько минут в дверях появляется наш папа, а за ним гость в плаще. Потом появились мама и бабушка. В полной растерянности они встали у печки. Отца заставили сесть на стул, стоящий у двери. Один из пришедших стал рядом с отцом, а второй энергично взялся за обыск.

Мне не забыть до гробовой доски это варварство над папиными книгами. Незваный гость в плаще неуклюже вытаскивал книгу за книгой из шкафа, брал её двумя руками за обложку и, выворачивая, тряс так, что они часто выскальзывали из рук и с грохотом падали на пол.

Обыск длился до обеда. Небрежно воткнув в сумку некоторые бумаги, обыскивающий взялся за протокол. Задав несколько вопросов отцу, мужчины в плащах сказали, что-бы он собирался.

Мама сложила самые необходимые вещи, которые были разрешены... Отцу разрешили попрощаться с мамой и бабушкой. К нам, детям, ему не разрешили подойти. Мы стояли молча».

Звучит музыка № 4.

1-й вед.: Am 17. Oktober 1938 beschließt die «Troika» (3 Richter): «Alexander Emiljewitsch Zielke wird für seine konterrevolutionäre Tätigkeit zu 8 Jahren Arbeits- und Umerziehungslager (ITL) verurteilt». Aber es geschah ein Wunder.

Am 9. Januar 1939 wurde Alexander Zielke überraschend «wegen Fehlens von Unterlagen» aus der Haft entlassen. Am 8. Januar sah er zum letzten Mai auf dem Tisch des Untersuchungsrichters das Manuskript seiner autobiographischen Erzählung, die für immer in den Archiven des NKWD verschwand. Er kehrte physisch gebrochen und psychisch gedemütigt nach Hause zurück. Bis ans Ende seiner Tage konnte sich seine Seele nicht von den Spuren dieser Grausamkeiten erholen.

2-й вед.: Александр Эмильевич продолжал учительствовать до следующей исторической катастрофы, до которой оставалось два года. 22 июня 1941 года фашистская Герма-

ния совершила вероломное нападение на Советский Союз, а в марте 1942 года началась мобилизация советских немцев в трудовую армию.

Песня «Heimatdorf» (автор Л. Нойвирт)

Звучит музыка № 4.

2-й вед.: Вместе со всеми мужчинами села А. Цильке был мобилизован в трудармию и отправлен на Урал. Он редко рассказывал о пережитом и увиденном в тюрьме и трудармии. Поселившийся в нём в сталинских застенках страх не покидал его до конца жизни. Он не желал возвращаться в прошлое и не говорил о нём в своих стихах. Но поэт не мог забыть своих сокамерников – известных учёных, литераторов, музыкантов и простых тружеников, которых физически истязали и морально унижали в тюрьме.

Звучит музыка № 5.

2-й вед.: Вернувшись домой, Александр Эмильевич снова стал учительствовать.

Он постоянно занимался самообразованием. Окончил Центральные курсы иностранных языков в Московском заочном институте иностранных языков, где учился с 1932 по 1941 год. Он ни разу не посетил институт, но оценки получал только отличные; изучал немецкий, английский и французский языки.

В 50-е годы, когда появились немецкоязычные газеты «Arbeit» на Алтае и «Neues Leben» в Москве, поэт работал с особым подъёмом.

1-й вед.: Im Januar 1959 schrieb Franz Leschnitzer, zu jener Zeit literarischer Beirat des «Neuen Lebens», u.a. an den Dichter:

«Alle Ihre uns vorliegenden Gedichte oder jedenfalls die meisten von ihnen... werden erscheinen. Nach alledem brauche ich Ihnen wohl nicht extra zu sagen, wie sehr wir uns neue Manuskripte gerade von Ihnen wünschen».

Dieser Brief war für Alexander Zielke von großer Bedeutung. Denn er stammte ja aus der Feder eines Kritikers von hohem Rang. Er verlieh dem Dichter einen beachtlichen Ansporn zu schöpferischer Tätigkeit, und überzeugte ihn davon, dass sein dichterisches Wort geschätzt und gebraucht wird.

2-й вед.: Неотъемлемой частью жизни поэта были книги.

«Я не помню отца без книги в руках. Она была неотъемлемой частью его жизни. Отец на свою скромную зарплату собрал уникальную библиотеку, из которой он черпал знания по всем отраслям человеческой культуры», – вспоминал Регинальд Александрович.

Конечно же, в библиотеке имелись все классики отечественной и мировой литературы.

Слово сыну поэта профессору Р. Цильке

Звучит музыка № 2

2-й вед.: К сожалению, в настоящее время в полном объёме библиотека Александра Цильке не сохранилась. Часть книг была вывезена родственниками в Германию, часть сгорела во время пожара в доме, где жил поэт. Большая коллекция книг осталась в бывшем доме сына поэта Райнгольда. На сегодняшний день мы имеем возможность сохранить эту коллекцию книг на русском и немецком языках. По инициативе сельской библиотеки был предпринят ряд мероприятий по сбору книг с личным автографом поэта и оформлению их в фонд редкой и ценной книги новоскатовского филиала Шербакульской межпоселенческой библиотеки. А идея присвоить сельской библиотеке имя знаменитого земляка появилась ещё раньше. О своих пожеланиях мы сообщили родственникам поэта, и они нас поддержали.

Слово представителям Комитета культуры и РМУК ШМЦБ

Звучит музыка № 5.

2-й вед.: Стихи Александр Цильке начал писать рано.

Писал на немецком языке. Первое стихотворение он опубликовал в 18-летнем возрасте в немецкой довоенной газете «Kollektivist», которая издавалась поочередно то в Омске, то в Новосибирске. Наряду со стихами он писал рассказы; некоторые из них были опубликованы в газетах.

Мы благодарны сыну поэта Райнгольду Цильке, который подарил нам рукопись рассказа «Портрет Ленина».

Поэзия Александра Цильке разнообразна. Для нее характерно отсутствие какой-либо идеологии.

Особое место в его стихах занимает Родина, большая и малая.

Стихотворение «Sibirien» – «Сибирь»

Свою любовь к сибирскому краю в снежном одеянии поэт выразил ещё в одном стихотворении.

Песня «Winter» (стихи А. Цильке)

Звучит музыка № 6.

Любовь к родине в его стихах чудным образом переплетается с любовью к матери:

Стихотворение «Dir meine Liebste...» – «Тебе, моя милая...»

Стихи Александра Цильке очень лиричны и напевны. Эммануил Кондратьевич Юнгманн, современник поэта, музыкант и композитор, родившийся в Новоскатовке, положил на музыку некоторые из них.

Песня «Hör auf, Wind» (стихи А. Цильке)

Его стихи передают его внутренний мир, восприятие жизни, они выражают его любовь к Родине, к людям, его веру в прекрасное, будь то родные поля, или чувство любви к женщине...

Стихотворение «Mariechen» – «Машенька»

Песня «Шёпот леса» (стихи А. Цильке)

Шербакульский композитор Валерий Поляков положил на музыку многие произведения новоскатовских поэтов, среди которых есть и стихотворение Александра Цильке.

Песня «Ночью глухой...» (стихи А. Цильке)

Поэтесса Светлана Качеровская познакомилась с Александром Эмильевичем в возрасте 11 лет; ему она приносила свои первые стихи, с ним говорили о литературе, о поэзии...

Слово С. Качеровской

Стихотворение «Begegnung» – «Встреча»

Поэт искал и находил гармонию в окружающем мире.

В каждом его стихотворении заложена глубокая мысль, будь то о волшебной палочке, детской улыбке, музыке Бетховена или о кусочке хлеба.

Стихотворение «Ein Stückchen Brot spricht» – «Говорит кусочек хлеба»

Звучит музыка № 2.

В каждом его стихотворении звучит доброе начало. Главным источником душевного умиротворения являлась для него природа во всем её величии.

Стихотворение «Musik» – «Музыка»

Стихотворение «Der Giebach» – «Поток»

Песня «Frühling» (стихи А. Цильке)

Звучит музыка № 9.

Многие его произведения несут в себе философское зерно, его строки затрагивают сердце и душу.

Стихотворение «Ich blättere im Buch meines Lebens...» – «Книгу жизни своей листаю...»

Многие из своих стихов поэт посвятил известным людям, среди которых Моцарт, Бетховен, Толстой, Ленин.

Стихотворение «Lew Tolstoi» – «Лев Толстой»

Стихотворение «Das Requiem» – «Реквием»

(на фоне музыки № 4)

Звучит музыка № 5.

Первый сборник поэта вышел летом 1981 года, через полтора месяца после его смерти.

Вспоминает сын поэта Регинальд Цильке:

1-й вед.: «Diese kleine Sammlung von Poesie ist ein unschätzbare Geschenk und ein Kranz zum Andenken an den Vater, der in eine andere Welt weggegangen ist, leider nicht gelebt bis zur Veröffentlichung seines ersten und einzigen Buches. ...Meine Bedauern sind endlos! Gefühle, die der Vater erlebt in den Händen halten riechen von frischem Tinte eigene poetische Arbeit, die offenbar miteinander verglichen werden können nur mit dem Glück der Mutter, die den geborenen Erstling hielt. Aber leider zeigte das Schicksal keine Gnade».

2-й вед.: В 1998 и 2000 годах книга «Ich blättere im Buch meines Lebens...» переиздавалась в Новосибирске. А в 2003 году в Омске вышел сборник стихов поэтов Шербакульского района «Радость возвращения домой». В мемориальном разделе сборника «Я на жизнь нисколько не в обиде...» опубликованы переводы стихотворений Александра Цильке.

В 2005 году стихи Александра Цильке вошли в «Антологию мировой немецкой литературы». А в 2006 году в Омске в издательстве «Лео» вышел сборник стихов новоскатовских поэтов «Mein Schöntal – Nowoskatowka», в который вошли стихотворения Александра Цильке и их переводы на русский язык.

И вот нынешней весной увидела свет новая книга на двух языках, русском и немецком, «Ich blättere im Buch meines Lebens», в которой напечатаны все стихи, которые были в третьем новосибирском издании 2000 г. Она дополнена биографией поэта, рукописями, документами из архивов НКВД, фотографиями. Всего более 400 страниц. Над этим изданием потрудились уважаемые Регинальд Александрович и его супруга Тамара Степановна.

Презентация книги, вручение экземпляров книги с подписью от издателя.

Слово председателю ННКА Шербакульского района Слово присутствующим гостям, желающим выступить

Звучит музыка № 1.

1-й вед.: Alexander Zielke, erlebt ein schweres und schmerzhaftes Leben, verdunkelt durch die Verhaftung, Verhören, Inhaftierung und Arbeitsarmee, zur großen Überraschung, nicht schauend auf alle die Hoffnungslosigkeit der Lebensweise in seinem Herzen der poetischen Feuer gehalten. Durch die natürliche Begabung wahrscheinlich überlebte er in unmenschlichen Bedingungen des Omsker Gefängnis und die Permlagern. Das innere geistige Leben half ihm, von der drückenden Realität ausgesetzt zu werden.

2-й вед.: Александр Цильке – наш земляк, мы им гордимся и хотим, чтобы о нём и его творчестве знали не только в Новоскатовке.

И в заключение для вас прозвучит песня в исполнении вокального ансамбля «Нахтигаль» на стихи бывшей жительницы Новоскатовки Антонины Лаутеншлегер, ныне проживающей в Германии.

Песня «Новоскатовка»

Звучит музыка № 1 (организаторы и участники мероприятия присоединяются к гостям за столиками, начинается чаепитие).

Ирина ТОЛМАЧЁВА

Заведующая Побочинским Центром культуры и досуга Одесского района Омской области.

Театрализованное представление «Путешествие по сказочному переулку братьев Гримм»

*Оформление праздника в стиле XVIII века.
На фоне старинного замка разворачивается сказочное
представление.*

Звучит немецкая музыка.

Выходят Добрая Фея и Юный Волшебник.

Фея: Guten Abend, liebe Gäste!

Юный Волшебник: Guten Abend, liebe Gäste!

Фея: Добрый день, дорогие наши гости. Очень хорошо, что все мы здесь сегодня собрались. Сегодня я вам предлагаю провести время, как в сказке, по-волшебному. Мой юный друг, а ты любишь сказки?

Юный Волшебник: Конечно, уважаемая Фея, я очень люблю сказки.

Фея: Скажите, а вы любите сказки? Конечно же, любите! Сегодня я вас приглашаю в город Ганау, где родились великие ученые-сказочники братья Гримм, «На немецкую сказочную улицу», где на площади возле замка будет проходить фестиваль сказок братьев Гримм. Этот фестиваль проходит ежегодно уже в течение 20 лет.

Юный Волшебник, подай-ка мне сказочную Книгу братьев Гримм..

Юный Волшебник (преподносит книгу): Bitte; Gute Fee.

Фея: 1-2-3. Волшебная книга открывается,
Сказка начинается.

Сейчас я открою «Священную волшебную книгу сказок Братьев Гримм, книгу легенд и сказаний». И эта «сказочная улица» заполнится своими героями, с которыми мы отправимся в путешествие по сказкам

1-2-3. Волшебная книга открывается,

Сказка начинается.

(Открывает книгу, но ничего не происходит.)

Что случилось? Сказка не открывается?

Попробую ещё раз. Опять ничего. Что случилось. Опять происки тёмных сил. Неужели наш праздник не состоится? Кто нам поможет?

Юный Волшебник: Я ещё не волшебник, я ещё учусь. Но можно мне попробовать открыть её?

Фея: Конечно!

Юный Волшебник: *(взмахивает своей волшебной палочкой и говорит):*

Откройся, пожалуйста, волшебная книга.

(Открывает книгу, звучит мелодия, выходит Золушка.)

Песня Золушки

Ist zum Glauben, nicht zum Glauben,
Aber gestern träumt es mir...
Auf dem weißen Zauberperde
Stand ein Prinz vor meiner Tür.
Uns begrüßten alle Gäste,
Das Orchester spielt tolerant...
48 Dirigenten
Und ein grauer Musikant.

Ist zum Glauben, nicht zum Glauben,
Wäre das ein Wunderfest.
Und ein junger, junger Maler
Schuf sogar ja mein Porträt.
Und ein weltbekannter Waise
Sagte: Mädchen, du bist nett!
Musizierten zwei Romanzen
Ein Dirigent und ein Poet.

Фея: Guten Tag, Aschenputtele!

Золушка: Guten Tag, дорогая Крестная Фея! Я так рада, что оказалась здесь с вами, ведь меня опять преследует злая мачеха.

Фея: Ничего не бойся, Золушка, ведь сегодня праздник – фестиваль сказок Братьев Гримм, и ты тоже приглашена.

Золушка: Ах, Крестная! Неужели я сегодня встречаюсь с Якобом и Вильгельмом?

Фея: Ну, конечно, Золушка! А что ты о них знаешь? Расскажи нам!

Золушка: Якоб родился 4 января 1785 года, Вильгельм – 24 февраля 1786 года в городе Ганау, на юге Германии. Когда им исполнилось 10 и 11 лет, мать, после смерти отца, послала их учиться в Марбург на юристов. Но их интересовала литература, сказания, легенды и язык. После окончания университета они стали работать в городе Касселе в качестве сотрудников городской библиотеки. Далее они работали в Берлине в академии наук и всю жизнь были неразлучны. Верно?

Фея: Да, Золушка, это правда. Еще они издали первую немецкую грамматику. Она имеет более тысячи страниц, в ней история развития немецкого языка. Над ней Якоб работал более 20 лет.

А вот книга сказок, легенд и сказаний с VI по XVI век. Береги её, при встрече передай ее братьям Якобу и Вильгельму. А теперь тебе пора! Нужно подготовиться к празднику, надеть бальное платье.

Золушка: Спасибо, Крестная. Я обязательно передам книгу братьям.

Юный Волшебник: Золушка, подожди. Я ещё не волшебник, я ещё учусь. Но ты такая добрая и послушная, что я хочу сделать тебе подарок. Вот эти туфельки ты когда-то потеряла. Возьми их и запомни. Они не простые, а волшебные и обязательно принесут тебе счастье.

Фея: Но не забудь, ты должна вернуться до полуночи, пока часы не пробили 12 раз.

(Золушка уходит, выходят братья Гримм.)

Фея: Guten Tag, Jakob und Wilhelm!

Якоб: Guten Tag, Zauberfee!

Вильгельм: Guten Tag, Märchenfee!

Якоб: Здравствуйте, дорогие друзья! Мы немного задержались. Мой дорогой брат Вильгельм, как всегда, опаздывал, пришлось его поторопить.

Вильгельм: Здравствуйте, уважаемые гости! Мой любезный брат, как всегда, излишне обеспокоен. Я уверен, к празднику все уже давно готово и фестиваль начнется вовремя. Верно, уважаемая Фея?

Фея: Не беспокойтесь, господа, всё к празднику готово. Ждем остальных сказочных героев. А Золушка вас уже ожидает на «сказочной улице». На всякий случай, мы ещё раз всё проверим с моим помощником. Мы приготовили вам, уважаемые Якоб и Вильгельм, сюрприз.

Песня «Sonne in der Hand» («Солнышко в руках») – Ивкина Даша

Sonne in der Hand

Ich lass die Erde hinter mir
Bin schon auf halbem Weg zu dir
Und mir ist wichtig, was du denkst und fühlst, zu wissen
Feuer und Wasser werden Freund,
Wir machen alles das vereint
Und wir vergessen, was wir sollen, was wir müssen

Sonne in der Hand
Und am Himmel glänzt ein Sternenband
Und der ganze Kosmos kann uns seh'n
Mir tut es so gut, mit dir davon zu träumen
Hintern Horizont gleiten wir in einer Wolkenfront
Wie eine Lawine aus Schnee
Soll der Wind mit Glück uns beide übersämen.

Den Schritt zu wagen fiel mir schwer
Doch ich bin lang schon kein Kind mehr
Und wie zwei Flügel, so gehö'r'n auch wir zusammen
Die leeren Worte sind vorbei,
Ich mach mich von den Fesseln frei
Und will, dass wir zu zweit das Glück geschenkt bekommen

Sonne in der Hand
Und am Himmel glänzt ein Sternenband
Und der ganze Kosmos kann uns seh'n
Mir tut es so gut, mit dir davon zu träumen
Hintern Horizont gleiten wir in einer Wolkenfront
Wie eine Lawine aus Schnee
Soll der Wind mit Glück uns beide übersämen.

*(Танец Зелёных лесных человечков –
группа «Капелька»)*

Якоб: Ну, что же, тогда нам пора, у нас еще много дел.

Вильгельм: Да, надо поспешить, ведь нас ждет наша милая Золушка.

(Уходят, появляется мачеха и ее дочери.)

Мачеха: Ну что, крошки мои! Вы все слышали? Праздник, фестиваль и опять без нас. Ну, я им устрою торжество!

Дочка-1: Ах, маменька, какие замечательные эти братья Гримм! Образованные и наверняка богатые! И опять их Золушка первая встретит!

Дочка-2: Да... и первый танец будет за ней!

Мачеха: Перестаньте хныкать, надо действовать! Золушку найти и... книгу забрать, братьев обмануть, и весь праздник будет в наших руках.

(Дочери хихикают.)

Мачеха: Крошки мои, за мной!

(Уходят.)

(Выходит Белоснежка и 7 гномов.)

Танец гномов – гр. «Капелька»

Белоснежка: Guten Tag, уважаемая Фея и дорогие гости! Надеюсь, мы пришли вовремя. Это было, честно говоря, непросто, ведь мне пришлось добираться в компании моих озорных гномиков, которые всю дорогу шалили. Но, слава богу, мы здесь!

Фея: Guten Tag, Белоснежка! Здравствуйте, гномики! Как хорошо, что вы здесь! Вы должны мне помочь!

Белоснежка: Что случилось?

Фея: Золушке грозит беда. Злая мачеха со своими дочерьми хотят извести Золушку и помешать празднику, обманув братьев Гримм. А самое страшное, они могут проникнуть в сокровищницу великих сказочников, которая находится в музее братьев Гримм в городе Касселе.

Юный Волшебник: А что это за сокровищница?

Белоснежка: Там находятся все издания братьев Гримм. Это более 100 000 экземпляров. Словарь немецкого языка, в котором 350 000 слов.

Это самый большой словарь в мире. В нём 32 тома. Ну, а самое главное – это сказки, которые они собирали. В 1812 году вышел 1-й том сказок, в 1815 году – 2-й том сказок. Записаны они были на земле Гессен, около города Касселя. Сказки переведены на 160 языков мира.

Фея: Что же теперь делать? Нельзя, чтобы исчезли эти волшебные книги, а вместе с ними и все мы, сказочные герои.

Белоснежка: Не беспокойтесь, дорогая Фея! Все будет хорошо. Мои гномики нам помогут предупредить всех сказочных героев о коварном замысле Мачехи, а те, в свою очередь, спасут Золушку и волшебную книгу Братьев Гримм.

Юный Волшебник: Я пойду и помогу гномам.

(Гномики уходят, выходит Красная Шапочка.)

Песня Красной Шапочки.

LEBT DENN DR ALTE HOLZMICHL NOCH?..

'N Michl gteht's net gut, 'n Michl gieht 's net gut,
'N Michl gieht's net gut, seine Nos die is ganz rut.
Das Hacken fällt ihm schwer, das Hacken fällt ihm schwer,
Das Hacken fällt ihm schwer und der Husten plagt inn sehr.
Weill's 'n Michl doch so schiecht grad geht,
Singen alle jetzt ganz leise dieses Lied.

Lebt denn der alte Holzmichl noch, Holzmichl noch,
Holzmichl noch?

Lebt denn der alte Holzmichl noch, Holzmichl noch?

Ja, er lebt noch, er lebt noch, er lebt noch.

Ja, er lebt noch, er lebt noch, stirbt nicht.

Dr Michl der is krank, dr Michl der is krank,
Dr Michl der is krank, uns wird aa schu Angst und Bang.
Was soll'n wir denn nur tun, was soll'n wir denn nur tun,

Was soll'n wir denn nur tun, ja, er muss sich jetzt
ausruh'n.

Weil's 'n Michl doch so schiecht grad geht,
Summen wir alle gemeinsam unser Lied.

Ja, er lebt noch, er lebt noch, er lebt noch.

Ja, er lebt noch, er lebt noch, stirbt nicht.

Dr Michl is halb tot, dr Michl is halb tot,

Dr Michl is halb tot, wir hab'n unsre liebe Not.

Er liegt nu of dr Diel, er liegt nu of dr Diel,

Er liegt nu of dr Diel un er sogt aa net mehr viel.

Weil's mit 'n Michl nun zu Ende geht,

Schweigen wir alle gemeinsam unser Liedl.

Ja, er lebt noch, er lebt noch, er lebt noch.

Ja, er lebt noch, er lebt noch, stirbt nicht.

Kommt mit, wir geh'n an 's Grab ihn mal besuchen.

Schaut alle her, ein Wunder ist gescheh'n.

Or Michl ist zum Gliick doch nicht gestorben,

Drum singen wir das Lied so laut es geht.

Lebt denn der alte Holzmichl noch. Holzmichl noch,
Holzmichl noch?

Lebt denn der alte Holzmichl noch, Holzmichl noch?

Ja, er lebt noch, er lebt noch, er lebt noch.

Ja, er lebt noch, er lebt noch, stirbt nicht.

Красная Шапочка: Здравствуйте, Фея, Белоснежка и дорогие гости!

Я знаю, что произошло. По пути сюда я встретила гномиков, и они всё мне рассказали. Но я уверена, все будет хорошо. Ведь у Золушки очень много друзей, и все её очень любят!

(Звучит музыка, выходят Храбрый Портняжка и Золушка в сопровождении театра мод «Вояж».)

«Вальс Цветов» – Т/м «Вояж»

Белоснежка: Храбрый Портняжка! Как тебе удалось освободить Золушку?

Храбрый Портняжка: Все очень просто! Любая женщина и девушка не устоят перед красивым платьем и элегантной шляпкой.

Золушка: Мой герой просто покорила сердца всех милых дам своими прекрасными нарядами. Мачеха и ее дочери тоже не устояли, увидев эту красоту, и забыли обо всем на свете.

Храбрый Портняжка: И вот мы здесь и с нетерпением ждем открытия фестиваля сказок.

Белоснежка: А что же с книгой братьев Grimm?

Храбрый Портняжка: А книга у её владельцев, но об это они расскажут сами!

(Выходят братья Grimm и с ними Мачеха.)

Якоб: Мы предложили госпоже быть почётной гостьей на нашем празднике. Она любезно согласилась, взамен вернула книгу в сокровищницу.

Мачеха: Я не могу упустить такой шанс побывать на фестивале сказок, ведь это такая честь быть почётным гостем самих братьев Grimm.

Не упустите свой шанс, крошки мои!

Вильгельм: Дорогая Фея, и вы, сказочные герои, уважаемые гости! Наше путешествие дорогами сказок закончилось счастливо. А это значит, что мы приглашаем вас всех на сказочный фестиваль, который объявляется открытым.

Танец «Крокус полька».

Белоснежка: Наш праздник продолжит творческий коллектив из р/п Одесское под руководством Поднебесной В.С.

После концерта началось «Народное гуляние» для жителей села Побочино и соседних сёл.

Литература

1. Журнал «Schrumdirum».
2. Журнал «Schrumdi».
3. Газеты «Deutsche Allgemeine», «Московская немецкая газета».
4. «Fur Dich». «Ihre Zeitung» и др.
5. Книга «Жизнь и творчество братьев Grimm».
6. Учебники немецкого родного языка.
7. Энциклопедия «Жизнь замечательных людей».
8. Журнал «Культура».
9. Материал из Интернета.

ОБРАЗОВАНИЕ

Леся ЧЕШНОВА

Родилась в Киеве. В 2000 году с отличием окончила Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, факультет теологии и мировых культур, а в 2004 г. – Католический университет в г. Айхштэтт (Германия). С 2007 года работает куратором Немецкого читального зала Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

ОБРАЗ НЕМЦА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В настоящее время особую актуальность приобрела тема сходства и различия национальных культур и национальных характеров, проблема восприятия чужого национального характера и стереотипизации тех или иных его черт. Подобный интерес можно объяснить ростом количества межнациональных контактов в эпоху глобализации, что вызывает потребность лучше знать и понимать своих иностранных партнеров.

Кроме того, знание иной национальной культуры позволяет лучше осознать особенности своей собственной. То есть в данном случае чужая культура играет роль своего рода зеркала, глядясь в которое, можно увидеть и самого себя. Сравнение с другим, чужим, отражает представления человека о самом себе, помогает понять особенности собственного характера, позволяет увидеть своё через чужое.

Национальное сознание не может существовать автономно, не соотнося, не сравнивая себя с «другими». Определенным образом ощущение этнической идентичности есть ощущение «мы» – «не они». Причем, как правило, подобные представления оценочны и эмоционально окрашены.

Исследование национальных характеров и их взаимоотношений в художественном тексте находится в сфере ведения такой новой научной дисциплины, как имагология («учение об образах»). Имагология ставит своей задачей изучение представлений о жизни других народов, стереотипы и предубеждения, существующие в общественном сознании относительно «чужого», «другого». Она рассматривает образы других народов, которые складываются не только в литературе, но и других «текстах» культуры. Но первостепенным ее предметом является все же литература, ибо она играла доминирующую роль в формировании национального сознания по крайней мере до середины XX века, до расцвета кино и телевидения.

Актуальность темы отношения к чужому национальному характеру подтверждается как просто большим интересом к другим народам и культурам, так и увеличивающимся количеством исследовательских работ на эту тему. Среди исследователей, занимающихся изображением иностранцев в русской литературе, можно назвать А.П. За-

бровского, В.К. Кантора, А.В. Кузьмина, М.Ф. Мурьянова, С.В. Оболенскую, Д.А. Чугунова и других авторов.

Культурные контакты между двумя странами всегда находят свое отражение в памятниках литературы этих стран. Автора, обратившегося к иной культуре, интересует, как правило, возможность сравнения, постижение своей собственной через чужую. С течением времени в систему представлений каждого народа входит множество рассказов и легенд, верных или надуманных, о соседях. Эти представления входят в художественную литературу, находя свое отражение в структуре образов, в манере мышления и действий героев.

Здесь в первую очередь стоит отметить роль классической литературы, так как она прошла испытание временем: ее произведения заслужили признание, повлияли на умы и чувства представителей данного народа.

Однако относится к этому источнику сведений о национальном характере следует осторожно, с поправкой на авторскую субъективность. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, национальная литература – «это не кривое, а неполное зеркало. Полным оно и быть не может – «никто не обнимет необъятное, как сказал А.К. Толстой устами Козьмы Прутков. Неполное и субъективное, потому что каждое художественное произведение имеет конкретного автора с его субъективным, то есть лично ему присущим видением мира, в значительной степени обусловленным его собственной индивидуальной жизнью, творческим воображением, вполне конкретным, присущим лично ему талантом»¹.

Кроме того, в литературных произведениях неизбежно присутствует стереотипизация черт иностранных героев.

«Этнический стереотип (от др.-греч. stereos – «твердый» + typos – «отпечаток», «образ») – упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и весьма устойчивый образ какой-либо этнической группы, легко распространяемый на всех ее представителей»².

Различают два вида этнических стереотипов: автостереотипы – представления о своей этнической общности, и гетеростереотипы – представления о других народах.

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2008. С. 144.

² Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация: Учебник. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.

В обыденном понимании слова «стереотип», «стереотипный» имеют негативную окраску, так как ассоциируются с чем-то шаблонным, избитым, лишенным оригинальности и выразительности. Однако в отличие от предрассудков, благодаря которым те или иные черты представителей иных культур видятся лишь в негативном свете, к стереотипам отношение в межкультурной коммуникации не столь однозначное. Стереотипные представления о национальных характерах в той или иной степени присутствуют в сознании каждого человека.

Встречаясь с представителями других народов и культур, человек проявляет естественную склонность воспринимать их поведение с позиции своей собственной, «мерить их на свой аршин».

Как отмечает А.П. Садохин, «в процессе интерпретации поведения представителей одной культуры представителями другой содержание казуальной атрибуции во многом определяется стереотипными представлениями каждой из сторон о другой – это представления об образе жизни, обычаях, нравах, привычках, т. е. о системе этнокультурных свойств того или иного народа. Основу таких представлений составляют упрощенные ментальные репрезентации различных категорий людей, преувеличивающих сходные качества между ними и игнорирующие различия»³.

Психологический механизм возникновения стереотипов основывается на принципе экономии усилий, свойственных повседневному человеческому мышлению. Данный принцип означает, что люди стремятся не реагировать на происходящие явления каждый раз со всей полнотой ощущений и переживаний, а подводят их под известные им категории. Постоянно меняющийся мир перегружает человека новой информацией и вынуждает его классифицировать ее в наиболее удобные и привычные модели, которые получили название стереотипов. «В этих случаях познавательный процесс остается на уровне обыденного сознания, ограничиваясь житейским опытом, основанным

на обобщении типичных для данной области представлений... Отказ от стереотипов потребовал бы от человека постоянного напряжения внимания и превратил бы его жизнь в бесконечную череду проб и ошибок. Они позволяют человеку дифференцировать и упростить окружающий мир, «навести в нем порядок»⁴.

Кроме того, по словам С.Г. Тер-Минасовой, «при всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и дру-

Германи. Худ. А. Поляков

гих культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, снижают культурный шок»⁵. Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социокультурного окружения.

Однако необходимо помнить, что каждый человек – это индивидуальность, и, как писали еще в 1859 году Санкт-петербургские ведомости, «для народов существуют общие характеристики: французов называют ветреными, англичан – себялюбивыми, русских – терпеливыми и т.д. Но, Боже мой, сколько каждый из нас встречал глубоко мысленных французов, самоотверженных англичан и крайне нетерпеливых русских».

Ленский перед дуэлью. Худ. А. Самохвалов

Тем не менее, с этими оговорками художественная литература представляет собой важный источник информации о национальных характерах разных народов.

Как отмечает А.П. Забровский, «едва ли найдется другая такая литература, как русская, которая была бы так густо заселена героями-иностранцами. Это обусловлено особой значимостью в русской истории вопроса об отношениях между Россией и Европой, который был поставлен петровскими реформами, но актуальность которого не стала меньше и сегодня»⁶.

Какова функция образа иностранца в русской литературе? Он интересен не только сам по себе, но и как своеобразный литературный прием, дающий возможность заострить проблемы русского народа. «Фигура Петра в русской истории, как известно, противоречива. Но, открыв шлюзы западной культуры, начав процесс культурного взаимодействия России и Запада, Петр своими преобразованиями породил весь круг проблем, которые заявлены русской литературой. Классическая русская литература началась с самосознания. Был поставлен вопрос: а что, собственно, такое Россия и русский народ? В чем его своеобразие? Какими путями он шел до Петра и какими пошел после? Однозначного ответа нет до сих пор, да и вряд ли он возможен вообще. Но всякий народ должен иметь свой автопортрет»⁷.

Почему же именно образ немца представляет для нас такой интерес?

Немцы наиболее часто изображаются в русской литературе в силу множества причин: и тесных экономических и культурных связей, и в силу большей географической близости, чем с другими западноевропейцами, и в силу того, что немецкий характер традиционно воспринимается как антипод русскому, а противоположности, как известно, притягиваются друг к другу.

Еще одной причиной этого является тот факт, что ни с одним другим западноевропейским народом у русских не было такого тесного, почти «домашнего» общения.

³ Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 203.

⁴ Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 204–205.

⁵ Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики...: учеб. пособие. – М.: АСТ:Астрель: Хранитель, 2007. С. 40.

⁶ Забровский А.П. К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур. МГУЦ. Факультет иностранных языков. – М., 1994. Вып. 1. С. 87.

⁷ Забровский А.П. К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур. МГУЦ. Факультет иностранных языков. – М., 1994. Вып. 1. С. 88.

Взаимоотношения между Россией и Германией имеют долгую историю. В течение многих веков эти две страны были связаны тесными отношениями, затрагивающими практически все сферы человеческой жизнедеятельности: это и культурные связи в области философии, литературы, музыкального и изобразительного искусств, и технические науки, а также образ жизни и быт.

С немцами у русских существовало и существует по сей день столько контактов, как ни с одним другим народом Западной Европы.

Интересен уже сам этноним «немец». По М. Фасмеру, древнерусское немьць – «человек, говорящий неясно, непонятно»: «иностранец», «немчин», «немец – любой иностранец». В этом значении слово встречается в древнерусских документах, по крайней мере, уже с XII века. Как отмечает И.Н. Белобородова, этнонимом «немчинь» обозначались не просто германоязычные народы – немцы, шведы, датчане, «но и всякие иноземцы западноевропейского происхождения. Так, в новгородских летописях норвежцы назывались каинскими немцами. В актах этнографической экспедиции, в документе 1588 года содержится следующее любопытное определение этнонима «немец»: «Английские, барабрские, венецкие галанские, датские, каянские, курляндские, прусские, свейские, французские, шкоцкие, шранские немцы». То есть это этноним, употреблявшийся для обозначения преимущественно жителей Западной Европы»⁸.

«Немцами» тогда могли называть и поляков, и голландцев, и французов. Немецкие аристократы, недоучившиеся студенты, ремесленники, профессора и разорившиеся купцы приезжали в Россию, чтобы поправить свои дела, а затем вернуться на родину или же остаться в этой дикой, но богатой стране. 200 лет назад Германия была раздроблена и перенаселена, а в России их привлекали огромные пространства, богатство и расточительность аристократии, гостеприимство и радушие простого народа.

Контакты с другими государствами интенсивировались после восшествия на престол Петра I, который искал в западноевропейских странах специалистов в разных областях науки и культуры, умелых мастеров, которых приглашал в Россию, предоставляя им возможность плодотворно работать. И это была одна из ведущих движущих сил процесса модернизации России, особенно на первых ее этапах. Еще в 1702 году в странах Западной Европы был распространен манифест Петра I, приглашавший в Россию на выгодных условиях иностранцев. Среди приглашенных были ученые, полководцы, инженеры, архитекторы, врачи, педагоги, артисты, мореплаватели.

Особый статус среди зарубежных ученых занимали специалисты из германских государств, разделенных религиозными, экономическими и историческими особенностями. Они внесли в развитие и формирование русской жизни дух интеллектуальной атмосферы европейской культуры, способствовали распространению передовых естественнонаучных и гуманитарных знаний, внедрению в исследовательскую практику научных методов познания мира, становлению прогрессивных течений в науке и культуре России.

Новый большой приток немцев в Россию был связан с манифестами Екатерины II начала 1760-х гг. Они призывали европейцев селиться на «праздных» местах, то есть неосвоенных землях. При условии принятия российского подданства поселенцам обещали «всякое вспоможение и удовольствие»: кроме земли, беспроцентную ссуду из казны, освобождение от воинской повинности и налогов на 30 лет, а также право сохранять свою веру, язык и уклад жизни. Среди желающих переселиться в Россию больше

всего оказалось немцев. Они начали заселять и осваивать плодородные земли Поволжья, а впоследствии и причерноморских земель.

Во всех сферах жизни российского государства присутствовали немцы: как крестьяне и ремесленники, промышленники и военные, чиновники и интеллигенция – вплоть до самого верха общества: вспомним, что в жилах русских государей благодаря династическим связям текла немалая доля немецкой крови. Многочисленные немецкие дворы исправно поставляли невест русским царям и великим князьям, а русские княжны чаще всего выходили замуж за немецких монархов. Немецкие принцессы много раз оказывались на русском троне. Самая известная из них – София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская, правившая нашей страной треть столетия и вошедшая в историю под именем Екатерины Великой. Достаточно лишь взглянуть на имена выдающихся деятелей того времени, чтобы убедиться, что немцы участвовали решительно во всех сферах общественной жизни России. Именно через Германию пролегал и пролегает «путь в Европу» для российской политики, экономики и культуры.

Такие тесные взаимоотношения не могли не оказать сильнее воздействия на нашу культуру. Немецкие гувернеры воспитывали дворянских отпрысков, с детства прививая им знание немецкого языка. Некоторые из этих молодых людей, отучившись впоследствии в одном из знаменитых немецких университетов, возвращались домой «с душой прямо геттингенской», в полной мере испытав на себе очарование немецкой философии, литературы и музыки.

Вообще Германия и прежде всего Берлин были Меккой молодых русских дворян, пытавшихся расширить кругозор и понять мир. Этот факт многое дает для понимания духовной атмосферы России XVIII–XIX веков. Пушкин первым нарисовал такого непохожего на своих соотечественников русского дворянина, который «из Германии туманной привез учености плоды», при этом был «поклонник Канта и поэт». Выпускник Геттингенского университета, он воспитывался «под небом Шиллера и Гете», которые, как отмечает Ю.М. Лотман, толковались Пушкиным как «апостолы романтизма».

Он появляется во второй главе романа «Евгений Онегин» – молодой помещик, возвратившийся в свою усадьбу после долгого пребывания за границей:

По имени Владимир Ленский,
С душой прямо геттингенской,
Красавец в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда возвышенную речь
И кудри черные до плеч.

Этот портрет написан с очевидной симпатией к молодому человеку, хотя и не без иронии. Как отмечает

Лем.м. Худ. К. Рудаков

⁸ Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект // Общественные науки и современность. – 2000. – № 2. С. 98.

М.Ф. Мурьянов, «зачитываться Кантом и иметь дар стихотворства – способности, на первый взгляд, несовместимые в одном человеке. Но ими реально обладал Фридрих Шиллер – классический поэт и вместе с тем блестящий лектор философии в Иенском университете⁹. Это же необычное сочетание способностей явил миру молодой Ленский, поклонник Канта и поэт, чья душа воспламенилась

Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем.

Уже сама характеристика его внешности – «кудри черные до плеч» – отражала желание юноши быть похожим на своего кумира – Шиллера, таким, каким его представляют знаменитые бюсты, изваянные Иоганном Генрихом Даннекером. Томик Шиллера Ленский открыл даже на ночь перед роковой дуэлью.

По словам Б. Зайцева, «приехавшие из Германии эти молодые люди меняли духовную атмосферу России, из их среды вышли славянофилы и западники, зачинатели российской интеллигенции, патетики и энтузиасты не хуже, а яростнее немецких студентов»¹⁰.

Именно немцы, а не, скажем, французы, стали проблемой русской культуры, хотя галломания русских дворян хорошо известна. Однако по справедливому наблюдению Герцена, и галломанией русское образованное общество было обязано немцам, немецкой галломании, а именно Екатерине Второй: «Эта немка... была офранцуженка, выдавала себя за русскую и стремилась заменить немецкое иго общеевропейским»¹¹.

Позже в полемике с французами возникла романтическая немецкая школа, призывавшая к поиску корней, утверждавшая приоритет народного и национального, которая во многом послужила духовной основой и для русского славянофильства. Немецкий романтизм глубоко проник в русскую литературу начала XIX века, воплотившись в творчестве Одоевского, Жуковского, Пушкина, Лермонтова и других поэтов. Чтение немецкой философии и философской поэзии пробудило русскую литературу, ставшую своеобразным соперником германской мысли. Немецкая мысль в лице Маркса и Энгельса оказала влияние и на наших революционных деятелей, что во многом предопределило развитие нашей страны в XX веке.

Естественно, такие тесные взаимоотношения не могли не отразиться в русской литературе. И действительно, классическая русская литература буквально «пронизана» германским элементом.

Многочисленные и разнообразные контакты русских с немцами не могли не войти в качестве сущностного компонента в реальность художественных произведений. Зачастую не бросаясь в глаза, оставаясь, по определению С.В. Оболенской, «фоном», «задним планом», «немецкая» тема является своего рода контрапунктом «русской» темы. Обращение русской литературы к герою-немцу служит, в первую очередь, познанию «русского» во всей его уникальности – «русскости», отразившейся, как в зеркале, в «чужом», в «немецкости». Со временем образуется более или менее устойчивый комплекс неких стереотипных черт, маркируемых конвенциональной литературной «немецкостью»¹².

В этом плане особый интерес представляет именно XIX век – время расцвета русской культуры, озаменованное ростом национального самосознания, осмыслением роли и места России в цивилизационном процессе. Закономерна и актуализация образов «немца» и «немецкого» в ходе этих поисков национальной самоидентичности. Персонажи-немцы становятся в это время частыми гостями на стра-

ницах произведений русской литературы. Они живут в русских дворянских семействах. Они служат чиновниками. Они бывают пекарями, механиками, преподавателями гимназий, ремесленниками.

Правда, у Пушкина немец скорее эпизодический гость («хлебник, немец аккуратный» в Евгении Онегине, добродетельный генерал в «Капитанской дочке»), за исключением разве что Германна из «Пиковой дамы», носителя демониического начала, первого русского наполеоноподобного героя, человека цели, противостоящего российской расхлябанности. В этом немце были угаданы будущие трагические русские герои типа Раскольникова, пытающиеся диктовать законы окружающему миру, но на самом деле лишь губящие себя. Во всяком случае, Германн – первый в русской литературе человек воли, одержимый одной страстью.

М.Ю. Лермонтов, выведя в романе «Герой нашего времени» русского доктора с немецкой фамилией Вернер, хорошо показал, насколько тесно переплелись в истории многие русские и немецкие судьбы. Печорин замечает, что знал и человека с типичной русской фамилией Иванов, который был немцем.

У Гоголя большую роль играет немецкая тематика в цикле «Петербургских повестей». Известно, что до революции более 10% населения составляли немцы и, естественно, они во многом определяли облик города.

Нередко в русской литературе встречается противопоставление Москвы и Петербурга как противопоставление русского и немецкого национальных характеров. В одном из писем к матери Гоголь описывает Петербург как «город, где все либо чиновники, либо торговцы, либо немецкие ремесленники». Москва представляет собой в русском сознании архетип матери, отношение к ней полно любви и нежности. Это древняя столица, сохранившая в себе старину, народность, русский патриотизм. Поэтому и москвичи – люди мягкие, по-русски гостеприимные, хлебосольные. Не то Петербург. Зачастую подчеркивается его холодность (как в смысле климата, так и в смысле взаимоотношений между людьми), его новизна, искусственность, подражательный стиль, рассудочность, граничащая с цинизмом. Петербург – деловая столица. Это город чиновников-карьеристов, своей педантичностью, расчетливостью сродни настоящему немцу. Сравняя Москву и Петербург, Гоголь писал: «Петербург – аккуратный человек, вполне немец, рассматривает все расчетливо и, прежде чем решит дать приглашение на вечер, заглянет несколько раз в портмоне. Москва – как настоящий русский дворянин, если уж он что-то празднует, то празднует до упада и никогда не ограничивает себя тем, что можно истратить больше, чем имеет в кармане, он не любит средних норм».

Особенно среди рассказов Гоголя интересен в этом смысле «Невский проспект», в котором немцы введены в систему ценностей персонажей и изображены в сюжетных эпизодах. Немецкие национальные черты доведены писателем до гротеска. «Перед ним сидел Шиллер, – не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны», но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, – не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера». Именно мелких ремесленников, а не всем известных писателей показывает Гоголь, тем самым обыгрывая стереотип во всех подробностях и создавая сюжетный гротеск, заключающийся не только в самой сцене, но и в речевой характеристике Шиллера. Диалог их сводится к тому, что Шиллер, «выставив свой довольно толстый нос» под нож

⁹ Мурьянов М.Ф. Пушкин и Германия. – М.: Наследие, 1999. С. 75–76.

¹⁰ Цит. по: Кантор В. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // Вопросы литературы, 1996. – № 1. С. 127.

¹¹ Цит. по: Кантор В.К. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // Вопросы литературы, 1996. – № 1. С. 129.

¹² Оболенская В. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. // Россия и Германия. – М.: Наука, 1998. – Вып. 1. С. 197.

Невский проспект

Гофману, просит его отрезать, мотивируя это слишком большими издержками на табак. Иронизируя, Гоголь приводит длинную калькуляцию затрат своего героя на нюхательный табак, с которыми тот не может смириться.

По словам В.К. Кантора, немцы изображены у Гоголя весьма иронически, «но в контрасте с ними русские персонажи изображены не иронически, а сатирически. Ремесленники Гофман и Шиллер из «Невского проспекта», которые выпороли поручика Пирогова, обладают представлениями о чести («...я немец, а не рогатая говядина!» – восклицает жестяных дел мастер Шиллер). А поручика Пирогова беспокоит только честь мундира, личного чувства чести у него нет. И когда он понимает, что оскорбление, нанесенное ему, останется никому не известным, он успокаивается»¹³.

Как отмечает С.В. Оболенская, «у Достоевского, в его художественных произведениях, образы немцев насквозь функциональны. В романах Достоевского мы постоянно встречаем немцев. Они составляют неперемнную, хотя и не очень заметную часть петербургского пейзажа – доктор, музыкант, хозяин кондитерской, слесарь, булочник, седельный мастер, красильщик, содержательница публичного дома, квартирная хозяйка. Среди них есть добрые, отзывчивые люди – даром лечащий бедных больных и крестьян доктор Герценштубе из «Братьев Карамазовых», на судебном заседании с симпатией рассказывающий о подсудимом Мите; доктор, который лечит Нелли в «Униженных и оскорбленных»... Те немцы, которые играют роль отрицательных персонажей, тоже вовсе не злодеи, но большей частью болваны – клеющий из картона кирху, театр и железную дорогу ничтожный губернатор фон Лембке и его помощник Блюм в «Бесах». Безлично отрицательна содержательница публичного дома Лавиза Ивановна в «Преступлении и наказании». В «Униженных и оскорбленных» в кондитерской Миллера ежевечерне собираются петербургские немцы, спокойные, добропорядочные, чинно пьют свое пиво, читают свои газеты, изредка переговариваются – то новость из Франкфурта, то какой-нибудь «виц». Картина немецкого скромного «уюта» дополняется воспроизведением речи «русских немцев», обыгрывающейся писателем всюду, где у него появляются немцы. Здесь, как и вообще чаще всего в художественных произведениях Достоевского, немцы являют собой олицетворение филистерства, и в этом случае он придерживается добродушно-иронического тона... Зачастую у Достоевского главная функция немцев – функция зеркала»¹⁴.

У Л.Н. Толстого в повести «Детство» читатель с первых

же страниц знакомится с губернатором Карлом Ивановичем Мауэрмом. Известно, что его прототипом послужил Федор Иванович Россель, действительный учитель-немец, живший в доме Толстых. О нем Лев Николаевич говорит в своих «Первых воспоминаниях». Эта личность должна была, несомненно, оказать сильное влияние на развитие души ребенка, так как автор «Детства» с особенной любовью говорит о нем, изображая его честную, прямую, добродушную и любящую натуру. Недаром Толстой начинает историю своего детства с изображения этого лица. «Как теперь вижу я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы. Он сидит подле столика, в одной руке он держит книгу, другая покоится на ручке кресел; подле него лежат часы с нарисованным егерем на циферблате, клетчатый платок, черная круглая табакерка, зеленый фуляр для очков, часы на лоточке. Все это так чинно, аккуратно лежит на своем месте, что по одному этому можно заключить, что у Карла Ивановича совесть чиста и душа покойна».

Романы, повести, драматургия Тургенева часто «населены» персонажами-немцами, а действие зачастую происходит в Германии. Тургенев не только закрепляет отмеченный предшественниками стереотип национального характера немцев (Гоголь, Пушкин, Фонвизин), но и вносит особенные черты в него. По мнению В.К. Кантора, Тургенев является одним из наиболее ярких звеньев в цепи русских писателей, затрагивавших немецкую тему. «Он продолжал и развивал традиции, начатые предшественниками, отбрасывая в художественных произведениях сложившиеся в русской культуре стереотипные представления о немцах. Герои-немцы представлены у Тургенева в разных областях человеческой деятельности: в государственной службе, предпринимательстве, искусстве, ремесле... И повсюду автор стремится подметить особенные черты немецкого характера, используя для этого различные художественные приемы: противопоставляя героев, наделяя их предысторией, речевой характеристикой, системой ценностей и правил жизни, отношениями с другими персонажами и т. д.»¹⁵.

Но образ немца у Тургенева не только сопровождает положительных русских героев, немец позволяет проявить и отрицательные типы отечественной действительности. Впрочем, эту роль немецкие персонажи играли и у других русских писателей: от Пушкина и Гоголя до К. Леонтьева, Гончарова и Лескова.

Тургеневу было свойственно то же романтическое восприятие Германии, что было характерно для русской литературной традиции: «Вот она, страна легенд!» («Призраки»), «Привет тебе, скромный уголок германской земли, с твоим незатейливым довольством, с повсеместными следами прилежных рук, терпеливой, хотя и неспешной работой... Привет тебе и мир!» («Ася»). Вспомним, к примеру, строки поэмы «Ганс Кюхельгартен» Гоголя: «Страна высоких помышлений!/ Воздушных призраков страна! / О, как тобой душа полна!». Традиционно Германия воспринималась за рубежом именно как «страна легенд», возвышенных помыслов, «призрачной» атмосферы романтизма.

Один из любимых героев Тургенева Христофор Теодор Готтлиб Лемм из романа «Дворянское гнездо» является истинно романтическим героем. Отношение автора к Лемму отмечено высоким лиризмом. Лемм олицетворяет для Тургенева любимейший вид искусства – музыку. Итак, Лемм – одаренный музыкант, предстающий перед нами уже ста-

¹³ Кантор В.К. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // Вопросы литературы, 1996. – № 1. С. 143.

¹⁴ Оболенская С.В. Русские и европейцы. Поиски русской национальной идентичности у Достоевского. – <http://nationalism.org/library/science/europe/obolenskaya/obolenskaya-ody-1998.pdf>.

¹⁵ Кантор В.К. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // Вопросы литературы, 1996. – № 1. С. 140.

В. Табурин. Приезд Штольца к Обломову

риком, доживающим свой век в «ненавистой» России, зарабатывающим свой кусок хлеба частными уроками музыки. Его натура романтична: «поклонник Баха и Генделя, знаток своего дела, одаренный живым воображением и той смелостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Лемм со временем – кто знает? – стал бы в ряду великих композиторов своей родины, если б жизнь его иначе повела; но не под счастливой звездой он родился!» Удивительно, как в образе Лемма романтический восторг сочетается с прозаически горькой правдой жизни героя: «Восьми лет он осиротел, а с десяти начал зарабатывать себе кусок хлеба своим искусством... подвигаясь все выше и выше, достиг дирижерского места... На 28-м году жизни переселился он в Россию. Его выписал большой барин... Лемм прожил у него лет семь в качестве капельмейстера и отошел от него с пустыми руками: барин разорился... Ему советовали уехать; но он не захотел вернуться домой нищим из России, из великой России, этого золотого дна артистов... В течение 20 лет бедный немец пытал свое счастье: побывал у различных господ, жил в Москве и в губернских городах, терпел и сносил многое, узнал нищету, бился, как рыба об лед; но мысль о возвращении на родину не покидала его среди всех бедствий, которым он подвергался; она только одна его и поддерживала», – сколько поистине немецкого трудолюбия видно в этих поступках! «Судьбе, однако, не было угодно порадовать его этим последним и первым счастьем: пятидесяти лет, больной, до времени одряхлевший, застрял он в городе О. И остался в нем навсегда, уже окончательно потеряв всякую надежду покинуть ненавистную ему Россию и кое-как поддерживая уроками свое скудное существование».

Персонажи Тургенева зачастую характеризуются их отношением к музыке. «Вообще, традиционно соединение музыки как высшего рода искусства с немецкой культурой и немецким духом. «Немцы прежде всего музыканты» – замечал еще Томас Манн в статье «Германия и немцы», до-

бавляя, что именно немцы дали Западу «самую глубокую музыку»¹⁶.

Если рассматривать, какие немецкие качества отражены в русской литературе, то в первую очередь бросаются в глаза свойственные немецким героям **добросовестность в работе, честность, порядочность и надежность**.

Лесков в повести «Островитяне» характеризует петербургского немца следующими словами: «Пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный».

Русские ценили честность, трудолюбие и образованность немцев, которые традиционно обладали высокой профессиональной репутацией. Петербуржцы не могли обойтись без услуг немецких врачей, ремесленников, строителей, которые славились своим трудолюбием, добросовестностью и искусной работой.

АККУРАТНОСТЬ

«Аккуратный немец» для XIX, да и для XX века – синоним аккуратности, добротности, солидности, правильности, работоспособности, благополучия. В «Евгении Онегине» Пушкина в описании петербургского утра мы читаем:

И хлебник, немец аккуратный,

В бумажном колпаке не раз

Уж отворял свой васистдас.

В «Невском проспекте» Гоголя поручик Пирогов в погоне за незнакомкой вбегает в комнату, «убранную очень опрятно, показывающую, что хозяином был немец», и становится свидетелем диалога двух немцев, Шиллера и Гофмана.

ЧУВСТВО ДОЛГА

Маленький Николенька Иртенев в «Детстве» Л.Н. Толстого интуитивно чувствует эту немецкую склонность выполнять веления долга – гражданского или нравственного. Он обращает внимание на то, что Карл Иванович бывает един в двух лицах: он добр вообще, то есть жалостлив, мягкосердечен, но исключительно строг во время классных занятий, то есть исправен, предан долгу.

ПРИЛЕЖАНИЕ, ТРУДОЛЮБИЕ

В XIX веке в России жило много немцев, как находившихся на государственной службе, так и ремесленников, прославившихся «трудолюбием, усердием, аккуратностью», которые, по словам героя-немца комедии Тургенева «Холостяк» Родиона Карловича фон Фонка, «не останутся без награды, точно». В этом заключается особенность бытовой стороны жизни немцев: их «прилежные руки», трудолюбие и высокое качество работы часто подмечались в русской литературе. Вспомним «Невский проспект» Гоголя: Пирогов приходит к Шиллеру заказывать шпоры для сапог. Шиллер назначает цену в пятнадцать рублей: «Немецкая работа, – хладнокровно произнес Шиллер, поглаживая подбородок. – Русский возьмется сделать за два рубля». И, что характерно, получив согласие, Шиллер задумался и стал размышлять о том, как бы лучше сделать свою работу, чтобы она действительно стоила пятнадцать рублей.

ГЛУБИНА И СЕРЬЕЗНОСТЬ

Здесь можно отметить фигуру старого Лемма в «Дворянском гнезде» Тургенева. По отношению ко многим героям Лемм выступает лакмусовой бумагой, выявляющей истинную сущность персонажей: герои раскрываются через отношения со стариком-музыкантом, часто Лемм дает им прямые характеристики и даже противопоставляется.

¹⁶ Mann, Thomas, Deutschland und die Deutschen // Das Buch der Deutschen: Alles, was man kennen muss (hrsg. von J. Thiele). - Bergisch Gladbach: Lübbe, 2004. S. 606-607.

Так, антиподом Лемма в романе является Паншин, чьи карьеризм, бездушие, эгоизм, поверхностное отношение ко всему противопоставлены качествам Лемма. Тургенев отмечает: «Все ему далось: он мило пел, бойко рисовал, писал стихи, весьма недурно играл на сцене», но тут же добавляет: «Правда, все это выходило у него второстепенного достоинства, а la dilettante... но от этого именно оно и имело успех». Д.И. Писарев так писал о Паншине: «он прекрасно характеризуется одним словом угрюмого, ученого, но забытого жизнью музыканта Лемма: «Он дилетант», – говорит старый немец... В этих правдивых словах добросовестного труженика обрисован весь Паншин: он дилетант и во вседневной жизни, и в служебной своей деятельности, и особенно в искусстве, которое под его руками превращается вполне в изящную игрушку, забаву общества или развлечение». Напротив, герои, живущие духовной жизнью, ищущие себя, способные на высокие чувства, оказываются близки к Лемму. К таким относятся Лиза, Лаврецкий. Так, Лемм – музыкальный наставник Лизы, порой строг и неприветлив, но по-своему любит ее «отцовской» любовью. Что касается Лаврецкого, то именно благодаря мелодии Лемма он смог до конца разобраться в своих чувствах, понять силу любви к Лизе. Получается, что музыка Лемма стала тем связующим звеном между Лизой и Лаврецким, которое помогло им понять себя и хоть на время обрести счастье.

РАСЧЕТЛИВОСТЬ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Начиная с Пушкина, они традиционно изображались людьми, для которых очень важен экономический расчет, благоразумие, любовь к теоретизированию, самоуверенность. Их чрезмерная опора на разум, на «арифметическое» сознание при столкновении с русской действительностью часто ставит их в нелепые положения и даже служит причиной краха или гибели.

Таков Германн из «Пиковой дамы», для которого страсть к обогащению является основной, главенствующей чертой его личности. «Расчетливость и экономичность – вот основные черты Германна. По его собственному выражению, он «не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Расчетливость дана у Пушкина как национальная немецкая черта. Германн – натура страстная, но страсть смирится расчетливостью. С одной стороны, он боится риска, с другой – жаждет обогащения. Он беспринципен и безнравственен. «Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил из его головы. «Что, если, – думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу, – что, если старая графиня откроет мне свою тайну! Или назначит мне эти три верные карты! Почему ж не попробовать своего счастья! Представиться ей, подбиться в ее милость, пожалуй, сделаться ее любовником, но на это требуется время, а ей восемьдесят семь лет, – она может умереть через неделю, – через два дня!.. Нет! Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» Но Германна соблазняет возможность быстрого обогащения. Нарушается принцип – наступает катастрофа.

Расчет свойственен и гоголевскому Шиллеру, который «еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русский живет на фу-фу, уже измерил всю свою жизнь... Он положил вставать в семь часов, обедать в два, быть точным во всем и пьяным каждое воскресенье. Он положил себе в течение десяти лет составить капитал из пятидесяти тысяч... Аккуратность его простиралась до

того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз». Ирония Гоголя очевидна: жизнь Шиллера рациональна не только в быту, но и в душевной сфере.

Другое дело, что на русской почве западная рациональность не очень-то работает. Это блестяще показано Лесковым в его рассказе «Железная воля». Главный герой, немецкий инженер Гуго Карлович Пекторалис, приехав в Россию, самоуверенно полагал, что его терпения достаточно, чтобы преодолеть любые препятствия. Он даже «дал себе слово выучиться русскому языку в полгода, правильно, грамматически, – и заговорить сразу в один заранее им предназначенный день».

В рассказе приведена одна, но главенствующая черта Пекторалиса, принятая им в качестве жизненного принципа и доведенная до абсурда. Для Лескова важно не само по себе качество характера немца; ему важно показать, как эта чисто немецкая черта терпит фиаско в русских условиях. Эпиграфом к рассказу Лесков берет русскую поговорку «Ржа железо точит». Эта поговорка является как бы русским национальным принципом, составляющим оппозицию немецкому национальному принципу. Гуго Пекторалис, в сущности, неплохой человек и толковый инженер. Это подчеркивается автором: «...этот Пекторалис оказался очень хорошим, – конечно, не гениальным, но опытным, сведущим и искусным инженером. Благодаря его твердости и настойчивости дело, для которого он приехал, пошло превосходно, несмотря на многие неожиданные препятствия». Герой вызывает симпатии и сочувствие читателей. По словам А.П. Забровского, «весь рассказ Лескова построен на комических ситуациях, высмеивающих доведенную до абсурда «железную волю» немца, которой противопоставлено безволие русского человека Сафроньча, оппонента Пекторалиса. Сафроньч также фигура комическая. Он пьяница, лентяй и плохой хозяин. В этом рассказе Лесков не любит русского человеком, он знает его истинные недостатки. Смерть Пекторалиса и трагикомична, и символична одновременно. На поминках по Сафроньчу Пекторалис, празднуя свою мнимую победу, умирает, подавившись блином»¹⁷.

На протяжении повествования отношения между немцем и русскими персонажами претерпевают значительные изменения. Поначалу в Пекторалисе видят лишь чудака-немца и забавляются происходящими с ним казусами. Но как только он начинает посягать на интересы русского человека, Сафроньча, или идти вразрез с устоявшимися обычаями, отношение к нему неожиданно меняется. Про него начинают слагать «небылицы в лицах самого невозможного свойства», если «вчера еще его слово в его специальности было для всех закон», то теперь «и в том ему веры не стало». «Русская война» с Сафроньчем оказалась непредвиденным обстоятельством в планах Пекторалиса. Она обнажила слабое место до сих пор неуязвимого героя – отсутствие в нем гибкости, умения приспособиться к ситуации, или, говоря словами персонажей рассказа, его гордость. Как отмечает Кузьмин, «причина катастрофы Пекторалиса кроется в незнании той культурной среды, в которую он попал. Так как в своем поведении он не перешел на язык этой среды, в какой-то момент она его отвергла. Поступал он по-немецки, но оценивали его по-русски. Его «железная воля» была «прочитана» русскими персонажами как гордыня – смертельный грех, с точки зрения православной морали. Так как эта черта в нем превалировала и сам он на ней настаивал, она и стала главной в формировании суждения о нем горожан»¹⁸. В результате его все забыли, и в памяти горожан он остался всего лишь немцем,

¹⁷ Забровский А.П. К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур. МГУЦ. Факультет иностранных языков. – М., 1994. Вып. 1. С. 93–94.

¹⁸ Кузьмин А.В. Иноходец в творчестве Н.С. Лескова: проблема изображения и оценки: СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 58–59.

подавившимся блином. «Тем Гуго Карлович и кончил, и тем он только и помянут, что, впрочем, для меня, который помнил его в иную пору его больших надежд, было даже грустно», – резюмирует этот диалог рассказчик, завершая и сам свой рассказ.

ЭКОНОМНОСТЬ

Скромность, умеренность во всем, строгая экономия, граничащая со скупостью, – эти черты также часто присутствуют в обрисовке образа немца.

Это находит свое подтверждение в описании улиц немецких городов: так, например, в Бадене (роман «Дым») на улице используются «газовые рожки, довольно скудно освещающие дорогу», а в городе З., где происходит действие «Аси», «тоненькие свечи (немец бережлив!) скромно теплились под грифельными кровлями». В самом поведении немцев чувствуется аккуратное, бережное отношение ко всему окружающему. Так, к примеру, один из героев повести «Ася» после праздника немецких студентов «коммерш» подмечает: «Кажется, довольно насмотрелись мы на немцев. Наши ведь, правда, стекла разбились и поломали стулья, но эти уж было скромны».

Не осталась нетронутой также и тема немецкой кухни. Герой «Мертвых душ» Гоголя Собакевич за своим обильным обедом обвиняет немцев в «жидкокоистой натуре»: «Это все выдумали доктора немцы... я бы перевешал их за это! Выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкокоистая натура, так они вообразили, что и с русским желудком сладят! Нет, это все не то, это все выдумки, это все...»

Тургенев тоже развивает эту тему: «Кому не известно, что такое немецкий обед? Водянистый суп с шишковатыми клецками и корицей, разварная говядина, сухая, как пробка, с приросшим белым жиром, ослизлым картофелем, пухлой свеклой и жеваным хреном, посинелый угорь с капорцами и уксуом, жареное с вареньем и неизбежная Mehlspise, нечто вроде пудинга, с кисловатой красной подливкой; зато вино и пиво хоть куда!»

Гоголевский Шиллер тоже готов иногда оставаться «несколько голодным», но ни в коем случае не увеличивать своих издержек! А в конце повести автор в своих рассуждениях о превратности судьбы говорит о том, что иногда человеку приходится довольствоваться каким-нибудь «немецким обедом из картофеля».

Поражает в этом отношении и гончаровский Штольц из романа «Обломов». Герой следует заветам отца-немца: как пишет автор, «он жил по бюджету, стараясь тратить каждый день как рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца».

А Захар, слуга Обломова, так говорит о немцах: «А где немцы сору возьмут?... Вы поглядите-ко, как они живут! Вся семья целую неделю кость пожет. Сюртук с плеч отца переходит на сына, а с сына опять на отца... Где им сору взять? У них нет этого вот, как у нас, чтоб в шкафах лежала по годам куча старого изношенного платья или набрался целый угол корок хлеба за зиму... У них и корка зря не валяется: наделают сухариков, да с пивом и выпьют!»

В немецком характере русская литература подмечала житейскую практичность, расчетливость. В тургеневском очерке «Смерть» немец-управляющий жалеет о поваленных бурей дубах – «и действительно иной мельник дорого бы за них заплатил», в то время как десятский мужик Архип «не горевал нисколько», он даже не без удовольствия через них перескакивал и прутиком по ним постегивал». Карл Иванович в «Детстве» Толстого представляет к оплате счет за подарки, сделанные им хозяйским детям: он как немец четко разделяет частную жизнь и службу.

В повести Тургенева «Ася» мы сталкиваемся с противопоставлением немца Клюбера, которого характеризует практичность, граничащая с жадностью, и русского

дворянина Санина, который, однажды встав за прилавок кондитерской Розелли, «действительно поторговал, то есть продал двум зашедшим девочкам фунт конфет, вместо которого он отпустил им целых два, взявши с них только полцены».

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

Настойчивость, целеустремленность немецких героев часто контрастируют с русской безалаберностью. Гагин, герой тургеневской повести «Ася», от которого «так и веяло мягким, полуизнеженным, великорусским дворянином», так рассуждает о своей живописи: «Не учился я как следует, да и проклятая славянская распущенность берет свое. Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом: землю, кажется, сдвинул бы с места – а в исполнении тотчас слабеешь и устаешь. Коли хватит терпенья, из меня выйдет что-нибудь, не хватит – останусь недорослем из дворян».

Еще одна пара противоположностей в этом смысле – Штольц и Обломов. Из всех персонажей-немцев русской литературы Штольц, пожалуй, мог бы более всех претендовать на роль положительного героя. Он замыслился автором именно как носитель «прогрессивных» черт, недостающих русскому барину Обломову, человеку духовному, но инертному. (Хотя многие отмечают, что в отличие от Обломова, ставшим именем нарицательным для русской действительности, в котором каждый без труда узнает себя, Штольц – скорее схематическая, неживая, слишком «идеальная», а потому неправдоподобная фигура).

Кто такой Штольц? В первых двух главах второй части идет подробный рассказ о жизни Штольца, о тех условиях, в которых формировался его деятельный характер. «Штольц был немец только вполовину, по отцу, его мать была русская. Гончаров пытается показать вначале, что Штольц скорее русский, нежели немец. Но чем дальше, тем больше начинают проступать в нем качества немца: самостоятельность, упорство в достижении своих целей, бережливость. Штольц, безусловно, антипод Обломова. Каждая черта характера первого – резкий протест против качеств другого. Штольц энергичен и жизнерадостен – Обломов часто впадает в апатию; Штольц обуреваем жаждой деятельности, Обломов проводит целые дни, лежа на диване. Штольц с самого раннего детства воспитывался в суровых условиях, постепенно привыкая к трудностям и невзгодам жизни. Его воспитанием занимался отец, поэтому и сын вырос таким же практичным и целеустремленным. «Он весь составлен из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь». В отличие от Обломова, Штольц «боялся всякой мечты», загадочному, таинственному не было места в его душе». Обломов поначалу так же был деятелен и увлечен знаниями, как Штольц, но постепенно воспитание и мягкий характер сыграли свою роль. Штольц пытается вернуть друга к жизни, расшевелить, но безрезультатно: «обломовщина» поглощает его.

Иногда русские герои находят в себе силы бороться с одолевающими их обстоятельствами, как, например, Литвинов из романа Тургенева «Дым», который, дабы спасти свое положение, отправляется учиться опять же в Германию: «Имение его матери... не давало и десятой доли тех доходов, которое могло бы давать, ...именно опыта и знаний ему не доставало, – и он отправился за границу учиться агрономии и технологии, учиться с азбуки. Четыре года с лишком провел он в Мекленбурге, Силезии, Карлсруэ...». Но чаще русские дворяне изнежены, хорошо обеспечены и позволяют себе швыряться деньгами.

Немецкий порядок, целеустремленность, неукоснительное следование правилам являют собой контраст с русской безалаберностью. Однако порой они вырождаются в негативные черты: ограниченность, склонность к педантизму или даже в готовность идти на все ради достижения своей цели.

Таков Германн из «Пиковой дамы» Пушкина. Ему свойственно отсутствие чувства меры. «Душа – Мефистофеля, профиль – Наполеона», – так характеризует его писатель. Это первый «наполеоноподобный» персонаж в русской литературе. «Игра занимает меня сильно, – сказал Германн, – но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Томский говорит о нем: «Германн – немец: он расчетлив, вот и все!» Автор отзывается о своем герое следующим образом: «Не позволял себе ни малейшей прихоти. Впрочем, он был скрытен и честолюбив... он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасала его от обыкновенных заблуждений молодости». Его формула жизни: «Нет! Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» Германн отличается от Томского и других молодых людей: им все дается даром, для Германна жизнь тяжела, он человек скромного достатка и скромного общественного положения. Поэтому и отношение к игре разное: для них – забава, для него – сила успеха, деньги, дающие власть.

Между Германном и графиней непроходимая словесная пропасть. Он всего лишь военный инженер, однако страстно хочет благодаря карточной игре моментально взлететь вверх по социальной и имущественной лестнице. Здесь закономерен вопрос: почему автор сделал своего героя именно немцем? Возможно, что Пушкин почувствовал первые шаги той болезни, которая только проникала тогда в Россию, но ею уже жила Западная Европа – жажда сиюминутного обогащения, власть денег в буржуазном мире, где происходит подмена духовных ценностей материальными.

Герой-немец действует с помощью аккуратного расчета. Германн обуреваем жадной обогащения – такова его главная черта. Он хладнокровно перебирает в уме все возможности: «...представиться ей, подбиться в ее милость...», «пожалуй, сделаться ее любовником». Любовником старухи под 90 лет! Чудовищное, противоестественное намерение! Но не для Германна: он готов на все; здесь твердый расчет и совершенно нет чувства. Другой человек – Лиза – для него лишь орудие тщательно задуманного коварного плана – проникнуть в спальню графини. Им движет не влюбленность, а холодный расчет, не искренность, а старательно выстроенная лживая игра.

ДИСТАНЦИРОВАННОСТЬ В ОБЩЕНИИ, ХОЛОДНОСТЬ

Историческое и географическое развитие России сформировали в русском человеке чувство коллективизма, семейной общности. Хорошо видно поэтому, как русский человек, привыкший к тесному общению в коллективе, не вполне принимает немецкий индивидуалистический жизненный уклад, разделяющий людей, отдаляющий их друг от друга. На это обращает внимание М.М. Пришвин в «Кашеевой цепи»: «В установленных формах общения можно десятки лет ежедневно обедать с людьми и произносить одно только слово «Mahlzeit!» Можно и так устроить, что ежедневно будешь говорить за столом, вечером будешь принимать участие в домашних концертах, вместе ходить раз в неделю в театр, по праздникам прогуливаться на велосипедах, в лодке, и так вместе съесть ни один пуд соли и все-таки оставаться совершенно неузнанным». Немецкое общение всегда было дистанцированным. Немцы трепетно относятся к своему личному жизненному пространству. «Налево от двери были две полочки: одна – наша, детская,

другая – Карла Ивановича, собственная», – писал Толстой в «Детстве», подчеркивая общинный характер русской действительности и тут же замечаемую на этом фоне немецкую разделенность.

Разность характеров, вероисповеданий, почти даже несовместимость русского духа с немецким, отчасти была причиной неприязненного отношения русских к немцам. Так, Паншин говорит Калитиной («Дворянское гнездо»): «Что прикажете делать, Лизавета Михайловна! От младых ногтей не могу видеть равнодушно немца: так и подмигивает меня его подражать!». Отсюда и отношение к немецкому языку: «он говорил по-французски прекрасно, по-английски хорошо, по-немецки дурно», при этом считал, что «так оно и следует: порядочным людям стыдно говорить хорошо по-немецки; но пускать в ход германское словцо в некоторых, большей частью забавных случаях – можно, это самый шик, как выражаются петербургские парижане».

Какие немецкие черты критикуются в русской литературе? Часто говорят, что все отрицательные качества немцев – это положительные, доведенные до крайности.

Любовь к уюту и организованности жизни порой переходит в раздражающее русских филистерство, мещанство, желание любой ценой обустроить свою жизнь. В «Накануне» Тургенева это «Зоя Никитишна Мюллер... миленькая русская немочка с раздвоенным на конце носиком и красными крошечными губками, белокурая, пухленькая». Ирония автора очевидна, и весь этот образ строится как параллель и антитеза Елене Стаховой, вырвавшейся из косности застойной русской жизни, несущей в себе высокие духовное горение и жертвенность. В «Дворянском гнезде» – мать Варвары Павловны, неверной жены Лаврецкого, Каллиопа Карловна, которая «сама считала себя за чувствительную женщину... и носила узкие бархатные платья, ток и тусклые дугие браслеты, а когда ее дочь нашла себе богатого жениха, подумала: «Meine Tochter macht eine schöne Partie», – и купила себе новый ток». Таков же лавочник Клубер из «Вешних вод». Впрочем, как отмечает В.К. Кантор, «ненависть к филистерству свойственна была и великой немецкой литературе»¹⁹.

Пожалуй, более всего в русской литературе досталось «русским немцам», то есть представителям высших ветвей российской бюрократической власти. Находясь на различных должностях государственного аппарата, русские немцы создавали атмосферу пунктуального выполнения своих обязанностей и тщательного выполнения своего долга, и в то же время зачастую непонятного и осуждаемого населением бездушного формализма.

В русской литературе часто критикуется свойственный немецкой духовности отвлеченный от жизни идеал. Еще Ленского мы встречаем прибывшим «из Германии туманной». По словам Мурьянова, «в физическом смысле Германия туманна не больше, чем русская деревня, куда прибыл герой. Эпитет понадобился, чтобы выразить особенности духовной атмосферы Германии, как они виделись русскому воображению. По слишком прямолинейному, но в сущности правильному определению лексикографов, туманная Германия – это «о Германии как центре идеалистических философских течений и романтических направлений в литературе»²⁰.

С этой точки зрения наиболее критичен к немцам Толстой в «Войне и мире» за то, что, по мнению писателя, они «заменяют живую жизнь теорией»: «Князь Андрей по одному этому короткому свиданию с Пфулем благодаря своим аустерлицким воспоминаниям составил себе ясную харак-

¹⁹ Кантор В.К. Немецкое русофильство как предчувствие нацизма // Зарубежные записки. – 2007 – № 11. – <http://magazines.russ.ru/zs/2007/11/ka14html>

²⁰ Мурьянов М.Ф. Пушкин и Германия. – М.: Наследие, 1999. С. 76.

теристику этого человека. Пфуль был одним из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми бывают только немцы, и именно потому, что только немцы бывают самоуверенными на основании отвлеченной идеи – науки, т.е. мнимого знания совершенной истины. Француз бывает самоуверен потому, что почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего в мире государства и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как англичанин несомненно хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя, и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина».

Немецкая любовь к теоретизированию доведена у Толстого до крайности: «Пфуль был один из тех теоретиков, которые так любят свою теорию, что забывают цель теории – приложение к практике: он в любви к теории ненавидел всякую практику и знать ее не хотел».

«О маршировке колонн Толстой пишет по-немецки: («Die erste Colonne marschieret, die zweite Colonne marschieret»). Вообще эти немецкие фразы в романе употребляются как символ бессмыслицы, непригодности любой, в том числе и военной, отвлеченной теории, к настоящей жизни.

Отвлеченный философский идеал не приложим к российской повседневной действительности. Так, в очерке Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» появляется немецкий профессор, который «был не то что глуп, а словно ушиблен: с кафедры говорил довольно связно, а дома картон и очки все на лбу держал. Показательно противопоставление науки, высоких сфер и обыденной жизни. Герой Тургенева рассуждает на эту тему следующим образом: «Посудите сами, ну какую, скажите на милость, какую пользу я могу извлечь из философии Гегеля? Что вообще, скажите, между этой философией и русской жизнью? И как прикажете применить ее к нашему быту, да не ее одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию... скажу более – науку?»

Как видно, образ немца в произведениях русских писателей имеет определенные, устойчивые, повторяющиеся черты. Складывается своеобразный собирательный, обобщенный образ немца в контексте всей русской литературы. Этот образ многогранен: с одной стороны, это обусловленное влиянием немецкого романтизма трепетное отношение к «стране высоких помышлений», ее культуре и выдающимся деятелям, с другой – бытовое, иногда даже преднамеренно сниженное повествование о «немецкой умеренности», практицизме, а вместе с тем и о немецком трудолюбии, умении работать на совесть.

Едва ли можно найти в европейской истории другой пример столь сложных, неоднозначных и противоречивых отношений между двумя народами, как между немцами и русскими. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, «это амбивалентное отношение «вражды-приязни» или «ненависти-любви». История войн и история культурного взаимодействия дают массу примеров на этот счет. Каждому русскому в той или иной степени подробности это отношение известно. Думаю, что это не тайна и для каждого немца. Ибо русские и немцы воспринимают себя в известной степени друг через друга: быть русским – значит не быть

немцем, быть немцем – значит не быть русским. Или, используя русскую поговорку, «что для русского здорово, то для немца – смерть!»²¹.

Между этими двумя странами всегда существовали сложные, противоречивые отношения друг к другу, своего рода отношения любви и ненависти. Не было народа, которым русские восхищались бы больше. Немцы являлись властителями дум, учителями и наставниками целых поколений русской интеллигенции. В России восхищались немецкой честностью, аккуратностью, точностью, технической сметкой, трудолюбием, чистоплотностью, но в тоже время считали немцев простоватыми мешанами, педантичными, лишеными чувства юмора, «колбасниками», сухими, черствыми, иногда даже жестокими. Немцы, в свою очередь, испытывали двойственные отношения к русским: с одной стороны, они уважали русских за душевность, гостеприимство, щедрость, интересовались русским искусством и культурой, которые нигде в мире не встречали такого интереса и понимания, как в Германии, но в тоже время презирали русских за расхлябанность, необязательность, нецивилизованность и испытывали страх перед восточным гигантом, его «варварством», хаотичностью и непредсказуемостью.

Россия и Германия исторически дополняли друг друга. Немецкие авторы, характеризуя эти отношения, зачастую прибегают к дуальным терминам: «ужас» и «зачарованность», «зависть» и «восхищение». С тех пор как Россия с Петром Великим вошла в сознание остальных европейцев, немцы и русские следили друг за другом с таким неослабевающим вниманием и часто даже с зачарованностью, приметы которой почти не найдешь в истории. Наблюдалось постоянное привлечение и отталкивание, диалектический процесс, который обогащал культуру и литературу обоих народов.

Интересно, что немецкий характер – совершенный антипод, зеркальное отражение русскому. Немцы – соседи по континенту, но в то же время и полная противоположность славян, которым недостает именно немецких черт. По своему душевному укладу наши народы представляют собой два противоположных полюса. Штольц и Обломов. Порядок и склонность к хаотичности. Строгая бережливость и широта души, иногда переходящая в мотовство. Аккуратность и неряшливость. Домашний уют и неприютность в этом мире. Ответственность, чувство долга и «пофигизм». Абсолютная пунктуальность и небрежное отношение ко времени. Индивидуализм и коллективизм. Интенсивная и экстенсивная экономика. Время и бескрайнее пространство как определяющие факторы культуры. Наконец, филистерство и нигилизм как доведение до крайности национальных черт. Кристалл и вода как аналог наших национальных черт в неорганическом мире. «Будучи по природе неспособен усваивать чужую форму, германец по природе крайне устойчив и верен собственным формам — до кокости; кристалл нельзя переплавить, его можно только разбить, но и разбившись, кристалл делится на тысячи мелких кристалликов»²². Русские же, напротив, как вода, которая заполняет любой сосуд, но неспособна сохранить форму ни одного из них.

То есть мы – совершенно противоположные друг другу природы, которые дополняют друг друга. Между нашими народами существует некое духовное, культурное родство при абсолютной несхожести немцев и русских. В отличие от более прагматичных англосаксов и меркантильных французов, оба народа склонны к метафизическим размышлениям. Оба народа с опозданием начали процесс модернизации, вызвавший тяжелые проблемы, приведшие в одной

²¹ Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. С. 10.

²² Аннинский Л.А. Русские плюс... – М.: Изд-во «Эксмо», 2003. С. 92.

стране к национал-социализму, в другой – к большевизму. Именно они пережили трагический опыт тоталитаризма и жестокой войны, создавшие определенную близость, общность судеб.

Веками между русскими и немцами шло взаимовлияние, как мирное, в области хозяйства и культуры, так и военное. Наверно, ни с одним другим народом Россия на протяжении своей истории не вела столько войн, как с Германией, в том числе и последнюю, самую страшную и кровопролитную в истории человечества, в которой именно наши страны понесли наибольшее количество жертв. В том числе и по этой причине немцы присутствуют в сознании россиян не так, как, скажем, испанцы, англичане или голландцы.

Поэтому тема взаимоотношений между нашими народами всегда будет сохранять свою актуальность.

Библиографический список:

1. Аннинский Л.А. Русские плюс... – М.: Изд-во «Эксмо», 2003.
2. Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 2. С. 96–102.
3. Забровский А.П. К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // *Россия и Запад: диалог культур*. МГУЦ. Факультет иностранных языков. – М., 1994. Вып. 1. С. 87–105.
4. Кантор В.К. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // *Вопросы литературы*. – 1996. – № 1. С. 121–158.
5. Кантор В.К. Лев Толстой: искушение неисторией //

Вопросы литературы. – 2000 – № 4. С. 120–181.

6. Кантор В.К. Немецкое русофильство как предчувствие нацизма // *Зарубежные записки*. – 2007 – № 11. – <http://magazines.russ.ru/zz//2007//11/ka14html15>
7. Кузьмин А.В. Иноходец в творчестве Н.С. Лескова: проблема изображения и оценки: СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
8. Мурьянов М.Ф. Пушкин и Германия. – М.: Наследие, 1999.
9. Оболенская С.В. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. // *Россия и Германия*. – М.: Наука, 1998. – Вып. 1. – 190–205.
10. Оболенская С.В. Русские и европейцы. Поиски русской национальной идентичности у Достоевского. – <http://nationalism.org/library/science/europe/obolenskaya/obolenskaya-ody-1998.pdf>.
11. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
12. Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация: Учебник. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.
13. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: учеб. пособие. – М.: АСТ-Астрель: Хранитель, 2007.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). – М.: Слово/Slovo, 2008.
15. Чугунов Д.А. Лев Толстой и Германия // *Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2003. № 2. С. 42–52.
16. Mann, Thomas, *Deutschland und die Deutschen* // *Das Buch der Deutschen: Alles, was man kennen muss* (hrsg. von J. Thiele). – Bergisch Gladbach: Lübbe, 2004. S. 605–610.

Лариса ЛУЗЯНИНА

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Язык – это особым образом организованная система знаков. Языковой знак любого народа соотносится с предметами, явлениями, событиями действительности. Так как человек в любой точке земного шара как биологическое существо живёт, действует, мыслит по одним и тем же законам жизнедеятельности, то существует определённый круг предметов и явлений, обеспечивающих жизнедеятельность человека любого этноса, – это предметы быта, члены семьи, животные, растения, близкие отношения, любовь, ненависть, военные действия и т.п. Эти предметы и явления имеют свои обозначения в языке. Речевые произведения, описывающие отношения такого типа, довольно просты и на первый взгляд легко переводятся подстановкой. Пример: Мама варит суп. Я учусь в университете. Картина такого-то автора висит в музее. Но это только на первый взгляд. Даже самые простые вещи и особенно отношения между людьми и явлениями могут представлять при переводе с одного языка на другой определённые трудности. Переводчику помогут здесь так называемые «фоновые» знания. Фоновые знания – это знания особенностей культуры народа изучаемого языка, его истории, географии, обычаев, проведения праздников, литературы, искусства. Всё это составляет картину мира этноса. Язык – не просто часть культуры народа, в языке она отражается, живет и вместе с ним развивается, представляя собой языковую картину мира данного народа. Благодаря переводам мы узнаём, как живут люди в далёких странах или как они жили в далёкие времена. При переводе текста языковая картина мира исходного языка соотносится с языковой картиной мира языка перевода, при этом переводчик сталкивается с трудностями перевода.

В Омском государственном университете на факультете иностранных языков обучаются буду-

щие переводчики языков: английский – русский, немецкий – русский, французский – русский и испанский – русский. Уже на младших курсах обучения студенты понимают, что знание иностранного языка только первое условие успешной переводческой деятельности. Наряду с изучением чужого языка и культуры необходимо также изучать родной язык и родную культуру. Переводчик является представителем своей страны, народа и города, в котором он живёт, ему приходится отвечать на десятки вопросов о нашей жизни, культуре, искусству. Приобретение этих знаний происходит в процессе самообразования параллельно с аудиторными занятиями, где студенты учатся преодолевать языковые и другие трудности перевода.

Л.К. Латышев в книге «Технология перевода» анализирует типы расхождений систем понятий в немецком и русском языках. При формировании понятий один народ выбирает в качестве основных признаков одни предметы или явления, а другой народ – другие. Поэтому слова, обозначающие одно и то же, часто расходятся по объёму понятий, и при переводе могут возникнуть неточности или ошибки.

Пример № 1: в русском языке слово «город» соотносится с действием, обозначаемым словом «городить», в немецком языке слово «die Stadt» с действием «стоять».

Пример № 2: über tage – дословно «над днём»
unter tage – «под днём»

Эти выражения из трудовой деятельности горняков или строителей метро – проходчиков – означают работа «под землёй» и «наверху». Основной признак явления в немецком языке «день» как светлое время суток, т.е. работа при свете или без света, а в русском языке «земля», т.е. под землёй или на земле.

В исходном языке часто встречаются языковые единицы, являющиеся неполными соответ-

ствиями единицам языка перевода. Например, работая в Литературном музее им. Ф.М. Достоевского, переводчик встречается со словами «каторга» и «острог». Мы понимаем, что в одной ситуации эти слова тождественны и означают наказание заключением и отправлением на тяжёлые работы, а в другой ситуации их значения расходятся: острог – «Zuchthaus» – острог (рабочий дом), слово «каторга» в русском языке и острог, и сама невыносимо тяжёлая работа.

Переводя экскурсии в Литературном музее, переводчик сталкивается с задачей перевода историзмов: кандалы, шомпол, прогнать сквозь строй, скатка. В Музее боевой славы омичей – с военной терминологией: история ведения боя во время Великой Отечественной войны, военные укрепления, доты, дзоты, ППШ, гаубица, зенитка, рация. Необходимо не только найти эквивалент в словаре, но часто и объяснить, что это такое. В краеведческом музее – это названия птиц и животных типа чирок-сивистунок, краснозобая казарка и т.п.

Особые трудности перевода представляет так называемая безэквивалентная лексика, а именно национально-специфические реалии. С этими трудностями переводчик сталкивается в краеведческих и этнографических музеях. Это такие слова, как полати, лапти, рогатина, ухват, стрижка «под горшок», масленица, портянки и иные слова, характеризующие не только старинный быт русского народа, но и называющие предметы, исчезнувшие из обихода.

Ещё сложнее с реалиями жизни и быта других, в частности, тюркских народов, проживающих на территории Сибири – юрта, калым, ураза – байрам, мечеть, казан и другие. Эта лексика на иностранный язык по словарю не переводится, этих слов там просто нет или даётся приблизительный перевод. Переводчик применяет приём перевода транскрипцией, т.е. произносит слово по правилам произношения языка перевода и затем описывает этот предмет и объясняет его назначение. Здесь возникает потребность знаний истории и быта родного народа, а не только знание родного и иностранного языков.

В музее изобразительных искусств им. Врубеля и на художественных выставках, переводя описание картин и рассказ о художнике, переводчик сталкивается со специальной лексикой: виды живописи – натюрморт, пейзаж, парадный портрет, приёмы живописи и скульптуры, материал, используемый художником, а также тема и содержание произведения искусства. Эти трудности связаны не столько с переводом, сколько с кругозором, эрудицией и другими личностными качествами будущего переводчика.

Ещё одна трудность, связанная с различиями языковых картин мира разных народов, ведёт к возникновению нормо-узуальных ошибок. Они обусловлены явлением интерференции, т.е. наложением правил сочетаемости слов в исходном языке на переводящий язык. Например, можно сказать по-русски «круглый дурак», но

по-немецки так сказать нельзя, т.к. прилагательное «rund» – круглый описывает только предмет круглой формы. По-немецки можно сказать «kompletter Narr».

Подобного рода ошибки были замечены при переводе с немецкого языка подписей под картинами в буклете художника Адама Шмидта.

«Около Байкальского озера» – нужно «На озере Байкал»; на картине девушка в кокошнике лет двадцати, подпись «Русская девочка». Немецкое «das Mädchen» означает и девочка, и девушка. Незнание того, что в русском языке это слово переводится по-разному и привело к ошибке. «Набросок для представления» – нужно «Эскиз декорации». На картине изображён мужчина в русской шапке, валенках, в оранжевом жилете с лопатой для уборки снега. Подпись «Домоуправитель». Во-первых, не домоуправитель, а домоуправ или управдом, а во-вторых, домоуправ не убирает снег на улицах, а снег убирает дворник. Это типичный случай интерференции. «Hausmeister» – буквально: «мастер по дому», человек в Германии, выполняющий все работы по обслуживанию дома, в том числе убирающий территорию, не имеет эквивалента в русском языке. Жилищно-коммунальное хозяйство у нас устроено по-другому. Не зная этого, переводчик-немец перевёл вместо «дворник» «домоуправитель».

Компетентностный подход при подготовке будущего специалиста предполагает моделирование рабочей обстановки на занятиях и внеаудиторно с целью раннего формирования готовности к качественному выполнению профессиональных задач. Перевод и проведение экскурсий по городу и городским музеям входит в программу подготовки будущих переводчиков в ОмГУ им. Ф.М. Достоевского не только по причине обучения переводу и экскурсионному делу, но и в целях воспитания и развития личности переводчика. Город Омск обладает огромными богатствами, воспитывающими эстетический вкус будущего интеллигента. Курс устного перевода с русского языка на иностранный, разработанный на кафедре немецкой филологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского и предлагаемый студентам, изучающим любой иностранный язык, знакомит будущих переводчиков с этими богатствами – музеями, выставками, старинной и современной архитектурой, театрами и музыкой. Наши старшекурсники успешно самостоятельно водят иностранных гостей, чему способствует курс «Устный перевод с русского на иностранный (экскурсионное дело)».

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: изд-во МГУ, 2004.

2. Латышев Л.К. Перевод. Теория, практика и методика преподавания. – М.: АCADEMIA, 2005.

3. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: АCADEMIA, 2005.

4. Лузянина Л.Л. Практикум по устному переводу с русского языка на иностранный (экскурсионное дело). – Омск: изд-во ОмГУ, 2009.

Наталья ЕВТУГОВА

Старший преподаватель кафедры немецкого языка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Семейные ценности в русской и немецкой культурах: сопоставительный аспект стереотипных представлений

В обществе, говоря об иностранцах, часто проявляются определенные совпадающие характеристики или стереотипные представления о них. Ученые, социологи, психологи и другие выделяют архетипы той или иной нации. Архетип – это непредставимые сами по себе, они проявляются в сознании следствиями самих себя, в качестве архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные модели, или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок [Юнг, с. 65].

Целью данной статьи является рассмотрение русского и немецкого архетипов в сфере «семья и семейные отношения», русского архетипа с точки зрения иностранцев, немецкого – глазами русских авторов. Материалом исследования послужили социологические опросы, наблюдения и мнения некоторых авторов, пословицы и поговорки русского и немецкого языков.

Среди самых важных традиционных ценностей для русского архетипа главная – семья. На втором месте по ценности – здоровье, и только после этого упоминаются такие вещи, как деньги, работа, дом, жилье и прочие атрибуты благополучия. Значит, превыше всего ценится теплота семейных отношений и родственных уз. По данным опроса АиФ, 52% россиян состоят в браке, а еще почти 30% – нет, но собираются вступить в него.

В Германии почти четверть населения не имеет семьи. Почти полмиллиона мужчин и женщин пытаются взять судьбу в руки и найти себе желанного спутника жизни. Из-за того, что немцы интенсивно работают и нацелены на карьеру, они нередко знакомятся по брачным объявлениям.

Каждая национальная семья, несмотря на определенную схожесть, имеет свои особенности. Русская семья – явление для иностранцев в некоторой степени необычное.

Во-первых, в брак в России вступают гораздо раньше, чем в Германии: к 25 годам девушки обычно замужем, часто за своими сверстниками, и имеют ребенка. Чаще всего они сами занимаются воспитанием детей, особенно пока ребенок еще мал (до 3 лет). В Германии в этом возрасте молодые люди еще заняты только собой и своей жизнью: образованием, развлечениями, карьерой.

Правда, сейчас и в России под напором новых реалий обзаведение детьми тоже откладывается на более поздний возраст.

В студенческом возрасте решаются на ребенка, если есть бабушка, которая может за ним присмотреть.

В подавляющем большинстве случаев браки заключаются по любви (АиФ) (37%), довольно часто женятся только потому, что «пришло время» (38%) или «все так делают» (17%). Еще 9% людей женятся из-за своей неопытности – в результате неожиданной беременности, которую боятся прервать. И только 8% россиян женятся ради карьеры или денег.

Во-вторых, для немца понятие «моя семья» обычно включает мужа, жену и их детей. Для русского человека это понятие более широкое. Русский человек на вопрос о семье обычно называет жену, детей, родителей, бабушку и дедушку, брата или сестру (если они живут вместе). Некоторые русские могут назвать даже собаку, кошку или попугая, которых тоже считают членами семьи.

В-третьих, система совместного проживания пары без официальной регистрации отношений, столь привычная в Германии, постепенно входит в быт, но пока еще не очень популярна (только 10%). Очень постепенно система таких «гражданских» браков становится привычной в студенческой семье. Студенты как будто боятся повторить печальный опыт рано женившихся и разведенных сверстников, хотя «присмотреться друг к другу».

В-четвертых, у русских особое отношение к детям. К примеру, французы тоже очень чадолюбивы. Но поскольку они уже давно разобрались с «квартирным вопросом», то дети после окончания школы часто селятся отдельно и живут независимо от родителей. Если для Германии ребенок в 15–16 лет – взрослый человек, способный решать свои проблемы самостоятельно, то для русских в этом возрасте он еще «неразумное дитя».

Иностранцы тоже изумляются, наблюдая русские реалии. Так, в книге «Русские» американец Смит пишет: «Русские очень любят своих детей, балуют их, пытаются защитить от трудностей. Дети продолжают жить с родителями, даже закончив вуз, и часто родители содержат их за счет собственных средств в течение многих лет!» [цит. по Сергеевой, с. 56]. В советские времена среди русских в ходу была шутка: «Вот доведу ребенка до пенсии, а дальше пусть о нем государство заботится». Молодежь в России не имела ни права, ни возможности легально заработать даже мизерную сумму на свои карманные расходы. Даже заботы

о развлечениях молодого человека ложились на плечи его родителей. Дети, как правило, охотно принимали такую заботу о себе, считая ее нормой.

Независимо от социального строя отношение к детям в России, конечно, очень своеобразное. И каждый иностранец, посетивший русский дом, тут же сможет в этом убедиться. Дети будут в центре внимания, их будут целовать, теребить и восхищаться ими или не менее темпераментно ругать и «воспитывать». Дети будут одеты в самое лучшее, их кормят только самым лучшим, витаминным и полезным. В Советской России был лозунг: «Все лучшее – детям!». И дети до сих пор – эпицентр семьи, социологические опросы показали, что успехи детей остаются одной из самых приоритетных ценностей в жизни русской семьи.

Чтобы завязать беседу, достаточно просто спросить, как дети учатся, в какой школе, чем увлекаются и т.д. Все это бесконечно важные и волнующие темы для каждого русского родителя, и, что важно, при обсуждении их русские гораздо более открыты и свободны, чем многие иностранцы, в том числе и немцы, не привыкшие обсуждать свои семейные дела.

Чувствуя себя «центром вселенной», дети часто капризны, избалованны и ведут себя, как маленькие диктаторы. Тем более что очень часто в российской семье есть только единственный ребенок (33%), два ребенка – явление гораздо более редкое (27%). Очень небольшое количество русских (12%) не собираются иметь детей.

В генетической памяти русских сложился стереотип: «Да, моя жизнь была трудна. Так пусть хотя бы мои дети будут счастливее, чем я сам». Поэтому жизнь детей каждый родитель подсознательно хочет сделать более легкой, комфортной хотя бы в детстве.

Но потом и дальше – по инерции – он старается убеждать ребенка от проблем реальной жизни. В любом возрасте. Когда ребенок школьник, родители будут постоянно звонить с работы, проверяя, благополучно ли разогрет суп, достаточно ли тепло ребенок оделся для прогулки и сделал ли он уроки, расспрашивая о каждой мелочи. И даже если «ребенку» уже за 30, то и тогда он не лишается беспредельной заботы своих родителей, которые стараются принять участие во всех моментах его жизни, переживают все его проблемы. Они страшно обижаются, когда «ребенок» отдаляется от них, не посвящая в свои проблемы. Уже немалыми родителями такое поведение детей воспринимается тяжело – как черная неблагодарность, черствость и эгоизм.

Такой стиль семейных отношений говорит не только о прочности семейных уз в России. Как и все явления жизни, такая традиция отношений имеет свою отрицательную сторону. Избалованность, эгоизм и черствость детей нередко возвращаются бумерангом в ответ на родительскую чрезмерно пылкую любовь. В российском обществе огромное количество морально незрелых, инфантильных, неуравновешенных и безответственных людей, не способных адаптироваться к трудностям жизни. На это повлияли многие причины, но в том числе и чрезмерная любовь родителей. С другой стороны, такая участливость преувеличивает роль родительской опеки, «давит» на детей, лишает их самостоятельности, ответственности и воли преодолеть жизненные сложности без посторонней помощи. Страдают обе стороны. Но если вы спросите у русского, готов ли он нести определенные лишения с тем, чтобы подольше сохранить с детьми связи, в том числе и духовные? Или же он предпочтет выпустить детей как можно раньше из родительского гнезда. Думается, что россиянин чаще всего выберет первое.

Такой образ мыслей сформировался в силу разных причин.

Во-первых, он соответствует традициям социального поведения жизни русских. «Патриархальный» или традиционный семейный уклад – часть образа жизни русских. Во-вторых, сказалось влияние экономических причин по-

следних десятилетий при советской власти. В условиях всеобщей бедности и хронического жилищного кризиса в одной комнате или тесной квартире были вынуждены жить рядом представители нескольких поколений одной семьи. Привычка к скученности и тесноте, спокойное отношение к отсутствию того, что американцы называют «privacy» только укрепляло в России семейные узы. Люди научились воспринимать их не только как помеху для личной свободы, сколько как «тылы», как гарантию от одиночества (наказания для русских), как теплоту родительского гнезда: семья в куче – не страшны и тучи. В семье и каша гуще.

В российских семьях отношения между поколениями родителей и уже взрослыми детьми тоже отличаются от европейских. Между родителями и уже взрослым потомством связи не утрачиваются. Например, молодые люди, даже отделившись и живя отдельно от родителей в своей квартире или комнате, довольно часто посещают родительские «семейные обеды», стараются провести праздники вместе с родителями и в обществе старых друзей детства. Причем родители стараются войти во все обстоятельства жизни молодой семьи.

Это несколько отличается от немецких традиций, где молодая пара на материальную помощь от родителей может не рассчитывать – в лучшем случае в долг. Зато там сохраняются ровные доброжелательные отношения между молодой семьей и родителями, которые любые изменения в семейном положении «ребенка» встречают равно благожелательно.

В русской семье очень важно установить контакт с новыми родственниками (тещей, свекровью), то, породнясь с немцами, не стоит обольщаться по поводу хороших отношений с ними: одинаково доброжелательно они встретят бывшую жену сына или будущую, что совсем не говорит о теплоте их чувств.

По русским традициям отделившиеся молодожены, начинающие жить самостоятельно, пользуются особой опекой родителей. Это особенно характерно для горожан, связи которых не осложнены долгими расстояниями. Сюда входит и денежная помощь («к празднику», «на обзаведение», «к юбилею свадьбы»), гостинцы в виде продуктов и домашних блюд. С появлением у молодых детей внимание родителей переключается на воспитание нового поколения.

По мере того как молодая семья встает на ноги, отношения с родителями меняются. На первый план выступает функция помощи старшим. Престарелых родителей, особенно одиноких, дети не бросают и не отдают в дома для престарелых (как это принято в других странах), а часто приглашают жить к себе. Часто старики гостят у детей зимой (в крупных городах), а на лето уезжают к себе в деревню и берут с собой маленьких внуков.

Отношения между братьями и сестрами и их семьями в России не столь тесны, как между родителями и детьми. Именно родители, старшее поколение играет объединяющую роль всей семьи, связывая их с предыдущими поколениями, передавая семейные традиции.

Объединение всех родственников, помимо ближайших – отцов и детей, происходит при важных событиях в жизни всей семьи: рождении ребенка, смерти или заключении брака. О рождении ребенка и о дне похорон родственников оповещают. С новорожденным поздравляют, близкие приносят подарки. На похороны стараются прийти все, кто может. На свадьбу приглашаются близкие и дальние родственники независимо от места их жительства.

Уважительное отношение к старшим характерно для традиционного уклада русской жизни. Хотя между отцами и детьми не может не возникнуть некоторого напряжения, и обычно именно молодежь является его инициатором в быту. Кроме того, молодежь по сравнению со старшим поколением отличается более высоким образовательным и культурным уровнем, она настойчиво отстаивает свою независимость в поведении и во взглядах на жизнь, в том числе и политическую.

Еще более своеобразными для немцев представляются традиционные отношения в русских семьях между мужем и женой. В самом общем виде это своеобразие можно оценить как приверженность русских традиционным ценностям, более патриархальному типу устройства семьи в сравнении с другими европейскими странами.

По традиции, хотя и необязательно, первой в доме встает жена, готовит завтрак всей семье. Вечером после работы каждый занимается своими делом: муж и дети обычно остаются перед телевизором. А жена продолжает «рабочий день» – стирка, уборка, приготовление еды на завтрашний день, мытье посуды, проверка школьных тетрадей и многое другое. «Не та хозяйка, что много говорит, а та, что щи варит» или «Хозяйка в дому – что пчела в саду», т.е. она должна постоянно трудиться, не покладая рук, и заботиться о каждом из членов семьи.

Не случайно героиня русских народных сказок – Василиса Премудрая, которая выполняет по требованию мужа сложнейшие задачи: то ковер несказанной красоты соткет, то озеро с лебедями устроит. Причем все это она делает в ночное время, пока муж отдыхает. Наутро он будет держать ответ перед царем за проделанную работу, а о самой Василисе нет и речи, потому-то она и премудрая. Ее тонкий ум помогает с достоинством держаться в тени мужа. И такая модель женского поведения тоже является составной частью русского архетипа.

Для русских мужчин считается нормальным некоторая физическая помощь жене, например, сходить в магазин, пропылесосить или погулять с детьми. Мыть посуду, приготовить обед считается «не мужским» занятием, и этого они всячески избегают.

Вообще для российского сознания считается неприемлемым, если мужчина занимается «не мужским» делом (обязанности по дому), слишком явно или охотно подчиняется жене или у него чрезмерно мягкий характер, нет мужской жесткости. О подобном человеке говорят: «бесхарактерный», «подкаблучник», «тряпка». И народная мудрость говорит об этом: «Не мужик, а мокрая курица», «Им хоть полы мой и не пускай домой», «Как Иван Васин – на все согласен». Настоящий мужчина – это «мужик», и не в крестьянском смысле, а по своей внутренней силе и независимости, имеющих на все свой взгляд и отстаивающий его, сильная и властная личность.

Особенно нужно подчеркнуть такую особенность российской семьи, как неопределенность, размытость ее социальных границ. Так, жены часто, имея диплом о высшем образовании, работают в науке, в здравоохранении, в сфере образования и т.п. А муж может быть рабочим или шофером, т.е. по европейским стандартам занимает более низкую социальную позицию. Социальная политика советского государства повлияла на равнодушие людей к социальным барьерам в отношениях между людьми, в том числе и в семье.

Родительские заботы, в основном, лежат на плечах матери. В случае если заболел ребенок, то для ухода за ним дома чаще остается мать, а не отец. Такие ситуации причиняют известный ущерб карьере молодых родителей. Хотя законодательством России предусмотрены равные права, обязанности и ответственность за здоровье ребенка, тем не менее, чаще рискует своей карьерой женщина. В этом отражается сложившаяся в России система приоритетных возможностей для мужчин.

В рамках семейных отношений для русского архетипа сохраняется устойчивая модель: муж должен содержать семью, заботиться о достатке и быть ее основой, базой согласно русской поговорке «Дом стоит хозяином». Можно с определенной долей уверенности утверждать, что традиционно социальная роль мужчины в русской семье – это роль главы семейства, защитника, покровителя, добытчика, кормильца. А жена должна обязательно родить детей, заниматься их здоровьем и воспитанием, хранить и беречь семейное тепло, создавать атмосферу любви. В немецкой модели семейных отношений такая позиция закреплена законодательством.

В российской культуре резко разделяются любовь и секс. При этом любовь (очень широкое понятие) понимается как отношения между людьми, а секс – это только связь (физическая). Одно с другим не связано, хотя для современной молодежи часто актуальнее понятие секса. Истинная «любовь по-русски» – это отказ от собственной свободы, от эгоистического самоутверждения личности, растворение себя в любимом.

Любовь как отношения редко связывается в сознании с материальной стороной жизни. «С милым рай и в шалаше», «Счастье не купишь».

Кроме того, весьма показательно для россиян разделение любви на «свою собственную» и «любовь ко мне». По мнению психологов, такое разделение достаточно специфично именно для россиян [Ментальность россиян. С. 10].

Интересно и то, что многие россияне предпочитают испытывать чувство любви и совсем не всегда быть только объектом этого чувства.

Завоевать расположение русской женщины можно при условии, если вы ведете себя с ней как джентльмен, как покровитель и защитник. Русская женщина будет немало удивлена, если вы придете к ней в гости без цветов, не станете открывать ей дверь, подавать пальто, уступать место в транспорте, подавать руку при выходе из транспорта и оказывать прочие знаки галантности. Если вы ухаживаете за девушкой, то должны быть готовы платить за нее в кафе, кино, театре и т.д. В России это воспринимается «слабым» полом как часть ритуала, как нечто само собой разумеющееся.

Русские женщины привыкли к подобным знакам внимания, принимают их благосклонно или как должное, не считают их унижительными, как, например, американки или немки.

Им даже нравится, когда мужчины ведут себя с ними подчеркнуто вежливо и по-рыцарски, они расценивают мужскую готовность платить за них как свидетельство надежности, опоры, истинно джентльменского отношения к ним.

Интересно, что в сфере денежных отношений между мужчинами и женщинами в России при всей галантности традиций все-таки есть явный диссонанс. Как правило, женщины, соглашаясь, чтобы за них платили, не собираются при этом брать на себя никаких обязанностей, например, идти на сексуальный контакт и т.д. Современные россиянки претендуют на равенство полов, отстаивают свое право на выбор и инициативу. Подобные претензии, например, американок сбалансированы тем, что они материально независимы. А вот в России женщина хочет быть независимой, но предпочитает, чтобы при этом за нее платили. Такая позиция уникальна, поскольку отличается как от принятых на Западе норм поведения, так и от восточных традиций.

Что же касается проблемы денежных отношений в российской семье, то они складываются по-разному, но чаще всего «портфель министра финансов» в российской семье принадлежит женщине: она лучше ориентируется в постоянно меняющихся ценах на товары, у нее лучше развита память на мелочи и детали и т.д. Хотя основным добытчиком, экономической опорой в семье должен быть муж.

Таким образом, можно обнаружить много отличительных черт в архетипах немецкой и русской семьи.

Список литературы

Ментальность россиян. Специфика сознания больших групп населения России. – М.: Психологический институт РАН, 1997. – С. 10.

Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А.В. Сергеева. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 320 с.

Томчин А.Б. Германия – с улыбкой и всерьез / А.Б. Томчин. – 2-е изд. испр. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. – 415 с.

Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Архетип и символ, М., Ренессанс, 1991. С. 65.

WIR LERNEN DEUTSCH

Валентина ЗАРЕЧНЕВА

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации ОмГПУ

Елена НОВИКОВА

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

ТЕКСТЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕМЕ «ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ» В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Изменяющаяся ситуация в современном обществе, новые нормы и ценности оказывают значительное влияние на жизнь молодежи. При изучении иностранного языка эта тема особенно актуальна в сопоставительном аспекте. Проблемы молодежи в разных странах имеют много общего. И в то же время каждая культура накладывает свои отпечатки на становление молодого человека. Учитель часто сталкивается с проблемой выбора актуального материала, который был бы доступен и интересен обучающимся. Много интересной информации можно получить в интернете, но необходимость дидактизации сильно усложняет ее использование в учебном процессе. Данная учебно-методическая разработка представляет собой основной вокабуляр по теме, систему упражнений и текстов, готовых к применению в учебном процессе как в старших классах специализированных школ, так и на первых курсах языковых и неязыковых ВУЗов, а так же на языковых курсах.

Thema «Probleme der Jugendlichen»

Wortliste

Problem, das
Pubertät, die
Generationskonflikt, der
gegenseitiges Verständnis
Drogen, die
Taschengeld, das
Scheidung, die
sich scheiden lassen
Scheidungskind, das
Handy, das
abhängig sein
Sucht, die
Alkoholsucht, die
Drogensucht, die
Magersucht, die
Internetsucht, die
Esssucht, die
Kaufsucht, die

Freizeit der Jugendlichen

Sport treiben
Disco, die
in die Disco gehen, tanzen gehen
sich für Rockmusik interessieren
im Haushalt helfen
Einkäufe machen
in die Eisdielen, ins Café gehen
Rockkonzerte besuchen
Fahrrad, Motorrad fahren
gern allein sein
lesen
fernsehen
Umweltprojekte machen
Mode, die
Tattoo, das, – s
tätowieren, sich tätowieren lassen
Pirating,
«in» sein

Beziehungssucht, die
Nikotinsucht, die
Spielsucht, die
Clique, die
Kids, die – Pl.
Computerhacker, die – Pl.
Punks, die – Pl.
Girlies, die – Pl.
Skinheads, die – Pl.
Techno-Freaks, die – Pl.
Umweltschützer, die – Pl.
Gruftis, die – Pl.

mit der Mode Schritt halten
Markenkleidung, die
Markenklamotten, die – (umg.)
im Trend sein (liegen)

Vorübungen

Übung 1. Schlagen Sie die unbekanntesten Wörter im Wörterbuch nach, klären Sie ihre Bedeutung.

Übung 2. Bilden Sie Sätze mit den Wörtern aus der Wortliste.

Übung 3. Sprechen Sie mit Ihren Studienkollegen/Kolleginnen über Ihre Freizeit, gebrauchen Sie den Wortschatz aus der Wortliste.

Übung 4. Bilden Sie Situationen zum Thema «Jugendmode», gebrauchen Sie den Wortschatz aus der Wortliste.

Übung 5. Lesen Sie folgende Gedichte. Über welche Probleme schreiben die Jugendlichen?

Glück	mal eben
Kirschen essen,	mal eben aufstehen
Hundert Kerne spucken.	mal eben essen
Liebesbriefe	mal eben schule
Mit Kartoffeln drucken.	mal eben pause
Suppenkraut zu	mal eben schule
Lorbeerkränzen winden.	mal eben essen
Kunterbunte	mal eben hausaufgaben
Kieselsteine finden.	mal eben freizeit
Barfuß durch die	mal eben fernsehen
Regenpfützen laufen.	mal eben pinte
Pfeil und Herzen	mal eben schlafen
An die Häuser malen.	Mal eben leben.
Für ein Luftschloss	(Aus: «Literatur zum Anfassen»

Ralf Kaiser S. 87)
Keine Miete zahlen.
Um die Welt gehen und zurück.
Das ist Glück.
(Aus: «Literatur zum An-fassen» Ingrid Lissow, S. 78)

Reifezeugnis

Ich wollte Nähe	Wissen	Ich wollte
und bekam	Ich wollte	Glück
die Flasche	einen Überblick	und bekam
Ich wollte	und bekam	Geld
Eltern	einen Einblick	Ich wollte
und bekam	Ich wollte	Freiheit
Spielzeug	frei sein	und bekam
Ich wollte reden	und bekam	eine Karriere
und bekam	Disziplin	Ich wollte
ein Buch	Ich wollte	Hoffnung
Ich wollte	Liebe	und bekam
lernen	und bekam	Angst
und bekam	Moral	Ich wollte
Zeugnisse	Ich wollte	leben...
Ich wollte	einen Beruf	
denken	und bekam	
und bekam	einen Job	

(Aus: «Literatur zum Anfassen» Reinhard Jung, S.89)

Von den Kindern

Und er sprach also:
Eure Kinder sind nicht eure Kinder. ...
Sie kommen durch euch, doch nicht von euch.
Und sind sie auch bei euch, so gehören sie euch doch nicht.
Ihr dürft ihnen eure Liebe geben, doch nicht eure Gedanken.
Denn sie haben ihre eigenen Gedanken.

(Kahlil Gibran)

Warum ist das Mädchen so tief in Gedanken versunken? Wo befindet es sich?

Übung 6. Formulieren Sie Probleme der Jugendlichen in jedem Gedicht.

Übung 7. Finden Sie die Zeilen, die Ihnen in diesen Gedichten besonders gut gefallen, mit denen Sie absolut einverstanden sind.

Übung 8. Welche Wünsche hatten Sie früher? Welche sind in Erfüllung gegangen, welche nicht?

Übung 9. Was bedeutet für Sie «das Glück»? Sind Sie glücklich? Sammeln Sie alle Assoziationen zum Begriff «das Glück. Unterscheiden sich Ihre Glücksvor-

stellungen von denen im Gedicht von Ingrid Lissow «Glück»? Wodurch?

Übung 10. Sagen Sie, ob Sie glücklich sind und was stört Sie glücklich zu sein.

Beziehungen mit den Eltern, Beziehungen mit den Freunden, Liebeskummer, Misserfolge beim Lernen/Studium, Sucht, wenig Taschengeld....

Übung 11. Bitten Sie Ihre Freunde, Ihnen einige Tipps zu geben, damit die Lage besser wird.

Übung 12. Was machen die Jugendlichen und Sie persönlich in der Freizeit? Füllen Sie die Tabelle über sich selbst und Ihre Freunde aus.

ich	gehe gern ins Kino.
Peter	liest in der Freizeit viel.
Monika und Nick	treffen sich mit ihren Freunden.
	interessiert sich für Sport.
	beschäftige mich mit der Hausarbeit.
	geht aus oder geht tanzen.
	interessieren sich für Musik und CDs.
	beschäftigt sich mit ihren Hobbys.
	ist in der Freizeit gern allein.
	sind gern im Freien.
	amüsiere mich mit meinen Freunden.
	gehen in die Stadt und bummeln durch die Straßen.

Übung 13. Fassen Sie zusammen, was Sie und ihre Freunde in der Freizeit machen.

Übung 14. Brauchen Jugendliche ein Handy? Es gibt verschiedene Meinungen dazu. Lesen Sie diese Meinungen und sagen Sie, welche Meinung Sie teilen.

A) Ich habe ein Handy zu Weihnachten bekommen. Meine Eltern wollen, dass ich sie stets anrufe, wenn ich spät komme. Aber ich rufe lieber meine Freunde an, so kann ich meine Verabredungen schneller organisieren.

B) Ich habe leider kein Mobiltelefon. Mein Vater findet, dass ich zu jung bin. Ich finde nicht, aber ich muss warten, bis ich älter bin, bis 16. Ich muss also noch 2 Jahre warten.

C) Ich habe ein Handy, aber Telefonieren mit Handy ist mir zu teuer. Lieber benutze ich mein Taschengeld für Bücher, Sport und anderes.

D) Meine Eltern bezahlen mir 25 Euro an Handykosten pro Monat. Ich telefoniere meistens weniger als achtmal pro Tag. Früher habe ich mehr telefoniert und SMS geschickt. Heute interessieren mich andere Hobbys als SMS-Schreiben. Bei wichtigen längeren Gesprächen benutze ich das normale Telefon.

Übung 15. Beantworten Sie die Fragen:

- Haben Sie ein Handy?
- Wie oft telefonieren Sie pro Tag?
- Wie hoch sind Ihre Handygebühren pro Monat? Wer bezahlt sie?
- Stellen Sie sich Ihr Leben ohne Handy vor? Begründen Sie Ihre Meinung.

Übung 16. Informieren Sie sich kurz über die Jugendszene in Deutschland. Sagen Sie, welche Gruppen der Jugendlichen in Russland existieren, wie Sie sie finden.

Die meisten Jugendkulturen sind international und in allen europäischen Ländern im Großen und Ganzen ähnlich.

Die rund 15 Millionen Jugendlichen in der Bundesrepublik Deutschland teilen sich in unzählige Gruppen und Untergruppen auf. Ihre Mitglieder unterscheiden sich durch Lebensstile, Haltungen und Moden von den anderen Subkulturen, Cliques und Einzelgängern. Girlies sind, zum Beispiel, junge, selbstbewusste Mädchen, die in kurzen Röcken, groben Stiefeln in den Partys erscheinen. Ihr Motto ist «Gute Mädchen kommen in den Himmel, böse über allhin.» Sie sind modebewusst und postfeministisch. Technofans treffen sich nachts und am Wochenende in den Clubs und tanzen stundenlang, nächtelang, manchmal über Tage hinweg. Sie berauschen sich mit Energiedrinks und Pillen und entfernen sich aus der Realität. Computerhacker entfernen sich auch immer mehr von der Realität ihrer Eltern und Freunde durch das ständige Sitzen vor dem Bildschirm des Computers.

Übung 17. Lesen Sie einen Text über Taschengeldfragen. Wie stehen Sie zu diesem Problem? Ist es in Russland üblich den Jugendlichen monatlich ein festgelegtes Taschengeld zu geben?

Taschengeld

Viele Jugendliche können ganz gut damit umgehen, andere haben Probleme. Viele denken, dass sie genug bekommen, andere möchten mehr haben.

Wieviel Taschengeld bekommen die Jugendlichen in Deutschland und wofür muss es reichen? Was kaufen sie mit dem Geld? Was müssen sie selbst zahlen und was zahlen meistens die Eltern? Normalerweise bekommen Jugendliche im Alter von 11-15 Jahren zwischen 15 und 25 Euro pro Monat. Wofür brauchen sie das Geld? Meistens für Süßigkeiten, Jugendzeitschriften und CDs. Wenn sie ein Eis oder eine Schokolade kaufen oder «Bravo» lesen wollen, dann müssen sie selbst bezahlen. Schulsachen und Kleidung bezahlen fast immer die Eltern. Und wie ist es mit Handy-, Straßenbahn- und Kinokarten? Sehr unterschiedlich. Straßenbahn oder auch Bus und Kino sind kein großes Problem, aber das Handy ist bei vielen ein Streitthema. Warum? «Unsere Kinder telefonieren zu oft und zu lange», sagen viele Eltern, «also bezahlen wir nur einen Teil der Spesen.» Und wie viel ist das? «Höchstens 10 Euro im Monat, den Rest sollen sie vom Taschengeld bezahlen.» Und wie oft und wann kriegen sie Taschengeld? Meistens regelmäßig am Monatsanfang und das ist gut, denn so müssen sie ihr Geld richtig einteilen, wenn sie nicht schon vor Monatsende mit leeren Händen dastehen wollen.

Übung 18. Versetzen Sie sich in die Rolle einer deutschen Mutter, die eine 15-jährige Tochter hat, und sprechen Sie mit einer russischen Mutter des 15-jährigen Sohnes über die Taschengeldfragen. Benutzen Sie dabei den Text «Taschengeld».

Übung 19. Lesen Sie eine kurze Notiz über den Jugendfilm «Summertime Blues» und sagen Sie, welche Probleme die Scheidungskinder haben. Wie verstehen Sie das Wort «Scheidungskind»?

Scheidungskinder im Urlaub

Alex ist 15 Jahre alt. Auf einmal ist sein Leben auf den Kopf gestellt. Plötzlich trennen sich seine Eltern. Die neue Freundin seines Vaters ist schwanger. Der Freund seiner Mutter Seth hat eine Tochter. Sie heißt Faye. Alex` Mutter will mit dem Freund und seiner Tochter den Urlaub verbringen. Alex muss mit. Er möchte lieber in seiner Heimatstadt Bremen mit seinen Spaß haben.

Der 20-jährige Schauspieler, der den Alex spielt, war selbst Scheidungskind. Er versteht Alex gut, aber für ihn ist Alex zu aggressiv, sogar zu der schönen Faye.

«Ich würde ihn als tickende Bombe bezeichnen», sagt der Schauspieler, «man kann ihn gut provozieren, und dann explodiert er. Er ist da ein anderer Typ als ich.»

(Nach Elisabeth Lüdeking)

Erweiterungsübungen

zum Thema «Die Jugend von heute»

Einleitung:
Viele Jugendliche meinen, dass nur wenige Erwachsene Verständnis für Jugendliche haben. Von Freunden und Freundinnen lernt man mehr, sagen die meisten Jugendlichen. Und dennoch ist der Kampf zwischen Erwachsenen und Jugendlichen heute nicht mehr so hart wie früher. Sie sind keine Gegner mehr. Trotzdem wollen Jugendliche möglichst bald von ihren Eltern unabhängig sein.

Wie man Generationskonflikte vermeiden und das gegenseitige Verständnis fördern kann, lesen Sie in einem Beitrag aus dem großen Knigge.

Die «Jugend von heute»

Gleich zu Beginn gibt es zwei Urteile über die junge Generation:

Beurteilung 1:

«Die heutige Jugend ist von Grund auf verdorben, sie ist böse, gottlos und faul. Sie wird niemals so sein wie die Jugend vorher, und es wird ihr niemals gelingen, unsere Kultur zu erhalten.»

Beurteilung 2:

«Ich setze überhaupt keine Hoffnung mehr in die Zukunft unseres Landes, wenn einmal unsere heutige Jugend die Männer von morgen stellt. Unsere Jugend ist unerträglich, unverantwortlich und entsetzlich anzusehen.»

Die erste Beurteilung ist 3000 Jahre alt, sie wurde auf einer alten babylonischen Tontafel gefunden.

Die zweite Beurteilung stammt von dem griechischen Philosophen Aristoteles.

Die negative Charakterisierung der Jugend scheint so alt zu sein wie die Menschheit selbst. Was ist nicht alles schon über die «Jugend von heute» geschrieben worden! Ist es nicht erstaunlich, dass sich die Ansichten über die Jahrhunderte kaum geändert haben? Die Ähnlichkeit der Urteile lässt aber auch vermuten, dass lange Zeit kaum Versuche unternommen wurden, die Barrieren zwischen den Generationen aufzubrechen.

Wollen Sie mit Jugendlichen und jungen Erwachsenen kommunizieren, sollte dies auf gleicher Ebene geschehen.

Geben Sie sich einen Ruck: Mut zum Dialog..

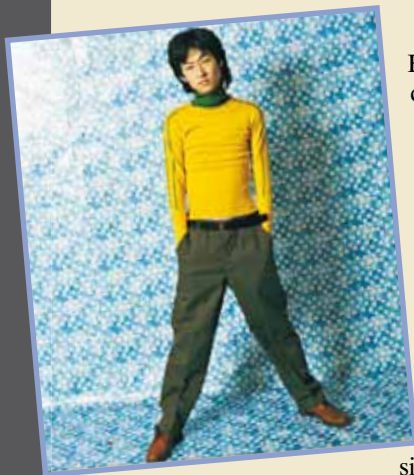
Die große Knigge-Redaktion stellt Ihnen 5 Situationen vor, in denen die jüngere Generation die ältere mit ihrem Verhalten vor den Kopf stößt.

1. Situation: Bauchfrei auf der Familienfeier

Würde das erste Bild in das zweite hineinpassen oder nicht? Begründen Sie Ihre Meinung.

2. Situation: Ohne Krawatte zur offiziellen Verabschiedung

3. Situation: Hand in der Hosentasche. Gefällt Ihnen die Haltung des Jungen?

Argumentieren Sie Ihre Meinung.

4. Situation: SMS mitten im Gespräch

5. Situation: Die Zigarette nach dem Essen

Die Jugend von heute hat häufig ihre eigenen Umgangsformen – und muss erst lernen, was wann angemessen ist. Auf der eigenen Couch darf man es sich beispielsweise gemütlich machen. Wer Gast in einem anderen Haus oder in öffentlichen Verkehrsmitteln ist, sollte sich jedoch nicht verhalten wie im häuslichen Wohnzimmer.

Betrachten Sie das Bild und sagen Sie, wieviel Generationen hier sind und wie sie miteinander auskommen.

Übung 1. Fassen Sie zusammen, was für den Umgang zwischen Erwachsenen und Jugendlichen wichtig ist.

Übung 2. «Wie sprechen Menschen mit Menschen?», fragte der Schriftsteller Kurt Tucholsky – und lieferte die Antwort gleich mit: «Aneinander vorbei.»

Wie verstehen Sie die Worte von K. Tucholsky?

Übung 3. Nehmen Sie Stellung noch zu einer anderen Aussage von K. Tucholsky «Alte haben gewöhnlich vergessen, dass sie jung gewesen sind, oder sie vergessen, dass sie alt sind, und Junge begreifen nie, dass sie alt werden können.» Wie verstehen Sie diese Worte. Warum sind sie wichtig?

Übung 4. Lesen Sie einige Texte, in denen die Probleme der Jugendlichen angesprochen werden. Formulieren Sie das Problem, geben Sie Vorschläge, wie es zu lösen ist.

Pubertät– der Schrecken aller Eltern

Familien mit jugendlichen Kindern– das sind heftige Auseinandersetzungen, endlose Diskussionen, Zorn– und Tränenausbrüche, knallende Türen, Tage des eisigen Schweigens, so die landläufige Sicht: das reinste Horrorszenerio. Eltern, besonders Mütter klagen über ihr Leid: die Verbindung zu den Kindern droht abzubrechen, auf gutgemeinten Rat wird gepfiffen. Jugendliche machen, was sie wollen, ohne Rücksicht auf Verluste. Die «Alten» leben hinter dem Mond, verstehen gar nichts, wissen alles besser und meckern ständig nur rum. Ein

genussvolles Leben im Hier und Jetzt lässt sie keinen Gedanken an morgen verschwenden, warum sich für Schule oder Beruf abrackern? Bei den Perspektiven kann man sich die Mühe doch gleich sparen. Die Eltern fühlen sich hilflos, überfordert, sorgen sich um die Zukunft ihrer Kinder. Die Angst vor der Jugendzeit hat sich tief ins Bewusstsein der Elterngeneration eingegraben. Naht die Pubertät der Kinder, die gemeinhin als Auslöser dieser unglückseligen Entwicklung gilt, rechnen die Eltern mit dem Schlimmsten.

«Internet-Sucht»– eine allgemeine Gefahr?

1995 wurde von dem New Yorker Psychiater Ivan Goldberg scherzhaft «Internet-sucht» als Scheindiagnose erfunden, wobei Goldberg heute einer der Kritiker des Konzepts der Internetsucht ist. Unerwartet für ihn haben international zahlreiche Psychologen das Thema aufgegriffen. Wird heute der Begriff «Sucht» benutzt, dann geht man von einer Abhängigkeit aus. Bei der «Internetsucht» handelt es sich jedoch nicht um eine substanzbezogene Abhängigkeit, wie bei Alkohol– oder Drogensucht.

Daher weigern sich bis heute Krankenkassen und staatliche Organisationen in Deutschland, Internetabhängige als pathologisch Kranke anzuerkennen. Dagegen gibt es zahlreiche Protestinitiativen, die sich für die Anerkennung der Internetabhängigkeit als Krankheit einsetzen.

Aus psychologischer Sicht orientiert sich eine angemessene Definition der Internetsucht heute an der anerkannten Glücksspielsucht.

In Deutschland werden zur Zeit intensive Forschungen zum Problem der Internetabhängigkeit an der Humboldt-Universität in Berlin durchgeführt.

Die Berliner Ergebnisse bestätigen die Hypothese, dass Internetsucht vornehmlich als Jugendproblematik zu verstehen ist. So fällt die Rate der Internetabhängigen stetig von 10,3 % in der Gruppe der unter 15-jährigen, auf 2,2 % in der Gruppe der 21– bis 29-jährigen. Gleichzeitig deuten sich Geschlechtsunterschiede innerhalb der Altersgruppen an. Bis zum Alter von 18 Jahren sind Jungen im Durchschnitt erheblich häufiger als Mädchen unter den Internetabhängigen auszumachen.

Aus dem Tagebuch eines 14jährigen Jugendlichen (alle Personen– und Orts-Namen sind frei erfunden)

Vorbemerkung

Diese echten, im Altpapier gefundenen Tagebuchauszüge werden hier (anonymisiert) wiedergegeben, um auf Probleme von Jugendlichen aufmerksam zu machen, die immer wieder neu bei jedem jungen Menschen in ähnlicher Weise auftreten, und mit denen sie immer wieder meist ganz allein fertig werden müssen. Für die meisten ist es schwer bis unmöglich, mit Eltern, Freunden oder anderen Personen darüber zu sprechen. Das Lesen dieser Aufzeichnungen aber kann bei Betroffenen, Freunden und Eltern dazu beitragen, die Schwierigkeiten besser zu verstehen und zu bewältigen.

22.11.98 Heute war ich mit Müllers in Steinbach im Schwimmbad. Bis 15.00 Uhr haben wir Eishockey gespielt und wir sind gerutscht. Dann gingen wir zur Rutsche. Dort haben wir die Leute gefragt, ob wir vorbeigehen dürfen. Dann habe ich 3 coole Girls gefragt und natürlich haben sie mich vorbeigelassen. Eine davon gefiel mir. Sie hat mich ganz liebevoll angesehen. Ich habe sie auch angesehen. Beim nächsten Mal war ich weiter unten und sie oben. Sie hat mich die ganze Zeit angeschaut, usw. Als wir beim Ausgang auf Herrn Müller gewartet

haben, kam sie. Sie stand ungefähr 1,5 Meter von mir weg und sie hat nochmal so schön geschaut und hat mich verlassen!!! Ich war sehr traurig, weil ich wusste, dass ich sie nie mehr sehen werde. Sie hat mit einem schwäbischen Dialekt gesprochen.

I love her!!!

Adjö

6.4.99

Hallo, Tagebuch!

Es ist 23.17 Uhr und ich kann einfach nicht einschlafen! Da hab ich nachgedacht, und dann ist mir mein Tagebuch eingefallen. Ich hab' nachgedacht, ob ich in die Eli bin! Dann bin ich zu dem Entschluss gekommen, dass ich nicht in sie bin. Wir sind einfach Freunde!!! «sehr gute Kumpels». Ich bin aber auch nicht in die Gerti!!!

Auch Freunde! Aber nicht so wie bei da Eli! Ich weiß aber auch nicht recht, ob ich in die Nanni bin (welche Nanni, weiß ich nicht mehr!) Denk aber auch nur Freunde! Hab heut' Eli angerufen, war aber nicht da. Hab mich end blamiert beim Ecki Keller. Gerade denk ich an die eine in Steinbacher Schwimmbad. Aber ich weiß gar nicht mehr so, wie sie aussieht!

MfG

7.4.99

Heute war ich mit Müllers beim Bad Minton spielen!

Eigentlich wollten wir am Nachmittag ein Picknick machen, aber das Wetter halt!!! Jetzt ist es verschoben auf Morgen. Weiß aber nicht wie das Wetter wird. Überlege gerade, welches Handy ich mir jetzt zulege. Vielleicht das Sony vom Edi (Hertl). Gerade ist so 'ne Werbung gekommen: Siemens (s10) für 299 DM. Aber ich denk Sony.

Mir ist heute klargeworden, dass ich nicht in die Eli bin!

... Jetzt zum Thema Niki:

Fangen wir ganz von vorne an:

Thema Skilager:

Ich find die Niki so richtig geil erst seit dem Skilager. An dem Tag von der Disco hab ich mich in sie verknallt. Da war ich eigentlich die ganze Zeit mit ihr zusammen.

16.5.00

Heute hat meine Niki Geburtstag. Wie gestern schon gesagt, hab ich ihr nix geschenkt. Ich hab ihr nicht mal richtig gratuliert. Heute in der 1. Pause wollte sie an mich lehnen. Natürlich hab ich sie anlehnen lassen. Erst hab ich mich hinter sie gestellt und sie hat sich an meine Beine gelehnt. Dann hab ich mich hingesetzt und sie hat sich an meinen Rücken gelehnt. Und das war das wesentliche für heute mit Niki eigentlich. Sie ist so geil. Ich liebe sie! Und beim Abschied hab ich sie umarmt. Sie ist voll süß. I love Niki.

Dieter Heller

17.5.00

Heute war nix mit mir und Niki. Nix Besonderes. Ich und Eli haben heut' die hübschesten Girls bzw. Boys der Klasse gewählt. Hübschester Junge bin ich, hat die Eli gesagt. Das gibt Selbstvertrauen. Und ich hab gesagt, dass die Eli zwar nicht die Hübscheste (Greta, Walli) ist, aber die 3. Hübscheste. Sie hat mich gefragt, ob ich die Niki hübsch finde; dann hab ich gesagt, dass ich die Niki nicht hässlich finde, aber sie ist auch nicht die Hübscheste. Sie auch nicht die Hübscheste. Die Greta und die Walli sind viel geiler. Es ist toll, so eine gute Freundin wie die Eli zu haben. Sie ist voll netter. Hoffentlich bleiben wir für immer so gute Freunde wie zur Zeit. Aber wechseln wir mal zum Thema Niki:

3.5.00

Ich weiß nicht, wen ich will. Niki oder Lili. Ich weiß es einfach nicht. Die Lili ist voll hübsch und voll geil. Die Niki ist zwar nicht voll hübsch, aber sie ist nicht hässlich. Und sie ist auch voll nett. Niki oder Lili? Ich weiß es einfach nicht. Beide sind voll geil. Aber das Problem bei der Lili ist, dass ich sie kaum kenn und dass ich sie nach der Firmung nicht mehr oft sehen werde. Aber wenn ich mit ihr zusammen komme, dann seh ich sie öfter. Und vielleicht kommt die wieder zur Flussbrücke. Ich weiß es einfach nicht, aber ich bin, glaub ich, in beide. Sie ham beide

was Geiles. Die Lili sieht echt geil aus und die Niki sieht auch nicht schlecht aus und sie ist end nett. Wenn das mit der Lili am Donnerstag nix wird, dann versuch ich mir, die Niki zunehmen. Das mit der Lili wird sowieso nix. Das weiß ich bestimmt schon sicher. Ich weiß es einfach nicht.

Übung 5. Haben Sie auch ein Tagebuch? Was tragen Sie hinein?

Übung 6. Fassen Sie zusammen, wie die Jugendlichen mit ihren Problemen fertig werden können. Geben Sie ihnen einige Tipps.

Übung 7. Die Zeitschrift «Juma» hat mit den Jugendlichen der siebziger Jahre gesprochen und einige Konsequenzen über ihre Probleme gezogen. Was sagen Sie dazu? Hat sich viel in zwischen verändert?

Freundschaft, Freunde – das waren die wichtigsten Dinge für die jungen Leute. Wenn die Jugendlichen Probleme hatten, konnten sie bei den Freunden Hilfe und Verständnis finden. Zu den Eltern war der Kontakt nicht so gut. Viele beklagen sich über zu strenge Eltern, die nur ihre Meinung für richtig hielten und nicht bereit waren, mit den Jugendlichen zu diskutieren. Es gab viele Tabu-Themen, vor allem Liebe und Sexualität. Einige erinnern sich sogar daran, dass man früher Bücher über Sex nicht lesen durfte. Auch in der Schule vermied man das Gespräch darüber. Die Eltern sprachen nicht darüber, wie man eine Schwangerschaft verhüten könnte. Sie verboten ihren Kindern sogar, die Freundin oder den Freund mit nach Hause zu bringen, weil sie Angst hatten, die Töchter könnten ein Kind bekommen, die Söhne könnten ein Kind zeugen.

(Blick, Band 1, S.29)

Übung 8. Interviewen Sie einander und fassen Sie zusammen, welches Lebensgefühl, Konsum- und Medienverhalten, Kontakte und Einstellung zur Politik Ihre Freunde haben.

1. Warum sind Sie auf der Welt?	a. Ich möchte das Leben genießen. b. Ich suche Geborgenheit in meiner eigenen Familie. c. Ich möchte allen zeigen, dass ich was kann. d. Ich möchte mit meinen Freunden zusammen sein.
2. Wie sind Sie erzogen worden?	a. liebevoll b. autoritär c. liberal d. streng
3. Was oder wer hat Sie im Denken am meisten beeinflusst?	a. Eltern b. Freunde c. Lehrer d. Fernsehen
4. Sie haben von Ihrer Oma 1000 Euro als Erbschaft bekommen. Was würden Sie damit tun.	a. Ich bringe das Geld zur Bank. b. Ich mache eine große Reise. c. Ich kaufe Klamotten. d. Ich bezahle einen Schauspielkurs.
5. Bei welchen Produkten ist Ihnen die Marke wichtig?	a. Schuhe, Kleidung, Jeans b. Kosmetikartikel c. Essen, Getränke d. Uhren

6. Was lesen Sie am liebsten?	a. Zeitschriften b. Sachbücher c. Zeitungen d. Triller, Abenteuerromane
7. Wovor haben Sie am meisten Angst?	a. Umweltkatastrophen b. Einsamkeit c. Arbeitslosigkeit d. Gewalt
8. Wie stark interessieren Sie sich für Politik?	a. Sehr stark. b. Stark. c. Mittel. d. Schwach.
9. Wer ist Ihr größtes Rock- oder Popidol im Ausland?	a. The Beatles. b. Scorpions c. Metallica. d. The Rolling Stones.
10. Wer ist Ihr größtes Rock- oder Popidol in Russland?	a. Mark Tischmann b. Filipp Kirkorov c. Tschai w dwojem d. Maxim
11. Wie viele Stunden pro Tag sitzen Sie vor dem Computer?	a. Unter einer Stunde. b. 1-2 Stunden. c. 2-4 Stunden. d. 4-6 Stunden.
12. Welche der politischen Parteien ist Ihnen am sympatischsten?	a. Kommunistische Partei. b. LDPR von Shirinowsky. c. »Jedinaja Rossija« d. »Jabloko«

Übung 9. Man hat den deutschen Comic-Zeichner Mathias Neuman interviewt, was er mit 16 war, dachte und wollte. Die Jugendzeitschrift »Juma« hat seine Antworten veröffentlicht. Lesen Sie seine Antworten, geben Sie Ihre eigenen und vergleichen Sie die beiden Meinungen.

Mit 16

war ich ...
ein langhaariger Rocker. Da hat sich bis heute nicht viel verändert.

hörte ich ...
AC/DC, Pink Floyd, Straßenzungs und Kraftwerk. Meine Lieblingsplatten waren »The Wall« von Pink Floyd und »Computerwelt« von Kraftwerk.

las ich ...
Hauptsächlich Science Fiction und Horror. Bücher wie »Roboterträume« von Isaac Asimov und »Das letzte Gefecht« von Stephen King.

ging ich ...
auf eine Berufsförderungsschule, von der regulären Schule wurde ich geschmissen, weil ich ein echt böser Junge war und immer schwänzte.

wollte ich...
Comiczeichner und Regisseur werden. Die eine Hälfte hat ja geklappt und mein erster Kinofilm kommt bestimmt auch bald.

musste ich...
eigentlich fast nichts. Na ja zur Berufsförderung gehen und in der Clique rauchen. Großer Fehler! Zum Glück habe ich es mir wieder abgewöhnt.

hatte ich...
Hobbys wie: Musik hören, Videospiele, Keyboard spielen lernen (kann ich bis heute nicht) und Mädchenporträts malen.

träumte ich...
davon mal reich und berühmt zu werden. Mein Vorbild war Steven Spielberg. Ich wollte unbedingt solche Filme wie er machen.

dachte ich ...
dass du alles haben kannst, wenn du es nur wirklich willst.
wusste ich ...
dass Mädchen mehr Spaß machen können als Computerspiele. ... Und wenn mal keiner meiner Freunde da war, konnte man ihnen auch stundenlang tief in die Augen sehen...
(JUMA 3/ 2002, S. 35)

Übung 10. Analysieren Sie, ob vieles sich verändert hat, ob alle Träume in Erfüllung gegangen sind (bei Mathias und Ihnen).

Übung 11. Diskutieren Sie zum Thema »Was ist für uns Liebe«. Benutzen Sie dabei Aussagen aus den Blasen und finden Sie auch Ihre eigenen.

- Mein Freund sieht toll aus, aber trotzdem ...
- Liebe heißt Kompromisse schließen. Man soll nicht nur auf seiner eigenen Meinung bestehen, sondern die Meinung des Freundes akzeptieren.
- Ich finde Liebe blöd! Ich bin selbständig und habe keine Lust, mich an jemanden anzupassen.
- Schönheit ist nicht das Wichtigste. Der Junge oder das Mädchen kann schön sein, aber einen schlechten Charakter haben.
- Liebe bedeutet, dass man auch gleiche Interessen hat, denn...
- Ich finde, dass Liebe nicht nur Sex ist, sondern auch Zärtlichkeit und Toleranz.
- Manchmal ist es nicht Liebe, sondern Verliebtheit. Das ist ein großer Unterschied, denn ...
- Für viele ist Liebe mit Mode verbunden. Ein bestimmter Typ ist »in«, in den ist man dann verliebt. Aber ich meine...
- Warum verliebt man sich eigentlich? Ich glaube, das Aussehen spielt dabei die wichtigste Rolle, zumindest am Anfang, und dann ...

Übung 12. Kreuze an, was für dich typisch ist.

- Meine Lieblingsbeschäftigung ist
 - Gymnastik.
 - Surfen.
 - Musik hören.
- Ich bin mit meinem Aussehen immer völlig zufrieden.
 - immer völlig zufrieden.
 - meistens nicht ganz zufrieden.
 - überhaupt nicht zufrieden.
- Ich spreche über persönliche Dinge
 - mit meiner Mutter.
 - mit meinem Vater.
 - mit meinen Freunden/Freundinnen.
- Ich finde es wichtig, dass Mädchen/Jungen
 - gut aussehen.
 - Geld haben.

Lesetexte

Der Anfang vom Ende

(Auszug)

Ich bin Lehrling im dritten Lehrjahr. Vorgestern bin ich noch zu Fuß zu meiner Arbeitsstelle gegangen. Aber seit gestern habe ich die Maschine. Ich habe sie von Bernd gekauft, der sich eine neue Zweihundertfünziger zugelegt hat. Meine Maschine hat nur fünfundsiebzig Kubik; aber sie fährt hundert und ist bestimmt nicht die schlechteste Maschine in unserer Gruppe.

Zicks Mühle macht nur knapp neunzig, die von Kalli vielleicht hundert, wenn es bergab geht.

Die anderen drei, Ede, Bud und Freddi können sich schwere Maschinen leisten. Wir hatten uns gestern abend wie immer am Kiosk getroffen.

Und dann habe ich das erste Mal richtig dazugehört, bin ich nicht nur als Beifahrer gewesen, da habe ich mich auf meine eigene Maschine geworfen und den anderen hinterhergefegt. Ede fuhr wie immer voraus. Es machte Spaß, über die Bürgersteige zu fahren, die erschreckten Gesichter der Passanten zu sehen, die nicht einmal wagten, uns zu drohen...

Ich muss lernen mit der Maschine fertig zu werden, damit sie mich in der Gruppe nicht fertigmachen. Memmen wollen sie nicht. Den Koks haben sie auch rausgeworfen, weil er immer Angst hatte, sich mal richtig in die Kurve zu legen, mal richtig aufzudrehen, mal richtig zuzuschlagen, wenn sonst nichts los war.

Deshalb trainiere ich hier. Ich habe mir sogar einen Sprunghügel aus Sand gebaut, um zu lernen, wie man Bordsteinkanten überspringen kann.

Jetzt Überlege ich, wie ich meinem Alten beibringen kann, dass ich die Maschine gekauft habe.

Gestern abend habe ich sie vor der Haustür abgestellt. Aber er hat sie überhaupt nicht gesehen.

Auch mich bemerkt er nie.

Manchmal glaube ich, er kennt mich nicht einmal mehr. So wie er meine Mutter kaum noch kennt.

Und überhaupt kotzt mich zu Hause sowieso alles an.

Was soll ich dort überhaupt noch?

Und was ich aus mir überhaupt machen werde? Ich werde mit Ede ein bisschen Schwung in unseren Haufen bringen; ich werde sicher auf meiner Maschine sein, ich werde lernen, immer ein bisschen früher zuzuschlagen als der andere.

Früher, als ich noch in der Schule war, hat mein Vater ja auch gesagt, ich solle mich wehren.

Als sie mich dort ausgelacht hatten, weil sie meinen Namen nicht aussprechen konnten...

Aber damals konnte ich mich noch nicht wehren. Damals hatte ich noch keine Freunde.

Jetzt habe ich Freunde, auf die ich mich verlassen kann. Jeder kann sich auf den anderen verlassen. Das ist unser Gesetz. Wir gehören zusammen. Alles gehört uns allen, nur die Maschinen nicht. Aber sonst alles: Geld, Mädchen, alles eben. Und die anderen wissen das. Die kennen uns. Die wissen ganz genau, dass sie keinen von uns anfassen dürfen, sonst bekommen sie es mit uns allen zu tun.

Zu meinen Eltern gehöre ich nicht mehr.

Bei denen wohne ich nur. Für die bin ich Luft.

(W. Gabel, aus Blick, Band 1, S.39)

Aufgaben zum Text

1. Lesen Sie den Text und stellen Sie 10 Fragen zu seinem Inhalt.
2. Formulieren Sie den Grundgedanken des Textes.
3. Betiteln Sie den Text.
4. Lesen Sie kurze Information über den Autor des Jugendbuchs:

Wolfgang Gabel wurde 1942 geboren. Er schrieb viele erfolgreiche Bücher und erhielt zahlreiche Auszeichnungen. Sein

- c. dieselbe Kleidermarke mögen.
5. Ich finde es nicht gut, dass
 - a. Mädchen zu schüchtern sind.
 - b. keine eigene Meinung haben.
 - c. zu viel schwatzen.
6. Für mich bedeutet Liebe:
 - a. viel gemeinsam unternehmen.
 - b. alles für den anderen tun.
 - c. lange zusammen sein.
7. Ich glaube, dass
 - a. Liebe etwas Schönes ist.
 - b. Liebe dasselbe wie Verliebtsein ist.
 - c. Liebe nie lange hält.
8. Ich werde mich nur in den Jungen/in das Mädchen verlieben,
 - a. der/das nur billige Kleidung trägt.
 - b. der/das nur Markenkleidung trägt.
 - c. der/das auf die Kleidung überhaupt nicht achtet.

Übung 13. Erzähle über dich und deine Prioritäten anhand der 12. Übung.

Übung 14. Lesen Sie eine kurze Information über die Jugendsprache und behalten Sie einige Wörter, die zum Jugendslang gehören.

Die Jugendlichen grenzen sich in ihrer Sprechweise bewusst von der Alltagssprache der Erwachsenen ab. Das ist ihr Protest gegen die gesellschaftlichen Normen, gegen die Erwachsenen, Eltern, Lehrer. Sie wollen etwas Neues, Eigenes, ganz Persönliches und Interessantes schaffen. Sie spielen mit der Sprache aus Lust zum Absurden, Komischen. Während der Pubertät können die Jugendlichen viele Konflikte mit den Erwachsenen nicht lösen, darum drängen sich ihre Affekte und Emotionen in die Sprache.

Die Jugendsprache kann als «Emotionsabfuhr», «Dampfauslassen» verstanden werden. Sie ist ökonomischer und bequemer als die Standardsprache. Es gibt viele Wörterbücher der Jugendsprache, zum Beispiel: Hermann Ehmman. Oberaffen-geil. Neues Lexikon der Jugendsprache.

Ein kleines Jugendlexikon

Achselmoped – Deoroller

Bajazzo, Gecko, Hecht, Sympathiko, Lucky, Pickelhering (Spaßvogel) – Mann (positiv)

Bildschirmbräune – blasser Teint (vor langem Computersitzen)

Datenzäpfchen – USB-Stick

die Birne heißlaufen lassen, die Rübe gebrauchen, den Kürbis qualmen lassen, den Denkmotor anlassen – denken

Dinos, Geldgeber, Ordnungskomitee, Sponsoren, Parlament, Hausdrachen, Erzeugerfraktion – Eltern

Gipskopf, Skeletti, Nullchecker (dumm), Kragen (Spieß), Kritikalo (Besserw isser), Süffel (Trinker), Pappnase (Witzfigur) – Mann (negativ)

Halstapete – Krawatte

Faltenparty – Familienfeier

Glockendisko – Kirche

Ich-Einheit – Egoist

Kopfgärtner – Friseur

Münzenmallorka – Solarium

Obama – innovativ, neu

Tomate, Kürbis, Melone, Pfirsich, Rübe, Wirsing, Knödel, Deckel, Kugel, Kegel, Fressleiste – Kopf

Tussitoster – Solarium

Trine, Motte, Zicke, Schraube, Ische, Bürste, Kaktus, saure Gurke – Frau (negativ)

Verdummungslaterne – Fernseher

Zierfisch, Perle, Nixe, Sahnetorte, Locke, Tulpe, Blume, Praline – Frau (positiv)

Zweitwohnung – Damenhandtasche

Jugendbuch »Der Anfang vom Ende« handelt von dem 18-jährigen Pit, von seinen Problemen mit den Eltern und überhaupt mit den Erwachsenen. Er schließt sich einer Clique an.

Die Tochter

Abends warteten sie auf Monika. Sie arbeitete in der Stadt, die Bahnverbindungen sind schlecht. Sie, er und seine Frau, saßen am Tisch und warteten auf Monika. Seit sie in der Stadt arbeitete, aßen sie erst um halb acht. Früher haben sie eine Stunde eher gegessen. Jetzt warten sie täglich eine Stunde am gedeckten Tisch, an ihren Plätzen, der Vater oben, die Mutter nahe der Küchentür, sie warteten vor dem leeren Platz Monikas. Einige Zeit später dann auch vor dem dampfenden Kaffee, vor der Butter, dem Brot, der Marmelade.

Sie war größer gewachsen als sie, sie war auch blonder und hatte die Haut, die feine Haut der Tante Maria.

«Sie war immer ein liebes Kind», sagte die Mutter während sie warteten.

In ihrem Zimmer hatte sie einen Plattenspieler, und sie brachte oft Platten mit aus der Stadt, und sie wusste, wer darauf sang. Sie hatte auch einen Spiegel und verschiedene Fläschchen und Döschen, einen Hocker aus marokkanischem Leder, eine Schachtel Zigaretten.

Der Vater holte sich seine Lohntüte auch von einem Bürofräulein. Er sah dann die vielen Stempel auf einem Gestell, bestaunte das sanfte Geräusch der Rechenmaschine, die blondierten Haare des Fräuleins. Sie sagte freundlich »Bitte schön«, wenn er sich bedankte.

Über Mittag blieb Monika in der Stadt, sie aß eine Kleinigkeit, wie sie sagte in einem Tearoom. Sie war dann ein Fräulein, das in Tearooms lächelnd Zigaretten raucht. Oft fragten sie sie, was sie alles getan habe in der Stadt, im Büro. Sie wusste aber nichts zu sagen.

Dann versuchten sie wenigstens, sich genau vorzustellen, wie sie beiläufig in der Bahn ein rotes Etui mit dem Abonnement aufschlägt und vorweist, wie sie den Bahnsteig entlanggeht, wie sie sich auf dem Weg ins Büro angeregt mit Freundinnen unterhält, wie sie den Gruß eines Herren lächelnd erwidert.

Und dann stellen sie sich mehrmals vor in dieser Stunde, wie sie heimkommt, die Tasche und ein Modejournal unter dem Arm, ihr Parfüm; stellen sich vor, wie sie sich an ihren Platz setzt, wie sie dann zusammen essen würden.

Bald wird sie sich in der Stadt ein Zimmer nehmen, das wussten sie, und dass sie dann wieder um halb sieben essen würden, dass der Vater nach der Arbeit wieder eine Zeitung lesen würde, dass es dann kein Zimmer mehr mit Plattenspieler gäbe, keine Stunde des Wartens mehr. Auf dem Schrank stand eine Vase aus blauem schwedischem Glas, eine Vase aus der Stadt, ein Geschenkvorschlagn aus dem Mode-Journal.

«Sie ist wie deine Schwester», sagte die Frau, «sie hat das

alles von deiner Schwester. Erinnerst du dich, wie schön deine Schwester singen konnte?»

«Andere Mädchen rauchen auch», sagte die Mutter.

«Ja», sagte er, »das habe ich auch gesagt.»

«Ihre Freundin hat kürzlich geheiratet», sagte die Mutter.

Sie wird auch heiraten, dachte er, sie wird in der Stadt wohnen.

Kürzlich hatte er Monika gebeten: «Sag mal etwas auf französisch!» «Ja», hatte die Mutter wiederholt, «sag mal etwas auf französisch.» Sie wusste aber nichts zu sagen.

Stenografieren kann sie auch, dachte er jetzt.

«Für uns wäre das zu schwer», sagten sie oft zueinander.

Dann stellte die Mutter den Kaffee auf den Tisch.

«Ich habe den Zug gehört.»

(P.Bichsel)

Aufgaben zum Text

1. Lesen Sie die Kurzgeschichte »Die Tochter« und geben Sie ihren Inhalt wieder.

2. Können Sie sagen, wann die Handlung spielt. Finden Sie die Belegstellen im Text.

3. Sind die Probleme der Jugendlichen inzwischen anders geworden oder dieselben geblieben.

4. Vergleichen Sie die beiden Texte. Der erste ist aus der Perspektive des Jungen, der zweite aus der Perspektive der Eltern geschrieben. Wodurch unterscheiden sie sich.

5. Finden Sie selbst Information über Peter Bichsel, erzählen Sie über ihn in der Gruppe.

Использованная литература

1. Bichsel, P. Die Tochter //Swetlana Polujkowa. Genrespezifische Interpretation der deutschen literarischen Texte. Teil 1. Epik. Omsk:Verl. Der OmGPU, 2007. – S. 60–61.

2. Blick, Band 1. Ismaning: Max Hueber Verl., 1995. 125 S.

3. Jugend 1974 – wie war es früher? //Blick, Band 1. Ismaning: Max Hueber Verl., 1995.– S. 29.

4. JUMA 3/ 2002, S. 35

5. Literatur zum Anfassen. Vorschläge zu einem produktiven Umgang mit Literatur von Christoph Werr. München: Max Hueber Verl., 1987. 120 S.

6. Lüdeking, E. Scheidungskinder im Urlaub // Presse und Sprache, Oktober 2009, S. 10.

Интернет-источники

1. http://www.familienhandbuch.de/cmain/f_Aktuelles/a_Haeufige_Probleme/s694/s_521.html

2. www.humanistische-aktion.de/jupro.hrm

Наталья ЛУКИНА

Учитель немецкого языка МОУ «Надеждинская средняя общеобразовательная школа» Омского района Омской области.

VALENTINSTAG

Übungstyp: Ein scherzhafter Wettbewerb

Ziel: Wortschatz zum Thema «Valentinstag» erweitern, landeskundliche Vorstellungen über das Fest erweitern

Sozialform: GA

Zielgruppe: A1 A2, Jugendliche ab 15 Jahren

Zeitbedarf: 45 Minuten

Vorbereitung: Materialien zu Aufgaben

Moderator 1

Guten Tag, liebe Freunde! Herzlich begrüße ich alle, die heute in diese Klasse gekommen sind. Ich möchte ihnen einen scherzhaften Wettbewerb vorschlagen, der zum Valentinstag passt.

In den europäischen Ländern, auch in Deutschland ist der Valentinstag ein Fest für Verliebte und gute Freunde. Jetzt wird er auch in Russland gefeiert. Das Herz ist das Symbol des Tages. Man schickt sich offen oder anonym Liebesbotschaften, scherzhafte Briefe und Blumen. Ein kleines Geschenk zeigt, dass man an die anderen gedacht hat. Etwas Persönliches sollte es sein, z. B. ein Foto oder ein Herz aus Blumen.

Der Valentinstag ist seit dem Mittelalter bekannt. Der heilige Valentin starb um das Jahr 269 in Rom als Märtyrer. Valentin starb als Patron der Verliebten. In Frankreich hat sich der 14. Februar als Tag der Brautleute entwickelt.

In Deutschland glaubten die Mädchen, die würden den Mann heiraten, den sie am Valentinstag vor dem Hause erblickten. Deshalb gehen oft viele Jungen am frühen Morgen zum Haus ihrer Verliebten.

Valentinstag

Moderator 2

Aufgabe 1

Welche Assoziationen haben Sie zum Wort „Liebe“?

? _____ ?

? _____ Liebe _____ ?

? _____ ?

Moderator 2

Aufgabe 2

Ordnen Sie Wörter zu

1. lieben	1. обождать кого-либо, поклоняться
2. ein Mädchen zur Ehe begehren	2. быть влюбленным
3. verliebt sein	3. нежно и горячо любить
4. anbeten	4. тосковать по кому-либо
5. schmachten	5. любить кого-либо
6. schwärmen für	6. просить руки
7. eine Schwäche haben	7. мечтать о ком-либо
8. j-n lieb und teuer halten	8. питать к кому-либо слабость
9. zum Fressen gern haben	9. быть без ума от кого-либо

Moderator 1

Aufgabe 3

Stellen sie Personalpronomen in richtiger Form ein

Liebe Susi,
du gefällst ----1. Gefalle ich----2?
Oder gefällt ----3 Peter? Vorsicht, vertraue ----4 nicht. Denn er liebt----5 nicht. Er geht mit Eva. Er gehört ----6, nicht ----7. Du kannst ----8 ruhig glauben. Denn ich will nur das Beste für ----9. Du und ----10, ----11 sind das ideale Paar. Also: liebst ----12 mich? Antworte ----13 bald! Ich warte auf ----14.

In Liebe dein Nicolas

Mir, dir, ihr, ihm, mich, dich, du, ich, wir.

Moderator 2

Aufgabe 4

„Ja“ „Nein“ Stühle

- Ist der Valentinstag kein Fest für Verliebte und gute Freunde?
- Ist der Stern das Symbol des Tages.
- Schickt man an diesem Tag anonym gute Noten.
- Erblicken die Mädchen am Valentinstag den Schuldirektor
- Liebt man am Valentinstag die ganze Welt?
- Feiert man den Valentinstag nur in Deutschland?
- Schickt man sich anonym scherzhafte Briefe und Blumen
- Feiert man den Valentinstag am 14. März?
- Wird jetzt der Valentinstag in Russland gefeiert?
- Ist der Valentinstag ein Fest für Verliebte und gute Freunde?

Moderator 1

Aufgabe 5

Schreiben Sie bitte ein Gedicht! Lesen Sie es bitte vor!

Ich, du, bist, dich, mich, du, bist, liebst, ich, du, mein, du, bist, mein, liebe, meine, liebe, dich, mein, bist, du, Regen, Sonne, Frühling, Sommer

Moderator 2

Aufgabe 6

Finden Sie Äquivalente zu den deutschen Sprichwörtern.

1. Aus den Augen , aus dem Sinn.
2. Alte Liebe rostet nicht.
3. Was sich liebt, das neckt sich.

1. Милые бранятся – только тешатся.
2. Где любовь да совет, там горя нет.
3. Старая любовь не ржавеет.
4. Шила в мешке да любовь в сердце не утаишь.
5. Что в сердце варится, на лице не утаится.
6. С глаз долой – из сердца вон.

Moderator 1

Aufgabe 7

Spielen Sie ein Pantomime zu folgenden Situationen. Wie reagieren Sie, wenn Sie verliebt sind?

1. Ich bekomme Bauchschmerzen.
2. Ich bekomme Herzklopfen.
3. Ich bekomme Kopfschmerzen.
4. Ich bekomme Schluckauf.

Moderator 2

Aufgabe 8

Welche Blumen bekommen die Mädchen am Valentinstag?

1. EUTPL
2. LEENK
3. SERO
4. WIKCE

Lösungen

Aufgabe 2

1-5	5-4
2-6	6-7
3-2	7-8
4-1	8-3
9-9	

Max. 9 Punkte

Aufgabe 3

Liebe Susi, du gefällst mir. Gefalle ich dir? Oder gefällt dir Peter? Vorsicht, vertraue ihm nicht. Denn er liebt dich nicht. Er geht mit Eva. Er gehört ihr, nicht dir. Du kannst mir ruhig glauben. Denn ich will nur das Beste für dich. Du und ich, wir sind das ideale Paar. Also: liebst du mich? Antworte mir bald! Ich warte auf dich.

In Liebe dein Nicolas
Max. 14 Punkte

Aufgabe 4

1. Ist der Valentinstag kein Fest für Verliebte und gute Freunde?	Nein
2. Ist das Herz das Symbol des Tages?	Ja
3. Schickt man an diesem Tag anonym gute Noten?	Nein
4. Erblicken die Mädchen am Valentinstag den Schuldirektor?	Nein
5. Liebt man am Valentinstag die ganze Welt?	Ja

6. Feiert man den Valentinstag nur in Deutschland?	Nein
7. Schickt man sich anonym scherzhafte Briefe und Blumen?	Ja
8. Feiert man den Valentinstag am 14. März?	Nein
9. Wird jetzt der Valentinstag in Russland gefeiert?	Ja
10. Ist der Valentinstag ein Fest für Verliebte und gute Freunde?	Ja

Max. 10 Punkte

Aufgabe 5

Max. 6 Punkte
Ich liebe dich.
Du bist mein Frühling.
Du bist mein Sommer.
Du bist mein Regen.
Du bist meine Sonne.
Ich liebe dich!
Liebst du mich?

Aufgabe 6

1. Aus den Augen , aus dem Sinn.
 2. Alte Liebe rostet nicht.
 3. Was sich liebt, das neckt sich.
1. С глаз долой - из сердца вон.
 2. Старая любовь не ржавеет.
 3. Милые бранятся - только тешатся
- Max. 3 Punkte

Aufgabe 7

Max. 4 Punkte

Aufgabe 8

1. Tulpe
 2. Nelke
 3. Rose
 4. Wicke
- Max. 4 Punkte

Spielregel

Zwei Mannschaften A und B (z. B. zu je sechs Spielern) spielen gegeneinander. Jeder Spieler der Mannschaft A und B bekommt eine Nummer zugeteilt, die er sich merken muss. Im Raum vorne stehen zwei Stühle. Hinter dem Ja – Stuhl steht der Schiedsrichter.

A					
1	2	3	4	5	6
B					
6	5	4	3	2	1

Der Spielerleiter ruft eine Nummer (z. B vier) und stellt eine Frage. Die beiden Spieler, die die Nummer 4 haben , müssen möglichst schnell zu dem entsprechenden Stuhl rennen . Wer zuerst dort sitzt, hat für seine Mannschaft einen Punkt gewonnen. Gewonnen hat eine Mannschaft, die die meisten Punkte hat.

Quellennachweis:

Christa Dauviller und Dorothea Levy – Hillerich. Spiele im Deutschunterricht. München: Goethe – Institut, 2004.
A.E. Graf. 6000 deutsche und russische Sprichwörter. Halle: VEB MAX Niemyerverlag, 1960.
Valentinstag – <http://de.wikipedia.org/wiki/Valentinstag>
Valentinstag – <http://ru.fotolia.com/tag/Valentinstag>

Ваши поздравления!

Редакция журнала немцев Сибири «Культура» поздравляет жителей Немецкого национального района Алтайского края с 20-летием воссоздания! Ваш район стал единственным из всех довоенных немецких районов, который вновь возродился. Огромная благодарность и низкий поклон вам за это. От всей души желаем вам мира и процветания!

Поздравляем юбиляров:

СТАРИЦЫНУ Валентину Ивановну – заведующую Квасовским филиалом немецкой культуры Любинского района Омской области;

ИОРДАНА Артура Гейнриховича и КЕРБЕРА Эдуарда Генриховича – ветеранов общественного движения российских немцев Омской области;

РАУ Григория Ивановича - заведующего Марьяновским Центром немецкой культуры Марьяновского района Омской области;

РЕЙТЕРА Бруно Генриховича – председателя Совета Немецкой национально-культурной автономии Омской области.

Желаем вам, дорогие друзья, счастья, здоровья и дальнейших успехов во имя достижения нашей общей благородной цели!

